

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования

«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

Ассоциация образовательных организаций
«Научно-образовательная теологическая организация» (НОТА)

Институт всеобщей истории РАН

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

**III Международная научно-практическая
конференция**

14–16 апреля 2022 г.

Москва
ФГБОУ ВО МГЛУ
2022

УДК 316.73(063)
ББК 71.04я431
Д44

Печатается по решению Ученого Совета
Московского государственного лингвистического университета

Научный план 2022 г., поз. 18

Под общей редакцией

доктора философских наук, профессора, академика
Российской академии естественных наук Ч. Б. Далецкого,
доктора экономических наук, доцента А. Ю. Платко

Рецензенты:

Е. В. Дзякович, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры
теории и практики общественных связей ФГБОУ ВО
«Российского государственного гуманитарного университета» (РГГУ)

Т. Д. Дмитриенко, доктор педагогических наук, профессор,
академик МАНПО, профессор кафедры методики преподавания
иностранных языков Института иностранных языков
ФГБОУ ВО «Московского педагогического государственного
университета» (МПГУ)

Д44 **Диалог** культур и цивилизаций: сб. тр. III Международной научно-
практической конференции (14–16 апреля 2022 г.). – М.: ФГБОУ
ВО МГЛУ, 2022. – 661 с.

ISBN 978-5-00120-394-0

В сборнике представлены статьи участников III Международной научно-
практической конференции «Диалог культур и цивилизаций».

Сборник включает в себя приветствия приглашенных гостей конферен-
ции, пленарные доклады ведущих специалистов в области гуманитарных
и прикладных наук и содержит статьи студентов, аспирантов и молодых уче-
ных, участвующих в конференции.

Авторские материалы охватывают следующие тематические направления:

- Философский поиск оснований языка, культуры и социума;
- Культурная идентичность в современном мире: аналитические модели, способы конструирования и формы репрезентации;
- Психология и педагогика: методология, история, теория, практика;
- Историко-культурное наследие и современные документальные источ-
ники информации в России и зарубежных странах;
- Иностраный язык в сфере профессиональной коммуникации;
- Управление интеллектуальным потенциалом в организационных струк-
турах цифровой экономики;
- Религиозная идентичность и теологический дискурс в контексте совре-
менности;
- Физическая безопасность и национальное здоровье.

УДК 316.73(063)
ББК 71.04я431

ISBN 978-5-00120-394-0

© ФГБОУ ВО МГЛУ, 2022

СОДЕРЖАНИЕ

ПРИВЕТСТВИЕ УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ.....	12
---	----

ДОКЛАДЫ УЧАСТНИКОВ ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ

Беляков Д. А.

О роли совета молодых ученых в формировании научной идентичности университета	14
---	----

Бурляй Я. А.

Роль неправительственных акторов в диалоге культур России и Латинской Америки	21
---	----

Гуревич Л. С.

«Человек» как мультимодальный субъект в постмодернистских лингвистических исследованиях	28
---	----

Далецкий Ч. Б.

Научно-образовательный диалог как средство формирования культуры и цивилизации	39
--	----

Макарычева Е. Ф.

Влияние информационных и автоматизированных сервисных систем на формирование стратегии управления доходами отеля в современном цифровом пространстве	47
--	----

Нерсесян Д. С.

Реализация принципов народной дипломатии посредством международных образовательных проектов	57
---	----

Полищук А. И.

К вопросу об иранской идентичности	63
--	----

Ремизов В. А.

Межцивилизационный диалог в фокусе современных культурных процессов..... 72

**ДОКЛАДЫ УЧАСТНИКОВ
КОНФЕРЕНЦИИ**

Авдони́на М. Ю., Жабо Н. И.

Феномен матрешки, мост и пряники: русские предприниматели на Парижской выставке 1900 года..... 76

Алаев М. В., Иванов С. М., Федоров И. Г.

Психолого-педагогические аспекты адаптации студентов первого курса к условиям образовательной среды (на примере физической культуры и спорта)..... 87

Артёмова Л. В.

Русская литература XVIII века как важный этап в становлении национального самосознания русского общества..... 100

Беседина Е. А., Буркова Т. В.

Мемориальная доска: аннотационная табличка или «документ» эпохи 107

Бобкова П. В.

Система обучения иноязычному дискурсу в магистратуре..... 118

Бонадык Н. А.

Передача отрицательных оценочных значений в диалоге восточной и западной культур..... 127

Борисова К. О., Добрынин С. В.

Тема физической красоты и здоровья в размышлениях русских интеллектуалов конца XIX – начала XX века 137

Брусиловская Л. Б.

Роль европейской культуры в самоидентификации поколения «шестидесятников»..... 142

Буденная С. Ю.

Роль социокультурного знания в подготовке современных профессиональных кадров 151

Быков А. К.	
Формирование осознанного патриотизма у студентов вузов	157
Бычков М. А.	
Ирландия и Брекзит: поиск путей развития.....	168
Васильева Е. Н.	
«Природа доктрины» Дж. Линдбека как программный текст постлиберальной теологии: основные идеи и их оценка в современной западной теологии.....	177
Витлинская Т. Д.	
Особенности обучения аудированию в контексте профессионально ориентированного иностранного языка.....	187
Власенко Н. И., Толмачева И. А.	
Билингвизм в процессе овладения иностранным языком	196
Ворожихин В. В.	
Вычислимое стратегическое управление будущим	202
Горин Д. Г.	
Трансформация идентичности в «цифровом обществе»: культура, мышление, язык	213
Горлов В. Н.	
Проблемы телевидения: от диктатуры идеологии к диктатуре рейтинга	221
Грузинов И. И.	
Опыт интерпретации исторического наследия в современной китайской идеологии.....	232
Гусева А. Х.	
О специфике научно-технического перевода поликодовых текстов	237
Жбанкова Е. В.	
К вопросу об использовании советского опыта в поддержании физического здоровья нации	245

Злотникова Т. С.	
Репрезентация советской идентичности в постсоветском культурном пространстве	252
Иванов А. М.	
Управление интеллектуальным потенциалом организаций гостиничного бизнеса для достижения стратегического превосходства в условиях цифровой экономики.....	257
Иншаков С. М.	
Украина в цивилизационных тисках	265
Кананерова Е. Н.	
Послевоенная коллективизация в западных районах БССР	271
Каюмов А. Т.	
К проблеме роли религии как фактора регуляции и стабилизации социальных процессов (на примере ислама)	281
Киктева К. С.	
Произведения англоязычной литературы и их переводы как методический ресурс.....	287
Кожухова К. Е.	
Сравнение китайской и российской стратегических культур.....	296
Кондаков И. В.	
Сергей Прокофьев: метаморфозы и константы культурной идентичности	303
Косторниченко В. Н.	
Тихоокеанский фронтир во второй половине XVIII века: сравнительный анализ испаноамериканской и российской колонизации	312
Иванов А. М., Лесникова О. В.	
Применение компетентностного подхода и национальной системы квалификаций для формирования интеллектуального потенциала и достижения стратегического превосходства в сфере гостеприимства	316

Марандыкина О. В., Егоров Д. Е.	
Массовый спорт в контексте национальной безопасности и его роль в социализации современного молодого поколения	325
Маркарянц Л. М.	
Здоровый образ жизни студентов как один из факторов повышения национальной безопасности	335
Марков А. П.	
Сценарий «антропологической регрессии» эпохи пост-модерна: замысел, стратегии, перспективы	339
Мишурова О. И.	
Место социальной ответственности в социально-политических отношениях	347
Нагаева К. Э.	
Культурологическая тематика в преподавании французского языка в магистратуре по направлению подготовки «Зарубежное регионоведение»	353
Никонов Е. В.	
Физическая культура и спорт как ключевой фактор сохранения национального здоровья.....	360
Осьминина Е. А.	
Китайская культура в осмыслении Д. С. Мережковского: философские источники	365
Палкин А.Д.	
Возможности ассоциативного эксперимента в контексте философского осмысления языкового сознания	374
Перова Е. Ю.	
Мир русской культуры сквозь призму образовательного процесса конца XX–XXI вв.	383
Подпругина В. В.	
Психологические аспекты взаимодействия и их исследования	389

Полетаева М. А.	
Образовательная миграция как способ формирования межкультурной компетентности личности.....	399
Путиловская Т. С.	
Изучение иностранного языка в мультикультурной образовательной среде	403
Ромашкина О. П., Красноженова Г. Ф.	
Перспективы развития гостиничного бизнеса РФ в условиях кризиса, вызванного антироссийскими экономическими санкциями	410
Руцинская И. И.	
Преодолевая экзотику: образ Китая в советской графике 1950-х гг.....	422
Рысакова П. И.	
Мурманск – незамерзающий порт любви: образы туристических дестинаций в эпоху медиатизации.....	428
Соловьева Ю. О.	
Популяризация правовых знаний в РФ посредством возможностей современных медиаплатформ	437
Таймур М. П.	
Антропоцентрические признаки лингвокреативности в политическом виртуальном дискурсе	447
Таунсенд К. И.	
Неромантический взгляд на историю перевода	456
Тёмкин В. А.	
Маркеры идентичности средневекового паломника и их отражение в искусстве.....	466
Троицкая Е. А.	
Представления о родителях у девочек-подростков и девушек с разными личностными особенностями.....	477
Тулубеева Е. В.	
Особенности рабочих программ по иностранному языку для бакалавров направления подготовки «Психолого-педагогическое образование» в соответствии с ФГОС ВО 3+++	482

Уварова М. А.	
Вторая империя и либеральные реформы во Франции в 1860-е годы.....	489
Феоктистова А. В.	
Роль перевода в формировании минералогической терминологии в русском языке в XVIII веке	496
Ханова А. Г.	
Периодика русского зарубежья в эпоху цифровизации.....	505
Хисматуллин С. А.	
Здоровье молодежи как социальная ценность в современном российском обществе.....	511
Черненькая С. В.	
Этика межкультурного взаимодействия в цифровом обществе	515
Черников И. А.	
Креативные индустрии в контексте российской модернизации	520
Щербак М. Б.	
Репрезентация образов неприкасаемых в кинематографе Индии	527

ДОКЛАДЫ ОБУЧАЮЩИХСЯ

Артёмов Н. С.	
Обзор информационных ресурсов Вологодской области по истории русской православной церкви	538
Балык Х.	
Фигура Иисуса Назаретянина в христианском и исламском вероучении: сравнительный анализ.....	546
Барсемова Р. Е.	
Американизация как явление современной культуры.....	556
Вашурина К. С.	
Индивидуальные качества персонала гостиницы как важная составляющая ее деятельности	562

Вишнякова Д. А.	
Анализ влияния культурных особенностей туристских потоков на деятельность гостиничного предприятия	567
Вовк Ю. В.	
Оплата научно-методического труда педагогического работника	573
Волков Д. А.	
Сохранение идентичности марокканской этнической группы в Нидерландах	578
Гасанли Д. Э.	
Политэкономический анализ взаимодействия России и Средней Азии в XX веке.....	588
Девидовская П. А.	
Взаимодействие персонала и гостей отеля в рамках межкультурной коммуникации.....	596
Исмагилов Д. А.	
Механизмы регулирования межконфессиональных отношений на территории республики Башкортостан.....	605
Косолапова М.А.	
Язык как средство этнической и культурной идентичности человека	612
Мартиросян Д. В.	
Роль ООН в урегулировании религиозных противоречий на Ближнем Востоке на примере арабо-израильского конфликта	621
Придеин В. В.	
Культовые места отдыха петербуржцев и интеллигенции в Ленинградской области	626
Рябцев Д. В.	
Александр Ильич Лизюков в истории битвы под Москвой	634

Седнева А. В.	
Развитие туризма и гостиничного бизнеса России в условиях санкционного режима	639
Солодкин А. О.	
ЧАЭС: штрихи строительства	646
Тихонова Е. С.	
Использование идеи мусульманской религиозной идентичности на примере «Исламского государства»	651
РЕЗОЛЮЦИЯ III МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ»	658

ПРИВЕТСТВИЕ УЧАСТНИКАМ КОНФЕРЕНЦИИ

Кравченко Денис Борисович

депутат Государственной думы РФ, заместитель председателя комитета Государственной думы РФ по экономической политике, руководитель российской национальной части Молодежного совета Шанхайской организации сотрудничества, член Экспертного совета при Правительстве РФ, член правления Общественного отраслевого объединения работодателей «Союз машиностроителей России» (Москва, Россия)

Уважаемые коллеги!

Рад приветствовать вас на площадке знаменитого Московского государственного лингвистического университета имени Мориса Тореза и принимать участие в III международной научно-практической конференции «Диалог культур и цивилизаций».

Это новая для меня площадка, и очень приятно видеть живой интерес ко всем аспектам деятельности отечественной экономики и промышленной политики у, казалось бы, далеких от прикладных забот находящихся в зале студентов-гуманитариев. Поздравляю всех молодых ученых, аспирантов и студентов, отмечая высокий уровень их интеллекта и эрудиции, а также активную жизненную и патриотическую позицию, что особенно важно в наших непростых условиях.

Уверен, что, несмотря на давление извне, Россия не собирается закрываться от мира, наоборот, контакты с дружескими и нейтральными к нам странами будут развиваться, и это потребует труда огромного числа переводчиков, специалистов по диалогу культур и налаживанию внешнеэкономической деятельности.

Желаю удачи университету и ученым из разных концов страны, принимающим участие в этой большой и публичной научной работе!

**ДОКЛАДЫ УЧАСТНИКОВ
ПЛЕНАРНОГО ЗАСЕДАНИЯ**

УДК 378

Беляков Д. А.

кандидат филологических наук
заведующий кафедрой отечественной
и зарубежной литературы переводческого факультета
председатель Совета молодых ученых
Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Россия)
d.belyakov@linguanet.ru

О РОЛИ СОВЕТА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ В ФОРМИРОВАНИИ НАУЧНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ УНИВЕРСИТЕТА

В статье рассматриваются основные цели и задачи, стоящие перед Советом молодых ученых (СМУ) МГЛУ, а также роль СМУ в формировании научной идентичности университета. Внимание уделяется проблемам популяризации науки, междисциплинарности и налаживанию междисциплинарного диалога как основной стратегии в работе СМУ.

Ключевые слова: идентичность; научная идентичность; диалог; коллаборация; междисциплинарный подход

Belyakov D. A.

PhD (Philology)
Head of the Department of Russian and World Literature
of the Faculty of Translation and Interpreting
Head of the Council of Young Scientists
Moscow State Linguistic University
(Moscow, Russia)
d.belyakov@linguanet.ru

THE ROLE OF THE COUNCIL OF YOUNG SCIENTISTS IN SHAPING THE SCIENTIFIC IDENTITY OF THE UNIVERSITY

The article is devoted to the main goals and objectives of MSLU Council of Young Scientists, as well as its part in shaping the scientific identity of the university. Among the issues addressed are: the popularization of science, interdisciplinary studies and the interdisciplinary dialogue as the main work strategy of the Council.

Keywords: identity; scientific identity; dialogue; collaboration; interdisciplinary approach

Наука всегда оказывается не права.
Она никогда не решит вопроса,
не поставив при этом десятка новых.

Бернард Шоу

В понятии человека заложено,
что его последняя цель должна быть недостижимой,
а его путь к ней – бесконечным

Иоганн Готтлиб Фихте

Почти два года назад, в сентябре 2020 года, решением Ученого совета был создан Совет молодых ученых МГЛУ.

В соответствии с положением о Совете речь о постоянно действующем совещательном, аналитическом и координационном органе; объединении наиболее активных магистрантов, аспирантов, соискателей, а также молодых кандидатов и докторов наук, успешно осуществляющих научно-исследовательскую деятельность по основным направлениям НИР (научно-исследовательской работы) университета.

В числе основных целей Совета: синергия усилий молодых ученых МГЛУ в разработке актуальных научных проблем и решении приоритетных научных задач; содействие профессиональному росту молодых ученых; укрепление и развитие международных связей молодых ученых; информационное обеспечение научных исследований молодых ученых; популяризация новейших достижений науки; содействие Ученому совету университета в решении проблем молодых ученых.

С самого начала было очевидно, что Совет находится в промежуточном положении. Что ему надлежит стать своего рода связующим звеном между студенческими исследовательскими кружками и «большой» университетской наукой (научно-техническим советом, диссоветами, научными журналами, аспирантурой и докторантурой, редколлегиями научных журналов и многими другими подразделениями, курируемыми ответственным проректором).

Как известно, философская герменевтика оценивает промежуточное положение как наиболее продуктивное в познавательном и твор-

ческом отношении. Действительно, познание и творчество стремительно набирали ход.

Одной из важных задач стало определение места Совета молодых ученых (СМУ) в экосистеме университета. Постепенно прояснились, как минимум, пять направлений.

Во-первых, это представительские функции, предполагающие связь членов СМУ с молодыми преподавателями и исследователями своих кафедр, факультетов и институтов.

Во-вторых, СМУ – это личный проект. Все мы пришли в Совет не для того, чтобы «наконец-то заняться делом». У каждого из нас уже есть дело и основное занятие – наука. Работа в Совете призвана обогатить этот проект: связями, идеями и т. д. Важно и то, что, развивая свой личный проект, члены Совета вносят вклад в общее дело (вспомним Аристотеля: «целое всегда больше, чем просто сумма частей»).

В-третьих, это добровольное объединение единомышленников, клуб по интересам, горизонтальное комьюнити.

В-четвертых, это история про информирование. Информирование «страны и мира» о себе, об университете, о себе в университете. А кроме того, еще и информирование самого себя – ведь члены СМУ по понятным причинам имеют возможность держать «руку на пульсе» актуальной научно-образовательной повестки.

Наконец, в-пятых, СМУ – это кадровый резерв для большой университетской науки.

Статья, подобная этой, – жанр, предполагающий рассказ о том, что сделано Советом за время его существования. Так уж повелось. Но, может быть, нам выйти за рамки этого жанра? Тем более, что умение выходить за рамки – одно из ключевых для современного исследователя (помехой тут не станут разве что рамки здравого смысла).

Все мы пишем столько отчетов, что не хочется сбиваться и здесь на бюрократический язык. Разумеется, большинства из этих отчетов нет в открытом доступе. Но можно посмотреть на наш сайт и соцсети, там есть все данные о реализованных за эти месяцы проектах. Что значительно важнее всех этих формальных показателей? Конечно же, формирование команды. Дух взаимодействия. Самоопределение и самопреодоление. Взаимообогащение идей. Поддержка друг друга. Борьба

здоровых амбиций. Попытки вжиться в аргументы партнера. Более или менее удачные. Но так или иначе привносящие новый опыт и расширяющие кругозор.

Тезис, антитезис, синтез – все строго по Гегелю. К чему ведет эта интеллектуальная диалектика? Одной из ее целей становится научная идентичность. О важности ее формирования говорят сегодня все чаще. Идентичности как самого исследователя, так и структуры, частью которой он является.

Сразу оговоримся: научная идентичность понимается нами не как вопрос определения принадлежности своих исследований к тому или иному предметному полю. О чем же тогда речь?

С одной стороны, идентичность – это наличие у человека четкого самоопределения, включающего выбор целей, ценностей и убеждений [Waterman, 1992]. С другой – переживание индивидом своего единства с какой-либо группой или своей приверженности определенному «делу» [Шнейдер, Хрусталева, 2014].

Проректор МГЛУ по науке О. К. Ирисханова в одном из недавних докладов подчеркнула, что формирование научной идентичности невозможно без прояснения четырех аспектов: внутреннего (как мы себя видим) и внешнего (как нас видят другие), а также фактического (кто мы есть) и желаемого (кем хотим стать).

Формирование научной идентичности университета – его стратегическая цель. Применительно к путям ее достижения очевиден потенциал Совета молодых ученых, принципы развития которого органично вплетены в общую стратегию развития МГЛУ.

Ведь Совет молодых ученых – это и популяризация науки, и понимание механизмов работы новых медиа, и участие в коллаборациях с другими институциями, и открытость к восприятию новых методов технологий, и междисциплинарность подходов, обусловленная междисциплинарностью самой команды, и установка на решение конкретных социальных задач. СМУ – это и своего рода новая искренность, востребованная эпохой.

Понятие диалога было и остается ключевым для социогуманитарного дискурса. Это, безусловно, касается и стратегии развития университета в целом, и принципов работы Совета молодых ученых.

Уместно вспомнить учение философа Мартина Бубера (1878–1965) о диалоге.

Бубер выделял три возможных типа диалога.

- ◆ Формальный (технический) диалог. В его основе – шаблонные речевые модели, автоматизированные вопросы, предсказуемые ответы, одним словом – очевидный вектор развития мысли.
- ◆ Монолог, замаскированный под диалог. В этом случае собеседники будто бы на равных вовлечены в акт коммуникации, но в действительности не слышат друг друга, не «вживаются» в аргументы противоположной стороны в силу узости кругозора, эгоизма или иных причин.
- ◆ Последний и важнейший тип именуется Бубером подлинным диалогом. Речь о живом взаимодействии двух эволюционирующих субъектов, обогащающих друг друга [Бубер, 1995].

Михаил Бахтин (1895–1975), крупнейший филолог XX века, близкий Буберу по духу, писал, что в основе этого подлинного, принципиально незавершённого диалога, – «последние вопросы бытия». Последние – потому что ответ на них мыслящий индивид находит в последнюю очередь, а может быть, не находит вовсе.

Поддерживать диалог первого типа для первичного установления научных и творческих контактов, избегать диалога второго типа и делать стратегическую ставку на диалог третьего типа – таковой представляется диалогическая стратегия развития нашего научного сообщества.

Как исследователь автор данной статьи занимается изучением литературы, прежде всего немецкоязычной. Одна из исследуемых тем – феномен *Bildungsroman* (роман воспитания) – особый жанр, у истоков которого стоит Гёте. Согласно теории *Bildungsroman* его герою надлежит пройти три этапа. Первый – найти в себе скрытый талант, второй – развить его в максимально возможной степени и, наконец, третий – поставить этот раскрытый талант на службу общественному прогрессу: реализуя себя, развивать целое. Идет ли здесь речь только о Гёте? Или также об идентичности молодых исследователей? Вопрос риторический.

Что еще видится в их культурном (научном?) коде? Кто они?

Те, для кого традиции и инновации – не оппозиция, а коррелятивная пара. Те, кто не подгоняет решение под ответ, так как понимает, что в мире подлинной социогуманитарной науки ответа в конце учебника нет и быть не может. Что глубинный вопрос тут порой ценнее, чем однозначный ответ.

Те, кто требователен к другим, но прежде всего – к себе. Они идеалисты, умеющие при этом мыслить критически. Они органично сочетают классические методы исследования и современные цифровые технологии. Умеют видеть целое за разрозненными фрагментами. Имеют навык считывать релевантные подтексты и контексты.

В одном из недавних выступлений ректор МГЛУ И. А. Краева остроумно напомнила о другом распространенном ранее значении аббревиатуры СМУ – строительно-монтажное управление. Что символично, поскольку Совет молодых ученых – это также про созидание, причем конкретное.

Столько раз в этой статье использовано слово «молодой». Так много, что следующее признание может прозвучать удивительно. Так вот: сам термин «молодой» применительно к науке представляется довольно искусственным и работает скорее в министерской документации, отчетах и планах, нежели в реальной жизни. Настоящая наука всегда молода. И это не вопрос даты рождения. Это вопрос открытости ума всему новому – неотъемлемой черты мироощущения каждого настоящего исследователя. Более того, все чаще кажется, что «молодежная» наука тем больше является наукой, чем меньше она позиционирует себя как «молодежная», чем меньше она в таком – отчасти несерьезном, «игровом» (как будто бы переносном) – качестве воспринимается окружающими.

В заключение остается пожелать всем нам подлинного образования и подлинных исследований! Образования от слова *образ* – образ лучшего себя. А исследований – от слова *след*, след истины. На который все мы в конечном счете стремимся выйти. И который невозможен без диалога культур и цивилизаций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бубер М. Два образа веры: пер. с нем. М. : Республика, 1995.

Шнейдер Л. Б., Хрусталева В. В. Ассоциативный тест как основа конструирования методики изучения социальной идентичности // Вестник РМАТ. 2014. № 3. С. 83–96.

Waterman A. S. Identity as an aspect of optimal psychological functioning / editors Adams G. R. Adams, Gullota T. P., Montemayor R. editors. Newbury Park, CA: Sage, 1992.

УДК 327

Бурляй Я. А.

Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ
директор Центра ибероамериканских программ
заслуженный профессор
Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Россия)
embaru@yandex.ru

РОЛЬ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ АКТОРОВ В ДИАЛОГЕ КУЛЬТУР РОССИИ И ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

В статье рассматривается влияние различных неправительственных акторов (ТНК, НПО, СМИ, региональных объединений) на диалог мировых культур. На конкретных примерах показывается участие некоммерческих и общественных организаций, Русской православной церкви и отечественных вузов в диалоге российской и латиноамериканской культур. Вносятся практические предложения в целях активизации их деятельности.

Ключевые слова: неправительственные организации; Интернет; Русская православная церковь; вузы

Burliay Ya. A.

Ambassador Extraordinary and Plenipotentiary of the Russian Federation
Director of the Center for Iberoamerican Programs
Honored Professor
Moscow State Linguistic University
(Moscow, Russia)
embaru@yandex.ru

ROLE OF NON-GOVERNMENTAL ACTORS IN THE DIALOGUE OF RUSSIAN AND LATIN AMERICAN CULTURES

The article deals with the influence of different non-governmental actors on the dialogue of world cultures. The participation of non-commercial organizations, Russian Orthodox Church and Universities in the dialogue between Russia and Latin American cultures is shown on practical examples. Proposals are made to intensify their activities.

Keywords: non-governmental organizations; Internet; Russian Orthodox Church; Universities

Роль современных неправительственных акторов в диалоге мировых культур непрерывно возрастает. В нынешнем веке они оказывают значительное влияние на разнообразные культурные процессы, успешно конкурируют с официальными структурами в деле выработки международных приоритетов. Более того, зачастую им удается брать на себя те функции, которые ранее были закреплены за государственными учреждениями и ведомствами, а в ряде случаев – даже получать независимый статус в мировой политике.

Среди наиболее влиятельных неправительственных факторов диалога культур выделяются транснациональные корпорации (*далее* – ТНК) и средства массовой информации экономически развитых мировых держав. Это происходит в силу обладания ими мощных ресурсов, которые используются для достижения поставленных целей.

Очевидно, что транснациональные корпорации в силу их контроля над немалыми денежными ресурсами способны оказывать значительное воздействие на диалог мировых культур. Естественно, что при этом они ориентируются исключительно на собственные экономические интересы. В XXI веке количество ТНК в мире превысило восемьдесят тысяч, а их глобальные активы достигли двадцати триллионов долларов [Цыганков, 2014].

Международные неправительственные организации, созданные ради содействия культурному сотрудничеству, включают в себя различного рода ассоциации и союзы, а также отдельных выдающихся представителей творческой и научной интеллигенции из разных стран мира. В рамках межкультурного взаимодействия они мобилизуют общественное мнение, используя современные информационно-коммуникационные технологии.

Роль средств массовой информации в диалоге культур, в том числе там, где дело касается преподавания иностранных языков, трудно переоценить. Современные СМИ, которые активно задействуют глобальные компьютерные сети, создают благоприятные возможности для участия в процессе межкультурной коммуникации представителей разных стран и народов. Как отмечают отечественные исследователи, «благодаря миру слов, звука и изображения люди стали с легкостью преодолевать культурные барьеры» [Антропова, 2017, с. 205].

Несколько слов хотелось бы сказать и о значении межрегионального сотрудничества для развития культурных связей в XXI веке. Их участниками могут быть даже отдельные города и административные структуры. Это особенно характерно для государств с федеративным устройством правления, а наиболее яркие примеры можно найти в деятельности Ассоциации породненных городов.

Рассмотрим конкретные примеры участия неправительственных акторов в диалоге культур России и Латинской Америки. Российские ТНК, работающие на латиноамериканском направлении («Лукойл», «Русал» и др.), не отметились пока в своем участии в диалоге культур. Однако практика показывает, что они охотно присутствуют на различного рода мероприятиях, которые благоприятствуют их имиджу в странах базирования. Думается, что отсутствие органа, который координировал бы действия неправительственных акторов в деле межкультурного взаимодействия с Латинской Америкой, не позволяет использовать потенциал российских ТНК в этих целях.

Что касается неправительственных организаций, то здесь дело обстоит несколько лучше. В годы перестройки был создан Фонд «Новый Свет – 500», явившийся пионером в деле поддержания культурного диалога с Латинской Америкой на уровне межрегиональных и профессиональных связей. К сожалению, его деятельность длилась недолго, и к началу нового века он прекратил свое существование.

В 1996 году группа энтузиастов, в которую входил и автор этих строк, начала прорабатывать вопросы о создании Российско-Латиноамериканского банка. Впоследствии эта инициатива обрела форму «некоммерческого партнерства», которое было зарегистрировано в Министерстве юстиции Российской Федерации под именем «Национального комитета содействия экономическому сотрудничеству со странами Латинской Америки». Первым президентом НК СЭСЛА, как его стали сокращенно называть, был избран Иван Степанович Силаев, бывший до этого российским премьер-министром. Затем в течение долгих лет его возглавлял генерал армии В. И. Старовойтов, который прежде руководил Федеральным агентством правительственной связи и информации при Президенте России.

НК СЭСЛА действует и поныне, исправно помогая иностранным послам в организации рабочих встреч для тех бизнесменов, которые отваживаются прибыть в Россию ради поиска импортеров продукции латиноамериканской сельскохозяйственной и промышленной продукции. Хотя деятельность Комитета и затрагивает главным образом торгово-экономическое сотрудничество, он играет роль своеобразного мостика между Латинской Америкой и Россией, а его значение для поддержания диалога двух культур трудно переоценить. Вот уже четверть века НК СЭСЛА служит делу сближения народов наших стран.

Одновременно с созданием НК СЭСЛА проходил процесс преобразования Советского комитета солидарности с народами Латинской Америки, который в течение многих лет служил интересам Коммунистической партии Советского Союза и подчинялся Международному отделу ЦК КПСС. Благодаря возглавившему его в 1989 году видному отечественному латиноамериканисту Карену Хачатурову СКСНЛА был преобразован в Российский комитет сотрудничества с Латинской Америкой и внес свой вклад в ознакомление народов субконтинента с российской культурой. РОКЛА, как теперь его называют, продолжает функционировать, хотя его присутствие в диалоге двух культур почти незаметно.

В 2005 году была официально зарегистрирована Ассоциация исследователей ибероамериканского мира, которая учреждена по инициативе Института Латинской Америки Российской Академии наук. К сожалению, ее деятельность не получила международного звучания.

Российские ученые и практики-латиноамериканисты вносят определенный вклад в процесс активизации диалога двух культур. Свою роль играют в этом деле Ибероамериканский культурный центр Всероссийской государственной библиотеки, Ибероамериканский центр МГИМО, Мезоамериканский центр РГГУ и Центр ибероамериканских программ МГЛУ.

Наибольшую активность в деле продвижения российской науки и образования в Латинскую Америку проявляет Центр научно-технического и инновационного сотрудничества с ибероамериканскими странами Югозападного государственного университета, который

прославился «запусками» спутников, сделанных руками перуанских и эквадорских студентов. Директор центра, неутомимый Николай Фролов объехал почти всю Южную Америку и добился заключения соглашений с университетами 12 стран субконтинента.

Большую работу по продвижению региональных достижений в сфере науки и образования проводит Международный центр образования и ибероамериканских исследований Южного Федерального университета, который организует выставки в странах Латинской Америки, привлекая к участию в них другие российские вузы. Директор центра Наталья Карповская создала Виртуальный филологический университет «Мир без границ», партнерами которого являются испанские, мексиканские и парагвайские вузы.

Наиболее представительные научные конференции с участием видных отечественных и зарубежных экспертов организует в России Центр ибероамериканских исследований СПбГУ. Проводимые им ежегодно международные форумы «Россия и Иberoамерика в глобализирующемся мире» являются самыми представительными в нашей стране мероприятиями, посвященными социально-политическим и экономическим процессам Латинской Америки, ее истории и культуре. В них участвуют известные политики, ученые и журналисты латиноамериканских стран и России.

В последние годы заметно активизировалась деятельность в Латинской Америке Русской православной церкви Московского Патриархата. Серьезный импульс этому был дан в результате проведения в 2008 году в семи государствах региона Дней русской духовной культуры. Они свидетельствовали об укреплении духовных и культурных связей между Россией и странами Латинской Америки. В духовных и светских акциях программы приняли участие 200 человек. По всему маршруту с участниками следовала икона Божьей Матери «Державная», были организованы выставки «Православная Русь» и «Современная Россия». Хор московского Сретенского монастыря дал одиннадцать концертов в 10 городах, которые смогли послушать тысячи латиноамериканцев.

Диалог культур с участием Русской православной церкви был поставлен на постоянную основу с назначением в 2016 году Его

Преосвященства Игнатия Митрополитом Аргентинским и Южно-американским, который вел с 2008 года свой блог в Интернете¹. Он не только начал диалог в социальных сетях со всеми латиноамериканцами, интересующимися русской духовной и светской культурой, но и обязал поступать также настоятелей всех приходов РПЦ в Южной Америке. На вопрос автора: «Когда же он успевает заниматься этим?» Его Преосвященство ответил: «Ежедневно, после 24:00».

И тут мы подходим к важнейшему вопросу о роли российских СМИ в диалоге культур. Оставим в стороне государственные органы телевидения и радиовещания, добившиеся заметных успехов в своем деле. Что же касается неправительственных акторов, деятельность которых анализируется в данной статье, то тут прогресса не видно. А ведь это направление скрывает в себе серьезный неиспользованный потенциал.

Межрегиональное сотрудничество, хотя бы по линии породненных городов, в нынешнем веке тоже заглохло. Чуть ли не единственным светлым пятном в этой области стало подписание в 2013 году в Кремле в присутствии глав двух государств Соглашения о сотрудничестве между мэриями Владивостока и Гуаякиля в ходе второго официального визита президента Эквадора в Россию.

В заключение хотелось бы поделиться некоторыми соображениями по поводу шагов, которые следовало бы предпринять в целях повышения роли неправительственных акторов в диалоге культур России и Латинской Америки.

Во-первых, желательно учредить Международную автономную некоммерческую организацию, которая координировала бы деятельность всех неправительственных организаций на этом направлении. Для ее успешного функционирования стоит создать специальный фонд, в котором могли бы участвовать все заинтересованные партнеры.

В социальных сетях на базе одного из российских вузов, имеющих в своей структуре кафедру журналистики, следует начать диалог с латиноамериканской общественностью по проблемам взаимодействия российской и латиноамериканской культур.

¹ Игнатий, митрополит // Официальный сайт Московского Патриархата. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/31691.html>

И наконец, стоит проработать вопрос о формировании Российско-латиноамериканского тихоокеанского партнерства по образцу столь успешно действующего, несмотря на все санкции, Российско-американского тихоокеанского партнерства.

Думается, что все перечисленные шаги поспособствуют консолидации позиции России на латиноамериканском субконтиненте.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антропова А. Г.* Место средств массовой информации в процессе межкультурной коммуникации // Молодой ученый. 2017. № 15 (149). С. 204–207.
- Цыганков П. А.* Политическая динамика современного мира. М. : Изд-во МГУ, 2014.

УДК 81-112.2

Гуревич Л. С.

доктор филологических наук, профессор,
профессор кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации
Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Россия)
gurevich_ls@mail.ru

«ЧЕЛОВЕК» КАК МУЛЬТИМОДАЛЬНЫЙ СУБЪЕКТ В ПОСТМОДЕРНИСТСКИХ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

В статье рассматривается, как эпоха постмодернизма (постструктурализма), существенно расширившая границы лингвистического научного знания, вывела лингвистику на уровень зонтиковой дисциплины, вбирающей проблематику, предметы и объекты научного исследования, исследовательские данные и методологии смежных гуманитарных направлений. Автор обращается к биопсихосоциальной сущности человека как объекта научного исследования, предопределившей выход лингвистики на уровень экстралингвистического анализа.

Ключевые слова: мультимодальный субъект исследования; постмодернизм в лингвистике; постструктурализм; антропоцентризм

Gurevich L. S.

Doctor of Philology (Dr. habil), Professor
Professor at the Department of Linguistic and Professional Communication
Moscow State Linguistic University
(Moscow, Russia)
gurevich_ls@mail.ru

“THE HUMAN BEING” AS A MULTIMODAL SUBJECT IN POST- MODERNIST LINGUISTIC RESEARCH

The article considers postmodernism era, having significantly expanded the boundaries of the linguistic scholarly knowledge, has brought Linguistics to the level of “umbrella disciplines” accumulated the related disciplines problems, subjects and objects of scientific research alongside with their methodologies. The author studies human being’s bio-psycho-social nature as the subject of scientific research has conditioned the Linguistics’ access to the level of an extra-linguistic analysis, requiring a search of new problems solving methods and modern scientific research approaches elaboration.

Keywords: multimodal research subject; Postmodernism in linguistics; Poststructuralism; anthropocentrism

Эпоха постструктурализма и постмодернизма в гуманитарных исследованиях, обозначенная во многих научных источниках как смена научных парадигм, ознаменована рядом глобальных изменений в научных подходах, методологии, в научном анализе эмпирического материала, что не могло не сказаться и на изменении интерпретации базовых понятий и явлений в современных исследованиях дискурса. Антропоцентрическая составляющая дискурсивного анализа также претерпела ряд серьезных изменений, чему и посвящено данное научное исследование.

Одной из распространенных тенденций современности в развитии гуманитарных наук является стремление к всё более углубленному изучению и анализу природы человека во всем многообразии ее форм и проявлений, и характерной чертой современной лингвистики становится активный поиск языкового моделирования человека в объективно существующей взаимосвязи с другими науками о человеке [Малинович, 2003].

Изучение природы человека восходит еще к древней философской традиции, к трудам Платона и Аристотеля, которая продолжается в работах Г. Гадамера, Ж. П. Сартра, М. Хайдеггера, К. Ясперса и др. Основной значимой отличительной чертой гуманитарного знания XX века является то, что на смену дифференциальному подходу к исследованиям и четкому разграничению наук приходит интегративный подход в анализе научных данных, и центральным объектом исследований становится ЧЕЛОВЕК. В отличие от раннего антропоцентризма, современные гуманитарные науки изучают человека не только как объект исследования. Все знания о мире преломляются через призму различных человеческих ипостасей: Человека Говорящего, Человека Мыслящего, Человека Социального и пр. Гуманитарное знание выходит за пределы четко очерченных границ отдельных наук, сливаясь в едином пространстве когнитивного направления научного знания, образуя кластер гуманитарных дисциплин под общим названием «когнитивные науки». Этот кластер наук, по определению Е. С. Кубряковой, называют, «зонтиковыми» науками – они объединены под крышей одного знака единым объектом исследования – человеком, и единой методологической основой научного описания – концептом

[Кубрякова, 2004]. Особое внимание в исследованиях уделяется биопсихосоциальной природе человека, которая в функциональном аспекте проявляет себя нерасчлененно во всей совокупности характерологических особенностей человеческой сущности, когда практически невозможно определить, где Человек проявляется как психическая сущность, а где – как социальная, на каком этапе доминирует его природная биологическая сущность и т. п. Таким образом, когнитивные исследования, выходя за пределы четко очерченных гуманитарных наук, открывают новую страницу постмодернистского периода гуманитарного знания.

Для более отчетливого понимания того, что подразумевается под постмодернизмом (или постструктурализмом), обратимся к истокам развития данного направления.

Согласно данным исследования этапов развития структурализма постструктурализм зародился еще в период расцвета структурного направления в гуманитарном знании, в связи с чем исследователи относят его к третьему этапу развития структурализма. Постструктурализм начинает активно развиваться в 1970 году, придя на смену двум основным ступеням развития структуралистского анализа: становления (конец XIX и первая треть XX вв.) и периода его расцвета (1950–1970-е годы) [Ирхин, 2011].

В течение более одного столетия структурное направление сформировало исследовательские поля в политической науке на уровнях макро-, мезо- и микрополитики, включив в анализ иерархию систем и подсистем политических процессов и явлений, а также системные взаимоотношения политических субъектов и акторов. Системные элементы социума и динамические процессы, связанные с особенностями структуризации общественного сознания, представлены в рамках социологических исследований. В области лингвистики рассматриваются структурные особенности языка и синхронические отношения между элементами системы. Особое внимание здесь также уделяется поверхностной и глубинной структурам текста, лингвистической прагматике и символизму, что в дальнейшем и положило основу развития постструктуралистского направления в лингвистике [там же]. По утверждению А. Я. Гуревича, уход от исторических традиций

и увлечение структурализмом сопровождались «целым рядом противостояний своеобразных оппозиционностей бинарным оппозициям», а в рамках самих оппозиций интерес проявлялся не к противостоянию элементов, а к их взаимосвязанности, дополнительности. Так появлялись взаимодополняющие «языки» знакового и иконического, письменного и звукового и т. п. [Гуревич, 1996, с. 347]. В этом критики структурализма видят слабую сторону данного научного направления, утверждая, что структурализм не имеет ни собственной доктрины, ни общего оппонента, в связи с чем его нельзя назвать ни школой, ни течением. «Структура», в их понимании, является «старым термином (анатомистского и грамматистского происхождения)», и само направление структурализма можно определить лишь по двум базовым парам понятий, таким как «означаемое – означающее» и «синхрония – диахрония». Структуралистский подход представляет динамичные процессы в обществе и языке в виде обобщенного теоретического статического конструкта, всё то, что по каким-то причинам не вписывается в жесткую структуру системного описания, объявляется внесистемным значением, исключением из правил, которые необходимо принять как данность. Все атипичные с точки зрения системы ситуации игнорируются, или же им уделяется мизерное внимание. Одной из самых весомых причин зарождения постструктуралистского направления в лингвистике стало стремление ученых исследовать эти пограничные системные и внесистемные примеры функционирования языка, оказавшиеся за пределами четко обозначенных структурных связей.

Как положительный фактор развития лингвистического знания в рамках структуралистского направления критики признают его способность создания новой категории объекта, который «не принадлежит ни к области реального, ни к области рационального, но к области функционального, и тем самым вписывается в целый комплекс научных исследований, развивающихся в настоящее время на базе информатики» [Барт, 1989, с. 259]. Структурализм, таким образом, закладывает основы для изучения динамических, подвижных структур, их функциональных характеристик и взаимодействия переменных компонентов отдельно взятых процессов.

Функциональный подход к изучению языковых явлений и человеческой коммуникации дал возможность исследования контекстуально обусловленных значений, которые не всегда эквивалентны значениям статичных языковых структур, а иногда и вовсе способны актуализировать противоположные смыслы в живой коммуникации под влиянием экстра- и паралингвистических компонентов высказывания. Всё, что выходит за рамки чисто языковой, системной структуры становится зоной научного интереса постструктуралистского направления. Прагматика живой речи и декларативная прагматика (*enunciative pragmatics*) [Angermuller, 2014] становятся важным объектом научного анализа в постструктуралистских дискурсивных исследованиях.

Обращение к ЧЕЛОВЕКУ как к объекту научного исследования и даже больше – как к системе координат, через призму которой исследуются все явления реального мира, так или иначе связанные с человеческой деятельностью, выводит гуманитарные исследования на новый уровень интегрального осмысления. Как уже было отмечено ранее, основной причиной такого подхода является внутренняя сущность исследуемого объекта, его биопсихосоциальная природа.

Холистический, или интегративный, подход в лингвистике выявляет такую особо значимую характеристику языковой системы, как несводимость свойств самой системы к сумме свойств ее компонентов. Это означает, что изучение системных свойств языка вне его функционирования в качестве комплексного сложного явления не может дать полного и исчерпывающего представления о человеческой коммуникации в целом и об отдельных актуализируемых в живой речи смыслах в частности.

О произошедшем смещении фокуса в языковых исследованиях с направления «язык в себе и для себя» в сторону направления «человек в языке» свидетельствует появление в лингвистике новых парадигмальных черт, таких как: 1) экспансионизм; 2) антропоцентризм; 3) функционализм, или, скорее, неофункционализм; 4) экспланаторность и др. [Кубрякова, 1995].

Следует отметить, что лингвисты и философы XX века также отмечали наличие биопсихосоциальной природы человека, но отказывались от ее комплексного исследования по вполне убедительным

причинам. Например, по утверждению Ф. де Соссюра, такое исследование могло бы предстать перед лингвистом как «груда разрозненных явлений» и «поступая так, мы распахиваем дверь перед целым рядом наук: психологией, антропологией, нормативной грамматикой, филологией и т. д., которые мы строго отграничиваем от лингвистики» [Соссюр, 1977, с. 47–48]. Л. Блумфилд по этому поводу писал: «...нам непонятен механизм, заставляющий людей в определенных ситуациях говорить определенные вещи, или механизм, заставляющий их надлежащим образом реагировать, когда те или иные звуки речи достигают их слуха...». Их изучение в применении к языку означало бы переход в другую область науки, лингвистическую психологию, но, поскольку мы имеем разделение научного труда, лингвист имеет дело только с речевым сигналом, и «он недостаточно компетентен, чтобы заниматься проблемами физиологии или психологии» [Блумфильд, 2002, с. 46].

Однако, несмотря на осознанное отрицание антропологического подхода к изучению языка, жесткое неприятие человеческого фактора в языковых исследованиях начинает постепенно ослабевать. Получив свое развитие в работах таких известных ученых XIX–XX столетий, как Э. Бенвенист, В. фон Гумбольдт, Р. И. Павленис, А. А. Потебня, Ю. С. Степанов и др., «антропоцентрическая парадигма» наметила серьезный сдвиг в сторону исследования прагматики речи, субъективности говорящего, глаголов антропоцентрической семантики, перформативности и т. п. [Степанов и др., 1993]. В языковые исследования включают новые понятия «я-концепции» (А. Маслоу) и «языковой личности» (Ю. Н. Караулов). В когнитивных исследованиях разрабатывается семантическая модель Наблюдателя [Апресян, 1995; Степанов, 2003], вводится понятие «когнитивное пространство» [Peverelli, 2000].

Новая исследовательская методология через призму когнитивного пространства Говорящего предлагает один из альтернативных вариантов исследования мультимодальной сущности ЧЕЛОВЕКА с точки зрения интегративного подхода. По определению когнитивное пространство представляет собой полиструктурное образование, включающее в себя когнитивные, семантические, семиотические, прагматические,

психолингвистические, психофизиологические конститuentы, которые, с одной стороны, обеспечивают его многоуровневую сложную организацию, а с другой стороны, служат фильтрами (или векторами преломления) в передаче или интерпретации входящей информации в процессе коммуникации. Интерпретанта, являющаяся подвижным компонентом коммуникации, становится ключевой фигурой в определении смысла высказывания в живой коммуникации, предлагая многочисленные варианты интерпретации смысла в зависимости от работы фильтров и векторов преломления информации когнитивных пространств Говорящего и Слушающего. Необходимость такого подхода к исследованию человеческой коммуникации была продиктована синергетическим характером взаимодействия Говорящего – Слушающего, в котором Говорящий структурирует высказывание, пропуская информацию через фильтры собственного когнитивного опыта, а Слушающий интерпретирует смысл входящей информации через индивидуальные векторы преломления собственного когнитивного пространства. В интерпретацию высказывания входит «считывание» металингвистических и семиотических знаков, дающих Слушающему подсказку, как интерпретировать то или иное высказывание. Интерпретативный компонент смысла приобретает особую значимость в определении общего смысла высказывания, поскольку все то, что сказано, не обязательно является тем, что подразумевается, и наоборот.

Выход научного лингвистического анализа за пределы собственно структуры языка открывает перед исследователем широкое поле контекстуальных, реляционных и культурных процессов, оказывающих огромное влияние на формирование смысла высказывания (но не в абстрактном смысле, а в преломлении через призму индивидуально-когнитивного пространства Говорящего), включенных в парадигму постструктуралистского лингвистического анализа.

Постмодернистская (постструктуралистская) лингвистика, способная ответить на вопросы, выходящие за пределы четко очерченных границ структурной лингвистики, столкнулась с рядом проблем, о которых предупреждали классики структурализма. В частности, когда когнитивная лингвистика заявила об исследовании ментальных структур (фреймов, концептов, скриптов, сцен, сценариев и когни-

тивных моделей действий), она автоматически попала в зону психологических и нейрофизиологических наук. На этом этапе мы отмечаем методологическое расхождение в существующих современных исследованиях. Наметилось расслоение в методологических подходах, причем оба направления отличаются рядом противоречивых и неприемлемых с точки зрения науки характеристик. Концептуальные исследования проводятся либо по аналогии методик лексико-семантических, либо функционально-семантических полей с выявлением центра, периферии, ядерных и периферийных компонентов концепта, что было свойственно классической модели полевого анализа структурной лингвистики. Отсюда возникает закономерный вопрос: что же тогда нового внесло направление концептуального анализа и в чем их различие с полевой структурой.

Второе направление в концептуальных исследованиях очень часто выводит исследователя полностью за пределы лингвистики. Анализируя ментальные представления социума о том или ином явлении окружающего мира, исследователи часто увлекаются описанием и анализом самих явлений, забывая о том, что предполагается лингвистический анализ. Например, исследуя концепт огня, автор исследования дает подробное описание того, как можно его разжечь, какие физические сущности процесса (дрова, спички, солома, бумага и т. п.) могут быть использованы для разведения. Исследование никак не привязывается к системе языка, и не объясняется, почему данные компоненты могут быть включены в ментальные представления социума, как они работают на уровне ассоциаций, какие из компонентов включаются в продуктивные модели метафорических конструкций. Максимальное, что приводится в работе, – это количественные данные по употреблению данных компонентов в речи. Не дается ничего из того, что указывало бы на принадлежность к ментальной репрезентации концепта и могло бы оправдать его существование как интегративной ментальной модели вообще. Данное замечание касается и других разновидностей ментальных моделей.

По сути, лингвистическое исследование предстает перед нами в виде разрозненной мозаичной репрезентации компонентов различного свойства: 1) чисто лингвистические единицы (дефиниции, семан-

тические компоненты, коннотации); 2) экстралингвистические компоненты (ассоциаты, интерпретанты, лингвокультурные коннотации, культурные и языковые универсалии); 3) паралингвистические компоненты речи (фонационные, кинетические, графические), которые часто игнорируются исследователями. Отсутствие единой гармоничной структуры лингвистической модели порождает сомнение в валидности данного научного подхода.

Зонтиковый характер когнитивной лингвистики обусловил инкорпорирование методик смежных дисциплин и их исследовательских данных в лингвистический анализ. При отсутствии четких границ исследовательских компетенций наблюдается частый перенос знаний смежных дисциплин, что приводит к достаточно спорному описанию лингвистических реалий, которое иногда сложно назвать научным. Сбываются пророчества и предупреждения Ф. де Соссюра, Л. Блумфильда и других классиков лингвистики, согласно которым попытки лингвистов давать научный психологический, культурологический, социологический и пр. анализ выглядят как псевдонаучные доктрины и антинаучный подход.

Дискурсивные исследования отечественной и западной лингвистических школ разошлись: западный дискурс-анализ, представленный двумя методологическими базовыми направлениями качественных и количественных исследований, расширился до необозримых пределов смежных дисциплин, обозначив необходимость выделения отдельных исследовательских направлений политического, экономического, социального и др. типов дискурсивных исследований. Российская школа дискурс-анализа обозначила в своем развитии две противоположные тенденции: аналогичное западному расширение спектра исследовательского интереса в областях смежных гуманитарных наук и дискурс-анализ, близкий по методике научного описания к лингвистике текста.

Заключение

Антропоцентрический подход в постмодернистской (постструктуралистской) лингвистике приобрел совершенно иное звучание, добавив к анализу внутрилингвистических антропоцентричных

компонентов семантики слов анализ экстралингвистических характеристик ЧЕЛОВЕКА как биопсихосоциального объекта научного исследования. Это позволило существенно расширить границы научного интереса лингвистического знания и привело к активному развитию новых исследовательских методологий.

Вместе с тем данный переход обозначил ряд проблем, требующих пересмотра многих важных процедур научного исследования. Возникла необходимость разработки интегративной теории языка, позволяющей дать валидное научное описание лингвистических и связанных с ними экстралингвистических феноменов, которая бы позволила установить четкие границы объекта и субъекта исследования, разработать исследовательские методологии, способные дать объективное научное описание с учетом новых реалий зонтиковой структуры когнитивной лингвистики.

В дискурс-анализе в свете новых тенденций наметился плавный переход данного направления в социо-дискурсивные исследования с прогнозируемой тенденцией полного перехода в область социологических исследований.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян Ю. Д.* Избранные труды. М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография.
- Барт Р.* Структурализм как деятельность. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М. : Прогресс, 1989.
- Блумфилд Л.* Язык / изд. 2-е, стереотип. М.: Едиториал, УРСС, 2002.
- Гуревич А. Я.* Историк конца XX столетия в поисках метода. Одиссей. Человечество в истории. М. : Наука, 1996.
- Ирхин Ю. В.* Потенциал постструктуралистских идей и дискурсов для политического анализа // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. 2011. Т. 7. № 1. С. 17–38.
- Кубрякова Е. С.* Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) // Язык и наука конца XX века. 1995. Т. 20. С. 144–238.
- Кубрякова Е. С.* Язык и знание. На пути получения знаний о языке. Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М. : Языки славянской культуры, 2004.

- Малинович Ю. М.* Антрополигическая лингвистика как интегральная наука // Антропологическая лингвистика: Концепты. Категории. 2003. С. 7–28.
- Соссюр де Ф.* Труды по языкознанию / пер. с франц. А. А. Холодовича. М. : Прогресс, 1977.
- Степанов Ю. С.* [и др.] Философия языка: в границах и вне границ. Международная серия монографий. Харьков : Око, 1993. Т. 1.
- Степанов Ю. С.* Методы и принципы современной лингвистики / 4-е изд., стереотип. М. : УРСС, 2003.
- Angermuller J.* Poststructuralist discourse analysis: subjectivity in enunciative pragmatics. Palgrave Macmillan, 2014.
- Peverelli J. P.* Cognitive space: A Social Cognitive Approach to Sino-Western Cooperation. Delft : Eburon, 2000.

УДК 008

Далецкий Ч. Б.

доктор философских наук, профессор
директор Института гуманитарных и прикладных наук
Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Россия)
dcb0059518@mail.ru

НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ДИАЛОГ КАК СРЕДСТВО ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ И ЦИВИЛИЗАЦИИ

Статья посвящена вопросам современного осмысления диалога организаторов образования и науки в пространстве динамики культуры и цивилизации.

Ключевые слова: образование; философия образования; наука; философия науки; диалог; авторитет профессора; пространство образования; культура; цивилизация; риторическое искусство; требования к лексике; барьеры научной и образовательной коммуникации

Daletskiy Ch. B.

Doctor of Philosophy (Dr. habil), Professor
Moscow State Linguistic University
(Moscow, Russia)
dcb0059518@mail.ru

SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL DIALOGUE AS A MEANS OF FORMING CULTURE AND CIVILIZATION

The article is devoted to the issues of modern understanding of the dialogue between the organizers of education and science in the dynamics of culture and civilization space.

Keywords: education; philosophy of education; science; philosophy of science; dialogue; professor's authority; education space; culture; civilization; rhetorical art; vocabulary requirements; barriers of scientific and educational communication

Процесс формирования культуры и цивилизации находится в диалектической взаимосвязи на уровнях научного и образовательного диалогов. Виртуальность и относительность гуманитарного знания в научно-популярной и литературной форме маскирует сложность процесса освоения его предметным содержанием. Эстетические

способности специалиста-гуманитария в изложении создают иллюзию простоты восприятия и осмысления материала. Попытка наладить диалог в коммуникативном пространстве гуманитарного знания требует огромных морально-нравственных усилий и идентификации с носителем воображаемых ассоциаций.

Образование как «процесс усвоения знаний, обучение, просвещение» (из словаря Ушакова) – это в первую очередь процесс обучения учеников учителем, но это и результат обучения в форме знаний, навыков и умений. Пифагор отмечал, что именно образованием отличаются люди от животных, эллины – от варваров, свободнорожденные – от рабов, философы – от простых людей.

Динамика взглядов на образование наблюдается постоянно: от передачи простейших бытовых операций в форме бортничества, охоты и приготовления пищи; умения считать, читать, писать и торговать; транслировать указания начальства и создавать иллюзию руководства; и собственно представление целей высшего образования – сбор информации, ее анализ и выработка системы управления массы людей. Компетентностный подход замаскировал цели образования формами профессиональной деятельности – сельскохозяйственной, технической, педагогической, даже научной.

Современное образование как система транслирования достижений науки отличается высокой динамикой протекания образовательных процессов и высокой инфляцией результатов образования, о чем утверждает Л. А. Петручак, проректор МГЛУ по образовательной деятельности. Высшее образование представляет собой переход с деятельностного уровня на понятийный, мировоззренческий, симеотический.

Оскар Уайльд писал, что нельзя менять направление ветра, но, чтобы достичь цели, всегда можно поднять паруса. В этих словах величайший смысл образования. Таким образом, образование как процесс обучения и воспитания, трансформируется в мировоззренческую систему и составляет философию образования посредством наполнения содержания смыслом понятий и ассоциаций. В образовательных учреждениях высшего образования происходит дифференциация образования и науки. Механистическое внедрение идей

Болонского процесса, ориентированного на западную систему образования, привело к попытке уплотнения пятилетнего содержания в рамки четырех лет за счет гуманитарной (социальной) составляющей, что в большей степени и является показателем высшего (понятийного, ассоциативного) образования.

Помимо уплотнения содержания, образование переполнилось научным компонентом (курсовые работы, выпускные квалификационные работы с требованием пятидесятипроцентной оригинальности текстов). Далеко не все в состоянии уже на первом курсе написать научную работу, не зная лексики и содержания учебной дисциплины, структуры, философии, логики. На уровне простого опроса студентов выясняется примитивное представление о содержании научной деятельности без использования таких слов, как «систематизация знаний», «сбор фактов», «эксперимент», «анализ и синтез», «причинно-следственные связи», «гипотеза», «прогнозирование».

Наука – это, прежде всего, система. Это система знаний и генерирование нового знания о закономерностях развития природы, общества и мышления. Опрос с целью установления различий таких понятий, как «законы» и «закономерности» дает основание необходимости установления образовательно-научного диалога учителя и ученика.

Система знаний, даже научных, воспринимается как некоторый набор, перечень сведений, библиографический список, реестр диссертационных работ, предметный каталог. Такое представление не формирует научного мировоззрения. Удачное словосочетание предложил Е. Дюринг в самом названии работы «Логика и философия науки». На современном этапе это «выяснение отличия науки от других форм деятельности» [Микешина, 2005, с. 3], ориентация на сравнение и выявление общих закономерностей развития науки [Степин, Горохов, Розов, 1999].

Философия науки как непрерывный процесс определения и уточнения понятия продолжается посредством соотношения его объема и содержания на самых разных уровнях: от министра науки и образования до школьного учителя и родителей учеников.

Образование как массовый социальный институт находится в процессе постоянного реформирования и совершенствования, причем

реформирование представляется самостоятельной целью отдельно взятых учреждений, безотносительно к результатам и целям образования. Возведенные в ранг императива, сомнительные или даже ошибочные мнения, идеи и решения оказываются живучими и приобретают форму регламентов, приказов и законов.

Научная и образовательная общественность не участвует в вообразимом процессе обсуждения проектов изменений, что свидетельствует об отсутствии диалога на уровне функционера госучреждений и профессора (учителя) образовательной организации. Пример единоначалия трансформируется на диалог учителя и ученика, формируя директивную атмосферу взаимоотношений.

Диалог в процессе педагогического общения встречается в различных формах: *диалог-устрашение* (преподаватель подавляет обучаемых, диктует свои условия, играет роль «деспота», «диктатора»); *диалог-заигрывание* (преподаватель, не уверенный в своих знаниях и педагогическом мастерстве, пытается заключить «сделку» с обучаемыми, в обмен на снижение требований к ним он получает, например, лучшую дисциплину в аудитории); *диалог с четко выраженной дистанцией* (преподаватель постоянно подчеркивает разницу между собой как более опытным, знающим, понимающим и обучаемыми, обязанных его слушаться); *диалог взаимного расположения* (преподаватель выступает в роли старшего друга, приятеля, более знающего, желающего прийти на помощь обучаемому); *диалог общей увлеченности* (преподаватель и обучаемые – коллеги, вовлеченные в процесс совместной интеллектуальной деятельности на занятии).

Результативность диалога обеспечивается совокупностью условий, актуальных для сферы научно-образовательной деятельности: авторитетом ученой степени и ученого звания (активная работа по подготовке научно-педагогических кадров и написанию диссертаций на соискание ученой степени кандидата и доктора наук, представлением научно-педагогических работников к ученым званиям; активным участием в научной работе своего профессионального сообщества, участием в работе научных симпозиумов, конференций, круглых столов по актуальным вопросам профессиональной деятельности, в работе диссертационных советов; оппонированием в процедуре

защиты диссертаций, в работе редакционных коллегий ведущих научных изданий, участием в рецензировании научных изданий, высокой публикационной активностью; созданием научной школы профессора; административным ресурсом или «авторитетом должности»; активной наставнической работой в педагогическом коллективе, методическим уровнем посредством написания учебников, учебных пособий, проведения открытых и показательных занятий; участием в воспитательной работе в образовательной среде высшего учебного заведения и созданием нравственного примера в процессе общения с коллегами, студентами, всеми участниками образовательного процесса в вузе; готовностью к освоению новых форматов профессионального и межличностного общения, новых коммуникационных технологий.

Мнения о культуре и образовании во многом идентичны: одни утверждают, что образование и культура находятся в глубочайшем кризисе, нравственность и мораль пали жертвой зла; другие – что образование и культура активно развиваются, ценности наполняются новым смыслом и содержанием. Второе утверждение заряжено оптимизмом, задачами и целями педагогической работы.

Социальное окружение вносит свои коррективы: сначала пандемия, сейчас диалог русской культуры правды и доброжелательности с западной цивилизацией лицемерия и капиталистического либерализма превратился в сплошной софизм коллективного запада.

Мир меняется быстрее наших способностей к осознанию этих стремительных изменений, что выводит нас из зоны цивилизационного комфорта. Психологи утверждают о необходимости управления этим процессом, расширяя зону комфорта и увеличения времени пребывания в этой зоне (закрепление изученного материала, демонстрация нового уровня знаний, поощрение за многократное повторение освоенных операций). Особые сложности возникают у специалистов гуманитарной области деятельности ввиду безобразности промежуточных результатов.

Изменения последних тридцати лет оказали существенное влияние на всю систему устного речевого взаимодействия. Речь молодежи, даже студенческой, приобрела особый оттенок, наполнилась новой лексикой и смыслом. Речь академическая, лекторская, семинарская

остается неким островком классической культуры, стержнем нашей русской морали и нравственности.

Вместе с тем целью профессора в общении со студентом остается привлечение и удержание внимания молодой аудитории, столь не приспособленной к восприятию лекции, особенно сразу же после средней школы, что требует особой ораторской стратегии и системы специальных приемов. Сегодня для использования всей системы средств манипулирования адресатом, в первую очередь – его вниманием, необходимы выверенные речевые формы реагирования и воздействия на аудиторию. Повсеместное (на телевидении, в кино, в интернете) шоу вносит изменения в речевое поведение педагога с целью привлечения внимания и удержания внимания на протяжении всего аудиторного учебного «представления».

Овладеть устным словом непросто. Это искусство, которое требует хорошего знания предмета, гибкости и ясности мышления и других личностных качеств, позволяющих динамично реагировать на требования окружающей обстановки. Пеллисиер, французский языковед писал о том, что после искусства мыслить, искусство говорить – самое сложное. Монологический и диалогический тексты различаются между собой как с точки зрения структуры, лежащей в основе речевой ситуации, так и с точки зрения действующих в них закономерностей текстообразования.

Различия в структуре речевой ситуации определяются распределением ролей между участниками речевого акта. Монологический текст – это устная или письменная речь одного лица, второй участник речевого акта – адресат, реципиент либо мыслится, либо не сразу реагирует. С психолингвистической точки зрения в основе такого речевого акта лежит одностороннее отношение: передача информации – получение информации. Монологический текст представляет собой линейную цепочку предложений.

Диалогический текст, в отличие от монологического, является альтернирующей цепочкой предложений, образуемой чередованием высказываний двух или нескольких участников речевого акта; каждый участник выступает в процессе речевого акта то в роли говорящего, то в роли слушающего. С психолингвистической точки зрения

в основе диалога лежит двустороннее отношение (стимул – реакция), допускающее различные комбинации.

Критериями лексики выступают точность, ясность, доступность и уместность. Точность и ясность речи взаимосвязаны: точность речи, как правило, придает ей ясность, а ясность вытекает из точности. Однако о точности высказывания должен позаботиться каждый говорящий, а то, насколько ясно изложена мысль, оценивает слушатель.

Точность – соответствие высказываний мыслям говорящего, соответствие лексемы семе, слова понятию, формы содержанию. Как заметил В. Г. Белинский, слово отражает мысль, и, если непонятна мысль, непонятно само слово. И в то же время «кто ясно мыслит, тот ясно излагает». Этот афоризм следует запомнить всем, кто любит напускать туману и уводить слушателей от истины, подменяя прямой ответ отвлеченными рассуждениями.

Ясность – способность слова зримо отразить предмет или явление. Кроме того, ясности слова соответствуют такие качества, как четкость, отчетливость, определенность, выразительность, рельефность. Очень часто вместо простых и ясных слов на ум приходят книжные, мудреные, делающие нашу речь запутанной и сумбурной. Ясность слова обеспечивается его простотой.

Доступность – использование слов, понятных слушающему. Можно с успехом применить несколько терминов и пояснить их, дать им соответствующие определения и поставить в тесную связь с тем, что уже знакомо слушателю. Но следует выбирать слова, нуждающиеся в наименьшем количестве определений. Слушатели не могут усвоить множество определений в один прием, а затем воспринимать впервые услышанные слова и определения контекстно.

Уместность – качество слова, соответствующее социально-ролевому положению общающихся и ситуации общения. Мы по-разному строим свою речь в зависимости от ситуации: если нам приходится говорить с директором предприятия, на официальном мероприятии, во время отдыха, дома. Стал уже хрестоматийным пример, иллюстрирующий уместность речи.

Невзирая на цифровую революцию, фундаментальные конструктивистские принципы обучения остаются неизменными: мы обучаемся,

получая и трансформируя опыт, а эффективность усвоения нового опыта зависит от наших усилий и вовлеченности. Для поддержания уровня вовлеченности необходим творческий динамический подход, время от времени нужно оценивать настроение и интерес слушателей и применять те практики, которые видятся целесообразными в текущий момент.

Диалог науки и образования продолжается в процессе реформирования образования и науки. Меняются классификаторы научных специальностей и язык общения. В процесс диалога вступают новые участники. Очень важно своевременно вносить коррективы в процесс когнитивного диалога. Не каждый студент может написать выпускную квалификационную работу, не каждый преподаватель может написать диссертацию. Но мы можем осознать претензии наших студентов, аспирантов, соискателей на свой вклад в науку и оказать посильную помощь при написании курсовых работ, ВКР, статей, текстов диссертаций, в ходе конференций использовать возможности публичного обсуждения идей и предложений.

Современные требования модернизации образовательной системы, способной и готовой к многочисленным вызовам и непрерывному повышению уровня обучения и воспитания, обязывают учителя формировать уверенность в себе, в своих силах, в своем потенциале и гарантировать диалог с информированным обучающимся. Методическое мастерство преподавателя обеспечивается его участием в научной работе в ходе знакомства с новинками научной литературы, при написании статей и посредством участия в заседаниях кафедр и различных научных конференциях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Микешина Л. А.* Философия науки: Современная эпистемология. Научное знание в динамике культуры. Методология научного исследования: учеб. пособие. М. : Флинта, 2005.
- Степин В. С., Горюхов В. Г., Розов М. А.* Философия науки и техники: учеб. пособие. М. : Гардарики, 1999.

УДК 338.48

Макарычева Е. Ф.

заместитель директора по доходам
The St Regis Moscow Nikolskaya Hotel
(Москва, Россия)
Ekaterina.Makarycheva@stregis.com

ВЛИЯНИЕ ИНФОРМАЦИОННЫХ И АВТОМАТИЗИРОВАННЫХ СЕРВИСНЫХ СИСТЕМ НА ФОРМИРОВАНИЕ СТРАТЕГИИ УПРАВЛЕНИЯ ДОХОДАМИ ОТЕЛЯ В СОВРЕМЕННОМ ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ

В статье анализируются способы цифровизации деятельности гостиничных предприятий. Существует множество платформ для анализа спроса, чувствительности клиента к изменению цены, доли рынка, эластичности тарифа. В данной статье рассматривается специфика этих платформ. Для работы с системами необходимо обладать комплексом навыков, уметь правильно интерпретировать данные.

Ключевые слова: цифровизация; диджитал-технологии; автоматизированные системы; управление доходами; формирование стратегии, анализ спроса, ценообразование

Makarycheva E. F.

Deputy Director for Income
The St Regis Moscow Nikolskaya Hotel
(Moscow, Russia)
Ekaterina.Makarycheva@stregis.com

THE INFLUENCE OF INFORMATION AND AUTOMATED SERVICE SYSTEMS ON THE FORMATION OF A HOTEL REVENUE MANAGEMENT STRATEGY IN THE MODERN DIGITAL SPACE

The article analyzes the ways of digitalization of the activities of hotel enterprises. There are many platforms for analyzing demand, customer sensitivity to price changes, market share, and tariff elasticity. The specifics of these platforms are discussed in this article. To work with systems, it is necessary to have a set of skills, to be able to correctly interpret data.

Keywords: digitalization; digital technologies; automated systems; revenue management; strategy formation; demand analysis; pricing

В условиях современных реалий цифровизация деятельности является обязательной для всех сфер экономики. Гостиничный бизнес, естественно, не является исключением. Для того чтобы сохранить конкурентоспособность на рынке, объекты размещения вынуждены быстро приспосабливаться к изменяющейся среде. Поэтому в эпоху глобализации мы всегда находимся в поиске новых решений для бизнеса.

С развитием информационно-коммуникационных технологий гостиницы любого уровня и иные другие предприятия сферы туризма и гостеприимства прибегают к внедрению автоматизированных систем в бизнес-процессы. Это касается практически всех отраслей деятельности. К примеру, сейчас реклама и маркетинговые кампании почти полностью завязаны на использовании диджитал-технологий. Отелеры размещают на сайтах кликабельные картинки, гиперссылки, анализируют количество кликов и переходов по ним (Яндекс Метрика и Google Analytics), запускают таргетированную рекламу, продвигают услуги в социальных сетях.

Многочисленные сервисы бронирований, основанные на разных платформах, также позволяют вырастить широкое предложение продуктов онлайн-площадок. Программы лояльности не только позволяют персонализировать сервис и обеспечить некую базу постоянных клиентов, которые будут копить баллы, получать специальные скидки и предложения, но и автоматизировать обработку запросов и перевести общение с гостем на совершенно другой уровень. Мобильные приложения дают людям возможность заказать ту или иную услугу (питание в номере, уборку) или просто связаться с сотрудниками объекта размещения через чат и получить ответ в течение минуты без необходимости звонить или писать электронные письма с ожиданием ответа в 24 часа или больше [Карпова и др., 2018].

Кроме того, благодаря новейшим технологиям гость обладает возможностью минимизировать контакт с сотрудниками, а объект размещения может оптимизировать рабочие процессы без очередей и увеличенного времени ожидания предоставления услуги. Для регистрации в гостинице гостю достаточно указать номер карты для гарантии оплаты расходов и запросить мобильный чек-ин. В некоторых

отелях ключ от номера можно скачать сразу на мобильное устройство – необходимость подписывать бумажные документы и получать ключ на руки отпадает. В номере может находиться электронное устройство, например, планшет, на котором гость может посмотреть краткое обзорное видео о предоставляемых услугах, часах работы ресторана, прачечной и СПА-центра, управлять температурой в номере, кондиционером, задвигать и раздвигать шторы. Все заказы можно оформить также через электронное устройство в номере или через личный кабинет в мобильном приложении. При выезде счет гостя формируется автоматически. Карта, которая была указана при бронировании, используется для финального расчета. Счет и чек может быть отправлен по электронной почте.

Кроме того, такой опыт может быть полезен не только для гостя, но и для отеля. Вся информация о запросах, проживаниях, коммуникациях с сотрудниками, заказах хранится в системах и может быть доступна в рамках одной программы лояльности или, например, одной сети. При следующем заезде гостя команда отеля может познакомиться с историей его пребывания, его предпочтениями и предвосхитить ожидания гостя посредством создания уникальных впечатлений.

В условиях пандемии COVID-19 сфера туризма претерпела колоссальные изменения. В связи с установлением ограничений по передвижениям и переходом сотрудников на удаленную работу сотрудникам предприятий гостиничного бизнеса пришлось развивать не только собственные навыки работы с информационно-коммуникационными технологиями, но и разрабатывать новые идеи для оптимизации процессов в условиях сниженного спроса и лимитированного количества сотрудников [Морозова, 2020].

Широкое применение получили QR-коды как мера борьбы с коронавирусом, которые полностью позволили заместить печатную продукцию в номерах. Некоторые объекты размещения успешно внедряли чат-боты, разработанные с учетом самых распространенных обращений. Чат-бот автоматически выдает ответы на самые популярные вопросы, при этом обработка сотрудником в этом случае не требуется. Это позволяет сохранить уровень сервиса, но не выделять отдельных людей для работы с платформой.

В целом современное цифровое пространство предлагает множество решений и возможностей для стремительного развития всех областей деятельности отеля.

Управление доходами – один из самых ярких примеров использования цифровых нововведений. Наука об управлении доходами, пришедшая в гостиничный бизнес из авиационной индустрии, значительное распространение и признание получила только в последние 8–10 лет. Основой успешного управления доходами является продажа подходящего номера подходящему клиенту в подходящее время по подходящей цене¹.

Обеспечение всестороннего понимания сегментации, прогнозирования и составления бюджета, а также ценообразования является важным требованием для современных профессионалов в сфере гостеприимства. Авиакомпаниям приписывают первоначальное создание стратегии управления доходами. Сейчас наравне с авиакомпаниями отели используют сложные системы на основе алгоритмов определения спроса, формирования предложения посредством анализа доступного наличия номеров, исторических и прогнозных данных. «Marriott» создал организацию по управлению доходами и инвестировал в автоматизированные системы управления доходами. Это позволило значительно увеличить доходность компаний.

Стратегия ценообразования является основополагающей, так как цена оказывает решающее влияние на конкурентоспособность гостиничного продукта. Преимущества рационального ценообразования включают в себя:

- ✓ увеличение показателя RevPAR (выручка на доступный номер);
- ✓ гарантия лучшей цены – избавляет от необходимости торговаться;
- ✓ увеличение доли рынка (increased market share);
- ✓ повышение лояльности.

¹ Принципы управления доходами гостиницы / Бизнес-энциклопедия от Bonnier Business Press. URL: <http://prohotelia.com/2009/10/управление-доходами-гостиницы-2/>

Как основу рационального ценообразования можно выделить следующее:

- ◆ ориентированная на рынок базовая ставка, основанная на платежеспособности клиента;
- ◆ обоснованная причина для каждой ставки / тарифа;
- ◆ формирование цены в соответствии с сезонностью;
- ◆ модели ценообразования, зависящие от дня недели или количества приобретаемых номеров;
- ◆ контролируемые скидки, предлагаемые с ограничениями (предоплата, минимальная длительность проживания, окно бронирования) [Степанова, 2018].

Предвидеть спрос – главная функция управления доходами. А суть управления доходами сводится к разработке наиболее точного прогноза продаж и прибыли номерного фонда, который отражает изменения в спросе на продукт. В этом случае тактика построения цены и формирования предложения может быть нацелена на достижение результата.

Естественно, формирование предложения и цены не лежит всецело на управляющем доходами отеля. Команда по формированию стратегии, в которую входит генеральный менеджер, финансовый директор, директор отдела продаж и маркетинга, операционный директор и, конечно, менеджер по управлению доходами, делает значительный вклад: рассматривает аналитику спроса, чувствительность клиента к изменению цены, долю рынка, эластичность тарифов, цены конкурентов и т. д.

Возвращаясь к идее цифрового пространства, следует отметить, что все пункты формирования стратегии не исполняются вручную. Сейчас существует огромное количество компаний, которые занимаются разработкой платформ, автоматизированных систем, инструментов для предоставления данных в разных формах.

Компания «Marriott» имеет ряд запатентованных программ, которые позволяют оптимизировать процессы формирования стратегии управления доходами не только в отдельно взятом отеле, но и отслеживать динамику спроса на уровне регионов. Основной платформой в этом случае является One Yield V2. Программа предоставляет данные

по спросу, ограниченному вместимостью одного отеля (constrained demand), а также подсчитывает дополнительный спрос (additional demand), который был бы актуален в условиях отсутствия ограничений по бронированию. Такие данные позволяют менеджеру по доходам оценить скачки спроса, проанализировать причины (городские мероприятия, туристический сезон, выставки, цены на авиабилеты и т. д.). Отели других сетей также пользуются платформой Demand 360 от компании «Travelclick». Demand 360 имеет возможность не только предоставлять данные по спросу, но и рассчитать долю рынка настроенного конкурентного набора (competitive set) по уже имеющемуся доходу (on the books) на будущий период. Кроме того, эта платформа предоставляет сравнительные данные отеля и его конкурентного набора по сегментам (non-qualified, qualified, group, negotiated, wholesale) и каналам бронирований (Marriott.com, direct, GDS, OTA, wholesale).

Еще одной популярной платформой, предоставляющей данные о спросе, можно назвать OTA Insight. Даже в компании «Marriott», где уже имеются собственные разработанные программы с учетом стратегии компании, эта программа является одобренной, но необязательной, так как подписка оплачивается отдельно и не может быть навязана собственникам отеля как услуга сторонней компании. Кроме спроса на отельные номера, OTA Insight формирует отчеты по бронированию авиабилетов – таким образом можно проанализировать из какой страны в тот или иной период будут размещаться гости и сформировать предложение с учетом этой специфики.

Все эти платформы формируют цифры спроса в том числе на основе исторических данных. Традиционно летние месяцы считались высоким сезоном из-за увеличения туристического потока, который накладывался на более ли менее стабильный бизнес-сегмент. Однако после пандемии с закрытием авиасообщения со многими странами в 2021 году в Москву приехало неожиданное количество туристов из арабских стран, а самый высокий спрос пришелся на май-июнь. В этом году мы можем наблюдать, что спрос на май уже увеличен, так как в расчет берется спрос и актуализированные данные доходов прошлого года.

Кроме исторических данных, системы считывают количество запросов на отели в интернете, не только на сайтах бронирования, но и в целом, и необязательно относящиеся к конкретному отелю, а с учетом выбранного направления. В расчет также включена динамика спроса и покупки авиабилетов.

Анализ предоставляемых данных спроса позволяет понять, кому продается номер, в какой период, а также выявить, по какой цене необходимо продавать гостиничный продукт, какие ограничения необходимо выставить для максимизации дохода.

На основе данных спроса One Yield просчитывает чувствительность к изменению тарифа (*rate sensitivity*). Команда отеля не следит за изменением спроса при изменении опытным путем, а отталкивается от расчетов системы. Если общий доход изменится больше, чем на 5 %, то чувствительность высокая (*high sensitivity*), если упадет больше, чем на 5 %, то чувствительность низкая (*low sensitivity*). Если же изменения в общем доходе варьируются в пределах 5 %, то чувствительность средняя (*medium sensitivity*).

Для обеспечения конкурентоспособности отеля должны «быть в рынке», то есть выстраивать свою стратегию с учетом предложений конкурентов. Для этого отели используют STR, который предоставляет отчеты по доле рынка (*market share*) и высчитывает индексы показателей загрузки, среднего тарифа и выручки на свободный номер. Конкурентных наборов для отчета может быть несколько: один основной (*primary competitive set*) и второстепенные. Отель сам назначает конкурентов, однако с учетом некоторых критериев. Рассматриваются такие факторы, как локация (местоположение), звездность и уровень отеля (*luxury, upper upscale*), соотношение сегментов (*business mix*). В конкурентном наборе должно быть, как минимум, пять отелей, кроме своего, а также нельзя иметь более трех отелей одной сети в одном конкурентном наборе.

Кроме доли рынка, анализу подлежат и цены, которые выставляют отели-конкуренты для продажи через открытые ресурсы (*retail rates*). Этот сегмент является самым дорогим, а значит, и самым прибыльным. Для отслеживания динамики открытых тарифов отели используют системы отслеживания цен *rate shopper*. One Yield также предлагает

сводную статистику, однако предлагает только лучшую цену дня (best available rate). Система OTA Insight считывает не только лучшую, но и самую низкую стоимость, причем фильтры можно выставить с учетом ограничений по минимальной длительности проживания, количеству размещаемых гостей, включенному питанию. При высоком открытом тарифе отель может также предложить скидку примерно до 30 %, например, по невозвратному тарифу. А значит, потенциальный гость может быть привлечен стоимостью и уйти в другой отель. Поэтому важно анализировать все имеющиеся предложения конкурентного набора и при формировании стратегии и ценообразовании отталкиваться не только от базовой ставки, но и от минимальной.

Как было упомянуто ранее, при формировании цены в расчет принимаются такие показатели, как динамика спроса на основе исторических данных и активности на будущие периоды с учетом сезонности, доля рынка, цены и показатели конкурентного набора. Все эти данные предоставлены системами и различными платформами. Однако сам процесс формирования тарифов тоже не выполняется вручную. На основе всех показателей система предлагает наиболее оптимальный тариф, чтобы при прогнозируемой загрузке и соотношении сегментов извлечь максимальную прибыль. Тарифы могут быть фиксированными и выставлены, например, на определенный сезон. Цена также может быть предоставлена на будни и выходные и изменяться при необходимости. Отели «Marriott» придерживаются динамического ценообразования, поэтому One Yield предлагает разную цену на каждый день. Многие отели используют систему IDEAS, которая также выставляет стоимость на каждый отдельно взятый день. При этом в расчет берется не только проживание в этот день на сутки, но и учитываются заезды в предыдущие дни и разная длительность проживания.

Для пользования этими системами, различными программами и платформами необходимо обладать комплексом навыков. Кроме установки и настройки, следует понимать, как автоматизированные системы работают, как они устроены, откуда берутся данные и на основе чего предлагаются те или иные решения. В большинстве случаев при приобретении программы доступны специализированные

тренинги с последующей аттестацией. Например, для того чтобы получить доступ в One Yield после прохождения тренингов нужно сдать экзамен в онлайн-форме. При неудачной попытке сдачи, вторая попытка может быть назначена не ранее чем через месяц, а при провале третьей управляющей компанией предоставляются обязательные платные тренинги стоимостью порядка тысячи долларов. При провале третьей попытки сотрудник никогда не сможет повторно сдать экзамен, так как данные о его работе в отелях сети хранятся централизованно и доступны всем отелям, а соответственно и получить доступ.

Все эти системы предоставляют автоматизированные данные, доступные для интерпретации с целью анализа и формирования стратегии управления доходами. Однако следует учитывать, что данные собираются с учетом ранее перечисленных факторов и не могут оценить внешнюю действительность, быстро среагировать на изменяющиеся условия современного мира. Введенные в марте 2022 года санкции против России способствовали резкому снижению спроса, что в первую очередь связано с отменой авиасообщения со многими странами. Туристы физически не могут посетить отели. Кроме того, были закрыты крупнейшие онлайн-платформы бронирований Booking.com и Expedia. Отели вынуждены переориентировать стратегию на локальный рынок и искать замену ранее имеющимся системам.

Основываясь на исторических данных и пользовательском прогнозе, можно сделать вывод, что спрос на март формировался на относительно высокую загрузку – начало бизнес-сезона, спрос на групповой сегмент. После введенных санкций системам понадобилось продолжительное время, чтобы адаптировать показатели под текущую ситуацию.

В связи с возможными последствиями необходимо изменять ручную спрос, а также прогнозные данные. Некоторые отели прибегают к изменению бюджета, чтобы переформировать данные расходов, включая расходы на персонал и закупки.

В современном цифровом пространстве автоматизированные сервисные системы являются неотъемлемой частью управления

доходами. Они позволяют собирать точные данные, формировать отчеты по различным направлениям, анализировать полученную информацию. Однако для успешного формирования стратегии необходимы квалифицированные специалисты, которые не только обладают техническими навыками для настройки этих систем, но и могут грамотно прочесть предоставленную системами информацию, интерпретировать ее и использовать для увеличения прибыли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Карпова Г. А. [и др.]* Сервис и туризм в условиях цифровизации российской экономики: монография. СПб : изд-во СПбГЭУ, 2018.
- Морозова Н. С.* Инновационные направления развития индустрии туризма и гостеприимства в кризисных условиях // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2020. Т. 6, № 4. С. 11–18.
- Степанова В. Е.* Основные тенденции управления доходами в гостиничном бизнесе // Экономика, управление, финансы: материалы VIII Междунар. науч. конф. 2018. С. 161–165.

УДК 378

Нерсисян Д. С.

руководитель Комитета по международному
образованию и партнерству
Ассамблея народов Евразии
(Москва, Россия)
info@eurasia-assembly.org

РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ НАРОДНОЙ ДИПЛОМАТИИ ПОСРЕДСТВОМ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОЕКТОВ

В докладе освещаются вопросы влияния народной дипломатии и международных акторов на процессы образования, а также академическое и научное сотрудничество. Представлено обоснование полезности получения образования зарубежом как механизма «мягкой силы» при осуществлении диалога культур и цивилизаций.

Ключевые слова: народная дипломатия; образовательные проекты; «мягкая сила»; эффективное доминирование

Nersesyan D. S.

Head of the International
Education and Partnership
Eurasian Peoples' Assembly
(Moscow, Russia)
info@eurasia-assembly.org

IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLES OF PEOPLE'S DIPLOMACY THROUGH INTERNATIONAL EDUCATIONAL PROJECTS

The report highlights the issues of the influence of public diplomacy and international actors on the processes of education, as well as academic and scientific cooperation. The substantiation of the usefulness of education abroad as a mechanism of “soft power” in the implementation of the dialogue of cultures and civilizations is presented.

Keywords: people's diplomacy, educational projects, “soft power”, effective domination

В современных условиях усилились роль и значение народной дипломатии, которая призвана увеличить эффективность внешнеполитической деятельности нашей страны. Мы не можем отрицать того факта, что по мере развития и более глубокого проникновения информационных систем и технологий в нашу жизнь количество

акторов международного общения многократно возросло. В этих условиях народная дипломатия становится важным внешнеполитическим ресурсом, который отличается наиболее высокой динамикой развития.

Народная дипломатия представляет собой инструмент, направленный на создание благоприятного климата для внешней политики и дипломатии в целом. И в этом контексте, и в своем служении она относится к «мягкой силе», находясь в ее основе и готовя почву для органичного развития внешнеполитической деятельности государства. Она транслирует общественные установки, содержащиеся в национальной культуре, и устанавливает на этом основании диалог культур и цивилизаций.

Активное международное академическое и научное сотрудничество стало визитной карточкой большинства вузов мира. С помощью этого направления работы университеты как реализуют свои собственные цели, так и содействуют народной дипломатии и вносят вклад в «мягкую силу» своей страны. В контексте нашего доклада нам хотелось бы обсудить возможности реализации принципов народной дипломатии посредством международных образовательных проектов и пути измерения эффективности народной дипломатии как составной части «мягкой силы» государства.

И здесь выскажем гипотезу, которую постараемся обосновать далее. Она состоит в том, что высшей формой проявления успеха «мягкой силы» является получение образования за рубежом, поскольку это решение представляет собой плод успешной работы других элементов влияния – народной дипломатии, культуры, спорта, информационной политики и т. д. и приводит к формированию осознанной необходимости индивида в получении образования именно в этой стране.

Постигая мягкую силу

Термин «мягкая сила», как правило, применяют в форме «так называемая мягкая сила». В англо-русском словаре у слова «soft» достаточно много значений, и почти все – с расслабляющим и откровенно негативным оттенком. Автор русского перевода этого термина из имеющегося набора выбрал значение «мягкая» как одно из наиболее

нейтральных. Однако если углубиться, то можно найти иные смыслы. Начать, например, с того, что «SOFT» может являться аббревиатурой для понятий Strengths, Opportunities, Faults, Threats. Это напоминает всем известный уже со школы SWOT-анализ. Или «soft» как часть слова «software» – результат умственных усилий программистов.

Надо отметить, что термин «soft power», который мы позаимствовали как «так называемая мягкая сила», изначально был введен как антитеза к термину «hard power», с которым всё понятно. Понятие «soft power» включило в себя все меры влияния, которые напрямую не связаны с вооруженным конфликтом. Поэтому если уж мы решили заимствовать этот термин, то переводить его надо от противоположного – например, как «нежесткая, неагрессивная или гибкая сила».

Понятие «soft power» – это не про мягкость, бесхарактерность, неустойчивость, неясность и уступчивость, а про эффективность, аналитичность, программирование и управление. И именно так она и реализуется теми, кто придумал и навязал это понятие как бизнес-процесс, который подчинен SMART-целям и задачам, которые, в свою очередь, опираются на заложенные в систему миссии и ценности. Поэтому, на наш взгляд, правильный перевод термина «soft power» может звучать как «эффективное доминирование».

Измеряя мягкую силу

С нашей точки зрения, для оценки результативности такого многогранного понятия, как «soft power» («мягкая сила» или эффективное доминирование) как совокупности любых средств и инструментов, которые применяются для достижения определенных общественно-политических целей, необходимо производить оценку того показателя, ради которого она реализуется. В контексте «мягкой силы» и народной дипломатии мы не можем говорить о приращении земель, однако мы можем и должны ориентироваться на количество умов и сердец, которые удалось завоевать в тяжелой конкуренции с другими культурами и цивилизациями.

По нашему убеждению, высшей формой проявления успеха «мягкой силы» является получение образования за рубежом, поскольку это решение представляет собой результат осознанной необходимости

индивида и плодом успешной работы других элементов влияния – культуры, спорта, информационной политики, дипломатии и т. д.

Именно привлечение иностранных студентов рассматривалось ведущими державами в период после Второй мировой войны как один из основных элементов экспансии. Всё начиналось с отбора наиболее талантливых школьников и отпрысков представителей дружественных элит иностранных государств для обучения их в своих вузах. Тон в этом соревновании задавали СССР и США.

Однако по мере роста глобальной экономики и, соответственно, благосостояния населения Земли стало развиваться и обучение за рубежом студентов за счет собственных средств. Начиная с 1980–1990 годов на глобальном рынке образования стали возникать все новые центры академического притяжения. Такие страны, как Испания и Франция активно пользовались своим культурным влиянием на бывшие колонии, Китай начал предлагать уникальные стипендиальные программы, Канада и Австралия создают свои неповторимые национальные образы, привлекательные для широких масс иностранных абитуриентов. На сегодняшний день иностранные студенты рассматриваются и как инструмент мягкой силы, увозящий домой приятные воспоминания о студенческих годах, и как средство привлечения иностранных инвестиций, создающих в стране получения образования новые рабочие места.

Рассматривая возможности обучения за рубежом, абитуриенты в первую очередь выбирают страну, в которой хотели бы получить образование. По каким-то субъективным причинам у потенциальных студентов складываются те или иные предпочтения. Выбор страны обучения происходит, в основном, по следующим критериям:

- ✓ культурная и/или языковая близость;
- ✓ эмоциональная привлекательность (независимо от причины);
- ✓ рекомендации референтных лиц;
- ✓ консультации культурных центров стран;
- ✓ консультации представителей рекрутинговых агентов.

Когда сделан выбор страны, происходит выбор учебного заведения по таким критериям, как направление подготовки, стоимость обучения, варианты проживания, возможности развития карьеры и так далее.

Сила остается силой, как ее ни называй – мягкая, умная, гибкая и так далее. А, как мы знаем из школьного курса физики, любая сила имеет точку приложения, и измерять силу нужно именно в этой точке. В логике нашего исследования мы предполагаем, что в контексте «мягкой силы» такой точкой приложения является сфера образования, так как принятие индивидуумом решения о получении образования в той или иной стране мира является плодом его осознанной необходимости: (1) получения образования; (2) получения образования именно в этой стране; и (3) затрат времени, нервов и денег на получение образования именно в этой стране.

Это решение является результатом работы всех инструментов «мягкой силы», в том числе народной дипломатии, той страны, в пользу обучения в которой абитуриент принимает решение.

Попробуем простым языком описать цели приложения «мягкой силы», выделить ее элементы, охарактеризовать их и подобрать подходящие инструменты для их достижения. И здесь нам хотелось бы предложить иерархию элементов мягкой силы: классическое наследие, современная культура, образование, а также рассмотреть их цели и особенности (таблица 1).

Таблица 1

Иерархия элементов «мягкой силы»

Цель	Элементы	Характеристика	Инструменты
Нейтрализовать противника	Классическое наследие	Имеет общечеловеческое признание, лишено политической окраски, переводится на иностранные языки, включено в мировую сокровищницу культуры.	Не требует специального продвижения
Превратить безразличного в друга	Современная культура	Включает в себя все элементы жизнедеятельности современной нации (спорт, литература, наука, музыка, бизнес и т. д.), за исключением образования, воспринимается с политическим подтекстом или окрасом.	Требует усилий по продвижению со стороны национальных СМИ представителями зарубежных структур МИД, торгового представительства частных компаний, онлайн и т. д.

Цель	Элементы	Характеристика	Инструменты
Сделать друга братом	Образование	Принятие решения о получении образования за рубежом является плодом осознанной необходимости человека, подкрепленной благоприятным восприятием страны назначения и возможностью оплачивать образование и сопутствующие услуги.	Всегда ориентировано на цели нации и государства и является высшим проявлением результативности действий «мягкой силы», поэтому при конкуренции в политическом поле всегда будет испытывать давление. Нуждается в выводе на глобальный рынок образования через стандартные рекрутинговые каналы.

Новая «старая» роль университета

В современных условиях, когда классическая и современная культура нашей страны подвергается воздействию «cancel culture», а отечественные СМИ и дипломатические миссии лишаются аккредитаций, университеты, как в стародавние времена, превращаются в объекты создания, накопления и распространения российской soft power. В этом начинании их следует поддержать и привлечь к решению задач по повышению эффективного доминирования нашей страны на мировой арене.

УДК 304

Полищук А. И.

кандидат исторических наук

Заслуженный профессор

директор Центра языка и культуры Ирана

Московский государственный лингвистический университет

(Москва, Россия)

К ВОПРОСУ ОБ ИРАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Статья посвящена актуальной проблеме иранской идентичности и ее двойственному ирано-исламскому характеру, сформировавшемуся после принятия иранцами ислама шиитского толка. Несмотря на многоуровневость и многосоставность национальной и религиозной идентичности персоязычных народов основным фактором их идентичности можно считать персидскую культуру, персидский язык, персидскую поэзию, иранскую мифологию и общее историческое прошлое, а также общие морально-этические нормы поведения.

Ключевые слова: идентичность; этнос; ислам; персидский язык; классическая поэзия; мифология; история

Polishchuk A. I.

PhD (History)

Honored Professor

Director of the Centre of Iranian Language and Culture

Moscow State Linguistic University

Moscow, Russian Federation

TO THE QUESTION OF IRANIAN IDENTITY

The article deals with the actual problem of Iranian identity and its dual Islamic-Iranian character after coming Islam in the form of shiism. In spite of being multi and many-sided identity of Persian speaking nations the key factor of there identity may be regarded language, Persian poetry, mythology, common history and moral – ethical standards of behavior.

Keywords: identity; ethnos; Islam; Persian language; classic poetry; mythology; history

В последние годы в Исламской Республике Иран проблема иранской идентичности приобрела особое звучание и стала предметом пристального внимания религиозно-политического руководства страны и оживленных общественных дискуссий, научных диспутов и исследований.

Проблема иранской национальной идентичности в прошлом и в настоящем в существенной степени носит не только культурологический, но и идеологический характер. В годы, предшествовавшие иранской революции 1978–1979 годов, основным оппонентом шахской власти выступало иранское шиитское духовенство под знаменем ислама. Шах Мохаммад Реза Пехлеви в своей политике старался противопоставить исламскому духовенству собственно иранскую идентичность с опорой на иранскую историю, мифологию, поэзию и глубинные морально-этические нормы, которые сводятся к трем зороастрийским постулатам: добрая мысль, доброе дело и доброе поведение.

После победы исламской революции духовенство стало активно искоренять иранский дух из культуры и усиленно насаждать исключительно исламские шиитские ценности. Древнее иранское культурное наследие, в том числе мифология, история и поэзия, были по сути исключены из культурного дискурса.

Исламскому религиозному руководству нужны были новые герои, новые подвиги во славу прежде всего религии. Произошел резкий отход на официальном уровне от собственно иранской идентичности в сторону религиозной составляющей этой же самой идентичности. Прошедшие со времени Исламской революции 44 года показали, что собственно иранская идентичность благополучно пережила трудные времена и в обществе отчетливо проявились две тенденции в понимании иранской идентичности: «иранийат» (иранскость) и «исламият» (исламистскость), которые стали неким идеологическим лозунгом противостоящих друг другу идеологем. Указанные разногласия и возобновившиеся в обществе поиски идентичности в итоге подвигли власти на разработку перспективного Плана культурного развития страны, который был принят лишь три десятилетия спустя после революции 1979 года и который определяет иранскую культуру и идентичность как иранско-исламскую. План культурного развития носит комплексный характер и содержит подробный перечень стратегических установок и практических шагов для их реализации по формированию иранской государственной идентичности [Полищук, 2021].

В последние годы наблюдается стремление вернуться к иранским национальным ценностям, возродить в новой форме иранскую иден-

тичность, особенно среди молодежи. Два года тому назад молодые люди провели многочисленную демонстрацию вокруг могилы основателя персидской империи Кира Великого Ахеменида в древней столице Ирана Пасаргадах под лозунгом: «Куруш (Кир Великий) – наш отец, а Иран – наша родина». Такая демонстрация в прежние годы была бы невозможна, да и сейчас, по сути, воспринимается как антиклерикальная.

Необходимо отметить, что проблема противопоставления иранской и исламской идентичности далеко не новая, она уходит корнями в VII век и последующие столетия, и связана с распространением ислама на территориях, входивших до арабского завоевания в иранскую империю Сасанидов. До арабских завоеваний на большей части так называемой «Иран-замин», то есть территории населенной ираноязычными народами, преобладающей религией был зороастризм, который сосуществовал с другими культурами: митраизмом, зерванизмом, буддизмом и другими религиями и верованиями. После принятия ислама иранская идентичность стала включать в себя два основных компонента: собственно иранский и исламский.

Двойственный исламско-иранский характер иранской культурной идентичности официально декларируется в Перспективном плане культурной политики Ирана, разработанном большим коллективом иранских ученых, общественных деятелей и представителей администрации разных уровней и утвержденной в 2014 году.

Сам План в основном концентрирует внимание на исламских элементах культуры и не раскрывает ее иранскую составляющую, вероятно, в силу ее очевидности для носителей этой культуры и наличия многовековых традиций, базирующихся в значительной степени на доисламских ценностях.

Попробуем уточнить, что мы понимаем под иранской идентичностью. Сами иранцы считают всех говорящих на персидском языке, являющихся носителями иранской культуры и проживающих на территориях, некогда входивших в различные государственные объединения с преобладающим персоязычным населением – иранцами. Персы называют эту этническую общность «Иран-замин» – Земля иранцев. Носители этой общности идентифицируют себя с иранским миром

прежде всего по языковой близости и по территории расселения. Персидский язык, в прошлом будучи практически единым, со временем разделился на три основных языка: фарси, дари и таджикский, которые, приобретая черты местных диалектов, в основе своей продолжали сохранять мощный единый лексический и грамматический исторический базис. В настоящее время между носителями этих языков ведется давний спор о том, чей язык древнее и правильнее, то есть более персидский. Тем не менее все персоязычные этносы отождествляют себя с иранской культурой и являются носителями иранской идентичности – большого надгосударственного этноса. В то же время в силу исторических причин их этническая идентичность включает в себя дополнительно различные гражданские, политические, религиозные, региональные, культурные идентичности. Вся территория персоязычных и близких к ним по культуре и языку народов населена крайне разнородными и отличными друг от друга этносами, этническими группами и племенами и сообществами, которые в свое время разделились, входят в различные государства и в настоящее время при самоидентификации ставят на первое место политическую и гражданскую национальную идентичность, то есть государственную принадлежность, а свою индивидуальную национальность – на второе. Однако эти приоритеты в первую очередь зависят от ситуации позиционирования и идентификации себя в своем собственном восприятии, внутри своего сообщества по отношению к другим его членам либо вне его, для посторонних. На вопрос о национальности иранцы, афганцы, таджики ответят, что они иранцы в Иране, а точнее: персы, азербайджанцы, курды, турки, гилянцы, мазандеранцы, туркмены, луры, кашкайцы, бахтияры, арабы; в Афганистане – афганцы (граждане исламского государства Афганистан), и они обязательно уточнят, кто они по национальности: пуштуны, таджики, хазарейцы, узбеки, туркмены, нуристанцы; в Таджикистане кроме таджиков живут узбеки, киргизы, памирцы и другие этнические группы, которые в первую очередь будут называть себя таджиками, а потом уже уточнять свою этническую принадлежность.

В этой связи можно констатировать наличие общеиранской наднациональной, гражданской, этнической, религиозной идентичностей и их возможных сочетаний с учетом этих и других разновидностей.

В Иране, как правило, при переписи населения национальность вообще не фиксируется и на этот счет нет официальных данных. И даже в общении, как правило, на это не принято обращать внимания, так как официально все граждане Ирана считаются иранцами безотносительно их реальной национальности, языка и локализации. Особенно это характерно для положения иранских азербайджанцев, многие из которых (как и часть персов) двуязычны, идентифицируют себя с иранцами и не дискриминируются по языку или национальности. В Иране, в районах расселения азербайджанцев, преподавание в школах, радио- и телевидение и издание газет и журналов осуществляется не только на персидском, но и на азербайджанском языке. Нынешний духовный лидер ИРИ аятолла Хаменеи – азербайджанец [Раванди-Фадаи, 2014].

Несмотря на многоуровневость и многосоставность национальной и религиозной идентичности персоязычных народов, основным фактором их идентичности можно считать персидскую культуру, и, прежде всего, персидский язык, персидскую поэзию, иранскую мифологию и общее историческое прошлое.

Руководство Исламской Республики Иран уделяет первостепенное значение созданию политической иранской идентичности в самом широком смысле как внутри страны, так и в регионе, а также на внешней арене и в мире в целом. Большое значение при этом властями обращается на всемерное распространение персидского языка и пропаганду ислама шиитского толка.

В этом четко проявляется стремление иранского руководства к углублению и закреплению наднациональной иранской идентичности. При этом различия между шиитами и суннитами не акцентируются, несмотря на то что на неофициальном уровне эти различия, безусловно, существуют и играют заметную роль в самоидентификации различных этносов.

В связи с тем, что Иран является многонациональной страной и политическая идентичность важна для сохранения государственности, национальная принадлежность часто на официальном уровне не афишируется и при переписи населения не регистрируется, а все граждане Ирана априори считаются иранцами. В то же время проводимый

властями Ирана курс на консолидацию всех этносов в единый народ не смог решить проблемы формирования многоэтнического сообщества в стране [Дунаева, 2016].

Важным объединяющим началом ираноязычной идентичности являются сохранившиеся до наших дней древнейшие праздники. Наиболее яркий пример этому – празднование иранского нового года Ноуруза не только в ираноязычной, но и тюркоязычной среде (азербайджанцы, казахи, узбеки, киргизы и другие народы России, Средней Азии и Кавказа).

Иранская идентичность проявляется в мифах и легендах персоязычных народов, которые вошли в иранскую культуру из эпической поэмы «Шахнаме» Фердоуси.

Огромное значение для идентификации иранцев имеет поэзия, в которой гениальные поэты прошлого собрали всю мудрость, этические нормы и поэтические образы иранцев. Достаточно произнести начальные строки известных стихов классиков иранской поэзии, чтобы все носители персидского языка, где бы они не проживали – в Иране, Афганистане, Узбекистане, Таджикистане или где-либо еще, не продолжили бы цитировать стихотворение.

Наряду с персидским языком и классической поэзией, важнейшим фактором иранской идентичности является ислам. Несмотря на конфессиональные различия (сунниты-шииты), большинство исламских праздников и обрядов остаются общими или похожими для всех иранцев: хадж, пост, эйде корбан, пятикратная ежедневная молитва, день рождения Пророка и начало его проповеди, похороны и прочее [Полищук, 2021].

Для понимания исламской идентичности персов-шиитов в наше время большое значение имеет культ жертвенности – шахадат, который после исламской революции стал важнейшей составляющей иранской идентичности. Воины, погибшие в ходе ирано-иракской войны 1980–1988 годов, и в последующие годы защищая свою родину, носят почетное звание шахидов-мучеников, отдавших жизнь за веру и отечество.

Одной из важных характеристик идентичности можно считать, безусловно, культуру в широком смысле, во всех ее проявлениях.

Это иранские древние традиции, исламские и шиитские религиозные нормы и нормы повседневного поведения. В повседневном общении для иранцев характерно уважительное отношение к старшим, родным и близким, к окружающим, иностранцам, дружелюбие, гостеприимство, вежливость и терпимость. Все эти качества также можно считать проявлением иранской идентичности.

Как отмечалось, в прошлом на территориях, населенных иранцами, предпринимались кардинальные попытки изменить либо серьезно переформатировать собственно иранскую идентичность. В самом Иране возобладали ислам шиитского толка, и можно констатировать, что ислам шиитского толка стал важной составляющей иранской идентичности, но далеко не всех персоязычных народов. За пределами Ирана преобладает суннизм, и имеется значительное количество исмаилитов, преимущественно в Таджикистане и в северном Афганистане.

После победы Исламской революции в Иране мы наблюдаем постоянные усилия властей выдвинуть на первое место в идентичности прежде всего шиитскую религиозную составляющую, вписав ее в очень широко трактуемое понятие культуры.

Несмотря на существование общеиранской идентичности, властями Ирана, Афганистана, Таджикистана и Узбекистана в новейшее время предпринимались и предпринимаются попытки переформатировать общеиранскую идентичность в интересах той или иной идеологии, конкретного государства. Поворот в сторону формирования иранской идентичности на государственном уровне сделал Реза-шах в 1935 году, когда Персия была официально переименована в Иран – страну ариев. Стоит напомнить, что это произошло вскоре после прихода к власти фашистов в Германии и стало началом тесного сотрудничества между Ираном и Германией на почве культивировавшейся идеи общности арийского происхождения персов и германцев и проникновения в Иран профашистских настроений [Алиев, 2004].

При образовании Узбекской Советской Республики (1924) населенные таджиками области Бухары и Самарканда были включены в состав произвольно созданного узбекского государства, и все таджики объявлены узбеками. Это решение до сих пор омрачает внутринациональные отношения в Узбекистане и Таджикистане. Таджики назван-

ных областей не считают себя узбеками, продолжают использовать в общении таджикский язык и причисляют себя к персоязычным народам внутри узбекского этноса.

Попытка создания новой религиозной идентичности в ходе гражданской войны была предпринята в Таджикистане в 1992–1997 годах исламистами при поддержке извне. В итоге между исламскими националистами и светскими властями после многолетней гражданской войны было заключено перемирие и таджикская идентичность, получив некоторые исламские черты, осталась традиционной с учетом характера, приобретенного после вхождения Таджикистана в семью советских социалистических республик в 1929 году. Наряду с иранской идентичностью, важным фактором таджикской идентичности в годы советской власти стал интернационализм.

В Афганистане эмир Аманулла в 20-е годы прошлого века объявил всех жителей страны афганцами, что вызвало серьезные протесты среди населения. Несмотря на официальную пропаганду афганской национальной идентичности, многие представители афганской правящей элиты и среднего класса были персоязычными, а язык дари оставался государственным и языком межнационального общения. Сейчас, с повторным приходом к власти в 2021 году в Афганистане талибов, ими предпринимаются жесткие меры для искоренения общеиранской идентичности и иранской культуры, ограничения использования языка дари на официальном уровне, что вызывает недовольство таджикского населения Афганистана и резкое неприятие руководства Исламской Республики Иран, а также провоцирует межэтнические и межгосударственные конфликты. В апреле 2022 года в афганской провинции Герат имели место нападения афганцев на иранские дипломатические представительства в знак протеста против недружественного обращения иранских властей с афганскими беженцами. Эти протесты в основном имеют под собой экономическую почву, но используются талибами для дискредитации иранцев и иранской культуры и направлены на разрушение иранской идентичности.

Изучение проблем иранской идентичности на обширной территории, населенной персоязычными народами, крайне важно в теоретическом и практическом плане в динамично меняющейся между-

народной ситуации, так как позволит понять процессы трансформации иранской идентичности в Исламской Республике Иран и в сопредельных с республикой странах, и выработать рекомендации для учета этого фактора в проведении практической политики в Центральной Азии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алиев С. М.* История Ирана. XX век. М. : Ин-т востоковедения РАН, 2004.
- Дунаева Е. В.* Иран: современный этнонациональный дискурс // Иран во втором десятилетии XXI века: вызовы и перспективы: сб. ст. М. : ИВ РАН, 2016. С. 58–74.
- Полищук А. И.* Исламские праздники в Иране // Мусульманский Ближний и Средний Восток: современные процессы, история, историография: сб. ст. / отв. ред. В. Я. Белокреницкий, Н. М. Мамедова, Н. Ю. Ульченко. М. : ИВ РАН, 2021. С. 348–365.
- Раванди-Фадаи Л. М.* К вопросу о положении национальных и религиозных меньшинств // Иран: история и современность: сб. ст. М. : ИВ РАН, 2014. С. 271–274.

УДК 304.9

Ремизов В. А.

доктор культурологии, кандидат философских наук, профессор
Заслуженный работник высшей школы РФ
член Союза писателей РФ, академик
Международная академия информатизации
(Москва, Россия)
remizov1941@mail.ru

МЕЖЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ДИАЛОГ В ФОКУСЕ СОВРЕМЕННЫХ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

Статья посвящена анализу конфликтов в диалоге цивилизаций, которые могут быть выражены в форме «мягкой» или «острой» силы, их особенности и последствия их применения на примере российского кинематографа.

Ключевые слова: диалог цивилизаций; мягкая сила; острая сила

Remizov V. A.

Doctor of Culturology (Dr. habil), PhD (Philosophy), Professor
Honored Worker of the Higher School of the Russian Federation
Member of the Union of Writers of the Russian Federation, Academician
International Academy of Informatization
(Moscow, Russia)
remizov1941@mail.ru

INTERCIVILIZATIONAL DIALOGUE IN THE FOCUS OF MODERN CULTURAL PROCESSES

The article is devoted to the analysis of conflicts in the civilizations dialogue, which can be expressed in the form of “soft” or “sharp” force, their features and consequences of their application on the example of Russian cinema.

Keywords: civilizations dialogue; soft power; sharp power

Современный мир является ареной гибридного противоборства культуры и цивилизации. Налицо вызревание нового этапа «осевого времени» истории (см. К. Ясперс). Можно резюмировать, что сегодня определяющим началом оказываются цивилизационные формы, а культурные процессы выступают или как ситуационные «корре-

ляты», или как «демпферы», или как «субкультурные инфекции», или как «культурные креативы». Это же касается и актуальной сегодня темы «культурных отмен», «культурного сепаратизма», «культурного коллаборационизма» и «культурного диссидентства». Одной из ведущих форм в сегодняшнем диалоге цивилизаций выступает духовный или, как сегодня говорят – «метафизический конфликт». Здесь можно выделить ряд «духовных бифуркаций». Например, тема свободы: свобода от, или свобода для. Данная тема содержит в себе проблему ценностей, вопросы идеологием, ситуации этики, морали, права, генетики. Тема так называемого «технологического феодализма» проявляется в активации идеологии либертарианства (см. Айн Рэнд «Атлант расправил плечи»).

Тема суверенитета духа, важной составляющей которой выступает вопрос менталитета как системы духовных ориентаций, идеалов, смыслов жизни («просвещенный консерватизм», «мультикультурализм», «ЛГБТизация»). Тема языка как основы сущности личности, как способа, формы и метода отражения, познания мира и самопознания (см. Н. А. Бердяев); как инструментария общения, взаимодействия и диалога; как культурного феномена, ядра духовной культуры общества и личности. Во всей данной гуманитарной картине современности наибольшую актуальность обретает проблема пресловутого цивилизационного «Заката» (см. О. Шпенглер).

Диалог цивилизаций насыщен отмеченными проблемами и составляет сердцевину современной гуманитарной эпохи. В данном случае всё это может обретать роль факторов так называемой «мягкой силы» – энергия притяжения, поддержки, которая реализуется в отношениях, диалогах; как придание привлекательности той или иной культурной модели, культурному или политическому облику страны, народа [Паршин, 2020].

«Мягкой силе» противостоит «острая сила», ассоциированная с политической (прежде всего) пропагандой. Здесь нельзя не отметить, что западная пропаганда вчера и сегодня стремится демонизировать Россию. Об этом очень ярко, например, писала знаменитая соратница Екатерины Великой Екатерина Дашкова в своих дневниковых записках [Дашкова, 1985]. В наши дни это стало чуть ли не отраслью

политических акций против России как со стороны США и ее сателлитов, так и со стороны собственной интеллигенции, не говоря уже о голосах с Украины, Прибалтики, Польши, Англии и т. п. Здесь и «русские совки», и «ватники», и «садисты», и «агрессоры», и «варвары», и «бандерлоги». К сожалению, помогает этой «острой силе» и наше телевидение, и кинопрокат. Конечно, прав Н. С. Михалков, говоривший, что, судя по всем жутким телефильмам о жизни современной России, никто не будет испытывать к ней добрые чувства, не захочет ни приезжать, ни жить в ней. Чего, например, только стоит вышедшая недавно художественная лента Ладос Кватании «Казнь». Финансировал ее, кстати, Фонд кино. В киноленте всё российское представлено как мерзкое пространство: от погоды до ландшафта. Эпоха тоже мерзкая, живут люди грязно, плохо: похмельно, развратно, скандально. Лексика обесцененная. Персонажи пакостные и маньяки типа Чикатило, которых рекордно много. Их жертвы, – и те, кто маньяков ловит, – все отвратительны. И женщины – тоже, даже те, которых, что особенно обидно, играют красивые актрисы. Спрашивается, когда некому сопереживать, когда некого любить, не за кем наблюдать, когда много физиологической и ментальной грязи, то зачем этот фильм сегодня. Ведь он формирует отношение к Родине, к обстановке в ней как к перверсивной отвратительности¹.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Дашкова Е. Записки 1743–1810 / отв. ред. Ю. В. Стенник. Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1985.

Паршин П. Б. Мягкая сила в лабиринте дискуссий. М. : МГИМО-Университет, 2020.

¹ *Кондрашов А.* К чему подтолкнула «Казнь»? На экранах России триллер, который трудно досмотреть до конца // Литературная газета. 27 апреля – 3 мая 2022. URL: <https://lgz.ru/article/-17-6831-27-04-2022/k-chemu-pod-tolknula-kazn-/>

**ДОКЛАДЫ УЧАСТНИКОВ
КОНФЕРЕНЦИИ**

УДК [930.85+378.147]:[811+002]

Авдонина М. Ю.

кандидат психологических наук, доцент
Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Россия)
mavdonina@yandex.ru

Жабо Н. И.

кандидат филологических наук
Российский университет дружбы народов
(Москва, Россия)
lys11@yandex.ru

ФЕНОМЕН МАТРЕШКИ, МОСТ И ПРЯНИКИ: РУССКИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛИ НА ПАРИЖСКОЙ ВЫСТАВКЕ 1900 ГОДА

В исследовании обсуждается участие Российской империи в Парижской выставке 1900 года на основе оцифрованных архивных документов и видеоматериалов. Семантический анализ медиадискурса обнаруживает разницу между английскими и французскими источниками с одной стороны и русскими источниками с другой стороны в оценке участия русских предпринимателей в выставке. Проводится анализ актуализации достижений русских производителей во Всемирной выставке в Париже в рамках культурно-образовательных проектов в Красноярске (железнодорожный мост через Енисей), Сергиевом Посаде (матрешка) и в Туле (пряники) с участием авторов статьи.

Ключевые слова: Всемирная выставка 1900 года; история; архивная методика; проектная методика; матрешка; тульский пряник

Avdonina M. Yu.

PhD (Psychology), Associate Professor
Moscow State Linguistic University
(Moscow, Russia)
mavdonina@yandex.ru

Zhabo N. I.

PhD (Philology)
Peoples' Friendship University of Russia
(Moscow, Russia)
lys11@yandex.ru

THE MATRYOSHKA PHENOMENON, BRIDGE AND GINGERBREAD: RUSSIAN ENTREPRENEURS AT THE 1900 PARIS EXHIBITION

The study discusses the participation of the Russian Empire in the Paris 1900 exhibition on the basis of digitized archival documents and video materials. Semantic analysis of media discourse reveals the difference between English and French sources, on the one hand, and Russian sources, on the other hand, in evaluating the participation of Russian entrepreneurs in the exhibition. We analyze the actualization of the achievements of Russian manufacturers of the World's Fair in Paris in the framework of cultural and educational projects in Krasnoyarsk (the railway bridge over the Yenisei), Sergiev Posad (matryoshka) and Tula (gingerbread) with the participation of the authors of the article.

Keywords: 1900 World's Fair; Paris; history; archival method; project methodology; matryoshka; Tula gingerbread

Актуальность темы обусловлена ростом интереса к городской истории и региональной истории промышленности, к экскурсионному делу. Несколько лет назад правительство Франции решило актуализировать память о Всемирной выставке в Париже 1900 года. С этой целью был оцифрован архив этого выдающегося смотра национальных достижений, в котором участвовало 45 стран мира. Одним из ведущих стало представительство Российской империи.

Цель исследования: анализ методов актуализации участия русских предпринимателей во Всемирной Выставке 1900 года в Париже.

Задачи:

- ♦ обзор документов об участии русских инженеров, купцов и художников во Всемирной выставке в Париже;
- ♦ анализ функционирования объектов выставки в культуре России и Франции;
- ♦ анализ результатов проведения мероприятий по актуализации достижений, представленных в Париже в 1900 году.

Время между выставками 1889 и 1900 годов было эпохой экономического процветания, которое сменилось рядом политических кризисов: крах затеи с Панамским каналом; унижительное поражение

Франции в битве при Фашода 1898 года и отступление с позиций на берегах Нила; дело Дрейфуса 1899 года.

Это событие стиля жизни *Belle Époque* и модерна имело темой «*Bilan d'un siècle*» (Итоги века) и было возвращением к духу средневековой ярмарки¹. За 212 дней выставки 52 млн посетителей прошло по павильонам, при том, что население Франции тогда составляло 38 млн жителей. Из 55 приглашенных стран 40 приняли приглашение. Затем присоединились Нидерланды, Великобритания, Португалия и колонии и протектораты Франции.

Произведения, товары, достижения человеческой мысли распределялись на 18 групп и 121 класс, плюс конкурсы [Россия на всемирной выставке ... 1900]. Национальная библиотека Франции (BNF) выложила в интернет 45 томов материалов выставки, которые издавались с 1900 по 1905 годы. В частности:

1. Общий каталог выставки:
Exposition Universelle Internationale de 1900. Catalogue général Rapports du jury international. URL: <http://cnum.cnam.fr/CGI/>;
2. Обзор научный открытий и технологий, представленных на выставке:
Bibliothèque nationale de France, département Sciences et techniques, 4-V-5305 (bnf) – URL: <http://catalogue.bnf.fr/ark:/12148/cb33284754m>;
3. Описание экспонентов и экспонатов Российской империи:
Exposition Universelle Internationale de 1900. Chapitre II. Russie. pp. 309-312. – URL: <http://cnum.cnam.fr/CGI/fpage.cgi?8XAE579.2/313/100/366/129/361>;
4. Отдельный том с перечислением сведений обо всех награжденных Парижской выставки 1900 года:
Liste des récompenses: Exposition universelle de 1900, à Paris. Paris: République française, Ministère du commerce, de l'industrie, des postes et des télégraphes. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k9765409t/f45.item>

¹ *Chandler A.* The battle for the exposition. The Paris Exposition Universelle of 1900. // Expanded and revised from *World's Fair magazine*, Volume VII, *Conférence Extraordinaires Expositions Universelles*. 14 janvier 2017. URL: <http://www.arthurchandler.com/paris-1900-exposition/>

Не так давно начата работа по распознаванию сканированных страниц и созданию аппарата поиска, пока еще не очень удобного (рис. 1).

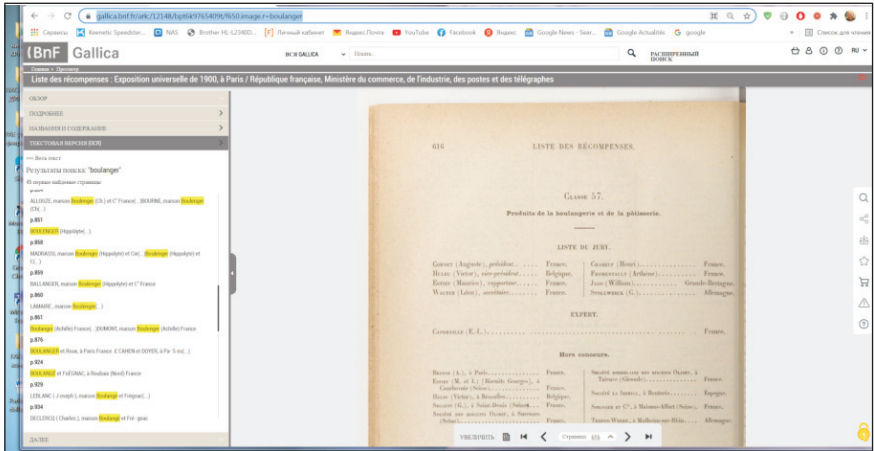

Рис. 1. Современный постраничный аппарат поиска по ключевым словам по отдельным томам материалов Парижской выставки 1900 года¹

Еще одним новым ресурсом является видеоряд восстановленных и раскрашенных документальных лент, прежде всего, многочисленных съемок братьев Люмьер (таблица 1).

Таблица 1

Видеоресурсы по Парижской выставке 1900 года

Название и выходные данные фото- и видеоматериалов	Адресация в YouTube
A Sunday in Paris. Lumiere Brothers. [4k, 50fps, colorized] (1900)	https://www.youtube.com/watch?v=9VUVqWckLDo
Spectacular Paris during the Expo of 1900 in color! [A. I. Enhanced & colorized]	https://www.youtube.com/watch?v=2Y6xXWq1Tik

¹ Liste des récompenses: Exposition universelle de 1900, à Paris. Paris: République française, Ministère du commerce, de l'industrie, des postes et des télégraphes. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k9765409t/f45.item>

Название и выходные данные фото- и видеоматериалов	Адресация в YouTube
Exposition Paris 1900, une belle époque !	https://www.youtube.com/watch?v=MqE1ujOn0XI
Vue panoramique de l'exposition universelle de 1900.jpg Created: Original: Lucien Baylac (1851–1913), 1900. Digitized reproduction: 14 September 2007	https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/6/6b/Vue_panoramique_de_l%27exposition_universelle_de_1900.jpg
Exposition universelle de 1900, catalogue officiel illustré	GALLICA – URL: https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k4328343.texteImage
Extraordinaires Expositions Universelles. World's Fair magazine, Volume VII, 14 janvier 1917, No 3, 1917	http://www.arthurchandler.com/paris-1900-exposition/

Как видно из таблицы, наиболее удачные видеодокументы, фотографии экспонатов раздела живописи и скульптуры, а также восстановленные рисунки Люсьена Бейлака находятся теперь в доступе в интернете. Новые технологии позволили разглядеть подробности проведения выставки.

Русские экспоненты выставляли свои товары и технологии во многих павильонах и получили 1 589 наград. Из 121 класса они были отмечены в 1–23, 25–36, 38–39, 41–46, 48–74, 78–114, 116–121 классах, то есть награды не получены лишь в восьми классах.

Все медали выставки были именными и выполнялись из бронзы, а если участник, получив золотую или серебряную медаль, хотел иметь эту награду в золоте или серебре, то он должен был сам заказать ее изготовление.

В таблице 2 выборочно представлены награждения по интересующим нас позициям.

Таблица 2

**Награды российских экспонентов
по некоторым классам**

Группа	Класс	1	2	3	4	5	Итого
I	6. Промышленное, техническое, ремесленное и коммерческое образование	14	18	19	11	4	66
II	7. Живопись, картины, рисунки	1	4	17	30	16	68
VI	28. Материалы, орудия и производство гражданских инженерных работ	2	7	5	2	2	18
X	56. Продукты мукомольного производства	2	6	5	–	–	12
	57. Продукты булочных и пекарен	2	–	–	3	1	6
	58. Мясные, рыбные, овощные и фруктовые консервы	1	5	8	4	–	18
XIV	87. Химия и фармацевция	5	8	8	15	8	44
XV	100. Игрушечное производство	–	–	1	3	–	6

В таблице 2: (1) Высшие награды; (2) Золотые медали; (3) Серебряные медали; (4) Бронзовые медали; (5) Почетные отзывы (Mentions honorables).

Отметим трудность подсчета, связанную с тем, что некоторые участники в списках указаны как идущие вне конкурса, например, в классе 7 (в котором высшую награду получил В. А. Серов) это И. Е. Репин и А. А. Эдельфельд. Еще одна неучтенная деталь: по каждому классу награждались и сотрудники (Collaborateurs). Например, в группе 14 в классе 87 «Химия и фармацевция»¹ (вице-президент жюри – Д. И. Менделеев²) помимо 44 наград, указанных в таблице 2, награды получили отдельно и сотрудники (золото – 1, серебро – 13, бронза – 5).

1 Liste des récompenses: Exposition universelle de 1900, à Paris. Paris: République française, Ministère du commerce, de l'industrie, des postes et des télégraphes. URL: <http://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k9765409t/f45.item>

2 Раков Э. Г. Менделеев на Всемирной выставке 1900 г. URL: <http://www.prometeus.nsc.ru/biblio/wex1900/rakov00.ssi>

Еще более почетно было включение представителей Российской империи в жюри по различным классам – по нашим подсчетам, их было шестьдесят.

Приведем и данные по классу 6 «Промышленное, техническое, ремесленное и коммерческое образование», так как среди прочих золотой медалью отмечены успехи Московского коммерческого училища, располагавшегося в нынешнем главном здании МГЛУ. Жюри состояло из 27 членов: 17 французов, швед, венгр, голландец, норвежец, португалец, австриец, итальянец, американец и двое русских: Golowine (H.-S.) – Х. С. Головин и Grigorieff (Simon) – Семен Григорьев. Участие приняли 450 французских и 350 экспонентов из более чем двадцати государств, было присуждено 544 награды, из них 311 – иностранным участникам (награды дали почти всем). Италия была первой по количеству участников, Россия – второй (69 экспонентов), затем Венгрия и США. Россия получила 66 наград в главном списке (14 гран-при, 18 золотых, 19 серебряных, 11 бронзовых медалей, 4 почетных отзыва), и награды получили сотрудники (золото – 12, серебро – 13, бронза – 2).

Четыре больших павильона Русских Окраин (Севера европейской части, Кавказа, Средней Азии и Сибири) напротив Эйфелевой башни в парках Трокадеро были оформлены К. А. Коровиным (панно: Архангельск, Мурманск, остров Медный, тундра, тайга у Байкала, птичий базар, стадо китов, плывущих в море, лежбище котиков и пр.). Здесь можно было «ехать» в вагонах Транссибирской магистрали с движущимися диорамами пути через всю Россию¹. Коллекция вошла в собрание Русского музея, 23 панно были восстановлены в 2011 году к выставке, посвященной 150-летию художника.

Два моста

Группа 6 Génie civil («Гражданское инженерное дело...») славил Транссиб и его создателей. Российское управление железных дорог отмечено в трех классах отдельно «по сооружению» и «по эксплуатации»: они получили золото в классе 28, а классах 29 и 32 – высшие награды, и лично Е. К. Кнорре – золотую медаль за мост через Енисей.

¹ Транссиб на Всемирной выставке в Париже 1900 года. URL: <https://baikal-pereprava.ru/parisexhibition>

Творческая команда velonotte.com под руководством С. А. Никитина провела два перформанса для актуализации и валоризации города Красноярска:

1. «Сторибас» в ноябре 2014 года – по пути следования 90-го маршрута автобуса в рамках Красноярской ярмарки книжной культуры (<http://krasnoyarsk.rfn.ru/rnews.html?id=4995741&cid=7>);
2. Красноярская международная велоночь в августе 2017 года при поддержке мэрии города Красноярска о природе Енисея и многом другом: мамонтах, взятке «лапти из золота», архитекторе Мержанове, библиотеке Юдина, Резанове ([http://krasnoyarsk.rfn.ru/rnews.html?id=156886\\$](http://krasnoyarsk.rfn.ru/rnews.html?id=156886$)).

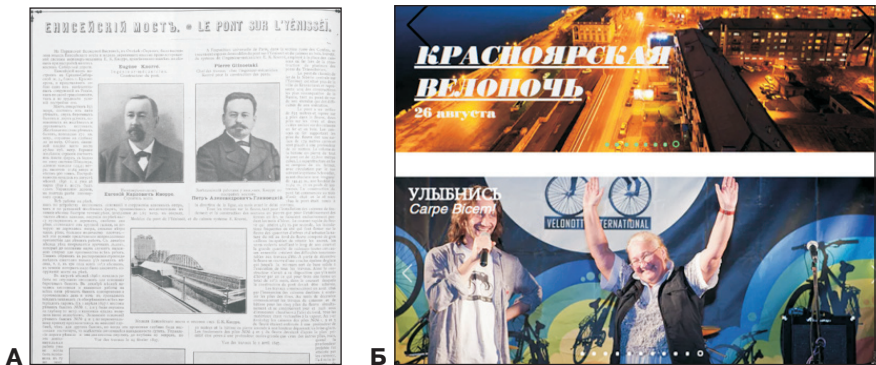

Рис. 2

- А.** Описание на двух языках железнодорожного моста через реку Енисей с фото Е. К. Кнорре и П. А. Глиноецкого [Шустов, 1900].
- Б.** Проект «Красноярская велоночь 2017»: С. А. Никитин и М. Ю. Авдоница. (https://vk.com/velonotte?z=album-28510097_246699413).

Воспевая подвиг строителей железнодорожного моста через реку Енисей, мы сожалели о разрушении великого моста (2007). Таким образом, в наше время главным мостом Парижской выставки стал мост Александра III в Париже, символ дружбы между Россией и Францией¹.

¹ Щегловитова А. В., Кузина Е. А. Мосты Парижа: межкультурная коммуникация // Наука в мегаполисе // Science in a Megapolis. №1 (27). URL: <https://mgpu-media.ru/issues/issue-27/man-modern-city/paris-bridges.html>

Пряники

В группе X в классе 57 «Продукты булочных и пекарен» успех имели миндальные пряники, привезенные двумя тульскими производителями (<https://gallica.bnf.fr/ark:/12148/bpt6k9765409t/f651>): Belolipetzky (Mme N.-G.) et fils, à Toula и Gretchikhine (Basile), à Toula, получившим бронзу за пряники, а также Zavierine G., à Kalouga (Г. Заверин из Калуги), получившим почетный отзыв. Белолипецкие известны (<http://www.tulainpast.ru/tulastreet/row2203/>). Однако инициалов Н. Г. историки Тулы не знают и меняют имя в своих статьях, например: «Сладости массового потребления – пряники – демонстрировали Ксения Белолипецкая с сыновьями» [Петухов, 2006]. Актуализация исторического наследия Тулы нами также проводилась в два приема: Тульская Велоночь 2016 была посвящена 380-летию заводов близ Тулы Андрея Виниуса и его сына, заводчиков голландского происхождения, чугуноплавильных, железоделательных и оружейных, а также самоварам, эскадрилье Нормандия-Неман (<https://www.velonotte.com/tulskaya-velonoch-2016>, аудио 5: Марина Авдонина) и столетию со дня рождения одного из основателей семиотики А. Ж. Греймасу, родившемуся в Туле в 1917 году в семье беженцев. В сентябре 2021 года в Туле прошли показы историодрамы «Тульская русскошь» – прогулки по Пятницкой (ул. Металлистов). По заказу комитета по туризму города Тулы С. А. Никитин поставил театрализованное представление по сценарию, написанному им совместно с Т. М. Шумовой при участии историка Тулы М. Воронцовой. Одна из девочек-участниц получала роль Белолипецкой, счастливой, только что вернувшейся из Парижа (рис 3).

Рис. 3. Элемент историодрамы: сцена «Приезд Белолипецкой домой в Тулу с медалью», сентябрь 2021 года, проект «Тульская русскошь»

Игрушки

В классе 100 *Vimbeloterie* (Игрушечное производство) серебро получили члены «Коллективной выставки кустарного производства игрушек» (20 имен) из Сергиевского Посада, Лайково, Барвихи, Курово, Ликино, Горбово и др. В списке уточняется вид игрушек: пряжка, разные животные, жаровки, плиты и дудки, корзины, избы, шахматные доски, фарфоровые куклы, бирюльки, шашки, колодцы и мельницы, куклы в костюмах губерний Российской империи. Марии Александровне Мамонтовой, жене Анатолия Ивановича присудили одну из трех бронзовых медалей класса 100. Но купеческое семейство Мамонтовых, по нашим подсчетам, получило десять наград выставки (класс 11 «Типографии» – серебро; класс 69 «Мебель» – золото; класс 72 «Керамика» – золото; и сотрудники: Врубель – золото и др.). И всё же именно эта игрушка (во французский язык она вошла в двух формах: *matriochka* и *poisr ee gusse*) становится символом русской культуры и обозначает не только яркую красавицу, но и принцип подобного в подобном в математике и философии. Семантический анализ текстов и проведенные нами опросы показывают, что название игрушки является именем нарицательным (франц. *matriochka Olga*, рус. матрешка «Наташа» и т. п., и не связывается со св. Матроной Солунской. Ни русские, ни иностранцы не видят это слово как уменьшительное от имени Матрона/Матрена [Авдонина, Жабо, Сдобнова, 2018]. Также выявлено, что современные носители русского языка не чувствуют связи с просторечным вариантом имени *т тя Мотя*, несущим собирательное значение «человек из толпы». Скромный успех матрешки на выставке гиперболизируется, например: «За оригинальность формы и своеобразную роспись русская игрушка завоевала золотую медаль» (<https://www.liveinternet.ru/76988245/>). Художник С. В. Малютин, создавший образ и концепцию, упоминается редко, его затмил токарь В. П. Звездочкин, исполнивший фигурки первой матрешки, о чем мы говорили во время велоночи в Сергиевом Посаде 2017 (<https://www.velonotte.com/podmoskovnaya-velonoch-2017>).

Выводы

За сто двадцать лет произошло переосмысление вклада Всемирной выставки 1900 года в Париже. Общественное мнение вновь задумалось об итогах XIX века в области ценностей, культурного кода общества, вкусов, воззрений. Пряники изменили свой рецепт, но продолжают славиться в России. Подвиг инженерной мысли отошел в историю, а безупречность классической красоты парижского моста Александра III делает этот мост одной из главных достопримечательностей столицы мира. Парижская выставка продолжает быть актуальной на мировом уровне. Малое оказалось очень значимым: кукла матрешка стала играть лидирующую роль в современной культуре, а если говорить о выставке 1900, то матрешку теперь включают в список высших ее достижений. Феноменальный успех игрушки привел к образованию культураны и к семантическому развитию слова *матрешка* в русском и французском языках.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдонина М. Ю., Жабо Н. И., Сдобнова Ю. Н.* Предмет, понятие и образ: русские слова во французской культуре XXI века // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2018. № 11 (804). С.11–23.
- Петухов А.* Тульские изделия на международных и российских выставках (2-я половина XIX века) // Тульский краеведческий альманах. № 4. 2006. С. 45–48.
- Россия на всемирной выставке в Париж в 1900 г. С.-Петербург : Издание И. Шустова, 1900.

УДК 796/378.17

Алаев М. В.

кандидат педагогических наук

Московский государственный лингвистический университет,

Военный университет им. князя Александра Невского

Министерства обороны Российской Федерации

(Москва, Россия)

mikhail017@mail.ru

Иванов С. М.

кандидат педагогических наук, доцент

Московский государственный лингвистический университет

(Москва, Россия)

sergey.ivanov.79@internet.ru

Федоров И. Г.

Московский государственный лингвистический университет

(Москва, Россия)

fedorovig2018@yandex.ru

**ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ АДАПТАЦИИ
СТУДЕНТОВ ПЕРВОГО КУРСА К УСЛОВИЯМ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ
(НА ПРИМЕРЕ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ И СПОРТА)**

Процесс адаптации обучающихся к условиям учебно-образовательной среды вуза представляет собой область чрезвычайно актуального внимания, так как рассматривается с точки зрения сохранения здоровья студенческой молодежи. В данном исследовании предложено рассмотреть проблематику адаптации студентов первого курса через анализ взаимодействующих составляющих выше названной деятельности: двигательный тренинг, мотивационные аспекты, психические реакции.

Ключевые слова: адаптационный потенциал; средства физической культуры; физическая активность; психофизическая адаптация; уровень физической подготовленности

Alaev M. V.

PhD (Pedagogy)
Moscow State Linguistic University
Military University named after Prince Alexander Nevsky
(Moscow, Russia)
mikhail017@mail.ru

Ivanov S. M

PhD (Pedagogy), Associate Professor
Moscow State Linguistic University
(Moscow, Russia)
cergey.ivanov.79@internet.ru

Fedorov I. G.

Moscow State Linguistic University
(Moscow, Russia)
fedorovig2018@yandex.ru

**PSYCHOLOGICAL AND PEDAGOGICAL ASPECTS
OF ADAPTATION OF THE FIRST YEAR STUDENTS
TO THE CONDITIONS OF EDUCATIONAL ENVIRONMENT
(BY THE EXAMPLE OF PHYSICAL CULTURE AND SPORT)**

The process of students' adaptation to the conditions of educational and training environment of higher education institution represents an area of extremely topical attention, as it is considered from the point of view of student's health preservation. In this study, it is proposed to consider the problems of adaptation of first-year students through the analysis of the interacting components of the above-mentioned activity: motor training, motivational aspects, mental reactions.

Keywords: adaptation potential; means of physical training; physical activity; psychophysical adaptation; level of physical fitness

Введение

Изучение процесса адаптации студентов к условиям образовательной среды актуализировано поиском адаптивных и восстановительных мер с учетом современных требований к высшей школе.

Одним из таких требований является здоровьесберегающая функция образовательной организации. Предметная направленность физической культуры в своей основе также соответствует здоровьесберегающей функции, одним из показателей ее реализации являются формируемые компетенции, предусмотренные Федеральным государственным образовательным стандартом высшего образования (*далее – ФГОС*).

В данной работе адаптационный аспект в рамках физической культуры и спорта в вузе является *объектом* исследования и рассматривается в комплексе спортивно-массовой и учебной деятельности.

Целью исследования определен поиск новых методических приемов, стимулирующих факторов, позволяющих решить задачи использования физических упражнений в учебном процессе с учетом их адаптационного воздействия на обучаемых.

В ходе исследования изучены мотивационные аспекты использования средств физической культуры и спорта в период обучения. Сделаны промежуточные выводы о влиянии физкультурно-спортивной деятельности на адаптацию обучающихся к учебному процессу в вузе. Апробированы варианты содержания учебных занятий по дисциплине «Физическая культура» с учетом меняющихся требований и форм их организации, в том числе дистанционного обучения.

Основные положения

Адаптация студентов к учебному процессу в вузе в целом влияет на профессиональную подготовку молодых специалистов. От того, как долго по времени и по различным «затратам» происходит процесс адаптации, зависят текущие и предстоящие успехи студентов, процесс их профессионального становления [Салманова, 2017].

Отмечено, что адаптационное время и уровень адаптации во многом влияют на успешное усвоение образовательной программы, психологический комфорт, удовлетворенность личности профессиональным выбором – на эффективность функционирования системы высшего образования в целом [Жаренкова, 2005].

Психолого-педагогический подход в изучении адаптационных процессов определяет комплексность данного явления, целостность кото-

рого включает в себя социальный, психологический, психофизиологический, социально-психологический, социально-профессиональный и педагогический аспекты (см. Д. А. Салманова, А. А. Жаренкова и др.).

В ходе данного исследования, обращая внимание на психофизическую сторону адаптации, мы дополнили вышеупомянутый комплекс медицинским и физическим аспектами.

Сущностное понимание психофизического состояния человека исходит из его психических составляющих (эмоции, мысли, чувства) и физических характеристик (физическое развитие, физическая подготовленность, мышечный тонус). Учитывая, что вышеперечисленные компоненты в своей взаимосвязи положительно влияют на способность человека адаптироваться к условиям окружающей среды, в совокупности отражают триединую характеристику здоровья индивида, а именно его физическое, духовное и социальное благополучие.

Отмечая многогранность образовательной среды вуза, мы выделяем субъективные и объективные факторы, оказывающие психологическое воздействие на обучаемых.

Основным источником психологического возбуждения для обучающихся являются объективные факторы образовательной организации, которые отражают единые требования порядка, правил и обязанностей для всех участников учебного процесса. К ним относятся: приказы и другие юридические акты, разрабатываемые организацией; требования учебных планов и образовательных программ; расписание занятий, определяющее время и место проведения занятий; требования учебных предметов, касающиеся всех видов учебных занятий (лекции, практические занятия, семинары и др.). Из всех перечисленных факторов наибольшее психологическое воздействие на студента оказывают требования учебных предметов, обеспечивающих непосредственный контакт и взаимодействие студента с преподавателем. К предметным требованиям, как правило, относятся следующие элементы: посещаемость занятий, фонд оценочных средств, требования к рубежному контролю, промежуточной аттестации и др.

Субъективные факторы характеризуются психологической реакцией индивида на выполнение учебных задач, в том числе устные и письменные ответы. Применительно к предмету «Физическая куль-

тура» психологическая реакция отчасти связана с психофизическим состоянием, обусловленным физиологическими особенностями организма, физическим развитием, непосредственным самочувствием и физическим состоянием. Совокупность перечисленных составляющих является своего рода потенциалом, обеспечивающим адаптационные возможности индивида.

Личностный адаптационный потенциал индивида, проявляющийся в период обучения в вузе, рассмотрен исследователями с различных позиций.

В структуре понятия адаптационного потенциала А. Г. Маклаков определяет следующие характеристики: нервно-психическая устойчивость, уровень развития которой обеспечивает толерантность к стрессу; самооценка личности, являющаяся ядром саморегуляции, определяющая степень адекватности восприятия условий деятельности и своих возможностей; ощущение социальной поддержки, обуславливающее чувство собственной значимости для окружающих; уровень конфликтности личности; опыт социального общения [Маклаков, 2001].

К числу названных составляющих адаптационного потенциала ряд ученых причисляет индивидуальные личностные характеристики: Д. А. Леонтьев видит в этом способность личности преодолеть саму себя; В. Н. Марков выделяет мотивацию личности; духовно-нравственные стороны личности представляет С. В. Величко; психическое здоровье как интегрирующая характеристика рассмотрена Н. Л. Коноваловой; В. А. Кулганов, Л. С. Шенберг, Л. А. Короткова добавляют в перечень составляющих адаптационного потенциала адекватность самооценки, активность и мотивацию; С. Т. Посохова акцентирует внимание на активности личности.

По нашему мнению, адаптационный потенциал как совокупность личностных свойств в большей степени относится к субъективным факторам, что в определенной степени характеризует психофизическое состояние индивида.

Проведенные исследования, независимо от выявленных характеристик адаптационного потенциала, не дают точного объяснения механизма его формирования в процессе учебной деятельности.

Ранее высказанному тезису о взаимообусловленности психического и физического компонентов соответствует *гипотеза* о влиянии физического тренинга на адаптационную эффективность человека в условиях изменяющейся среды.

Несмотря на известный постулат положительного влияния физических упражнений на формирование здорового образа жизни человека, повышение умственной и физической работоспособности, профилактику различного рода заболеваний, остается противоречие между пониманием необходимости использования средств физической культуры для повышения эффективности процесса адаптации студентов первого курса к обучению в вузе и недостаточно разработанной технологией реализации этого процесса в педагогической теории и образовательной практике [Лахтин, 2011].

Методы и организация исследования

В рамках проведенной научной работы были использованы методы анализа актуальных научных исследований в области адаптации обучающихся к условиям образовательной среды, в том числе с использованием средств физической культуры (В. Ю. Карпов, А. Ю. Лахтин, Е. С. Левченко и др.).

С помощью анализа и синтеза показателей освоения учебной дисциплины «Физическая культура и спорт» студентов первого курса института Международных отношений и социально-политических наук ФГБОУ ВО МГЛУ сделаны предварительные выводы о влиянии используемых средств физической культуры на адаптационные возможности обучаемых.

Исследование проводилось поэтапно. На первом этапе был организован учебный процесс по освоению дисциплины «Физическая культура и спорт» со студентами первого курса института Международных отношений и социально-политических наук ФГБОУ ВО МГЛУ.

На втором этапе был проведен анализ по четырем показателям, учитываемым при аттестации обучаемых. К ним относятся: посещаемость занятий физической культурой; выполнение методических заданий на учебных занятиях; участие в спортивно-массовых меро-

приятнях вуза и вне вуза, в том числе занятиях в спортивных секциях, выполнение спортивных разрядов, норм ГТО; результат балльного рейтинга по итогам зачета студентов.

Результаты исследования и их обсуждение

Анализ фактических результатов первого курса в первом семестре обучения позволил определить степень влияния используемых средств физической культуры на мотивационный аспект, определяющий активность участия студентов в рамках учебного предмета «Физическая культура и спорт».

Первый этап характеризуется разъяснительной работой по информированию студентов первого курса о выполнении требований для изучения дисциплины «Физическая культура». Доведение информации осуществлялось на вводных и последующих практических занятиях, в индивидуальных беседах, в электронной образовательной среде вуза и др. Результаты учебной и спортивно-массовой работы фиксировались в учебных журналах групп, протоколах и списках участников мероприятий.

Для определения результатов выполнения учебных заданий использовалась балльная оценка, в том числе для результатов сдачи нормативов по физическим упражнениям; посещаемости учебных занятий, сдачи норм ГТО, участия в соревнованиях университета и соревнованиях другого ранга.

На втором этапе научного исследования проведен анализ номинированных позиций контроля. Сравнительный анализ проведен по трем категориям студентов первого курса: с высоким, средним и низким уровнями физической подготовленности.

В заключении сделаны обобщающие выводы и даны рекомендации по аспектам использования средств физической культуры в решении вопроса адаптации студентов к условиям образовательной среды.

Критерий посещаемости студентами занятий физической культурой определялся по сумме баллов, начисленных за каждое занятие (рисунок 1, ФП – физическая подготовка). Полученный результат свидетельствует о следующем: о наибольшем количестве посещений занятий студентами со средним уровнем физической подготовленности

в первых месяцах учебы в вузе; средней посещаемости студентами с низким уровнем физической подготовленности; низкой посещаемости студентами с высоким уровнем физической подготовленности. Выявленные итоги посещаемости свидетельствуют об адекватном понимании системы начисления баллов студентами I курса и оценке своих возможностей выполнить зачетные требования. Другими словами, студенты с высоким уровнем подготовленности, например спортсмены, рассчитывали набрать необходимое количество баллов за счет участия в спортивных мероприятиях, посещения секций и др.

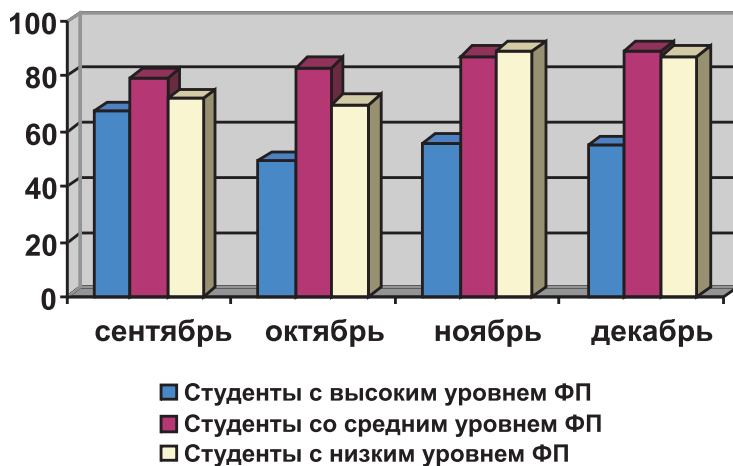

Рисунок 1. Результаты контроля посещаемости занятий физической культурой студентами I курса в первом семестре обучения (сумма баллов)

Критерий выполнения методических заданий в ходе учебных занятий определялся активностью участия студентов в проведении физических упражнений в подготовительной части (рисунок 2). В данном компоненте наибольшую активность показали обучаемые с высоким уровнем физической подготовленности. Названная категория имеет определенный опыт физкультурно-спортивной деятельности, поэтому наиболее уверенно представляет физические упражнения.

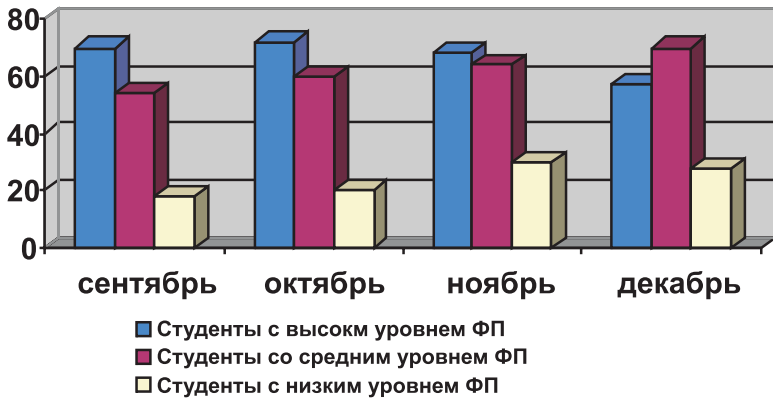

Рисунок 2. Результаты выполнения методических заданий в ходе учебных занятий (активность участия)

Критерий активности участия студентов I курса в спортивно-массовых мероприятиях определялся выступлением названных категорий в соревнованиях внутри вуза и за его пределами, посещением спортивных секций университета и секций за его пределами, результатами сдачи норм ГТО (рисунок 3). Наибольшую активность по этому критерию показали обучаемые с высоким уровнем физической подготовленности. Низкую активность, как и предполагалось, проявили студенты с низким уровнем физической подготовленности.

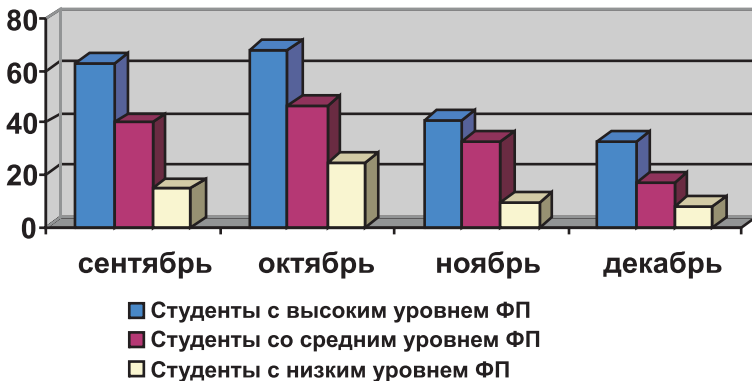

Рисунок 3. Результаты участия в спортивно-массовых мероприятиях (активность участия)

Критерий общего рейтинга определялся по итогам выполнения всех зачетных требований (рисунок 4). Градация по рейтингу распределилась следующим образом: студенты со средним уровнем физической подготовленности, далее – с высоким и низким уровнем физической подготовленности. Вторая позиция студентов с высоким уровнем физической подготовленности объясняется тем, что обучаемые из этой категории не добрали баллы за посещаемость и значительная их часть не добились высоких спортивных результатов, за которые начислялись повышенные баллы.

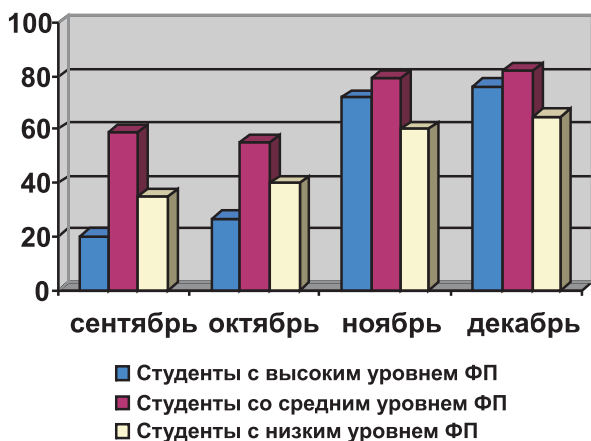

Рисунок 4. Результат общего рейтинга по итогам зачета студентов I курса по дисциплине «Физическая культура и спорт» в первом семестре обучения

На основании результатов четырех критериев (средний арифметический показатель) выявлен уровень мотивации студентов к занятиям физической культурой (рисунок 5). Определяя мотивационный рейтинг, мы приходим к выводу о степени включенности в учебный процесс в рамках дисциплины «Физическая культура», из которого следует, что наибольшую активность и заинтересованность в обучении проявляют студенты со средним уровнем физической подготовленности, имеющие высокий показатель по основному критерию «Посещаемость» и критерию «Общий рейтинг». Студенты с высоким уровнем подготовленности отдают предпочтение самостоятельным занятиям,

при этом имеют высокие баллы по общему рейтингу. Студенты с низким уровнем подготовленности, как правило, ограничиваются баллами, набранными в процессе учебных занятий. По итогам выявленных результатов с ноября по декабрь у студентов с высоким и средним уровнями физической подготовленности отмечается снижение мотивации. Это объясняется переходом с очного на дистанционное обучение. Студенты с низким уровнем физической подготовленности сохранили мотивационную составляющую за счет посещаемости в этот период.

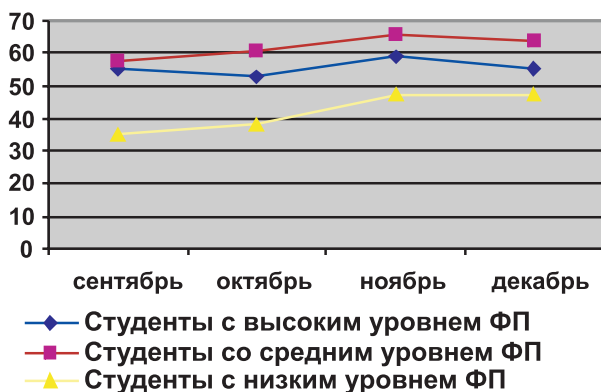

Рисунок 5. Уровень мотивации к занятиям физической культурой студентов I курса в первом семестре обучения

Категориям обучаемых, освобожденных от занятий физической культурой по состоянию здоровья более месяца, а также студентам, имеющим специальную медицинскую группу, предоставлялась возможность набрать пороговый минимум баллов за подготовку реферата.

Необходимо отметить подтверждающие факты ранее проведенных исследований, свидетельствующие о том, что предшествующий высокий уровень физической и спортивной подготовленности студенческой молодежи, поступившей в высшие учебные заведения, находится в числе важных факторов, влияющих на протекание адаптационных процессов в организме студентов и оказывающих существенное воздействие на их самоопределение в учебном коллективе [Карпов, 2005].

Выводы

Можно предположить, что всё вышепредставленное в прямом отношении и косвенно коснулось адаптационного процесса в целом, учитывая также физические упражнения как здоровьесберегающее средство, позволяющее снизить стрессовую нагрузку, восстановить недостаток двигательной активности, в том числе повысить разнообразие студенческой жизни и расширить круг общения в условиях образовательной среды посредством участия студентов в коллективной деятельности.

На основании полученных результатов можно сделать следующие заключения:

1. Предложенная система начисления баллов позволила учесть используемые средства и методы физического воспитания как в рамках учебного процесса, так и вне учебной деятельности. Это расширило возможности студентов участвовать в физкультурной и спортивной жизни вуза. Помимо основного предметного критерия – «Посещение учебных занятий», обучающимся было дано право выбрать приоритетное направление для получения необходимого количества баллов.
2. Приемлемые аттестационные требования позволили снизить психологическую напряженность у обучаемых с различной физической подготовленностью, в том числе у студентов, освобожденных от практических занятий по состоянию здоровья.
3. Вышперечисленные факторы позволили создать условия для адаптации студентов к новым требованиям по учебному предмету «Физическая культура и спорт», что подтверждается мотивационной составляющей обучаемого контингента.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Жаренкова А. А. Особенности психолого-педагогической поддержки первокурсников в процессе адаптации к условиям вуза: автореф. дис. ... канд. психологич. наук. М., 2005.

- Карпов В. Ю.* Влияние физкультурно-спортивного опыта студентов на их адаптацию к обучению в вузе // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2005. № 1. С. 43–46.
- Лахтин А. Ю.* Адаптация студентов первого курса к обучению в вузе средствами физической культуры: автореф. дис. ... канд. пед. наук. Барнаул, 2011.
- Маклаков А. Г.* Личностный адаптационный потенциал: его мобилизация и прогнозирование в экстремальных условиях // Психологический журнал. 2001. Т. 22. № 1. С. 16–24. Ал
- Салманова Д. А.* Психолого-педагогические аспекты адаптации студента в вузе // Аспекты и тенденции педагогической науки: материалы II Междунар. науч. конф. СПб., 2017. С. 76–79.

УДК 930.85

Артёмова Л. В.

кандидат исторических наук, доцент

Военный университет им. князя Александра Невского

Министерства обороны Российской Федерации

(Москва, Россия)

Zadanie.2020@mail.ru

РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА XVIII ВЕКА КАК ВАЖНЫЙ ЭТАП В СТАНОВЛЕНИИ НАЦИОНАЛЬНОГО САМОСОЗНАНИЯ РУССКОГО ОБЩЕСТВА

В статье представлен анализ становления национального самосознания русского общества через произведения поэтов и писателей XVIII века. Рассматривается влияние классицизма на формирование русской литературы. Показано, что русский классицизм, взяв за основу теорию западноевропейского, обогатил ее национальными особенностями, выделены характерные особенности русского классицизма. Также автор подчеркивает, что сентиментализм вытеснил классицизм и определил совершенно другие идеи и нормы жизни.

Ключевые слова: литература; классицизм; сентиментализм; рационализм; идеи; национальное самосознание

Artyomova L. V.

PhD (History), Associate Professor

Military University named after Prince Alexander Nevsky

Ministry of Defense of the Russian Federation,

(Moscow, Russia)

Zadanie.2020@mail.ru

RUSSIAN LITERATURE OF THE 18TH CENTURY AS AN IMPORTANT STAGE IN THE DEVELOPMENT OF NATIONAL SELF-CONSCIOUSNESS OF RUSSIAN SOCIETY

The article provides an analysis of the formation of the national self-consciousness of Russian society through the works of poets and writers of the 18th century. The influence of classicism on the formation of Russian literature is considered. It is shown that Russian classicism, taking the theory of Western European classicism as a basis, enriched it with national features, highlighted the characteristic features of Russian classicism. The author also emphasized that sentimentalism replaced classicism and determined completely different ideas and norms of life.

Keywords: literature; classicism; sentimentalism; rationalism; ideas; national identity

Русская литература имеет огромное воздействие на человека, а преемственность – важная особенность и закономерность развития литературы, обусловленная историческим процессом. XVIII век остается одним из замечательных культурных эпох в России. Многие страны в этот период переживали экономические, политические и духовные перемены.

Реформы Петра I вывели страну на европейский путь развития, за несколько десятилетий изменения коснулись и культуры. А. С. Пушкин, делая анализ этого периода, напишет: «Россия вошла в Европу как спущенный корабль, при стуке топора и громе пушек...», отмечая, что «...Европейское просвещение причалило к берегам завоеванной Невы <...> Новая словесность, плод новообразованного общества, скоро должна была родиться» [Пушкин, 1951, с. 307–308].

Европеизация России начала XVIII века нашла отражение в литературе того времени, при этом Россия допетровской поры вошла составляющей частью в литературу петровской России. Традиции древнерусской литературы, ее жизнестойкость, патриотизм, нравственная основа стали отражением мировоззрения как в области культуры, так и в политике.

Беря за основу только подлинные факты, Г. А. Гуковский изучал развитие литературы XVIII века и пришел к выводу, что она «попадала в сферу действия старых традиций, переданных современниками Тредиаковского и Ломоносова еще XVII веком и петровской эпохой». При этом отмечал, что «влияние эстетических, культурных ценностей Запада не мешало формированию самобытной литературы, обусловленной своеобразием исторического пути России» [Гуковский, 1999, с. 453].

Важнее всего понимать высокую роль литературы в обществе, ее отказ от давления церкви и независимость от политических институтов и в то же время стремление к использованию литературы для нужд государства.

В XVIII веке классицизм завоевал умы русских писателей. Следующим направлением, пришедшем ему на смену, был сентиментализм.

Ломоносов, Державин, Жуковский, Фонвизин, Сумароков, Радищев, Карамзин были отражением этой эпохи, которая ввела в обиход важные качества – «учительство» или «дидактичность». В произведениях стали превалировать идеи сильного независимого государства с крепкой и абсолютной властью монарха.

Рационализм, разум стал приоритетом классицистического искусства. Борьба между долгом и чувством, вступающим в постоянное противоречие, с обязательной победой долга перед Родиной, обществом, семьей является основой в произведениях классицистических трагедий, где долг – это рациональное понятие, а чувства – необузданная стихия. Например, М. В. Ломоносов в стихотворении «Разговор с Анакреоном» раскрывает эту тему подробно: «...Не возмущайте боле, / любовны мысли, ум; / Хоть нежности сердечной / В любви я не лишен, / Героев славой вечной / Я больше восхищен». «... Я долго размышлял и долго был в сомненье...» [Ломоносов, 1965, с. 286–287, 293].

Этот период русской литературы отличается тем, что появляются индивидуально сильные авторы, формируются писатели и поэты нового типа, литературная деятельность которых обуславливалась силой и целостностью личности. Проблема личности, возрожденная писателями и утверждавшая новый идеал человека, способы и формы его оценки, формировала новую гуманистическую идеологию, складывающуюся на русской православной почве, чем и обусловила формирование российской идеи, несмотря на влияние западной гуманистической концепции.

Безусловно, данное влияние не могло не сказаться на художественной практике поэтов русского классицизма, тем более что оно пришло из Франции, где начало формироваться в XVII веке.

Классицизм выше всего ставил личность, называл ее высшей ценностью бытия и освобождал от религиозно-церковного влияния. Русский классицизм, взяв за основу теорию западноевропейского классицизма, обогатил ее национальными особенностями.

Мы выделяем пять характерных особенностей русского классицизма:

1. Произведения обращаются непосредственно к человеку и раскрывают явления русской жизни. Это басни, комедии, всевозможная сатира, то есть произведения несут сатирическую направленность.
2. Устное народное творчество, отражающее народные традиции и подчеркивающее гражданственность.
3. В основе произведений личность как определяющий фактор раскрытия душевного мира человека.
4. Патриотизм. Герой произведения – человек-гражданин, отдающий себя и свою деятельность на укрепление государства, его единства и могущества.
5. Описание общества со всеми его пороками и недостатками.

В результате мы видим, что российский классицизм развивался в виде обозначившихся противоречий, как самобытный национальный вариант, но в форме общеевропейского стиля.

Так, М. В. Ломоносов сразу стал отрицать классический классицизм и нарушать устоявшиеся правила, предложив собственную художественную форму оды. Он определил три «штиля» в художественной литературе: оды – героические поэмы – соответствовали высокому, торжественному «штилю», элегии и драмы – среднему, комедии и басни – низкому.

Таким образом, поэт в своих произведениях должен был использовать «штиль», отражающий написание соответствующей оды или басни, не нарушая общепринятых норм. В этот период основными жанрами были героическая поэма и ода. Пользовалась популярностью у авторов философская ода с известным вопросом: «В чем же смысл существования человека?». В оде не приветствовалось описание мирского и приземленного, рассматривалось лишь возвышенное и величественное.

Продолжая сопоставлять русский и французский классицизм, можно выявить несколько отличий:

1. Тесная связь с современностью и характерная обличительная направленность – данное литературное направление оформилось в 30-х – 50-х годах, когда государство стояло на перепутье: двигаться

вперед по наставлениям Петра I или вернуться к старым феодальным порядкам.

2. Идеологию абсолютизма заменяет идеология просветительства. Под влиянием французских просветителей Руссо, Дидро, Вольтера русские писатели через свои произведения призывали к образованию и получению знаний для всех, установлению твердых законов и внесловной ценности человека.

3. Идеи русского классицизма носили общественный характер и отличались прогрессивностью. Писатели осуждали жестокость, эгоизм помещиков, при этом не выступая за отмену крепостного права открыто.

4. Еще одним отличием было отношение к античной литературе: русский классицизм рассматривал национальные традиции, устное народное творчество, обращаясь к собственной истории.

Поэтому, не останавливаясь на абсолютизме, писатели больше надеялись на просвещенного монарха и в своих произведениях пытались ему объяснить, что он такой же человек, как они, только выполняющий священный долг перед государством.

Сентиментализм вытеснил классицизм и определил совершенно другие нормы жизни и идеи. Если классицизму было неинтересно что-то конкретное и тем более частное, а человек рассматривался как функция для достижения блага, то сентиментализму присуще обращение к внутреннему миру человека. В сентиментальных произведениях выдвигается идея развития чувства сострадания, и, как следствие, теряется необходимость прививать этические нормы и писать проповеди, очерчивающие данные нормы. Появляется образ совершенно нового человека-героя, персонажа, обладающего способностью находить высшее наслаждение в помощи другим, допускать бурю эмоций при несчастье другого, проявлять сострадание. Так, в повести Н. М. Карамзина «Бедная Лиза», опубликованной в 1792 году в «Московском журнале», описывается, как после смерти отца, «зажиточного поселянина», юная Лиза вынуждена трудиться не покладая рук, чтобы прокормить себя и мать. Сиповский В. В., ученик Карамзина, писал о том, какие эмоции вызывала Лиза: «Сладко разделять и самые жестокие других несчастья!.. Мы чувствовали всю сладость участия и,

несмотря на текущие слезы, сердце наше тайно восхищалось, видя себя к тому способным <...> Но всего чаще привлекает меня к стенам Симонова монастыря воспоминание о плачевной судьбе Лизы, бедной Лизы. Ах! Я люблю те предметы, которые трогают мое сердце и заставляют меня проливать слезы нежной скорби!» [Сиповский, 1899, с. 459]. Повесть считается самым выдающимся сентименталистическим произведением.

В результате три «штиля» постепенно утратили свою популярность и актуальность, оды перестали писать, а основными жанрами стали идиллия и элегия. В результате произошел синтез новых условий, сформировавшийся в период разворачивающейся антифеодальной борьбы, при которой классицизм не принимал человека как такового и не мог выразить его идеал. Поэтому и возникла художественная литература, пытающаяся объяснить жизнь со всеми ее противоречиями, а не идеализировать ее.

Русская литература XVIII века по праву считается важным этапом в становлении русского общества, формировании национального самосознания, духовной самобытности и имеет огромное воздействие на человека. Первые десятилетия заложили основу новых идейных представлений, литературных жанров, которые развивались, видоизменялись, но в дальнейшем давали опору для дальнейшего совершенствования. Именно в этот период утвердился классицизм как основное литературное направление, но он носил свой национальный самобытный характер. Был видоизменен и преобразован стиль стихосложения и сформирован русский литературный язык.

Русская литература находится на достойном месте в мировой культуре и помогает познавать действительность, расширяет эмоциональный опыт человека, воспитывает, развивает художественный вкус, и, помимо этого, способствует получению человеком эстетического наслаждения, занимающего большое место в жизни и являющегося одной из его потребностей. Но самая главная задача литературы – глубокие и устойчивые обобщенные «теоретические» чувства, побуждающие выкристаллизовать свое мировосприятие, которое будет направляющим в поведении личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гуковский Г. А.* Русская литература XVIII века. Учебник М. : Аспект Пресс, 1999.
- Ломоносов М. В.* Избранные произведения. М. – Л. : Советский писатель, 1965.
- Пушкин А. С.* Полн. собр. соч.: в 10 т. М.; Л., 1951. Т. 7.
- Сиповский В. В.* Н. М. Карамзин – автор «Писем русского путешественника». СПб., 1899.

УДК 930.2

Беседина Е. А.

кандидат исторических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
e.besedina@spbu.ru

Буркова Т. В.

кандидат исторических наук, доцент
Санкт-Петербургский государственный университет
(Санкт-Петербург, Россия)
t.burkova@spbu.ru

МЕМОРИАЛЬНАЯ ДОСКА: АННОТАЦИОННАЯ ТАБЛИЧКА ИЛИ «ДОКУМЕНТ» ЭПОХИ

Рассматривая феномен мемориальных досок как одного из самых распространенных способов коммеморации, авторы приходят к выводу, что эти памятные знаки выполняют роль своеобразного визуального «документа», источника для представления, осознания, изучения того или иного исторического периода широким кругом наблюдателей.

Ключевые слова: мемориальная доска; коммеморация; культурно-историческое наследие; историко-культурное пространство; визуальный документ

Besedina E.A.

PhD (History), Associate Professor
Saint Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)
e.besedina@spbu.ru

Burkova T.V.

PhD (History), Associate Professor
Saint Petersburg State University
(St. Petersburg, Russia)
t.burkova@spbu.ru

MEMORIAL PLAQUE: ANNOTATION PLATE OR “DOCUMENT” OF THE EPOCH

Considering the phenomenon of memorial plaques as one of the most common ways of commemoration, the authors come to the conclusion

that these commemorative signs serve as a kind of visual “document”, a source for the presentation, understanding and study of a particular historical period by a wide range of observers.

Keywords: memorial plaque; commemoration; cultural and historical heritage; historical and cultural space; visual document

Начиная с XX века, одной из самых распространенных форм коммеморации в России является установка мемориальных досок. Мемориальные доски как культурно-исторический феномен и весь комплекс проблем, связанный с их бытованием в социокультурном пространстве городов, стали в последние годы актуальным объектом изучения как с позиций отдельных сфер знания: культурологии, истории, искусствоведения, лингвистики, – так и с точки зрения междисциплинарного подхода.

Популярность описываемых видов знаков памяти в коммеморативной практике не случайна. Они отличаются большей «демократичностью» как средство поддержания и развития исторической памяти по сравнению с монументальными памятниками. Их легче поместить в окружающий архитектурный ландшафт. Становясь составным элементом городской среды, мемориальные доски, как правило, «деликатно» вписываются в социокультурное пространство, не требуют дополнительной его организации. Они могут располагаться как на фасадах домов, так и в самом здании или на территории какого-либо мемориального или промышленного комплекса. Наконец, их создание и содержание представляется явно более экономичным для городского бюджета. Можно утверждать, что именно по этим причинам мемориальные доски зачастую становятся первой формой коммеморации, предшествующей появлению в конкретном месте памяти мемориального музея или монументального памятника.

Рассматриваемые знаки коммеморации выполняют три важнейшие функции: историко-мемориальную, информационно-коммуникативную и художественно-эстетическую. Именно первые две функции позволяют памятной доске стать не просто «связующим звеном» между прошлым и настоящим, но и донести до современного наблюдателя сведения об исторических событиях и героях, в подавляющем боль-

шинстве случаев подтвержденные «строгими» историческими, архивными документами. Необходимо отметить, что в реализации современной коммеморативной практики всё большее значение приобретают законодательные нормы регулирования этого процесса, в которых важное место отводится именно вопросу документального подтверждения правомочности установки памятного знака [Беседина, Буркова, 2018]. Художественно-эстетическая функция не просто дополняет или усиливает названные выше функции. Мемориальные доски – ныне самая массовая, по мнению многих исследователей, форма монументального искусства в городе – имеют свои законы прочтения и эмоционального воздействия на зрителя.

В то же время мемориальные доски являются весьма своеобразными «маркерами» городского пространства и обладают одной важной особенностью, которая выделяет их из всего ряда знаков коммеморации: «...в них есть то, что “привязывает” память о человеке или событии к данному месту, то, что является для зрителя сигналом, обозначающим: “только здесь, и нигде более”» [Беседина, 2014, с. 69].

Основополагающий элемент мемориальной доски – ее текст. Он достаточно лаконичен и доносит до читателя самые общие, но документальные сведения о том или ином событии или герое. Однако за скупой строкой мемориальной доски таится, как правило, несколько весьма важных информационных слоев, которые можно уподобить «культурным слоям», известным каждому историку. Умение «считывать», «раскрывать» такие слои дает возможность читателю актуализировать «дремлющие» в нем фоновые исторические знания, а значит, еще ярче, образнее представить себе ту эпоху и взаимосвязь событий либо характер и образ человека, о которых повествует данный памятный знак.

Попробуем выделить информационные слои, которые может раскрыть внимательному читателю, особенно обладающему фоновыми знаниями, текст мемориальной доски, установленной в 2019 году в селе Коршево Бобровского района Воронежской области в память об Алексее Сергеевиче Суворине: «Суворин Алексей Сергеевич / 1834–1912 / Известный журналист, / книгоиздатель и меценат. / Родился в селе Коршево / В 1904 году на его средства было построено /

народное училище»¹. В данном случае памятный знак маркирует не само место рождения и первых лет жизни героя, а здание земского уездного училища, построенное по его инициативе в родном селе почти 120 лет назад (ныне в здании располагается сельский музей). Следовательно, это село, известное еще с допетровских времен, было на рубеже XIX–XX веков одним из центров начального образования своего уезда. Характеристика, данная А. С. Суворину в тексте, предоставляет возможность вспомнить хотя бы самые известные страницы его просветительской деятельности и их значение для общественной жизни России второй половины XIX – начала XX столетия. Журналист – знаменитые политические фельетоны в ведущих столичных газетах, издание популярнейшего «Нового времени». Книгоиздатель – издательство А. Суворина было одной из крупнейших фирм в российском книжном деле, известной своими справочниками («Русский календарь», «Вся Россия», «Весь Петербург»), а также сериями «Дешевая библиотека» и «Дешевая научная библиотека». Меценат – сюда можно отнести и издательскую деятельность по популяризации литературной классики, и открытие в Петербурге театра Суворина, и создание первой частной школы типографского дела. Наконец, сведения о строительстве на средства Алексея Сергеевича народного училища в Коршево напоминают нам о реформах Александра II в области образования и значении в развитии народного образования частных лиц.

Информационно-коммуникативная функция мемориальных досок свидетельствует о том, что эти памятные знаки выступают надежным инструментом трансфера знаний, передачи от автора или заказчика текста к читателю как определенных исторических или биографических сведений, так и социально-политических установок. С точки зрения лингвистики содержанию мемориальных досок присуща ритуальность и институциональность, что роднит их с теми видами политических текстов, ориентированных на восприятие широкой публикой. Их тексты, как правило, имеют ряд фиксированных компонентов, обладающих свойствами номинативности и стандартности, принятыми

¹ Мемориальные доски А. С. Суворину // Литературная карта Воронежской области. URL: <https://lk.vrnlib.ru/?p=post&id=222>

в конкретный исторический период, а значит, также помогающими лучше представить атмосферу, идеологию того или иного периода [Беседина, Буркова, 2020].

С другой стороны, для некоторых периодов развития исследуемой формы коммеморации, наряду с традицией сохранения лаконизма их содержания (хотя и в этом случае допускается наличие афористичности, необычных эпитетов, цитат), становится возможным создание подробных описательных текстов, особый их пафос. Появление таких мемориальных досок было характерно для первых послереволюционных лет, хотя подобные образцы можно было встретить и в 1930-х годах. Пространные тексты размещались главным образом на памятных досках, посвященных историческим деятелям, в честь которых были названы улицы, предприятия, учреждения. Так, в 1929–1930 годах в трамвайном парке Ленинграда, получившем имя революционера К. Н. Блохина, был установлен мемориальный знак в память этого героя. Высеченный на мраморе текст дает представление о короткой, но яркой жизни К. Н. Блохина, и это представляется совершенно оправданным и необходимым для многих поколений работников предприятия.

Художественное оформление памятных досок также может придавать им определенную «документальность» с помощью изобразительных средств. Хотя мемориальные доски как второй половины XIX века, так и первой половины XX столетия не отличаются богатым и разнообразным визуальным рядом, но и то время оставило нам образцы чрезвычайно интересных памятных знаков, отражающих суть своей эпохи.

Среди появившихся на заре Советской власти в 1918 году в самом начале осуществления знаменитого ленинского плана монументальной пропаганды коммеморативных знаков особое место занимает мемориальная доска «Павшим в борьбе за мир и братство народов» работы С. Т. Конёнкова. Выполненная на стене Сенатской башни Кремля доска, материалом для которой послужил недолговечный раскрашенный цемент, по художественному впечатлению сродни древнерусской керамике [Лазарев, 2001]. На панно был изображен крылатый Гений Победы с красным знаменем в правой руке и символом

бессмертия – пальмовой ветвью – в левой. У его ног – поломанные сабли и ружья, опоясанные траурной лентой. За спиной Гения восходит солнце, в золотистых лучах которого читаются слова: «Октябрьская 1917 Революция». Безусловно, эта памятная доска выделяется на фоне остальных мемориальных знаков своей «нетипичностью»: здесь можно увидеть и отсыл к античным образам, и переключку с образом героини «Свободы на баррикадах» Э. Делакруа, и цель – вечные ценности.

Примерно с 1980-х годов в композиции памятных знаков всё чаще включаются символы и образы, передающие зрителю информацию о профессии или главных достижениях исторического деятеля. Они выступают уже полноправными, наравне с текстом, носителями информации, и в итоге создается своеобразный документальный «коммеморативный ансамбль». Интересным примером такого «ансамбля» может служить мемориальная доска, посвященная Э. М. Генделю и установленная на фасаде дома № 36 по 1-й Тверской-Ямской улице в Москве (2017). Ее текст сообщает о важнейших профессиональных достижениях ее героя: «Эммануил Матвеевич Гендель инженер-строитель, архитектор, / основатель науки и практики передвижки / и выпрямления зданий в СССР / жил в этом доме с 1937 по 1992 гг.». Бронзовые барельефы фасадов зданий, мастерски вписанные скульптором С. Щербаковым в контекст памятного знака, иллюстрируют важнейшие примеры работы архитектора не только в различных городах Советского Союза, но и за рубежом. Здание Моссовета, костел Церковь Вознесения Девы Марии в городе Мост (Чехия, XVI век) были перемещены с первоначального места постройки; церковь Иоанна Предтечи в Толчке в Ярославле, минареты мечети Биби-Ханым и медресе Улутбека в Самарканде выпрямлены по методике «архитектора-передвижника». Барельеф танка, также размещенный на поле мемориальной доски, свидетельствует о том, что талант инженера нашел применение и в годы Великой Отечественной войны. Более полутора тысячи затонувших машин было поднято под руководством Э. М. Генделя и возвращено в строй.

Мемориальная доска как форма намеренной коммеморации представляет собой своеобразный документ эпохи, причем не только той,

которой посвящена, но и той, в которую была установлена. Как отмечает А. В. Святославский, «при составлении таких “писем в будущее” неизбежно происходит отбор наиболее существенных мировоззренческих установок и нравственных ценностей, что и делает мемориальную культуру своего рода концентратом мировоззренческих особенностей той или иной культуры в целом» [Святославский, 2011, с. 4].

Репертуар тем, сложившийся в советской коммеморативной традиции и отраженный в мемориальных досках, хорошо известен. Памятные доски, как и другие знаки коммеморации, устанавливались прежде всего в честь революционных событий и героев, видных государственных и общественных деятелей, деятелей культуры и науки, героев Великой отечественной войны и военных конфликтов 1970–1990-х годов, погибших при исполнении профессионального долга. Особое место занимает Лениниана – мемориальные знаки в честь основателя советского государства и в память о российской революции устанавливались в течение всего советского периода истории, наиболее высокая активность в этом направлении проявлялась в юбилейные годы. Среди других деятелей советского периода, в отношении которых коммеморативная практика оказалась наиболее «плотной», можно отметить М. И. Калинина и А. М. Горького.

С 1990-х годов проблематика коммеморации существенно расширяется: гражданская война (в основном с позиции Белого движения), династия Романовых, политические репрессии и др. Изменяется и ее «глубина» – появляется значительное количество памятных знаков, посвященных жизни и деятельности героев локальной истории – врачам, учителям, спортсменам, журналистам, руководителям предприятий. Подчас таким образом в политический и коммеморативный дискурс включаются события и фигуры, отношение к которым не является устоявшимся и определенным. Так, городское сообщество Оренбурга оказалось в целом лояльным к размещению мемориальной доски, посвященной А. И. Дутову, участнику Белого движения, атаману Оренбургского казачества, а попытка установить в Петербурге памятную доску А. В. Колчаку вызвала протест среди горожан и демонтаж знака по решению суда. Следовательно, можно утверждать,

что мемориальная доска служит своеобразным индикатором общественного мнения по важнейшим проблемам исторического прошлого страны.

Мемориальная доска как документ эпохи переживает и определенную трансформацию текста. Именные мемориальные доски классической для нас формы получили распространение в конце XIX века. Автором определенного стандарта петербургских именных памятных знаков стал архитектор Н. Л. Бенуа, заложивший основы их композиционного решения: текст, расположенный «спокойным», ровным столбцом, прекрасно вычерченные шрифты, отражающие дух времени, широкие поля, придававшие «воздушность», «простор» полированной мраморной поверхности, продуманность каждой детали. Для памятных досок того периода характерен лаконизм, указание лишь имени и дат жизни героя.

Мемориальные знаки послереволюционной поры становятся более «разговорчивыми». В качестве примера рассмотрим памятный знак, установленный в северной столице в 1924 году по инициативе и на добровольные пожертвования жильцов дома № 48 по ул. Ленина (до 1923 года – ул. Широкая), в котором с апреля по июль 1917 года жил В. И. Ульянов. Текст этой доски очень показателен: «В этом доме жил с 16-го Апреля 1917 г. в дни милоковщины и керенщины безсмертный Вождь Российской Мировой Пролетарской Революции Творец Советов и Организатор Коминтерна Владимир Ильич Ульянов (Ленин)»¹. Во-первых, словосочетания, определяющие историческую роль В. И. Ленина в представлении жителей Ленинграда 1924 года, позже станут теми клише, которые будут способствовать мифологизации образа революции 1917 года и ее руководителя. Во-вторых, четко прослеживается идеологическое противопоставление: презрительное «милоковщина и керенщина» и те высокие эпитеты, которые характеризуют героя мемориальной доски. Наконец, эта цитата дает возможность представить образность, эмоциональность, пафосность и одновременно непосредственность, характерные для текстов «революционных» памятных досок 1920–1930-х годов. Именно последнюю черту содержат тексты так называемых «профсоюзных»

¹ Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (ЦГАЛИ СПб). Ф. Р-32. Оп. 1. Д. 61. Л. 66.

досок. Вторая половина 1920-х годов ознаменовалась появлением первых советских «серийных» мемориальных досок, посвященных зарождению и деятельности российских профсоюзов в годы Первой русской революции. Установить такие знаки в Москве и Ленинграде надлежало к юбилейным датам профсоюзного движения и Октябрьской революции. По степени сохранности этих интереснейших документов своей эпохи сегодня лидирует Петербург – в городе насчитывается 35 «профсоюзных» досок. В основном они размещены на фасадах домов, в квартирах которых работали «штабы» профсоюзов или проходили собрания профсоюзов различных специальностей. Их текст достаточно скуп и лаконичен, и тем не менее он замечательно передает современному читателю колорит и атмосферу революционного времени, заставляя задуматься о том, что когда-то в России создавались профсоюзы поваров, портных, приказчиков, «трактирщиков трактирного промысла», «рабочих экипажного производства» и т. д. Позже в ходе реконструкций обветшавших мемориальных досок 1920–1930-х годов стилистика их текстов менялась на более строгую, «сухую», конкретную, хотя также не лишённую революционных клише, т. е. отвечавшую официальному политическому дискурсу Советского Союза второй половины столетия.

Вплоть до 1990-х годов «революционные» и не только мемориальные доски в общем сохраняли также и художественно-композиционный строй, выработанный еще в довоенное время. Их авторы почти никогда не использовали изобразительные элементы. Декоративность и особая выразительность этих памятных знаков достигались ритмичностью рисунка шрифта, который зачастую напоминает русскую книжную графику начала века.

И всё же еще в 1930-х годах в практике художественного оформления мемориальных досок появляется новая тенденция, связанная с введением в композицию памятного знака общепринятых символов определенной сферы профессиональной, общественной или государственной деятельности, характеризующей героя. Со временем чрезвычайно распространенными становятся такие эмблематы, как лавровая, пальмовая или дубовая ветвь, лира, книга, перо, театральный занавес или маска.

В последние десятилетия XX века авторы мемориальных досок начинают всё чаще разнообразить композиции своих творений новыми, порой даже необычными символами и образами, дающими зрителю яркое и достаточно полное представление о профессии или заслугах исторического лица. Например, в Петрозаводске на фасаде дома № 14 по ул. Куйбышева в 2004 году установлена примечательная мемориальная доска, посвященная Линевскому Александру Михайловичу, ученому-археологу, писателю, одному из открывателей знаменитых беломорских петроглифов (V–III тыс. до н. э.) – выбитых или нанесенных краской наскальных изображений, что отражено в соответствующем рисунке на плоскости доски. Форма памятного знака – раскрывающаяся книга – отсылает наблюдателя к знаменитой повести писателя «Листы каменной книги», впрочем, для дешифровки этой информации необходимы фоновые знания.

Атрибуции мемориальной доски как своеобразного документа эпохи ее создания помогает и материал, из которого изготовлен памятный знак. Первые немногочисленные мемориальные доски, установленные в конце XVIII века, изготавливались, как правило, из мрамора. К рубежу XIX–XX веков коммеморативная практика демонстрирует возможности нанесения памятных надписей также на гранитное основание здания, металл. В первые советские годы мемориальные доски выполнялись из мрамора, также использовался недолговечный материал (например, бетон). В 1940-х годах в практику создания мемориальных досок прочно входит гальванопластика. Конец 1940-х – 1950-е годы демонстрируют нам еще большие возможности в использовании материалов для изготовления памятных знаков: на смену недолговечному мрамору приходят гранит, бронза, сочетания камня и металла. В последние десятилетия оказался широко распространён формат именных мемориальных досок в технике гравировки по камню, что, однако, нельзя назвать очень удачным вариантом оформления этих знаков коммеморации. Кроме того – и это тоже можно рассматривать как своеобразный «отпечаток» нашего времени – многие из современных образцов памятных досок «грешат» излишней «компьютерностью». Их текст напоминает текст из компьютерного файла, промежуточного варианта с неправильными смысловыми переносами

слов или блоков слов, без дополнительной обработки и поиска подходящих по стилистике содержания доски шрифтов.

Таким образом, мемориальные доски выполняют роль своеобразного визуального «документа», источника для представления и изучения широким кругом наблюдателей не только отраженного в ней содержания события или строки биографии исторического деятеля, но и того времени, когда она сама стала частью историко-культурного пространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Беседина Е. А.* Город физиков и лириков: Своя «в доску» Калуга // *Родина*. 2014. № 10. С. 69–70.
- Беседина Е. А., Буркова Т. В.* Коммеморативные знаки (на примере мемориальных досок) в правовом пространстве регионов Российской Федерации: к постановке проблемы // *Гуманитарный научный вестник*. 2018. № 1. С. 1–18.
- Беседина Е. А., Буркова Т. В.* Мемориальные доски в контексте политического дискурса современной России // *Когнитивные исследования языка*. 2020. Т. 3 (42). С. 311–316.
- Лазарев Е.* Икона революции // *Наука и религия*. 2001. № 11. С. 11–13.
- Святославский А. В.* Среда обитания как среда памяти: к истории отечественной мемориальной культуры: автореф. дис. ... д-ра культурологии. М., 2011.

УДК:372.881.111.1

Бобкова П. В.

кандидат филологических наук

Московский государственный лингвистический университет

(Москва, Россия)

gewerkschaft@inbox.ru

СИСТЕМА ОБУЧЕНИЯ ИНОЯЗЫЧНОМУ ДИСКУРСУ В МАГИСТРАТУРЕ

Статья посвящена вопросам разработки эффективной системы обучения иноязычному дискурсу магистрантов, осваивающих нелингвистические специальности в Институте гуманитарных и прикладных наук Московского государственного лингвистического университета. В основе разработки системы обучения иностранному языку на уровне магистратуры – индивидуализация и дифференциация, студоцентричность, академичность, а также профессионализация, целью которой является формирование профессиональной идентичности, развитие релевантных компетенций у магистрантов при помощи моделирования профессиональной деятельности.

Ключевые слова: английский язык; дифференциация; индивидуализация; иноязычный профессиональный дискурс; магистратура; профессионально-ориентированный подход; ценностно-ориентированный подход

Bobkova P. V.

PhD (Philology)

Moscow State Linguistic University

(Moscow, Russia)

gewerkschaft@inbox.ru

THE SYSTEM OF TEACHING FOREIGN LANGUAGE DISCOURSE IN MASTER'S DEGREE PROGRAMMES

The paper focuses on the development of an effective system of teaching foreign language discourse to master students of non-linguistic specialties at the Institute of Humanities and Applied Sciences of Moscow State Linguistic University. The development of a foreign language teaching system at the master's level is based on individualization and differentiation, student-centered approach, academicity, as well as professionalization, the purpose of which is the formation of professional identity, the development of relevant competencies for master students by means of modelling professional activity.

Keywords: English; differentiation; individualization; foreign language professional discourse; master's degree; professionally-oriented approach; value-oriented approach

Введение

Система обучения иностранному языку является ключевым понятием в лингводидактике и методической науке. Под системой обучения мы понимаем «...совокупность основных компонентов учебного процесса, определяющих отбор учебного материала для занятий, формы его подачи, методы и средства обучения, а также способы его организации» [Азимов, Щукин, 2009, с. 275]. Система обучения формируется в социокультурном пространстве под воздействием изменяющихся внешних условий.

Актуальность работы обусловлена тем, что существует необходимость оптимизации процесса обучения иностранному языку в магистратуре. Для этого нам необходимо выявить особенности системы лингвистического обучения на уровне магистратуры, а также рассмотреть основные подходы к обучению иноязычному дискурсу.

Эффективность системы обучения, мы полагаем, зависит от профессионализма преподавателя, применяющего целесообразные подходы и педагогические технологии, которые учитывают особенности обучающихся, соответствуют требованиям системы образования, запросам профессионального сообщества и условиям рынка труда.

Аксиологический аспект: иностраннный язык как ценностный фактор

Рассмотрение основных подходов к обучению иностранному языку в магистратуре будет неполным без обращения к аксиологическому аспекту.

По мнению профессора О. В. Куликовой, ценностно-ориентированный подход опирается на концепты «личность» и «знание». Данные концепты являются базовыми ценностями аксиологического компонента *стратегии трансфера знаний*. «Иностраннный язык» – еще одна аксиологическая составляющая данной стратегии, как ценностный фактор она выступает в роли инструмента познания и коммуникативной интеракции в области профессиональной деятельности [Кули-

кова, 2020]. Цель образования – гармонично развитая и разносторонняя личность. **Студоцентричность**, ориентированность на обучающегося, предполагает учет личностного компонента обучения, то есть обращение к ценностям обучающегося, а также углубленный интерес самого студента к изучаемому предмету, что может обеспечить прочность усвоения знаний и их уместное и целесообразное применение в ходе освоения профессиональной деятельности [там же]. По мере повышения уровня лингвистической компетентности обучающихся приоритет отдается обучению иностранному языку как языку специальности. Специальные знания являются основой научной и профессиональной картин мира, передают особенности определенной научной сферы и специфику профессиональной деятельности в той или иной специальности. Таким образом, «иностранный язык, выступающий инструментом познания и получения новых знаний из аутентичных источников, обладает статусом ценности, обретение которой обогащает профессиональную и научную картины мира обучающихся» [Куликова, 2020, с. 294–295].

Соответственно, аксиологический подход, согласно которому «иностранный язык» является ценностью наряду с ценностями «знание» и «личность», призван повысить продуктивность обучения профессиональному и научному иноязычному дискурсу в магистратуре.

Профессионализация и научно-исследовательская деятельность в магистратуре

Институт гуманитарных и прикладных наук Московского государственного лингвистического университета осуществляет подготовку студентов нелингвистических специальностей социально-гуманитарной сферы. Ранняя профессионализация на уровне бакалавриата позволяет постепенно подготовить обучающихся к следующей образовательной ступени – магистратуре. Соответственно, основы профессиональной идентичности закладываются планомерно. Разработанные на кафедре лингвистики и профессиональной коммуникации в области гуманитарных и прикладных наук магистерские программы дисциплин «Иностранный язык в сфере профессиональной коммуникации» / «Иностранный язык в сфере профессионального общения»

нацелены на обучение иноязычному профессиональному и научному/ академическому дискурсу и соответствуют в необходимой степени тематическому содержанию предметной области. Иностранный язык, таким образом, является средством трансфера профессионального знания, что представляется нам особенно важным на продвинутом этапе – в магистратуре.

Например, в структуре рабочей программы дисциплины «Иностранный язык в сфере профессиональной коммуникации» для освоения магистрантами-культурологами указываются следующие профессионально значимые темы (Рабочая программа дисциплины Б1.В.03 «Иностранный язык в сфере профессиональной коммуникации», 51.04.01 Культурология, направленность «Международное культурное сотрудничество» 2022):

V. Русская культура и искусство

9. *Самосознание русской культуры. Концепция «Москва – Третий Рим».*
10. *Место и значение русской культуры в мировом культурном процессе.*

VI. Индустрия культуры и креативная экономика

11. *Индустрия культуры и искусства. Креативная экономика. Профессиональная коммуникация в сфере культуры и искусства.*

VII. Международное культурное сотрудничество

12. *Понятие международного культурного сотрудничества. Основные формы и направления культурного обмена.*

VIII. Практикум по академическому дискурсу для культурологов

13. *Основные характеристики академического дискурса.*
14. *Результаты научного исследования.*

Обратимся к рассмотрению наиболее востребованных форм работы на занятиях, моделирующих профессиональную деятельность магистрантов. **Проектная деятельность** является весьма эффективной и универсальной на уровне магистратуры, поскольку позволяет обучающимся углубить свои знания в профессиональной области

и усовершенствовать навыки научно-исследовательской работы. Обучающиеся в группах или индивидуально готовят презентации профессионально ориентированных проектов на иностранном языке. Студенты-магистранты Института гуманитарных и прикладных наук принимают активное участие в заседаниях СНО (студенческого научного общества) МГЛУ, организованных в рамках кружков кафедры лингвистики Института гуманитарных и прикладных наук (например, научным кружком «Language and Culture» (научный руководитель – Бобкова П. В.)), в ежегодных мероприятиях МГЛУ, таких как «Фестиваль науки» и международной студенческой конференции «Collegium Linguisticum», готовят к публикации доклады, тезисы и научные статьи. Например, в 2020–2022 годах на материале английского языка были подготовлены доклады и публикации магистрантов в соавторстве с педагогом или под научным руководством педагога: 1) Бобкова П. В., Исакова М. Д. «Особенности обучения психологов-магистрантов иностранному языку в сфере профессионального общения» (2020); 2) Бобкова П. В., Уткина В. В. «Позитивная психология и обучение иностранным языкам» (2020); 3) Валева С. «Изучение английского языка и языковая тревожность» (научный руководитель – Бобкова П. В.) (планируется к публикации в 2022); 4) Тоидзе Д. «Позитивная образовательная среда» (научный руководитель – Бобкова П. В.) (планируется к публикации в 2022). В большинстве случаев публикации тезисов и статей предшествует активное участие магистрантов с докладами на иностранном языке в работе круглых столов и конференций.

Следует отметить, что, исходя из доминирования профессионального и академического блоков в магистратуре, особое внимание следует уделять обучению навыкам работы с иноязычными аутентичными источниками информации научно-исследовательской и профессиональной направленности, созданию инструкций по написанию иноязычных научных статей и тезисов, аннотаций выпускных квалификационных работ на иностранном языке, а также профессионально-ориентированному переводу.

Подчеркнем, что магистратура является подготовительным этапом к аспирантуре и профессиональной деятельности. Соответственно, активная научно-исследовательская работа в магистратуре способ-

ствует всестороннему развитию магистрантов, обеспечивает их будущую востребованность и мобильность в деловой сфере в процессе иноязычной межкультурной коммуникации.

Индивидуализация и дифференциация в магистратуре

Индивидуализация и дифференциация представляют собой целенаправленный и организованный учебный процесс совместной деятельности педагогов и студентов. В ходе данного процесса обучающиеся овладевают комплексом знаний, умений, навыков, которые соответствуют индивидуальным и групповым особенностям, влияющим на эффективность профессиональной подготовки. Индивидуализация и дифференциация обучения реализуется в форме самостоятельной работы, организации учебно-познавательной деятельности студентов в условиях коллективной работы в группах, а также предполагает использование в процессе обучения новых технологий [Жукова, 2006]. Новые технологии, в том числе ресурсы электронной информационно-образовательной системы вуза, могут применяться как в процессе аудиторной, так и внеаудиторной работы.

Принцип дифференцированного обучения иностранному языку позволяет разработать гибкую систему, учитывая условия, этап, возрастные и индивидуальные особенности, интересы обучающихся, а также содержательный компонент курса, что, несомненно, может способствовать развитию профессиональной компетентности обучающихся. Среди особенностей рассматриваемого подхода следует выделить следующие. Дифференцированное обучение раскрывает индивидуальность личности обучающегося и его профессиональный потенциал. Являясь средством построения так называемой «индивидуальной образовательной траектории», дифференциация создает благоприятные условия для самореализации (в том числе профессиональной и творческой). Таким образом, дифференцированное обучение раскрывает широкие возможности для осуществления целей иноязычного образования в вузе в целом и на уровне магистратуры в частности. Однако пути реализации данного принципа могут варьироваться. В любом случае вопрос индивидуализации и дифференциации требует дальнейшей разработки [Крашениникова, 2015].

Учебные ресурсы для магистратуры

Успех освоения программы магистратуры во многом зависит от качества предлагаемых обучающимся учебных материалов. Проектирование и разработка учебных ресурсов для магистрантов должна осуществляться с учетом принципа преемственности по отношению к уровню бакалавриата и постепенной подготовки к обучению на следующем этапе – в аспирантуре. Современные учебные материалы должны быть основаны на последних достижениях методической науки, лингводидактики, а также профессиональной области.

Приведем примеры разработанных на кафедре лингвистики и профессиональной коммуникации ИГПН МГЛУ учебных пособий для магистерских программ:

1. Бобкова П. В. Иностранный язык в сфере профессиональной коммуникации: учебное пособие по английскому языку [для магистрантов-культурологов (**Введение в теорию и практику исследований современной культуры**)]. М. : Проспект, 2020.
2. Бобкова П. В. Иностранный язык в сфере профессиональной коммуникации : учебное пособие по английскому языку для магистрантов-культурологов **«Международное культурное сотрудничество»**. М. : Проспект, 2021.
3. Бобкова П. В. Иностранный язык в сфере профессионального общения. Учебное пособие по английскому языку для магистрантов-психологов **«Теоретические основы практической психологии»**. М. : Проспект, 2022.

Представленная выше учебная литература для магистрантов содержит профессионально-ориентированные материалы из аутентичных источников, а также включает комплексы заданий, направленных на моделирование англоязычной профессиональной и научно-исследовательской деятельности, предлагает к освоению технологию развития критического мышления, а также кейс-метод. Пособия учитывают возможность работы над материалами в группе (например, организация деловых игр), в парах (например, проведение интервью) и самостоятельно (например, написание критического эссе).

Учебное пособие или учебник по иностранному языку для магистрантов должен включать следующие разделы:

- ◆ «Вводный курс» (**Introduction in Master's Programme**);
- ◆ «Профессиональный английский» (**Professional English**);
- ◆ «Академический английский» (**Academic English**).

Весьма перспективным нам видится создание цифровых мультимедийных учебно-методических комплексов для студентов нелингвистического профиля, обучающихся в магистратуре. В настоящее время кафедра лингвистики ИГПН МГЛУ ведет работу по разработке интерактивных цифровых учебников в системе электронной информационно-образовательной системе МГЛУ (на базе *LMS Moodle*), что отвечает задачам модернизации образовательной и профессиональной сфер. Цифровые учебные ресурсы могут быть представлены в формате электронных учебно-методических комплексов дисциплин. В основе создания современных цифровых учебных материалов – гипертекстовая структура, а также принцип мультимедийности. Нелинейная гипертекстовая структура и мультимедийные технологии способствуют построению индивидуального маршрута обучающегося или группы обучающихся. Технические средства индивидуализации особенно востребованы в дистантном обучении.

Следует подчеркнуть, что цифровой учебник не заменяет традиционный печатный учебник. Новые цифровые средства обучения и традиционные средства являются взаимодополняющими.

Заключение

Итак, мы рассмотрели основные параметры системы обучения иноязычному дискурсу в магистратуре. Мы полагаем, что студоцентричность, индивидуализация и дифференциация, высокая степень профессионализации и академичности, разумное, сбалансированное, методически оправданное сочетание новых цифровых технологий и традиционных контактных коммуникативных педагогических методов, приемов и средств призваны успешно формировать профессионально ориентированную иноязычную коммуникативную компетенцию магистрантов, тем самым осуществляя подготовку востребованной в академическом, научном и профессиональном пространствах личность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Азимов Э. Г., Щукин А. Н.* Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М. : ИКАР, 2009.
- Жукова Н. М.* Индивидуализация и дифференциация обучения студентов вузов: дис. ... канд. пед. наук. М., 2006.
- Крашениникова Н. Н.* Дифференцированное формирование учебно-исследовательской компетенции у магистрантов технических вузов средствами английского языка: автореф. дис. ... канд. пед. наук. С.-Пб., 2015.
- Куликова О. В.* Аксиологическая составляющая трансфера знаний как стратегии обучения иноязычному профессиональному дискурсу // Аксиология иноязычного педагогического образования: монография / коллектив авторов; по итогам международного научно-практического форума, посвященного 65-летию кафедры методики преподавания иностранных языков (Москва 6–7 декабря 2019 г.) / под ред. А. К. Крупченко, С. В. Чернышова. М. : Московский педагогический государственный университет, 2020. С. 293–299.

Бонадык Н. А.

Аспирант

Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Россия)

nat5000@yandex.ru

УДК: 81'255

ПЕРЕДАЧА ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ ОЦЕНОЧНЫХ ЗНАЧЕНИЙ В ДИАЛОГЕ ВОСТОЧНОЙ И ЗАПАДНОЙ КУЛЬТУР

В статье рассматриваются стратегии перевода пейоративной лексики с японского языка на русский и английский. В рамках исследования автор рассматривает отрывки из рассказов Миядзава Кэндзи «Воронья большая медведица» и «Откуда пошли олени танцы» и их переводы с целью выявления факторов, влияющих на передачу отрицательно-оценочных значений. Эмпирический материал показал, что переводчики не ставят перед собой задачу обязательного усиления оценочных значений, несмотря на специфику ее проявления в японской лингвокультуре.

Ключевые слова: Миядзава Кэндзи; лингвокультура; пейоративная оценка; аксиологическая доминанта; деинтенсификация

Bonadyk N. A.

PhD Student

Moscow State Linguistic University
(Moscow, Russia)

nat5000@yandex.ru

TRANSLATION OF NEGATIVE EVALUATION VOCABULARY

The article focuses on the ways to translate pejorative vocabulary from Japanese into Russian and English. The current research is conducted on the base of Miyazawa Kenji's short stories "The Great Bear of the Crows" and "The thirst deer dance" and their translations. The aim is to single out factors influencing the translation pejorative vocabulary. The gathered material shows that translators do not necessarily intensify evaluation despite the peculiarity of Japanese linguaculture.

Keywords: Miyazawa Kenji; linguaculture; pejorative evaluation; axiological dominant; deintensification

Оценка как языковая категория определяется наличием аксиологического оператора «хорошо/плохо» [Вольф, 2014]. Таким образом, можно выделить два основных вида оценки: положительная (мелиоративная) и отрицательная (пейоративная). При этом отмечается несимметричность в соотношении положительного и отрицательного значения: если мелиоративная оценка характеризует ситуацию как соответствующую норме или ее превосходящую, то пейоративная оценка используются только для описания ситуаций, не соответствующих норме [Вольф, 2014]. Под нормой при этом понимается стандарт, который является общепринятым для данной лингвокультурной общности. Все ее члены, если и не разделяют его, то по крайней мере признают его наличие.

При переводе лексических единиц, семантическое или прагматическое значение которых содержит компонент отрицательной оценки, требуется учитывать расхождения между аксиологическими доминантами исходного и переводящего языков. Здесь мы рассматриваем переводы, выполненные с японского на русский и английский языки, что позволяет сопоставить западную и восточную лингвокультуры. Т. М. Гуревич отмечает, что японская культура является высококонтекстуальной, для нее характерна «непрямая коммуникация», т. е. коммуникация, при которой сообщаемая говорящим информация выходит за пределы произнесенного им высказывания и требует усилий со стороны адресата для формирования верной интерпретации. Недосказанность и неоднозначность, которые в японской речи достигаются при помощи эллипсиса, энтимем, эвфемизмов, позволяют в явной форме не произносить очевидное, для экономии времени собеседника, или не говорить неприятное, чтобы собеседник мог «сохранить лицо» [Гуревич, 2013].

Стремление к недосказанности может также объясняться коллективным сознанием японцев. Открытое выражение своего мнения, явная демонстрация навыков и умений не являются социально поощряемыми действиями. Если в западной культуре ценится индивидуальность, в Японии, напротив, важно не выделяться. В основе принципов коллективизма и стремления поддерживать видимость благопристойности лежит понятие гармонии «ва», которую японцы

стараятся сохранить в процессе коммуникации. «Сохранение гармонии» подразумевает заботу о собеседнике, избегание конфликтов или ситуаций, в которых собеседник может чувствовать себя неудобно, униженно [Корчагина, 2013]. Как отмечает С. В. Неверов, даже яркое выражение эмоций в японском обществе не принято, так как считается, что это может докучать собеседнику [Неверов, 1977]. Такие лингвокультурные доминанты оказывают влияние на выражение оценки, в первую очередь, пейоративной. Носители японской лингвокультуры в речи стараются избегать выражения неодобрения, либо полностью опуская его (оставляя только намек), либо смягчая при помощи деинтенсификаторов. Большой интерес при этом вызывает передача таких негативно-оценочных значений при переводе с и на японский язык.

Ранее, рассматривая проблему перевода пейоративной лексики с английского на японский язык на примере пьесы Б. Шоу «Пигмалион», мы отмечали, что в ряде случаев стремление переводчика к сохранению аксиологического потенциала оригинала вступало в противоречие с нормами коммуникативного поведения, принятыми в японской лингвокультуре, что вынуждало переводчика смягчать оценку или даже менять ее знак с отрицательного на положительный [Таунсенд, Бонадык, 2021].

Здесь же мы рассмотрим, какие изменения происходят при передаче пейоративной лексики в переводе с японского на русский и английский языки и какие факторы при этом оказываются ключевыми. |В качестве эмпирического материала были выбраны рассказы (вместе с переводами) японского автора детской и подростковой прозы Миядзавы Кэндзи «烏の北斗七星» («Воронья большая медведица» в переводе Е. Рябовой, «The Great Bear of the Crows» в переводе Дж. Уолласа) и «鹿踊りのはじまり» («Откуда пошли олени танцы» в переводе Е. Рябовой, «The thirst deer dance» в переводе Дж. Бестера). Стоит отметить, что в переводах на английский и русский языки не было обнаружено явной тенденции к интенсификации, обратной той, которая была отмечена в переводах с английского на японский. В анализируемых текстах присутствуют случаи как усиления, так и ослабления оценочного значения в переводе.

Рассмотрим пример усиления оценочного значения:

「まあ、山鳥は強いのでしょう。」	“Oh dear God! That mountain crow has a fearsome reputation.”	– Говорят, горный ворон очень силен.
「うん、眼玉(めだま)が出しゃばって、嘴(くちばし)が細くて、ちょっと見掛けは偉(えら)そうだよ。」	«That's right, I'm afraid. His eyes stick out and his beak's thin, all of which goes to make him look pretty darned daunting.»	– Да, глаза у него навывкате, клюв острый, вид устрашающий (Миядзава К. Воронья большая медведица).
(www.aozora.gr.jp/cards/000081/files/43755_17660.html)	(www.kenji-world.net/english/download/works/crows.html)	
(– Что ж, горный ворон, наверное, силен.		
– Да, у него глаза навывкате, тонкий клюв, выглядит как-то мощно.)		

В данном отрывке из рассказа «Воронья большая медведица» вороны описывают серьезного противника, с которым им предстоит сразиться, – горного ворона. В оригинале он описывается как **強い** [tsuyoi] «сильный», что может быть положительной характеристикой, но здесь в описании опасного врага мы считаем это слово отрицательно-оценочным. Также горного ворона называют **偉そう** [eraso:]: буквально это значит «кажущийся великим, выдающимся», может выражать положительную оценку, но в данном случае подразумевается, что «выдающейся» кажется сила ворона. Таким образом автор избегает прямой номинации при описании пугающей мощи противника. Это подтверждает описанный выше тезис о том, что в японской лингвокультуре явное указание на негативные свойства является нежелательным. Кроме того, лексема **偉そう** сопровождается деинтенсификатором **ちょっと** [chotto] «немного, чуть-чуть», что смягчает негативную оценку высказывания. Также можно отметить использование в первой фразе модального глагола-связки **でしょう**, означающего неполную уверенность говорящего в своих словах и нередко употребляемого для снижения категоричности утверждения. Таким образом, в обеих репликах выражение негативной оценки компенсируется ее

некатегоричностью. Оба переводчика сочли, что точный перевод оценочных единиц в данном случае приведет к нарушению коммуникативной цели: сообщить читателю о страхе, который испытывают персонажи. В английском переводе используются более экспрессивные оценочные единицы «fearsome», «daunting», а в русском – для усиления оценки используется интенсификатор «очень силен», кроме того, опущен дентенсификатор ちよつと [chotto], а клюв, в оригинале 細い [hosoi] «тонкий», становится острым, что в более явной форме показывает его опасность.

Также интерес представляют случаи, где при переводе происходит деинтенсификация оценки:

<p>おしまいの二隻は、 いっしょに出発しま した。ここらがどう <u>も</u>鳥の軍隊の<u>不規</u> <u>律</u>なところです。 (www.aozora.gr.jp/cards/ 000081/files/43755_ 17660.html) (Последние два судна поднялись вместе. Это было явное нарушение порядка.)</p>	<p>The last two ships to leave the field finally set off together rising up into the sky, the <u>only</u> blemish in an otherwise perfect copybook operation. (www.kenji-world.net/ english/download/works/ crows.html).</p>	<p>Последние два корабля поднялись одновремен но, что было <u>грубым на</u> <u>рушением правил</u> (Мия дзава К. Воронья больш шая медведица).</p>
--	--	--

В данном отрывке отряд воронов (в рассказе их называют «кораблями») отправляется на военные учения накануне схватки с горным вороном. Сама сцена описывается лаконично, «корабли» взлетают в небо один за другим, точно части единого механизма. Патетики описанию добавляет оборот 巖かに舞いあがりました [ogosoka-ni maiagarimashita] «величественно взлетел». Стоит отметить, что глагол 舞う [まう] имеет значение «танцевать», но в первую очередь употребляется не в прямом значении, а при уподоблении какого-то движения танцу, часто в художественных, поэтических текстах. Что касается оценки, если в русском переводе она передана точно, то в английском задача сохранения стилистического единообразия в данном эпизоде оказала влияние на передачу оценочного значения.

Для создания образа слаженного и подготовленного к сражению войска переводчик явно деинтенсифицирует оценку: «only blemish». Таким образом он указывает на безупречный порядок, царящий во время учений, и незначительность совершенной ошибки.

Приведем еще один пример деинтенсификации, который связан с передачей в переводе ономатопоэтической лексики:

大砲をうつとき、を
ぶんとうしろへ挙げ
るは、この前の二ダ
ナトラのでの負傷兵
で、音がまだ脚の神
経にひびくのです。
(www.aozora.gr.jp/cards/
000081/files/43755_
17660.html)
(Один из кораблей, вы-
стрелив из пушки, с не-
удовольствием поджал
лапу. Это было судно,
поврежденное во время
кампании Нитадора, гро-
хот до сих пор отдавался
у него в нерве.)

One of the ships that had
gone wounded at the
recent battle at Nidanatora
jerked its leg back in pain
as it fired its cannon, the
almighty sound rever-
berating throughout its
body (www.kenji-world.
net/english/download/
works/crows.html).

При артиллерийском
залпе один корабль под-
жал лапу. Это был ране-
ный в недавней битве
при Ниданатора ворон,
у которого от грохота бо-
лел поврежденный нерв
(Миядзава К. Воронья
большая медведица).

Данный отрывок представляет собой описание военных учений воронов. Оценка здесь выражается при помощи ономатопоэтического наречия *ぶんとう*, которое означает «молча делать недовольное лицо». Особенность японской ономатопоэзии заключается в том, что она, представляя собой развитую систему (словари ономатопоэтической лексики могут насчитывать более 4000 вхождений), способна в лаконичной форме передавать тонкие оттенки значений, связанных со звуко- и образоподражанием. При этом, в отличие от многих других языков, в японском сфера употребления ономатопоэзии не ограничивается разговорной, в первую очередь детской, речью, а распространяется на другие стили, вплоть до научного. Очевидно, причиной неудовольствия ворона является боль в лапе, что и отражает английский перевод, где применяется прием смыслового развития, однако в русском переводе

это оценочное значение опущено и частично компенсируется при переводе следующего предложения «от грохота болел поврежденный нерв». Вероятно, таким образом автор перевода стремился достичь большей лаконичности, которая требуется для описания сцены учений, где события быстро сменяют друг друга, и достичь более отстраненного повествования, в котором внимание сосредотачивается не на чувствах конкретных персонажей, а на их действиях как сплоченного войска. Это позволяет создать явный контраст с эпизодом ночных размышлений одного из воронов, беспокоящегося об исходе сражения.

Другой пример деинтенсификации встречается в рассказе «Откуда пошли олени танцы»:

<p>一疋は<...>にわかに なくなったとみえて、大 きく口をあけて舌をぶ らさげて、まるで風の ように飛んで帰って きました。みんなも ひどくろきました。 (www.aozora.gr.jp/cards/ 000081/files/43760_ 17902.html)</p>	<p>But then he, too, was suddenly seized with fright and came darting back, with his mouth open and his tongue lolling out. The others were dreadfully alarmed (Miyazawa K. The thirst deer dance).</p>	<p>И тут <...> на него на- пал такой страх, что он вихрем понесся назад, свесив набок язык. Остальные тоже пере- пугались (Миядзава К. Откуда пошли олени танцы).</p>
---	--	--

(Олень, видимо, неожида-
 данно испугался и, как
 ветер, бросился назад
 с открытым ртом и язы-
 ком, свисающим набок.
 Все остальные тоже
 были ужасно напуганы.)

По сюжету рассказа олени находят на поляне забытое главным героем полотенце и, собравшись вокруг него, пытаются понять, что это. Они напуганы, предполагают, что это может быть опасное животное или оставленная людьми отравка. При этом ужас оленей перед неизвестностью изображен автором с большой иронией. В данном отрывке интерес представляет перевод выражения ひどくろきました [hidoku odorokimashita]. Глагол おどろく [odoroku] означает «быть впечатленным чем-то неожиданным, удивляться, изумляться» и является амбивалентным – может выражать как положительную (радость

от неожиданного и радостного события), так и отрицательную оценку (испуг). Этот глагол может записываться двумя разными иероглифами: 驚 и 愕. Второй вариант, который и используется в данном случае, является гораздо менее употребимым и обладает слабым словообразовательным потенциалом: словари предлагают всего два сочетания, его включающие: 愕然 [gakuzen]、驚愕 [kyo:gaku], оба они означают ужас, потрясение, изумление. Из этого можно сделать вывод, что значение иероглифа 愕 в первую очередь связано именно с эмоцией страха. В приведенном примере это значение усиливается интенсификатором ひどく [hidoku] (аналогично русскому «ужасно» образован от прилагательного ひどい [hidoi] «ужасный, сильный, жестокий»). Если переводчик на английский предлагает экспрессивный, аксиологически заряженный вариант «dreadfully alarmed», то в русском переводе оценочное значение выражено менее интенсивно: «перепугались». Можно предположить, что это позволяет переводчику сохранить ироническую интонацию оригинального текста. Необходимо также отметить, что глагол おどろく, встречающийся в оригинальном тексте рассказа в ряде случаев опускается в одном или двух переводах, но в большинстве случаев передается точно.

Еще одной иллюстрацией того, что сохранение коммуникативной цели в переводе может влиять на перевод оценки, является конец того же рассказа:

嘉十はちよつとにが笑
いをしてながら、<...>
また西の方へ歩き
はじめたのです。
(www.aozora.gr.jp/cards/
000081/files/43760_
17902.html)
(Кадзю с немного горь-
кой улыбкой <...> вновь
направился на запад.)

Kaju smiled a rueful
smile. Then he <...>
set off toward the west
(Miyazawa K. The thirst
deer dance).

Кадзю улыбнулся <...>
и пошел своей дорогой
на запад (Миядзава К.
Откуда пошли олени
танцы).

История про оленей заканчивается тем, что наблюдающий за ними главный герой, Кадзю, выходит из кустов, и олени в ужасе разбега-

ются, поляна вмиг становится пустой. Эмоции главного героя выражаются словом *にが笑い* (букв. «горькая улыбка»), что указывает на его сожаление из-за того, что он по собственной неосторожности спугнул всех оленей. При этом для смягчения негативной эмоции используется деинтенсификатор *ちよつと*. В английском переводе сохраняется эмоция разочарования, но без смягчения. Переводчику важно показать, что Кадзю, пораженный встречей с оленями, расстроен – чудо, которое ему посчастливилось наблюдать, завершилось по его собственной вине, теперь ему остается только продолжать дорогу. В русском переводе завершение рассказа интерпретируется иначе: Кадзю воодушевлен недавней встречей с оленями, и несмотря на то, что она подошла к концу, он рад выпавшей ему возможности понаблюдать за ними. Радуюсь идиллическому пейзажу, он готов идти дальше с новыми силами. Оценочное значение в переводе оказывается опущенным для сохранения коммуникативной установки автора.

Итак, хотя при переводе оценки на японский язык ранее мы отмечали, что ключевым критерием, влияющим на ее передачу, является расхождение в понятии нормы между лингвокультурами исходного и переводящего языков, при переводе с японского такой тенденции не прослеживается. Здесь на первый план выходит прагматическая установка автора, передача которой является для переводчика приоритетной по сравнению с сохранением отдельных оценочных значений. Конечно, нельзя не отметить, что прагматическая установка автора не может быть известна переводчику наверняка, а художественный текст допускает наличие нескольких интерпретаций. От понимания переводчиком авторской задумки зависят конкретные переводческие решения, в том числе и передача оценочных значений, что особенно хорошо иллюстрирует последний приведенный нами пример. Впрочем, и в других рассмотренных случаях решения в русском и английском переводах редко совпадают, при этом можно отметить, что английский перевод больше тяготеет к точности в передаче оценки, иногда даже ее усилению, тогда как в русском переводе чаще наблюдается деинтентификация. Данные заключения носят предварительный характер и требуют уточнения на большем объеме эмпирического материала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вольф Е. М.* Функциональная семантика оценки. М. : URSS, 2014.
- Гуревич Т. М.* Национально-культурная обусловленность непрямой коммуникации // Вестник МГИМО (У), вып. 2 (29), 2013. С. 163–166.
- Корчагина Т. И.* Обучение культуре языкового общения с японцами // Полвека в японоведении. Сборник статей и очерков. М. : Моногатори, 2013. С. 185–194.
- Неверов С. В.* Особенности речевой и неречевой коммуникации японцев // Национально-культурная специфика речевого поведения. М. : Наука, 1977. С. 320–337.
- Таунсенд К. И., Бонадык Н. А.* Передача пейоративных значений в художественном переводе: исторический и межкультурный аспекты // Вестник Воронежского государственного университета. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. № 4. С. 73–80.

УДК 796.011

Борисова К. О.

Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Россия)
k.o.borisova@mail.ru

Добрынин С. В.

Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Россия)
sergdo48@yandex.ru

ТЕМА ФИЗИЧЕСКОЙ КРАСОТЫ И ЗДОРОВЬЯ В РАЗМЫШЛЕНИЯХ РУССКИХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА

Тема физической красоты и национального здоровья будущего поколения никогда не теряет своей актуальности. Современные публицисты, журналисты пропагандируют образ гармонически развитого человека: успешной, интеллектуально и физически развитой личности, которая постоянно расширяет границы своего сознания и стремится к самосовершенствованию во всех областях жизни. Изучение данной темы в настоящее время приобретает особую значимость в связи с новым этапом в развитии страны. Результаты исследования могут быть использованы при организации теоретического курса со студентами вузов.

Ключевые слова: красота; здоровье; всестороннее развитие; педагогика; гармонично развитая личность

Borisova K. O.

Moscow State Linguistic University
(Moscow, Russia)
k.o.borisova@mail.ru

Dobrynin S. V.

Moscow State Linguistic University
(Moscow, Russia)
sergdo48@yandex.ru

THE THEME OF PHYSICAL BEAUTY AND HEALTH IN THE REFLECTIONS OF RUSSIAN INTELLECTUALS OF THE END OF THE XIX – BEGINNING OF THE XX CENTURY

The topic of physical beauty and national health of the future generation never loses its relevance. Modern publicists and journalists promote the image of a harmoniously developed person: a successful, intellectually and physically developed person who constantly expands the boundaries of his consciousness and strives for self-improvement in all

areas of life. The study of this topic in the late XIX – early XX centuries. currently acquires special significance in connection with a new stage in the development of the country. These results of the study can be used in organizing a theoretical course with university students.

Keywords: beauty; health; comprehensive development; pedagogy; harmoniously developed personality

Введение

Период конца XIX – начала XX вв. в России именуется «серебряным веком» литературы, расцветом и развитием медико-биологического знания, педагогических доктрин и философских изысканий.

Великие научные открытия поколебали классические представления об устройстве мира и человека. Внимание общественности привлекло состояние физического и психического здоровья человека, подрастающего поколения и молодежи. Представители разных областей человеческого знания стали смотреть на физическую красоту и здоровье как на один из важных факторов всестороннего развития человека. Гармонически развитый человек – тема, которая волновала умы интеллектуалов представленного временного периода.

Множество талантливых мыслителей предлагало внушительное количество подходов к данному вопросу. Как написал в своей пьесе «Дядя Ваня» один из классиков литературы А. П. Чехов: «В человеке всё должно быть прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли...» [Чехов, 1995, с. 672] – и это один из исходных тезисов в рамках заданной темы исследования.

Изучение данной темы в настоящее время приобретает особую значимость в связи с новым этапом в развитии страны.

Цель исследования – систематизировать размышления интеллектуалов конца XIX – начала XX вв. на тему физической красоты и здоровья человека.

Методы исследования: в ходе исследования был применен анализ научно-методической литературы и диалектический метод исследования.

Результаты исследования и их обсуждения

До XIX века тема здоровья и физической красоты в данном контексте в широком распространении практически не обсуждалась. Но по ряду причин с середины XIX в. проблема здоровья стала набирать особую актуальность.

Связано это, с одной стороны, с результатами Крымской войны 1853–1856 годов, во время которой была выявлена физическая неподготовленность солдат.

Как следствие – внимание общественности привлекло состояние физического и психического здоровья молодежи в целом, в том числе в профильных и непрофильных образовательных учреждениях [Антонова, Василевская, 2015].

В это время в России началось развитие спорта, которое поддерживало государство. Появляется организационно-методическое оформление спорта, спортивные клубы. В свою очередь на развитие спорта в России повлияли:

- ◆ социокультурное развитие страны;
- ◆ государственная поддержка и меценатство в спорте;
- ◆ общественное движение русской интеллигенции за улучшение физического развития молодежи;
- ◆ возрождение Олимпийского движения;
- ◆ связь развития спорта с прогрессом промышленности.

Безусловно, русская интеллигенция не оставила эту тему без внимания, возникла спортивная периодическая печать.

В университетах появились биологические дисциплины. На это безусловно повлиял факт, что в 1863 году был утвержден новый университетский устав, вследствие чего у университетов появилась автономия.

Интерес к здоровью и физической красоте нации связан также с необходимостью постановки физического воспитания в армии и средних учебных заведениях. На мышечную деятельность и на спорт медицина стала смотреть как на один из важнейших факторов всестороннего развития человека.

Объектом повышенного внимания становится понятие гармонически развитого человека, где вопрос физического здоровья и красоты не отходит на задний план. Данной темой заинтересовались представители всех отраслей науки. На вопрос гармонически развитого человека русские интеллектуалы конца XIX – начала XX вв. смотрели с разных позиций и точек зрения: со стороны медико-биологического знания философии, литературы, публицистики, педагогики, культуры. Большинство интеллектуалов сошлись во мнении, что гармонически развитого человека необходимо воспитывать с ранних лет, и это отразилось в многочисленных философско-педагогических концепциях.

Безусловно, русскую философскую интеллектуальную мысль отличала высокая рефлексивность по отношению к событиям, происходящим внутри государства – в работах мыслителей рассматривались политические, педагогические, социальные и другие вопросы. Не стала исключением и популярная в то время тема гармонически развитого человека: его воспитания, образования, становления, соотношения физического, умственного, эстетического развития.

Среди деятелей медико-биологического знания в исследовании были выделены взгляды Н. И. Пирогова, И. М. Сеченова, П. Ф. Лесгафта, В. С. Пирусского; представителями педагогической мысли выступили Н. Г. Чернышевский, Н. А. Добролюбов, К. Д. Ушинский и их последователи; философию олицетворили Н. А. Бердяев, В. В. Розанов, Л. Н. Толстой; в воззрениях литераторов проанализированы стихотворения, проза, статьи в журналах, газетах и публикации поэтов и писателей на заданный предмет.

В ходе исследования размышлений русских интеллектуалов конца XIX – начала XX вв. сделан вывод, что в данный период роль и значение становления и воспитания гармонически развитого человека велики. Большинство представленных интеллектуалов из разных областей жизни человечества так или иначе затрагивают философские вопросы достижения уровня всесторонней гармоничной развитости личности, основы которого обязательно должны быть заложены в детстве. Различные подходы позволяют нам раскрыть и интерпре-

тировать тезисы данной тематики в достаточной мере, где вопрос физического и умственного здоровья, физической и душевной красоты тесно связаны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антонова Т. М., Василевская Н. Г. История физической культуры. СПб. : НГУ им. Лесгафта. 2015.

Чехов А. П. Собрание сочинений в шести томах. М. : Лексика, 1995. Т. 5. Пьесы 1878–1904.

УДК 7.03

Брусиловская Л. Б.

кандидат культурологии

Российский государственный гуманитарный университет

(Россия, Москва)

ikond@mail.ru

**РОЛЬ ЕВРОПЕЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ
В САМОИДЕНТИФИКАЦИИ ПОКОЛЕНИЯ
«ШЕСТИДЕСЯТНИКОВ»**

**(Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ
«Творчество С. Прокофьева как феномен отечественной
и мировой культуры»: № 20-011-00859)**

Статья посвящена культурным факторам формирования «шести-десятничества» – творческого течения эпохи «оттепели». Среди них особую роль играют диалог советской культуры с европейской, начавшийся с повседневности и мифологии потребления; вызовы тоталитарной идеологии, в том числе аполитичные (вроде «стиляжничества»); проникновение в контекст советской культуры западного искусства (кино, музыки, литературы) и моды; возвращение забытых или скомпрометированных сталинистской пропагандой произведений отечественной художественной культуры. Последнее рассмотрено на примере поэзии и творчества композитора Сергея Прокофьева, пережившего в «оттепель» второе рождение.

Ключевые слова: оттепель; «шестидесятники»; диалог советской цивилизации с европейской; повседневности с идеологией; «возвращенная культура»; творчество Сергея Прокофьева

Brusilovskaya L. B.

PhD (Culturology)

Russian State University for the Humanities

(Moscow, Russia)

ikond@mail.ru

**THE ROLE OF EUROPEAN CULTURE
IN THE SELF-IDENTIFICATION
OF THE GENERATION OF THE “SIXTIES”**

**(The article was prepared with the support of the RFBR grant
“Creativity of S. Prokofiev as a Phenomenon of Domestic
and World Culture”: No. 20-011-00859)**

The article is devoted to the cultural factors of the formation of the “Sixties” – the creative current of the era of the “thaw”. Among them, a special role is played by the dialogue of Soviet culture with

European culture, which began with everyday life and the mythology of consumption; challenges of totalitarian ideology, including apolitical ones (like “Stilyagi”); penetration into the context of Soviet culture of Western art (cinema, music, literature) and fashion; the return of forgotten or compromised by Stalinist propaganda works of national artistic culture. The latter is considered on the example of the work of the composer Sergei Prokofiev, who survived a rebirth in the “thaw”.

Keywords: thaw; “Sixties”; dialogue of Soviet civilization with European; everyday life with ideology; “returned culture”; works of Sergei Prokofiev

У «оттепели» как культурной эпохи, во многом предвосхитившей «перестройку» и постсоветский период истории России, были движущие механизмы, исподволь осуществлявшие «перелом» от сталинской «зимы» к хрущевской холодной «весне» и имевшие кросс-культурный характер. Источники начавшихся в ней глубоких и необратимых изменений определялись всемирно-историческими факторами – окончанием Второй мировой войны и ее социокультурными последствиями; кризисом советского тоталитаризма и историческими трансформациями советской культуры, приведшими к ее большей открытости и многообразию. Начавшийся по объективным причинам – прежде всего военного характера – еще в разгар войны культурный диалог между Советским Союзом и Западом (странами антигитлеровской коалиции) не закончился даже в связи с объявлением «холодной войны». Военные трофеи, вошедшие в быт и образ жизни советских людей и поневоле дополнившие русскую советскую официальную культуру атрибутами европейской культуры и западного образа жизни, стали одной из главных внешних причин рождения «оттепели», обозначив начало диалога советской культуры, до того развивавшейся изолированно, по законам «осажденной крепости», с западной культурой. Творческая интеллигенция оттепели, получившая название «шестидесятники», во-первых, по времени своей самоидентификации, а, во-вторых, в честь поколения радикально настроенных демократов середины XIX в., которые казались прямыми предшественниками культурного течения середины XX в., стала движущей силой и средой трансформаций советской культуры.

1

Вектор цивилизационного развития отечественной культуры потребовал от будущей оттепели решительного обновления. А это означало, во-первых, необходимость отмежеваться от предшествующей сталинской эпохи (со всеми ее характерными чертами – культом вождя, тотальной политизацией и идеологизацией культуры, монолитной сплоченностью общества и единообразием мнений, пренебрежением к любой отдельной личности и творческой индивидуальности). Во-вторых, была необходимость преодолеть «закрытость» советского общества, усугубленную послевоенным синдромом «осажденной крепости», «железным занавесом» и другими атрибутами «холодной войны» и внутренней политикой борьбы с космополитизмом и «низкопоклонством перед Западом». В-третьих, было необходимо развить плюрализм внутри советской культуры – добиться умножения мнений и оценок, стилей и тенденций, проектов и программ. Без всего этого советская культура была обречена на стагнацию и застой.

Военные трофеи, вошедшие в быт и образ жизни советских людей после окончания Великой Отечественной войны, поневоле наполнили официальную русскую советскую культуру яркими атрибутами европеизма и западного образа жизни, вступившими в глубокое противоречие с традиционно советскими ценностями, нормами, традициями. Именно они стали одной из главных причин возникновения прозападных умонастроений поколения «младших детей войны», в которых естественно преобладал европоцентризм, во многом спровоцированный гуманитарной помощью стран антигитлеровской коалиции во время войны [Аксенов, 2010]. Военные трофеи проложили дорогу европейским ценностям в советской послевоенной культуре.

2

Во время VI Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве (1957), спустя целое десятилетие после начала «холодной войны», советские зрители получили возможность познакомиться

на Международном кинофестивале с шедеврами мирового киноискусства, – прежде всего с итальянским неореализмом (В. де Сика, Р. Росселлини, Ф. Феллини, Л. Висконти, М. Антониони), а затем фильмами французской «новой волны» (Ф. Трюффо, Ж.-Л. Годар и др.). Предписанное советскому обществу строго дозированными порциями западное кино – даже в таком, заметно усеченном виде – оказало очень значительное влияние на отечественный кинематограф, во всяком случае, на его лучшие образцы, а затем и на художественную культуру в целом.

Фильмы «Летят журавли» (М. Калатозов), «Баллада о солдате» (Г. Чухрай), «Судьба человека» (С. Бондарчук), «Иваново детство» (А. Тарковский), «Июльский дождь» (М. Хуциев) не только соответствовали всем современным стандартам мирового уровня (и сразу же поставили наших режиссеров в один ряд с самыми громкими именами зарубежных киномастеров тех лет), но и показали принципиально новое понимание минувшей войны людьми, увидевшими ее «изнутри». Кардинально изменяются и проблематика, и тип героя, и характер эстетики советских фильмов о войне, еще недавно немислимые по канонам соцреализма [Фомин, 1996]. Сами принципы социалистического реализма незаметно начинают пересматриваются; недаром вскоре социалистический реализм объявляется «открытой системой» [Марков, 1970], что в конечном счете означает «открытость» социалистического искусства для иностранных, в том числе западных влияний. Сама же эта «ревизионистская» концепция, несомненно, возникла под влиянием книги Р. Гароди «Реализм без берегов», незадолго перед этим переведенной на русский язык и изданной «для служебного пользования».

Постепенно в советскую культуру проникают и литературные шедевры западной литературы: романы Э. Хемингуэя, Э. М. Ремарка, Г. Бёлля, У. Фолкнера, пьесы и романы Б. Брехта, А. Камю, Ж.-П. Сартра, Дж. Апдайка, А. Миллера и т. д., которые вслед за кинематографическими контекстами дополнили картину плюрализма в мировосприятии «шестидесятников».

Из ценностного восприятия жизни и искусства 1950–60-х годов медленно, но верно уходят черно-белые тона, однозначные оценки,

нормативные интерпретации событий и характеров, поступков и переживаний, бывшие наследием соцреализма сталинской эпохи. В массовом советском сознании стремительно укореняется и развивается поначалу малозаметная деидеологизация культуры – это проявляется и в выборе «героев нашего времени», и в драматизации сюжетов, и в нравственно-философском осмыслении действительности, исподволь проникающими в литературу (поэзию, прозу и драматургию) оттепели, в ее кинематограф и театр.

Отныне многие произведения литературы и искусства, создававшиеся в СССР в период оттепели, типологически (т. е. по своей проблематике и поэтике) оказывались близки прогрессивным явлениям западной художественной культуры, современным советской оттепели. Тем самым подтверждалось предсказание российско-американского социолога П. А. Сорокина относительно вступивших в силу процессов социокультурной конвергенции, которые сближают культуру и общественную жизнь Советского Союза и Запада [Сорокин, 1997].

Это подтверждала художественная культура оттепели, прежде всего литература, незаметно вытесняя из сознания и поведения людей привычные атрибуты и нормы недавнего тоталитарного прошлого, которому противостояла культура «оттепели», впрочем, довольно непоследовательно [Чупринин, 2020]. В. Аксенов, А. Гладилин, Г. Владимов, В. Войнович, А. Битов и др. – в прозе; Е. Евтушенко, А. Вознесенский, Б. Ахмадулина, Б. Окуджава, В. Высоцкий, И. Бродский и др. – в поэзии выступали за развитие диалога между советской и западной культурами, за ценностно-смысловое сближение советской и европейской цивилизаций, наглядно это демонстрируя в своих текстах и жестах.

Утверждение своей яркой художественной индивидуальности, не укладывающейся в стандарты соцреалистической схематики и советской унификации, у поэтов и прозаиков оттепели сопровождалось демонстрацией своей внутренней сложности и манифестацией ее в авторском стиле. «Я семья. Во мне, как в спектре, живут семь я» (А. Вознесенский); «Я разный. Я натруженный и праздный...» (Е. Евтушенко) и др.

Квинтэссенцией стихийного противодействия пропагандистскому насилию стало «стиляжничество» – возникновение особой молодежной субкультуры, ориентированной на Запад, на европейскую моду, на демонстрацию альтернативного стиля поведения и вкусов. В этом заключался скрытый эстетический (а вместе с ним и политический) вызов тоталитаризму и советской стилевой унификации. Советская система агитпропа терялась в попытках дискредитировать неуловимого противника: ведь пиджаки, галстуки, брюки и туфли, прически и молодежный сленг невозможно было перевести на язык политического обличения, а черты «модности» в одежде и причёске квалифицировать как критерии буржуазности или антисоветскости.

Поэтому в своем незримом противостоянии советскому официозу «стиляги» незаметно одерживали культурную победу – динамичной повседневности над косной идеологией (см. подробнее: Брусиловская «Культура повседневности в эпоху «оттепели»: метаморфозы стиля»). Будучи явлением дерзким, во многом эпатажным, «стиляжничество» открыло дорогу другим «незаконным» проявлениям оттепели – поэтическому и театральному «буму», «бардовской» песне и «магнитофонной революции», а затем и Самиздату, с разных сторон подорвавшим советский культурный «официоз». Стилевые искания художников оттепели стали своеобразным продолжением акционизма «стиляг», оставшегося непобежденным советской пропагандой.

Несомненно, в той сложной гамме чувств, которые испытывали советские люди к Западу из-за «железного занавеса», доминировало чувство, условно обозначаемое как «любовь–ненависть». Но Запад в целом и прежде всего Европа, бесспорно, сыграли важнейшую роль в изменении культурной парадигмы Советского Союза в конце 1950-х – начале 60-х годов, перешедшей от жесткой политико-идеологической конфронтации к заинтересованному диалогу и прямой конвергенции. Восприятие Запада в Советском Союзе по-прежнему оставалось мифологизированным, причем многие идеологические мифы эпохи сталинизма еще сохраняли свою живучесть, несмотря на схематизм и политическую вульгарность, и имели приверженцев и распространителей, «охранителей» сталинской эпохи (Ф. Парфенов, В. Кочетов, И. Шев-

цов, А. Софронов, Н. Грибачев, А. Прокофьев и др.). Полемикой с «охранителями», подчас жесткой борьбой была наполнена творческая жизнь «шестидесятников» и их художественное творчество [Чупринин, 2020].

Наложение западной «мифологии потребления» на традиционный советский «дефицит» породило специфическую форму диалога культур в форме экспансии западных потребительских товаров и брендов, носившей характер политико-идеологически и экономически дозированного потока, по необходимости одностороннего. Прагматика потребления пробивала дорогу и европейским ценностям в других областях, включая художественную культуру, одновременно «подпитывая» советский масскульт и представления о советской «элитарности». Подобный диалог культур представлял собой феномен современной глобализации, но это стало понятно позднее, в период брежневского «застоя».

3

Оттепельный интерес к европейской культуре косвенно повлиял на такой важный для советской культуры 1950–60-х годов феномен, как «культура возвращения». Именно в это время в лоно отечественной культуры стали возвращаться, во-первых, произведения литературы и искусства русского зарубежья (И. Бунин, И. Шмелев, Тэффи, Аверченко, М. Цветаева, Саша Черный; С. Рахманинов, Ф. Шаляпин, И. Стравинский и др.), во-вторых, стали возвращаться имена отечественных авторов, подвергшихся критике и запрету в сталинскую эпоху (С. Есенин, М. Булгаков, А. Платонов, А. Ахматова, И. Бабель, Б. Пильняк, О. Мандельштам и др.), а вместе с ними и их избранные произведения. В-третьих, в контекст советской культуры стали возвращаться имена и произведения отечественных авторов, в свое время «забракованные» якобы за их безыдейность, формализм и авангардизм.

Ярким примером последней тенденции служит композитор Сергей Прокофьев, долгое время проживший в Европе и там завоевавший мировую известность, затравленный советской пропагандой после

Постановления ЦК ВКП(б) «Об опере “Великая дружба”» 1948 года и умерший в один день со Сталиным, т. е. в самый канун начинающейся «оттепели». Казалось бы, судьба С. Прокофьева не имеет прямого отношения к «шестидесятничеству». Однако это не так. Именно в период «оттепели», вскоре после смерти великого композитора, «шестидесятники» стали открывать для себя и широкого круга слушателей многочисленные произведения С. Прокофьева, до того оставшиеся неизвестными.

Среди них оперы «Семен Котко», «Обручение в монастыре», «Повесть о настоящем человеке» и «Война и мир»; балеты «Золушка» и «Сказ о Каменном цветке», музыка ко второй серии фильма С. Эйзенштейна «Иван Грозный»; кантата «Двадцать лет Октября»; симфония-концерт для виолончели с оркестром, 7-я симфония, вскоре удостоенная Ленинской премии (посмертно), новая редакция 4-й симфонии, последние фортепьянные сонаты и многое другое. Затем последовали первые исполнения в СССР произведений Прокофьева зарубежного периода – 2-я и 3-я симфонии, 3-й и 5-й фортепьянные концерты, 2-й скрипичный и пр. По сути, «оттепель» не просто представила по меньшей мере половину творчества Прокофьева для исполнителей и слушателей, а фактически заново открыла его как величайшего композитора XX века – общеевропейского и всемирного масштаба.

«Шестидесятники»-музыканты, которые заново познакомили нас с Прокофьевым, должны быть названы особо. Это дирижеры Г. Н. Рождественский и К. П. Кондрашин, пианисты С. Т. Рихтер и Э. Г. Гилельс, скрипач Д. Ф. Ойстрах, виолончелист и дирижер М. Л. Ростропович, режиссер Б. А. Покровский, хореографы Л. М. Лавровский и Ю. Н. Григорович. Исполнение неизвестных или непринятых предшествующей эпохой произведений С. Прокофьева отвечало интересам и ожиданиям «шестидесятников», совпадало с их демократическими идеалами и невольно включилось в культуру «оттепели». В то же время, выйдя из зоны «запрещенного» и став примером свободного творчества в несвободном государстве, музыка Прокофьева обрела в 1950–60-е годы невиданные прежде популярность и авто-

ритет и повлияла на сочинения современников своей смелостью, бескомпромиссностью, дерзкой индивидуальностью, нарушавшей все каноны соцреализма и советской конъюнктуры. Триумфальное возвращение репрессированного Прокофьева в советскую культуру само по себе было вызовом тоталитаризму.

Так, «оттепель» подспудно, задним числом, изменяла конфигурацию советской культуры и сближала ее с западноевропейской, делая ее частью мировой культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аксенов В. П.* Ленд-лизинговые. Lend-Leasing. М. : Эксмо, 2010.
- Марков Д. Ф.* Генезис социалистического реализма. М. : Наука, 1970.
- Сорокин П. А.* Главные тенденции нашего времени. М. : Наука, 1997.
- Фомин В. И.* Кинематограф оттепели: документы и свидетельства. В 2-х кн. М. : Материк, 1996. Кн. 1.
- Чупринин С. И.* Оттепель: События. Март 1953 – август 1968 года. М. : Новое литературное обозрение, 2020.

УДК 372.881.1

Буденная С. Ю.

Московский государственный юридический университет
им. О. Е. Кутафина
(Москва, Россия)
mingli.sb@gmail.com

РОЛЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ЗНАНИЯ В ПОДГОТОВКЕСОВРЕМЕННЫХ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАДРОВ

Статья посвящена высокой значимости социокультурного знания в подготовке современных профессиональных кадров. Одной из областей профессиональной деятельности, где владение социокультурным знанием представляется весьма существенным, является юриспруденция. Повсеместное использование английского языка как языка межкультурной профессиональной коммуникации специалистов в области права становится важнейшим фактором, обуславливающим необходимость формирования социокультурного знания у современных профессиональных кадров.

Ключевые слова: социокультурное знание; межкультурная профессиональная коммуникация; социум; правовая культура; профессиональные кадры

Budennaya S. Y.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)
(Moscow, Russia)
mingli.sb@gmail.com

THE ROLE OF SOCIOCULTURAL KNOWLEDGE IN MODERN PROFESSIONAL TRAINING

The article is devoted to the great importance of sociocultural knowledge in training modern professional personnel. One of the spheres of professional activity where sociocultural knowledge is jurisprudence. Universal use of the English language as the language of intercultural professional communication in the sphere of law necessitates shaping sociocultural knowledge in modern professionals.

Keywords: sociocultural knowledge; intercultural professional communication; social environment; legal culture; professionals

В современном мире среди представителей различных народов в последние годы нарастает тенденция к большему вниманию к своей культурной и национальной идентичности. Возникновение подобных тенденций весьма предсказуемо в контексте происходящих геополитических и экономических процессов. Поскольку в основе социального взаимодействия человека лежит язык, в котором отражаются все изменения, происходящие в жизнедеятельности людей, то он и становится своеобразным зеркалом социальных трансформаций, а также средством фиксирования и сохранения накопленных социокультурных знаний и ценностей, и передачи их от поколения к поколению. Отражение в языке общественного сознания представляется весьма существенным для области образования, которая призвана подготовить высококвалифицированные профессиональные кадры с учетом современных реалий межкультурной коммуникации, в которой от адекватного восприятия иной картины мира напрямую зависит достижение поставленных перед специалистом профессиональных целей и задач.

Несмотря на давний интерес специалистов в области педагогики к социокультурному компоненту обучения и его определения ими как важного аспекта иноязычной компетенции и иноязычной профессиональной компетенции, на практике данный компонент остается лишь своеобразным «приложением» к непосредственно лингвистической составляющей содержания обучения. Тем не менее становится всё более очевидным системообразующий характер социокультурного знания, который предполагает непосредственное влияние на коммуникативное взаимодействие в процессе межкультурной коммуникации в целом и на понятийный аппарат и выбор языковых средств в частности [Буденная, 2021]. В соответствии с определением С. Г. Тер-Минасовой межкультурная коммуникация – это адекватное взаимопонимание двух участников коммуникативного акта, принадлежащих к разным национальным культурам. При этом автор обращает внимание на то, что, даже владея одним и тем же языком, люди не всегда могут правильно понять друг друга, и причиной часто является именно расхождение культур [Кискина, Буденная, 2018].

Между тем стремительный рост межкультурных профессиональных контактов с иностранными партнерами в разных сферах деятельности выявляет ряд серьезных вопросов, касающихся *социокультурного ориентирования* специалиста, вовлеченного в процессы межкультурной коммуникации в профессиональной среде. Следует отметить, что сформированность социокультурных знаний у будущих профессионалов наиболее значима в сравнении с участниками повседневного общения, так как в рамках профессиональной коммуникации социокультурные ошибки могут привести к недостижению результата профессиональной деятельности, что, в свою очередь, ставит вопрос о ее целесообразности как таковой. Одной из областей профессиональной практики, где владение социокультурным знанием является важнейшим фактором эффективности реализации профессиональных задач, становится такая исторически и культурно обусловленная сфера, как юриспруденция.

В своих более ранних исследованиях мы детально рассматривали проблемные аспекты профессионального юридического общения с представителями различных правовых культур, в том числе на примере взаимодействия с представителями КНР, чья профессиональная культура общения особенно подвержена влиянию сложившихся традиций и церемоний (см.: Буденная Ю. К. «К проблеме использования английского языка как *lingua franca* профессионального общения юристов в XXI веке», «К проблеме обучения *lingua franca* с позиций разных правовых культур»). В частности, при осуществлении профессиональной коммуникации с китайскими партнерами следует учитывать, например, отсутствие в современном китайском языке универсального обращения. При обращении к людям, имеющим высокое служебное положение, принято использовать название должности, чтобы подчеркнуть их высокий социальный статус (премьер-министр, председатель, заведующий и т. д.); к людям более низкого социального положения, напротив, предпочтительно обращаться с использованием общеупотребительных обращений (мастер Гао, лектор Лю и т. д.) [Ивченко, 2012]. Кроме того, специфичность правовой системы Китая, а именно сочетание норм социалистического, международного права и традиционного права Китая, демонстрирует

ее уникальный характер и объясняет неиссякаемый интерес ученых-юристов к исследованию. Традиционное право (конфуцианство, легизм) оказало огромное влияние на современный облик китайского права, что указывает на большой авторитет традиций Древнего Китая в правосознании китайских граждан. Такая специфика правовой традиции находит отражение, например, в юридическом письме, в котором еще с древних времен приветствуется лаконизм: мысли выражаются посредством всего лишь четырех иероглифов, несущих глубокий смысл. Такая специфика юридического письма сохраняется и в наши дни, что затрудняет перевод китайских юридических документов на другие языки (например, 同工同酬 / обеспечение женщинам равного с мужчинами вознаграждения за равный труд; 过失犯罪/ совершение преступления по неосторожности) [Буденная, 2021].

Наряду с этим, необходимо принимать во внимание и факт повсеместного использования английского языка в процессе межкультурного профессионального общения. В КНР также активно используют английский язык для осуществления профессиональной деятельности. Однако, как известно, представители восточных культур зачастую привносят в изучаемый ими иностранный язык лексические и фонетические особенности своего языка. Так, в Китае используется понятие «Sinicized English», основные черты которого проявляются не только как фонологическая и грамматическая трансференция, но также и на уровне лексики в словах, английских по форме, но китайских по культурно-коннотативному компоненту, заимствованных в английский язык. Очевидно, для эффективного общения с китайцами на английском языке необходимо иметь представление об особенностях не только китайского языка, но и *китаизированного* английского языка, функционирующего как средство межкультурной профессиональной коммуникации китайцев как с носителями английского языка, так и с теми, для кого этот язык не является родным [Прошина, 2020].

Иными словами, обусловленность правовой реальности национально-культурным фундаментом выражается и в понятийном аппарате, и в техниках юридической коммуникации, и в картине мира представителей юридического сообщества конкретного социума. В таких

обстоятельствах невозможно игнорировать социокультурные особенности иного лингвосоциума при осуществлении межкультурного профессионального диалога, так как отсутствие знаний о специфике культуры общения представителей данного сообщества ставит под сомнение его адекватность и последующую успешную реализацию, что, в свою очередь, вызывает потребность в адекватной реакции со стороны педагогического сообщества, занимающегося подготовкой современных профессиональных кадров.

На сегодняшний день исследования, акцентирующие внимание на социокультурном аспекте общения представителей различных правовых культур весьма немногочисленны. При этом ввиду достаточного уровня владения обучающимися предметными знаниями, а также иностранным языком к моменту перехода на этап обучения в магистратуре вопросы, связанные с социокультурным аспектом содержания обучения, рассматриваются преимущественно применительно к данному уровню подготовки специалистов. Так, Л. В. Яроцкая обосновывает необходимость актуализации содержания обучения в курсе магистратуры за счет целенаправленного привлечения субъектов обучения к педагогическому проектированию, что позволяет оперативно выходить в актуальные контексты профессии [Яроцкая, 2020]. Д. В. Алейникова подчеркивает важность учета в содержательной модели обучения основополагающих ценностей правовой культуры, представленных в ее ключевых понятиях и отраженных в соответствующих дискурсивных практиках юристов [Алейникова, 2020]. Тем не менее, на наш взгляд, студенты начального этапа подготовки не меньше, чем магистранты, испытывают потребность в ознакомлении с социокультурной спецификой правовой культуры стран изучаемых языков. Возможность и целесообразность изучения студентами-юристами начального этапа обучения социокультурной специфики продемонстрирована в исследовании Е. В. Думиной, в котором на материале немецкого языка подчеркивается важная роль социокультурного знания в интенсификации учебного процесса, создании условий для развития профессиональной мотивации, решении широкого круга задач уже на данном этапе обучения [Думина, 2021].

В заключении подчеркнем, что залогом взаимопонимания коммуникантов, независимо от языка общения, является адекватное восприятие участников ситуации общения как результат овладения социокультурным знанием, а именно: понимания их установок, ценностей, приоритетов, особенностей менталитета; знания стереотипов поведения, типичных способов деятельности и т. п., что предполагает проведение предварительной работы, связанной с анализом различных факторов и прогностическим моделированием ситуации общения, изучением и учетом широкого набора социокультурных параметров как системообразующего основания подготовки современных специалистов [Буденная, 2021].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алейникова Д. В.* Актуальные вопросы отбора содержания обучения юристов межкультурному профессиональному общению // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2020. № 4 (837). С. 19–28.
- Буденная С. Ю.* Специфика межкультурного профессионального общения представителей правовых культур России и КНР // Юридическая наука в Китае и России. 2021. № 4. С. 185–189.
- Думина Е. В.* Формирование умений межкультурной письменной коммуникации юриста в условиях ранней профессионализации (немецкий язык, бакалавриат): дис. ... канд. пед. наук. М., 2021.
- Ивченко Т. В.* Новые горизонты. Интегральный курс китайского языка. Beijing : Educational Science Publishing House, 2012.
- Кискина М. В., Буденная С. Ю.* Английский язык как язык межкультурного профессионального общения современного юриста // Вестник университета имени О. Е. Кутафина. 2018. № 11 (51). С. 73–80.
- Прошина З. Г.* Межкультурная коммуникация: английский язык и культура народов Восточной Азии: учебное пособие для вузов / 2-е изд., испр. и доп. М. : Юрайт, 2020.
- Яроцкая Л. В.* Отбор актуального содержания обучения в формате поли-субъектного взаимодействия // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2020. № 2 (835). С. 58–67.

УДК 37.01

Быков А. К.

доктор педагогических наук, профессор
Военный университет имени князя Александра Невского
Министерства обороны Российской Федерации
(Москва, Россия)
akbikov@mai.ru

ФОРМИРОВАНИЕ ОСОЗНАННОГО ПАТРИОТИЗМА У СТУДЕНТОВ ВУЗОВ

Патриотизм раскрывается как личностное качество, интегративно представленное на уровне мировоззрения, отношений и поведения человека. Дается интерпретация осознанного патриотизма, тесно связанного с пониманием патриотизма как высшего социального чувства. Представлена технология его формирования по Д. С. Лихачеву. Обоснованы особенности формирования патриотизма у студентов на учебных занятиях, в том числе с учетом специфики преподаваемых дисциплин.

Ключевые слова: патриотизм; патриотическое воспитание; любовь к Родине; верность Отчизне; вуз; студент

Bykov A. K.

Doctor of Pedagogy (Dr. habil), Professor
Prince Alexander Nevsky Military University
Ministry of Defense of the Russian Federation
(Moscow, Russia)
akbikov@mai.ru

FORMATION OF CONSCIOUS PATRIOTISM AMONG UNIVERSITY STUDENTS

Patriotism is revealed as a personal quality integratively represented at the level of a person's worldview, attitudes and behavior. The interpretation of conscious patriotism is given, which is closely related to the understanding of patriotism as the highest social feeling. The technology of its formation according to D. S. Likhachev is presented. The peculiarities of the formation of patriotism among students in the classroom are substantiated, including taking into account the specifics of the disciplines taught.

Keywords: patriotism; patriotic education; love for the Motherland; loyalty to the Fatherland; university, student

Патриотическое воспитание молодежи, в том числе студенческой, в настоящее время является одним из приоритетных направлений воспитания в государственной политике Российской Федерации.

Эта приоритетность заявлена на уровне Конституция Российской Федерации. В ее новой редакции в ст. 671.1 в п. 4 говорится, что «государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим...»¹.

В Федеральном законе от 31 июля 2020 года № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации” по вопросам воспитания обучающихся» также впервые заявлено на уровне нормативных правовых основ функционирования системы образования в России необходимость формирования патриотизма; в ст. 2 дано такое определение воспитания: «Воспитание – деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде»².

Необходимость осуществления патриотического воспитания в системе образования отмечена в «Национальной доктрине образования в Российской Федерации» (до 2025 года), где воспитательные задачи

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

² Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об образовании в Российской Федерации” по вопросам воспитания обучающихся» // СПС «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358792/

сформулированы в следующей интерпретации: воспитание патриотов России, граждан правового, демократического государства, способных к социализации в условиях гражданского общества, уважающих права и свободы личности, обладающих высокой нравственностью и проявляющих национальную и религиозную терпимость, уважительное отношение к языкам, традициям и культуре других народов; воспитание бережного отношения к историческому и культурному наследию народов России; воспитание здорового образа жизни и др.¹

Специальная военная операция на Украине снова поставила вопрос об огромной роли патриотизма в судьбе России, о необходимости его воспитания у подрастающего поколения. Российские военнослужащие, настоящие патриоты Отечества, с честью и достоинством выполняют свои обязанности в интересах своей страны.

Рассмотрим, что мы понимаем под патриотизмом и какой патриотизм нужен современной российской молодежи. Отправными точками в этом вопросе могут служить высказывания Президента Российской Федерации Путина В. В. На заседании «Клуба лидеров» (объединение предпринимателей из 40 российских регионов) 03.02.2016 он заявил, что национальная идея России – это патриотизм: «У нас нет никакой, и не может быть другой объединяющей идеи, кроме патриотизма... Никакой другой идеи мы не придумаем, и придумывать не надо»².

Путину В. В. также принадлежит следующее выражение: «Настоящий патриотизм – это образованный патриотизм. Настоящий патриот – тот, кто знает, как и чем он может служить своему Отечеству»³.

России нужен осознанный (образованный) патриотизм. О нем в свое время писал видный отечественный философ И. А. Ильин: «...Человек находит родину не просто инстинктом, но инстинктивно укоренен-

¹ Постановление Правительства РФ от 04.10.2000 № 751 «О национальной доктрине образования в Российской Федерации» // СПС «Консультант-Плюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_97368/a0a571554fd5a942e453f6c01f3c4d4abf6f1fea/

² Путин назвал единственно возможную для России национальную идею // РБК, 03.06.2016. URL: <https://www.rbc.ru/politics/03/02/2016/56b1f8a79a7947060162a5a7>

³ Президент России о патриотическом воспитании молодёжи. URL: <http://sh-st.ru/book/export/html/119>

ным духом, и имеет ее любовью. А это означает, что вопрос о родине разрешается в порядке самопознания и добровольного избрания» [Ильин, 1993, с. 219].

Разберемся, что же такое патриотизм, осознанный на личностном уровне. Обратимся к энциклопедической литературе. В толковом словаре В. И. Даля патриотизм трактуется как «любовь к отчизне». По его определению патриот – это «любитель отечества, ревнитель о его благе, однолюб». Патриот в переводе с греческого «patriots» означает «земляк, соотечественник», с французского «patriote» – «сын отечества». Сами же понятия «родина» и «отчизна» заимствованы из латинского языка и вошли во французскую лексику в XVI веке. Понятие «отечество» у В. И. Даля – «родная земля, где человек вырос; корень, земля народов, к которой человек принадлежит по рождению, языку и вере» [Даль, 1979, с. 724]. У С. И. Ожегова «отечество – страна, где родился данный человек и к гражданам которой он принадлежит» [Ожегов, 1986, с. 404]. По трактовке Большого энциклопедического словаря «патриотизм – любовь к родине; привязанность к месту своего рождения, месту жительства [Большой энциклопедический словарь, 2004, с. 455].

К другим наиболее известным определениям патриотизма относятся следующие: «Патриотизм – чувство и сформировавшаяся позиция верности своей стране и солидарности с ее народом. Патриотизм включает чувство гордости за свое Отечество, малую родину, т. е. край, республику, город или сельскую местность, где гражданин родился и рос. Патриотизм включает активную гражданскую позицию, готовность к служению Отечеству» [Данилюк, Кондаков, Тишков, 2010, с. 7].

Как видим, в приведенных определениях «патриотизма» его сущность сосредоточена в понятии «любовь к Родине».

Если мы говорим об осознанном патриотизме, то должны соответственно распространить его на осознанную любовь к Родине. И в этом тезисе и заключается научный спор: любовь к Родине – это осознанное социальное чувство или эмоциональное состояние. Сторонники стихийно-интуитивного патриотизма говорят так: «Патриотизм – это личностное чувство, основанное на эмоциях. Человек или любит страну, или не любит – это его субъективная эмоция, не зависящая от

окружающей его действительности». Прикрываясь такой установкой, они отвергают необходимость специальной работы по формированию патриотизма, отрицают возможность любой диагностики патриотизма в силу неосознанной природы любви к Родине.

Для внесения ясности в эту дискуссию рассмотрим понятие «любовь». В его определении мы видим формулировки ключевых характеристик – «чувство», «эмоциональное влечение». «Любовь – глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство; чувство глубокого расположения, самоотверженной и искренней привязанности» [Ожегов, 1986, с. 321]. «Любовь – интимное и глубокое чувство, устремленность на другую личность, человеческую общность или идею» [Большой энциклопедический словарь, 2004, с. 337].

Под чувствами человека понимается устойчивое эмоциональное отношение индивида к окружающим явлениям, которое отражает то, как личность относится к отдельным процессам с учетом его потребностей, характера, мотивов.

Чувствам присущи свойства: устойчивый характер – они обладают постоянством, так как возникают в результате продолжительного взаимодействия с человеком, предметом и т. д. (сохраняются долгое время – они долго действуют, в отличие от эмоций, которые могут исчезнуть через десять минут, час и т. д.); осознаются человеком – личность испытывает определенные ощущения, она осознает эти ощущения, они сформированы; они имеют свойства развиваться – одно чувство может перерасти в другое, при этом объект остается неизменным; противоречивым. Это связано с тем, что они наполнены эмоциями, которые могут противопоставлять друг другу; возникают на основе эмоций. Из перечисленных свойств чувств для нас важна их осознанность, которая применима и к чувству любви к Родине.

Другим важнейшим вопросом в понимании патриотизма личности являются ограничения его смыслового поля. Если сущность патриотизма ограничивать только любовью к Родине, то тогда за его границами останутся другие важнейшие характеристики. Ведь если рассматривать патриотизм как личностное качество, то его сущностные признаки с позиций структурного подхода можно подразделить на три группы:

- ◆ патриотически ориентированное мировоззрение (патриотическое сознание, патриотические убеждения) – знание истории Родины, культуры, традиций и обычаев своего народа;
- ◆ патриотические отношения, чувства любви к Родине; верность своему Отечеству; гордость за свой край, свою Родину, прошлое и настоящее народа России; бережное отношение к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде; чувство привязанности к месту рождения и месту проживания; уважение к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению; уважение к другим народам, нетерпимость к расовой и национальной неприязни;
- ◆ патриотическая деятельность, практическое поведение – личностная активность в укреплении могущества Родины.

Если взять за основу системно-структурный подход к трактовке понятия «патриотизм», тогда об осознанности патриотизма свидетельствуют и входящее в состав патриотизма патриотическое сознание и чувство любви к Родине как осознанный человеком психический процесс.

Патриотизм представляет собой социальную норму, которая должна быть усвоена молодым человеком. Любить свою Родину, быть верным ей, трудиться на ее благо, служить ей – такая же социальная норма, как быть правопослушным гражданином. При этом патриотизм как личностное качество молодого человека является показателем социальной эффективности процесса его социализации. Более того, патриотизм как высшее социальное чувство относится по своей возрастной сензитивности к необходимо формируемым на этапе юности и молодости, завершающем этапе формирования личности человека.

В рассматриваемом контексте патриотизма возникает ключевой вопрос, что в первую очередь в патриотизме молодого человека должно быть осознанным.

Очень важным в этом плане представляется высказывание известного советского и российского филолога, культуролога, искусствоведа Д. С. Лихачева: «Я придерживаюсь того взгляда, что любовь к Родине начинается с любви к своей семье, к своему дому, к своей школе. Она постепенно растет. С возрастом она становится также любовью к своему городу, к своему селу, к родной природе, к своим землякам, а, созрев, становится сознательной и крепкой, до самой смерти, любовью к своей стране и ее народу. Нельзя перескочить через какое-либо звено этого процесса, и очень трудно скрепить вновь всю цепь, когда что-нибудь в ней выпало или, больше того, отсутствовало с самого начала» [Лихачев, 1983, с. 16].

То есть, иными словами, по мере социализации молодой человек осознает свой личностный патриотизм по направлениям:

- 1) Я люблю свою семью, своих родителей, других близких людей, потому что...
- 2) Я люблю свою школу, свой город (свое село), своих земляков, дорожу ими, потому что...
- 3) Я люблю свою родную природу, ее красоту, потому что...
- 4) Я люблю свою страну, свой народ, потому что...

Именно по этим четырем пунктам мы видим отражение любви к Родине в сочинениях школьников, в которых личностно осознанные представления о родном крае эмоционально окрашены.

«Народ всегда был и остается образцом героизма и верности своей Отчизне. Я люблю свой народ за то, что он создал великую культуру, великий язык, который, по словам А. Толстого, “яркий, как радуга вслед весеннему ливню, меткий, как стрела, задушевный, как песня над колыбелью, певучий и богатый”».

«Береза красива в любое время года: и весной, когда она словно плачет, даря людям свой целебный сок, и летом, когда она радостно шелестит своими зелеными листочками. Люблю смотреть на березу зимой, когда все деревья прикрыты снегом. Они словно прячутся от холода».

«Настоящей жемчужиной Курского края является Стрелецкая степь – уникальный заповедный участок степи, который никогда не

пахали. Это островок нетронутой природы, эталон луговой лесостепи. Как приятно мне, курянке, осознавать, что здесь обитают сорок шесть видов животных и двести десять видов птиц, восемьдесят семь видов растений! Смотришь на это богатство и красоту, становишься сам добрее».

«Всегда с нежностью смотрю на наш деревянный домик, сад, в котором я так люблю проводить время. С улыбкой вспоминаю тот загадочный колодец, в котором, как я думала, жил водяной. Вспоминаю, как летом я убегала далеко в поле и проводила там целые часы, наблюдая за бабочками, стрекозами, вдыхая нежный аромат полевых цветов, а потом, раскинув руки, падала на мягкую траву и подолгу вглядывалась в голубое небо».

Можно привести пример и из зарубежной художественной литературы, обратиться к книге Родни Уильяма Уитакера «Шибуми». В книге в один из труднейших моментов своей жизни японский генерал Кисикава-сан говорит своему приемному сыну: «Что бы ни случилось, буду оставаться патриотом. Я патриот не политики, или идеологии, или военных оркестров, или хиномару (национальный флаг Японии – *прим. авт.*). Я патриот садов, лунных фестивалей, тонкостей игры в го, песнопений женщин, сажающих рис, быстро отцветающих сакур, всех этих японских примет» [цит. по: Чалдымов, 2020, с. 178].

Студенты вузов – это бывшие школьники, они уже должны иметь ответы на четыре сформулированных выше вопроса осознанной любви к Родине. Задача вуза – наполнять эти ответы новым содержанием, расширять их количество, делать их более осознанными и социально значимыми. Особое место в этом вопросе принадлежит воспитывающему обучению, т. е. формированию патриотизма у студентов на учебных занятиях, в том числе с учетом специфики преподаваемых дисциплин. Например, при преподавании филологических дисциплин в вузах может осуществляться углубление студентами своих осознанных патриотических взглядов и убеждений за счет их актуализации при изучении иностранных языков путем систематизации и перевода в более четкие логические формы при выстраивании иноязычных текстов, утверждения в истинности патриотических установок при критическом сопоставлении российской и зарубежных социокультурных практик.

Придание патриотизму осознанного характера имеет большое значение с позиций интеграции государственного и личного патриотизма.

С позиций государственного патриотизма, обоснованного Гегелем, патриотизм означает стремление к общим целям и интересам государства, которые являются безусловно приоритетными по отношению к любым другим, будь то интересы личности, группы людей или общества в целом. Гегелевское понимание патриотизма означает стремление к общим целям и интересам государства, которые являются приоритетными по отношению к любым другим: интересам общества, группы или личности. Государство же как высшая форма организации и высшая ценность выступает главным объектом высших чувств и помыслов личности (общества) и, прежде всего, патриотических.

Личностный патриотизм рассматривает патриотизм в неразрывной связи с личностью, которая выступает высшей ценностью (в том числе и по отношению к обществу, не говоря уже о государстве). Позицию человека можно обозначить так: «Мне комфортно жить в этой стране, поэтому я буду делать всё необходимое для ее процветания».

Молодой человек, осознавший в полной мере значимость для себя патриотизма с позиций личностных мотивов и чувств, лучше воспринимает, понимает и реализует требования государства в данном вопросе.

Перечислим основные пути повышения эффективности патриотического воспитания студентов в вузе:

- ✓ повышение роли содержания и технологий изучения гуманитарных и социально-экономических дисциплин в формировании патриотизма;
- ✓ развитие патриотического потенциала преподавания естественнонаучных, технических и других дисциплин;
- ✓ развитие в учебной и внеучебной работе со студентами их личностной активности в социально значимых делах, деятельного патриотизма: участие в выборах, выполнение общественных обязанностей в рамках студенческой группы, проведение исследований по острым проблемам общественного развития и др.;

- ✓ повышение количества и качества проводимых мероприятий по патриотическому воспитанию во внеучебное время, осуществление более тесной связи внеучебной воспитательной работы с содержанием изучаемых дисциплин в вузах. Принципиально важно, чтобы патриотическое воспитание студентов осуществлялось и в массовых, и в групповых, и в индивидуальных формах работы. Массовые формы внеучебной работы предполагают участие большинства студентов или их представителей. Это конкурсы, студенческие вечера, праздники, олимпиады, КВНЫ, конференции, субботники и т. п. Групповые внеучебные формы включают в себя организацию работы со студентами, объединенными общностью интересов. Это могут быть кружки, клубы, спортивные секции, организуемые с целью углубления познавательных интересов и расширения кругозора; развития художественных способностей (литературный клуб, хоровой кружок и т. п.); активизации общественной деятельности;
- ✓ использование воспитательных возможностей организации деятельности студентов в социокультурном окружении вне рамок вуза, в городских мероприятиях, по месту жительства для более прочного усвоения полученных в вузе знаний, выработки гражданско-патриотических и нравственных ориентиров, расширения социального опыта в практическом применении полученных знаний как основы для жизненного и профессионального самоутверждения;
- ✓ обеспечение воспитательного примера личности преподавателя, демонстрирующего образцы высокоразвитого гуманитарного мышления, патриота и гражданина России, умеющего строить педагогически целесообразные отношения со студентами;
- ✓ комплексная организация патриотического воспитания в контексте взаимосвязи воспитывающего обучения и внеучебной воспитательной работы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Большой энциклопедический словарь / гл. ред. А. М. Прохоров. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Большая Рос. энцикл., 2004.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М. : Русский язык, 1979. Т. 2.
- Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков В. А.* Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России // Народное образование. 2010. № 1. С. 39–46.
- Ильин И. А.* Путь духовного обновления. Собр. соч. М. : Русская книга, 1993. Т. 1.
- Лихачев Д. С.* Земля родная. М. : Просвещение, 1983.
- Ожегов С. И.* Словарь русского языка. М. : Русский язык, 1986.
- Чалдымов Н. А.* Против Каина. М. : Эдитус, 2020.

УДК 94

Бычков М. А.

кандидат исторических наук
Московский экономический институт
(Москва, Россия)
maxbychkov80@gmail.com

ИРЛАНДИЯ И БРЕКЗИТ: ПОИСК ПУТЕЙ РАЗВИТИЯ

В статье анализируется первоначальное влияние Брексита на Республику Ирландия. Английский референдум 2016 года стал отправной точкой переговорного процесса по вопросу выхода Великобритании из ЕС. Важную роль в нем сыграла Республика Ирландия. Брекзит фактически разрушил сложившуюся архитектуру отношений Дублин – Лондон – Белфаст в пользу Республики Ирландия. Во время переговоров Республика Ирландия, опираясь на ЕС, смогла показать свою способность вести самостоятельную внешнеэкономическую политику.

Ключевые слова: Брекзит; Великобритания; Европейский Союз; Республика Ирландия; Северная Ирландия

Bychkov M. A.

PhD (History)
Moscow Economics Institute
(Moscow, Russia)
maxbychkov80@gmail.com

IRELAND AND BREXIT: FINDING WAYS TO DEVELOP

The article analyzes the initial impact of Brexit on the Republic of Ireland. The 2016 English referendum became the starting point for the negotiation process on the UK's exit from the EU. The Republic of Ireland played an important role in it. Brexit actually destroyed the existing architecture of Dublin-London-Belfast relations in favor of the Republic of Ireland. During the negotiations, the Republic of Ireland, relying on the EU, was able to show its ability to conduct an independent foreign economic policy. Under these conditions, the Irish leadership, in the presence of an acute internal political struggle, was able to pursue a balanced policy.

Keywords: Brexit; Great Britain; European Union; Republic of Ireland; Northern Ireland

24 июня 2016 года в Великобритании прошел референдум по вопросу о выходе страны из Европейского Союза. 51,9 % проголосовали «за» и 48,1 % – «против» [Попырин, 2018].

Выход из Европейского Союза такого крупного политического и экономического актора, как Великобритания, не мог не оказать влияние на европейские и мировые политические и экономические процессы. Данная проблематика уже стала объектом исследования современных ученых. По естественным причинам эти исследования проводились с позиции экономической и политической науки. Кроме того, в большинстве из них внимание было сконцентрировано на влиянии Брексита на внутренние английские экономические и политические процессы, отношения с руководством Европейского Союза (ЕС).

Однако, учитывая многовековую связь Лондона с Дублином, Брекзит непосредственно затронул и Ирландию. Это касается нескольких направлений: Ирландия – Великобритания, Ирландия – ЕС, Ирландия – Северная Ирландия – Великобритания.

С одной стороны, в этих условиях Ирландии как члену ЕС нужно будет пересмотреть свои отношения с Великобританией, которая уже не будет иметь такой статус, а с другой стороны, политические и экономические связи между Дублином и Лондоном сложились довольно давно и получили юридическое и фактическое оформление еще до появления ЕС. Но, так или иначе, находясь географически, экономически между Великобританией и ЕС, Ирландии придется по-новому выстраивать отношения с Брюсселем и с Лондоном.

Учитывая то, что на территории Северной Ирландии большинство выступило «против» выхода из ЕС, «ольстерский вопрос» (конфликт в Северной Ирландии) выходит на новый этап своего развития. Факт того, что за сохранение членства в ЕС проголосовали в северо-ирландских районах, непосредственно примыкающих к Республике Ирландия, требует от Ирландского государства сформировать новое отношение к данной проблеме.

Ирландия стала членом ЕС в январе 1973 года. Но путь в «общий европейский дом» был непростым.

Позиция нейтралитета, которую заняла страна в годы Второй мировой войны 1939–1945 годов, довольно негативно сказалась на

ее внешнеполитическом имидже. Провозглашение в 1949 году республиканской формы правления в Ирландии, выход из Британского Содружества, с одной стороны, создали необходимые условия для самостоятельной внешней политики, в том числе и по европейскому направлению, а с другой стороны, поставили перед ирландским руководством ряд важных проблем как социально-экономического, так внешнеполитического характера.

Еще раньше, в феврале 1948 года, в Ирландии прошли парламентские выборы, в результате которых была разрушена политическая монополия партии Фианна Фойл и сформировано коалиционное правительство во главе с Джоном Костелло, лидером Фине Гэл. Министром иностранных дел стал Шон МакБрайд, с именем которого связана активизация внешней политики страны.

Отечественный специалист по истории Ирландии Полякова Е. Ю. отмечает: «Ирландия энергично добивалась вступления в ООН, хотя в 1946 году на ее обращение было наложено вето; участвовала в плане Маршалла; стояла у истоков Организации европейского экономического сотрудничества. В то же время она продолжает придерживаться политики нейтралитета, обосновывая ее, в частности, сохраняющимся расколом страны, и в 1949 году отвергла приглашение США вступить в НАТО» [Полякова, 2009, с. 121].

Причем сохранение нейтралитета Ирландии нужно было сочетать с преодолением если не внешнеполитической изоляции, то внешнеполитического небрежения со стороны других стран мира. Нужно было преодолеть представление о себе как о «заднем дворе Соединенного Королевства».

Однако это представляло собой весьма трудную задачу. За военные годы экономика пришла в целом в упадок. В послевоенные годы ее положение не улучшилось. Наиболее тесные экономические связи были именно с Великобританией. Ирландия оставалась аграрной страной, английский же капитал сохранял сильные позиции в ряде отраслей экономики страны. Это определило и зависимую от Лондона позицию Ирландии относительно ЕС.

Положение в экономике стало меняться после парламентских выборов 1957 года, в результате которых Фианна Фойл вернулась к власти.

Ее основатель и многолетний лидер Имон де Валера опять становится премьер-министром. Но в 1959 году он отказывается от поста лидера партии и премьер-министра. Однако в том же году И. де Валера был избран президентом страны.

Лидером же правящей партии Фианна Фойл и премьер-министром Ирландии становится Шон Лемасс. Он предлагает новую концепцию экономического развития, основанную на идее свободной торговли, создания условий для привлечения иностранных капиталов, активизации в области внешнеэкономического сотрудничества, участия в международных торгово-экономических организациях. Экономическая политика правительства Лемасса оказалась успешной, ирландская и мировая пресса заговорили об «ирландском экономическом чуде».

Политика экономического развития, положительный социальный эффект, а также начало работы в 1962 году ирландского телевидения, резко расширившего для простого ирландца горизонты современного мира, в своей совокупности создали условия для вхождения в ЕС. Но это стало возможным только после приема туда Великобритании в 1973 году.

Первоначально эффект от присоединения к Союзу оказался весьма положительным, экономика переживала рост. Но 1980-е годы показали ненадежность экономики, которая была зависима от иностранного капитала. В 1987 г. правящая партия Фианна Фойл принимает новую программу экономического развития, основанного на социальном партнерстве и расширении государственного регулирования экономики. Проводимая на ее основе экономическая политика способствовала экономическому подъему 1990-х годов.

Вхождение Ирландии в ЕС стало для Дублина способом пробиться на широкую политическую и экономическую арену, выйти из «тени Лондона». Поэтому Брекзит не может стать причиной «Ирлэкзита» (выхода из ЕС Ирландии). Сохранение за Дублином членства в ЕС стало причиной вопроса о границах, так как англо-ирландская граница стала границей между Великобританией и ЕС. При этом следует учитывать, что она проходит как по суше (граница с Северной Ирландией), так и по воде (Ирландское море).

Брекзит, конечно, затронул интересы не только правящих кругов ЕС, но и отдельных стран, в том числе и Ирландии. Отечественный исследователь Попырин В. И. определил следующие четыре цели Дублина в связи с Брекситом: «минимизировать воздействие Brexit на ирландско-британскую торговлю, которая составляла 1,2 млрд евро в год; сохранить общее пространство в сфере туризма – common travel area или соседские отношения в сфере туризма и избегать жестких границ; сохранить достижения мирного процесса в Северной Ирландии» [Попырин, 2018, с. 110].

Безусловно, в отношениях между Дублином и Лондоном центральными являются две группы вопросов: экономические и политические.

Брекзит, конечно, не сможет разорвать исторически сложившиеся экономические связи, но может их усложнить. Последнее проявилось в проблеме характера границ (не в политическом, а в экономическом смысле): «мягкие» или «жесткие». С одной стороны, Дублин заинтересован в сохранении сложившихся экономических отношений, а с другой – он должен защитить интересы ЕС и свои собственные.

Однако в связи с тем, что сухопутная граница между Великобританией и Ирландией, между Великобританией и ЕС проходит через территорию Северной Ирландии, вопросы экономические сильно переплетаются с вопросами политическими. В этих условиях проблема указанного региона приобретает новое звучание.

Северная Ирландия, образованная англо-ирландским договором, подписанным 6 декабря 1921 года, стала «горячей точкой» западно-европейского региона. Власть протестантского меньшинства над католическим большинством с широким применением дискриминационных мер и репрессивного аппарата привела к ситуации постоянного политического конфликта, который приобретает либо хронические, либо острые формы. В свою очередь это обстоятельство делает фактически невозможным организацию нормальной социально-экономической и политической жизни в регионе. Политическое пространство Северной Ирландии оказалось фактически расколотым между сторонниками верности английской короне (юнионистами) и сторонниками присоединения региона к Республике Ирландия (националистами). Не без помощи Лондона политическая монополия в реальности

была закреплена за юнионистами. Указанные обстоятельства создавали благоприятную почву для деятельности радикальных и экстремистских групп (Орден оранжистов, Ирландская республиканская армия и т. д.), активность которых достигла апогея в 60–70-е годы XX в., что в свою очередь привело к введению в 1973 году «прямого правления Лондона». Однако к нормализации это не привело. Мирный процесс, начавшийся в 80-е годы XX в., заложил основы относительно стабильного развития региона на рубеже XX–XXI вв. Но Брекзит поставил под вопрос как сложившуюся политическую ситуацию в Северной Ирландии, так и будущее всего региона.

До референдума о Брекзите 2016 года политическая ситуация в Северной Ирландии определялась Белфастским соглашением, подписанным 10 апреля 1998 года. Отечественный исследователь Кривушин И. В. отмечает, что соглашение «означало политическое признание ирландской идентичности в Северной Ирландии и участия Дублина в решении проблем, связанных с “ирландской общиной” провинции; оно предусматривало раздел власти между католической и протестантскими общинами, прежде всего создание совместного органа исполнительной власти – Исполнительного совета» [Кривушин, 2020, с. 140].

Идея Брекзита не нашла поддержку в Северной Ирландии: большинство её жителей высказались против. При этом большее единство в этом вопросе показали националисты, у юнионистов выявились внутренние разногласия.

Анализ электорального процесса в регионе с 2016 по 2018 годы, проведенный И. В. Кривушиным, показывает, что там имеет место рост популярности объединения Ирландии при падении поддержки политических партий, выступающих за него [там же].

Не менее примечательным является следующее обстоятельство: 9 января 2020 года Палата общин английского парламента приняла закон о выходе Великобритании из Европейского Союза, но 20 января того же года Ассамблея Северной Ирландии единогласно отказалась дать на него согласие.

Брекзит оказал непосредственное влияние на Республику Ирландия, он стал центральным вопросом в работе правительства. Премьер-

министр Ирландии Энди Кенни отказался создать специальную должность министра по Брекзиту, заявив, что он лично и его советники (главы правительственных департаментов) займутся этим вопросом. Дублин был согласен пойти на соглашение с британской стороной с целью взаимовыгодного решения сложившейся проблемы. Однако Лондон заявил о выходе из Единого рынка ЕС и Таможенного союза ЕС. В ответ ирландское правительство начало переговоры с руководством ЕС об организации «жесткой» границы с Великобританией. Предложения специально сформированной для этого группы во главе с М. Барньером были приняты и утверждены Европейским советом в мае 2017 года [Collins, Meehan, 2020].

Тем временем в правящей партии Финне Гэл развернулась борьба за партийное лидерство между Э. Кенни (главой ирландского правительства и действующим лидером партии) и Лео Варадкар. Параллельно Финне Гэл вступила в жесткое противостояние с Фианна Фойл. Но главным предметом политической борьбы между традиционными ведущими политическими партиями страны был не Брекзит, а вопрос о сохранении сложившейся системы лидерства указанных партий.

14 июня 2017 года Л. Варадкар, ставший лидером Финне Гэл, был избран премьер-министром страны.

Новое правительство продолжило переговоры по Брекзиту. С одной стороны, они проводились с английским правительством (сначала с премьер-министром Т. Мэй, а потом с Б. Джонсоном) и с руководством Северной Ирландии, а с другой стороны, с представителями Европейского Союза (прежде всего с федеральным канцлером Германии А. Меркель). Переговорный процесс осложнялся тем, что Лондон не раз затягивал переговоры, стремился переложить свои проблемы «на плечи» Республики Ирландии, ограничить ее суверенитет в свою пользу. Центральным предметом переговоров оставался вопрос о границе. Лондон всеми силами стремился не допустить установление «жесткой» границы.

В результате 31 января 2020 года был согласован и принят Протокол по Ирландии и Северной Ирландии (Protocol on Ireland and Northern Ireland) (обычно его называют Североирландским протоколом), согласно которому Северная Ирландия не входит в Единый

рынок и Таможенный союз ЕС, но на ее территории действуют правила свободного перемещения товаров Таможенного союза ЕС, что гарантирует отсутствие таможенных проверок или контроля между Северной Ирландией и Республикой Ирландия, т. е. отсутствие «жесткой» границы¹. Однако в результате вместо сухопутной границы между ними Протокол создал таможенную границу (фактически «жесткую» границу) по Ирландскому морю.

1 февраля 2020 года Великобритания вышла из ЕС. Но проблемы остались. Как бы ни хотели стороны сохранить status quo в условиях Брекзита, это оказалось невозможным: «жесткая» граница осложнила бы экономические связи между Северной Ирландией и Республикой Ирландия, но при этом сохранила, законсервировала бы политическую систему Северной Ирландии. Североирландский протокол сохранил эти связи (т. е. установил «мягкую» границу), но по той причине, что, по сравнению с Северной Ирландией, Республика Ирландия является более экономически развитым регионом, в экономическом противостоянии Дублин имеет преимущества перед Белфастом. В свою очередь экономика тянет за собой политику: способность Дублина экономически перетянуть к себе Белфаст создает основу для политической интеграции острова. Данное обстоятельство осложняет отношения между политическими силами Северной Ирландии (националистами и юнионистами), стимулирует продолжение регионального конфликта. Однако Брекзит вносит сильный фактор неопределенности в его дальнейшее развитие.

Проанализировав рассматриваемую проблему, мы можем сделать следующие выводы:

1. Брекзит фактически разрушил сложившуюся архитектуру отношений Дублин – Лондон – Белфаст в пользу Республики Ирландия.
2. Во время переговоров Республика Ирландия, опираясь на ЕС, смогла показать свою способность вести самостоятельную внешнеэкономическую политику.

¹ Protocol on Ireland and Northern Ireland. // EUR-Lex. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A12020W/TXT>

3. В этих условиях ирландское руководство при наличии острой внутренней политической борьбы смогло провести сбалансированную политику.

Брекзит нельзя считать полностью завершенным процессом, все его последствия еще не проявили себя. Однако, абстрагируясь от других политических и социально-экономических факторов европейского и мирового уровня, можно предположить что сложившаяся ситуация создает условия как для политического объединения «Изумрудного острова», так и для усиления позиций Дублина на Британских островах. В то же время возможный конфликт между Дублином и Лондоном по «ольстерскому вопросу» станет проблемой общеевропейского характера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Кривушин И. В.* Брексит и политическое будущее Северной Ирландии // Новая и новейшая история. 2020. № 4. С. 138–156.
- Полякова Е. Ю.* Ирландия в XX веке: учебное пособие. М. : КДУ, 2009.
- Попырин В. И.* Brexit – «туманный» выход Британии из Европейского Союза. М. : Финансы и Статистика, 2018.
- Collins S., Meehan C.* Saving the state. Fine Gael from Collins to Varadkar. Dublin : Gill Books, 2020.

УДК 239+291.71

Васильева Е. Н.

кандидат философских наук

Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Россия)

falsafa@list.ru

**«ПРИРОДА ДОКТРИНЫ» ДЖ. ЛИНДБЕКА
КАК ПРОГРАММНЫЙ ТЕКСТ ПОСТЛИБЕРАЛЬНОЙ ТЕОЛОГИИ:
ОСНОВНЫЕ ИДЕИ И ИХ ОЦЕНКА
В СОВРЕМЕННОЙ ЗАПАДНОЙ ТЕОЛОГИИ**

В статье рассматривается программный текст постлиберальной теологии «Природа доктрины» Дж. Линдбека. Рассмотрены основные идеи Линдбека: 1) провозглашение культурно-лингвистического подхода к выстраиванию межрелигиозного диалога; 2) рассмотрение религиозных доктрин в свете их регулятивной функции; 3) различение «онтологической» и «внутрисистемной» истинности утверждений в сфере религии. Анализируются основные направления критики этого труда и его значение для современного межрелигиозного диалога.

Ключевые слова: теология религий; постлиберальная теология; экуменизм; межрелигиозный диалог; Дж. Линдбек

Vasileva E. N.

PhD (Philosophy)

Moscow State Linguistic University
(Moscow, Russia)

falsafa@list.ru

**“THE NATURE OF DOCTRINE” BY G. LINDBECK
AS A PROGRAM TEXT OF POSTLIBERAL THEOLOGY:
BASIC IDEAS AND THEIR EVALUATION
IN MODERN THEOLOGY**

The article deals with the program text of post-liberal theology “The Nature of Doctrine” by G. Lindbeck. The main ideas of G. Lindbeck are considered: 1) the proclamation of a cultural-linguistic approach to building an interreligious dialogue; 2) consideration of religious doctrines in the light of their regulatory function; 3) the distinction between the “ontological” and “intra – system” truth of statements in the sphere of religion. The main directions of criticism of this work and its significance for the modern interreligious dialogue are analyzed.

Keywords: theology of religions; postliberal theology; ecumenism; interreligious dialogue; George Lindbeck

«Природа доктрины» (1984) – книга, издание которой в одно мгновение сделало автора, американского лютеранского теолога Джорджа Линдбека, знаменитым. Она переведена на восемь языков: немецкий, испанский, французский, венгерский, итальянский, китайский, японский и корейский, и обсуждается в западных теологических и философских кругах на протяжении вот уже 38 лет.

Дж. Линдбек – один из наиболее ярких представителей пост-либеральной теологии, – видел основной целью своей теологической деятельности развитие экуменического диалога. Он был уполномоченным наблюдателем от Всемирной лютеранской федерации на Втором Ватиканском соборе, а также активно участвовал в диалоге римо-католиков и лютеран в 1970-х и 1980-х годах. Дж. Линдбек намеревался сделать «Природу доктрины» пролегоменами к другой, более крупной работе «Сравнительная догматика», которая была бы направлена на доктринальное примирение между церковными органами ради экуменического партнерства. Однако вскоре межконфессиональный диалог ушел от доктринальных вопросов, и целевая аудитория Дж. Линдбека практически исчезла, так что дальнейшие планы теолога по развитию этой темы утратили актуальность. Но обратимся к идеям «Природы доктрины».

Для того чтобы разрешить проблему межконфессиональных и межрелигиозных разногласий, американский теолог предлагает использовать культурно-лингвистический подход, который он отличает от двух предшествующих позиций: когнитивно-пропозициональной (пропозиционализма), противопоставляющей истинную религию ложным, и эмпирически-экспрессивной (либеральной), заявляющей, что старые доктрины могут быть переинтерпретированы для соответствия новым обстоятельствам и что разные религии – это просто разные пути к одной и той же цели.

По мнению Дж. Линдбека, ни та, ни другая позиция не могут объяснить, почему лютеране, католики и пресвитериане в экуменических диалогах обнаруживали широкое согласие по доктринальным вопросам, которые исторически были источниками разногласий; при этом те же люди заявляли о верности доктринальным нормам своих традиций. Кроме того, когнитивно-пропозициональный и эмпири-

чески-экспрессивный подходы не объясняют, как доктрины фактически функционируют в религиозных сообществах [Lindbeck 2009].

В рамках культурно-лингвистического подхода Дж. Линдбек выдвинул следующие основные идеи.

1. Религиозные доктрины уподобляются правилам грамматики в языке, а религиозные практики – словам. Поэтому, чтобы стать религиозным, недостаточно усвоить нормы и предписания религии из книг; необходимо в полной мере овладеть «языком» этой религии – так, чтобы «интерпретировать и испытать себя и свой мир в ее терминах» [там же]. Важно, что религии, как и «языки», представлены в концепции Дж. Линдбека встроенными в формы жизни, в культуру.

2. Рассмотрение религиозных доктрин в свете их регулятивной функции: они исключают одни притязания на истину и допускают другие, но сами не претендуют на истину как таковую. Это касается не только узких или спорных доктрин, разделяющих христианские общины, но вполне относится даже к тем доктринальным формулировкам (например, Никейский символ веры и Халкидонское определение), с которыми согласны основные традиции: православие, католичество и протестантизм. Так, Дж. Линдбек пишет: «Учение о том, что Иисус есть Мессия... действует лексически как основание для включения литературы Нового Завета в канон, синтаксически как герменевтическое правило, согласно которому Иисус Христос должен истолковываться как исполнение ветхозаветных обетований (и Ветхий Завет как указание на него), а семантически как правило относительно использования таких титулов, как “Мессия”» [Lindbeck, 2009].

3. Различение «онтологической» и «внутрисистемной» истинности утверждений в сфере религии. Первая – это «классическая» истина соответствия реальности, тогда как вторая – истина внутренней согласованности высказываний друг с другом и с соответствующими формами жизни. «Таким образом, – пишет Дж. Линдбек, – для христианина “Бог есть Три и Один” или “Христос есть Господь” верны только как части общей модели говорения, мышления, чувств и действий. Они ложны, когда их использование в каком-либо конкретном случае противоречит тому, что образец в целом утверждает о Божьем существе и воле. Боевой клич крестоносцев “Христос есть Владыка”,

например, является ложным, когда используется для разрешения раскальвания черепа неверного (хотя те же самые слова в других контекстах могут быть истинным высказыванием). Когда оно используется таким образом, оно противоречит христианскому пониманию Господства как воплощающего, например, страдающее служение» [Lindbeck, 2009]. При этом утверждение не может быть онтологически истинным, если оно не является внутрисистемным, но внутрисистемная истина вполне возможна без онтологической истины. «Внутрисистемно истинное утверждение онтологически ложно – или, точнее, бессмысленно – если оно является частью системы, в которой отсутствуют понятия или категории для обозначения соответствующих реалий, но оно онтологически истинно, если оно является частью системы, которая сама является категориально истинной (адекватной)» [там же]. (Отсюда можно заключить, что, например, утверждение «Гарри Поттер учился в школе волшебства “Хогвартс”» является истинным в контексте романа Джоан Роулинг, однако будет ложным, если поставить вопрос о реальном его существовании как исторической личности). Внутрисистемная истина – это высказывания первого порядка, тогда как онтологические истины в сфере религии – это высказывания второго порядка, то есть интерпретации, с которыми имеет дело теология и официальная доктрина.

Нетрудно увидеть, что в теологии Дж. Линдбека прослеживаются и культурологические, и аналитико-философские предпосылки. В литературе указывается на идейное влияние Л. Витгенштейна, К. Гирца и П. Бергера [Хромцова, 2017]. И, конечно, такой выход за традиционные предметные границы теологии не мог не привлечь широкого внимания критиков. Однако ключевые идеи единой концепции в ходе дискуссии приобрели в некоторой степени самостоятельное развитие.

Во-первых, дискуссию вызвал вопрос о том, насколько уместным может быть сравнение религиозных доктрин с правилами грамматики, если подразумевается естественный язык. Критики обращают внимание на то, что можно делать переводы с одного языка на другой с разной степенью успеха; так что некоторая часть оригинального текста может быть передана и воспринята в переводе. Так что в свете

этой метафоры не вполне понятно, для чего простому читателю изучать «иностранные языки», если есть «профессионалы-переводчики». По-видимому, вопрос об открытости религий друг другу проработан Дж. Линдбеком недостаточно; также мало говорится о возможности реального развития религий, как это имеет место в языках [Kitchener, 1984, с. 53]. Далее «грамматика» религиозных доктрин описывается как неизменная, что, по мнению автора концепции, позволяет сохранять постоянство религиозного вероучения. Однако в естественных языках грамматика подвержена изменениям. Как отмечает Г. Кофмэн, Дж. Линдбек, кажется, не видит, что культурно-лингвистический подход может быть даже более эффективным средством для радикально критической теологической конструкции, чем для «мейнстримной» теологической традиции, к которой он стремится его применить [Kaufman, 1985, с. 241]. Наконец, большие затруднения в восприятии концепции Дж. Линдбека связаны с тем, что доктрины-«правила» чрезвычайно разнообразны. Дж. Бакли составил по тексту «Природы доктрины» следующий список различных вариантов их использования: «Некоторые правила имеют отношение к лексике религии; другие являются синтаксическими правилами, а третьи “обеспечивают семантическую ссылку” (81). Правила могут быть неофициально действующими и/или официально сформулированными (74–6). Они также могут быть безусловно и постоянно необходимыми (например, возможно, “Накорми бедных”), условно необходимыми и необратимыми (например, возможно, доктрины против рабства или для католиков доктрины о папстве и Марии), условно необходимыми и обратимыми (например, возможно, раннехристианский пацифизм), просто “случайно ненужными” (например, для протестантов – папство). Некоторые доктрины “определяют” правильное использование или являются “явными утверждениями общих регулирующих принципов” (возможно, *sola gratia* или *sola fide*). Большинство доктрин “скорее иллюстрируют правильное использование, чем определяют его”; они являются “образцовыми примерами или парадигмами применения правил” (например, возможно, Никейский символ веры) (81, 95). Другие доктрины можно охарактеризовать как трагические в том смысле, что они предполагают “выбор между двумя альтернативами, обе из которых

плохи, но одна из которых хуже другой” (98; ср. 103–104)» [Buckley, 1985, с. 451–452]. Неудивительно, что, вследствие сложности этой классификации, многие читатели Дж. Линдбека не смогли «увидеть за деревьями леса», а именно, стремление с ее помощью согласовать межконфессиональные доктринальные конфликты [Buckley, 1985, с. 452].

Во-вторых, некоторые оппоненты Дж. Линдбека не могут согласиться с тем, что религиозные доктрины выполняют только регулятивную функцию. Так, Б. А. Гериш отмечает, что вопрос заключается в том, может ли доктринальное правило выполнять исключительно регулятивную функцию, не подразумевая истины и таким образом имплицитно не делая заявлений о ней: «как только кто-то спрашивает, почему это доктринальное правило, трудно понять, как ответить, кроме как в терминах утверждения некоторой предполагаемой истины или истин». Поэтому, «как только будет обсуждаться обоснование или даже объяснение доктрин... придется утверждать, что доктрина является регулятивной, потому что она информативна или потому что лучше выражает некоторый нормативный опыт и так далее» [Gerrish, 1988, с. 91]. Критике подвергается также и аргументация, приводимая для обоснования положения о том, что доктрины выполняют именно регулятивную функцию, а не провозглашают истину. Согласно Дж. Линдбеку доктрина может быть истинной или ложной в зависимости от того, в каком контексте она используется. Но К. Ванхузер в книге «Драма учения», обосновывая свою в чем-то похожую на линдбековскую каноническо-лингвистическую концепцию разграничивает доктрину, имеющую онтологическую референцию и то, насколько корректно она может использоваться, что относится не к ее истинности или ложности, а к компетентности того, кто эту доктрину интерпретирует.

В-третьих, многие критики недоумевают по поводу предложенной Дж. Линдбеком теории религиозной истины. Автор пишет о том, что доктрины функционируют как перформативные высказывания, то есть они создают реальность, а не отображают ее. В качестве примера он приводит высказывание М. Лютера о том, что он не может искренне утверждать, что Христос есть «Господь», если тем самым не сделает его «своим Господом». С таким релятивистским подходом

никак не может согласиться Дж. У. Ричардс, который полагает, что доктрины, особенно догматы, следует расценивать именно как пропозициональные, то есть соответствующие Высшей Реальности высказывания. «Любые правдоподобные правила, – пишет он, – будут паразитировать на истинности (или предполагаемой истинности) конкретных предложений. Было бы неловко, если бы кто-то настаивал на правиле, согласно которому мы должны приписывать Христу все человеческие и божественные качества, какие только можем, но краснеть от утверждения, что Иисус полностью человек и полностью божественен» [Richards, 1997, с. 49].

Кроме того, некоторые критики-теологи не восприняли выдвигаемый в главе 3, параграфе 1 тезис, что религии лучше всего сравнивать, опираясь на принцип категориальной адекватности. С точки зрения Дж. Линдбека, у разных религий нет (или почти нет) единых оснований, и поэтому даже если они говорят о «едином» Боге – это отнюдь не означает, что их понятия о Боге совпадают. «Таким образом, – пишет Дж. Линдбек, – когда утверждения или идеи из категориально различных религиозных или философских рамок привносятся в данное религиозное мировоззрение, это либо просто болтовня, либо, подобно математическим формулам, примененным в поэтическом тексте, они имеют совершенно иные функции и значения, чем в их первоначальных установках» [Lindbeck, 2009]. Хотя возможность диалога между различными религиями всё же сохраняется, как это показано в главе 3, параграфе II «Природы доктрины», но маловероятно, что пункты, по которым может быть установлено согласие, совпадают с ключевыми положениями доктрин.

В целом большинство критиков, обсуждая отдельные аспекты «Природы доктрины», совершенно упускали из вида главную цель автора – теологически обосновать возможность плодотворного диалога как между христианскими конфессиями, так и между имеющими общие точки соприкосновения религиями. Природа религии, с точки зрения Дж. Линдбека, заключается в ее способности формировать интерпретирующий центр жизни, чтобы все аспекты реальности, опыта и действия могли быть включены в ее рамки, а истинность или ложность не являются ее определяющими характеристиками. Американский

теолог утверждает, что «первично знание не о религии, ни что религия учит тому-то и тому-то, а скорее тому, как быть религиозным таким-то и таким-то образом. Ритуал, молитва и пример обычно гораздо важнее» [Lindbeck, 2009]. Второй немаловажный момент – Дж. Линдбек придавал положительное значение религиозному многообразию. В послесловии он писал: «С культурно-лингвистической точки зрения у разных религий будут разные ответы на то, как они должны относиться или не относиться к другим, поскольку у них нет ничего общего в эмпирическом плане. Для библейских религий именно Божье провиденциальное руководство обеспечивает связь. Иногда народы и религии, помимо тех, которые призваны в качестве публичных свидетелей спасения, совершенного Богом Авраама, Исаака, Иакова и Иисуса, также могли иметь провиденциально поставленные задачи... Как говорится в Исаие 44:28 и 45:1 о Кире <...> другие религии также могут быть призваны помочь подготовить будущее, не зная, кому они служат. Христиане могут получить много полезного от них, а они от христиан и друг от друга. Это и есть основа непрозелитского диалога и сотрудничества, уважающего различия между религиями. Она не заменяет евангелизацию, но желательна и в некоторых случаях обязательна» [там же].

В заключение надо сказать, что концепция Дж. Линдбека, теоретически обосновывающая возможность экуменического диалога, до сих пор не привела к положительным практическим результатам. Даже диалог между католиками и лютеранами, послуживший стимулом к написанию «Природы доктрины», был в конечном итоге сведен к обсуждению этических вопросов. Как отмечает Б. Маршалл, экуменизм зашел в тупик, потому что «соглашения по учению, о которых сообщают диалоги, хотя и убедительны до определенного момента, но вводят в заблуждение. Они скрывают более глубокое “фундаментальное различие”, которое <...> пронизывает все исторически оспариваемые доктрины, разделившие протестантов и католиков (различие, например, в понимании божественной и человеческой деятельности или общинное посредничество спасения во Христе)» [Marshall, 2009]. Однако сам Дж. Линдбек верит, что через несколько поколений, его труд, возможно, принесет желаемые плоды, из которых самый главный для него – единство христианской церкви [там же].

В российских публикациях концепция Дж. Линдбека почти не обсуждается. В самом деле: в РИНЦ по запросу «Линдбек» на сегодняшний день можно найти только две русскоязычные статьи, и только в одной за авторством М. Ю. Хромцовой труд американского теолога рассматривается достаточно подробно [Хромцова, 2017]. Скорее всего, отсутствие интереса к постлиберальным теологам среди отечественных исследователей связано с негативным отношением Русской православной церкви к явлению экуменизма. В документе «Основные принципы отношения Русской Православной Церкви к инославию», принятому на Юбилейном Архиерейском Соборе 2000 года, заявлено, что «имеющиеся догматические расхождения должны быть преодолены, а не просто обойдены», что для восстановления единства отступники должны покаяться, обратиться в православную веру и обновиться, а также что «единство может осуществиться только в тождестве благодатного опыта и жизни, в вере Церкви, в полноте таинственной жизни в Духе Святом» и «может прийти только свыше, как дар Всемогущего Бога»¹. Вместе с тем признается необходимость диалога по широкому спектру вопросов, не затрагивающих православную догматику.

Можно ли в таком случае сказать, что труд Дж. Линдбека для православия совершенно бесполезен? Думается, что нет: при всей глубокой разнице обозначенных позиций предложенный в «Природе доктрины» методологический подход, акцентирующий внимание на различении в доктрине (в частности, в догматах) трех элементов: внешней формы (формулировки), смысла, а также значения в конкретной ситуации, в «жизненном контексте», возможно, обладает ценным потенциалом для межконфессионального и межрелигиозного диалога. Во-первых, доктрины разных религий могут иметь точки соприкосновения, когда, например, необходимо противостоять вызовам секулярного мира. Во-вторых, во избежание ошибок интерпретаций вероучений «чужих» религий важно помнить, что при сходстве формы теологических понятий у них могут быть различные смыслы. Некоторым может показаться, что это не столь уж глубокие идеи, особенно с учетом работ в области философии языка. Но именно Дж. Линдбек первым

¹ Основные принципы отношения Русской Православной Церкви к инославию. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/print/418840.html>.

высветил лингвистическую сторону религиозного диалога. Важными также являются его мысли о таком взаимообогащении религиозных традиций в процессе обсуждения общих вопросов, которое избегает «капитуляции», то есть отказа от центральных догматических положений своей религии.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Хромцова М. Ю.* Постлиберальная теология о религиозном многообразии // Вестник Русской христианской либеральной академии. 2017. Т. 18. № 2. С. 41–53.
- Buckley J. J.* Doctrine in the Diaspora // *The Thomist: A Speculative Quarterly Review*. 1985. Vol. 49, # 3. P. 443–459.
- Cathey R. A.* God in postliberal perspectives: between realism and non-realism. ASHGATE e-book, 2009. 233 p.
- Gerrish B. A.* The Nature of Doctrine: Religion and Theology in a Postliberal Age by George A. Lindbeck // *The Journal of Religion*. 1988. Vol. 68, # 1. P. 87–92.
- Kaufman G. D.* The Nature of Doctrine: Religion and Theology in a Postliberal Age by George A. Lindbeck // *Theology Today*. 1985. # 42. P. 240–241.
- Kitchener M.* The Nature of Doctrine: Religion and Theology in a Postliberal Age by George A. Lindbeck. SPCK, 1984.
- Lindbeck G. A.* The Nature of Doctrine. Westminster John Knox Press e-book, 2009.
- Marshall B. D.* Introduction: The Nature of Doctrine after 25 Years // *The Nature of Doctrine: Religion and Theology in a Postliberal Age*. 2009.
- Richards J. W.* Truth and Meaning in George Lindbeck's *The Nature of Doctrine* // *Religious Studies*. 1997. P. 33–53.

УДК 81-13

Витлинская Т. Д.

кандидат филологических наук, доцент

Московский государственный лингвистический университет

(Москва, Россия)

niltiv@bk.ru

ОСОБЕННОСТИ ОБУЧЕНИЯ АУДИРОВАНИЮ В КОНТЕКСТЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОГО ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются вопросы методики освоения аудирования как вида речевой деятельности в процессе изучения профессионально ориентированного иностранного языка. Освещается специфика обучения аудированию на занятиях по профессионально ориентированному иностранному языку, различные классификации видов аудирования. Описываются виды упражнений, применяемых для обучения аудированию при изучении иностранного языка для профессионального общения.

Ключевые слова: аудирование; умение; восприятие; понимание; профессионально ориентированный иностранный язык

Vitlinskaya T. D.

PhD (Philology), Associate Professor

Moscow State Linguistic University

(Moscow, Russia)

niltiv@bk.ru

SPECIFIC FEATURES OF LISTENING COMPREHENSION TEACHING IN THE FIELD OF FOREIGN LANGUAGE FOR SPECIAL PURPOSES

The article covers the methodology of mastering listening as a type of speech activity in the process of learning a foreign language for special purposes. The article considers the specifics of teaching listening during lessons of a foreign language for special purposes, as well as various classifications of listening types. The types of exercises used for teaching listening when learning a foreign language for professional communication are described.

Keywords: listening; skill; perception; understanding; foreign language for special purposes

Понятие «аудирование», в английском языке *listening comprehension*, относится к механизму восприятия звучащего текста и его понимания на слух. Данный термин акцентирует внимание на том, что аудирование как один из четырех главных видов речевой деятельности, составляющих основу владения как родным, так и иностранным языком, включает и слушание (восприятие информации), и слышание (понимание смысла высказывания). На занятиях по иностранному языку аудирование занимает значительную часть времени, так как в ходе занятия обучающиеся воспринимают на слух не только аудио- и видеоматериалы по изучаемой тематике, но и речь преподавателя и своих коллег-обучающихся.

С лингвистической точки зрения минимальной смысловой единицей языка является слово, и именно оно является единицей восприятия и понимания звучащего текста. Что касается восприятия на слух отдельных звуков и звукосочетаний, то в этом случае имеет место распознавание звуковых сигналов, которое, будучи элементом аудирования, не является его целью со смысловой точки зрения. В программах дисциплин по изучению практического курса иностранного языка аудирование – одновременно и цель обучения (в силу своей значимости как одного из основных видов речевой деятельности), и средство обучения (по причине результативности использования для приобретения и совершенствования лексических навыков в процессе изучения профессионально ориентированного языка).

В части значимости как цели обучения иностранному языку в целом аудирование обеспечивает восприятие на слух звучащих текстов разного содержания и уровня сложности, что, несомненно, крайне важно при обучении, в особенности профессионально ориентированному иностранному языку, поскольку позволяет достичь практических, практико-ориентированных, а также общеобразовательных и воспитательных целей обучения.

С другой стороны, будучи одновременно общепризнанным средством обучения в совокупности и в непосредственном взаимодействии с другими видами речевой деятельности, аудирование способствует формированию и поддержанию языковых знаний, речевых

навыков и умений, а также сохранению достигнутого ранее уровня владения языком.

Вследствие вышеупомянутых факторов не вызывают сомнений целесообразность и необходимость составления и использования заданий на проверку навыков аудирования, *listening comprehension*, в учебниках и учебных пособиях по иностранным языкам, в частности для изучающих профессионально ориентированный иностранный язык, а также в тестах, проверяющих уровень владения иностранным языком.

Среди навыков, составляющих основу аудирования как речевого умения, принято выделять следующие:

- ◆ фонетические навыки, функцией и задачей которых в контексте аудирования является различение звуковых особенностей иноязычной речи в процессе слушания, а также обеспечение способности правильно, в соответствии с нормами изучаемого иностранного языка, воспринимать услышанный звуковой отрезок речи с учетом артикуляционных, интонационных и иных фонетических особенностей звуков изучаемого иностранного языка;
- ◆ грамматические навыки, функцией и задачей которых в процессе восприятия звучащего текста на слух является обеспечение распознавания грамматической структуры прозвучавшего высказывания в соответствии с правилами грамматики изучаемого иностранного языка и соотнесение данной грамматической структуры с определенным грамматическим и лексическим значением;
- ◆ лексические навыки, функцией и задачей которых применительно к аудированию является обеспечение узнавания и восприятия значений слов и словосочетаний, содержащихся в звучащем тексте, в соответствии с изначальным замыслом говорящего как отправителя информации.

При обучении профессионально ориентированному иностранному языку использование аудирования на занятиях является, несомненно, одним из основных методов формирования лексических навыков, поскольку использование терминов в профессиональном контексте

значительно упрощает их восприятие и понимание их значения. Особая значимость формирования, развития и совершенствования лексических навыков посредством аудирования при обучении профессионально ориентированному иностранному языку объясняется также тем, что фонетические навыки, как правило, являются уже сформированными на этапе изучения профессионально ориентированного иностранного языка, а грамматические навыки не столь зависимы от профессиональной ориентированности языка, как лексические, вследствие чего развитие и совершенствование грамматических навыков происходит параллельно с освоением лексических.

Кроме того, нельзя не отметить и тот факт, что аудирование является одним из самых трудных видов речевой деятельности в силу множества причин, среди которых, например, однократность предъявления звучащей информации в реальном речевом общении, непрерывность звучащего текста, необходимость постоянно концентрировать внимание на поступающей информации и т. п. Помимо вышеперечисленного, имеют место индивидуальные особенности восприятия звучащей информации, объем слуховой памяти обучающихся и ряд иных личностно зависимых обстоятельств. Трудности также возникают из-за того, что аудирование – это единственный вид речевой деятельности, где от лица, ее выполняющего, ничего не зависит [Елухина, 1991].

К сложностям использования аудирования в процессе обучения профессионально ориентированному языку следует также отнести подбор аудиоматериалов в соответствии с профессиональной тематикой и уровнем языковой подготовки группы обучающихся. Для результативности процесса обучения аудированию крайне необходимо с особой ответственностью выбрать предлагаемый обучающимся звучащий текст. К таким общепризнанным требованиям к материалам для аудирования, как воспитательная ценность звучащего текста, интересный целевой аудитории сюжет, значимость и достоверность излагаемых в звучащем тексте фактов, содержательность и информативность, соответствие возрастному уровню и конкретным целям обучения на разных этапах, добавляется также необходимость учитывать тот факт, что обучение современному иностранному языку возможно лишь при условии использования современных аутентичных

материалов, взятых из жизни носителей языка или составленных с учетом особенностей их культуры и менталитета в соответствии с принятыми и используемыми речевыми нормами.

Безусловно, все упомянутые особенности не снимают необходимости использования аудирования в процессе обучения, поскольку достигаемые цели однозначно оправдывают все методические сложности организации процесса аудирования.

В методике преподавания иностранных языков виды аудирования подразделяются в зависимости от коммуникативной установки (учебного задания) и соотношения с экспрессивной устной речью.

Выделяются четыре вида аудирования по типу коммуникативной установки:

- 1) аудирование с извлечением основной информации (skim listening);
- 2) аудирование с полным пониманием содержания и смысла (listening for detailed comprehension);
- 3) аудирование с выборочным извлечением информации (listening for partial comprehension);
- 4) аудирование с критической оценкой (critical listening) [Елухина, 1989].

В отношении видов аудирования в соответствии с соотношением с экспрессивной устной речью и ее формой принято рассматривать следующие:

- 1) аудирование как компонент устно-речевого общения (interactional listening);
- 2) восприятие на слух и понимание диалога или полилога (listening for interaction);
- 3) восприятие на слух и понимание монологической речи (transactional listening) [Цветкова, 1995].

Традиционно работу со звуковым текстом разбивают на три последовательных этапа, каждому из которых соответствуют группы упражнений: предтекстовые упражнения, упражнения, выполняемые во время прослушивания звучащего текста, и послетекстовые упражнения. Упражнения каждой группы направлены на достижение целей, отвечающих соответствующему этапу:

- 1) создание мотивации обучающихся на активную работу, заинтересованности в теме аудирования, активизация словарного запаса, снятие лексических и фонетических трудностей перед прослушиванием посредством предварительной проработки, актуализация социокультурных и фоновых знаний по теме прослушивания;
- 2) способствование извлечению необходимой для всестороннего понимания звучащего текста информации, смысловому ориентированию в звучащем тексте, соотнесению печатной и звучащей информации, поиску искомого слова или отрывка звучащего текста;
- 3) проверка степени понимания обучающимися прослушанной информации, запоминания деталей и способности передать общую информацию.

С точки зрения классификации упражнений, направленных на формирование умения аудирования при обучении профессионально ориентированному иностранному языку, представляется целесообразным учитывать такие факторы, как возможность максимального приближения к условиям реальной коммуникации, составление тренировочных заданий, способствующих запоминанию терминологического аппарата изучаемой науки / сферы деятельности, простота использования упражнений и, конечно, соответствие упражнений профессиональным интересам обучающихся.

Специалистами в сфере методики преподавания иностранных языков предлагается следующая классификация, максимально соответствующая вышеназванным требованиям:

- 1) аудирование, не требующее ответа (listening and making no response);
- 2) аудирование, предусматривающее краткий ответ (listening and making short responses);
- 3) аудирование, предусматривающее детальный ответ (listening and making longer responses);
- 4) аудирование как ресурс для изучения и обсуждения (listening as a basis for study and discussion) [Ur, 1992].

Рассмотрим некоторые примеры упражнений, относящихся к первой группе, *аудирование, не требующее ответа*:

- ◆ прослушивание звучащего текста с опорой на тот же текст в печатном виде;
- ◆ прослушивание текста, заранее прочитанного и проработанного;
- ◆ прослушивание с визуальной опорой (картинки, диаграммы, схемы и т. д.);
- ◆ прослушивание речи преподавателя;
- ◆ прослушивание интересных историй, песен, фильмов и телевизионных программ.

В процессе обучения профессионально ориентированному языку, равно как и при обучении разговорному языку, первые два примера упражнений представляются весьма продуктивными, поскольку позволяют повторить или изучить произношение незнакомых терминов или выражений, о значении которых обучающиеся могут догадываться исходя из контекста. Третий вид упражнений полезен также с точки зрения обучения правилам составления описания схемы или диаграммы, однако такие задания, особенно с картинками, довольно сложно составить по причине узкой специфики звучащего текста. Значимость для использования в качестве самостоятельной работы пятого вида упражнений сложно недооценить, поскольку персональная мотивированность обучающихся позволяет им прослушивать значительные объемы звучащих текстов во внеаудиторное время.

Представляется целесообразным перечислить виды упражнений, относящихся ко второй группе, *аудирование, предусматривающее краткий ответ*:

- ✓ выполнение инструкций;
- ✓ задания с множественным выбором;
- ✓ истинные / ложные высказывания;
- ✓ задание «найди ошибку»;
- ✓ заполнение текста с пробелами;
- ✓ задание «угадай слово по его определению»;
- ✓ выбор описания картинки;
- ✓ составление плана;
- ✓ составление таблиц, графиков.

Несомненно, все перечисленные примеры упражнений весьма результативны при обучении аудированию в целом и обучении аудированию в целях профессионального общения. Тем не менее нельзя не отметить возможность применения заданий с множественным выбором, заданий на определение истинности/ложности высказывания, задания «найди ошибку», заполнение текста с пробелами и угадывание слова по его определению при использовании технологии так называемого смешанного обучения *blended learning*, а также в условиях дистанционной реализации образовательных программ [Витлинская, 2021].

Наконец, третья группа упражнений, *аудирование, предусматривающее детальный ответ*, представляющая особый интерес для целей обучения профессионально ориентированному иностранному языку, поскольку требует от обучающегося продуцирования собственных высказываний с использованием профессиональной лексики, может быть проиллюстрирована такими примерами упражнений, как:

- ✓ повторение предложения за спикером;
- ✓ запись предложения за спикером;
- ✓ перефразирование предложений и выражений;
- ✓ перевод выражений и предложений (в особенности содержащих профессиональную лексику);
- ✓ ответы на вопросы;
- ✓ задания, предусматривающие прослушивание части предложения и произнесение его продолжения без опоры на звучащий текст;
- ✓ заполнение пробелов (к примеру, когда в диалоге отсутствует целое предложение);
- ✓ написание краткой аннотации к тексту (*summary*).

В качестве примеров упражнений четвертой группы, *аудирование как ресурс для изучения и обсуждения*, можно привести следующие:

- ✓ решение проблемных задач, кейсов;
- ✓ аудирование-головоломка, когда группы обучающихся прослушивают разные отрывки одного текста, а затем пересказывают его и расставляют части текста в логической последовательности;

- ✓ стилистический и содержательный анализ звучащего текста по изучаемой тематике (например, TED talks).

Очевидно, что выполнение упражнений третьей и четвертой группы требует достаточно высокого уровня языковой подготовки: сложно записать предложения за спикером, написать краткую аннотацию или выразить свое мнение по адекватности представления информации в TED talk, если приходится постоянно задумываться о правилах грамматики или правильности восприятия того или иного звука, именно поэтому такие упражнения особенно эффективны на этапе обучения профессионально ориентированному языку, когда уровень сформированности базовых языковых и речевых умений уже достаточно высок или компенсируется контекстуальным пониманием тематики. Конкретные варианты упражнений применительно к профессионально ориентированному языку психологов-педагогов можно посмотреть в учебном пособии автора настоящей статьи «Иностранный язык в сфере профессионального общения: учебное пособие по английскому языку для магистрантов психологов-педагогов».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Витлинская Т. Д.* Особенности использования программного обеспечения в обучении профессионально ориентированному иностранному языку в условиях дистанционной реализации образовательных программ // Диалог культур и цивилизаций: сборник статей II Международной научной конференции. 2021. С. 244–251.
- Елухина Н. В.* Обучение аудированию в русле коммуникативно-ориентированной методики // Иностранные языки в школе. 1989. № 2. С. 29–30.
- Елухина Н. В.* Основные трудности аудирования и пути их преодоления. Общая методика обучения иностранным языкам: Хрестоматия / под. ред. И. Л. Бим, А. А. Леонтьева. М. : Русский язык, 1991.
- Цветкова З. М.* О методике устной речи // Иностранные языки в школе. 1995. № 4. С. 14–16.
- Ur P.* Teaching listening comprehension. Avon: Cambridge University Press, 1992.

УДК 81

Власенко Н. И.

кандидат филологических наук, доцент
Юго-западный государственный университет
(Курск, Россия)
natashavlasenko@yandex.ru

Толмачева И. А.

кандидат филологических наук, доцент
Юго-западный государственный университет
(Курск, Россия)
toirina@yandex.ru

БИЛИНГВИЗМ В ПРОЦЕССЕ ОВЛАДЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКОМ

В статье раскрываются основные вопросы овладения вторым иностранным языком в рамках профессиональной коммуникации. Авторы описывают «координативный» и «субординативный» билингвизм в рамках профессиональной коммуникации. В статье делается вывод о том, что существует расхождение в значениях слов, которые представляют собой переводные эквиваленты.

Ключевые слова: термины; коммуникация; личность; иностранный язык; полилингв; многоязычие

Vlasenko N. I.

PhD (Philology), Associate Professor
Southwest State University
(Kursk, Russia)
natashavlasenko@yandex.ru

Tolmacheva I. A.

PhD (Philology), Associate Professor
Southwest State University
(Kursk, Russia)
toirina@yandex.ru

BILINGUALISM IN THE PROCESS OF FOREIGN LANGUAGE MASTERING

Mastering of the second foreign language in professional communication is described. The authors describe “coordinate” and “subordinative” bilingualism in professional communication. Authors say that the discrepancy in meanings of words that are translation equivalents does not depend on learning languages in a “separate” or “mixed” environmen The article concludes that there is a discrepancy in the meanings of words that represent translated equivalents.

Keywords: terms; communication; personality; foreign language; multilingualism

В современном мире интенсивного и свободного передвижения, широкой доступности и высоко-технологичности СМИ овладение иностранными языками, вопросы языкового взаимодействия и коммуникации приобретают высокую актуальность. По мнению Н. И. Власенко, И. А. Толмачевой, процесс овладения иностранным языком достаточно сложный и в нем взаимодействуют различные цели: учебные, общеобразовательные, научные. Наличие таких целей не означает, что при обучении иностранному языку преследуется только практическая цель. Необходимо отметить, что каждое речевое высказывание – это конечная цель общения партнеров коммуникации, и язык является основным средством осуществляемой коммуникации и средством выражения информации. Мы можем говорить о том, что любой язык, в том числе иностранный, является средством общения. И естественно, что билингвизм и мультилингвизм – это характерная особенность современной культуры и современного человека. А двуязычие / многоязычие – неотъемлемая черта межъязыковых связей [Толмачева, 2011; Власенко, 2018].

Поскольку коммуникация неразрывно связана с личностью, мы можем говорить о ней как о языковой личности, воплощенной в языке. В этой связи необходимо ответить на вопрос, каково влияние языка на становление человеческого мышления любой языковой личности. Так сложилось, что каждое новое поколение получает и усваивает знания о мире при посредстве родного языка. Мы можем говорить о том, что индивид овладевает иностранным языком и на элементарном, и на свободном уровне. Но при общении необходимо учитывать личность вступающего во взаимодействие. По мнению авторов, в коммуникации могут участвовать и полилингвы, и монолингвы, и билингвы. Поэтому у коммуникантов может быть и разный уровень триязычия, многоязычия и одноязычия. Таким образом, мы наблюдаем различные формы, типы и виды двуязычия и триязычия (многоязычия) [Толмачева, 2011]. Согласно У. Вайнрайху «очень многие люди овладевают несколькими иностранными языками и соответственно и разными системами языка и это владение может быть на разном уровне. Индивид запускает ту или иную модель в отдельности в зависимости от коммуникативной ситуации. Но, в любом случае, проблема, возникающая

перед говорящим, состоит в следующем: происходит вмешательство в нормы языковой системы, т. е. происходит интерференция» [Вайнрайх, 1979, с. 30].

В исследованиях, посвященных двуязычию, отслеживается тенденция деления на «раздельную» и «смешанную» группу, и при этом в «раздельной» группе выделяли еще две подгруппы: первая – это те, кто изучал иностранные языки в разных странах в окружении национальных языковых структур, а вторая – те, кто изучал иностранные языки в одной и той же языковой национальной культуре. Ученый также отмечает, что расхождения в значениях переводных эквивалентов зависит не от овладения языком, а от принадлежности к той или иной культурной подгруппе. Участники эксперимента из «двукультурной» подгруппы в результате имели значительные расхождения в семантике взаимопереводных эквивалентов. В то время как участники «однокультурной» подгруппы по результатам эксперимента соответствовали «смешанной» группе [Власенко, Толмачева, 2016]. В развитии двуязычного образования возникает ряд проблем, и одной из основных проблем является критерий оценки организации речевого развития и поведения учащихся, а также проблема критерия уровня развития речи.

Авторы настоящей статьи предполагают наличие различного речевого поведения у носителей двух языков. Отмечается тот факт, что некоторые двуязычные носители владеют иностранным языком так же хорошо, как и своим родным языком. И здесь проявляется такое понятие, как «языковая интерференция». Одни носители языка с легкостью перестраиваются с одного языка на другой, а другие же делают это с большими затруднениями. В некоторых странах возможна ситуация, когда жителям страны приходится коммуницировать на разных языках с разной языковой структурой. Например, подобная языковая ситуация наблюдается в Мьянме (бывшей Бирме). Всем известно, что долгое время Мьянма была колонией Англии и неудивительно, что в этой стране существует билингвальная языковая ситуация. Ее характерными чертами является употребление как английского, так и бирманского языка. Этот факт говорит о том, что в языке появились заимствованные слова, которые в большей степени употребляются

в области экономики, науки, техники и политики. При заимствовании английские слова и термины изменялись в соответствии с фонетическими особенностями бирманского языка, например: *pati* «*партия*», *komati* «*комитет*», *dimokaresi* «*демократия*». Иногда английское слово, сочетаясь с бирманским, образует сложное слово, например: *kinga* «*сторожевое охранение*», «*караул*» из *kiŋ* «*разведывательный пост*», «*караул*» (бирм.) + *ga* (англ. *guard*) [Толмачева, 2011].

Авторами был проведен анализ пересказа бирманских текстов компьютерной тематики с привлечением носителей языка. В результате анализа были сделаны выводы о том, что такие термины, как *интернет*, *провайдер*, *пользователь*, *килобайт*, *соединение*, *программное обеспечение*, *сервер*, *точка доступа*, *атака*, *хакер*, *вирус*, *перегруженный*, были использованы при пересказе текстов, а такие термины, как *сеть*, *сетевой центр*, *широкополосной интернет*, не были опознаны участниками эксперимента ни на одном языке. По результатам экспериментального исследования мы можем говорить о том, что его участники использовали переводные эквиваленты терминов. И мы можем отметить, что для участников эксперимента не составляет большого труда опознать тот или иной термин и подобрать переводной эквивалент в том случае, если термин обозначает тот или иной предмет или явление (например, *хакер*, *сервер*, *компьютер*, *вирус*). В случае когда термин обозначает абстрактное понятие или действие, грамматическая форма слова не всегда правильно опознается. Мы также можем говорить о том, что при терминологизации части лексики термины создаются в языке не равномерно. Некоторые языки могут быть более приспособлены к терминологическому словообразованию, а другие – менее. Свои языковые средства специальная лексика многих отраслей знания заимствует отовсюду, что делает состав ее единиц пестрым.

В современном мире наблюдается тенденция к международной унификации терминов многих отраслей знания. В этой связи мы постоянно сталкиваемся с разным написанием и произношением некоторых терминов и терминословоэлементов не только в разных языках, но и внутри терминосистемы одного языка. Причины этих явлений идут из далекого прошлого. Основы классических языков часто меняют

свою форму. Это явление наблюдается как в написании, так и в произношении. Для английского языка характерны следующие преобразования:

- а) внутри основы: *fibrous*, но *fiber*; *final* – *finish*;
- б) в суффиксальных элементах: *maniac* – *maniacal*; но *spectacle* – *spectacular*;
- в) в конечных элементах основы: *science* – *scientist*; *race* – *racial*; *practice* – *practical*;
- г) в соседних согласных: *neuralgia* из *neuro* + *algia*;
- д) изменения в основах: *conceive* – *conception*; *resident* – *residual*.

Очень часто такие преобразования отражаются и в русском языке при заимствовании терминов из латинского языка [Звягинцева, 2011].

Как известно, любой термин выражает специальное профессиональное понятие (социально-культурное, научное, техническое), если он употребляется в условиях лексики. Следует отметить тот факт, что термины проникают в язык из научно-технической коммуникации, некоторые из них – из непринужденной беседы тех, кто пользуется «профессиональными просторечиями». Только спустя какое-то время эти просторечия фиксируются в языке как научные или технические термины.

Если говорить о языке, то слова всегда появляются в том случае, если в них есть потребность. Что касается общей лексики, обычно слово появляется в той или иной коммуникативной ситуации по различным ассоциациям. И в некоторых случаях это понятно только тому участнику коммуникации, который дал название предмету или явлению. В специальной сфере названия дает один человек. Мы можем отметить, что таким человеком может стать изобретатель и исследователь или же группа людей, занимающихся исследованием одной и той же темы. В общей лексике остаются слова, которые проникли в речь спонтанно, а вот для специальной лексики характерно то, что в ней остаются те названия, которые закрепляются только лишь внутри определенной сферы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вайнрайх У.* Языковые контакты: Состояние и перспективы исследования. Киев : Вища шк., 1979.
- Власенко Н. И.* Принципы и правила речевого общения // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Лингвистика и педагогика. 2018. Т. 8. № 4(29). С. 22–27.
- Власенко Н. И., Толмачева И. А.* Промежуточный язык как «Третья система» в процессе взаимодействия языков // Язык для специальных целей: система, функции, среда: сборник научных статей VI международной научно-практической конференции. 2016. С. 96–101.
- Толмачева И. А.* Взаимодействие языков в сознании многоязычного индивида // Известия Юго-Западного государственного университета. 2011. № 6–2 (39). С. 199–204.
- Звягинцева В. В.* Термины родства как обращения в русском и английском семейных дискурсах // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2011. № 1 (9). С. 23–27.

УДК 338.2:354

Ворожихин В. В.

кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник
Российский экономический Университет им. Г. В. Плеханова
(Москва, Россия)
vorozhikhin@mail.ru

ВЫЧИСЛИМОЕ СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ БУДУЩИМ

В статье рассматривается сфера стратегического управления как важная составляющая формирования благоприятного будущего стран и основной источник конкурентных их преимуществ. Автор приходит к выводу, что в текущих реалиях главную роль в достижении глобальной конкурентоспособности стран играет согласованность действий человека и искусственного интеллекта на разных этапах и в разных видах деятельности в рамках формирующейся единой национальной человеко-компьютерной сети, качество управления ее развитием и совершенствованием. Успех становится основой цивилизационного диалога.

Ключевые слова: естественный и искусственный интеллект; интеллектуальный потенциал; лучшее (благоприятное) будущее; вычислимое управление; развитие и безопасность; совершенствование человеко-компьютерных систем

Vorozhikhin V. V.

PhD (Economy), Leading Researcher
Russian Economic Plekhanov University
(Moscow, Russia)
vorozhikhin@mail.ru

COMPUTABLE STRATEGIC CONTROL OF THE FUTURE

The article considers the sphere of strategic control as an important component of the formation of a favorable future of countries and the main source of their competitive advantages. The author comes to the conclusion that in the current realities, the main role in achieving the global competitiveness of countries is played by the coordination of human and artificial intelligence actions at different stages and in different types of activities within the framework of the emerging unified national human-computer network, the quality of management of its development and improvement. Success becomes the basis of a civilizational dialogue.

Keywords: natural and artificial intelligence; intellectual potential; better (favorable) future; computable control; development and security; improvement of human-computer systems

«Большие вызовы» – климатический, микробиологический, экологический, глобальный экономический, продовольственный, сырьевой и углубляющийся кризисы глобальной безопасности вплоть до войн и угроз применения ядерного оружия, требуют принятия незамедлительных, адекватных, сбалансированных и согласованных между крупнейшими глобальными агентами мер. Непрерывные исследования сферы стратегического управления становятся необходимостью для формирования благоприятного (лучшего) будущего и важнейшим источником конкурентных преимуществ стран, открывают возможность использования «Больших данных».

Ужесточение конкуренции глобальных интеграционных объединений НАФТА (USMCA), ЕС, АСЕАН, ЕАЭС и др., а также крупных цифровых бизнес-экосистем за будущее в условиях кризиса либерализма и капитализма, утрата дееспособности международного права и морали как основы политики обостряют проблемы поиска нового облика мира и ожесточенность глобальной гиперконкуренции за успешное будущее. Неслучайно Дж. Байден во «Временном стратегическом руководстве по национальной безопасности» прямо говорит о необходимости доказать, что американская социально-экономическая модель – это единственный лучший способ реализовать обещание благоприятного будущего для человечества, а также о необходимости первенства США в исторической и фундаментальной дискуссии о будущем направлении мирового развития.

«Экономическое оружие», предложенное В. Вильсоном еще в 2019 году как реализация экономических санкций [Mulder, 2022], получило второе рождение в конце прошлого века как система управления ценами [Ursic, Helgeson, 1994]. Экономические санкции всё чаще используются странами – экономическими лидерами как якобы гуманное средство оказания давления на правительства стран для изменения их позиций. Чтобы убедить международные органы согласиться или хотя бы не возражать против применения санкций против страны, необходимо показать, что санкции носят гуманитарный характер и не влияют на здоровье людей. Осознавая гуманитарный характер этих санкций, некоторые из них даже ратифицируются международными органами. Например, статья 16 Устава ООН разрешает

Совету Безопасности ООН вводить экономические санкции в отношении некоторых стран. Однако это явно противоречит статье 25 Всеобщей декларации прав человека, которая гласит, что каждый человек имеет право на уровень жизни, достаточный для здоровья и благополучия его самого и его семьи, включая питание и медицинское обслуживание [Habibzadeh, 2018]. Фактически после введения экономических санкций в отношении страны многие жизненно важные лекарства становятся недоступными для малообеспеченных слоев населения. Сотни тысяч людей молча умирают от болезней. Это тихое массовое убийство в той части мира, которая погружается в суматоху, даже не замечается. На самом деле наложенное на руководство стран бремя несут на себе наименее обеспеченные, ни в чем не виновные и не имеющие возможности непосредственно оказывать влияние на принимаемые решения простые граждане. В малообеспеченных странах применение санкций удивительно напоминает применение оружия массового уничтожения, которое в любой форме должно быть осуждено международными органами.

Гонка современных вооружений, применение гибридного «экономического оружия», активно обсуждаемое специалистами развитых стран с 2010 года, и культурные интервенции (уничтожение инвестиций Китая в ходе арабской весны, система «цветных революций» и давление на национальных агентов с целью продвижения псевдодемократии, то есть американского образа жизни) стали тревожными признаками современной международной напряженности. Причем современное понятие экономического оружия значительно шире, чем санкции и их последствия: оно охватывает любые гибридные воздействия на суверенные экономики – от информационно-психологических [Иванов, Иванова, 2015] до микробиологических атак на людей и животных с целью обрушения экономики.

Огромное количество аналитических центров, открытых и секретных исследований и конференций, проводящихся ежегодно, обслуживают механизм глобального управления, который использует экономический крах стран. Перехват управления цифровыми бизнес-экосистемами в условиях трансграничных информационных и эконо-

мических потоков с глубиной до уровня персоналий, фейковые новости и исследования, неверная информация о реальности, ложные знания и манипуляции сознанием населения становятся привычными явлениями, затрудняющими не только процессы адекватного управления, но и формирование целостной и релевантной научной картины мира.

Современная наука, в первую очередь экономика, оказалась не готовой к непрерывному и стремительному развитию пространства супердисциплинарных знаний и вторжению фейков. Результатом стал откат экономической науки на позиции преднауки, что проявилось в потере предсказательной способности (наша экономическая наука может объяснить все, но задним числом) и невозможности работать со сложными экономическими системами в условиях стремительных изменений условий и значимых факторов развития и безопасности. Слабость экономической науки привела к проблемам определения направлений научно-технического развития и формирующегося социально-экономического будущего. Причем в обилии глобальных проектов стратегия достижения благоприятного будущего России так и не появилась.

С другой стороны, успехи и неудачи позволили выявить ядро системных проблем России – несовершенство элит, низкое качество управленческих решений и неконкурентоспособность науки, которые образовали устойчивую и самоподдерживающуюся подсистему, негативно влияющую на развитие и безопасность. Чтобы определить наиболее эффективные из возможных действий по разблокировке потенциала российской экономики, необходимо иметь целостное и релевантное представление о пространстве знаний, социально-экономическом и научно-техническом развитии, о стратегическом управлении.

Способность противостояния вызовам и успешное разрешение проблем процветания и безопасности во многом определяются уровнем развития страны, доступностью ресурсов, а также степенью взаимного доверия правительства и населения, которое исключает неравенство и решения на основе упрощенных или ложных знаний. Государства, как и другие организации, стареют. Необходимостью становится

приток новых идей и новых талантов, способных внести существенный вклад в национальный и общечеловеческий прогресс.

Успешное стратегическое управление должно своевременно находить ответы на вызовы, изменения внешней среды и решать все внутренние проблемы. Управление большими активными системами, в том числе странами и интеграционными объединениями, становится вычислимым, опирающимся на исследования и большие данные, поддержку искусственного интеллекта, который из инструмента на старте автоматизации превращается в партнера, способного оценивать решения и действия человека. Происходит переход от простых иерархических и линейных моделей систем к гибриднему управлению – взаимодействию между естественным и искусственным интеллектуальными потенциалами больших цифровых экосистем. Эти экосистемы включают в себя мультисети интегрированного естественного и искусственного интеллекта, охватывающие все высокотехнологичные рабочие места. Причем обучение для достижения высокой эффективности человек и искусственный интеллект должны проходить совместно, с учетом локальных особенностей и встраивания рабочего места в процессы научно-технологического развития национальных бизнес-экосистем, которые опираются на три разных механизма.

Первый из них можно назвать «самосогласованным развитием» науки, технологий и техники по типу электроники. При этом новые знания стремительно превращаются в новые технологии, открывающие возможности для исследователей и создателей. Спираль развития повторяется на новых горизонтах знаний, технологий и техники. Реализация такой возможности требует востребованности экономикой высокотехнологичной и дорогостоящей продукции. Для электроники это условие выполняется, и более 50 лет по факту ее развития выполняется закон Мура – закон удвоения плотности транзисторов на кристалле за полтора-два года, и до сих пор всегда находилось решение, позволяющее за счет новой технологии обойти формирующееся фундаментальное ограничение развития. Но выполнение закона Мура не гарантирует отсутствие новых барьеров и ограничений развития электроники.

Второй механизм относится к разработанным академиком С. Ю. Глазьевым технологическим укладам. С учетом непрерывного роста значимости социальной сферы, которая и ранее отмечалась в рамках представления социотехнических матриц, возможно уточнение названия укладов как «социотехнических». В исследованиях европейских специалистов последних лет социальные технологии признаются столь же важными, как и отраслевые – «технические» технологии: на основе их взаимной интеграции формируются бизнес-процессы глобальных цепочек поставок и стоимости.

Третьим механизмом стала конвергенция, сфера действий которой непрерывно расширяется. Первоначально обнаруженная конвергенция NBIC быстро превратилась в NBICS. Особенности конвергенции и ее развитие неоднократно исследовались в разные годы. Современные науки стали супердисциплинарными (меж-, кросс-, транс-, мульти-), опирающимися на не изученные ранее возможности развития науки для решения самых сложных проблем стремительно трансформирующегося мира. Взаимное проникновение специфики наук позволяет выйти за пределы дисциплинарного мышления. Рост глубины знаний открывает возможности изучения тех связей между принципиально разнородными элементами знаний, дисциплин, технологий, анализировать которые ранее не представлялось возможным, а также глубинных межотраслевых, межпрофессиональных, супердисциплинарных связей, охватывающих различные пространства деятельности человека, обнаружить которые в условиях фрагментации знаний и исследований просто невозможно.

Творчество, рождение идей и появление новых знаний трудно предсказуемы. Прогностические модели, в которых исследователи традиционно пытались учесть все условия и значимые факторы влияния на научно-технический прогресс, используя разнообразные методы, стали крайне сложными. И тем не менее надежность и предсказательная способность прогнозов явно оставляют желать лучшего, ограничивая эффективность стратегического управления развитием страны. Чтобы детально разобраться в возможностях и ограничениях научно-технологического прогнозирования и необходимости перехода к регулированию конвергенции рассмотрим их на примере электро-

ники, которая во многом является базой технологического развития компьютерной техники и интеллектуальных информационных технологий.

Возрастает стоимость каждого нового технологического процесса, но еще быстрее растет стоимость исследований и разработок, маркетинговых исследований, создания проектов применения и реализации продаж. В соответствии с законом Рока (Rock's law) по мере роста плотности транзисторов на кристалле увеличивается стоимость производящих их предприятий, а также наблюдается значительный рост необходимого объема заказов на новые микросхемы, позволяющий сделать проект окупаемым.

К настоящему времени в мире оставалось лишь четыре мировых лидера из числа предприятий, способных производить передовую электронную продукцию. TSMC, Samsung, GlobalFoundries и Intel являются последними четырьмя передовыми производителями. Сложность продвижения последующих разработок также связана с восстановлением, совершенствованием и использованием старых разработок. Переход к техпроцессу 7-нм реализован в конце 2018 года в решениях Apple, Huawei, а позднее и Samsung. В 2020 году производители переходят на техпроцесс 5-нм, первым стал процессор от Apple A14 Bionic. Из-за американских санкций компания HiSilicon от Huawei не может производить разработанный 5-нм процессор. К концу 2019 года мелкосерийное производство продукции 5-нм и 3-нм технологии освоили только крупнейшие предприятия с проверенными техническими возможностями и большой клиентской базой, имеющие в своем составе фабрики интегральных микросхем и производящие интегрированные устройства.

TSMC, Samsung и Intel смогли инвестировать в новые решения и оставаться конкурентоспособными, учитывая высокие капитальные затраты и расходы на исследования и разработки, необходимые для достижения коммерческой отдачи при постоянно меньших объемах поставок новых изделий. Все эти фирмы планируют перейти на 3-нм техпроцесс, но в настоящее время только TSMC и Samsung производят в коммерческих объемах 7-нм техпроцесс [The Geopolitics of Semiconductors, 2020]. При переходе на 5-нм устройства работают

быстрее и дольше, но для производителей разработка процессоров под новый техпроцесс вызывает резкий рост затрат. Поэтому ждать, что процессоры, выполненные по этой технологии, станут доступными в массовом сегменте не имеет смысла, ведь на рынки только начали поступать процессоры на технологиях 7-нм в рамках среднего ценового сегмента рынка. Производство будет развиваться постепенно, так как оборудование должно окупаться, и этот срок для технологий 5-нм будет как минимум в полтора раза более длительным по сравнению с 7-нм.

В технологической гонке следующее пороговое значение – 3-нм, на этот техпроцесс ориентируются все основные игроки. В Intel планируют запустить фабрики с 3-нм только в 2025 году, а вот TSMC начнет массово их производить в 2023 году. Samsung планировал производить 3-нм (также есть 4-нм) с конца 2021 года. В зависимости от готовности техпроцесса на 3-нм одна из компаний сможет стать мировым лидером.

Стоимость проектирования при переходе от 16-нм технологий (12, 14, 16) на 7-нм техпроцесс увеличилась втрое. Но переход с 7-нм на 3-нм будет означать увеличение затрат еще в пять раз. По оценке исполнительного директора International Business Strategies (IBS) Хендел Джонс, «разработка 3-нм-процесса будет стоить от 4 до 5 миллиардов долларов, а стоимость производства 40 000 пластин в месяц составит от 15 до 20 миллиардов долларов» [Hruska, 2018].

С другой стороны, стартап Fairchild Semiconductor Corporation 1957 года назван первым «триллион-долларовым стартапом»: общая стоимость его бизнес-последователей оценивается более чем в два триллиона долларов [Morris, 2014].

В условиях роста сложности значимость прогнозирования развития науки и технологий непрерывно и быстро увеличивается, а стремительно развивающиеся научные направления, как правило, находятся на стыках наук, взаимодействие между которыми еще вчера считалось невозможным или бесперспективным: «XXI век будет таким, в котором успехи, достигнутые в понимании генетической и молекулярной основы жизни слиты с вкладами от физических наук, медицины, инженерии, и за ее пределами для достижения новых революций на

границах знания. Лучшее понимание и преодоление проблем содействия конвергенции будет важной стратегией в полной мере реализации этой цели. Настало время для систематических усилий, чтобы подчеркнуть значение сходимости в качестве способа исследований и разработок, а также для решения проблем, сохраняющиеся в его эффективной практике. Эти усилия необходимы для того, чтобы более эффективно использовать потенциал конвергенции для стимулирования инноваций и предлагать решения для удовлетворения потребностей общества» [National Research Council et al., 2014, с. 10].

Исследователи в США неоднократно возвращались к изучению конвергенции. Исследование возможностей содействия конвергенции рассматривалось в 2019 году, а измерение конвергенции, которое позволяет сформировать систему управления, попало в сферу внимания в 2021 году.

Формирование системы измерения конвергенции технологий и управления ей вместо неудачных попыток прогнозирования технологий, которое становится крайне сложным, не обеспечивающим надежного формирования видения будущего, принципиально меняет систему развития промышленности.

Все высокотехнологичные рабочие места имеют уникальные коммуникации в научно-технологическом и социально-экономическом пространствах. Множественные связи приводят к множественности процессов, распространяющихся в разных научных, технологических, социальных и экономических (НТСЭ) измерениях цифровых экосистем, что приводит к столь же индивидуальным профилям конвергенции на разных уровнях и разными скоростями изменений профилей рабочих мест. Вычислимое стратегическое управление в перспективе должно уметь измерять конвергенцию в динамике и управлять ею. Разрыв в знаниях по любому из направлений деятельности в сфере развития и безопасности может стать критическим, в силу как естественной трансформации ядра развития, так и сознательного использования конкурентами. Важнейшее значение приобретает формирование целостной и релевантной научной картины мира, опирающейся на глобальные знания. Этот вопрос крайне важен для России,

поскольку доступ страны к технологиям и важнейшим областям знаний блокируется коллективным Западом.

Напряженная повестка глобальной гиперконкуренции за будущее требует решения сложнейших новых задач достижения конкурентоспособности стратегического управления в исходных условиях неконкурентоспособной науки России и значимого отставания в сфере цифровых технологий примерно на пять-восемь лет, что соответствует трем-четырем поколениям компьютерной техники и программ. Повышается роль социокультурных факторов в конкуренции за вовлечение персоналий в глобальные сети ценностей, продвигаемых крупнейшими глобальными агентами в рамках собственных представлений, интересов и стратегий.

В качестве ресурса необходимо использовать развитие человеческого потенциала, науки и высшего образования. Следует корректировать цели цифровой трансформации, исторически сориентированные на развитие отрасли связи и компьютерной техники. Механизм роста влияния за счет благоприятного социокультурного имиджа страны, с успехом использованный СССР, может применяться в рамках проекта осмысленной поддержки Россией развития цепочек социокультурных ценностей, реализуемых за счет направленных гуманитарных интервенций.

Важный вопрос, которому в настоящее время уделяется недостаточно внимания, это формирование лидеров, опирающихся на современные знания и ориентированных на ценности развития Евразийского экономического союза. Чтобы нанести непоправимый ущерб своей стране необязательно подписывать контракт с Лэнгли: достаточно не иметь целостных и релевантных знаний, необходимых для принятия решений по сложным вопросам, или просто не принимать таких решений. Именно с грамотной постановки стратегических целей и задач (или их отсутствия) начинаются все возможности и проблемы безопасного развития ЕАЭС и России в частности. Успех стратегического управления и эффективность модели научно-технологического и социально-экономического развития и безопасности страны становится основой сохранения суверенитета России и цивилизационного диалога со странами Запада.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Иванов В. Г., Иванова М. Г.* «Charts Power» – страновые рейтинги как экономическое оружие и инструмент мягкой силы. Часть 1 // Вестник РУДН. Серия «Политология». 2015. № 2 С. 36–51.
- Habibzadeh F.* Economic sanction: a weapon of mass destruction // The Lancet. 2018. Vol. 392. # 10150. P. 816–817.
- Hruska J.* As Chip Design Costs Skyrocket, 3nm Process Node Is in Jeopardy // ExtremeTech. 2018, June 22. URL: <https://www.extremetech.com/computing/272096-3nm-process-node>
- Morris R.* The First Trillion-Dollar Startup // Endeavour Insight Monthly Newsletter. 2014, July 26. URL: <https://techcrunch.com/2014/07/26/the-first-trillion-dollar-startup/>
- Mulder N.* The Economic Weapon. Yale University Press, 2022.
- The Geopolitics of Semiconductors // Eurasia Group. 2020, Sept. URL: <https://www.eurasiagroup.net/live-post/geopolitics-semiconductors>
- National Research Council et al. Convergence: Facilitating Transdisciplinary Integration of Life Sciences, Physical Sciences, Engineering, and Beyond. National Academies Press, 2014.
- Ursic M. L., Helgeson J. G.* Using price as a weapon: An economic and legal analysis of predatory pricing // Industrial Marketing Management. 1994. Vol. 23. # 2. P. 125–131.

УДК 304.44

Горин Д. Г.

доктор философских наук

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова

(Москва, Россия)

Gorin.DG@rea.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕНТИЧНОСТИ В «ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ»: КУЛЬТУРА, МЫШЛЕНИЕ, ЯЗЫК

Целью статьи является исследование изменений культурных идентичностей в условиях становления «цифрового общества». Указанная проблематика рассматривается в контексте проявления новой цифровой реальности в культуре, языке и мышлении современного человека. Цифровизация меняет некоторые прежде фундаментальные свойства реальности, заложенные в качестве принципов в онтологию, гносеологию, этику, эстетику, что ведет к изменениям жизненных смыслов. Рациональное восприятие мира вытесняется интуитивно-чувственным. Происходят изменения в кодировании и переживании времени.

Ключевые слова: идентичность; цифровизация; цифровое общество; множественность; язык

Gorin D. G.

Doctor of Philosophy (Dr. habil)

Plekhanov Russian University of Economics

(Moscow, Russia)

Gorin.DG@rea.ru

TRANSFORMATION OF IDENTITY IN “DIGITAL SOCIETY”: CULTURE, THINKING, LANGUAGE

The purpose of the article is to study the changes in cultural identities in the context of the formation of a “digital society”. The indicated problems are considered in the context of the manifestation of a new digital reality in the culture, language and thinking of modern man. Digitalization changes some of the previously fundamental properties of reality, laid down as principles in ontology, epistemology, ethics, aesthetics, which leads to changes in life meanings. The rational perception of the world is replaced by the intuitive-sensual one. There are changes in coding and experience of time.

Keywords: identity; digitalization; digital society; plurality; language

Социальные и культурные последствия распространения цифровых технологий уже достаточно давно являются предметом исследования. Термин «цифровое общество» в современной научной литературе и публицистике наполняется различными коннотациями. Речь идет также о «капитализме платформ» [Срничек, 2019] и «платформенном обществе» [Зверева, 2019], «цифровой экономике», «электронной демократии», «электронном правительстве», «цифровой культуре», что свидетельствует о влиянии цифровизации на трансформацию общества, его подсистем, структур и институтов. В самом общем виде под «цифровым обществом» следует понимать стадию развития информационного общества, на которой информация принимает цифровой формат, предполагающий, как минимум, четыре следствия: высокую степень проникновения цифровых технологий в социальную жизнь, создание цифровой инфраструктуры (цифровых платформ), анализ больших данных и алгоритмизацию на этой основе управления и контроля.

Множество подходов к определению и анализу «цифрового общества» можно разделить на две большие группы. Для первой из них характерна идея о том, что цифровые технологии создают новые практики, новые стили жизни, но сущность культуры и общества от этого не меняется столь стремительно, как технологии. Поэтому цифровизация будет адаптироваться к тем практикам, представлениям и структуре взаимодействий, которые складывались в течение длительного периода времени и развили более высокую инерционность. Подходы, которые можно отнести ко второй группе, описывают цифровую медиасреду и связанную с ней цивилизацию как принципиально отличающуюся от известных моделей социальности. В этом контексте сложно предполагать, какими будут общественные структуры и культурные идентичности, возникшие в этой новой реальности. Более того, не вполне ясно, насколько эту реальность можно будет назвать «обществом» в привычном смысле этого слова, который закрепился около двух столетий назад.

Тенденции, наблюдающиеся в последнее десятилетие и особенно после начала пандемии, актуализируют именно второй подход. Пандемия коронавирусной инфекции, которую мир переживает с марта

2020 года, стала триггером различных наблюдавшихся ранее трансформаций [Szocik, 2021]. Под ее влиянием цифровизация приобрела каскадный характер и вынужденно вошла в повседневную жизнь. Очевидно, что цифровизация существенно меняет некоторые прежде фундаментальные свойства реальности, заложенные в качестве принципов в онтологию, гносеологию, этику, эстетику. Как следствие, существенно изменится понимание идентичности человека, смыслов его жизни, его мышления и активности.

Основной вызов сущности и существованию современного человека состоит в том, что он оказался в принципиально новой реальности, созданной, в известном смысле, не человеком, а отчужденными от него технологиями и алгоритмами. Культурное освоение этой реальности только начинается, что связано с изменением понимания роли человека и его места в культурной картине мира. В условиях размывания идеалов гуманизма и антропоцентризма современные медиа транслируют образы новых героев, которые представляют собой не человека, а результат его воображаемой гибридизации с роботами, животными, инопланетными существами или существами хтонического мира.

Перспективы трансформации культурных идентичностей могут быть выявлены на основании анализа тенденций, наблюдающихся в языке, мышлении и культуре. Взаимосвязь культурных идентичностей, языка и мышления хорошо обоснована в философской литературе, науках о культуре, социальной антропологии и социолингвистике. Язык в значительной степени определяет представление о реальности в культурной картине мира и тем самым способствует поддержанию, изменению или разрушению культурных идентичностей. Это происходит, поскольку, во-первых, язык позволяет человеку дистанцироваться от собственных переживаний наблюдаемых явлений и встраивать их в более сложную и универсальную систему значений. Во-вторых, язык дает возможность соотносить устремления человека с интересами других и культурными идентичностями, которые способствуют интеграции или дезинтеграции сообществ. И в-третьих, посредством языка закрепляется индивидуальный и социальный опыт в системе значений, которая может быть систематизирована и положена в основание культурных идентичностей.

Рассмотрим далее проявляющиеся в условиях «цифрового общества» изменения в языке, мышлении и культуре в трех наиболее важных аспектах.

Первый из них состоит в том, что система понятий, в которых начиная с эпохи Просвещения описывается социальная и культурная реальность и которая поддерживала универсальные и рациональные представления о том, как устроено общество, сегодня распадается. Предпринятый М. Схеффером и его соавторами частотный анализ использования пяти тысяч наиболее употребляемых слов за период с 1850 по 2019 годы выявил изменения в балансе между эмоциями и рациональностью [Scheffer et al., 2021]. Во многих языках, в том числе в русском, рост частоты употребления слов, связанных с чувствами и интуицией, ускоряется несколько последних десятилетий, но особенно очевидно – после 2007 года (этот год считают началом очевидного глобального распространения сетевых медиа). Одновременно падает частота употребления слов, которые отражают рациональное мышление. Этот анализ указывает на фундаментальные аспекты культурных изменений. В восприятии мира растет влияние чувственного опыта и интуиции, которые могут быть только индивидуальными.

О кризисе универсальных рациональных описаний современного мира говорит еще одна черта. Утрачивается способность называть новые феномены или новые общественные состояния новыми словами [Хапаева, 2005]. Отсюда обилие старых понятий с разнообразными приставками, которые наделяют эти слова новым содержанием: постмодерн, или постпостмодерн, который может описываться как гипермодерн, трансмодерн, метамодерн и т. п. Утрата способности создавать для новых состояний или феноменов новые понятия происходит, вероятно, поскольку за ними уже не просматривается столь универсальная реальность, какой она воспринималась в эпоху Просвещения.

Мышление, таким образом, становится менее рациональным и более чувственным, а это означает, что оно утрачивает универсальность. Сетевая медиасреда способствует персонификации и индивидуализации восприятия мира, наблюдается нарастающая сегрегация в разных

сегментах сети, культура становится множественной и нишевой, оказываясь под влиянием множественных потоков, с которыми современный человек пытается соотнести свои представления и действия.

Второй аспект состоит в изменении культурных кодов времени. Одна из фундаментальных функций языка состоит в закреплении и воспроизводстве определенных режимов темпоральности. В культурных идентичностях, возникавших в письменной культуре «галактики Гутенберга», доминировало линейное и прогрессивное переживание времени. Идея прогресса позволяла синхронизировать разные процессы и феномены, классифицируя их на те, которые развиваются, стагнируют, отстают или деградируют. Как показал немецкий историк Р. Козеллек, ключевые политические понятия содержали в себе прогрессистскую ориентацию на горизонт ожидания [Козеллек, 2010]. Например, слова «национализм», «либерализм», «консерватизм» включали ориентацию на некий общественный идеал, который был связан с образами будущего или прошлого, что свидетельствует об ориентации мышления на конструирование широких общественных перспектив. Именно идея прогресса придавала целостность представлениям о политике, обществе, культуре. В XX в. ценность прогресса девальвируется перед вызовами двух мировых войн, тоталитаризма и технократизма, а в виртуальных мирах современной культуры прогрессистская идея становления как развернутого во времени линейного процесса утрачивает конструктивистский потенциал. На смену представлениям о длительном становлении с его этапами и стадиями приходит чувство времени, поддерживающее возможность мгновенной актуализации. Вместо веры в прогресс – желание жить сию же минуту, получать желаемое «здесь-и-сейчас» [Липовецкий, 2001]. Если раньше время можно было изобразить в виде линии, то теперь оно сжимается в точку или в совокупность не связанных друг с другом точек. Это похоже на картины пуантилистов, как в одном из интервью говорил З. Бауман. Но, как и на картинах пуантилистов, отдельные точки объединяются в целостное изображение, в мышлении о реальности все эти точечные мгновения также должны быть каким-то образом синхронизированы. Если раньше разнообразные состояния и представления синхронизировались идеей прогресса, то сегодня таким

синхронизирующим фактором становится кризис. Именно через кризис понимается взаимосвязь и взаимозависимость мира. По крайней мере, другого языка синхронизации пока не появилось.

Третий аспект актуальных изменений в языке отражается в характере употребления местоимений. Ключевым местоимением становится местоимение «я», а не «мы» или «они». Наблюдается дальнейшая персонализация и индивидуализация культуры, сопровождающаяся утратой общих смыслов. Современный человек больше занят поисками себя, а не общих идентичностей. Исследования в социально-гуманитарных науках часто исходят из гипотезы о том, что индивидуальные желания, гедонизм и психологизм объясняют реальность лучше, чем классовые интересы или программы коллективных действий. Но когда все стремятся к самовыражению, растет не сложность этого многоцветия, а, наоборот, возникает, как пишет Ж. Липовецкий, «эра пустоты», когда любая инновация воспринимается как очередная банальность и тонет в равнодушии [Липовецкий, 2001].

В некоторой степени индивидуализация связана с тем, что современное общество переориентируется с логики производства на логику потребления. Но если производство может быть коллективным, то потребление всегда индивидуально. Более того, идеальному потребителю в некотором смысле должен быть присущ нарциссизм. Еще в изданной в 1955 году книге «Эрос и цивилизация» Герберт Маркузе писал, что на смену Прометею – жертвующему собой античному герою, который в новое время символизировал мощь индустриальной эпохи, приходят Орфей (как олицетворение творческого потенциала человека) и Нарцисс (как олицетворение стремления к удовольствию и самолюбванию). По мере становления общества потребления оказывается, что доминирующими становятся тенденции, олицетворяемые не Орфеем, а Нарциссом [Маркузе, 2003]. Современный нарциссизм строится на не всегда очевидной подмене, как об этом писал в «Обществе потребления» Ж. Бодрийяр: античный Нарцисс хотя бы видел свое отражение в водной глади ручья, а современный потребитель ищет свое отражение в витринах гипермаркета, где отражается не он, а те его видимости, которые навязываются ему мифологией потребления [Бодрийяр, 2021].

По мере становления цифровой медиасреды культурные миры становятся еще более множественными и автономными. Возникают замкнутые коммуникативные пространства, в которых та или иная версия действительности не сталкивается с альтернативными представлениями, а сетевые медиа не только объединяют, но и разъединяют, воспроизводя в разных своих сегментах разные идентичности. Современный пользователь видит свою версию действительности в сегменте сети, который подстраивается под него. Более того, некоторые приложения могут, например, уберечь пользователя от случайной встречи с нежелательными для него людьми не только онлайн, но и офлайн. Рекомендательные сервисы и приложения-советчики переворачивают существовавшие ранее представления о социальном признании и критике окружающих. Еще недавно человек совершал определенное действие, не зная как оно будет воспринято. Теперь пользователь может выбирать то, что ему предлагается, ориентируясь на отзывы и лайки. Неслучайно наиболее популярный в сети контент – это контент, имеющий предсказуемое содержание, которое многократно повторяет популярный сюжет. Если Ж.-П. Сартр писал о сложности выбора как проявлении личной ответственности, то в «цифровом обществе» возникают возможности избежать такого ответственного выбора.

Таким образом, в результате этих и других изменений в мышлении, культуре и языке человек оказывается в принципиально новой реальности, где с новой силой будут проявляться те дилеммы, которые сопровождают культуру на протяжении всей ее истории. Это дилеммы между свободой и контролем, творческим самовыражением и необходимостью поддерживать безопасность, критическим мышлением и манипулятивностью.

Восприятие мира утрачивает рациональные основания универсализма, оно индивидуализируется и становится множественным. Культурные идентичности также становятся множественными. С одной стороны, это позволяет активно разворачивать партисипативные проекты, основанные на воодушевлении и добровольном заинтересованном участии граждан в разнообразных самоорганизующихся сегментах сети или микрогруппах с узкими локальными или нишевыми

интересами. А с другой – одержимость коммуникациями в условиях возвращения этноплеменных и других замкнутых идентичностей, вытеснявшихся ранее «большими» проектами, возможны вспышки гнева и насилия по самым разным поводам. Поэтому возрастает острота проблемы поиска новых интеграторов в мире, в котором люди уже не будут объединены общими целями, идеями, представлениями или убеждениями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бодрийяр Ж.* «Общество потребления». М. : АСТ, 2021.
- Зверева Г. И.* Концепции «платформенного общества» в современных социокультурных исследованиях // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2019. № 8. С. 161–171.
- Козеллек Р.* К вопросу о темпоральных структурах в историческом развитии понятий // История понятий, история дискурса, история метафор: сборник статей. 2010. С. 22–33.
- Липовецкий Ж.* Эра пустоты. Эссе о современном индивидуализме. СПб. : Владимир Даль, 2001.
- Маркузе Г.* «Эрос и цивилизация». М. : АСТ, 2003.
- Срничек Н.* Капитализм платформ. М. : ВШЭ, 2019.
- Ханаева Д.* Герцоги республики в эпоху переводов. М. : Новое литературное обозрение, 2005.
- Scheffer M. et al.* The rise and fall of rationality in language // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2021, December 21. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC8713757/>
- Szocik K.* Conceptual Issues in COVID-19 Pandemic: An Example of Global Catastrophic Risk: A Response to: The Traditional Definition of Pandemics, Its Moral Conflations, and Its Practical Implications: A Defense of Conceptual Clarity in Global Health Laws and Policies by T. De Campos, Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics (CQ 29 (2)) // Cambridge Quarterly of Healthcare Ethics. 2021. Vol. 30. # 1. P. 199–202.

УДК 930.85

Горлов В. Н.

доктор исторических наук, доцент

Московский государственный лингвистический университет

(Москва, Россия)

gorlov812@mail.ru

ПРОБЛЕМЫ ТЕЛЕВИДЕНИЯ: ОТ ДИКТАТУРЫ ИДЕОЛОГИИ К ДИКТАТУРЕ РЕЙТИНГА

В статье рассматриваются проблемы коммерческого телевидения: криминализация телеэфира, безответственность за показ телепередач, ориентированность руководителей телеканала лишь на высокий рейтинг, политическая ангажированность, а также тот факт, что объективность подачи информации так и не стала главным атрибутом деятельности тележурналистов.

Ключевые слова: государственная идеология; рейтинг; телевидение; реклама; этика; культура

Gorlov V. N.

Doctor of History (Dr. habil), Associate Professor

Moscow State Linguistic University

(Moscow, Russia)

gorlov812@mail.ru

PROBLEMS OF TELEVISION: FROM THE DICTATORSHIP OF IDEOLOGY TO THE DICTATORSHIP OF RATING

The article deals with the problems of commercial television broadcasting: criminalization of television, irresponsibility for showing TV shows, the orientation of the TV channel managers only to a high rating, political engagement, as well as the fact that the objectivity of the presentation of information has not become the main attribute of the activities of TV journalists.

Keywords: state ideology; rating; television; advertising; ethics; culture

Телевидение сформировалось в 1950-е годы и заметно повлияло на всю систему массовой информации в целом. Существующая сегодня система средств массовой информации сложилась буквально на глазах значительной части живущих ныне людей. Неудивительно, что

ее эволюция отличается высокой динамикой. В конце 50-х – начале 60-х годов телевидение уже стали рассматривать как могучее средство информации и пропаганды. Его массовое распространение стало использоваться в качестве одного из главных способов социального управления. Телеэкран был трибуной для выступления передовиков промышленного и сельскохозяйственного производства, партийных работников, ученых, неслыханной по размерам учебной аудиторией. Телеэкран стал и огромным концертным, и театральным залом.

Необходимо напомнить, что телевидение создавалось для просвещения и культуры советского народа. В те далекие 1950-е годы на канале работали музыковеды, драматурги, публицисты. Телевидение и нравственность были неразделимы. В 1960-е в СССР появились учебный, а затем и образовательный каналы. На телевидение приглашались лучшие писатели, художники, киноведы, музыкальные критики. Показывались знаменитые спектакли, читали поэзию, вели передачи с художественных выставок. Телевидение существовало в различных жанровых направлениях. Культура в СССР была частью официальной идеологии, она включала также национально-историческое наследие страны (театр, архитектуру, живопись). Парадоксальность идеологизированного телевидения состояла в том, что оно прекрасно взаимодействовало с культурой. Идеологическое телевидение включало в себя пропаганду мирового искусства. Таким образом, государственная идеология и мировая культура прекрасно сочетались на телевизионном экране.

Если в начале 1960-х годов телевещанием была охвачена лишь небольшая часть советского населения, то к концу 60-х государственное телевидение стало чистым идеологическим продуктом советского государства (в 1968 году впервые на телеэкранах появилась знаменитая программа «Время». Она транслировалась по всем останкинским каналам в 9 часов вечера на весь Советский Союз. На протяжении программы советские граждане окунались в события советской страны и мира, причем информация преподносилась так, как ее хотели преподнести государственные органы. Никакой «отсебятины» без согласования с руководством телеканала тележурналисты выдавать не могли).

Невозможно вспомнить, чтобы советские зрители жаловались на телеведущих за несоблюдение нравственных норм или отсутствие вкуса. В отличие от многих современных тележурналистов, которые, не имея специального образования, по-своему диктуют нормы поведения и правила игры, советские тележурналисты были настоящими профессионалами. Другое дело, что при идеологической диктатуре ведущие не могли озвучивать самостоятельные суждения. Жесточайшая цензура не допускала никакой индивидуальности в действиях дикторов государственного телевидения.

Телевидение почти не зависело от советского общества, так как механизма обратной связи не было. Ответственности телевидение за свои программы перед обществом не несло, поскольку телеканалы не имели никакого самостоятельного политического статуса и работали в русле единой государственной идеологической машины. Задачей советского телевидения было обеспечить монополизм государственной идеологии. В этом была политическая реальность. И в другом направлении деятели советского телевидения работать просто не могли. Государственное телевидение не могло исключить из своей деятельности государственную идеологию. В советском телевидении первичной естественно считалась идеология, а сама информация без идеологического предназначения не могла представлять собой какую-либо ценность. Раньше в программе «Время» все факты должны были подтверждать канонизированные идеи. Без этого они не могли появиться на экране. Соответственно диктор на государственном канале выражал мнение государства и по определению не мог выражать свое мнение. «Совершенно нормальные люди были не готовы без указания сверху определять политический анализ дня, важнейшие темы»¹.

Реальные события советского общества должны были отражать идеологическую сущность советского государства. Телевидение демонстрировало торжественное вручение государственных наград, праздничные заседания, парады и демонстрации. Такими событиями власть утверждала себя. Объектом идеологического телевидения становились в первую очередь не зрители, а массовое сознание советских

¹ Яковлев Е. Все мы немножко жирафы // Московский комсомолец. 25 сентября 1991.

граждан. Информационные программы становились одним из главных идеологических средств.

С начала 1970-х годов все передачи советского телевидения записывались предварительно. Исключение составляли спортивные телерепортажи. Никаких телеимпровизаций быть не могло. Если реальность, которую запечатлел тележурналист, могла интерпретироваться неоднозначно, такую телепередачу незамедлительно удаляли с телеэкрана. Дискуссии, даже если они не касались политики, также не демонстрировали. Трансляции западных программ на советском телевидении за очень редкими исключениями были запрещены. Из-за идеологического фактора советское телевидение добровольно самоизолировалось от мировой телевизионной практики, что отдалило нас от лучших образцов международных эфиров.

Социальная роль советских тележурналистов предусматривала обязательную заданность результата, исключение всякого риска в любом телерепортаже. Канонические дикторские тексты звучали в советской официозной хронике, еще и в записанных телепередачах. Всю эту постановочную эстетику советский зритель спокойно воспринимал как установленные правила игры, понимая, что государственное телевидение по-другому работать не может. Тем более никаких альтернативных каналов с негосударственными телепрограммами быть не могло. Поэтому и сопоставить советские государственные каналы было не с чем. Проблемы телепублицистики не разрешались целыми десятилетиями. Всё это тормозило телевизионное творчество, не способствуя никаким смелым идеям. Централизованное идеологизированное телевидение не давало возможности овладеть основами подлинной информации.

Радикальный поворот начался с перестройки. Перестройка запомнилась встречами в концертной студии «Останкино» с учеными-новаторами, писателями, учеными. Зрители задавали вопросы по микрофону в зале. Вся страна обсуждала эти встречи. В советское телевидение вторгается прямое вещание без предварительной записи и, что самое главное, с обратной связью, дававшей телезрителям возможность задавать вопросы.

Самыми популярными передачами перестройки становятся те, где телезрители могли в прямом эфире задавать вопросы участникам телепередач – телефорумы, пресс-конференции и т. п. На экране появились новые герои. В основном это было связано с политикой, так как политизация страны достигла высшей точки кипения. Во время прямых трансляций I съезда народных депутатов в 1989 году началась итальянская забастовка, когда страна прильнула к телевизионным эфирам. Депутаты не сходили с экранов различных телеканалов. Телевидение менялось вместе с перестройкой советского общества. Более того, телевидение само становилось тем непосредственным механизмом, который менял общество. Благодаря телевидению страна сталкивалась с новыми реальностями, проблемами, новациями.

На экране появились новые социальные типы, совершенно другие слои населения. Это было совершенно невозможно при прежней жесточайшей идеологической цензуре. Телезритель начинал сталкиваться с самыми недоступными сферами, с самыми непривлекательными и безнравственными сторонами советской жизни: больницы для наркоманов, женские колонии, тюремная камера для смертников, спецприемники и т. п. Телевидение становилось многоликим и не односторонне идеологически ангажированным.

На экранах история нашей страны стала демонстрироваться без всякой цензуры. Из архивов стали демонстрировать недоступные ранее кинохроники. Тележурналисты стали работать совершенно по-другому. Вместо эпохи пропаганды наступила эпоха информации.

Советское телевидение стремилось показывать исключительно достижения советского народа в экономической, культурной, общественной жизни. Если и показывали негативные сферы деятельности, то это касалось только капиталистических стран. Здесь идеологические постулаты сбоя почти не давали. Однако с наступлением гласности в СССР картина показа телезрителям стала меняться. Причем радикально. Из страны без конфликтов и катастроф с помощью телевидения мы превратились в страну со сплошными недостатками и трагедиями. Это очень негативно влияло на настроения советских людей, привыкших к нескончаемым успехам. Впоследствии этот

телевизионный негатив, поливающий грязью всю нашу советскую историю, сыграл огромную роль в распаде Советского Союза.

Когда наступила рыночная экономика, бизнесмены сразу же сделали ставку на телевидение, хотя оно создавалось для писателей, ученых, учителей, врачей и т. п. Они сразу поняли и предвидели возможности телеэкрана.

Теперь передачи создаются, чтобы вызвать конфликт. Если вопросы этики при советском телевидении играли немаловажную роль, то при коммерческом телевидении наступил «этический беспредел». Миллионы телезрителей ежедневно питаются подробностями жизни звезд шоу-бизнеса или других популярных граждан. ТВ в таких случаях вызывает у многих телезрителей ощущение, что они подглядывают в замочную скважину. О приличиях на телевидении уже никто не говорит. Главным аргументом становится рейтинг телепередач. Политические дебаты превращаются в место сведения счетов с конкурентами. Тележурналисты специально приглашают на свои ток-шоу противников, которые не собираются друг друга слушать. Самые скандальные персонажи из политической сферы или из сферы шоу-бизнеса не покидают телеэкран, какие бы неприличные действия они не совершали. Более того, если не пригласить скандального телегероя, это посчитают цензурой. Парадокс российского ТВ заключается в том, что наступил конфликт между стремлением зрителей знать как можно больше о своих кумирах и правом этих кумиров на неприкосновенность частной жизни. Руководители эротических шоу объясняли свои пошлые передачи освобождением от животных инстинктов. Произошла криминализация телеэфира. Передача «Дорожный патруль» ежедневно демонстрировала в прайм-тайм обгоревшие трупы и другие ужасы автокатастроф. Дети, вместо того чтобы читать русские народные сказки, получают впечатления от искаженных машин в «Дорожном патруле». Диктатура рейтинга сработала беспрочно. Телевидение поспособствовало тому, что количество зрителей этой программы увеличилось в разы. Однако телеканалы чаще достигали обратного результата. Телезрители, приученные к ежедневным жестокостям, после таких передач становились менее чувствительными. Чем больше ужасов терзало сознание телезрителей, тем больше

ужасов требовалось в дальнейших передачах. Эпатажность, скандальность, сексуальные откровения, хамство в эфире и т. п. выходки становятся одним из главных козырей приглашения на программы.

В одной из самых популярных советских телепередач интеллектуальных героев награждали книгами. Сейчас вместо книг наградой стали конверты с деньгами. Победу одержали денежные знаки. Появились и другие телевикторины, где победителей награждают исключительно денежными купюрами. В стране, где национальной идеей стали деньги, в таких наградах нет ничего удивительного. В первые десятилетия телевидения был учебный канал, где демонстрировали уроки этики. Это было очень органично и естественно. В рыночной экономике нет места этике. Телепередачи становятся образцом антиэтичности. Наступила эпоха полной безответственности за телепередачи. Эта характерная черта работы современных журналистов, у которых нет нравственной цензуры, а свой непрофессионализм и отсутствие мастерства заменяют стремлением любой ценой удивить телезрителей, даже если для этого придется брать интервью у маньяка. Тележурналисты даже не переживают за репутацию своего канала. Что уж говорить об ответственности перед гражданами, которые отдают себе отчет, что такое достоинство, этика, уважение. Общественное мнение для многих деятелей ТВ ничего не значит.

В начале 1990-х годов очень быстро отказались от пропагандистского идеологизированного телевидения. Телевидение менялось с удивительной быстротой. Многие журналисты не сразу осознали, что они вправе и контролировать, и критиковать власть. Более того, это было неотъемлемое право журналиста. Не осознали этого и представители власти.

После 1991 года в стране стала господствовать рыночная экономика. Доминирующим в работе тележурналиста стало высказывание своей точки зрения. Мнения о событиях для многих телеведущих стали гораздо важнее, чем сами события. Теперь проблемой становится отражение на телевидении всего спектра мнений, которые существовали в обществе. Необходимо было соотнести факты и мнения. Раньше на советском телевидении такой проблемы никогда не было, так как существовали идеологические установки. Раньше можно было понять

тенденциозность программы «Время» – диктор выражал мнение государства. Теперь телеведущий старается навязать телезрителям свою субъективную точку зрения. Тенденциозность никуда не делась. При рыночной экономике телевидение полностью изменилось. Новости перестали быть идеологизированными, зато факты стали интерпретироваться субъективно. На первый план вышла политическая ангажированность.

Объективность подачи информации так и не стала главным атрибутом деятельности тележурналистов. Телеведущие не могли самоустраниться из-за политической ангажированности владельцев телеканалов. Более того, появились так называемые «телекиллеры», которые выполняли задачу устранения с политической арены того или иного политического деятеля. «Доктрину беспристрастности» тележурналисты выполнять не собирались, объясняя это покушением на их самобытность и прикрываясь своим правом гласности. Выражая свои субъективные суждения, журналисты нарушали принцип объективности, что является одним из главных условий профессионализма. Тележурналисты выполняли определенный политический заказ, не заботясь о своей профессиональной репутации, они подходили и к фактам, и к людям с тенденцией – за и против в соответствии с установкой конкретных лиц. Тележурналист не старается исследовать истину непредвзято, сопоставляя различные мнения на экране, чтобы зритель самостоятельно постарался определить, на чьей стороне правда. Тележурналист, выполняя установку владельцев канала, мало чем отличается от государственного диктора, выполняющего государственный заказ. И там и там отсутствует непредвзятое исследование истины.

Диктатура идеологии сменилась диктатурой рейтинга. Добиться любой ценой высокогорейтинга телеканала становится ведущей целью руководителей. Поэтому телеведущие и заявляют, что граждане нуждаются в развлечениях. В этом и скрываются подлинные мотивы появления пошлых, скандальных телепередач. Телеканалы в погоне за рейтингом пичкают наших граждан низкопробной телепродукцией. Такие сюжеты превратились в настоящий товар, который продается потребителю-зрителю. В рыночной экономике по-другому и быть

не могло. Ни о каких нравственных критериях речи уже не идет. Это стало настоящим бедствием российского телевидения. Средства массовой информации действовали антисоциально. Государство уже не определяло, что показывать и чего не показывать, что нравственно, а что нет.

Установилась определенная закономерность. Чем больше прибыли получали руководители телеканалов, тем ниже были этические границы. Продюсеры и сами не скрывали, что нарушают моральные табу, чтобы привлечь внимания зрителей к своему товару – телепередаче. Стремление поднять рейтинг канала стали выдавать за заботу о телезрителях. А кошмарные сцены насилия – за предотвращения преступлений. В самое детское время показывали «Криминальную Россию». «Катастрофы недели», «Скандалы недели» и другие очерняющие душу граждан передачи стали настолько обыденным явлением, что их невозможно было отличить от ежедневных информационных программ. Все телеканалы стали соревноваться, кто ужаснее покажет российские реалии. Теперь уже мужественными выглядели те журналисты, которые, как в лучшие советские годы, пытались показать достоинства нашей жизни. На телеэкране с явным превосходством преобладали негативные факты и события, «мыльные оперы» и нескончаемые шоу. Никакого баланса телеканалы соблюдать не желали. Более того, негативные новости предоставлялись зрителям без всякого предварительного отбора, согласования, нравственной оценки.

С помощью телевидения легче управлять гражданами. Идеологическое телевидение выполняло эту задачу вполне сознательно. Те же результаты достигает и рейтинговое телевидение без идеологии, демонстрируя ужасы и катастрофы. Зритель уходит от тяжелой реальности, уткнувшись в «мыльные» оперы и дешевые сенсации. Телевидение просто сменило знак – теперь та же одинаковость, но не идеологическая, а рейтинговая. Когда всемирно известная оперная певица Большого театра обратилась на телевидение с письмом, где попросила побольше демонстрировать на ТВ классики, господин Эрнст (Генеральный продюсер ОРТ) ответил: «А если я ей напишу, что ей следует петь? Сейчас нет авторитетов, кроме банкиров»¹.

¹ Культуркиллеры // Общая газета. 1996. № 50.

Самый страшный удар по телевидению нанес не идеологический контроль, а рыночная экономика с его диктатурой рейтинга. Сейчас представить телевидение без постоянной, раздражающей даже очень спокойных граждан рекламы просто невозможно. Реклама становится важнейшим атрибутом рейтингового телевидения. И это объясняют тем, что реклама должна возмещать расходы коммерческого телевидения. Всё больше и больше ТВ эксплуатирует наше зрение, а не ум. Как только рекламодатель стал оплачивать расходы на телевидение, массовая культура стала диктовать условия в любых жанрах, представленных на телеэкране. Телевидение превращает общество в объект манипуляций политиков, не говоря уже об отупении телезрителей «мьльными операми».

При идеологической диктатуре руководители государственного телевидения по идеологическим соображениям могли запретить любую программу, сняв ее с эфира даже в день трансляции, несмотря на большую популярность у советского телезрителя. Для рейтингового телевидения это представить невозможно. Ситуации диаметрально противоположные. Жесткая диктатура идеологии не зависела от диктатуры рейтинга в советское время. Конкурирующих каналов не существовало. Государственное идеологизированное телевидение сменилось рыночным рейтинговым телевидением. Крупнейшие банки, финансовые группы влияли на государственную политику. Вопрос о власти во многом зависел от влияния телевидения. Кто платил, тот и заказывал музыку. Телевидение работало в унисон с пожеланиями финансового источника, от которого зависела модель вещания. На телеэкране сложилась перевернутая система ценностей.

Когда директора программ НТВ Владилена Арсеньев обвинили в плохом вкусе после появления передачи «Империя страсти», он парировал: «У “Империи страсти” хороший рейтинг. Мы хотим, чтобы НТВ смотрела не только музейная эстетствующая публика... Надо просто шире смотреть на мир»¹. В таком же духе вещал президент телекомпании НТВ Игорь Малащенко: «Все эти советские байки про то, что надо нести высокое искусство в массы, – или глупость, или

¹ *Арсеньев В.* И пощечина общественному вкусу // Независимая газета. 14 июня 1997.

лицемерие. Я глубоко убежден, что серьезная музыка, как и серьезные книги, на самом деле интересуют абсолютное меньшинство людей¹. Поэтому неудивительно, что, когда поэт Е. Евтушенко предложил телевидению антологию отечественной поэзии «Поэт в России больше, чем поэт», телеканал не принял это предложение, предпочтя слабую программу «Любовь с первого взгляда».

Пошлые и криминальные передачи пробуждают самые низкие из инстинктов. А каково общество – таково и телевидение. Огромные деньги, вращающиеся на телевидении, не понимают таких понятий, как нравственность, этичность. Телевидение уже не несет социальную и этическую ответственность перед обществом.

¹ Малащенко И. Не учите нас делать то, что мы делаем // Общая газета. 1997. № 30.

УДК: 94+351.858

Грузинов И. И.

Московский государственный лингвистический университет

(Москва, Россия)

gruvan@yandex.ru

ОПЫТ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В СОВРЕМЕННОЙ КИТАЙСКОЙ ИДЕОЛОГИИ

Власти КНР активно используют историческое наследие своей страны для совершенствования идеологии. Опыт заимствования отдельных элементов китайский традиционных учений и интерпретация некоторых событий в истории позволяют консолидировать население, а также ставить цели и задачи для давнейшего развития страны. Автор описывает основные принципы подобного заимствования и указывает на возможности применения такого опыта другими государствами.

Ключевые слова: КНР; идеология; духовная культура; китайская нация

Gruzinov I. I.

Moscow State Linguistic University

(Moscow, Russia)

gruvan@yandex.ru

INTERPRETATION OF HISTORICAL HERITAGE AND MODERN CHINESE IDEOLOGY

The PRC authorities are actively using the historical heritage of their country to improve their ideology. The experience of borrowing individual elements of Chinese traditional teachings and the interpretation of certain events in history allow us to consolidate the population, as well as set goals and objectives for the long-term development of the country. The author describes the basic principles of such borrowing and points out the possibilities of applying such experience to other states.

Keywords: the PRC; ideology; spiritual culture; the Chinese nation

С 2012 года китайские власти стали активно обращаться к историческому прошлому для обозначения и обоснования проводимой политики. Генеральный секретарь Коммунистической партии Китая (*далее* – КПК) Си Цзиньпин часто обращался к отдельным понятиям

и идеям, заимствованным из китайских учений. Это происходило и происходит на фоне апелляции к истории Китая: в контексте развития идеи китайской мечты о возрождении китайской нации власти КНР указывают на разные периоды истории страны для того, чтобы сконструировать образ будущего Поднебесной.

Следует подчеркнуть, что такой подход в политическом дискурсе Китая появился задолго до прихода к власти Си Цзиньпина. Одним из важнейших элементов такого «обращения к истории» следует считать заимствования из традиционной китайской мысли. Этот процесс можно связать с «китаизацией марксизма», что позволяет представить используемые КПК идеологию и социальные идеалы как имеющие китайскую национальную специфику [Смирнов, 2005, с. 22–23, 37]. Такой подход подкреплялся тезисом о том, что на протяжении тысячелетий исторический процесс в Китае происходил согласно определенным законам и привел к появлению многих культурных ценностей, и теперь коммунисты должны обобщить прошлое от Конфуция до Сунь Ятсена [Панцов, 2012].

Можно смело утверждать, что руководство КПК регулярно использовало идеи древнекитайских мыслителей: например, важным заимствованием является понятие *сяокан* («среднезажиточное общество») (http://www.sociognosis.narod.ru/myweb8/docs/lukjanov_sjao-kan.htm), вновь введенное в политический дискурс Дэн Сяопином в 1979 году. Более того, сама КПК использовала подобный подход далеко не первой: к конфуцианской идее *датун* («великое единение») обращался Гоминьдан – политическая партия, выступавшая соперником коммунистов в первой половине XX века [Духовная культура Китая, 2006, с. 244]. Важно обратить внимание, что такие заимствования являются, по сути, новым вариантом прочтения уже сложившихся понятий, своеобразным комментарием к ним. И такой взгляд на проблему восприятия историко-культурного наследия Китая позволяет обнаружить, что принятый в современной китайской политике подход намного древнее, чем можно было предполагать.

Феномен комментария крайне важен для китайских письменных памятников. Существует множество примеров (например, трактат «Шу-цзин», древнейшие слои которого, вероятно, были записаны еще

в IX веке до н. э. и постепенно «обрастали» комментариями), когда оригинальный текст и комментарий к нему в результате образовывали устойчивые текстовые единства, формируя новый комплексный письменный материал. По мнению В. Н. Курносовой, процесс образования нового текстового единства для параллельного комментария можно представить как $ТЕКСТ1+КОММЕНТАРИЙ1=ТЕКСТ2$. Получившиеся в результате такой процедуры тексты, в свою очередь, могли становиться объектами комментирования, то есть $ТЕКСТ2+КОММЕНТАРИЙ2=ТЕКСТ3$ [Курносова, 2002, с. 214–222]. По похожей схеме развивались и отдельные политические и идеологические установки, существовавшие и существующие в Китае. Своеобразным подтверждением такой концепции может стать даже Устав КПК, который дополняется новыми элементами на каждом новом съезде партии, формируя, по сути, новый текст, где зафиксированы новые политические цели, задачи и идеи.

Таким образом, можно допустить, что заимствование отдельных идей и концепций и их новая интерпретация сообразно актуальному положению дел в научной и социально-политической сферах – это сформировавшаяся много веков назад традиция Китая. Однако в современной китайской политике присутствует другой по характеру, но схожий по целям пример обращения к собственной истории.

Идея китайской мечты о возрождении китайской нации связана с объединением страны, которая является общей волей всех китайцев (http://russian.news.cn/2016-11/01/c_135797738.htm). В этом контексте китайские власти используют тезис о «веке унижений» – периоде истории Поднебесной, начавшемся с Опиумных войн в 1840 году и продолжающемся до сих пор. Трактовка «века унижений» достаточно широка: китайские власти часто указывают на неравноправные договоры, заключенные с западными державами в этот период, и используют эти события для консолидации населения страны.

Предполагается, что с исполнением «китайской мечты», подразумевающей объединение Китая, период «унижений» закончится. В данном случае под объединением преимущественно подразумевается восстановление контроля над Тайванем – единственным регионом, где сохранилась власть Китайской Республики, которая в КНР считается

окупационной. Учитывая давность конфликта вокруг Тайваня (фактически существует как независимое государство с 1949 года), возможности для обоснования претензий, помимо восстановления исторической справедливости, у властей КНР существенно ограничены. Поэтому в качестве инструмента продвижения принципа единого и неделимого Китая используется идея «китайской нации».

Оставляя за скобками историю появления этой идеи, следует указать на её современную интерпретацию китайскими властями: понятия «нация Китая» и «Китай» синтетически связаны, что объясняется представлением не об этносе (имеются в виду *ханьцы*), а о макрообъединении народов, населяющих Поднебесную, которые и называются «китайской нацией» [Москвалёв, 2005, с. 129–142]. Исходя из этого, вне зависимости от самовосприятия населения Тайваня как отдельной нации и попыток жителей Гонконга противопоставить себя остальному Китаю, власти КНР настаивают на общности *истории и культуры* всех людей, населяющих Поднебесную, а значит, никаких принципиальных препятствий для объединения нет.

Еще одним элементом указанной концепции, который должен подтвердить историческую общность китайской нации, является участие Китая во Второй мировой войне. Властями страны регулярно подчеркивается, что те жертвы, которые были понесены с начала японского вторжения и в период последующей оккупации – важная часть китайской истории, которая способствовала укреплению духа китайского народа и его единению. Следует отметить, что период, связанный с японской агрессией, в КНР также воспринимается частью «эпохи унижений», и поэтому возрождение страны невозможно без учета этого опыта. Его действительно следует рассматривать как необходимый инструмент консолидации: именно в 1930–1940-е годы соперничающие политические силы создали так называемый второй «Единый фронт» для отпора иностранным захватчикам, а значит, использование исторической памяти о войне может иметь отклик и в КНР, и в современной Китайской Республике.

Можно заключить, что современные подходы китайских властей к интерпретации исторического наследия допустимо разделить на два больших блока: первый связан с актуализацией предшествующей

китайской мысли и традиции, в том числе древней; второй – с пониманием общности истории и культуры всех народов, которые населяют Китай, и необходимостью их объединения в рамках возрождения страны, которое подразумевает восстановление как территориальной целостности государства, так и его роли и значения в мире.

Несмотря на любопытный опыт использования исторического наследия в политике, подобный подход нужно трактовать как специфический для Китая, и его использование в других странах в полном объеме может быть существенно затруднено. Это связано в том числе с ориентацией китайского общества на наследование определенных культурных и политических установок, которые преимущественно сохранялись и впоследствии воспроизводились даже при смене династий и государств на территории Китая. Однако отдельные элементы китайского опыта интерпретации исторического наследия могут способствовать преодолению локальных конфликтов в случае, если удастся обнаружить некие опорные точки (подобные «эпохе унижений», общему опыту сопротивления иностранным захватчикам или – при определенных допущениях – общей истории и культуре), вокруг которых можно будет установить общественный консенсус.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Духовная культура Китая: энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. М. Л. Титаренко. Т. 1. М. : Вост. лит., 2006.
- Курносова В. Н.* Текст и комментарий в китайской традиции как типы текста // Общество и государство в Китае: XXXII научная конференция / сост. и отв. ред. Н. П. Свистунова. М. : Вост. лит., 2002. С. 214–222.
- Москвалёв А. А.* Нация и национализм в Китае. Эволюция китайской мысли в подходах к нации и национализму. М. : Памятники исторической мысли, 2005. С. 129–142.
- Панцов А. В.* Мао Цзэдун. М. : Молодая гвардия, 2012.
- Смирнов Д. А.* Идеино-политические аспекты модернизации КНР: от Мао Цзэдуна к Дэн Сяопину. М. : Ин-т Дальнего Востока РАН, 2005.

УДК 378.147

Гусева А. Х.

кандидат педагогических наук, доцент

Российский государственный гуманитарный университет

(Москва, Россия)

allahanafievna@gmail.com

О СПЕЦИФИКЕ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО ПЕРЕВОДА ПОЛИКОДОВЫХ ТЕКСТОВ

В статье представлен способ лингвистической обработки поликодовых научно-технических текстов; приведена характеристика научно-технических текстов с позиции профессиональной переводческой деятельности, а также проанализирована специфика работы с корпусами текстов. Современный научно-технический перевод, помимо лингвистической обработки, подразумевает также форматирование в графических и мультимедиа редакторах, а освоение специализированного ПО занимает особое место в обучении лингвистов и переводчиков в системе высшего образования.

Ключевые слова: научно-технический перевод; поликодовый текст; научно-технический текст; корпус текстов; способ лингвистической обработки; программный продукт

Guseva A. H.

PhD (Pedagogy), Associate Professor

Russian State University for the Humanities

(Moscow, Russia)

allahanafievna@gmail.com

ON THE SPECIFICITY OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL TRANSLATION OF POLYCODE TEXTS

The article presents a method of linguistic processing of polycode scientific and technical texts; the characteristics of scientific and technical texts are given from the position of professional translation activity, and the specifics of working with text corpora are analyzed. Modern scientific and technical translation, in addition to linguistic processing, also involves formatting in graphic and multimedia editors, and the development of specialized software occupies a special place in the training of linguists and translators in the higher education system.

Keywords: scientific and technical translation; polycode text; scientific and technical text; corpus of texts; method of linguistic processing; software product

На современном этапе развития информационных технологий профессия переводчика интегрирует профессиональные компетенции терминоведа, лексикографа, редактора, верстальщика, веб-дизайнера, программиста, монтажера аудио- и видеоматериалов и другие, связанные с обработкой текстов различных форматов в информационном пространстве и их размещением в сети.

В эпоху повсеместного распространения компьютерных технологий все чаще возникает необходимость разработки и интеграции в информационную среду качественно новых программных продуктов, а также модифицируются и оптимизируются все с большей периодичностью существующие версии программного обеспечения. Следовательно, востребован труд не только программистов, но и лингвистов, устанавливающих концептуальные основы взаимодействия человека с компьютером.

В связи с тем, что работодатели предъявляют к выпускникам лингвистических вузов вышеперечисленные требования, в Институте лингвистики ФГБОУ ВО РГГУ в образовательную программу высшего образования «Лингвистическое обеспечение международных отношений» (направление «Лингвистика», профиль «Перевод и переводоведение») включена дисциплина «Компьютерное обеспечение переводческой деятельности», один из образовательных модулей которой посвящен лингвистической обработке научно-технических текстов.

Лингвистика подразумевает обработку объемных массивов данных в таких аспектах функционирования языка как, лексика, грамматика, стилистика и так далее. С возникновением корпусов текстов как программного продукта профессиональная деятельность лингвистов претерпела существенные изменения в отношении лингвистической обработки данных.

В первую очередь появилась возможность создания корпусов текстов в формате гипертекста. Конкретизируем понятие гипертекста, поскольку в информатике, лингвистике и литературоведении данный термин трактуется по-разному – и с точки зрения технологии, и как текстовый формат, и как структура баз данных: «гипертекст – текст, устроенный таким образом, что он превращается в систему, иерархию

текстов, одновременно составляя единство и множество текстов. Простейший пример гипертекста – любой словарь или энциклопедия, где каждая статья имеет отсылки к другим статьям этого же словаря. В результате читать такой текст можно по-разному: от одной статьи к другой, по мере надобности, игнорируя гипертекстовые отсылки; читать статьи подряд, справляясь с отсылками; наконец, пуститься в гипертекстовое плавание по нелинейному лабиринту, то есть от одной отсылки переходить к другой. Это своеобразная картина мира, и выйти из него, войдя один раз, труднее, чем может показаться на первый взгляд» [Руднев, 1999, с. 46].

Во-вторых, большое внимание лексикографов (лингвистов отдельной специализации) было уделено разработке лексикографических баз данных, электронных словарей (как моно- так и мультязычных, переводных, толковых, визуальных, тезаурусов, банков данных и других).

В этой связи освоение специализированного ПО занимает особое место в обучении лингвистов и переводчиков в системе высшего образования.

Современный научно-технический перевод, помимо лингвистической обработки, подразумевает также форматирование в графических и мультимедийных редакторах. Характеризуя научно-технический перевод с позиции профессиональной переводческой деятельности, следует отметить, что коммуникативный аспект в подавляющей части текстов данного типа отсутствует, так как из трех функций языка (общение, сообщение и воздействие) научно-техническим текстам (*далее* – НТТ) свойственны две функции: сообщение (фиксирование какого-либо открытия); воздействие (подтверждение гипотезы, создание новых концепций, обнаружение внутренних законов развития, отношений между различными явлениями).

В этой связи основными признаками НТТ являются его информативность (содержательность) и логичность (строгая последовательность, четкая связь между основной идеей и ее деталями). Основная задача при переводе – передать весь объем информации оригинала без купюр, изменений и формулировки собственного мнения и оттеночных суждений (в том числе в формате переводческого комментария, что допустимо при переводе публицистики и художественных текстов).

В процессе освоения программы образовательного модуля «Компьютерное обеспечение переводческой деятельности» студенты обрабатывают различные виды НТТ, имеющие общие лингвистические параметры:

- 1) лексико-грамматические (использование терминов и терминованных понятий греческой и латинской этимологии; приоритет односложных слов; избежание контекстуального значения; отсутствие эмоциональных конструкций; обезличенность);
- 2) синтаксические (логическая последовательность высказываний; сноски; пояснения в скобках; цитаты и ссылки; пассивные конструкции; подчинительный вид связи).

Согласимся с лингвистами, специализирующимися на научно-техническом переводе в том, что язык НТТ характеризуется следующими особенностями:

- «1) краткое, точное и логичное, вместе с тем достаточно полное и доказательное изложение материала находит применение в четких грамматических конструкциях и лексических единицах, терминологии, сокращениях и условных обозначениях;
- 2) отсутствие эмоциональной окраски, игры слов и каламбуров – точное описание того или иного явления, действия, предмета или процесса» [Романова, Долинская, 2011, с. 4].

Изучение иностранных языков и практика перевода предполагают ежедневную работу с корпусами текстов по различной тематике. По типологии известного лингвиста В. Н. Шевчука их следует относить к информационным системам, которые «обеспечивают автоматический поиск лингвистической и экстралингвистической информации в Интернете, а также управление информационными потоками (энциклопедии, электронные библиотечные каталоги, банки терминов, серверы поиска и т. д.)» [Шевчук, 2013, с. 18].

Практическая работа студентов посвящена изучению и обработке корпусов НТТ. Корпус текстов является базовой категорией для качественной лингвистической обработки и понимается как «большой, представленный в электронном виде, унифицированный, структурированный, размеченный, филологически компетентный массив языковых

данных, предназначенный для решения конкретных лингвистических задач» [Захаров, 2005, с. 33].

Среди перспективных направлений исследовательской деятельности в области корпусной лингвистики назовем создание и пополнение таких видов корпусов, как:

- 1) корпусы текстов отдельных типов, стилей, жанров, в том числе связанные единством тематики, времени создания и др.;
- 2) корпусы текстов, интертекстуально связанные с центрами интертекстуального излучения;
- 3) корпусы инфотекстов, т. е. единые корпусы индивидуально авторских художественных текстов и соответствующие критические материалы;
- 4) аспектные корпусы текстов, сформированные вокруг единой проблематики;
- 5) корпусы текстов вокруг конкретных интертекстем.

Лингвистическую обработку НТТ можно позиционировать как один из этапов создания корпуса НТТ, преимуществами которого является возможность обращаться в последствии к собранным и структурированным материалам. Вид корпуса НТТ является аспектным, тип текстов – поликодовым.

Поликодовые тексты (*далее* – ПКТ) принадлежат к группе креолизованных текстов и являются текстами смешанного типа, содержащими вербальные и невербальные компоненты. Основным параметром для построения корпуса поликодовых НТТ служит выбранная студентом тематика с учетом форматов невербальных текстов, входящих в структуру корпуса (графика, иллюстрации, аудио, видео и другие форматы).

В этой связи специалистами в области мультимедийной и интернет-коммуникации вместо креолизованных текстов применяется термин «поликодовый текст», акцентирующий внимание на равнозначности всех средств и способов выражения. ПКТ различаются по количеству взаимодействующих семиотических систем, использующих разнородный знаковый материал [Большакова, 2008, с. 50].

Традиционный подход к тексту как к продукту словесного творчества рассматривает невербальные элементы как иллюстрации,

добавления к основному содержанию. Креолизация текста происходит вследствие слияния разнородных средств выражения (передачи информации), выполняющих общую коммуникативную функцию. Лингвисты различают два типа ПКТ в зависимости от средств выражения (вербального или образного): с полной и частичной креолизацией. Чаще всего поликодовые НТТ требуют при переводе повышенного внимания в первую очередь к невербальным компонентам, так как текстообразующую роль в равной степени играют вербальные и невербальные: чертежи, фотографии и видео комментарии чаще всего выполняют не иллюстрирующую функцию, а выступают основой развертывания самостоятельных смысловых блоков (иногда вступающих в противоречие с содержанием НТТ).

Приведем пример одного из способов лингвистической обработки поликодовых НТТ, который применяется при наличии разноформатных компонентов НТТ и зависит от степени акцентуации оригинальных текстов на вербальном или невербальном.

В данном контексте приведем основные переводческие действия при работе с корпусом поликодовых НТТ:

- 1) определение специфики НТТ при переводе источников гипертекстового формата на иностранном языке;
- 2) применение теоретических знаний (научно-технический перевод, корпусная лингвистика) в практической деятельности при дискурсивном чтении НТТ и поисковой визуализации;
- 3) проведение структурного анализа конкретного поликодового НТТ посредством аналитической визуализации;
- 4) проведение лингвистического и лингвостилистического анализа конкретного поликодового НТТ посредством аналитического чтения;
- 5) классификация вербальных и невербальных компонентов поликодового НТТ при размещении в корпусе;
- 6) лингвистическая обработка в профессиональных приложениях переводчика и в сетевых средах с целью разработки и поддержки корпуса.
- 7) аргументированное обоснование собственных переводческих решений (объем и формат переводческого комментария, перевод терминов, топонимов, антропонимов и т. д.).

Обработке и анализу подлежат ПКТ, объединенные в единый корпус по основному параметру – тематике перевода.

Основным преимуществом предлагаемого способа лингвистической обработки поликодовых НТТ при работе с корпусами НТТ является возможность объединения в один корпус ПКТ, содержащий компоненты разного формата: словесный (вербальный) текст, графический текст различной семиотики (таблицы, формулы, схемы), аудио- и видеотекст (при переводе источников мультимедиа), сегментированные тексты, а также обратная креолизация текста с целью перевода.

Сформулируем основные положения данной концепции:

- 1) проведение обратной креолизации оригинала с учетом формата компонентов;
- 2) оценка акцентуации семантики на вербальных либо невербальных компонентах;
- 3) использование лексикографических баз данных при разработке глоссария в соответствии с тематикой корпуса НТТ;
- 4) перевод вербального текста с опорой на невербальные компоненты.

В заключение отметим, что представленный способ имеет высокую образовательную ценность как для преподавателя иностранного языка и его научной деятельности, так и для студента, изучающего язык и культуру зарубежных стран, и зависит от типа контента и формата навигации.

Основным выводом по вопросам применения данного способа в процессе перевода является констатация факта, что лингвистическая обработка аутентичного материала в цифровом формате позволяет студентам сформировать профессиональные компетенции терминолога, лексикографа, редактора, верстальщика, веб-дизайнера, программиста, монтажера аудио- и видеоматериалов и другие, связанные с обработкой различных форматов в информационном пространстве и их размещением в сети (т. е. отвечать требованиям работодателей к выпускникам лингвистических вузов).

При лингвистической обработке поликодовых НТТ вербальные и невербальные компоненты в оригинале и в переводе должны работать

в синтезе и интегрироваться в смысловую канву целостного текста: благодаря письменному формату текст всегда имеет характерную визуализацию (шрифт, размер, цвет); визуальная информация (фотографии, схемы, рисунки, видео) представляет собой комментирующую базу для переводчика.

Использование корпусов поликодовых НТТ в преподавании перевода приближает образовательный процесс к практической профессиональной деятельности, а управление ими позволяет сократить время поисковой деятельности, оптимизировать усвоение иноязычной информации гиперобъема, совершенствовать коммуникативную компетенцию, и, как следствие, повысить мотивацию к освоению технологий перевода.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Большакова Л. С.* О содержании понятия «поликодовый текст»// Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, 2008. № 49. С. 48–51.
- Захаров В. П.* Корпусная лингвистика: уч.-метод. пособ. СПб. : СПбГУ, 2005.
- Романова О. Н., Долинская А. В.* Основы технического перевода: учебное пособие по английскому языку. Волгоград : ВолгГАСУ, 2011.
- Руднев В. П.* Словарь культуры XX века: ключевые понятия и тексты. М. : Аграф, 1999.
- Шевчук В. Н.* Информационные технологии в переводе. Электронные ресурсы переводчика 2. М. : Зебра Е, 2013.

УДК 130.2

Жбанкова Е. В.

доктор исторических наук, профессор

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

(Москва, Россия)

evzhsbankova@mail.ru

К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ СОВЕТСКОГО ОПЫТА В ПОДДЕРЖАНИИ ФИЗИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ НАЦИИ

В статье речь идет об актуальности использования в ситуации пандемии коронавируса XXI века физических практик 1920-х годов в деле формирования здоровой нации. Раскрываются базовые положения «искусства движения», перечисляются основные государственные и общественные структуры, претворяющие ее в жизнь, и даются некоторые рекомендации по их использованию в современных условиях.

Ключевые слова: «искусство движения»; физическое воспитание; физическое образование; массовая пляска; гимнастика

Zhsbankova E. V.

Doctor of History (Dr. habil), Professor

Moscow State University named after M. V. Lomonosov

(Moscow, Russia)

evzhsbankova@mail.ru

ON THE USE OF SOVIET EXPERIENCE IN MAINTAINING THE PHYSICAL HEALTH OF THE NATION

The article is about the relevance of using the physical practices of 1920-s to form a healthy nation in the situation of pandemic coronavirus of XXI century. The basic points of “art of movement” are revealed in the report, the basic state and public structures which put it into practice are listed and some recommendations are given for their use in modern conditions.

Key words: “art of movement”; physical education; physical education; mass dance; gymnastics

Современная Россия традиционно решает разные проблемы, которые возникли в нашем обществе еще в конце XX века и продолжают оставаться насущными в веке XXI. Помимо разнообразных сложностей, постоянно присутствующих в политической, социальной и экономической сферах общества, самой важной, на наш взгляд, является проблема физического здоровья нации. Много говорится о здоровом образе жизни (ЗОЖ), о необходимости занятий физкультурой и спортом, но, к сожалению, в действительности в этом направлении мало что делается. В значительной степени будет разумно использовать советский опыт в решении вопросов, связанных с сохранением и приумножением здоровья граждан нашей страны.

В СССР длительное время существовала отличная система по внедрению навыков физической культуры в жизнь и быт советских людей. Значительное место в системе отводилось развитию детской физкультуры и спорта, а также открытию разнообразных кружков и секций в дворцах культуры и спортивных залах для взрослых.

Сегодня, когда советский опыт был забыт, а новации в деле физического воспитания и образования граждан связаны исключительно с серьезными материальными затратами, что не дает возможности регулярно заниматься спортом для поддержания своего здоровья многим людям, необходимо обратить самое пристальное внимание руководящих органов всех уровней на решение данной проблемы по всей территории России. Особенно актуальным это становится в условиях пандемии коронавируса, продолжающейся уже третий год. Люди, боясь инфекции, значительную часть времени проводят в самоизоляции, проще говоря, сидят дома без минимальной физической нагрузки. Ситуацию пытаются исправить средства массовой информации, предлагающие занятия физкультурой онлайн, но, на наш взгляд, это малорезультативно.

В связи с этим представляется чрезвычайно важным создать актуальную полноценную программу физического оздоровления нации как в целях ее гармоничного воспитания, так и в целях элементарного выживания.

Ни для кого не является секретом, что в 1920-е годы в Европе и в России была пандемия «испанки», специфического штамма гриппа,

унесшего жизни огромного количества людей. По этой причине сегодняшний день часто сравнивают с этим временем. Поэтому весьма логично будет вспомнить те меры и средства, которые в 1920-е годы применяло руководство советской России для борьбы с эпидемией.

В первые годы советской власти активно изучался опыт рубежа XIX–XX веков, когда в Европе и России заговорили о необходимости всеобщего и всестороннего физического развития населения для укрепления здоровья и противостояния эпидемиям. Стали появляться разнообразные теории физического развития, физкультурные методики и даже организации, где данные методики и теории находили применение.

На наш взгляд, из многообразия целей и задач, ставящихся перед физкультурой и в дореволюционной России, и после 1917 года, необходимо вычленил некий рациональный позитивный опыт, который возможно будет использовать сегодня с учетом отличий, связанных с целевыми установками разных политических систем, их специфическими особенностями. Очень важно учесть любые негативные проявления, чтобы избежать их повторения, так как, несмотря на истечение целого века, актуальность проблемы нисколько не уменьшилась, а, наоборот, стала еще явственнее.

В настоящее время известны и используются на практике самые разнообразные виды и формы физической подготовки и физического развития. Популярными сегодня являются: фитнес, аэробика обычная и водная, шейпинг, калланетика, пилатес, стретчинг, йога и др. В большинстве из них соединяются разные принципы воспитания. Основной упор зачастую делается не только на физическую практику, но и на нравственную и эстетическую составляющие конкретной методики. В нашу страну мода на это пришла из зарубежных государств – Европы и США, и принято считать, что зародились они в этих странах. Однако, к сожалению, мало кто помнит, что главный принцип гармонического воспитания, имеющий в своей основе целый комплекс физических, нравственных и эстетических целей, был найден в России в начале XX века и развит в 1920-е годы уже при советской власти.

Главной отечественной концепцией была концепция «искусства движения», представляющая собой некий физкультурный комплекс,

созданный на основе художественно-эстетической идеи. «Искусство движения» определяют как сознательно и целенаправленно производимые человеком телесные движения, призванные совершенствовать человека этически и эстетически, превращая его в более гармоничное существо. Главным здесь является приоритет нравственной стороны перед физической, то есть движение является не целью, а только средством воспитания [Александрова, 1924].

Первой идею «искусства движения» с использованием термина высказала балерина Большого театра Лидия Нелидова, опубликовавшая в 1908 году книгу. В ней Нелидова предлагала внедрить некоторые формы и способы обучения профессиональных танцовщиков (артистов балета) в методики физического развития обычных людей без преследования цели воспитать из них профессионалов, но лишь только с целью их общего гармоничного развития и укрепления здоровья [Нелидова, 1908].

Похожие идеи, но без применения самого термина, высказывали тогда П. Лесгафт, А. Бутовский, Н. Филитис и другие теоретики русской физической культуры.

И эти теоретики, и сама Нелидова, конечно, были знакомы с теориями «воспитания посредством движения», популярными в то время в Европе. Самыми интересными, на наш взгляд, являются методика «свободного танца» Айседоры Дункан и «ритмическая гимнастика» Ж. Далькроза [Дорн, 1912].

Жак Далькроз, швейцарский композитор и музыкант, профессор Женевской консерватории, создал свою ритмическую гимнастику изначально для лучшего усвоения студентами разных музыкальных дисциплин. Позднее принципы ритмики были распространены на воспитание вообще. Далькроз создал целую школу в Германии в местечке Хеллерау, где обучались и дети, и взрослые, и откуда ритмическая гимнастика широко распространилась по миру. В России ритмическая гимнастика стала очень популярна и даже образовались две ее специфические школы: петербургская и московская.

В 1920-е годы, уже при советской власти, концепция «искусства движения» стала частью глобальной теории «советской физкультуры»,

которая позиционировалась как всеобъемлющая система воспитания гражданина СССР, строителя общества будущего социализма, представлявшего собой гармонически развитую личность. Создание и внедрение в жизнь теории «советской физкультуры» началось еще со времен Всевобуча в годы гражданской войны и продолжилось до конца 1920-х годов.

«Искусство движения» разрабатывалось в Хореологической лаборатории Государственной академии художественных наук (ГАХН), созданной в 1923 году для разработки теоретических основ и дальнейшего развития всех видов нового советского искусства. В лаборатории было обосновано существование специальной науки «хореологии», которая занималась изучением основ танца. «Искусство движения» органично входило в хореологию так же, как гимнастика, ритмика, подвижные игры, общественные танцы и даже «движения трудовых процессов» [Александрова, 1924].

Термином «общественный танец» был заменен классический балетный танец, употребление названия которого в реалиях советского быта было невозможным, так как считалось частью «наследия старого режима». И это несмотря на то, что балетный танец по существу был единственной доступной формой физической тренировки для жителей городов Российской Империи, особенно женщин.

Кроме Хореологической лаборатории ГАХН, дальнейшим развитием «искусства движения» занимались и другие структуры, образуя своеобразную управленческую систему.

С точки зрения теоретического развития «искусством движения» занимались и другие структурные отделения ГАХН: комиссия по экспериментальному изучению ритма, Ассоциация ритмистов.

С практической точки зрения для внедрения «искусства движения» как части «советской физкультуры» в жизнь граждан государства диктатуры пролетариата была создана Комиссия по пляске Научно-технического комитета (НТК) Высшего Совета физической культуры (ВСФК). Деятельность Комиссии в основном заключалась в пропаганде массовой пляски как основной формы досуга в качестве регулярной физической тренировки. Комиссия изучала пляски народов России и мира и на их основе создавала новые. Массовая пляска была

признана наиболее приемлемой формой «искусства движения» для самых широких масс [Бурлаков, 1931].

Весной 1926 года в Москве прошла так называемая дискуссия по вопросу о пляске, организованная Комиссией. Она проходила в Клубе ВСНХ, клубах Рогожско-Симоновского и Хамовнического районов Москвы. О ее результатах было написано в «Вечерней Москве» и в журнале «Юный Ленин». Главным итогом дискуссии было официальное признание ненужности пролетариату буржуазных балльных танцев и необходимости пропаганды народной пляски для массового исполнения. Утверждалось, что эта необходимость диктовалась самой жизнью. Пляски должны были проводиться в клубах как «здоровое» развлечение и средство физкультуры.

Управленческими структурами развития «искусства движения» руководили настоящие энтузиасты своего дела. Хореологической лабораторией – А. Ларионов, Ассоциацией ритмистов – Н. Александрова, а Комиссией по пляске – Н. Филитис. Все они имели большой опыт дореволюционной работы и были высокими профессионалами. Благодаря их усилиям были созданы серьезные теоретические разработки, касающиеся расширения сферы применения «искусства движения» в целях повышения уровня физической культуры в стране и укрепления здоровья советских граждан. Кроме того, накопился весьма интересный опыт в результате практической реализации данных разработок.

Однако, несмотря на позитивные итоги и самые перспективные начинания, дальнейшая теоретическая разработка концепции «искусства движения», планы и деятельность по его претворению в жизнь были прекращены из-за закрытия Государственной академии художественных наук (ГАХН) и ликвидации Хореологической лаборатории, а также реорганизации Высшего совета физической культуры (ВСФК) и расформирования Комиссии по пляске. Произошло это в начале 1930-х годов после выхода постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» 1932 года.

Тем не менее, некоторые результаты деятельности по внедрению «искусства движения» в жизнь сохранились по сегодняшний день. Ими пользуются в учебном процессе творческих (театральных) училищ

и вузов, а также при лечении нервнобольных людей в психиатрических лечебницах.

Представляется, что опытом 1920-х годов по разработке «искусства движения» можно и нужно воспользоваться сейчас в условиях продолжающейся пандемии коронавируса при создании новейших программ для перспективного развития физической культуры и спорта в нашей стране для сохранения и укрепления здоровья граждан Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Александрова Н. Г.* Ритмическое воспитание. Доклад, принятый на Всесоюзном совещании Советов физической культуры. М. : Политиздат, 1924.
- Бурлаков Б. В.* Массовые игры и пляски. М.-Л. : ОГИЗ, 1931.
- Дорн В.* Метод Жак-Далькроза. М. : Инс-т Ритмической гимнастики, 1912.
- Нелидова Л.* Искусство движения и балетная гимнастика. Краткая теория, история и механика хореографии. М. : Хореогр. школа, 1908.

УДК 008:316.42

Злотникова Т. С.

доктор искусствоведения, профессор
Ярославский государственный педагогический университет
им. К. Д. Ушинского
(Ярославль, Россия)
cij_yar@mail.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ СОВЕТСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ПОСТСОВЕТСКОМ КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

**(выполнено по гранту Российского научного фонда
№ 20-68-46013)**

В статье рассматриваются результаты социокультурного опроса, проведенного среди жителей России. Вопросы касались памяти о советской эпохе у молодых и взрослых людей – материальной (предметный мир обыденности) и историко-культурной (события, персоны). Проблематика, поставленная при проведении опроса, востребована в силу многообразия и соблазнительности, уязвимости и тенденциозности, сентиментальности и структурной определенности, странности и узнаваемости.

Ключевые слова: советская идентичность; постсоветское культурное пространство; социокультурный опрос; социокультурный и философско-антропологический аспекты

Zlotnikova T. S.

Doctor of Art History (Dr. habil), Professor
Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky
(Yaroslavl, Russia)

REPRESENTATION OF SOVIET IDENTITY IN THE POST-SOVIET CULTURAL SPACE

**(completed under the grant of the Russian Science Foundation
No. 20-68-46013)**

The article discusses the results of a socio-cultural survey conducted among residents of Russia. The questions concerned the memory of the Soviet era among young and adult people – material (the objective world of everyday life) and historical and cultural (events, persons). The issues raised during the survey are in demand due to diversity and seductiveness, vulnerability and tendentiousness, sentimentality and structural certainty, strangeness and recognizability.

Keywords: soviet identity; post-Soviet cultural space; sociocultural survey; sociocultural and philosophical-anthropological aspects

По прошествии ста лет после создания Советского государства (1922 год) и тридцати с лишним лет после прекращения существования СССР (1991) мы провели среди жителей России (N=300) социокультурный опрос, в ходе которого поставили вопросы о памяти, сохранившейся в отношении советской эпохи у молодых и взрослых людей, – материальной (предметный мир обыденности) и историкокультурной (события, персоны). Ответы, собранные от респондентов разного возраста более чем в 30 крупных и средних городах России, отразили особенности репрезентации советской идентичности в постсоветском культурном пространстве. Тема опроса была обозначена так: «Советское бытие – отвергнутое прошлое или истоки настоящего?».

При изучении актуальных представлений людей постсоветского периода о советском бытии и советском человеке (а таковыми по хронологии своей жизни являлись более половины респондентов, которые в юности или в более зрелом возрасте оказались «советскими людьми») мы исходили из следующих позиций.

Мы учли традиционное соотнесение понятий «советский проект» (в широком смысле социокультурных и социально-политических тенденций) с локальным понятием «советский человек», что воспринималось наряду с понятиями советского образа жизни, советского строя и другими, аналогичными. Причем советский человек обычно не рассматривается именно как проект [Стебляк, 2014]. В последние десятилетия отдельными исследователями (а также публицистами) предпринимались попытки соотнести представления о советском человеке с поиском теоретико-концептуальной модели личности с опорой на более ранние работы Ю. И. Левады, Г. Л. Смирнова, В. А. Тишкова, В. А. Ядова, где, впрочем, далеко не всегда изучалась проблематика идентификации советского человека, а шла речь о советской эпохе в целом [Шульгина, 2000].

Существенной представляется динамика изучения и понимания «советского человека»: от имманентного исследования феномена [Смирнов, 1980] до обращения к проблеме сразу по завершении советского бытия [Голов, 1993] или несколько более поздних опытов [Козлова, 2005]. Можно было бы упомянуть известные работы, касающиеся советской эпохи в целом, но советский человек там присутствовал

только контекстуально (М. Капустин, Б. Гройс, П. Вайль и А. Генис и др.). Поиски ответов на вопрос о типологии или антропологии советского человека были в каждый из названных периодов необходимы, продуктивны, но не имели последовательного характера, а упоминаемые авторы и публикации – лишь некоторые из числа так или иначе касавшихся проблемы.

В дискуссиях, то и дело проводившихся в СМИ в 1990 годы и позднее, в отдельных публицистических высказываниях звучали реплики о воспроизведении «советского человека» за пределами завершившего свое существование советского государства, а сам этот человек характеризовался как циничный, двуличный, апатичный, звучал и вопрос о том, кто такой и каков «советский человек» в каждый новый промежуток времени, бегло упоминалась проблема идентичности «советского человека» [Федосов, 2014].

Как правило, в немалом количестве публикаций постсоветского периода концепт «советский человек» представлял устоявшейся данностью, а не динамической, формируемой и трансформирующейся системой признаков. Не обсуждались и упомянутые признаки. Следовательно, процедура дефинирования «советского человека» не была предъявлена убедительно и очевидно. Отметим попутно: в постсоветских публикациях идеологизированный подход к интерпретации понятия «советский человек» подменял собой аналитические операции, которые могли бы сослужить важную службу при определении смысла модели названного «советского человека».

Таким образом, вопросы о смысле и особенностях советского бытия и о присутствии в нем советского человека стали основой проведенного нами и рассматриваемого сейчас ретроспективно *социокультурного опроса* (2020–2021 годов).

При составлении анкет и анализе полученных результатов участники работ по гранту опирались на следующие методологические ориентиры: проблематика государства как феномена, имевшего в XX веке социально-историческую детерминанту в марксистской, а также в тоталитарной парадигме, была учтена в связи с суждениями Г. Маркузе, К. Поппера, а собственно проблематика тоталитаризма – в связи с суждениями Х. Арендт; учтены отсылки к современным

политическим процессам, но в парадигме их наследования прошлому (У. Лакер).

В проведенном нами опросе были актуализированы три аспекта проблематики: идеологический аспект (смысл представлений о тоталитаризме и о понятиях «советское» и «коллективизм» через факты, персоны, лозунги, аббревиатуры эпохи), повседневный аспект (через предметы быта, жизнь родственников, житейские ситуации респондентов, воспоминания о семейных событиях и традициях) и эстетический аспект (через предпочтения в сфере искусства, выбор явлений разных видов искусства в качестве интересующих объектов, в частности кино, живописи, архитектуры).

Результаты, полученные в ходе социокультурного опроса, позволили установить то, как, воссоздавая личную память о советском бытии, выборка предъявила, по сути, историю страны, которая, в свою очередь, была выявлена через призму жизни разных семей, в разных регионах, от имени разных поколений. Приходится отметить закономерность восприятия жизни страны, которая была СССР и стала Россией: у респондентов оказалось совсем немного позитивных воспоминаний, приятных и радостных историй и эпизодов (первомайские демонстрации, поездки «на картошку», в пионерские лагеря, комсомольская жизнь, то, что сопровождалось ощущением единения, дружбы и молодости).

Характеризуя полученные результаты социокультурного опроса, мы обратили внимание на важнейшую, выявленную по ходу исследования закономерность. При анализе вариантов, выбранных респондентами в ходе ответов на разные по степени сложности (интеллектуальной, психологической) вопросы, стала очевидна абберрация восприятия событий, которые в момент их актуальности представлялись значимыми и даже судьбоносными.

Проблематика вопросов и ожидания в отношении содержания ответов на нашу анкету ни в коем случае не предполагали оценочной категоричности, напротив, подбирая круг упоминаемых событий и персон, будь то представители науки или искусства, мы исходили из принципа социокультурного, философско-антропологического и психологического плюрализма. Результаты – в плане разнообразия

суждений и отсутствия предвзятости – в основном совпали с ожиданиями.

В итоге нами отмечается многообразие воспринимаемых нашими современниками аспектов, в которых предстают особенности формирования представлений о советском человеке и которые закрепляют в культурном опыте определенный культурный проект. Рассматриваемый нами концепт «советский человек» – это не краткосрочный и не сочиненный проект, не отдельный персонаж или даже не отдельный творец, это человеческий опыт, востребованный в силу своего многообразия и соблазнительности, уязвимости и стойкой тенденциозности, сентиментальности и структурной определенности, своей странности и узнаваемости. Вопрос, имплицитно поставленный в ходе социокультурного опроса – о советской идентичности – позволил актуализировать концепт «советский человек» как социокультурный и философско-антропологический феномен.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Голов А. А.* Советский простой человек: Опыт социального портрета на рубеже 90-х. М. : Мировой океан, 1993.
- Козлова Н. Н.* Советские люди. Сцены из жизни. М. : Европа, 2005.
- Смирнов Г. Л.* Советский человек: формирование социалистического типа личности. М. : Издательство политической литературы, 1980.
- Стебляк В. В.* Советский проект как уникальное явление в мировой культуре // Омский научный вестник. 2014. № 4 (131). С. 194–197
- Федосов Е. А.* Советский человек: пропаганда или реальность? // Русин. 2014. № 4 (38). С. 139–150.
- Шульгина И. А.* Социокультурное измерение личностного бытия в современной России: философский анализ: дис. канд. философ. наук. Ставрополь, 2000.

УДК: 331.1

Иванов А. М.

кандидат военных наук, доцент

Московский государственный лингвистический университет

(Москва, Россия)

26ivanov@mail.ru

УПРАВЛЕНИЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ ОРГАНИЗАЦИЙ ГОСТИНИЧНОГО БИЗНЕСА ДЛЯ ДОСТИЖЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПРЕВОСХОДСТВА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

В статье показана актуальность формирования интеллектуального потенциала организаций гостиничного бизнеса, поскольку применение автоматизированных систем управления в сфере гостеприимства является сегодня необходимым условием выживания на рынке гостиничных услуг. Рассмотрен опыт применения цифровых технологий в деятельности гостиничных предприятий, дано определение понятий «интеллектуальная компетенция». Обоснована необходимость формирования у персонала интеллектуальных и других групп компетенций, наличие которых позволяет предприятиям гостиничного бизнеса достигать стратегического превосходства.

Ключевые слова: гостиничный бизнес; интеллектуальный потенциал; искусственный интеллект; компетенции; профессиональные квалификации; стратегическое превосходство; цифровизация

Ivanov A. M.

PhD (Military Sciences), Associate Professor

Moscow State Linguistic University

(Moscow, Russia)

26ivanov@mail.ru

MANAGING THE INTELLECTUAL POTENTIAL OF HOTEL BUSINESS ORGANIZATIONS TO ACHIEVE STRATEGIC SUPERIORITY IN THE DIGITAL ECONOMY

The article shows the relevance of the formation of the intellectual potential of hotel business organizations, since the use of automated management systems in the field of hospitality is today a necessary condition for survival in the market of hotel services. The experience

of using digital technologies in the activities of hotel enterprises is considered, the definition of the concepts of “intellectual competence” is given. The necessity of forming intellectual and other groups of competencies among the staff, the presence of which allows the hotel business enterprises to achieve strategic superiority, is substantiated.

Keywords: hotel business; intellectual potential; artificial intelligence; competencies; professional qualifications; strategic superiority; digitalization

Происходящие в стране процессы становления экономики знаний обуславливают актуальность проведения исследований в области формирования интеллектуального потенциала организаций гостиничного бизнеса. Как известно, знание есть ресурс, который базируется на практическом опыте различных специалистов и на информации. По сути, знание – это один из наиболее значимых активов современной организации цифровой экономики. Если организация способна создавать, добывать, интегрировать, аккумулировать и применять знания в повседневной деятельности, это существенно повышает ее конкурентоспособность. Именно поэтому интеллектуальную деятельность следует рассматривать как основную.

Применение автоматизированных систем управления в гостиничном бизнесе, в частности в гостиничных предприятиях, является сегодня не просто обычным, но и необходимым делом, условием выживания на рынке гостиничных услуг. Всё это требует от персонала гостиничных предприятий новых компетенций, позволяющих применять различные инструменты высокотехнологичных производств и технологий, компьютерных систем и программ. Для этого крайне необходимо формировать как у работников сферы гостеприимства, так и у выпускников вузов компетенции, позволяющие им быстро адаптироваться к инновациям, вызванным лавинообразной цифровизацией национальной экономики.

Известно много определений интеллектуального потенциала применительно к организациям разных видов экономической деятельности (см. Андрейчиков А. В. «Стратегический менеджмент в инновационных организациях: системный анализ и принятие решений»),

Мильнер Б. З. «Организация создания инноваций: горизонтальные связи и управление»). Основываясь на их сравнительном анализе, автор предлагает под интеллектуальным потенциалом организации гостиничного бизнеса считать совокупность интеллектуальных компетенций персонала гостиницы (знаний, умений, навыков, информации, ценностей) и возможностей их раскрытия, развития и использования в деятельности гостиничного предприятия.

В свою очередь, под стратегическим превосходством понимается синергия сведенных в единую экосистему управления всех определяющих видов деятельности как на уровне операционной деятельности, так и в рамках стратегического планирования, с обретением превосходства в конкурентоспособности предприятия в ближайшей перспективе [Иванов, Стюхин, 2021]. Важно отметить, что команда талантливых сотрудников представляет собой золотой фонд организации, который нельзя «просто пойти и купить», в отличие от любой, даже самой высокой технологии. Из этого следует не менее важный вывод о том, что командная работа талантливых сотрудников важнее высоких технологий.

Именно поэтому все гостиничные предприятия, несмотря на имеющееся разнообразие (международные, отечественные, сетевые, крупные, мелкие, минигостиницы), особенно остро нуждаются в высокоинтеллектуальных сотрудниках.

Глобализация, мобильность, свободное (до недавнего времени) перемещение по всему миру, взрывной характер внедрения цифровых технологий во всех сферах жизни привели к тому, что всё больше людей привыкают к преимуществам их использования. Приведем далеко не исчерпывающий перечень услуг, оказываемых предприятиями гостиничного бизнеса с применением цифровых технологий [Иванов, 2021]:

Технология – киоск самообслуживания для регистрации и заселения постояльцев, самостоятельной регистрации завтраков, обедов и ужинов, посещения бассейна, фитнес-зала, игровой комнаты, самостоятельной замены текущего номера на номер другой категории.

Усовершенствование обслуживания в номерах – заказ еды, когда постояльцу не нужно куда-то звонить и объяснять, что именно он

желал бы съесть, достаточно самостоятельно выбрать необходимые блюда и сделать заказ на ЖК-мониторе, а при необходимости получить подробную текстовую и визуальную информацию о каждом блюде.

Круглосуточная помощь – чат-боты, когда гостиницы подключают программы, которые имитируют реальный разговор с пользователем. Чат-боты используют машинное обучение для выявления способов общения, благодаря этому они учатся подражать реальным разговорам и реагировать на устные или письменные запросы, помогая быстрее найти ответы. Клиенты в этом случае могут рассчитывать на круглосуточную помощь или просто необходимую информацию с момента заселения и до момента выезда из гостиницы. В работе чат-ботов используются технологии искусственного интеллекта (ИИ), поэтому они понимают не просто команды, а язык в процессе общения и таким образом после каждого диалога становятся умнее.

Преодоление языковых барьеров – ожидать от сотрудников гостиницы, что они будут способны разговаривать на десятках иностранных языков, носители которых заселяются в гостиницу, невозможно. Это нередко создает большие трудности в общении и доставляет дискомфорт не только постояльцам, но и самим работникам отеля. Для чат-ботов и других голосовых помощников-переводчиков данное обстоятельство не представляет проблемы. Они ответят на базовые вопросы сами, благодаря применению технологий искусственного интеллекта, а более сложные заявки (например, на очень экзотическом языке) «передадут» консьержу, причем уже на языке его носителя, то есть в переведенном виде.

Дополненная реальность – технология, предоставляющая постояльцам доступ к контенту в реальном масштабе времени, добавляет разнообразные визуальные слои к реальному окружающему миру, создает новые интерактивные впечатления. Рекламные проспекты нового поколения – современные путешественники уже отвыкли от бумажных брошюр, им необходима актуальная и всесторонняя информация в готовом виде здесь и сейчас, причем в интерактивном режиме. Применение технологии дополненной реальности в кафе или ресторане гостиницы позволяет постояльцам, направив смартфон на

меню, не только узнать о том или ином блюде практически всё и рассмотреть его со всех сторон, но еще прочитать отзывы и рекомендации посетителей об этом блюде или напитке.

Реализация перечисленных выше услуг с качеством, соответствующим требованиям мировых стандартов, требует от предприятия гостиничного бизнеса интеллектуального потенциала. Иными словами, персонал гостиницы должен обладать интеллектуальными компетенциями, которые в том числе необходимо формировать самим организациям гостиничного бизнеса для достижения стратегического превосходства на рынке гостиничных услуг.

Достигаться стратегическое превосходство будет за счет:

- существенного снижения затрат на обучение персонала применению цифровых технологий, поскольку талантливые сотрудники способны самостоятельно формировать у себя необходимые интеллектуальные компетенции;
- умения высокоинтеллектуального персонала общаться с клиентами на «их языке» – языке цифровых технологий, поскольку он сам в полном объеме владеет навыками работы с ними (например, общение в соцсетях, работа с различными приложениями, технологиями искусственного интеллекта и т. п.) и может без труда оказать необходимую помощь или проконсультировать постояльца.

Возникает вопрос: какими интеллектуальными компетенциями должен обладать персонал гостиницы? Прежде всего следует определить понятие «интеллектуальная компетенция».

Начнем с определения собственно интеллекта. Автор стоит на позиции, что интеллект – это общая способность человека познавать и решать проблемы на основе ощущений, восприятия, памяти, представления, мышления и воображения.

В свою очередь компетенция представляет собой динамическую комбинацию знаний, умений, опыта и способность их применять для успешного решения задач профессиональной деятельности.

Таким образом, можно сформулировать понятие интеллектуальной компетенции как динамической комбинации знаний, умений, опыта и способности человека познавать и решать проблемы для

успешного выполнения задач профессиональной деятельности в сфере гостеприимства.

Интеллектуальные компетенции могут как относиться к надпрофессиональным, так и быть представленными в числе профессиональных и общепрофессиональных компетенций. К ним можно отнести способность работника воспринимать и запоминать релевантную информацию, осуществлять сбор данных и анализировать их, выстраивать логические суждения и владеть концептуальной гибкостью.

Формирование как интеллектуальных, так и других групп компетенций, наличие которых у персонала позволяет предприятиям гостиничного бизнеса достигать стратегического превосходства, представляет собой важнейшую задачу и образовательных организаций, и самих организаций сферы гостеприимства.

Вузам, осуществляющим подготовку специалистов в сфере гостеприимства, следует постоянно следить за трендами на рынке труда, чтобы своевременно вносить изменения в рабочие программы учебных дисциплин для формирования у выпускников актуальных компетенций, которые востребованы работодателями. Необходимо также поддерживать тесный контакт с Советом по профессиональным квалификациям в сфере гостеприимства, участвовать в разработке оценочных средств для проведения профессионального экзамена в рамках независимой оценки квалификаций. Такой процесс взаимного обогащения и развития, непосредственной взаимосвязи образования и рынка труда позволит на деле соединить требования бизнеса и результаты обучения, синхронизировать их. Выигрывают от этого не только работодатели и выпускники, как потенциальные работники, но и преподаватели, которые целенаправленно совершенствуют и формируют у самих себя практикоориентированные компетенции, позволяющие реализовать их в процессе подготовки специалистов, востребованных на рынке гостиничных услуг.

Что касается собственно работодателей, то им необходимо выстроить систему внутрифирменного обучения таким образом, чтобы сотрудники повышали квалификацию или осваивали новые компетенции, необходимые для успешной работы в условиях цифровизации процессов, в рамках практикоориентированных дополнительных

профессиональных программ. При этом тематика и направленность таких программ должны определяться как на основе мониторинга рынка труда, так и тесного взаимодействия с вузами, которое как раз и выстраивается через Совет по профессиональным квалификациям в сфере гостеприимства.

Ключевым моментом в процессе управления интеллектуальным потенциалом является проблема накопления и сохранения опыта. Люди приходят в организацию, получают новые компетенции и опыт, а потом уходят в другую организацию и уносят с собой все эти бесценные приобретения. И надо всё начинать сначала: заново учить вновь принятых сотрудников не только профессиональным вопросам, но и вопросам межличностного взаимодействия, корпоративной культуры. Эти вопросы в должностных инструкциях и регламентах не пропишешь. Как сделать так, чтобы опыт работников оставался в организации и после их ухода? На помощь приходит искусственный интеллект, технологии которого позволяют собирать и сохранять не просто информацию и данные, но и рассуждения, эвристические знания сотрудников. Именно они должны лечь в основу разработки обучающих программ с использованием имитационного моделирования. Для этого сегодня появляются всё новые возможности. Конечно же, это требует высокоинтеллектуального персонала, способного выполнять роль инженеров знаний, способных решить задачу накопления опыта в гостиничном предприятии. Наличие таких экспертных систем позволит существенно поднять и качество подготовки в вузах специалистов для сферы гостеприимства.

Вывод: управление интеллектуальным потенциалом организации гостиничного бизнеса представляет собой процесс планирования и организации формирования у персонала интеллектуальных компетенций с применением цифровых технологий и искусственного интеллекта как силами самих работодателей, так и в стенах образовательных организаций посредством их тесного взаимодействия. В качестве посредника в этом взаимодействии следует активно использовать Совет по профессиональным квалификациям в сфере гостеприимства. Такое взаимодействие позволит гостиничным предприятиям достигать стратегического превосходства в условиях

цифровизации национальной экономики, а самим работникам и выпускникам вузов поддерживать высокую конкурентоспособность на рынке труда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Иванов А. М.* Трансформации гостиничного бизнеса в информационно-цифровую эпоху и в условиях пандемии // Диалог культур и цивилизаций: сборник статей II Международной научно-практической конференции. М., 2021. С. 330–336.
- Иванов А. М., Стюхин Д. А.* Синергия стратегического превосходства и наставничества как технология передачи компетенций в качестве инструмента повышения конкурентоспособности высокотехнологичных производств // Экономика высокотехнологичных производств. 2021. Т. 2. № 1. С. 63–79.

УДК 327

Иншаков С. М.

доктор юридических наук, профессор

Московский государственный лингвистический университет

(Москва, Россия)

insmi@yandex.ru

УКРАИНА В ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ТИСКАХ

В ракурсе цивилизационной теории проанализированы история и перспективы Украины. В основу исследовательского метода положена разработанная Н. Я. Данилевским концепция культурно-исторического типа. Специфика украинского этноса определяет параметры цивилизационного потенциала этой страны. Уязвимым элементом украинского общества является национальная элита, которая в силу запредельной коррумпированности ориентирована на реализацию интересов других государств. Этот фактор детерминирует деструктивное направление развития Украины. Значительное внимание уделено перспективам взаимодействия России и Украины.

Ключевые слова: цивилизация; культурно-исторический тип; цивилизационный потенциал, взаимодействие цивилизаций

Inshakov S. M.

Doctor of Law (Dr. habil), Professor

Moscow State Linguistic University

(Moscow, Russia)

insmi@yandex.ru

UKRAINE IN THE GRIP OF CIVILIZATION

From the perspective of civilizational theory the history and prospects of Ukraine are analyzed. The research method is based on the concept of cultural-historical type developed by N. Ya. Danilevsky. The specificity of the Ukrainian ethnos determines the features of the civilizational potential of this country. A vulnerable element of Ukrainian society is the national elite, which, due to its extreme corruption, is focused on realizing the interests of other states. This factor determines the destructive direction of Ukraine's development. Significant attention is paid to the prospects for cooperation between Russia and Ukraine.

Keywords: civilization; cultural-historical type; civilizational potential; cooperation of civilizations

Цивилизационная теория, впервые сформулированная в 1766 году шотландским философом А. Фергюсоном, была очень интересна и весьма значима в плане исследования фаз развития человечества от дикости к цивилизованной жизни [Ferguson, 2012]. Но к числу ее главных недостатков относится скрытый в ее ядре интеллектуальный европоцентризм – европейский образ жизни конституируется как цивилизация, а иные культурные типы как варварство. Европоцентристская идеология стала основой многих войн и колониальных злодеяний. Достаточно иллюстративным в этом отношении является феномен человеческих зоопарков, где в вольерах (наряду с обезьянами и другими дикими животными) содержали представителей неевропейских цивилизаций. Последний человеческий зоопарк существовал в Бельгии до 1958 года.

В плане коррекции этого порока цивилизационной теории весьма значимой оказалась концепция малых цивилизаций нашего соотечественника Н. Я. Данилевского, сформулированная в 1869 году [Данилевский, 2021]. Одна из глав в книге Данилевского называется «Культурно-исторические типы и некоторые законы их движения и развития». Концепция культурно-исторического типа была революционным шагом в развитии цивилизационной теории. Если развивать концепцию Н. Я. Данилевского в современных условиях, то культурно-исторический тип народа можно определить как своеобразие менталитета и образа жизни, формируемое теми историческими условиями, в которых развивалась культура большой совокупности людей, изначально объединенных территориальным контекстом. Теоретически как культурно-исторический тип может быть определен любой народ независимо от масштабов этого феномена. Однако своеобразие культуры народа, компактно проживающего на определенной территории, – это лишь цивилизационный потенциал. Дело в том, что народы, населяющие нашу планету, взаимодействуют между собой. К сожалению, главной формой такого взаимодействия являются войны. Для того чтобы культурно-исторический тип обрел масштабы цивилизации, он должен обладать способностью как минимум отстоять в войнах свою независимость и самобытность, а как максимум – побеждать в войнах другие народы и формировать на этой основе более

масштабное цивилизационное единство. Завоеванные народы могут включаться в цивилизационную общность на условиях победителя или уничтожаться.

В цивилизационном развитии можно выделить три фазы:

- 1) трансформация культурно-исторического типа в цивилизацию;
- 2) поглощение уже сформировавшейся цивилизацией новых народов;
- 3) борьба цивилизаций.

Поглощение цивилизацией иных народов обычно проходит в трех формах:

- 1) завоевание этих народов;
- 2) добровольное вхождение под угрозой уничтожения со стороны третьих субъектов (сецессия Украины и Грузии в состав Российской Империи);
- 3) добровольное заключение союза и вхождение в состав цивилизационного единства на основе стремления народа изменить в определенной мере свою культуру и свой образ жизни (главная установка Украины в последнее десятилетие).

Существует и такой деструктивный этап, как развал цивилизации. Когда цивилизационный центр слабеет, народы, включенные в цивилизационное единство, получают независимость и возможность реализовать собственный цивилизационный потенциал или войти в орбиту иной цивилизации.

Украинский народ формировался под воздействием четырех факторов.

Первый – ассоциация на Днестре беглых крепостных из центральной России (казачество). Эта ассоциация отфильтровывала особый пассионарный слой русского народа. Три фильтра формировали данный культурно-исторический тип:

- 1) бунтарский дух этих людей, неприятие крепостной зависимости, готовность рискнуть всем ради обретения свободы;
- 2) физические данные (ловкость, сила и удачливость), которые позволяли пройти полный опасностей путь к Днестру (большинство беглых погибало), что формировало своего рода феномен искусственного отбора;
- 3) способность вести жизнь воинов.

А это, в свою очередь, формировало презрительное отношение к русским из центральной России, неспособным на такой вызов судьбе. Постепенно это презрение трансформировалось в глубинный элемент украинского архетипа.

Второй фактор – западное влияние (прежде всего польское и католическое). Третий – хуторская жизнь (относительно вольная и относительно зажиточная).

Исторический путь украинского народа был непростым. Непрерывные набеги крымских татар формировали дамоклов меч постоянной угрозы увода украинцев в рабство и разорения хуторских хозяйств (отсюда традиционная любовь украинцев к салу – свинину мусульмане не забирали).

Жестокое подавление культурной и религиозной самобытности украинского народа со стороны Польши проявлялось в возникновении таких глобальных феноменов как униатская церковь (католическая по сущности и православная по форме), а также в череде бытовых неурядиц и драм. Польский шляхтич Чаплинский, например, силой отобрал жену у казачьего полковника Богдана Хмельницкого. Эти обстоятельства сначала спровоцировали антипольское восстание, а затем вынудили украинцев просить защиты у русского царя. Вхождение Украины в состав Российской империи, освоение колоссального массива русской культуры – это четвертый фактор. Этот фактор детерминировал еще один весьма значимый украинский феномен – национальная украинская элита, достигая определенного уровня развития (интеллектуального, политического, культурного), выходила за пределы украинского этноса, поднималась на имперский уровень. Она выхолащивалась, у нее формировалось достаточно негативное качество – стремление преодолеть узкие рамки украинства, внутренняя установка на то чтобы выйти на более высокий уровень (имперский, союзный). Надо признать, что Россия и Советский Союз очень лояльно относились к выдвижению представителей украинской элиты на высший политический уровень. Достаточно отметить, что многими руководителями Советского Союза были украинцы – Н. С. Хрущев, Л. И. Брежнев, К. У. Черненко.

В 1991 году после развала СССР у Украины появился шанс реализовать свой цивилизационный потенциал. На момент выхода из СССР

численность населения Украины составляла 52 млн с ежегодным пятисоттысячным приростом. Если бы цивилизационный потенциал Украины был реализован, сегодня там проживало бы более 70 млн человек.

В 1990 году валовый внутренний продукт Украины превышал аналогичные показатели Китайской Народной Республики. Китайские товарищи приезжали на Украину для того, чтобы учиться развивать научный потенциал страны. Если добавить к этому выходы к незамерзающим морям и самое большое в мире одесское морское пароходство, самый большой в СССР промышленный, научный и военный потенциал (включающий ядерное оружие), богатство полезными ископаемыми, знаменитые на весь мир украинские плодородные земли и почти идеальный климат, то прекрасные цивилизационные перспективы Украины не оставляли никаких сомнений. Достаточно на секунду представить, что всё это Бог подарил бы Северной Корее – скорее всего, в этих условия КНДР стала бы мировой сверхдержавой. А что же Украина? Почему над страной нависает призрак Руины (самого драматичного периода исторического развития страны в XVII веке – аналога нашего смутного времени)?

Исследование украинского феномена XXI века показывает, насколько велика в цивилизационном развитии роль национальных элит. Существует противоречие между огромным цивилизационным потенциалом Украины и внутренней ущербностью украинской элиты, которая от одних выборов к другим регенерирует несостоятельные властные институты, погрязшие в коррупции и ориентированные на интересы других стран.

Украина слишком велика и самобытна чтобы войти в западную цивилизацию. Исторический анализ позволяет увидеть сложную закономерность развития этого народа, которая формируется под воздействием следующих факторов:

- ✓ тяга украинцев к «самостийности», которая периодически трансформируется в русофобию, полонофобию, антисемитизм и войну всех против всех («руину»);
- ✓ стремление верхних слоев украинского общества войти в состав западной цивилизации;

- ✓ потребительское восприятие Украины Западом (как минимум в качестве поставщика дешевой рабочей силы, как максимум в качестве агрессивного геополитического инструмента, позволяющего Западу вести войну с Россией до последнего украинца);
- ✓ комплементарность русского народа (предоставление защиты в критические периоды, создание благоприятных условий для развития, беспрепятственное включение украинцев в состав российской элиты).

Российско-украинская комплементарность – феномен, заслуживающий глубокого исследования. Во-первых, потому что его природа не до конца ясна. Непонятно, чем украинцы заслужили такое отношение. Тем более удивительно оно на фоне встречной украино-российской некомплементарности. Во-вторых, эта загадочная комплементарность имела результатом утрату значительного массива русских земель, переданных в дар Украине – после вхождения в состав России (а позднее – в состав СССР) территория Украины увеличилась более чем в 10 раз. При этом такие подарки не уменьшали украинского негативизма к так называемым старшим братьям. Более того, переданные Украине территории украинцы стали обустривать как враждебные плацдармы для войны против России. Распутывание этих парадоксальных противоречий, вероятно, является важнейшим условием нормализации отношений между нашими народами.

Проведенный анализ показывает, где украинцам следует искать благоприятные условия для развития. А предательство национальных элит диктует украинскому народу непростой выбор: смести с политической арены коррумпированных национал-предателей (опираясь на помощь русского народа) или все глубже погружаться в хаос и деструкцию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Данилевский Н. Я.* Россия и Европа. М. : Родина, 2021.
Ferguson A. An Essay on the History of Civil Society. Cambridge, 2012.

УДК 930

Кананерова Е. Н.

кандидат исторических наук

Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Россия)

ekananerova@yandex.ru

ПОСЛЕВОЕННАЯ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ В ЗАПАДНЫХ РАЙОНАХ БССР

Объект исследования представленной статьи – проблема послевоенной коллективизации в СССР, предмет – коллективизация крестьянских хозяйств в западных районах Белорусской Советской Социалистической Республики. Исследование данной проблемы представляется весьма актуальным в связи с нарастающими противоречиями на постсоветском пространстве, основой для которых является тенденциозная интерпретация событий советской истории. Теоретической основой проведенного исследования стали достижения историков научной школы В. П. Данилова, связанные с изучением довоенной коллективизации 1930-х годов. Это обуславливает новизну представленного научного исследования.

Ключевые слова: западные области Белорусской Советской Социалистической Республики; аграрная реформа; коллективизация; кулак; «раскулачивания»; крестьянское сопротивление; политотделы МТС

Kananerova E. N.

PhD (History)

Moscow State Linguistic University
(Moscow, Russia)

ekananerova@yandex.ru

POST-WAR COLLECTIVIZATION IN THE WESTERN REGIONS OF THE BSSR

The object of the study is the problem of post-war collectivization in the USSR. The subject is collectivization in the western regions of the Belarusian Soviet Socialist Republic. The relevance of the study is determined by the fact that at the present stage, contradictions are growing in the post-Soviet space, the breeding ground for which is the tendentious use of facts from the history of the USSR. The theoretical basis of the research was the achievements of historians of the scientific school of V. P. Danilov, related to the study of the pre-war collectivization of the 1930s. This determines the novelty of the presented scientific research.

Keywords: western regions of the Belarusian Soviet Socialist Republic; agrarian reform; collectivization; kulak; “dekulakization”; peasant resistance; political departments of the MTS

Проблема коллективизации в СССР в отечественной историографии исследована достаточно полно. Но изучение вопроса коллективизации западных республик и районов, включенных в состав СССР, в том числе западных районов Белорусской Советской Социалистической Республики (*далее* – БССР), с современных научных позиций еще только предстоит [Кананерова, 2017, с. 45].

Целью проведенного нами исследования стало выявление закономерностей коллективизации в западных районах БССР. Новизна исследования заключается в том, что автор стремится проанализировать проведение коллективизации в западных районах БССР, обращаясь при этом к научной традиции, заложенной в 1990–2000 годах исследователями научной школы В. П. Даниловым при рассмотрении проблем коллективизации 1930-х годов.

Западная Белоруссия, составлявшая практически треть всей БССР с населением около четырех млн человек, вошла в состав БССР в сентябре 1939 года. Основной предпосылкой присоединения западных районов к БССР было народное сопротивление капиталистической эксплуатации, которое к 1939 году стало и антивоенным [Судебный процесс по делу ... 2010].

Советское руководство сразу начало проводить политику строительства колхозов. Вначале для организации колхозов власти использовали раздел земли помещиков между крестьянами, меры по увеличению продуктивности крестьянских хозяйств с помощью снабжения колхозов техникой, улучшение агротехники и организовывали помощь ветеринаров, кредитовали крестьян, выдавали лесоматериал на льготных условиях. Основной целью было заинтересовать крестьян за счет демонстрации преимуществ жизни в колхозах. Кроме того, предпринимались попытки изменения культурной жизни в сельской местности. В деревнях организовывалась медицинская помощь, проводилась просветительская политическая работа.

В довоенной Западной Белоруссии в 1940 году было организовано 430 колхозов. В 1941 году число колхозов значительно увеличилось и составляло 1 115. Кроме того, местные власти смогли организовать 101 машинно-тракторную станцию (*далее* – МТС), число тракторов в которых достигало без малого семь тыс. единиц. Статистических

сведений, свидетельствующих о росте благосостояния колхозников, автору найти не удалось [Залесский, 1958].

Известно, что германские оккупанты разорвали колхозы на захваченных территориях. Немецкий закон 1942 года предполагал, что на захваченных советских территориях, наряду с хозяйствами индивидуальных крестьян, сохранялись товарищества и колхозы. Такая политика обостряла проблему малоземелья в западнобелорусской деревне. Колхозы, вопреки немецкой агитации, не распускались, а объявлялись частью экономики рейха, основной задачей которой было обеспечение немецкой армии продовольствием¹. Самим же колхозникам оставалось владеть жалкое существование в условиях жестокого принуждения и регулярного изъятия всего произведенного ими продукта [Неделин, 1951].

По сельскому хозяйству всего Советского Союза тяжелый удар нанесла Великая Отечественная война. Так, площади, занятые посевами, сократились и в 1945 году составили 113,8 млн га против 150 млн га в довоенном 1940 году. Военные потери стали причиной уменьшения числа колхозников, в первую очередь мужчин. Особенно ощутимыми оказались потери квалифицированных работников в колхозах и МТС (более чем вдвое). Кроме того, значительно сократилось поголовье скота. В 1946 году численность свиней составляла лишь треть, а лошадей и коров – половину от довоенного уровня (1941 год). Тяжелый удар был нанесен и по производственным мощностям МТС. Именно поэтому в 1946 году МТС выполняли вдвое меньший объем работ в сравнении с довоенным уровнем. Наиболее сложной была ситуация в сельском хозяйстве в западных районах БССР, УССР и в прибалтийских республиках, присоединившихся к СССР непосредственно в предвоенные годы. В БССР было засеяно лишь 63 % земель от довоенного уровня [Экономика Советской Белоруссии ... 1967, с. 309].

Основную роль в реконструкции советских аграрных отношений и восстановлении сельского хозяйства в Западной Белоруссии выполняла коммунистическая партия. Документы государства и партии

¹ 50 лет воссоединения Западной Белоруссии с Белорусской ССР в составе Союза советских социалистических республик / Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции. 25–26 октября 1989.

свидетельствуют о низком проценте колхозов, организованных на добровольной основе. До Великой Отечественной войны темпы коллективизации составляли лишь 6,7 % [Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам, 1968, с. 273]. Несмотря на утверждение о добровольном характере коллективизации, она проводилась государством как и в 1930-х годах – «сверху», о чем говорят невысокие темпы организации колхозов до того, как началась массовая коллективизация [Экономика Советской Белоруссии ... 1967, с. 341].

Одним из основных методов агитации были массовые крестьянские экскурсии единоличников и колхозников из западных областей Белорусской Советской Социалистической Республики в колхозы восточной Белоруссии, где они были организованы и эффективно работали еще до ВОВ¹.

Советское правительство оказывало помощь западным районам БССР, наряду с другими особенно пострадавшими регионами. 130 тыс. крестьянских хозяйств были наделены дополнительно 380 тыс. га земли. Правительство также выдало ссуды в виде семян, кредиты на приобретение скота, инвентаря и восстановление жилья на длительный срок. Жители сельской местности были освобождены от налогов. В БССР дополнительно поставляли керосин для техники и освещения, продукты питания, лекарственные препараты, ткани, обувь и одежду, т. е. товары, в которых население освобожденных регионов нуждалось в первую очередь.

В Западной Белоруссии в силу нехватки техники в МТС были возрождены МКП – машинно-конные прокаты, экспериментальные участки для развития агрономической помощи крестьянским хозяйствам, обучающие занятия по ветеринарному делу и агротехнике, а также начали проводить экскурсии в колхозы восточных районов Белорусской Советской Социалистической Республики, созданных в довоенный период. В Западной Белоруссии не была распространена сельскохозяйственная кооперация. В 1946 году возрожденные колхозы получили 1,3 млн руб., а отдельные колхозники – 550 тыс. руб.

¹ 50 лет воссоединения Западной Белоруссии с Белорусской ССР в составе Союза советских социалистических республик / Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции. 25–26 октября 1989.

Коллективизация сталкивалась с такими трудностями, как сопротивление кулаков и буржуазно-националистического подполья, особенности индивидуалистической крестьянской психологии, хуторская система землепользования, слабое развитие сельскохозяйственной техники, недостаток семян и квалифицированных технических кадров, послевоенное разорение и острый недостаток ресурсов в СССР. Существовали и трудности коллективизации, характерные для Западной Белоруссии.

Рассмотренные выше факты свидетельствуют о том, что предпосылки коллективизации были в основном политическими, а не экономическими. Важнейшей среди предпосылок стала организованная государством помощь и послевоенная реконструкция хозяйства на территориях, подвергшихся оккупации. Кроме того, советское правительство направляло усилия на восстановление нормальной работы партийных и советских государственных органов. Важнейшим направлением работы становилось восстановление численности квалифицированных кадров колхозов и МТС. После окончания Великой Отечественной войны всё еще остро стоял вопрос борьбы с националистическим подпольем. До начала массового этапа коллективизации в отношении кулаков проводились мероприятия, направленные на ослабление их влияния на крестьян. Основными методами этой работы стали экономические ограничения (в том числе налоговые) и вытеснение кулаков из колхозов. Немаловажным аспектом этой работы стала деятельность местных партийных работников по формированию и постепенному увеличению политической грамотности и сознательности крестьян, вступающих в колхозы. Несмотря на то что большинство предпосылок носило политический характер, существовали и экономические. В частности, государство отправляло в Западную Белоруссию и другие вновь присоединенные регионы значительную часть техники для того, чтобы поддержать молодые колхозы и продемонстрировать местным крестьянам преимущества колхозного хозяйства перед индивидуалистическим. Зачастую государство делало это в ущерб колхозам РСФСР, Восточной Белоруссии, Украины, Молдавии, отправляя дефицитную технику именно в западные области и районы. Дополнительной помощью формирующимся колхозам

стала отправка в сельскую местность Западной Белоруссии технических специалистов и организация их обучения внутри республики [Белязо, 1984].

XIX февральский республиканский съезд партии постановил активизировать организационно-хозяйственную деятельность, направленную на укрепление колхозов, что стало началом массовой коллективизации. В довоенной Западной Белоруссии число колхозов составляло 6,7 % всех крестьянских хозяйств. После ВОВ создание колхозов шло крайне медленно. К началу 1948 года было коллективизировано 1,2 %, к началу 1949 – 6,8 % (то есть был достигнут уровень 1940 года). Медленными темпами двигалась коллективизация и в Эстонской ССР, где до начала массового этапа было коллективизировано 5,8 % крестьянских хозяйств, в Литовской ССР аналогичный показатель составлял 3,9 %. Это свидетельствует о значительном отставании от темпов коллективизации в Западной Украине (41,2 %). Осенью 1949 года с началом массовой коллективизации в Западной Белоруссии было коллективизировано 39,3 % хозяйств, а по данным на весну 1950 года – 50 %. Коллективизация в западных областях и республиках СССР завершилась окончательно в 1950 году. Однако Западная Белоруссия была единственным регионом, где коллективизация завершилась в конце 1953 года, (95 % коллективизированных хозяйств) [Материалы XXVII съезда ... 1971, с. 231].

Среди причин отставания западных областей Белоруссии в темпах коллективизации выделим основные: слабая агитационная работа, ошибки сотрудников партийных и государственных органов при организации колхозов, нарушение принципа добровольности и ленинского кооперативного плана, низкие темпы обобществления средств производства, «перегибы и извращения в проведении политики партии, которые были в отдельных районах» [Белязо, 1984, с. 71].

Особая роль в коллективизации принадлежала политотделам МТС. Данные органы власти были организованы в процессе массового этапа коллективизации в 1949 – начале 1950-х годов в ходе проведения коллективизации в Западной Белоруссии. Функции и деятельность политотделов МТС была аналогична работе политотделов МТС 1930-х годов. Их функции заключались в укреплении руководства

МТС и усилении их роли в организации колхозов, обеспечении активности колхозников в трудовом и политическом плане для большей производительности труда. Несмотря на значительную помощь братских советских республик, уже прошедших социалистическую реконструкцию сельского хозяйства в 1930-х годах, было очевидно, что распространить колхозную систему на западные районы и области экономическими методами невозможно. Именно поэтому потребовались чрезвычайные органы, наделенные особыми полномочиями [Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам, 1968, с. 398–399].

Коллективизация сельского хозяйства в Западной Белоруссии встречала сопротивление среди крестьян. В довоенный период мы можем выделить следующие методы борьбы кулаков: антиколхозная пропаганда и агитация среди крестьян-единоличников, препятствование проведению аграрной реформы (например, утаивание настоящего размера принадлежащих им земель, убой или продажа скота перед вступлением в колхоз и др.), угрозы, нападения и физическая расправа с колхозниками, активистами, партийными работниками, комсомольцами, членами земельных комиссий, попытки уклониться от поставок сельхозпродуктов или выплаты установленных государством налогов, поджог и намеренная порча колхозного имущества (подрыв колхозов изнутри).

Западная Белоруссия не отличалась сильным кулацким сопротивлением до начала Великой Отечественной войны. Причинами этого были мощная освободительная борьба 1939 года и продуманная социально-экономическая деятельность советских партийных и государственных органов власти [Материалы XXVII съезда ... 1975, с. 354]. После завершения Великой Отечественной войны сопротивление массовой коллективизации, как и в большинстве западных областей и республик, было тесно связано с деятельностью националистического подполья [Судебный процесс по делу ... 2010].

Основными методами борьбы с кулаками в Западной Белоруссии до начала массовой коллективизации были экономические меры: ограничение, вытеснение (увеличение налогового бремени и повышенные поставки продовольствия) и уголовное преследование злостных

неплательщиков. Кулакам не запрещалось нанимать работников, их не лишали избирательных прав. Но с началом массовой коллективизации государство начало в своей деятельности ориентироваться на меры, направленные на ликвидацию кулачества как класса. На наш взгляд, тот факт, что против кулаков не использовали жестких мер, свидетельствует о малочисленности и слабости кулаков [Белязо, с. 376].

В 1939–1940 годах около 10 % населения западнобелорусского региона было выселено, но нам не удалось установить, скольких из них можно отнести к кулакам. Этот вопрос необходимо изучить с современных исторических позиций [Материалы XXVII съезда ... 1971].

Завершая рассмотрение коллективизации в Западной Белоруссии, отметим, что в 1951–1953 годах урожайность зерновых, картофеля, количество полученного в колхозах молока стали ощутимо ниже по сравнению с показателями 1950 года. Ситуация в совхозах была несколько лучше в силу их более высокой технической оснащённости. Благополучие колхозников оставалось невысоким по причине низких закупочных цен на продукцию сельского хозяйства. Это означало, что при организации колхозов ленинский принцип материальной заинтересованности колхозников не соблюдался. Закупочные цены были повышены лишь после пленума ЦК КПСС в сентябре 1953 года. [Белязо, 1984, с. 375].

Подведем основные итоги. Мы установили, что предпосылками коллективизации стали следующие события. Во-первых, районы Западной Белоруссии вошли в состав СССР. Во-вторых, деятельность партии и советского правительства играли исключительную роль в послевоенном восстановлении народного хозяйства и социалистической реконструкции сельского хозяйства, а также укреплении колхозов с точки зрения их организационного и хозяйственного укрепления и роста. В-третьих, в отличие от других западных районов и республик, кооперация в западных областях Белоруссии не играла значительной роли в силу ее неразвитости. Таким образом, основные предпосылки коллективизации были политическими. Особую роль в коллективизации играли политотделы МТС.

Предпосылками коллективизации стали вхождение западных областей в БССР, роль государства и партии в послевоенном восстанов-

лении, организационно-хозяйственном укреплении колхозов. Роль кооперации в западных областях Белоруссии была незначительной в силу ее неразвитости. Таким образом, основные предпосылки коллективизации были политическими. Особую роль в коллективизации играли политотделы МТС.

Завершающий этап коллективизации в западнобелорусском регионе и других западных районах и республиках развивался в рамках схожих закономерностей. Колхозное строительство шло одинаковыми темпами. Массовая коллективизация последовала за периодом хозяйственного восстановления после Великой Отечественной войны. Сложности проведения коллективизации были связаны с долгим периодом преобладания психологии крестьянского индивидуализма. Важнейшим фактором послевоенной коллективизации стала материальная и организационная поддержка, а также опыт создания колхозной системы в 1930-х годах. Послевоенная коллективизация не была связана с разнообразными формами коллективного хозяйства. Напротив, единственным вариантом являлась сельскохозяйственная артель. Послевоенная коллективизация проходила в одном темпе по восходящей линии, без задержек и спадов [Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам, 1968].

В Западной Белоруссии кооперация не играла значительной роли; а темпы коллективизации существенно отставали от других западных областей и республик¹. В целом этапы проведения коллективизации в Западной Белоруссии аналогичны другим западным областям и республикам.

В исследовании коллективизации в Западной Белоруссии остаются малоизученные аспекты, среди которых основными, на наш взгляд, являются установление численности кулаков, методов ликвидации кулачества как класса, установление объективных причин трудностей коллективизации, главной причины укрупнения колхозов. Перечисленные проблемы нуждаются в изучении на базе современных исторических концепций.

¹ 50 лет воссоединения Западной Белоруссии с Белорусской ССР в составе Союза советских социалистических республик / Тезисы докладов и сообщений научно-практической конференции. 25–26 октября 1989.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Белязо Е. П.* Крестьянство советской Белоруссии в борьбе за восстановление и развитие сельского хозяйства (1943–1960 гг.): дис. ... докт ист. наук. Минск, 1984.
- Залеский А. И.* Из истории колхозов в партизанских районах Белоруссии // История СССР. 1958. № 4. С. 78–97.
- Кананерова Е. Н.* Развитие отечественной аграрной историографии в XX веке // Вестник Екатеринбургского института. 2017. № 3 (39). С. 44–49.
- Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Белоруссии. Минск, 1971.
- Неделин С.* Социалистическое сельское хозяйство и пути его дальнейшего развития. М., 1951.
- Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сб. док. за 50 лет: в 5 т. / сост. К. У. Черненко, М. С. Смиртюков. Т. 3. 1941–1952 гг. М. : Политиздат, 1968.
- Судебный процесс по делу о злодеяниях, совершенных немецко-фашистскими захватчиками в Белорусской ССР (15–29 января 1946 года) / М-во юстиции Респ. Беларусь. Минск: Ред. журн. «Юстиция Беларуси», 2010.
- Экономика Советской Белоруссии, 1917–1967 / отв. ред. Ф. С. Мартинкевич. Минск, 1967.

УДК 291.14

Каюмов А. Т.

доктор философских наук, профессор

Московский государственный лингвистический университет

(Москва, Россия)

atkayum@gmail.com

К ПРОБЛЕМЕ РОЛИ РЕЛИГИИ КАК ФАКТОРА РЕГУЛЯЦИИ И СТАБИЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ (НА ПРИМЕРЕ ИСЛАМА)

Статья посвящена постановке и изучению основных проблем, связанных с особенностью ислама как религии, регулирующей и стабилизирующей социально-экономическую и политическую жизнь общества. В условиях кризисных ситуаций, складывающихся в современном мире, востребованность религии и ее роль резко возрастают. Религия начинает пронизывать все сферы общественной жизни и становится важнейшим регуляционным фактором социальных процессов. Именно в этом контексте огромный интерес представляет феномен ислама.

Ключевые слова: религия; откровение; ислам; государственно-конфессиональные отношения; умма; этнорелигиозный конфликт

Kayumov A. T.

Doctor of Philosophy (Dr. habil), Professor,

Moscow State Linguistic University

(Moscow, Russia)

atkayum@gmail.com

ON THE PROBLEM OF THE ROLE OF RELIGION AS A FACTOR OF REGULATION AND STABILIZATION OF SOCIAL PROCESSES (BY THE EXAMPLE OF ISLAM)

The article is aimed at addressing and studying of the main problems associated with the peculiarity of Islam as a religion that regulates and stabilizes the socio-economic and political life of society. In the context of crisis situations emerging in the modern world, the demand for religion and its role are increasing dramatically. Religion starts to permeate all spheres of public life, and it becomes the most important regulatory and stabilizing factor in social processes. It is in this context that the phenomenon of Islam is of great interest.

Keywords: religion; revelation; Islam; state-confessional relations; Ummah; ethno-religious conflict

Проблема места, роли и значения религии в обществе требует глубокого и системного исследования. Религия оказывает мощное влияние на культуру, политику, экономику. Религиозное сознание и культура, формировавшиеся на заре человеческой истории, стали прочным фундаментом современных цивилизаций. Такое же мнение в своих исследованиях по проблемам взаимоотношений религии и современного общества высказывал английский философ и культуролог А. Д. Тойнби.

Современные вызовы и угрозы повышают ценность и актуальность исследования. Анализ и изучение данной проблемы создают устойчивую основу для развития и укрепления государственно-конфессиональных отношений, связей между религиозными и различными социальными институтами, формируют условия, направленные на налаживание тесного межконфессионального сотрудничества, воспитание толерантности, мотивируют ученых, религиоведов и теологов на совместные исследовательские проекты. Поэтому необходимо отметить, что не нужно строить искусственные барьеры между светскими учеными и теологами.

Постановка проблемы в такой формулировке, как «К проблеме роли религии как фактора регуляции и стабилизации социальных процессов (на примере ислама)», усиливает ее актуальность в условиях борьбы с угрозами международной безопасности, терроризма, а также с огульными обвинениями в адрес ислама как идеологии террористов. Здесь очень много негативного, наносного, приводящего к разрушению межконфессионального согласия, мира и стабильности. Ислам как религия не имеет ничего общего с терроризмом. В Коране утверждается принцип «в религии нет принуждения».

Следует еще раз подчеркнуть, что данная тема, ставящая эти проблемы, служит фундаментом для развития и укрепления государственно-конфессиональных отношений, является объектом, мотивирующим научные и теологические исследования, который требует метапредметного глубокого и системного анализа и изучения. Совместные исследования ученых различных наук, независимо от их конфессиональной принадлежности, и теологов будут иметь огромное как научное, так и практическое значение в изучении социальных

процессов, происходящих как в российском обществе, так и в международном масштабе, а также в практической реализации проектов, направленных на их стабилизацию для сохранения безопасности, комфорта и общественного диалога, укрепления и развития государственно-конфессиональных отношений в России и в мире.

Ислам исторически сформировался как религия, регулирующая все стороны и сферы общественной жизни (социальную, экономическую, правовую, семейно-брачную, нравственно-этическую и др.), в этом заключается его особенность. В рамках одной статьи или доклада невозможно охватить все эти стороны общественной жизни, и они требуют, как уже было подчеркнуто, дальнейшего более глубокого анализа и исследования. Поэтому в этой статье ограничимся лишь постановкой основных значимых научных проблем и их рассмотрением, которые должны исследоваться при изучении данной проблемной темы. Они, на наш взгляд, будучи глобальными и метапредметными, станут полем интересных научных и теологических дискуссий, дискурсов ученых.

Первая проблема связана с историей появления ислама. Ответим на вопрос, где и как, в какое время возник ислам, какой исторический путь он прошел.

По установившейся традиционной квалификации выделяются три авраамические религии, они еще называются религиями откровения (Авраам, 1812–1637 гг. до н. э., Моисей, XIII век до н. э., Иисус Христос, первая половина I века н. э., Мухаммад, 570–632 годы н. э.). Здесь, на наш взгляд, можно не соглашаться с понятием религии, так как в монотеизме Бог у всех Один и Он Един. Все три откровения ниспосланы пророкам от единого Всевышнего в разное время. Поэтому мы считаем, что целесообразно понятие «религия» заменить на термин «конфессия», который в переводе с латыни означает исповедование или вероисповедание. Конфессия определяется как особенность вероисповедания в пределах определенного религиозного учения, а также объединение верующих, придерживающихся этого вероисповедания (<https://azbyka.ru/konfessiya>).

Итак, говоря об особенности ислама в контексте нашей темы, надо обратиться к его историческим истокам, к условиям и особенностям

жизни того народа, которому это откровение было ниспослано, то есть арабов. По мнению большинства известных мировых ученых-исламоведов, ислам был продолжением веры в единого, всемогущего Всевышнего, которому уже поклонялись соседние и родственные арабам иудейские племена, а также другие племена – почитатели Иисуса Христа. Поэтому Мухаммад никогда не ставил свою веру выше или исключительнее других. В этот период среди арабских племен социальная справедливость становится ключевой добродетелью. Мусульманам в качестве первостепенной обязанности вменяется построение такой общины (*умма*), где реализуются все общечеловеческие ценности, предопределенные Аллахом, и *мусульманам* (верующим) необходимо прилагать усилия (*джихад*) по направлению жизни по такому божественному пути. Поэтому политическое, экономическое и социальное благополучие уммы имеет для мусульман священную ценность [Каюмов, 2013].

Если умма процветает, это знак того, что мусульмане на пути создания истинно исламского общества.

Однако со временем, с распространением ислама далеко за пределы Ближнего и Среднего Востока, Центральной Азии и части Закавказья, на Северную, частично Восточную и Западную Африку, на ряд стран Юго-Восточной Азии, произошли очень глубокие исторические изменения в арабском, в исламском обществе. Параллельно с ними имели место трансформации в роли ислама как регулирующей и стабилизирующей социальные процессы в общественной жизни людей.

Но эта огромная проблема сама требует широкого научного анализа и изучения.

Вторая большая проблема в контексте нашей темы лежит в плоскости отношений «человек – вера, вера – человек». Встает вопрос, в чем причины глобального раскола веры даже на примере «религий откровения». Разрешая эту проблему, данное противоречие, мы придем к преодолению этнорелигиозных конфликтов, к миру (ислам и мир – однокоренные слова) и утвердим принцип действительной толерантности, межконфессионального мира, согласия и сотрудничества.

В большей степени данная проблема связана с философской рефлексией, затрагивает, прежде всего, экзистенциальные вопросы:

Я-бытие, человеческий феномен М. Хайдеггера, одухотворенное бытие Н. Бердяева, учение С. Кьеркегора о религиозном человеке и т. д. С точки зрения экзистенциализма на эту проблему иначе поворачивается соотношение человека и Бога. В пограничной ситуации человек оказывается одиноким во Вселенной, и он жаждет Бога. Религиозное переживание состоит в том, что Бог выступает не как устроитель объективной Вселенной, нечто вроде великого Часовщика, а как единственное, помимо данного человека, живое существо в мире, во Вселенной.

Третья проблема связана с мусульманским правом – шариатом, и его учением. Шариат содержит нормы государственного, наследственного, уголовного и брачно-семейного права. Здесь требуется детальное объективное и беспристрастное изучение в контексте темы с использованием, в особенности, темпорального и компаративного методов исследования. Нормы шариата, с одной стороны, регулировали общественные отношения, а с другой – определяли отношения мусульман с Аллахом (*ибадат*). Как конфессиональное право шариат отличался от канонического права в странах Европы в том отношении, что он не регулировал строго очерченные сферы общественной и церковной жизни, а выступал в качестве всеохватывающей и всеобъемлющей нормативной системы, утвердившейся в целом в мусульманских странах.

Всё это должно стать предметом совместных исследований светских и мусульманских правоведов (*факихов*). Вызывает большой научный интерес, например, источник права кияс, который предполагает решение правовых дел по аналогии. Кияс не только позволял быстро урегулировать новые общественные отношения, но и способствовал освобождению шариата в целом ряде моментов от теологического налета. Таким образом, со временем могли меняться и приниматься новые не только светские, но и мусульманские законы. В целом в законах шариата тоже присутствует «человеческий фактор», хотя они имеют божественную силу, и в результате образуется такое интересное «диалектическое сочетание».

Научное сотрудничество религиозных и светских правоведов создаст благоприятные условия для дальнейшего развития как светского, так и мусульманского законодательства и обмена опытом между ними.

Четвертая проблема носит теологический характер и связана с внутренним анализом, внутрирелигиозным поиском, трактовкой догматики и учений и рассмотрением ислама как неотъемлемой части человеческого существования, бытия. Изменения и трансформации происходят во всех сферах человеческой жизни. С каждым последующим этапом развития мы по-новому осмысливаем и открываем для себя тексты Священного писания, где по утверждению авторитетнейших ученых и теологов с мировой известностью зашифрованы и закодированы огромные знания, которые мы можем получить, объединив усилия, аналитические возможности современных ученых и теологов, достижения современных научных знаний. На сегодняшний день разгадано всего лишь восемь процентов информации канонического текста. Примером могут служить научные идеи, мысли и открытия известного канадского эмбриолога лауреата Нобелевской премии К. Л. Мура (<https://www.islamnews.ru/news-evrejskij-uchenyj-prinyal-islam-izuchiv-koran/>).

Таким образом, те основные значимые проблемы (хотя круг этих проблем не очерчивается только обозначенными, их гораздо больше), которые были подняты и рассмотрены, свидетельствуют о том, что роль ислама в регуляции и стабилизации общественной жизни огромна и требует своего изучения и осмысления. В этом его особенность и научная привлекательность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Каюмов А. Т. Ислам как инструмент и фактор стабилизации общества: историко-философский анализ // Роль ислама в стабилизации социальных процессов: сборник статей Республиканской научно-практической конференции. Набережные Челны, 2013. С. 10–12.

УДК: 372.881.111.1

Киктева К. С.

кандидат педагогических наук

Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Россия)

ksenia-kikteva@yandex.ru

ПРОИЗВЕДЕНИЯ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИХ ПЕРЕВОДЫ КАК МЕТОДИЧЕСКИЙ РЕСУРС

В статье рассматриваются различные варианты соотношения известных литературных произведений англоязычных авторов и их переводов. Анализируются англоязычные и русскоязычные тексты произведений как методический ресурс, который можно использовать в обучении студентов неязыковых специальностей. Возможности использования рассматриваемых текстов предполагают разработку двуязычных заданий на сопоставление оригинала и различных вариантов перевода.

Ключевые слова: перевод; оригинал; методический ресурс; студенты неязыковых специальностей; двуязычные задания

Kikteva K. S.

PhD (Pedagogy)

Moscow State Linguistic University
(Moscow, Russia)

ksenia-kikteva@yandex.ru

BOOKS WRITTEN IN ENGLISH AND THEIR RUSSIAN TRANSLATIONS AS A TEACHING RESOURCE

The article considers various variants of the correlation of well-known literary works of English-speaking authors and their translations. The English-language and Russian-language texts of works are analyzed as a methodological resource that can be used in teaching students of non-linguistic specialties. The possibilities of using the texts under consideration involve the development of bilingual tasks for comparing the original and various translation options.

Keywords: translation; original text; teaching resource; students of non-linguistic faculties; bilingual tasks

Большое количество переводной литературы, созданной зарубежными, преимущественно англоязычными авторами, доступно сегодня широкому кругу читателей. При этом появляются переводы не только книг, написанных недавно. Иногда переводчики вновь возвращаются к тому, что стало уже классикой и было не раз переведено, стремясь вновь и вновь переосмыслить значительные произведения, предложить более актуальные и современные переводы и по-своему решить трудные переводческие задачи, которые когда-то поставил перед переводчиком как культурным посредником оригинал. В то же время есть и такие англоязычные произведения, которые только ждут своих переводчиков.

Использование перевода в той или иной форме в обучении иностранным языкам, само присутствие родного языка на занятиях всегда было актуальным методическим вопросом. Если вспомнить историю методики обучения иностранным языкам, то можно сразу же назвать грамматико-переводной метод, господствовавший в отечественной методике в XVIII–XIX веках и основанный на изучении структуры и системы языка и собственно на переводе, часто дословном, текстов и предложений с родного языка на иностранный [Шукин, 2008, с. 66]. В дальнейшем в методике происходили своего рода колебания: от полного отказа от использования перевода в обучении (переход от грамматико-переводного метода к прямым методам (собственно прямой, аудиовизуальный, аудиолингвальный методы [там же, с. 253]), вообще не предполагавшие использования родного языка) до включения его в той или иной степени в учебный процесс (здесь в качестве примера можно привести сознательные методы обучения [там же, с. 315]).

С появлением на российском книжном рынке большого разнообразия как отечественных, так и зарубежных учебников и учебных пособий учителя и преподаватели иностранных языков могут самостоятельно сделать выбор в пользу того или иного варианта включения перевода в учебный процесс, тем более, что использование перевода может быть просто необходимо, если речь идет о сопоставлении родной культуры и культуры стран изучаемого языка. Обучение различным видам перевода является неотъемлемой частью подготовки

преподавателей и переводчиков на языковых факультетах университетов.

В данной статье мы на конкретных примерах продемонстрируем, что оригинальные тексты и их переводы на русский язык могут использоваться в обучении студентов, получающих образование по ряду неязыковых специальностей.

Рассмотрим, как могут соотноситься оригинальные англоязычные литературные произведения и их переводы. Первый вариант: оригинал становится источником для новых произведений на другом языке, каковыми являются пересказы и различного рода переложения. Здесь можно привести несколько примеров. Классический пример – это «Приключения Пиноккио. История деревянной куклы» (1881) Карло Коллоди и литературная обработка итальянской сказки «Золотой ключик, или Приключения Буратино» (1936) А. Н. Толстого. Однако в этой статье мы говорим об англоязычных произведениях, поэтому остановимся подробнее на другом примере. Это «Удивительный волшебник из страны Оз» (1900) американского писателя Л. Ф. Баума, всемирно известная книга о приключениях Дороти и трех ее друзей. Советский писатель А. М. Волков, изучавший английский язык и в качестве одного из домашних заданий читавший и переводивший сказу Л. Ф. Баума, создал «Волшебника Изумрудного города» (1959) как пересказ оригинальной книги. А. М. Волков так говорил о получившемся у него произведении: «Я значительно сократил книгу, выжал из нее воду, <...>, написал новые главы, ввел новых героев. <...> Две главы, замедляющие действие и прямо не связанные с сюжетом, я выбросил. Затемноу написаны главы «Элли в плену у людоеда», «Наводнение» и «В поисках друзей». Во всех остальных главах сделаны более или менее значительные вставки...» (<https://www.shkolazhizni.ru/culture/articles/56183/>).

Интересно, что и оригинал, и перевод (точнее, пересказ) породили каждый свою вселенную: помимо «Удивительного волшебника из страны Оз», Л. Ф. Баум написал еще четырнадцать книг о Дороти и ее друзьях. А. М. Волков после «Волшебника Изумрудного города» – еще шесть книг, причем в трех последних главная героиня уже не Элли, а ее младшая сестра Энни. С каждой новой книгой А. М. Волков

отходит от «первоисточника» всё дальше, создавая совершенно самобытные, специфичные именно для российской (советской) культуры произведения, в которых отражаются соответствующие ценности, в частности патриотизм и взаимовыручка, доходящая до самоотверженности, в противовес индивидуализму и предприимчивости, свойственным героям Л. Ф. Баума.

Со вторым вариантом соотношения оригинала и перевода мы встречаемся тогда, когда у одного произведения есть несколько разных переводов, которые отстоят друг от друга достаточно далеко по времени создания или, наоборот, появились практически одновременно. Отдаленные друг от друга по времени создания переводы – это, конечно, многочисленные русскоязычные версии «Алисы в Стране чудес» (1865) Л. Кэрролла. «Алиса в Стране чудес» – очень трудное для перевода произведение, изобилующее каламбурами, лингвистической игрой, историческими, литературными и даже математическими ассоциациями, что многократно усложняет задачу переводчика, который должен соблюсти тонкую грань между буквализмом с одной стороны и полной русификацией – с другой. И всё же, несмотря на все трудности, а возможно, и благодаря им, было предпринято немало попыток перевода «Алисы в Стране чудес».

Первые переводы появились еще в XIX веке, среди них – «Соня в царстве дива» (1879), в котором все английские реалии были заменены на российские, и, таким образом, дух оригинала был полностью утрачен. Еще один известный ранний перевод – это версия В. Набокова «Аня в стране чудес» (1923), в которой переводчик также пошел по пути адаптации, при этом наиболее удачно были адаптированы для русскоязычного читателя стихотворные пародии. Из выполненных в советское время наиболее известны переводы Н. Демуровой «Алиса в Стране чудес» (1966) и Б. Заходера «Приключения Алисы в стране чудес» (1971). Перевод Н. Демуровой (перевод стихов выполнен Д. Орловской, О. Седаковой, К. Чуковским) и по сей день считается наиболее удачным и даже признается «классическим», поскольку переводчикам удалось передать английский колорит оригинала и вместе с тем сделать книгу доступной для русскоязычных читателей всех возрастов. Б. Заходер пошел по пути создания скорее пересказа,

нежели перевода, приблизив произведение Л. Кэрролла к советскому школьнику, но при этом сохранив сам причудливый дух сказки. Далеко не все имеющиеся переводы «Алисы...» удачны. Например, перевод (пересказ) Л. Яхнина (1991) критикуют за значительный отход от оригинала и введение каламбуров даже там, где в английском варианте они отсутствуют (<https://www.shkolazhizni.ru/culture/articles/37514/>). Интересно, что новые переводы «Алисы...» продолжают появляться и в XXI веке: в 2018 году вышел перевод Е. Ключева, который, несомненно, заслуживает внимания читателей.

Если говорить о произведении, разные переводы которого появились практически одновременно, то здесь можно привести в пример переводы серии книг о Гарри Поттере (1997–2007) Дж. Роулинг, которые переводились на русский язык М. Спивак и М. Литвиновой и выходили в разных издательствах, «Махаон» и «Росмэн» соответственно.

В качестве третьего варианта соотношения оригинала и перевода рассмотрим тот случай, когда они представляют собой два разных художественных и культурных мира. Чтобы понять, в силу чего это происходит, обратимся к современной подростковой антиутопии «Голодные игры» (трилогия, 2008–2010) С. Коллинз. На русский язык разные части трилогии были переведены разными переводчиками: первая часть «Голодные игры» – А. Шипулиным, вторая «И вспыхнет пламя» – Ю. Моисеенко, третья «Сойка-пересмешница» – А. Шипулиным и М. Головкиным. Почему же мы говорим о появлении двух разных миров: англоязычного и русскоязычного? Потому, например, что в оригинальном тексте С. Коллинз есть параллели между вымышленным постапокалиптическим государством Панем, в котором происходит действие, и Римской империей. Само название «Панем» взято из латинского выражения «panem et circenses», «хлеба и зрелищ», которое представляет собой цитату из сатиры древнеримского поэта-сатирика Ювенала. Эти строки описывают падение нравов в Римской империи и принцип жизни части населения в созданном С. Коллинз мире: богатые получают «хлеб», то есть жизненные блага, и зрелища, которым нет равных, собственно Голодные игры, проходящие по принципу гладиаторских боев. И если в английском языке «Panem» пишется аналогично латинскому «panem», то есть образованный

читатель оригинала может распознать историко-культурные ассоциации, то транслитерация «Панем» не может породить никаких мгновенных ассоциаций с латинским изречением.

И вот еще почему, в частности, можно говорить о двух разных мирах: само имя главной героини в оригинале и в переводе звучит и пишется несколько по-разному: Katniss и Китнисс. Не будем сейчас рассуждать о причинах этого переводческого решения, однако упомянем, что «katniss» – это название растения со съедобными клубнями, на русском языке – стрелолист. И здесь есть множество смыслов: имя героине дал отец, и он же научил ее находить это растение, не раз спасавшее девушку и ее семью от голода. Листья растения имеют форму наконечников стрел, а лук и стрелы – это главное оружие героини и на охоте, и на Играх. Кстати, стрельбе из лука ее тоже научил отец. Русское «Китнисс» никак напрямую не ассоциируется со стрелолистом, хотя в русском переводе и говорится, что имя героини – это «давнее название» стрелолиста. Однако не будем анализировать здесь, насколько уместен и удачен этот переводческий прием, а скажем лишь, что русскоязычное «звучание» этой книги во многом отлично от его «звучания» на языке оригинала, и это лишь немногие примеры того, как и почему оригинал и перевод рассматриваемой книги стали разными мирами.

Наконец, четвертый вариант соотношения оригинала и перевода – это тот вариант, в котором проблематично даже упоминать о каком бы то ни было соотношении: здесь русскоязычному читателю доступен только оригинал, поскольку перевода на данный момент не существует. Если говорить о детской/подростковой литературе, то такая ситуация возникла, например, с антиутопическими и постапокалиптическими произведениями young adult, которые интересны не только подросткам, но и взрослым, ведь увлекательный сюжет в этих книгах часто дает возможность задуматься о серьезных социальных и психологических проблемах и поговорить о них [Киктева, 2018]. А подросток и даже взрослый, увлекающийся книгами такого рода и прочитавший те, что переведены на русский язык, вполне может испытать желание последовать дальше и прочесть подобные произведения, которые существуют пока только на языке оригинала.

В качестве примера не переведенных книг можно назвать такие антиутопии/постапокалиптические романы young adult, как, например, «Life As We Knew It» (2006) Сьюзен Бет Пфэффер (Susan Beth Pfeffer), «The Eleventh Plague» (2011) Джеффа Хирша (Jeff Hirsch), «The Water Wars» (2011) Кэмерона Страчера (Cameron Stracher) и «The Sky So Heavy» (2013) Клэр Зорн (Claire Zorn). В каждой из этих книг так или иначе происходит или уже произошел конец света: это катастрофа космического масштаба в «Life As We Knew It», эпидемия и война в «The Eleventh Plague», экологическое бедствие в «The Water Wars» и ядерный взрыв в «The Sky So Heavy». Герои каждого произведения, обычные юноши и девушки, вынуждены бороться за жизнь, делать выбор, взрослеть, не просто выживать, а жить. Одним словом, в этих книгах есть всё то, что привлекает как давних любителей, так и тех читателей, которые еще только знакомятся с подобными произведениями. Но книги, упомянутые здесь, предоставляют и еще одну захватывающую возможность: читать на языке оригинала, что гораздо легче и приятнее, если книга увлекает изначально.

На наш взгляд, оригинальные и переводные тексты, соотносящие друг с другом, как это показано выше, можно использовать для формирования следующих компетенций у студентов, обучающихся, например, по специальностям 46.03.02 Документоведение и архивоведение, 37.03.01 Психология, 51.03.01 Культурология, 44.03.02 Психолого-педагогическое образование:

«– УК-4. Способен осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на государственном языке Российской Федерации иностранном языке.

– УК-5. Способен воспринимать межкультурное разнообразие общества в социально-историческом, этическом и философском контекстах» (<https://linguanet.ru/sveden/eduStandarts/>).

Приведем возможные виды учебной деятельности и конкретные примеры заданий, направленных на формирование указанных компетенций.

1. Выполнение двуязычных заданий на сопоставление оригинала и различных вариантов перевода.

Пример задания: *сопоставьте описания внешности Гарри, Рона и Гермионы в первой книге серии, «Гарри Поттер и философский*

камень», в переводах М. Спивак и М. Литвиновой. Отметьте лексические, грамматические и стилистические особенности оригинала, которые могут представлять трудности для переводчика. Проанализируйте, с помощью каких приемов каждая из переводчиц справилась со своей задачей. Что не удалось передать в каждом из русскоязычных вариантов?

2. Изучение переводческих приемов путем сопоставления текста оригинала и различных вариантов перевода.

Пример задания: проанализируйте, какие приемы были использованы в разных переводах книг о Гарри Поттере для передачи на русском языке говорящих имен собственных: *Albus Corvus Dumbledore, Gryffindor, Slytherin, Ravenclaw, Hufflepuff, Gilderoy Lockhart, Dolores Umbridge, Remus Lupin, Draco Malfoy, Bathilda Bagshot*.

3. Сопоставительное изучение культур путем реализации культуроведческого потенциала текстов.

Пример задания 1. Проследите, с помощью каких средств художественной выразительности С. Коллинз в романе «Голодные игры» описывает подготовку участников реалити-шоу. За счет чего создается пародийный эффект? Какие черты современной американской культуры высмеивает писательница? Удалось ли сохранить пародийность в переводе? Может ли перевод в данном случае являться носителем страноведческой информации наравне с оригиналом?

Пример задания 2. Действие романа «Голодные игры» происходит на территории вымышленного государства Панем, которое возникло месте современных Соединенных Штатов. Используя карту США, определите, на территории каких современных штатов находятся дистрикты Панема.

Пример задания 3. Сравните текст «Вошебника Изумрудного города» А. Волкова и текст «Удивительного волшебника из страны Оз» Л. Ф. Баума (пер. с англ. С. Белова). Какие черты американской культуры и менталитета, присутствующие в оригинале, А. Волков заменил на черты, более свойственные русской культуре?

4. Переводческий анализ и последующий перевод отдельных глав из произведений, ранее не переведившихся на русский язык.

Пример задания: *проанализируйте первую главу романа Кэмерона Строчера (Cameron Stracher) «The Water Wars». Какие синтаксические конструкции и обозначения реалий могут представлять трудности для переводчика? Наметьте переводческие приемы, которые можно использовать при переводе данного текста. Выполните свой перевод главы.*

Это лишь немногие примеры того, как можно работать с оригинальными текстами произведений и их переводами на русский язык. Несомненно, оригиналы и переводы представляют широкие возможности для педагогического творчества в соизучении языков и культур.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Киктева К. С. Читатель фантастики young adult в поиске реальности // Читатель в поиске (коллективная монография) / под ред. Е. А. Асоновой, Е. С. Романичевой. 2018. С. 83–93.
- Щукин А. Н. Лингводидактический энциклопедический словарь: более 2000 единиц. М. : Астрель: АСТ, 2008.

УДК: 327

Кожухова К. Е.

аспирант

Московский государственный лингвистический университет

kira.kozhuhova@mail.ru

СРАВНЕНИЕ КИТАЙСКОЙ И РОССИЙСКОЙ СТРАТЕГИЧЕСКИХ КУЛЬТУР

В статье сравниваются стратегические культуры Китая и России. Внешняя политика КНР берет свое начало в основах конфуцианской, легистской риторики, военных канонов и исторического опыта китайского народа, задающих тон восприятия вопросов войны и безопасности, внешних сношений, стратегии на международной арене. Стратегическая культура России воплощает в себе всю историю и опыт государства, начиная с борьбы с татаро-монгольским нашествием и заканчивая межгосударственными взаимоотношениями настоящего времени.

Ключевые слова: стратегическая культура; внешняя политика; Китай, Россия

Kozhukhova K. E.

PhD Student

Moscow State Linguistic University

kira.kozhuhova@mail.ru

COMPARISON OF CHINESE AND RUSSIAN STRATEGIC CULTURES

The article compares Chinese and Russian strategic cultures. China's foreign policy originate in Confucian, legist rhetoric, military canons, and historical experience of Chinese, which set the perception of war and security, foreign relations, strategy in the international arena. The Russian strategic culture embodies its entire history and experience, starting from the struggle against the Tatar-Mongol invasion and ending with interstate relations of the present time.

Keywords: strategic culture; foreign policy; China; Russia

Среди ученых присутствует острая дискуссия о том, влияет ли и каким образом стратегическая культура страны на внешнюю политику и политику безопасности государства в частности, а также на международные отношения в целом.

Внешняя политика Китая исходит из традиций, обычаев и практик внешнеполитического поведения Поднебесной, ярко демонстрируя уникальную **китайскую стратегическую культуру**.

Китайская стратегическая культура берет свое начало в основах конфуцианской, легистской риторики, в опыте военных канонов и исторического прошлого китайского народа, что формирует особое восприятие Китаем вопросов войны и безопасности, внешних сношений, стратегии на международной арене.

Современная внешняя политика Китая выражается в различных идеологизированных социалистическими реалиями КНР принципах и лозунгах, повторяющихся лексических единицах, выражениях. Они, в свою очередь, легли в основу современной китайской внешнеполитической практики и китайской дипломатии, что было отражено в новой редакции Конституции КНР от 2018 года и Белой книге от 27 сентября 2019 года. Названия современных китайских внешнеполитических концепций, как пример, «мирное возвышение», несут в себе черты китайской стратегической культуры: в частности, явно виден конфуцианский подход достижения гармонии и мира во всем мире, хитрость и двоякое толкование, присущие военным канонам Сунь-цзы, и китаецентризм – вера в исключительность китайской нации. Отдельно следует выделить опору последней стратегико-культурной черты на исторический опыт своего государства, в особенности на лидирующее положение Китая в области достижений техники до XVI века, унижение китайской нации после интервенции западных стран в эпоху Опиумных войн и последующее столетие (<http://cpc.people.com.cn/n1/2017/1231/c64094-29738076.html>).

Тему стратегико-культурного китаецентризма продолжает и внешнеполитическая концепция «великое возрождение китайской нации» (中华民族伟大复兴 Чжунхуаминаньцзувейдафусин). Поскольку одной из основных черт стратегической культуры Китая является историче-

ская память, то можно сделать вывод, что данная внешнеполитическая концепция делает упор именно на эту стратегико-культурную черту. Отметим, что «богатая “историческая память” о великих достижениях Среднего государства настолько замечательна и значительна своей непрерывностью <...>, что в политической жизни утвердился принцип управления посредством истории» [Ракитянский, Цзыци, 2016].

Стратегическая культура России воплощает всю историю и опыт страны, начиная с борьбы с татаро-монгольским нашествием и заканчивая межгосударственными взаимоотношениями настоящего времени. Она включает в себя синтез стратегических культур разных эпох: царской, имперской и советской России. Национальные интересы России складывались веками, сформировав основательный стратегико-культурный «костяк», который является неизменным уже в течение многих поколений и форм правления.

Россия и российский народ исторически воспринимают себя как великое государство, ответственное за особую миссию в мире, которая является отражением Божьей заповеди, своего рода высшей истины и справедливости. Это самовосприятие имеет глубокие культурные корни, основанные на исторических, а также религиозных и идеологических факторах. В частности, русский мифологический нарратив отводит себе роль защитника и освободителя Европы начиная с монгольского нашествия, затем Наполеона Бонапарта в XIX веке и, наконец, освобождения Европы от Гитлера во время Второй мировой войны. Эта мессианская роль поддерживается сильной идеологией, сложившейся еще в Средневековье («Москва – Третий Рим», Россия как покровитель и защитник всех славян, СССР как источник и инструмент мировой социалистической революции, «Русский мир»), а также сильной ролью и влиянием церкви.

Своего рода духовно-исторические аргументы использовал президент В. В. Путин в своей «крымской речи», где оправдывал присоединение Крыма исторической и даже моральной необходимостью: «В сознании людей Крым всегда был частью России. Эта идея основана на истине и справедливости...» (<http://kremlin.ru/events/president/>

news/20603). Идея мессианской роли России также подкрепляется такими заявлениями российского лидера, как «мы сильнейшие, поскольку правы», что очень характерно для нынешней российской риторики и идеологии.

В этой ситуации нельзя недооценивать роль господствующей идеологии Российской Федерации, поскольку она обычно показывает не только самоощущение государства, но и его восприятие мирового порядка и состояния отношений между Россией и другими странами. Интересно, что официальной идеологии по Конституции РФ не существует, однако неформально настоящее правительство России руководствуется непубличной идеологией, которая является синтезом монархизма и остаточного влияния социалистической тоталитарной системы. Идеология России есть не что иное, как стратегическая культура, закреплённая полуофициально в существующем российском обществе.

В этой связи международная арена воспринимается Россией как поле боя с игрой «с нулевой суммой», то есть любая победа Запада (например, в Косово, Ираке или Ливии) – это проигрыш России, и наоборот. Нынешний конфликт в украинском Донбассе рассматривается как своего рода битва в процессе. В частности, Сергей Глазьев, советник президента Владимира Путина по экономике, видит европейский выбор Украины результатом западных «крестовых походов» на Восток, целью которых является разгром России: «Украинский нацизм – это искусственное создание античеловеческой идеологии, которая культивируется на Западе уже несколько веков» (<http://svop.ru/main/12630/>).

В целом Запад представлен как главный соперник России, а именно как «зло», которое пытается подорвать позиции Москвы в мире. Европа представляется «сюзереном» Соединённых Штатов и по большей части жертвой ситуации. И всё же, возвращаясь к современной международной обстановке и российским официальным документам, мы можем найти некую преемственность в восприятии России Западом. В частности, в «Стратегии национальной безопасности», принятой распоряжением Президента 31 декабря 2015 года, упоминается

позиция Запада, направленная на создание очага напряженности на евразийском пространстве, которая противоречит российским национальным интересам. Основная цель США обычно рассматривается как разрушение стратегического баланса, изменение баланса власти таким образом, что США станет не просто доминировать, а диктовать свою волю кому угодно (<https://www.vesti.ru/doc.html?id=2071341>). Поэтому Москва всегда придерживалась идеи, что как только Россия ослабнет и потеряет традиционные буферные зоны (такие как Украина, когда НАТО приближается к российским границам), они могут быть захвачены Западом (США, НАТО и т. д.) из-за стремления к мировому господству. Подобное восприятие отражено в общественном мнении россиян. Чтобы избежать этого, Россия привыкла полагаться на огромную военную мощь. Это было начато Российской империей, имеющей очень сильный военный элемент в своей стратегической культуре, а затем сохранено Советским Союзом и теперь развивается современной Россией в виде образа ядерной сверхдержавы.

Русская православная церковь также всегда была немаловажным игроком в формировании стратегической культуры и национальных интересов России. Крещение Руси произошло в 860 году, до середины XV века русская церковь была «под крылом» византийской. Однако в 1448 году произошла автокефалия РПЦ (обретение Русской Церковью с центром в Москве самостоятельности и независимости от Константинопольского патриархата с правом самостоятельного избрания предстоятеля Русской Церкви собором епископов). Данный момент стал поворотным в формировании стратегической культуры и внешней политики России. Идеология «Православие, самодержавие, народность», созданная в XIX веке министром народного просвещения С. С. Уваровым, стала официальным закреплением идеологии православия в умах населения. Триада состояла из сохранения православной веры и защиты Церкви; верности государству в его самодержавной форме, где царь был верховным правителем и отцом земли и народа; сохранения национальных традиций и равных гражданских прав для всех народов России. Не будет преувеличением сказать, что теория официальной народности сохраняет свое влияние о сих пор.

Исходя из рассмотренных выше примеров, стратегические культуры КНР и РФ имеют общий знаменатель: эти государства являются великими державами, крупнейшими игроками на мировой арене. Каждая из стран в своей стратегической культуре несет посыл первенства своего государства, уникальности культурного наследия, превосходства нации. Китай отличен скрытной реализацией своих амбиций путем применения восточных хитростей, присущих традиционной культуре, основанной на конфуцианских устоях. Россия же имеет обычай при возникновении военных угроз и опасностей демонстрировать военную мощь, делать акцент на масштабах территории и «спящем» потенциале, который лучше не будить. Несмотря на колоссальные культурные различия, государства в своих стратегических культурах выражают национальные интересы, которые по своей сути являются одинаковыми: каждая страна хочет стабильности, мира, устойчивого развития, разрешения конфликтов в свою пользу. Интересно то, как государства пришли к своей собственной концепции глобального лидерства, ведь особенности истории, внутренние перипетии, национальный менталитет наложили свои отпечатки на это видение.

И КНР, и Россия борются с внешним врагом, зачастую принимающим облик отдельно взятой страны или явления. В настоящее время Китай борется против доминации США в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Российская Федерация же просто сохраняет свой державный статус, не вступая в открытое противостояние, а лишь указывая на наличие потенциальных угроз в лице Соединенных Штатов, террористических организаций и прочих дестабилизирующих факторов, ныне существующих в активной фазе. Таким образом, можно выявить отдельный тип стратегической культуры, присущий великим державам и крупнейшим авторитетам международной арены, которые исторически пытаются занять первое место в мировой иерархии. Подобные обстоятельства также наводят на мысль, что в мире абсолютно невозможна устойчивая однополярная модель, так как целый ряд стран стремится к всемирному господству, тем самым рождая ее дестабилизацию и, как следствие, разрушение. Пул стратегических культур стран-лидеров по своей сущности естественным образом приводит к многополюсной модели международных отношений.

Изучение разнообразных стратегических культур поможет сформировать гармоничный миропорядок с учетом интересов и ценностей всех стран, создаст возможность для маневрирования, компромисса и взаимного уважения. Каждое государство по своей природе стремится к устойчивому и спокойному развитию для себя и своих граждан, но возможна ли интеграция этого желания странами мира и создание глобального сообщества безопасности?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ракитянский Н. М., Цзыци С. Опыт концептуального моделирования китайского политического менталитета. Часть 1 // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2016. № 2. С. 57–79.

УДК 7.01

Кондаков И. В.

доктор филос. наук,

канд. филол. наук

Российский государственный гуманитарный университет

(Москва, Россия)

ikond@mail.ru

СЕРГЕЙ ПРОКОФЬЕВ: МЕТАМОРФОЗЫ И КОНСТАНТЫ КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

**(статья выполнена при поддержке гранта РФФИ
«Творчество С. Прокофьева как феномен отечественной
и мировой культуры»: № 20-011-00859)**

Настоящая статья посвящена метаморфозам культурной идентичности композитора С. Прокофьева, который в своем творчестве последовательно прошел дореволюционный, эмигрантский и советский периоды и при этом остался верным основным принципам (константам) своего неповторимого стиля. Болезненно переживая резкость границ, разделявших разные пласты русской культуры, композитор мечтал осуществить примирение советской и эмигрантской культур, осуществить синтез авангарда и классики.

Ключевые слова: творчество С. Прокофьева; дореволюционная, эмигрантская и советская идентичности; многослойная культурная идентичность; цивилизационный раскол; примирение советской и эмигрантской культур, авангарда и классики; политизация музыки и свобода творчества

I. V. Kondakov

Doctor of Philosophy (Dr. habil), PhD (Philology)

Russian State University for the Humanities

(Moscow, Russia)

ikond@mail.ru

SERGEI PROKOFIEV: METAMORPHOSES AND CONSTANTS OF CULTURAL IDENTITY

**(the article was supported by the RFBR grant
“Creativity of S. Prokofiev as a phenomenon of national
and world culture”: No. 20-011-00859)**

This article is devoted to the metamorphoses of the cultural identity of the composer S. Prokofiev, who in his work consistently passed the pre-revolutionary, emigrant and Soviet periods and at the same time remained faithful to the basic principles (constants) of his unique style. Painfully

experiencing the sharpness of the borders that separated different layers of Russian culture, the composer dreamed of reconciling Soviet and emigrant cultures, to synthesize avant-garde and classical.

Keywords: S. Prokofiev's works; pre-revolutionary, emigrant and Soviet identities; multilayered cultural identity; civilizational split; reconciliation of Soviet and emigrant cultures, avant-garde and classics; politicization of music and freedom of creativity

Прокофьев родился в Серебряном веке и прослыл музыкальным футуристом, бунтарем, ниспровергателем основ. Затем бежал от ужасов революции на Запад, прошел через эмиграцию, вкусил «буржуазной культуры», добился всемирной славы еще задолго до советского периода (чего никогда не забывали его советские «властители и судьи»), разочаровался в Западе и погрузился в ностальгию по России. Вернулся в СССР и стал «советским композитором», хотя многих своих советских произведений так и не услышал исполненными и не увидел изданными; в конце концов, несмотря на многочисленные премии и награды, был признан советской властью «формалистом» и «антинародным композитором» и принужден без конца переделывать свои произведения в угоду непонятым соцреалистическим догмам. Прокофьев в конце жизни, всегда такой успешный, уверенный в себе и своей гениальности, вдруг перестал понимать, что с ним происходит на родине. Таков был жизненный и творческий путь великого русского композитора XX века, вольно или невольно прожившего три жизни – дореволюционную, эмигрантскую и советскую, – и при этом оставшегося самим собой.

Несмотря на то, что Прокофьев легко адаптировался к меняющимся обстоятельствам жизни, будучи твердо уверенным в силе своей личности, которая сможет справиться с любыми обстоятельствами или приспособиться к любым условиям, композитору приходилось самоутверждаться в каждый новый период своего творчества, преодолевая огромное сопротивление.

В дореволюционный период Сергей Прокофьев еще в консерватории завоевал скандальную славу модерниста, разрушителя традиций, последователя Р. Штрауса, М. Рegera, К. Дебюсси, Я. Сибелиуса и других «нарушителей спокойствия», а среди русских композиторов –

А. Скрябина. Со своими консерваторскими учителями – Н. А. Римским-Корсаковым, А. К. Лядовым, А. К. Глазуновым он демонстративно боролся как с представителями академической рутины, «архаистами», утратившими восприятие современности. Прокофьев тянуло к русским футуристам и теоретикам авангарда. Преодолевая сопротивление окружающей музыкальной среды, Прокофьев прослыл «революционером в музыке». Однако столкнувшись с революционным хаосом, насилием и разрушением, нараставшим после октября 1917 года, композитор, осознав, что России «не до музыки» и получив разрешение А. В. Луначарского на зарубежные гастроли, бежал из страны в Америку и Европу.

Именно там, на Западе, для слушателей и коллег-исполнителей произведений Прокофьева стало очевидно, что Прокофьев, как и И. Ф. Стравинский, его друг и соперник, являются не только дерзкими ниспровергателями традиций, но и продолжателями исканий своих консерваторских учителей – Н. А. Римского-Корсакова, А. К. Лядова, А. К. Глазунова, М. П. Мусоргского – т. е. «кучкистов» и их последователей. Диалог русской культуры с европейской был принципиально важен для Прокофьева вне зависимости от того, носил ли он характер ученичества и подражания, спора и полемики или творческого синтеза.

Покинув революционную Россию, Прокофьев оказался на буржуазном Западе, насквозь коммерциализированном (что было ему поначалу чуждо и непривычно – в отношении к музыке и театру), а его новаторство в искусстве нередко интерпретировалось как «большевизм» в музыке и русское варварство. Тем не менее активное участие в «Русских сезонах» С. Дягилева в Париже, выступления с фортепьянными концертами по Европе и Америке принесли композитору и пианисту Прокофьеву мировую славу, почти уравнивавшую его с другими русскими композиторами-эмигрантами – С. В. Рахманиновым и И. Ф. Стравинским. Тоска по родине и свободному творчеству, не обремененному бесконечными концертами ради заработка, тянула Прокофьева к возвращению в СССР, куда он уже приезжал на гастроли, которые его убедили в том, что и слушатели, и власти ждут его с нетерпением.

Впрочем, композитор понимал, что возвращение в «Большевизию» не просто рискованно, но и чрезвычайно опасно для него. Он знал, что его ближайшие родственники, оставшиеся в России, репрессированы или влачат бедственное существование (и он всё время им помогал чем мог – деньгами, вещами, продуктами, в том числе через своих друзей, остававшихся в советской России); что пролетарские музыканты (РАПМ), пришедшие к власти в музыкальной и театральной России, считают его своим классовым врагом, а его музыку дискредитируют как буржуазную, контрреволюционную и антисоветскую; что его друзья, вроде Н. Я. Мясковского, предупреждали его об опасностях, ждущих его на родине («Вы собираетесь сюда? Зачем?», – писал он ему из Москвы). Но идея возвращения русского композитора на родину всё же восторжествовала.

Однако подстерегавшие композитора опасности не были предвидены Прокофьевым. Привыкший гастролировать по миру, он не ожидал, что будет фактически заперт в железной клетке. Лишь раз ему было разрешено съездить вместе с женой в США по приглашению его друга – композитора В. Дукельского (при этом их дети остались заложниками). Большинство произведений, написанных Прокофьевым в Советском Союзе, причем по заказу или по согласованию сверху, не были приняты, а значит исполнены, поставлены и изданы (кантата «Двадцатилетию Октября», оперы «Семен Котко» и «Обручение в монастыре», балет «Ромео и Джульетта», фильм С. Эйзенштейна с музыкой Прокофьева был «положен на полку») – то в связи с пактом Молотова-Риббентропа, то – с борьбой с космополитизмом, то в связи с осуждением формализма и т. д. И это несмотря на демонстративную лояльность композитора к советскому режиму и новаторство музыки, вдохнувшей национальные интонации и интернациональный пафос в Советской России.

Для многих политизированных коллег Прокофьева в СССР он был эмигрантом, если не белоэмигрантом, и его музыка была неприемлема для советских людей. И только ближе к войне и во время Великой Отечественной войны Прокофьев обрел статус одного из ведущих советских композиторов. Но ненадолго. После зловещего Постановления Оргбюро ЦК ВКП(б) «Об опере “Великая дружба”...» (1948 год).

Прокофьев снова *persona non grata*: его произведения не исполняются, не принимаются, а то и прямо запрещены. Среди гонимых шедевров Прокофьева – опера «Война и мир», Шестая симфония, вторая редакция Четвертой симфонии, кантаты «Баллада о мальчике, оставшемся неизвестным», «Расцветай, могучий край», балет «Сказ о Каменном цветке», вторая серия фильма С. Эйзенштейна «Иван Грозный» с музыкой Прокофьева, Ода на окончание войны, Симфония-концерт для виолончели с оркестром... И сегодня невозможно понять, за что и почему попали под запрет все эти очень разные произведения. Прокофьев был «прощен», да и то отчасти, лишь незадолго до смерти, позже, чем «покаявшийся» публично Д. Д. Шостакович и умерший «без покаяния» Н. Я. Мясковский.

Три жизни Прокофьева не просто шли одна за другой, сменяя друг друга во времени. Они наслаивались друг на друга, отражаясь в творчестве композитора как нарастающая пирамида противоречий. Первая, дореволюционная, жизнь Прокофьева составила первую ступень его творчества, проникнутую дерзким новаторством, неизживаемым модернизмом и авангардизмом. Вторая, эмигрантская жизнь составила вторую ступень его творчества, органически связанную с идеалами личной свободы, независимости от идеологии и политики, прагматизмом в решении творческих задач. Наконец, третья жизнь Прокофьева, проходившая в СССР под давлением сталинско-ждановских требований «большого стиля» в рамках «соцреалистического канона» в музыке, была сама по себе неразрешимо-противоречивой и сочетала как подчинение этим требованиям, так и сопротивление им, выразившееся в ироническом подтексте всей прокофьевской «советики», к счастью, не «прочитывавшейся» органами советской власти. Соединение этих взаимоисключающих смысловых пластов в жизни и творчестве С. Прокофьева было его трагическим испытанием и в то же время – залогом индивидуальной неповторимости и художественного бессмертия великого творца, объявшего своей музыкой весь XX век.

Объяснение этому феномену лежит в той многослойной культурной идентичности Прокофьева, которую он обрел, будучи равно причастен разным и контрастным эпохам в истории русской культуры XX века – Серебряному веку, Русскому Зарубежью и сталинской эпохе советской истории.

Нараставшая в заграничном творчестве Прокофьева ностальгия по России и русской культуре вылилась в «Сказки старой бабушки», балеты «Блудный сын» и «На Днепре», во 2-ю и 4-ю симфонии, отразилась в 3-м и 5-м фортепьянном, 2-м скрипичном и 1-м виолончельном концертах, в романсах и камерных пьесах. Решение вернуться на родину стало для Прокофьева неотвратимым и неизбежным.

Композитор Сергей Прокофьев в жизни и в творчестве был воплощением принципа «Pro et Contra», – всегда оказываясь «чужим» среди «своих». В дореволюционный период он слыл «революционером в музыке», дерзким новатором, футуристом; в период эмиграции он многим эмигрантам казался «красным», затесавшимся среди «белых», композитором-большевиком; в свой советский период он многим коллегам представлялся закоренелым эмигрантом, перекарасившимся «белым», неисправимым буржуазным модернистом. Парадокс Прокофьева заключался в том, что в меняющейся политической и культурно-исторической среде он оставался самим собой, – неповторимо-оригинальным, уверенным в своей правоте и превосходстве, ироничным по отношению к окружающему и окружающим. И это то и дело приводило к острым конфликтам и неразрешимым противоречиям с современниками, обстоятельствами, контекстом культуры. Прокофьев постоянно жил и творил в противостоянии: то с традиционной музыкой, то с эмигрантской культурой и ее предрассудками, то с советскими идеологическими штампами. И во всех случаях – с вульгарной политизацией музыкального искусства, выхолащивающей его эстетико-художественный смысл.

Главным источником переживаний Прокофьева был цивилизационный и культурный раскол России на СССР и Русское Зарубежье, произошедший после Октябрьской революции. Композитор долго не мог избавиться от утопической мечты – примирить Русское Зарубежье и Советскую Россию. Этому посвящены не только его зарубежные балеты «Стальной скок» и «Блудный сын», но и следующие друг за другом эмигрантский балет «На Днепре» (действие которого проходит на фоне затухающей Гражданской войны, главные действующие лица – вчерашний красноармеец Сергей и казачка Ольга, с трудом добивающиеся осуществления своей любви), – и советский балет

«Ромео и Джульетта» почти на ту же тему, в котором любовь героев, скованная враждой родов Монтекки и Капулетти, завершается трагически. Так выразились в творчестве Прокофьева крушение его надежд на примирение русской эмиграции и советской власти – хотя бы в области культуры, если не политики. Примирение двух русских культур XX века было невозможно, а Прокофьев, так любивший пересекать границы между различными культурными мирами, привыкший к открытости культур, остался за «железным занавесом» почти сразу же после своего возвращения.

Возвращение Прокофьева не было безоблачным. Композитор столкнулся с тем, что его произведения практически не исполняются – одни как дореволюционные, другие – как эмигрантские. Впрочем, и музыка, написанная специально для советской аудитории, тоже не исполнялась. Кантата к Двадцатилетию Октября на слова Маркса, Ленина и Сталина – испугала своей дерзостью, балет «Ромео и Джульетта» долгое время под разными предлогами отвергался и Большим, и Кировским театрами, опера «Семен Котко» и музыка к кинофильму «Александр Невский» показались неуместными в связи с установлением дружественных отношений с Германией в конце 1930-х годов.

Лишь кантата «Здравица», написанная к 60-летию юбилею Сталина, была безоговорочно принята советским официозом как вклад в советскую музыку. Но никто не подозревал тогда, что «народные слова» – это фейк, пародия на фольклор, текст, по сути своей абсурдистский, ёрнический. Колхозники, с песнями и плясками, собирают девушку Аксинью (позаимствованную из шолоховского «Тихого Дона», а точнее из оперы И. Держинского на ту же тему, одобренную Сталиным) в Кремль как невесту Сталину – всесоюзному жениху. А тут и всяческое величание жениха и невесты [Вишневецкий, 2005, с. 412–425]. Особый пример иронии Прокофьева – гаммы, распеваемые частью хора в самый патетический момент юбилейной кантаты. К счастью, на него обратили внимание лишь ее исполнители, музыканты-профессионалы, но не бдительные цензоры.

Но дерзить и ёрничать в тоталитарном государстве нельзя было безнаказанно. На совещании деятелей музыки в январе 1948 года секретарь и член Политбюро ЦК А. А. Жданов, взявший на себя роль

главного теоретика советской музыки, прервав свой доклад об опере В. Мурадели «Великая дружба», обратился к громко разговаривавшему в первом ряду Прокофьеву (тот пререкался с М. Шкирятовым, членом политбюро ЦК и Председателем Комитета партийного контроля, который делал ему замечания, призывая внимательно слушать доклад тов. Жданова). «Сергей Сергеевич, – сказал Жданов композитору как расшалившемуся школьнику, – если вам скучно, вы можете покинуть зал». Прокофьев, к всеобщему изумлению, взял и вышел. Жданов пожаловался Сталину на поведение Прокофьева, и Сталин раздраженно воскликнул: «Совсем зазнались!» и добавил: «Будем учить!» [Вишневецкий, 2009, с. 295–296]. Приговор вождя был приведен в исполнение. Вскоре первая жена С. Прокофьева Лина Любера-Прокофьева была арестована за шпионаж и осуждена на 10 лет лагерей. В застенках Лубянки у нее выбивали показания против мужа [там же, с. 608].

Сам Прокофьев считал, что к возвращению в СССР его подтолкнули слова Сталина: «Прокофьев – наш», будто бы сказанные вождем во время его концерта в Москве, в Колонном зале Дома Союзов 20 марта 1927 года. Прокофьев воспринял их как персональное приглашение работать в России.

Но для Сталина и Жданова Прокофьев всегда был в той или иной степени *«не наш»*, даже когда он писал «Здравницу» в честь 60-летия Сталина на псевдо-фольклорные тексты или Кантату к 20-летию Октября на тексты Маркса, Ленина и Сталина. После злополучного Постановления ЦК ВКП(б) «Об опере “Великая дружба”...» (1948) для руководителей Союза композиторов Прокофьев слыл самым неисправимым «формалистом», не поддающимся идейному убеждению и перевоспитанию, несмотря на все свои шесть Сталинских премий, – хуже, чем прошедший все этапы покаяния Шостакович и умерший нераскаявшимся Мясковский.

Сам Прокофьев принадлежал одновременно и дореволюционной, и русско-зарубежной, и советской культурам, и это неоднократно сказывалось как на судьбе произведений Прокофьева, нередко не исполнявшихся – либо по причине их «дореволюционности», либо их «зарубежности», либо чрезмерной «советскости», так и на судьбе самого композитора – при жизни и посмертно. Трагически воспри-

нимал композитор и жесткое отмежевание Советского Союза от Запада, где у Прокофьева было множество друзей и коллег; политика «железного занавеса», в результате которой Прокофьев стал невыездным, а его друзья – неупоминаемыми; идейная борьба советской идеологии с буржуазным модернизмом, формализмом и пр. «измами», вследствие которой творческие особенности музыки Прокофьева, составлявшие специфику его авторского стиля, могли интерпретироваться как «буржуазные» и «антинародные», а потому не исполняться и запрещаться.

Трагические страницы «Ромео и Джульетты», «Семена Котко» и многих произведений зарубежного периода творчества Прокофьева – это отображение реальной трагедии расколота страны, разделенного народа, ввергнутого в пучину революции и гражданской войны, расчлененной культуры. Точно так же как трагизм Пятой и Шестой симфоний, оперы «Война и мир», «Оды на окончание войны» передает значение и смысл Великой Отечественной отнюдь не в духе облегченных победных реляций заштатных советских патриотов, но как страшной трагедии страны и народа, проявившейся в грандиозности катастрофических событий мировой значимости, в жестокости понесенных потерь, в необратимости всего свершившегося. Последние сочинения композитора несут на себе печать личной обреченности, неотвратимости конца, невозможности завершить задуманное. В то же время они полны исторического оптимизма, веры в назначение и смысл своей музыки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Вишневецкий И. Г. «Евразийское уклонение» в музыке 1920–1930-х годов.

М. : Новое литературное обозрение, 2005.

Вишневецкий И. Г. Сергей Прокофьев. М. : Молодая гвардия, 2009.

УДК: 93/94

Косторниченко В. Н.

доктор экономических наук

Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Россия)

kostornichenko@yandex.ru

**ТИХООКЕАНСКИЙ ФРОНТИР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ
XVIII ВЕКА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ
ИСПАНОАМЕРИКАНСКОЙ И РОССИЙСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ**

**(статья выполнена при поддержке гранта РФФИ:
20-09-00340 А)**

В статье исследуется влияние тихоокеанского пограничного фактора на политику России и Испании во второй половине XVIII века. В статье также рассматривается история формирования российско-испано-американской границы, показано значение русских и испанских экспедиций для экономического и административного развития северной части Тихого океана.

Ключевые слова: Тихоокеанский фронтир; испанская и российская колонизация американского континента

Kostornichenko V. N.

Doctor of Economics (Dr. habil)

Moscow State Linguistic University
(Moscow, Russia)

kostornichenko@yandex.ru

**THE PACIFIC FRONTIER IN THE SECOND HALF
OF THE XVIII CENTURY: A COMPARATIVE ANALYSIS
OF SPANISH-AMERICAN AND RUSSIAN COLONIZATION**

**(the article was supported by the RFBR grant:
20-09-00340 A)**

The article examines the influence of the Pacific border factor on the politics of Russia and Spain in the second half of the XVIII century. The article also examines the history of the formation of the Russian-Spanish-American border, shows the importance of Russian and Spanish expeditions for the economic and administrative development of the North Pacific.

Keywords: Pacific Frontier; Spanish and Russian colonization of the American continent

Термин «фронтир», обозначавший границу так называемых «белых» поселений США в период становления государственности, появился в американской общественной мысли в 90-х годах XIX века. В 1893 году, выступая на собрании Американской исторической ассоциации, ученый Висконсинского университета Фредерик Тернер, заявил о решающем значении проблематики фронта для истории США. Он представил американское прошлое как историю освоения Западных земель США, показав фронтир как зону освоения новых территорий, область (полосу) взаимодействия разных культур в ходе процесса колонизации [Тернер, 2009].

Выводы Ф. Тернера имели широкий общественный резонанс, оказали значительное влияние на изучение истории американского континента. И, хотя большинство тезисов Ф. Тернера в настоящий момент подвергается критике, тем не менее в эпоху современных миграционных процессов актуальность сохраняет междисциплинарный социокультурный подход ученого, показывающий многообразное влияние фактора фронта на политическое и антропологическое развитие приграничных государств и регионов.

В отечественной американистике термин «фронтир» появился в середине XX века, значительно позднее, чем в западной науке. Так, в конце 1950-х – начале 1960-х годов появились первые работы известных историков А. В. Ефимова и Н. Н. Болховитинова, привлечшие внимание к теории Ф. Тернера [Косторниченко, Сирватко, 2021].

Проблематика испанского фронта применительно к изучению вопросов колонизации тихоокеанского региона также получила некоторое распространение. Русские исследования испанской Конкисты тихоокеанского региона немногочисленны: так, например, к числу наиболее фундированных работ последнего времени следует отнести работы отечественного латиноамериканиста А. Ф. Кофмана, посвященные Испанской Конкисте. Рассматривая проблематику фронта в целом, отметим, что в научной литературе практически нет работ, посвященных внешнеполитическому значению фронта.

К моменту начала покорения американского континента Испания и Россия переживали времена политической консолидации. В это время в Испании завершалась Реконкиста, а на Руси земли освободились от татарского ига, шел процесс формирования государственности.

Христианская Реконкиста в Испании (освобождение испанских территорий от арабского ига) по времени совпала с Конкистой (завоеванием американского континента), представляя собой, в сущности, единый процесс. Во многом это определило характер и род занятий *конкистадоров*, происходивших в большинстве случаев из военных, относившимся к другим профессиям с известной долей высокомерия. Милитаристский стереотип поведения испанских завоевателей был закреплён первыми «золотыми» походами XVI–XVII веков, принесшими обильную военную добычу. Как правило, действия конкистадоров были обусловлены стремлением быстрого обогащения, связанного с захватом драгоценных металлов. В последующее время усилия «аделантадос» были направлены, в первую очередь, на организацию предприятий горнодобывающей промышленности на континенте, призванной обеспечить легкий и понятный заработок их владельцев.

Вывоз огромного количества драгоценных металлов из Америки в Европу негативно повлиял на состояние испанской экономики, разрушив начинающийся складываться в стране «дух предпринимательства». Ухудшение положения дел в метрополии, в свою очередь, оказало отрицательное влияние на американские колонии. Так, если на начальном этапе Конкисты военные походы конкистадоров были проявлением частной инициативы (экспедиции финансировались богатыми идалго), то к моменту освоения тихоокеанского побережья решающую роль в их организации уже играло слабеющее государство.

Заселение Русской Америки русскими людьми также проистекало из предшествующего исторического процесса, связанного с колонизацией Сибири. Активное освоение континента русскими промышленниками началось фактически после завершившихся в 1741 году Камчатских экспедиций В. Беринга, достигших Северной Америки. Так, начиная уже с 1743 года, экспедиции русских промысловиков отправлялись на Алеутские острова, известные русским как Восточные острова, для охоты на пушнину. С тех пор и до конца века, когда была основана Российско-американская компания, было совершено около ста таких рейсов, которые собрали более восьми миллионов серебряных рублей [Науcox, 2020].

С каждым годом промысловики продвигались всё дальше на восток, достигнув крайней точки Архипелага Алеутских островов – Лисьих островов, а затем и материка на оконечности полуострова Аляска. В 1772 году на одном из них, на Уналашке, было основано первое русское торговое поселение. Торговцы из сибирских городов (Тобольска, Иркутска и др.) и городов Европейской России принимали активное участие в финансировании и снаряжении этих экспедиций. Эксплуатация Алеутских островов осуществлялась почти исключительно по инициативе и под руководством звероловов-промышленников, принимавших участие в охоте на пушного зверя. Осваивая земли за океаном, ватаги промышленников (как и испанские конкистадоры), действовали по собственной частной инициативе, закладывая новые поселения, получая значительную прибыль от добычи и обмена пушнины.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Косторниченко В. Н., Сирватко П. А.* Фронтир: генезис, основные положения, развитие (историографический очерк) // США и Канада: экономика, политика, культура. 2021. Т. 51. № 2. С. 72–89.
- Тернер Ф.* Фронтир в американской истории / пер. с англ. А. И. Петренко. М.: Весь мир, 2009.
- Ньюсон С.* Alaska: An American Colony. University of Washington Press, 2nd edition, 2020.

УДК: 331.1

Иванов А. М.

кандидат военных наук, доцент

Московский государственный лингвистический университет

(Москва, Россия)

26ivanov@mail.ru

Лесникова О. В.

кандидат экономических наук, доцент

Московский государственный лингвистический университет

(Москва, Россия)

lesguu@yandex.ru

**ПРИМЕНЕНИЕ КОМПЕТЕНТНОСТНОГО ПОДХОДА
И НАЦИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ КВАЛИФИКАЦИЙ
ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА
И ДОСТИЖЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПРЕВОСХОДСТВА
В СФЕРЕ ГОСТЕПРИИМСТВА**

В статье рассмотрены влияние нестабильности эпидемиологической обстановки на развитие сферы гостеприимства и туризма в РФ, условия успешного развития и экономической привлекательности сферы гостеприимства в условиях цифровизации и применения технологий искусственного интеллекта, роль образовательных организаций высшего образования в формировании ключевых компетенций цифровой экономики и достижения гостиничными предприятиями высокого уровня интеллектуального потенциала, конкурентоспособности и стратегического превосходства.

Ключевые слова: индустрия гостеприимства; интеллектуальный потенциал; искусственный интеллект; компетенции; национальная система квалификаций; профессиональные стандарты; стратегическое превосходство; туризм; цифровизация

Ivanov A. M.

PhD (Military Sciences), Associate Professor
Moscow State Linguistic University
(Moscow, Russia)
26ivanov@mail.ru

Lesnikova O. V.

PhD (Economics), Associate Professor
Moscow State Linguistic University
(Moscow, Russia)
lesguu@yandex.ru

**APPLICATION OF THE COMPETENCE APPROACH
AND THE NATIONAL QUALIFICATIONS SYSTEM
FOR THE FORMATION OF INTELLECTUAL POTENTIAL
AND ACHIEVEMENT OF STRATEGIC SUPERIORITY
IN THE FIELD OF HOSPITALITY**

The article examines the impact of the instability of the epidemiological situation on the development of the hospitality and tourism sector in the Russian Federation, the conditions for the successful development and economic attractiveness of the hospitality sector in the conditions of digitalization and the use of artificial intelligence technologies, the role of higher education institutions in the formation of key competencies of the digital economy and the achievement by hotel enterprises of a high level of intellectual potential, competitiveness and strategic superiority.

Keywords: hospitality industry; intellectual potential; artificial intelligence; competencies; national qualifications system; professional standards; strategic excellence; tourism; digitalization

Одной из особенностей развития индустрии гостеприимства как части современной экономики является ее базирование на знаниях, творческом подходе, которые позволяют разрабатывать и принимать креативные решения, создавать инновационные продукты и услуги, обеспечивать конкурентоспособность и стратегическое превосходство гостиничным предприятиям.

В отечественной и зарубежной литературе современная модель сферы гостеприимства представлена далеко не всесторонне. Прежде всего, речь идет о таких плоскостях, как экономическая, социологическая, измерение образов и впечатлений. Перечисленные походы к моделированию сферы гостеприимства позволяют лишь открыть некоторые ее свойства, однако не являются достаточными с точки зрения теоретического обоснования. Поэтому особое значение приобретает разработка современной модели сферы гостеприимства, основанной на системно-синергетическом подходе в условиях стремительной цифровизации и технологий искусственного интеллекта.

Необходимым условием успешного развития и экономической привлекательности сферы гостеприимства, гостиничного бизнеса является их неразрывная связь с индустрией туризма. Это вполне объяснимо, так как гостиницы сами по себе, как вещь в себе, малопривлекательны. Лишь с появлением в регионе туристических достопримечательностей они становятся интересными как для постояльцев, так и для инвесторов [Звягин, Красноженова, Иванов, 2021].

«Отели и гостиницы станут более комфортными. С 2021 года Россия будет наращивать туристский поток внутри страны, обеспечивая доступность путешествий для населения всех возрастов. К 2030 году число внутренних поездок возрастет в 2,5 раза до 140 млн, а экспорт туристических услуг составит 22 млрд долларов» (<https://национальныепроекты.рф/projects/turizm/povyshenie-dostupnosti-turistskikh-uslug>).

Нестабильность эпидемиологической обстановки, каким бы парадоксальным это ни казалось, положительно повлияла на развитие некогда депрессивных территорий в России. Причиной этому стали ограничения мобильности, свободы перемещения вследствие закрытия границ. Многие популярные туристические зарубежные направления и регионы оказались недоступными при неисчезнувших желаниях и возможностях людей путешествовать. Увеличился спрос на внутренний туризм. Одновременно это стало вызовом для отечественной гостиничной и туристической индустрии. Многие люди, вкусившие уровень сервиса в странах Европы, Америки, Азии, интуитивно предъявляют их и к отечественным гостиницам и туристическим фирмам. Ответить адекватно пока получается далеко не всегда. И это

мотивирует собственников и менеджеров гостиничной и туристической индустрии активнее внедрять современные технологии. А для этого необходимо обладать соответствующим уровнем интеллектуального капитала.

Сегодня, в период пока еще продолжающегося эпидемиологического кризиса, коммуникационная модель индустрии гостеприимства, деловых встреч, построенная именно на базе синергетического подхода, позволяет реализовывать мировые тенденции развития сферы туризма и гостиничного дела, создает для этих секторов экономики благоприятные условия. В частности, позволяет оперативно внедрять инновационные технологии, создает виртуальные и гибридные формы взаимодействия людей с туристическими и гостиничными продуктами, разработанные с применением высоких технологий и искусственного интеллекта. Успешных примеров в отечественной практике не мало. Не является чем-то новым применение в гостиничном бизнесе таких технологий, как киоск самообслуживания для регистрации и выселения гостей (self check-in kiosks), возможность самостоятельно заказать еду или услугу в комнату, а в отелях, где нет полноценной кухни, возможность самостоятельно заказать блюда из близлежащих ресторанов, не выходя из номера гостиницы. Развитие информационных технологий способствовало появлению нового мощного маркетингового инструмента дополненной реальности, использованию роботов для уборки номеров, чат-ботов для ответов на наиболее частые вопросы постояльцев [Иванов, 2021].

Не секрет, что глобальный характер ускорения процессов цифровизации, применения технологий искусственного интеллекта в экономической деятельности предприятий гостиничного и туристического бизнеса в период нестабильности эпидемиологической обстановки обуславливают возрастающую потребность в обновлениях модели профессионального образования в сфере гостеприимства, способной удовлетворить как потребности гостиничных предприятий, так и трудовых ресурсов.

Развитие модели подготовки высокопрофессиональных кадров для обновленной индустрии гостеприимства должно учитывать интернационализацию образования, страновые и региональные различия

(особенно для России с ее территорией и разным уровнем экономического развития регионов), а также уже накопленный отечественный и зарубежный опыт реализации образовательных проектов и программ. И всё это должно строиться в виртуальном пространстве, с применением дистанционных технологий.

В этой связи возрастает роль национальной системы квалификаций, определяющей требования к качеству специалистов и их оценке. Свое выражение, как известно, это нашло в профессиональных стандартах, национальной и отраслевых рамках квалификаций. Их применение позволяет образовательным организациям разрабатывать конкурентоспособные программы, готовить специалистов, востребованных на рынке гостиничных услуг и обладающих актуальными компетенциями. Такой персонал обеспечит предприятиям гостиничного бизнеса конкурентное преимущество и стратегическое превосходство.

Для индустрии гостеприимства и туризма, которые, можно сказать, обновляются каждый день и которым требуется персонал, обладающий инновационными, креативными компетенциями, крайне необходимы актуальные профессиональные стандарты. Именно они выступают в качестве базы, опираясь на которую формируются требования к квалификации будущих работников. В этом вопросе трудно переоценить роль отраслевой рамки квалификаций. Как известно, отраслевая рамка квалификаций выступает механизмом, при помощи которого могут быть реализованы принципы обучения в течение всей жизни.

Ответим на вопрос, для чего в сфере гостеприимства и туризма, помимо национальной рамки квалификаций, необходима отраслевая рамка. Прежде всего, она позволяет учесть и обеспечить уже сложившиеся в индустрии гостеприимства непрерывность и преемственность формирования и развития квалификационных уровней, их соответствие иерархии и структуре разделения труда. Это позволит также «вписаться» в национальную систему образования, тем самым обеспечив реализацию общей стратегии рынка труда в сфере гостеприимства.

Индустрия гостеприимства, гостиничный бизнес особенно пострадали от ограничительных мер. Пришлось стремительно по срокам и масштабно по охвату переводить персонал гостиничных предприятий

(или их отдельных подразделений) на дистанционную работу. Далеко не все сотрудники оказались профессионально готовы к таким переменам. Исследования показали, что практически все работодатели испытывают острую потребность в персонале, способном воспринять и работать с технологиями геймификации, виртуальной и дополненной реальности, искусственного интеллекта. Это позволило бы повысить вовлеченность сотрудников, степень их участия в решении профессиональных задач, качество использования продуктов и предоставления услуг гостиничного предприятия, усилить лояльность клиентов. Поэтому значение профессиональных стандартов и отраслевой рамки квалификаций для рынка труда в сфере гостеприимства и туризма кратно возрастает, поскольку в этих документах заложены квалификационные требования, учитывающие актуальные потребности бизнеса и потребителя гостиничных услуг. В этом контексте работодатели сферы гостеприимства считают оценку соответствия компетенций работников и выполняемых ими трудовых функций профессиональным стандартам отправной точкой в вопросах обеспечения квалифицированным персоналом. И, конечно же, сложившаяся ситуация показала острую необходимость в повышении квалификации работников в области информационных компьютерных технологий, формирования у них цифровых компетенций, что и формирует интеллектуальный потенциал любого гостиничного предприятия.

К сожалению, в сфере гостеприимства не так много утвержденных профессиональных стандартов: Руководитель / Управляющий гостиничного комплекса / сети гостиниц, Руководитель предприятия питания, Сомелье / Кавист, Официант / бармен, Повар, Пекарь, Кондитер, Экскурсовод (гид), Горничная, Работник по приему и размещению гостей (<http://kadry.frio.ru/ps>). Анализ их содержания показал, что в них недостаточно отражены реалии сегодняшнего дня в части требований к цифровой грамотности, владению информационными технологиями и технологиями искусственного интеллекта.

Современный работник, будь то руководитель, специалист или вспомогательный персонал, должен владеть ключевыми цифровыми компетенциями. Это обусловлено следующими обстоятельствами:

- ☑ современный работник должен уверенно применять различные цифровые средства для успешного взаимодействия с другими людьми и достижения поставленных целей;
- ☑ работник должен уметь самостоятельно ставить перед собой образовательные цели, соответствующие возникающим жизненным задачам, находить и выбирать способы решения и средства профессионального развития с использованием цифровых технологий;
- ☑ современный работник независимо от должности или роли, которую он выполняет в организации, просто обязан уметь генерировать инновационные идеи для решения задач, диктуемых цифровой экономикой, выходить за рамки стандартных моделей, модифицировать традиционные способы решения задач, находить и выдвигать альтернативные варианты действий с целью выработки новых оптимальных алгоритмов их решения;
- ☑ современному работнику крайне необходим навык самостоятельного поиска релевантных источников информации и данных, умение воспринимать, анализировать, запоминать и передавать информацию с использованием цифровых технологий, а также с помощью технологий искусственного интеллекта;
- ☑ работник должен быть способен оценивать информацию на предмет ее достоверности и на основании поступающих данных делать логические умозаключения.

Неслучайно Министерством экономического развития РФ утверждены и рекомендованы к применению образовательными организациями в образовательных и дополнительных профессиональных программах, а также в цифровых организационных структурах ключевые компетенции цифровой экономики: коммуникация и кооперация в цифровой среде, саморазвитие в условиях неопределенности, креативное мышление, управление информацией и данными, критическое мышление в цифровой среде (https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/prikaz_minekonomrazvitiya_rossii_ot_24_yanvarya_2020_g_41.html).

Рано или поздно эпидемиологическая обстановка нормализуется, но это не уменьшит, а скорее наоборот, сделает еще более востребованной процедуры определения соответствия квалификации работников требованиям профессиональных стандартов. И в основе этих процедур лежат национальная и отраслевые рамки квалификаций.

Еще одной причиной того, что процедура подтверждения квалификации в системе независимой оценки квалификации не станет менее востребованной, является увеличение количества безработных и их принципиально новое качество, поскольку кризис радикально меняет и уже переформатировал рынок труда. Изменились сами формы организации труда, реальное и виртуальное рабочее пространство фактически становятся равноценными. «Новые безработные» или «старые безработные» – высококлассные специалисты, но они не востребованы на рынке труда, будут нуждаться и уже нуждаются в формировании новых, в том числе ключевых компетенций цифровой экономики, формировать которые всё чаще придется по индивидуальным обучающим траекториям в соответствии с требованиями профессиональных стандартов, конкретного работодателя и клиентов.

Роль образовательных организаций, прежде всего, высшего образования, невозможно переоценить. Предстоит проанализировать компетенции, зафиксированные в федеральных государственных образовательных стандартах и основных профессиональных образовательных программах. По результатам этой работы в тесном взаимодействии с советом по профессиональным квалификациям в сфере гостеприимства можно определить актуальный перечень компетенций, которые необходимо формировать у выпускников, чтобы создать базу для повышения уровня интеллектуального потенциала предприятий гостиничного бизнеса.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что не только профессиональное сообщество в сфере гостеприимства, но и потенциальные работники, выпускники образовательных организаций, сами образовательные организации крайне заинтересованы в разработке новых и в актуализации уже существующих профессиональных стандартов. Не менее важной задачей является определение перечня компетенций, необходимых работникам для успешной деятельности в структурах

цифровой экономики. Эти компетенции должны быть включены в образовательные и дополнительные профессиональные программы, реализация которых является одним из условий достижения гостиничными предприятиями высокого уровня интеллектуального потенциала, конкурентоспособности и стратегического превосходства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Звягин А. А., Красноженова Г. Ф., Иванов А. М.* Инновационная экономика регионов: развитие индустрии гостеприимства посредством разработки модели экономически эффективного туристско-рекреационного кластера // Экономика, предпринимательство и право. 2021. Т. 11. № 3. С. 535–554.
- Иванов А. М.* Формирование компетенций персонала в сфере гостеприимства в условиях перехода к шестому технологическому укладу с применением цифровых технологий как фактор стратегического превосходства // Инновационно-инвестиционный фундамент развития экономики общества и государства: от научных разработок к практике : сборник научных статей по итогам международной научно-практической конференции. СПб., 2021. С. 132–134.

УДК 796.034

Марандыкина О. В.

кандидат педагогических наук, доцент

Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Россия)

o.marandykina@linguanet.ru

Егоров Д. Е.

кандидат педагогических наук, доцент

Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Россия)

sport@linguanet.ru

МАССОВЫЙ СПОРТ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ЕГО РОЛЬ В СОЦИАЛИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО МОЛОДОГО ПОКОЛЕНИЯ

Статья посвящена результатам анализа массового спорта как фактора здоровья населения, социализации молодежи и в контексте национальной безопасности. Проблема здоровья молодежи вызывает тревогу специалистов медицины, педагогики и социологии. Не менее трагичная ситуация выявлена в ходе анализа уровня физических кондиций студентов. В ходе подготовки материала использовался метод анализа и обобщения литературных источников. Полученные результаты исследования могут быть использованы при освоении ряда дисциплин: физической культуры, социологии, менеджмента в спорте.

Ключевые слова: массовый спорт; современное молодое поколение; национальная безопасность; социализация; сверхзадача государства

Marandykina O. V.

PhD (Pedagogy), Associate Professor
Moscow State Linguistic University
(Moscow, Russia)
o.marandykina@linguanet.ru

Egorov D. E.

PhD (Pedagogy), Associate Professor
Moscow State Linguistic University
(Moscow, Russia)
sport@linguanet.ru

**MASS SPORT IN THE CONTEXT OF NATIONAL SECURITY
AND ITS ROLE IN THE SOCIALISATION
OF THE MODERN YOUNG GENERATION**

The article deals with the results of analysis of mass sport as a factor of public health, youth socialisation and in the context of national security. The problem of young people's health is alarming for specialists of medicine, pedagogy and sociology. An equally tragic situation is revealed in the analysis of the level of physical condition of students. During the preparation of the material, the method of analysis and synthesis of literary sources was used. The results of the study can be used in the development of a number of disciplines: physical education, sociology, management in sport.

Keywords: mass sports; modern young generation; national security; socialization; state super task

Современность с ее тенденциями (развитие цифровых технологий, пандемия Covid-19) содержит достаточно большое число вызовов и нововведений, которые оказывают влияние на все сферы жизни и функционирования общества. Массовый спорт является одним из эффективных методов социализации современной молодежи, предотвращения асоциального поведения, повышения физических кондиций и физического развития, формирования знаний, навыков и умений. В массовом спорте нет ограничений по возрасту участников и их спортивной квалификации.

Спорт как социальный феномен воздействует на все сферы жизнедеятельности социума, на национальные отношения, деловую жизнь, он формирует моду (здоровый образ жизни, занятия модными видами спорта, например, теннисом, футболом, единоборствами) и этические ценности (взаимовыручка, нетерпимость к нарушениям правил), образ жизни людей (спортивный стиль жизни), не обошла стороной и необходимость правового обеспечения сферы физической культуры и спорта.

Активное включение в массовый спорт молодежи происходит по ряду причин: выбор молодым человеком вида спортивной деятельности, выбор родителями или родственниками, но основной позыв данного выбора – желание достичь высот в спорте и научиться себя защищать. Другим не менее важным фактором является нежелание родителей позволять детям «шататься» по улице, а также их желание увидеть своих детей на пьедестале почета. Зачастую это касается таких видов спорта, как спортивная или художественная гимнастика, фигурное катание (девушки), футбол, хоккей и единоборства (юноши). К данному выводу авторы пришли в ходе бесед с тренерским составом, ведущим и отбирающим будущих спортсменов в спортивные секции.

Во все времена молодежь являлась наиболее активной социально-демографической группой, потенциалом развития общества, так как именно она создает и осваивает новые, прорывные технологии, ищет пути реализации своего потенциала, в том числе и творческого, что оказывает влияние на совершенствование всего общества и государства, способствуя росту экономических и политических возможностей. Именно благодаря молодежи появляются всё новые и новые виды спортивной деятельности и спорта, различные тренажеры и устройства.

На современном этапе массовый спорт выполняет ряд социальных функций, таких как совершенствование физических кондиций и сохранение индивидуального здоровья, социализации и гармоничного развития личности, недопущения деструктивного поведения, организации содержательного времяпрепровождения, подготовки к различного рода деятельности (умственная, профессиональная и др.) [Самыгин, Самыгин, 2015, с. 42].

Социализация в процессе занятий различными видами спортивной деятельности способствует формированию целого ряда ценностей, таких как формирование поведенческих установок и норм, первоначальное представление о жизни и мире. Спорт учит вести поиск способов и методов достижения цели, идти на жертвы ради намеченного и т. д.

Основным фактором в процессе приобщения к спортивной деятельности является мотивация людей, поскольку именно она воздействует на поведение индивидов в их повседневной деятельности [Самыгин, Самыгин, 2020, с. 75].

Массовый спорт способствует здоровому образу жизни: регулярные занятия различными видами спорта помогают сохранять и укреплять здоровье, предотвращают развитие вредных привычек.

Болозин А. А. указывает, что любая форма двигательной активности способствует сохранению и укреплению здоровья, физическому развитию и физической подготовленности, является составляющей здорового образа жизни и воспитывающим фактором. Оптимальный уровень двигательной активности может быть осуществим посредством систематических физических упражнений, занятий различными видами спортивной деятельности, что является частью массового спорта, выступающего результативным показателем социализации молодежи [Болозин, 2018, с. 56].

В процессе занятий различными видами спортивной деятельности формируется личностные и духовно-нравственные качества, которых достаточно много. Приведем часть из них: упорство, умение работать в команде, активная гражданская позиция, ответственность, целеустремленность, самостоятельность, терпимость, способность принимать решения [Самыгин, Самыгин, Верещагина, 2015, с. 59].

Исследуя данные различных авторов, мы выяснили, что у российской молодежи отношение к спорту достаточно противоречиво, и этому есть некоторое количество объяснений. Одним из них является увлечение различными гаджетами, уход в виртуальное пространство. Современные технологии изменили мир вокруг нас, способствовали формированию новых требований и зависимостей. Растет число молодых людей с психическими отклонениями, проявляющимися в развитии зависимости от интернета, гаджетов и т. д.

Спорт, массовый спорт, занятия различными видами спортивной деятельности играют ведущую роль в процессе социализации молодежи, что связано с общением, взаимопомощью, знанием особенностей избранного вида спорта, его историей, перспективой развития и иными ценностями спорта в сознании современной молодежи, ведь спорт трансформируется сообразно новым условиям, аккумулирует в себе основные ценности общества, которые являются скрепом, драйвером его развития.

На современном этапе спортивный стиль жизни становится модным, и значительная часть молодежи оценивает его роль как первостепенную, ведь систематические занятия способствуют более эффективному приспособлению к постоянно изменяющейся социальной среде.

Но по окончании учебы в школе или вузе проявляется негативная тенденция, связанная с ослаблением ценности занятий спортом и спортивного стиля жизни у молодежи. Окончив обучение, молодые люди перестают заниматься различными видами спортивной деятельности, и все занятия переходят в пассивный характер (просмотр спортивных телепередач, чтение спортивной периодики и т. д.) [Герасимов, 2019, с. 24]. Это связывают с необходимостью включаться в профессиональную деятельность, брать бремя содержания семьи в свои руки, из-за чего времени на занятия различными видами спортивной деятельности уже не остается. Содержание семьи требует всё больше и больше времени и средств. Современные технологии свели тяжелый физический труд до пользования компьютером и управления процессом с помощью джойстика, когда трудовая деятельность в определенной области связана с практическим отсутствием необходимой двигательной активности, что способно обострить и обостряет проблемы со здоровьем. И данные факторы оказывают негативное воздействие не только на физическое развитие и подготовленность современной молодежи, но и на национальную безопасность.

Для популяризации спорта, формирования необходимого уровня физической подготовленности, овладения необходимым объемом двигательных умений и навыков, формирования патриотизма разработан Всероссийский физкультурно-спортивный комплекс «Готов к труду

и обороне» (ГТО). Задача комплекса – вовлечь в ряды занимающихся различными видами спортивной деятельности как можно большее число людей, мотивировать желающих сделать спорт и здоровье естественной частью своей жизни. При этом назначением является гармоничное развитие личности, укрепление здоровья, патриотическое воспитание, формирование необходимого уровня физической подготовленности и объема двигательных умений и навыков. В обеспечении национальной безопасности важно физическое здоровье, а также укрепление ценностных основ государства и общества.

Поддержание национальной безопасности нашей страны непосредственно зависит от здоровья молодого поколения, поэтому желательно сокращать прямые и косвенные угрозы жизни и здоровью молодых людей, гарантировать развитие психологически и физически здоровых личностей на новых направлениях социализации в соответствии с духом времени с целью развития у молодого поколения поведения, направленного на самосохранение.

Одной из задач массового спорта является необходимость сделать спорт естественной частью процесса социализации молодежи, ведь благодаря упражнениям удовлетворяется достаточно широкий спектр потребностей индивида (физических, психологических, социальных и др.), укрепляется здоровье, а также спорт препятствует развитию девиантного поведения. Основной задачей государства в этой сфере является обеспечение доступности занятий для молодежи, совершенствование инфраструктуры (ледовые катки, спортивные сооружения, в том числе и плоскостные открытые сооружения, спортивные комплексы и спортивные залы, сооружения) [Самыгин, Самыгин, Верещагина, 2015, с. 59–60].

Следует отметить, что государство ориентировано на активизацию интереса к сфере физической культуры и спорта, вовлечению максимально возможного числа занимающихся различными видами спортивной деятельности, улучшению состояния здоровья населения, патриотическом воспитании, укреплении авторитета России на международной арене как спортивной державы. Здоровая нация, в которой одним из приоритетов является сохранение и укрепление всех форм здоровья, является экономическим потенциалом любого государства,

так как именно население создает продукт, осваивает ресурсы, не меньшим фактором является и экономический вопрос, так как хорошее здоровье граждан приводит к сокращению социальных расходов (лечение, сокращение времени пребывания на больничном, средства на реабилитацию и т. д.) [Цинченко, Орлова, 2019, с. 78].

В развитии государства и общества, духовного и физического здоровья основную роль играет массовый спорт, где участие в соревнованиях не является доминирующей составляющей и куда включаются подготовка к соревнованиям, изучение методик, приобретение инвентаря и т. д. Занятие физической культурой или различными видами спортивной деятельности – один из драйверов экономического роста, поэтому экономически развитые государства ведут активную политику в данной сфере. В «Стратегии развития физической культуры и спорта в Российской Федерации до 2030 года» подчеркивается, что миссия государства заключается в формировании культуры здорового образа жизни как основы устойчивого развития общества и качества жизни населения, повышении экономической эффективности функционирования сферы физической культуры и спорта, повышении авторитета России на международной спортивной арене¹.

В современных условиях в ряде государств фитнес развивается по нескольким направлениям: во взаимодействии государства, правительственных организаций, учреждений и гражданского общества, где для реализации совместных спортивных программ необходимы эффективная спортивная политика, объединение всех субъектов страны [Газиева, Намазов, 2016, с. 436].

Массовый спорт не только является фактором укрепления здоровья, но и способствует обороноспособности. Так, например, разработка Всероссийского физкультурно-спортивного комплекса ГТО направлена на приобщение к подготовке к сдаче норм ГТО и массовому спорту максимального числа занимающихся. Одно из назначений комплекса ГТО – освоение различных видов спортивной деятельности, необходимых для службы в вооруженных силах и защиты государства. Таким видом является туризм, где формируются умения ориентироваться на местности, пользоваться картой и компасом, преодолевать

¹ Распоряжение от 24 ноября 2020 г. № 3081-р // Правительство РФ.

преграды, организованно перемещаться. Также для успешной сдачи норм ГТО необходимо осваивать передвижение на лыжах, плавать, метать в цель и в длину и т. д. Во время Великой отечественной войны именно значкисты ГТО проявили себя как умелые и стойкие воины, умеющие метко стрелять, точно и далеко метать гранату, преодолевать значительные пространства и без отдыха вступать в бой. Не менее важны и занятия прикладными видами спорта, которые также входят в список массового спорта. Среди них выделяют парашютный спорт, пожарно-прикладной спорт, конный спорт, авиационный спорт, автомобильный спорт и т. д. Они представляют собой эффективные способы подготовки молодых людей к службе в вооруженных силах и защите государства.

Роль массового спорта в обществе и в молодежной среде невозможно переоценить, поскольку регулярные физические нагрузки положительно воздействуют на организм, дают необходимый объем умений и навыков, укрепляют здоровье, помогают формированию гармонично развитой личности, способствуют социализации и физической подготовленности, в том числе и к профессиональной деятельности и защите государства при различных внешних и внутренних угрозах.

Таким образом, в системе занятий спортивной деятельностью происходит воспитание личности, привитие социальных ценностей, организованности, настойчивости, целеустремленности и самообладания. Перечисленные качества необходимы во всех сферах деятельности человека и играют ведущую роль в достижении поставленных задач как в спортивной, так и в профессиональной и общественной жизни.

Для построения общества, способного преодолеть все вызовы, необходимо здоровое население с активной жизненной позицией, подготовить которое можно только благодаря вовлечению в массовый спорт максимального количества занимающихся, независимо от возраста и пола, социального положения и достатка, где доминирующую роль играет государственный аппарат и Правительство России, целью которых является популяризация спорта среди молодого поколения

и сохранение благополучия граждан Российской Федерации [Болозин, 2018, с. 57–58]. В массовый спорт необходимо вовлекать максимальное число желающих, но акцентировать внимание следует на молодежи.

В результате исследования авторы пришли к следующим выводам:

- массовый спорт – неотъемлемый фактор устойчивого роста развития общества;
- одним из эффективных средств социализации современной молодежи являются занятия различными видами спортивной деятельности;
- массовый спорт – эффективное средство подготовки современной молодежи к службе в вооруженных силах и защите государства при различных угрозах;
- необходимо активизировать работу по вовлечению молодежи в занятия различными видами спортивной деятельности;
- массовый спорт повышает экономический потенциал государства;
- массовый спорт является одним из эффективных средств социализации молодежи;
- государство должно занимать более активную позицию по отношению к массовому спорту;
- государству необходимо обеспечивать динамичное развитие массового спорта (разработка и возведение спортивных сооружений, подготовка кадров для обеспечения учебно-тренировочного процесса);
- для обеспечения доступности всем желающим следует расширять список бесплатных спортивных секций, что будет способствовать вовлечению людей в массовый спорт;
- вузы должны активизировать работу по вовлечению студенчества в занятия различными видами спортивной деятельности;
- сфера малого бизнеса также должна участвовать в активизации интереса молодежи к массовому спорту. Так, предприниматели могут организовывать различные секции и спортивные соревнования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Болозин А. А.* Массовый спорт и его значение для современной российской молодежи // Гуманитарий Юга России. 2018. № 2. С. 54–60.
- Газиева И. С., Намазов А. К.* Массовый спорт за рубежом // Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения. 2016. № 1. С. 433–438.
- Герасимов М. В.* Место спорта в жизненных проектах современной российской молодежи: социологический анализ // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2019. № 3. С. 23–26.
- Самыгин П. С., Самыгин С. И.* Особенности социализации современной российской молодежи в сфере спорта // Гуманитарий Юга России. 2020. № 4. С. 73–88.
- Самыгин С. И., Самыгин П. С.* Массовый спорт и его роль в социализации молодежи в современной России // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 6. С. 42–45.
- Самыгин С. И., Самыгин П. С., Верецагина А. В.* Спорт и здоровье российской молодежи в аспекте национальной безопасности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. № 5. С. 58–62.
- Цинченко Г. М., Орлова И. С.* Государственная политика Российской Федерации в сфере развития физической культуры и спорта // Вопросы управления. 2019. № 3 (39). С. 76–85.

УДК:796

Маркарянц Л. М.

доктор технических наук, профессор

Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Россия)

larisa.markaryants@yandex.ru

ЗДОРОВЫЙ ОБРАЗ ЖИЗНИ СТУДЕНТОВ КАК ОДИН ИЗ ФАКТОРОВ ПОВЫШЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Рассматриваются условия для формирования физического здоровья молодежи в интересах обеспечения национальной безопасности России.

Ключевые слова: здоровье нации; здоровый образ жизни; физическая культура; национальная безопасность

Markaryants L. M.

Doctor of Technical Sciences (Dr. habil), Professor

Moscow State Linguistic University
(Moscow, Russia)

larisa.markaryants@yandex.ru

HEALTHY LIFESTYLE OF STUDENTS AS ONE OF THE FACTORS OF INCREASING NATIONAL SECURITY

The conditions for the formation of the physical health of young people in the interests of ensuring the national security of Russia are considered.

Keywords: national health; healthy lifestyle; physical culture; national security

На современном этапе развития общества угрозу для национальной безопасности может создавать влияние внешних и внутренних негативных факторов. В связи с этим обеспечение безопасности молодежи в различных сферах жизнедеятельности – первоочередная задача государства.

Важно отметить, что национальная безопасность зависит от здоровья молодежи. Уровень здоровья нации говорит о потенциале страны. Чтобы достичь этой цели, необходимо создать условия для формирования духовно и физически здоровой личности. Главной задачей, с точки зрения обеспечения национальной безопасности, является здоровый образ жизни, а также физическое, ментальное и психологическое состояние студента. Немалую роль играет и хорошая физическая подготовка российской молодежи, от которой зависит будущее общества.

Здоровый образ жизни – это поддержание режима труда и отдыха, здорового питания, искоренение вредных привычек, а главное – постоянные занятия спортом. Плодотворный труд также является важным показателем здорового образа жизни. Всё вышеперечисленное позволит до глубокой старости сохранить нравственное, психическое и физическое здоровье.

Таким образом, мы можем утверждать, что для обеспечения национальной безопасности России необходимо более активно агитировать подрастающее поколение, наших будущих защитников Отечества, заниматься спортом [Кочерьян, 2015].

Согласно данным статистики 1/3 часть молодежи считает, что здоровье определяется хорошим самочувствием [Самыгин, Самыгин, Попов, 2014]. У многих молодых людей имеются вредные привычки. Это происходит из-за ослабления внимания родителей и школьных учителей, когда некоторых школьников освобождают от занятий физической культурой часто по надуманным причинам. Это же происходит и в высшей школе. Число таких учеников постоянно возрастает [там же]. Некоторые студенты равнодушны к занятиям физической культурой. Такое отношение и недостаточная двигательная активность также влияют на здоровье молодежи. Поэтому необходимо принимать такие меры, которые позволят обеспечить социализацию молодежи, а также уменьшат риски, влияющие на их самочувствие.

Состояние здоровья молодых людей напрямую зависит от нормальной работы всех органов и систем организма. Это и есть показатель физического здоровья.

Психическое здоровье связано с мышлением, хорошей памятью, волевыми качествами, эмоциональной устойчивостью в чрезвычайных ситуациях и здоровым образом жизни.

Если человек не пренебрегает нормами морали, его считают физически и психически здоровым. Исходя из вышесказанного, социальное здоровье считается высшей мерой человеческого здоровья.

Современное видение развития нации напрямую связано со здоровьем детей и подростков [Евсеев, 2006]. Также очень важно, чтобы наше молодое поколение было достаточно образованным, высоконравственным, способным контролировать свои действия и делать соответствующие правильные выводы в любых жизненных ситуациях [Замятина, 2015].

Регулярное поддержание физической активности поможет молодежи всегда быть в хорошей форме и не знать проблем со здоровьем.

Занятия спортом – одна из составляющих физической культуры. Спорт в нашем обществе способствует развитию физических, психических и духовных качеств человека. Среди главных задач нашего правительства должно быть создание необходимых условий для вовлечения молодежи в занятия спортом. Это поможет достичь высоких показателей на олимпиадах, мировых чемпионатах и повысить мощь нашей страны.

Согласно положениям Стратегии национальной безопасности Российской Федерации чтобы противостоять угрозам, нашей стране необходимо силами обеспечения национальной безопасности взаимодействовать с институтами гражданского общества, а это, в свою очередь, поможет поддерживать здоровье нашей молодежи. Важнейшим фактором укрепления здоровья нации является развитие всех видов спорта (http://news.kremlin.ru/ref_notes/424).

По инициативе нашего президента В. В. Путина была создана «Ассоциация студенческих спортивных клубов России». В результате сформировались сети спортивных клубов на базе образовательных учебных заведений среднего и высшего профессионального образования. На сегодняшний день Ассоциация имеет региональные отделения в 49 субъектах России. Это поможет поддержать военную и политическую мощь нашей страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Евсеев С. П., Комков А. Г., Шелков О. М.* Реализация личностно ориентированного подхода в процессе использования инновационных технологий физического воспитания школьников // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2006. № 2. С. 24–26.
- Замятина М. Р.* Проблемы и перспективы развития физической культуры в России // Инновационные педагогические технологии. 2015. № 34. С. 178–183.
- Кочерьян М. А., Пармонов А. П.* Физическое воспитание молодёжи как фактор обеспечения национальной безопасности России // Педагогическое образование в России. 2015. № 1. С. 88–92.
- Самыгин С. И., Самыгин П. С., Попов М. Ю.* Здоровье в системе ценностных установок современной российской молодежи // Гуманитарные и социально-политические науки. 2014. № 12. С. 4–7.

УДК: 130.2

Марков А. П.

доктор культурологии, доктор педагогических наук
заслуженный деятель науки РФ.

Гуманитарный университет профсоюзов
(Санкт–Петербург, Россия).

markov_2@mail.ru

СЦЕНАРИЙ «АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЙ РЕГРЕССИИ» ЭПОХИ ПОСТМОДЕРНА: ЗАМЫСЕЛ, СТРАТЕГИИ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Статья посвящена комплексному исследованию причин антропологического кризиса, характерного для современного этапа развития европейской цивилизации. Источником кризиса стали ключевые характеристики культуры постмодерна, определившие разрушение смыслообразующих жизненных сценариев и деформацию классических критериев идентичности – религиозной, национально-культурной, гендерной, социальной.

Ключевые слова: антропологический кризис; эпоха постмодерна; постмодернизм; деконструкция образа человека и мира; массовая культура; сценарии будущего

Markov A. P.

Doctor of Art History (Dr. habil), Doctor of Pedagogy (Dr. habil),
Honored Worker of Science of the Russian Federation.

Humanitarian University of Trade Unions
(Saint Petersburg, Russia)

markov_2@mail.ru.

SCENARIO OF THE “ANTHROPOLOGICAL REGRESSION” OF THE POSTMODERN ERA: PLAN, STRATEGIES, PROSPECTS

The article is devoted to a comprehensive study of the causes of the anthropological crisis characteristic of the modern stage of development of European civilization. The source of the crisis was the key characteristics of the postmodern culture, which determined the destruction of meaning-forming life scenarios and the deformation of the classical criteria of identity: religious, national and cultural, gender, social.

Keywords: anthropological crisis; postmodern era; postmodernism; deconstruction of the image of man and the world; mass culture; scenarios of the future

Современная цивилизация переживает эпоху глобальной деструкции метафизических и институциональных оснований, делающей неизбежной тотальную «перезагрузку» мировой истории. О приближающейся «границе сингулярности», ломающей понятную логику эволюции и фиксирующей переход человечества в стадию «постэволюционного развития», свидетельствуют набирающий обороты экологический кризис; антропологическая катастрофа, фиксирующая разрушение образа человека в его привычных параметрах; экспансия немотивированной агрессии, которая свидетельствует об истощении «гуманистических» ресурсов разума, ограниченных «неискоренимыми свойствами природного носителя» [Назаретян, 2013]; деградация капиталистической системы производства, запускающая драматический переход к посткапиталистической стадии мировой истории, контуры которой пока предельно неопределенны.

В системе гуманитарного знания можно обнаружить две группы сценариев будущего. Первая группа представлена пессимистическими прогнозами сторонников объективной, мало зависящей от человеческой мысли и воли логики истории. Например, фазовый переход мира в новое качество, сопровождающийся самоистреблением значительной части человечества [Карелов, 2017]; или сценарий катастрофического «возврата» в природу [Зерзан, 2007]. Во вторую группу мы включаем сценарии будущего, возникающие в результате интеллектуальной, проектной деятельности духовной элиты мира, понимающей обреченность традиционной логики развития. Это: а) «*трансгуманистическая*» версия будущего, предполагающая «денатурализацию» человека и превращение его в некое подобие кибер-аватара (основания «трансгуманистической версии» завтрашнего дня фундаментально разобраны А. П. Назаретяном); б) проект «*управляемой эволюции*», прописывающий стратегии и тактики целенаправленного «перезапуска истории» (<https://cont.ws/@obolon/2134566>). В основу этих двух концепций положена идея целенаправленной смены этапов мировой истории как результата замысла будущего, который рождается в умах духовной элиты и потом становится проектом для практического воплощения. Сценарии второй группы предполагают целенаправленную «антропологическую регрессию» мира, а именно: снижение ключевых

характеристик человека как существа духовного, социально ответственного и интеллектуально вменяемого; био-психическую деградацию антропоса на ментальном уровне (или даже «денатурализацию» человека – А. Назретян). Эти задачи возложены на ключевые институты культуры этапа постмодерна: масс-медиа, в том числе интернет; искусство; НПО, систему образования.

Во-первых, «антропологической регрессии» (или даже «антропологическому суициду») способствует запущенная «информационным террором» эпидемия страха, на ментальном уровне уничтожающая энергию жизни (в частности, «ковидоистерия», вот уже более двух лет иссушающая психологические ресурсы; нагнетание страха приближением Третьей мировой войны). Страх переводит человеческое сознание на биологический уровень выживания, разрушая привычные смыслообразующие сценарии. Во-вторых, условием естественного самоуничтожения значительной части человечества становится девальвация ценностей семьи и моральное растрепывание детей. В-третьих, в приоритеты «антропологической регрессии» включена духовно-нравственная деградация человека – путем лишения его стыда и совести, легитимации порока, раскрепощения бытового расизма, самой отвратительной энергии языческого прошлого. Сегодня расизм начинает свое торжественное шествие по Европе – во время спецоперации на Украине европейские «гуманитарии» вышвыривали наших учащихся и студентов из школ и университетов – они это делали по тому же критерию, по которому нацисты сжигали в крематориях славян и евреев. Разновидностью «цифрового расизма» является информационная война, которую Запад под руководством «англосаксонского гегемона» ведет с русским миром – тотальный шантаж лжи и фальсификаций как базовый ресурс «информационного терроризма» предполагает экзистенциальное уничтожение всех, кто придерживается правды. Возрождающийся расизм – ключевой симптом заката западной цивилизации, которая погружается в ад язычества.

Сценарий деградации человечества зародился в недрах постмодернизма как всеобъемлющей системы гуманитарного знания, исповедующей стиль пост-неклассического мышления и принципы «антропологического нигилизма». В определенном смысле постмодернизм

стал реакцией на кризис идей и ценностей эпохи модерна, фиксируя окончательную смерть «супероснований» западной цивилизации: после объявленной Ф. Ницше «смерти Бога» он заявляет о «смерти автора» (Р. Барт), а потом и самого человека, который в результате тотальной разборки классических оснований идентичности должен превратиться в *ризому* – «изгладиться, как лицо, нарисованное на прибрежном песке» [Фуко, 1977, с. 487]. Его «антропологический нигилизм» отражают замещающие человека образы ризомы и симулякра, усиливают некрофильские мотивы «смерти» субъекта, автора.

Предметом постмодернистских атак становится выстрадавшая человеческой историей взлетов и падений логоцентричная культура, и, прежде всего, ее духовно-нравственная матрица, которая творила и удерживала образ человека как обращенного к вечности. Философия постмодернизма производит замену ключевых категорий европейской «культуры Логоса»: антропос вытесняется ризомой, подлинность бытия – сконструированным знаковым текстом, реальный мир – его виртуальным двойником, хаосом симулякров, «не содержащих натурной вещественности, знаков, обменивающихся друг с другом безотносительно к тому, в каких отношениях находятся первичные реальности, а также безотносительно к нашим человеческим претензиям на смысл, истину, справедливость» [Панарин, 2014, с. 107]. Институты и достижения Возрождения, Просвещения и модерна, в том числе приоритет разума, идея прогресса и демократия, гуманизм, права и свободы человека, которые в контексте западной цивилизации много веков носили всеобщий характер, квалифицируются как средства «угнетения и насилия» (см. М. Фуко). Философские тексты лидеров постмодернизма пронизаны пафосом тотального неприятия и девальвации достижений предшествующих эпох, демонстративного «недоверия метанарративам», произведенным религией, фундаментальной наукой и идеологией прошлых эпох (Ж. Ф. Лиотар). Ядро концептосферы данного философского направления составляют эпатажирующие формулы «конца истории», «децентрации и деконструкции», интеллектуальной провокации и шизоанализа. Такая философия превращается в «шаманское камлание», а поиск истины и творение текста становится безответственной «игрой в слова», в плетение

бесконечных узоров «означающих» без «означаемых», знаков без предметов [Казин, 2020, с. 481]. В результате создания и потребления такой продукции стремительно расширяется сегмент с симптомами явной или скрытой интеллектуальной дисфункции. «Роковыми уровнями» редукции познавательных способностей человека в культуре постмодерна становятся бессмысленные с позиции классического знания формулы: «самообоснованное сознание», «чистый феномен», «желание желания».

Постмодернизм «с загадочным злорадством» стремится разрушить систему вертикального измерения бытия, смысловые атрибуты которого традиционно фиксировались концептами возвышенного и низменного, истины и лжи – постмодернистский дискурс снимает «искусственный конфликт» этих противоположностей, осуществляет инверсию «вечных оппозиций добра и зла, прекрасного и безобразного, нормального и девиантного». Его логика понятна: предыдущие эпохи демонстрировали «не мирное сосуществованием антонимов, а насильственно внедренную иерархию, в результате которой один термин управляет другим (аксиологически, логически и т. д.), демонстрируя над ним превосходство. «Деконструировать» оппозицию означает «свергнуть существующую иерархию». Для убедительной деконструкции классической картины мира «он берет себе в союзники силы разложения и глумления, инстанции, играющие на понижение, на ниспровержение «божественной триады» Истины, Добра и Красоты» [Панарин, 2005, с. 151–152]. Основная задача «децентрации» и «разбалансировки» пространства логоцентричной культуры модерна – превращение ее в свободную игру маргинальных в онтологическом, ценностном и моральном смысле элементов, получающих в системе массового сознания статус референтных, системообразующих (Ж. Деррида). Нормативная база традиционной культуры, ее ценностная вертикаль, язык – всё это квалифицируется как средство насилия и принуждения. Негативная оценка дана практике использования (в том числе в системе права, средствах массовой информации) категорий, фиксирующих расовые, идеологические и гендерные различия, сексуальные ориентации – такая сегментация социума, по мнению постмодернистов, провоцирует агрессивно-разрушительные

волны «микроагрессии». Идентичность характеризуется как иллюзия – результат «репрессивных дискурсов» в сфере ключевых институтов культуры. Свидетельством глубинной деформации антропологического кода западноевропейской цивилизации эпохи постмодерна является неолиберальная свобода от всего того, что ранее определяло устойчивость мира и смысл бытия: институтов государства и гражданского общества, религии, национальной культуры, морали и совести, свобода от любых «нормативных форм» коллективной идентичности (А. Дугин) – религиозной, национально-культурной, гендерной, социальной, расовой, свобода от реальности, которую стремительно заменяет виртуальный мир, и даже от самого человека – как помехи на пути «космического прогресса», которую «устраняет» трансгуманизм с его идеалом постчеловека. Реальность вытесняется гиперреальностью симулякров (подделок, копий), фальсифицирующих не только социально-культурные и политические феномены, но и самого субъекта, принимающего в качестве реальных репрессивно навязанные или сфальсифицированные желания (Ж. Бодрийяр).

Постмодернистский антропологический проект становится сценарием «смерти человека» в его классической формуле – как «*antroposa*», т. е. существа, устремленного ввысь, в сферу духа: в рамках новой антропологии человек обращает свой взор в сторону нижней половины человеческого тела, инстинктами и отправлениями которой он чрезвычайно озабочен. Характерный для «бесовской текстуры» постмодерна (Р. Барт) «реванш телесности» и разнузданной чувственности «растормаживает» деструктивные инстинкты эроса и танатоса, которые грозят погружением человечества в скотоподобное состояние. Стратегия формирования «нового язычника» символически квалифицируется как «гуманитарный апокалипсис», «антропологическая эвтаназия» европейской культуры [Казин, 2020]. Размывая ценностно-нормативное пространство культуры, постмодернизм расширяет спектр жизненных стратегий «маргинальной» антропологии, с ее репертуаром девиаций и трансгрессий. Сотворенного духовными энергиями мировых культур человека вытесняет специфический антропокультурный тип – существо с маргинальным духовно-нравственным статусом, моральной неотягощенностью и безразличием к истине,

почти утратившее способность различать добро и зло. Героями социальных сетей и бесконечных телевизионных ток-шоу становятся психически не вполне здоровые личности, страдающие извращениями, фобиями, маниями – именно они начинают играть ведущую роль в формировании стандартов искусства и моды, становятся «лидерами мнений» для значительной части молодежи. В качестве «нормативной» утверждается маргинальная «фрик-антропология», маркируемая символами «уродства», «вырождения», «перверсии», опытом патологии и трансгрессии (А. Дугин). Социальную базу «фрик-культуры» составляют личности с физическими и психическими отклонениями, сознательно позиционирующие себя имитацией деградации и вырождения. «Классического антропоса» активно смещают с арены истории «постчеловеческие сущности» – в лице киборгов, мутантов, хипстеров.

Постмодернистская парадигма системно и глубоко пустила «метастазы» хаоса и морального нигилизма в интеллектуальные миры гуманитариев. Спрос на эту продукцию обеспечила та часть интеллектуальной (а потом и художественной) элиты, которая испытывала очевидный дефицит культуры рефлексии – того необходимого поворота сознания «на себя», позволяющего понять замысел своих действий и оценить их последствия. Потребителям постмодернистского творчества стали гуманитарии, утратившие способность к внутренней мобилизованности и сосредоточенности, к пониманию магии слова и великой энергетики Логоса, захваченные в плен тотальной свободой «от...», лишённые ответственности за то, «как наше слово отзовется...». Откровенный аморализм и «постмодернистская телесность» как «новое кредо» профессионалов духовного производства не только сужает пространство логоцентричной культуры – эта мировоззренческая доминанта стала значимым фактором девальвации антропотворческого статуса интеллигенции: она выхолащивает в умах и душах гуманитарной элиты всё то, что традиционно обеспечивало «духовное первородство» интеллигентского сословия «как несущего отсвет древних функций священства и пророчества» [Панарин, 2014, с. 1226].

Гуманитарное сообщество последнего времени, способное слышать зов истины, постепенно освобождается от чар постмодернистских

формул, понимая их подлинный смысл и умысел. Это лишний раз доказывает, что в глубинах человеческой экзистенции неуничтожимы «семена» другого мира: там всегда остается «высшее веление», тоска по планам другого – подлинного бытия. «Человек не может оставаться только человеком, он должен или подняться над собой, или упасть в бездну, вырасти или в Бога, или в зверя». От него зависит – «чем надлежит быть вселенной – зверинцем или храмом» [Трубецкой, 2011, с. 395–396]. Гарантом сохранения и развития духовного вектора цивилизации выступает метафизическая сущность человека – его свобода и неискоренимая потребность поиска смысла жизни. А потому поиск конструктивных стратегий реабилитации и сохранения выстраданной историей антропологической версии (начиная с формирования ее метафизических и ценностно-нормативных основ, заложенных «осевым временем») современная философско-культурологическая мысль должна рассматриваться не только как научный долг перед истиной, но и как духовно-нравственная ответственность перед судьбами культуры и будущим человечества – образ человека формируется стихией Логоса, и уже потом становится конструирующим реальность «самосбывающимся пророчеством».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Зерзан Д.* Первобытный человек будущего. М. : Гилея, 2007.
- Казин А. Л.* Евразия в свете православия // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2020. № 3-2. С. 481–486.
- Карелов С.* Большой войны не миновать // Medium. 2017, 8 января. URL: <https://econet.ru/articles/148907-nasim-talleg-bolshoy-voynu-ne-minovat> (дата обращения: 22.01.2022).
- Назаретян А. П.* Нелинейное будущее. М. : МБА, 2013.
- Панарин А. С.* Русская культура перед вызовом постмодернизма. М. : ИФ РАН, 2005.
- Панарин А. С.* Православная цивилизация / сост., предисл. В. Н. Расторгуев, отв. ред. О. А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2014.
- Трубецкой Е. Н.* Смысл жизни / сост. и отв. ред. О. А. Платонов. М. : Институт русской цивилизации, 2011.
- Фуко М.* Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1977.

УДК: 177.99

Мишурова О. И.

соискатель степени кандидата наук

Московский государственный лингвистический университет

Московский государственный юридический университет

имени О. Е. Кутафина

(Москва, Россия)

oimishurova@msal.ru

МЕСТО СОЦИАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЯХ

В статье рассмотрены место и роль социальной ответственности в социально-политических отношениях, показаны основа социальной ответственности в социально-политических отношениях, алгоритм ее реализации, уровни ответственных социально-политических отношений. Вне социальной ответственности социально-политические отношения существовать не могут. В ее основе лежит сочетание интересов между социальными и политическими субъектами, личным и общественным интересами. Степень сочетания интересов определяет уровни ответственных социально-политических отношений.

Ключевые слова: социальная ответственность; социально-политические отношения; интерес; сочетание интересов

Mishurova O. I.

Applicant for an Academic Degree

Moscow State Linguistic University

The Kutafin Moscow State Law University

Moscow, Russia

oimishurova@msal.ru

THE PLACE OF SOCIAL RESPONSIBILITY IN SOCIO-POLITICAL RELATIONS

The article considers the place and role of social responsibility in socio-political relations, shows the basis of social responsibility in socio-political relations, the mechanism of its implementation, levels of responsible socio-political relations. Social and political relations cannot exist outside of social responsibility. It is based on the combination of interests between social and political subjects, personal and public interests. The degree of combination of interests determines the levels of responsible socio-political relations.

Keywords: social responsibility; socio-political relations; interest; combination of interests

Социальный субъект реализует себя в различных сферах жизни общества: экономической, духовной, социальной, политической. Отметим, что политическая сфера связана с функционированием власти государства, которое, будучи самым влиятельным социальным институтом, должно обеспечивать достойный уровень качества жизни своих граждан, а также воплощать в жизнь идеи социальной справедливости.

Политическая сфера призвана удовлетворять потребности своих граждан в безопасности, что невозможно реализовать вне социально-политических отношений, вне государства. Здесь проявляется важность социально-политических отношений, т. е. отношений между человеком и органами государственной власти.

При этом социальные субъекты должны осознавать свои социальные статусы и исполнять свои социальные роли в интересах государства, т. е. социально-политические отношения между социальными субъектами и государственной властью обязательно предполагают взаимную ответственность. Таким образом, необходимо понять, какое место занимает социальная ответственность в социально-политических отношениях.

Сначала попытаемся проанализировать сущность социальной ответственности, ее природу. Для этого обратимся к понятию «потребность», которое тесно связано с ответственностью. Будучи стимулами человеческой активности, потребности выступают также в качестве исходной основы деятельности человека.

Существуют разные определения потребностей: Гегель рассматривает их как «чувствуемое противоречие, которое имеет место внутри самого живого субъекта» [Гегель, 1974, с. 393]; Г. Л. Плеханов считает, что «потребность есть точное мерило напряжения человеческого духа» [Плеханов, 1956, с. 103].

Выделим такие потребности, как витальные и социальные, материальные и духовные, индивидуальные и социальные. Потребности общества реализуются только через потребности индивидов, поскольку они диалектически взаимосвязаны. Потребность стимулирует деятельность, которая является единственным способом ее реализации.

На основе ответственных отношений полноценно функционирует и развивается любой вид социальной деятельности. Активность социального субъекта находится в неизбежной взаимосвязи с объективными тенденциями развития общества. Ввиду того, что субъект избирательно реализует одну из множества сложившихся объективных возможностей, здесь можно увидеть проявление субъективной направленности его деятельности, которая может быть выявлена на основе категорий «потребность» и «интерес».

Согласимся с профессором В. А. Васильевым в том, что интерес подразумевает потребности и служит выражением отношений между людьми по поводу их удовлетворения, иными словами, человек вступает в социальные отношения для удовлетворения своих потребностей [Васильев, 2016, с. 128]. Это указывает на взаимосвязь потребностей и интересов. Потребности реализуются через интерес. Диалектика интересов и потребностей выступает в качестве диалектики удовлетворения потребностей и реализации интересов на основе человеческой деятельности.

Интерес служит детерминирующим фактором деятельности социального субъекта, являясь одной из объективных причин ее появления и осуществления, он становится основой нашей деятельности. Социально-ответственная деятельность – это система отношений между субъектами, выражающаяся во взаимном удовлетворении интересов. На этой основе возникают и функционируют социально-ответственные отношения, в том числе в политической сфере. Поскольку фактором детерминации человеческой деятельности является интерес, то в социально-ответственных отношениях можно говорить об отношениях интересов субъектов, их сочетании.

Наличие интересов предполагает не наличие готовых средств удовлетворения потребностей, а деятельность, связанную с производством этих средств. Формирование социального государства в Российской Федерации является целью как для государства, так и для социальных субъектов. Деятельность каждого субъекта находится в неизбежной взаимосвязи с тенденциями общественного развития, т. е. характеризуется определенной объективной социальной направ-

ленностью, например необходимостью построения социального государства.

Процесс определения деятельности свидетельствует о зависимости целей социального индивида от социальных, объективных условий, опосредованных его интересами. Реализованный интерес представляет собой результат деятельности, который имеет двойственную природу, выражающуюся в двойственности воплощенного в нем интереса. С одной стороны, направленность на социальное творчество (в политической сфере – построение социального государства), с другой – направленность на самоутверждение, реализацию своего социального статуса и социальной роли. Так, двойственная природа человеческой деятельности состоит из двух противоположных сторон: социальной и личностной.

Сочетание личных и общественных интересов формируется на основе единства их объективного содержания. Ответственные отношения между человеком и государством должны отражать не приоритет одного или другого, а сущностные основы нации, личности, государства, их взаимную связь [Каюмов, Мишурова, 2021, с. 92]. В социальном государстве через сочетание интересов общества, коллектива и личности гарантируется удовлетворение общественных потребностей, а также одновременно обеспечивается заинтересованность в результатах деятельности личности и коллектива. Здесь считаем необходимым рассмотреть важность сочетания общественных и личных интересов, ведь этот фактор обуславливает направленность, эффективность социальной и общественно-политической деятельности, ее соответствие общественному прогрессу, реализацию возможностей субъекта в соответствии с его социальным статусом и социальной ролью. Это является основой социальной ответственности в общественно-политических отношениях.

Основываясь на степени сочетания интересов социальных и политических субъектов, мы можем выделить три уровня ответственных социально-политических отношений: высокий, средний, низкий.

Высокий уровень ответственных социально-политических отношений можно охарактеризовать наличием гармоничного сочетания

общественных и личных интересов, интересов между социальными и политическими субъектами, предполагающего определенный баланс, согласованность, соразмерность, т. е. диалектическое единство, когда их взаимодействие идет по типу внутреннего взаимообогащения без ущерба друг другу.

Средний уровень ответственных социально-политических отношений характеризуется преобладанием каких-либо интересов без учета реальных условий. Такая ситуация возникает, когда субъект недостаточно актуален для данного вида деятельности, либо когда государство не в полной мере учитывает интересы социальных субъектов. В этом случае будет наблюдаться несвоевременная реакция на изменение внешних и внутренних условий, на разрешение противоречия отношений.

Низкий уровень ответственных социально-политических отношений – это такой уровень, при котором игнорируются любые интересы. Подобная ситуация не позволяет адекватно реагировать на изменяющиеся условия, своевременно разрешать противоречия.

Обобщая вышесказанное, можно утверждать, что уровень сочетания общественных и личных интересов, интересов социальных и политических субъектов зависит от уровня ответственных социально-политических отношений в обществе и государстве.

Современному обществу свойственно наличие различий между общественными и личными, социальными и политическими интересами. Однако основной задачей как социального субъекта, так и государства является недопущение исключения социальной ответственности между ними. Решающее влияние на этот процесс оказывает характер социально-политических отношений, поэтому степень согласованности интересов различна: интересы одних индивидов будут более адекватны интересам коллектива и общества, у других же они будут выражены в меньшей степени. Как следствие, различаются уровни и социальной активности, и ответственности в социально-политических отношениях.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Васильев В. А.* Единство и многообразие социальных интересов. Социально-гуманитарные знания. 2016, № 3. С. 128.
- Гегель Г. В. Ф.* Энциклопедия философских наук. Т. 1. Наука логики. М.: Мысль, 1974. С. 393.
- Каюмов А. Т., Мишурова О. И.* Ответственность как социальное явление. Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2021. Т. 21, № 5. С. 92.
- Плеханов Г. В.* Очерки по истории материализма. М.: Политиздат, 1956. С. 103-104.

УДК 378.147:81'243

Нагаева К. Э.

кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Россия)
mglu@list.ru

**КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ ТЕМАТИКА В ПРЕПОДАВАНИИ
ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В МАГИСТРАТУРЕ
ПО НАПРАВЛЕНИЮ ПОДГОТОВКИ
«ЗАРУБЕЖНОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ»**

Обучение студентов-регионоведов иностранному языку подразумевает изучение всех аспектов регионоведения, в том числе и культурного. Данная статья посвящена изучению темы «Культура в контексте глобализационных процессов». Преподавание студентам-магистрантам ведется на основе аутентичных материалов: текстов аналитического характера, а также текстов из французской прессы.

Ключевые слова: обучение; глобализация; культура; идеология; вокизм

Nagaeva K. E.

PhD (Philology), Associate Professor
Moscow State Linguistic University
(Moscow, Russia)
mglu@list.ru

**CULTUROLOGICAL TOPICS IN TEACHING FRENCH
AT MASTER'S STUDIES IN THE DIRECTION OF
PREPARATION "FOREIGN REGIONAL STUDIES"**

Teaching students of regional studies a foreign language implies the study of all aspects of regional studies, including cultural. This article is devoted to the study of the topic "Culture in the context of globalization processes". Teaching to undergraduate students is based on authentic materials: analytical texts and texts from the French press.

Keywords: teachin; globalization; culture; ideology; woke

Обучение студентов-регионоведов иностранному языку подразумевает изучение всех аспектов регионоведения, в том числе и культурного. Следует отметить, что направление подготовки «Зарубежное регионоведение» готовит не только и не столько специалистов по международным отношениям в целом, но, скорее, специалистов в области конкретного региона, группы стран или даже одной страны. Поэтому на первый план выдвигается изучение не культурологического аспекта в международных отношениях, а культуры конкретного региона, группы стран или одной страны.

Данная статья посвящена изучению темы «Культура в контексте глобализационных процессов». Данная тема изучается в четвертом семестре магистратуры.

Преподавание студентам-магистрантам ведется на основе аутентичных материалов: текстов аналитического характера, а также текстов из французской прессы.

Вначале обучающиеся узнают о культурном аспекте глобализации и ее влиянии на формирование универсальной культуры. Предлагаются тексты о глобализации (*mondialisation culturelle*) общего характера, где речь идет о взаимопроникновении культур наравне со сближением технологий и экономик. В результате всё чаще используются такие термины, как глобальная культура (*culture mondiale*) или глобальная цивилизация (*civilisation mondiale*).

Затем обсуждается влияние американской культуры на культуры других стран. Студентам предлагаются тексты под названием «*Mondialisation ou américanisation?*» – «Глобализация или американизация?».

Последствием доступа растущего числа людей к общим информационным и коммуникационным сетям является появление своего рода «общей культуры», отмеченное, в частности, использованием «английского для общения» (иногда называемого *globish*, от *global english*), обедненной версии английского языка, а также американских культурных отсылок, обусловленных культурными особенностями: продуктами (кино, музыка, телевидение, IT) или образом жизни. Некоторые исследователи видят в этом опасность оскудения культурного разнообразия или даже господства определенной концепции

экономических и социальных отношений. Термин «универсальная цивилизация» сам по себе стал предметом споров.

Например, Жан Севилья считает, что современная глобализация представляет собой гегемонию американской модели в нескольких аспектах. Он характеризует такую глобализацию как «идеологию, созданную по образу и подобию Соединенных Штатов. Теория, выстроенная для рыночного общества, прозрачного, мобильного, без корней, без границ, где деньги правят, а государство далеко» [Séviillia, 2004, с. 247].

Студентам предлагается текст под названием: «Глобализация или империализм?».

При обучении студентов-регионоведов отмечаются негативные стороны унификации культур.

Так, некоторые авторы говорят об увеличении идеологического и социально-экономического превосходства, о борьбе за влияние посредством культуры; например, Даниэль Линденберг заявляет: «культурная война, теоретизируемая неоконсерваторами, только началась» (<https://www.lenouveleconomiste.fr/daniel-lindenberг-dans-la-mondialisation-nous-vivons-le-temps-des-contrefacons-ideologiques-11732/>). Другие, такие как Брюно Бернар, считают франкофонию основным достоянием франкоговорящих, но сами франкофоны часто ею пренебрегают [Bernard, Vignaud, 2008, p. 107].

Другие авторы, в том числе и в англосаксонском мире, не стесняются также говорить о языковом империализме англо-американцев.

Студентам предлагается дискуссия о будущем национальных культур и языков.

Среди негативных тенденций глобализации можно отметить распространение в последние годы в американской культуре левого толка идеологии так называемого «вокизма» (от английского *woke* – прошедшее время от глагола «проснуться»). «*Woke*» – политический термин, который происходит из афроамериканского английского и обозначает усиленное внимание к проблемам социальной, расовой и половой справедливости.

Студентам предлагается ознакомиться с терминологией идеологии вокизма.

К концу 2010-х годов термин *woke* приобрел более общее значение: «связанный с левой политикой, феминизмом, ЛГБТ-активизмом» и стал предметом мемов, иронического использования и критики.

Во французском языке слово стало широко распространенным в конце 2010-х годов. Его использование было популяризировано в Квебеке эссеистом и обозревателем Матье Бок-Коте, который также помог сделать это слово известным во Франции (<https://www.ledevoir.com/societe/619200/des-mots-pour-mieux-dire-woke-l-eveil-ou-le-crepuscule-des-consciences>).

Лингвист из Квебека указывает, что сторонники идеологии «woke» определяются как люди, чья воинственность является частью радикальной левой идеологии, которая структурирована в соответствии с вопросами идентичности (связанными с расой, а также с полом, ориентацией и т. д.), и что рассматриваемая идеология находится в концептуальной и семантической оппозиции как прогрессивному универсализму, унаследованному от Просвещения, так и его более консервативным аналогам (<https://www.ledevoir.com/opinion/idees/634599/idees-le-sens-quebecois-du-mot-woke>). Он указывает, что это слово также используется как прилагательное, например, в выражении *idéologie woke*, иногда называемом «*wokisme*».

Кроме того, лингвисты Квебека заметили, что слово *woke* обычно имеет уничижительный оттенок во французском языке (<https://www.ledevoir.com/opinion/idees/634599/idees-le-sens-quebecois-du-mot-woke>; <https://www.24heures.ca/2021/09/17/cest-quoi-au-fait-etre-woke-des-origines-du-mot-a-aujourd'hui>). По их словам, «[оно] служит специально для того, чтобы изображать людей, к которым оно применяется, чуждыми идеологии и чуждыми здоровому демократическому диалогу» (<https://www.ledevoir.com/opinion/idees/634599/idees-le-sens-quebecois-du-mot-woke>), и оно часто ассоциируется с моралистическими, догматичными личностями, которые дают уроки, которые защищают культуру изгнания и политкорректность. Отсюда следует, что это слово приобрело характер экзонима: оно редко используется левыми для самообозначения. В связи с этим журналист Стефан Байяржон считает, что слово «*woke*» представляет собой «оружие, обращенное правыми против левых» (<https://www.ledevoir.com/opinion/idees/634599/idees-le-sens-quebecois-du-mot-woke>).

В 2020 году часть правых политических сил в нескольких западных странах использовала термин *woke*, часто с иронией, для дискредитации различных передовых движений и идей (https://www.lemonde.fr/les-decodeurs/article/2021/09/23/quatre-questions-pour-cerner-les-debats-autour-du-terme-woke_6095681_4355770.html). В свою очередь, некоторые левые активисты стали рассматривать это как оскорбительный термин, используемый для очернения тех, кто ведет кампании против различных форм дискриминации. Однако, по словам журналистки Асмы Маад, среди французских левых сторонники «наступательного секуляризма» обеспокоены ростом нетерпимости внутри движения проснувшихся к противоположным мнениям и подавлением свободы выражения мнений (https://www.lemonde.fr/les-decodeurs/article/2021/09/23/quatre-questions-pour-cerner-les-debats-autour-du-terme-woke_6095681_4355770.html).

По мнению антрополога и профессора психиатрии Самюэля Вейссьера, те, кто причисляет себя к движению *woke*, испытывают определенную моральную гордость, видя повсюду насилие: патриархат, сексизм, гетеросексизм, фэтфобию, трансфобию и т. д. Этот термин, по его словам, теперь приобрел более циничный оттенок для обозначения истерического пуританства на подъеме политкорректности. Он добавляет: «Такой “судейский комплекс” кажется не очень завидным. Однако это соответствует сдвигу в обществе, при котором любая форма выражения мнения, считающаяся девиантной и неполиткорректной, будет рассматриваться в суде: свобода выражения мнений является первой жертвой» (<https://www.atlantico.fr/article/decryptage/etes-vous-contamine-par-l-epidemie-de-woke--ca-n-est-pas-parce-que-vous-ne-savez-pas-ce-que-c-est-que-vous-n-etes-pas-concerne>).

Для эссеиста и обозревателя Анн-Софи Шазо «импорт этих часто истеричных “концепций” представляет собой культурное обеднение, подчинение доминирующим моделям мышления, которые являются моделями доминирующей культурной экономики: в качестве эмансипации можно добиться большего! Более того, эта англо-саксонская модель, одновременно и “борцы за социальную справедливость”, и ее модная версия *woke*, является эманацией общества, в котором всё узаконено. Поэтому необходимо быть “разбуженным” – *éveillé*, что,

в принципе, также соответствует понятию “бодрствование” – *veille*, связанному с новыми информационными и коммуникационными технологиями, над которыми властвует GAFA «Большая четверка», чтобы всегда иметь возможность применить сильнодействующее средство для модели потенциального постоянного судебного иска» (<https://www.atlantico.fr/article/decryptage/etes-vous-contamine-par-l-epidemie-de-woke--ca-n-est-pas-parce-que-vous-ne-savez-pas-ce-que-c-est-que-vous-n-etes-pas-concerne>).

Министр национального образования Франции Жан-Мишель Бланкер по инициативе Эммануэля Макрона хочет бороться против методов и посланий «культуры пробуждения» и ее неотъемлемой части – «культуры отмены» (<https://www.courrierinternational.com/article/vu-de-letranger-la-mission-anti-woke-de-jean-michel-blanquer>). Он считает, что эта идеология, исходящая из Соединенных Штатов, способствует фрагментации Республики: «мы не должны подчеркивать различия» и «мы не должны стремиться раздробить общество на мелкие группки со специфической идентичностью» (<https://www.cnews.fr/videos/france/2021-07-19/la-cancel-culture-est-destabilisatrice-pour-nos-civilisations-estime-jean>).

По мнению Альбина Вагенера, младшего научного сотрудника INALCO, происходит как раз обратное: не активисты импортируют «культуру *woke*», а французские аналитические центры «организуют импорт американской консервативной моральной паники на французскую политическую арену, в целях противодействия политическому прогрессизму» (<https://theconversation.com/le-wokisme-ou-limport-des-paniques-morales-172803>).

Для эссеиста Матье Бок-Коте эта идеология является «радикальной сектой» (<https://journalmetro.com/actualites/national/2586137/bock-cote-sattaque-a-la-gauche-woke-une-secte-radicale-selon-lui/>).

Газета «Monde» отмечает, что «...мы никогда не должны упускать из виду тот факт, что [эта идеология] действительно интересует только очень небольшую часть населения, анализ мнений показывает, что большинство французов не знает, что скрывается за словом *woke*».

Таким образом, студенты-магистранты направления «Зарубежное регионоведение» узнают из актуальных аутентичных текстов и статей

о тенденциях в современной глобализированной культуре, влиянии на нее идеологий, развитых в США, и сопротивлении им со стороны правительства Макрона и правого политического спектра Франции. В конце изучения темы студентам предлагается сделать доклад по изучаемой теме и написать эссе-рассуждение.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Bernard B., Vignaud L. L'export facile pour PME-PMI. EDI PRO, 2008.
Séville J. Le terrorisme intellectuel, éditions Perrin, 2004.

УДК: 796.011

Никонов Е. В.

кандидат педагогических наук

Московский государственный лингвистический университет

(Москва, Россия)

niko190179@mail.ru

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ КАК КЛЮЧЕВОЙ ФАКТОР СОХРАНЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗДОРОВЬЯ

В статье рассматривается главный фактор сохранения здоровья – физическая культура и спорт, с помощью которых можно сохранить национальное здоровье страны, а также приводится ответ на вопрос, как и с помощью чего восстановить и преумножить здоровье людей на земле. Автор статьи показывает генеральную задачу физической культуры и спорта, и дает ответ, что нужно сделать людям для того, чтобы быть здоровыми не испытывать страх перед разными недугами.

Ключевые слова: физическая культура; спорт; фактор; здоровье; физическая подготовка; занятия физической культурой

Nikonov E. V.

PhD (Pedagogy)

Moscow State Linguistic University

(Moscow, Russia)

niko190179@mail.ru

PHYSICAL CULTURE AND SPORT AS A KEY FACTOR IN PRESERVING NATIONAL HEALTH

The article considers the main factor of health – physical culture and sports, with the help of which it is possible to preserve the national health of the country, as well as how and with what to restore and increase the health of people on earth. The author of the article shows the general task of physical culture and sports and gives an answer to the question what people need to do in order to be healthy and not be afraid of various ailments.

Keywords: physical culture; sports; factor; health; physical training; physical education

Существует следующее утверждение: каждая нация, различные государства, всевозможные конфессии хотят, чтобы потомки были здоровыми, трудолюбивыми, хранили и передавали свои ценности и культуру, чтители и защищали свою родную землю и свой жизненный уклад. Куда же мы должны устремиться, чтобы сберечь и увеличить наше здоровье? Ответ прост: к людям, которые только начинают свой жизненный путь – к молодежи, подросткам и детям, становление личности которых ещё впереди.

Не умаляя важности вышеизложенного, считаем нелишним обратить внимание на еще одно предназначение физической культуры и спорта в жизни каждого человека. Прежде всего физическая культура и спорт обязаны быть нацелены на выполнение ключевой задачи – поддержание и обогащение самочувствия людей, усовершенствование уровня бытия. Актуально это и сейчас, так как преобладает «офисный стиль жизни», то есть человек постоянно сидит за компьютером. Значимость физической культуры и спорта для самочувствия людей еще с давних времен отмечали многие известные доктора, ученые, философы. Человек, грамотно разбирающийся в нагрузке и соблюдающий принципы постепенности, волнообразности и систематичности во многих самостоятельных занятиях, по их мнению, мог не ходить лечиться к эскулапам.

К несчастью, приходится констатировать тот факт, что многие нации и государства, создающие мощную систему занятий физической культурой и спортом, не могут учитывать все важнейшие нюансы: поддержание и обогащение самочувствия людей, увеличение уровня здоровья населения.

Сейчас в обществе превалируют такие проблемы, как минимальный уровень физической подготовки людей, плохое самочувствие и здоровье. Но люди, заинтересованные в улучшении самочувствия, сохранении, поддержке и преумножении своего здоровья, пытаются разработать и выделить цельную систему положений для оздоровления и обеспечения доступности физкультурно-спортивных мероприятий. Эта система подразумевает заботу о собственном самочувствии и здоровье, и отказ от вредных привычек. Здоровая нация, здоровое государство, здоровые люди – это часть глобальной культуры чело-

вечества. Количество таких людей прямо пропорционально оказывает воздействие на поведение человека, его отношение к работе и учебе, к окружающим и к жизни в целом.

На данный момент физической культурой и спортом занимаются от 30 до 35 % населения – это очень плачевный показатель по сравнению с другими нациями, странами и государствами – в них процент может достигать до 65.

Физическая культура и спорт решают многие задачи: улучшают самочувствие, сохраняют, поддерживают и преумножают здоровье людей, повышают боевой дух нации. Это инструмент, с помощью которого люди освобождаются, выздоравливают и очищаются от природных и приобретенных недугов. И практикам, и теоретикам в любом возрасте нужна физическая культура и спорт, дающие энергию, хорошее настроение, самочувствие и здоровье. Стоит отметить, что профессиональные занятия определенным видом спортом считаются работой – они привлекают достаточно узкий круг людей. Но важно не забывать, что даже обыкновенная ежедневная деятельность человека зачастую является физической активностью, полезной для поддержания здоровья. Систематические же занятия спортом делают человека выносливым, тренируя сердечно-сосудистую систему, позволяя выдерживать огромные физические нагрузки, а также развивая костно-мышечную структуру организма.

Любые физические упражнения дают положительный эффект при соблюдении некоторых условий. Всегда нужно контролировать свое самочувствие, чтобы от занятий физической культурой и спортом не было обратного негативного эффекта, особенно связанного с сердечно-сосудистой системой человека. Во время занятий очень важно делать перерывы или паузы для восстановления всего организма, чтобы физическая нагрузка усваивалась адекватно. Нельзя проводить занятия сразу после перенесенного заболевания – сперва обязательно нужно восстановиться, так как только в этом случае физическая культура и спорт принесут пользу. Следствием занятий спортом является адекватный ответ организма человека, то есть активация всех систем и органов, увеличение подвижности нервно-мышечных процессов, повышение работы костно-связочного аппарата.

Физическая подготовленность повышается лишь в том случае, если занятия и нагрузка хорошо переносятся организмом занимающегося, тогда весь процесс положительно влияет на жизнь, становясь неотъемлемой частью его потребностей. При регулярных, систематических и методически правильных занятиях улучшаются настроение, сон и аппетит, повышаются мастерство и тренированность, внутренние резервы, иммунный ответ организма на раздражающие факторы различного происхождения.

Для того чтобы приступить к решению множества социальных проблем современной России, нужно прочно закрепить мнение о том, что здоровый образ жизни нашего социума в целом и индивидуума в частности – это основное условие для здорового образа жизни всей нации.

На наш взгляд, основное условие жизнедеятельности человека – здоровье, которое определяет развитие индивида как личности, и его трудоспособность. Отсюда следует, что физическая культура и спорт имеют важное значение для здорового образа жизни.

Сегодня физическая культура и спорт выступают в новом качестве, они являются возможностью улучшения качества жизни, укрепления здоровья, а также поддержания физической активности [Хлебников, 2019].

Также существует одна из главных проблем – ухудшение состояния здоровья наших граждан. У шестидесяти процентов, обучающихся есть нарушения здоровья, а у сорока процентов молодежи призывного возраста отмечается несоответствие с установленными нормами. Пропорционально растет количество студентов специальной медицинской группы. Конечно, существуют проблемы с инфраструктурой и доступом к ней, а также оснащенностью инвентарем, спортивным оборудованием и наличием квалифицированных тренеров и специалистов в сфере физической культуры и спорта.

Мы считаем важным указать на то, что нужна прицельная, целевая популяризация физической культуры и спорта, так как она является частью общей культуры нашего социума и индивида, а также будет драйвером сохранения и укрепления как физического, так и психологического совершенствования человека. Нужно реализовать популя-

ризацию систематических занятий физической культурой в учебных заведениях, а также стратегически готовить информационную пропаганду спорта, используя общедоступные способы и методы оповещения всех жителей нашей страны.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Хлебников В. А. Физическая культура как компонент здорового образа жизни // Современные социально-гуманитарные исследования: теоретико-методологические и прикладные аспекты: сб. научных трудов по материалам Междунар. науч.-практ. конф. 2019. Часть II. С. 135–139.

УКД 008

Осьминина Е. А.

доктор филологических наук, доцент

Московский государственный лингвистический университет

(Москва, Россия)

eleosminina@mail.ru

КИТАЙСКАЯ КУЛЬТУРА В ОСМЫСЛЕНИИ Д. С. МЕРЕЖКОВСКОГО: ФИЛОСОФСКИЕ ИСТОЧНИКИ

Цель статьи – выявить философские источники синологической концепции Д. С. Мережковского, высказанной в статьях «Желтолицые позитивисты» и «Грядущий Хам». В научной литературе указывалось на лекцию французского китаиста Э. Шаванна «Социальная роль китайской литературы» как источник фактов для статьи «Желтолицые позитивисты».

Ключевые слова: китайская культура; Мережковский; Соловьев; Миль; Герцен; позитивизм; конфуцианство

Osminina E. A.

Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor

Moscow State Linguistic University

(Moscow, Russia)

eleosminina@mail.ru

CHINESE CULTURE IN THE UNDERSTANDING OF D. S. MEREZHKOVSKY: PHILOSOPHICAL SOURCES

The purpose of the article is to identify the philosophical sources of the sinological concept of D. S. Merezhkovsky, expressed in the articles “The yellow-faced positivists” and “The Coming Boor”. The scientific literature (E. A. Andrushchenko) pointed to the lecture by the french sinologist E. Chavannes “The social role of Chinese literature” as a source of facts for the article “The yellow-faced positivists”.

Keywords: Chinese culture; Merezhkovsky; Solovyov; Mill; Herzen; positivism; Confucianism

Творя многочисленные образы мировой культуры, Д. С. Мережковский распространялся как вглубь, вплоть до допотопной Атлантиды, так и вширь, до Индии, Китая и Центральной Америки. Китай описан им в двух статьях: «Желтолицые позитивисты» и «Грядущий Хам». «Желтолицые позитивисты» были напечатаны в третьем номере журнала «Вестник иностранной литературы» за 1895 год. «Грядущий Хам», в его окончательной редакции, – в сборнике Д. С. Мережковского «Грядущий Хам. Чехов и Горький» за 1906 год. Статья была составлена из трех, опубликованных ранее: «Умиравший гладиатор» («Русское слово», 1905, № 240, 4 сент.; благодарим Е. А. Андрущенко за указание на эту публикацию), «Мещанство и русская интеллигенция» («Полярная звезда», 1905, № 1, 15 дек.), «Грядущий Хам» («Полярная звезда», 1905, № 3, 30 дек.).

И трактаты, и статьи Мережковского отличаются ясностью и логичностью построения. Если ход рассуждения и нарушается, то это нарушение сознательное, своего рода «софистическое ухищрение». «Желтолицые позитивисты» исключения не составляют.

Во введении приводится «общее место», не требующее доказательства положение по поводу китайской культуры: эта культура «окаменевшая», мертвая, ложная. Для определенного направления европейской мысли это действительно общее положение: Китай – культура неподвижная, не развивающаяся, застывшая; данная концепция родилась у французских просветителей XVIII века (Ш. Монтескье, Ж. Ж. Руссо) и развивалась в немецкой (Г. Гегель) и русской философии (западничество, начиная с П. Я. Чаадаева). Это «общее место» повторяется и в конце статьи.

Собственный тезис Мережковского, высказанный во введении, встречающийся также во втором и заключительном четвертом параграфах, заключается в следующем: китайская культура сугубо материалистическая, позитивистская, основанная на служении одной пользе, рассудку и расчету. Творческое самозабвение, народная фантазия в данной культуре отсутствуют.

Этот тезис доказывается с помощью аргументов и фактов, почерпнутых Мережковским из лекции Э. Шаванна «Социальная роль китайской литературы». Лекция была прочитана 5 декабря 1893 года

в Колледж де Франс и опубликована в «Revue politique et literature» 16 декабря 1893 года, в № 25 [Chavannes, 1893]. Собственно, статья Мережковского и представляет собой развернутый пересказ этой лекции, что сам писатель и оговорил, не указав только на ее публикацию в журнале. Факт и выходные данные публикации установлены Е. А. Андрущенко, которая, проанализировав текст лекции и статью Мережковского, сделала заключение об их подобии. Статья является пересказом, а иногда и прямым переводом лекции, собственно Мережковскому принадлежит только введение и заключение [Андрущенко, 2012, с. 76].

Аргументация Мережковского, базирующаяся на фактах из лекции Э. Шаванна, такова: китайская культура по сей день основана на великой китайской литературе (конфуцианском пятикнижии и четырехкнижии), поскольку и в настоящее время в Китае для получения должности надо сдать экзамен на знание этой литературы. Она учит добродетели и создает идеализированные образы прошлого. Ее идеи – сыновнее почитание родителей, положенное в основу управления государством; примат обряда, этикета, формы, буквы, плоти, жертвоприношения.

Таким образом, китайская литература нравоучительна и тенденциозна, она не имеет никакой цели, кроме пользы. Также никакой другой цели не имеет не только конфуцианская литература, но и поэзия, и вся наука китайцев.

Отсюда вывод: судьба китайской культуры – урок европейским «позитивизму и утилитаризму», стремящимся только к пользе и расчету, «бездушному материализму».

Если представить рассуждение Мережковского в виде схемы, то она будет следующей (для большей ясности мы поменяли посылы местами, у писателя третий пункт предшествует второму).

1. Европейская культура в XIX веке стремится к пользе, материальному благополучию; ее дух – позитивизм (этот тезис декларируется без доказательства, как очевидность).
2. Крайнее выражение материализма, позитивизма и стремления к пользе присущи китайской культуре (этот тезис подробно доказывается с помощью материала Э. Шаванна).

3. Китайская культура находится в состоянии окаменения, нравственной смерти (тезис также декларируется без доказательства).
4. Таким образом, получается, что материализм, позитивизм и стремление к пользе ведет к омертвлению; значит, это неверный путь.
5. Следовательно, верным является обратное – не материализм и позитивизм, а идеализм: «божественное», «бескорыстное», «творческое самозабвение».

Божественное и идеалистическое сознание – черты нового религиозного сознания, адептом которого является Мережковский.

Общая логика и отдельные положения в этом рассуждении соответствуют мыслям В. С. Соловьева из статьи «Китай и Европа». Соловьев, как и Мережковский, берет факты из труда китаиста (из «Принципов жизни Китая» С. М. Георгиевского) и делает на их основе следующее заключение: китайская культура отличается жестокостью, материализмом и национализмом. Уважение к прошлому – единственное, что может заимствовать из Китая Европа. Для нее это прошлое – христианство. Поэтому конечным идеалом для Европы должна стать универсальная любовь, вселенское христианство.

Именно вслед за В. С. Соловьевым Мережковский называет китайскую культуру позитивистской. Соловьев же заимствует данное утверждение у С. М. Георгиевского из указанной книги «Принципы жизни Китая». Георгиевский писал: «Доктрине Конфуция <...> чужда метафизическая абстрактность – это доктрина, позитивная по существу своему, рассматривает только условия земной жизни и деятельности человека, вне зависимости их от каких-либо неземных целей» [Георгиевский, 1888, с. 433–434]. Подтверждающую данный тезис цитату можно найти у Конфуция в «Луньное»: «Не знаем, что такое жизнь, – ответил Учитель, – как же может знать, что такое смерть?» [Из книг мудрецов, 1987, с. 39].

У Соловьева эта характеристика становится отрицательной: «<...> нравственность конфуцианства в основе своей утилитарно-философская» [Соловьев, 1998, с. 383]; у него же мы находим и со-

единение позитивизма и утилитаризма: «В основе этих отношений, по существу конфуцианской философии – позитивно-утилитарных, лежит стремление человека к его личному благоденствию» [Соловьев, 1998, с. 383].

Заметим, что позитивизм не равен утилитаризму и прагматизму. Позитивизм – философия, основывающаяся на опытным знании, на фактах; примат пользы выдвигает именно утилитаризм.

В конфуцианстве нет утилитаризма: «Достойный муж сведущ в том, что должно. Мелкий человек сведущ в том, что выгодно» [Из книг мудрецов, 1987, с. 32].

Следует добавить, что «Луньюй» был переведен на французский язык еще в XVIII веке, а на русский – в первой половине XIX века отцом Иакинфом (Н. Я. Бичуриным). Поэтому образованные китайцы, С. М. Георгиевский и Э. Шаванн, из трудов которых брали факты В. С. Соловьев и Д. С. Мережковский, ничего подобного не утверждали.

Теперь непосредственно о тексте Э. Шаванна. Е. А. Андрущенко сделала подробный сопоставительный анализ статьи Мережковского с текстом лекции, поэтому сказать можно совсем немного.

Используя сведения и цитаты из Шаванна, Мережковский слегка их трансформирует: положительные характеристики превращает в нейтральные или опускает их (отсутствует цитата из «*Novissima sinica*» Лейбница), нейтральные превращает в отрицательные. Критика же, которой Шаванн подверг китайскую науку (отсутствие математики, эксперимента, ориентация только на практику), превратилась у Мережковского в прямое обличение китайской мудрости: «<...> оно исключает всякие знания, как математику, так и опытные исследования природы. Бесцельное и бескорыстное знание, наука для науки непонятны строго позитивному уму китайцев» [Мережковский, 2007, с. 598]. Легко увидеть логическое противоречие в этих двух предложениях (позитивизм предполагает именно опытное исследование природы).

У Шаванна, в отличие от Мережковского, нет ни заключения о нравственной смерти Китая, ни о его материализме. Вывод французского сиолога таков: необходимо знание китайской культуры по

ее литературе, ведь когда русские достроят транссибирскую магистраль, Китай придет в Европу.

Выводы «Желтолицых позитивистов» становятся «общим местом», не требующим доказательств, в «Грядущем Хама»: «Китайцы – совершенные желтолицые позитивисты; европейцы – пока еще несовершенные белолицые китайцы» [Мережковский, 1991, с. 353].

Интересно, что не только «Желтолицые позитивисты» имплицитны «Грядущему Хаму», но и зародыш «Грядущего Хама» уже содержится в «Желтолицых позитивистах»: «Полюза, польза и польза! Нет такого пошлого и грубого невежды, который бы не понял боевого крика современной мудрости для всех, этой затаеннейшей мысли *Духа Черни*, грозящего воцариться в мире...» [Мережковский, 2007, с. 584].

Логика «Грядущего Хама» более сложна, прихотлива, но Китай по-прежнему служит отрицательным примером. Однако сам «Грядущий Хам», как нам кажется, посвящен не Китаю и даже не хаму – это программа действий для русской интеллигенции.

Если в «Желтолицых позитивистах» читатель самостоятельно должен прийти к выводу о необходимости идеализма на основании отрицательного примера Китая, то в «Грядущем Хама» вывод декларируется Мережковским: русская интеллигенция может победить мещанство (и его высшее выражение – хамство) путем создания религиозной общественности.

Китайская культура, о которой по большей части говорится в первом параграфе, теперь служит отрицательным примером не только позитивизма, но и мещанства: «Позитивизм в этом широком смысле есть утверждение <...> того абсолютного мещанства, о которых говорят Милль и Герцен, сами не разумея последней метафизической глубины того, что говорят» [Мережковский, 1991, с. 352].

Заметим, что А. И. Герцен в истории философии считается материалистом (именно поэтому, как нам кажется, материализм, приписываемый китайской культуре в «Желтолицых позитивистах», заменяется мещанством), а Дж. Милль – позитивистом; но в данном случае интересно, как Мережковский использует их высказывания по поводу Китая.

Писатель пересказывает и цитирует отрывки из второго письма «Концов и начал» Герцена [Герцен, 1986, с. 363], где последний пишет о мещанстве как «сплоченной посредственности» и цитирует Милля: о том, что Англия делается Китаем, сведя свои интересы к «торговой конторе» и «мещанскому благосостоянию» (имеется в виду трактат Милля «О свободе»).

Но Милль пишет не о мещанстве. Он пишет о свободе и индивидуальности как единственном пути к прогрессу [Милль, 1861, с. 155]. Отрицание индивидуальности, единообразие мыслей и диктат общественного мнения к прогрессу не приводят. Примером этого, по Миллю, и является Китай: в духе «общего места» европейской мысли философ указывает на «неподвижность» Китая [там же, с. 158].

Ни поклонник крестьянской общины Герцен, ни стремящийся к религиозной общественности Мережковский полного высказывания Милля о Китае не приводят, поскольку оно не совсем соответствует их выводам.

В «Грядущем Хаме» Китай для Мережковского – пример не только мещанства, но и отсутствия религиозности: «Духовная основа Китая, учение Лао-Дзы и Конфуция, – совершенный позитивизм, религия без Бога» [Мережковский, 1991, с. 352]. Небо – безначальное продолжение земли, Срединное царство – царство вечной середины (отдадим должное Мережковскому в его игре омонимами).

Таким образом, схема рассуждения того отрывка, где речь идет о Китае, такова. Мещанство есть позитивизм. Китай демонстрирует наиболее яркий пример позитивизма. В Китае царит религия без Бога. Получается, что и позитивизм, и мещанство есть религия без Бога. Значит, именно настоящая религиозность победит мещанство.

Опять-таки вспомним, что в конфуцианство, как в религию, входит культ Неба и культ предков; что первые миссионеры в Китае отождествляли Небо с единым Богом. Даосизм имеет свой религиозный пантеон, и нигде так не представлена богатейшая фантазия китайского народа как в мифологии даосизма. Цель религиозного даосизма – достижение бессмертия.

«Дао де цзин» был еще в 1842 году переведен на французский язык С. Жюльеном, а в 1894 году – на русский. Переводом занимался Д. П. Кониси под руководством Л. Н. Толстого.

Последний факт, как нам кажется, значим для понимания «синофобии» Мережковского. Ведь Китай – это единственная культура, которую писатель, мыслящий антиномиями (Бердяев даже считал это основной особенностью Мережковского), описывает только с отрицательной стороны. Обычно, рисуя образ культуры (Атлантиды, Египта, Вавилона, Израиля), Мережковский выделяет именно антиномии.

Такие антиномии можно легко найти и в Китае: инь и ян, конфуцианство и даосизм; на противопоставлении последних построено, например, их описание у Линь Юйтана [Линь, 2010, с. 117]. Но Мережковский их находить не стал.

На одной из соловьевских конференций была высказана мысль, что Соловьев мог критиковать Китай в том числе и в знак несогласия с Толстым. Не случилось ли того же и с Мережковским? Противопоставляя Толстого и Достоевского, писатель однозначно на стороне последнего. Поэтому можно предположить, что в своем неприятии Китая он следует не некоторой европейской традиции (указанной в начале статьи), а своей, русской и более близкой – антитолстовской.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андрущенко Е. А.* Властелин чужого: текстология и проблемы поэтики Д. С. Мережковского. М. : Водолей.
- Георгиевский С. М.* Принципы жизни Китая. СПб : Типография И. Н. Скороходова, 1888.
- Герцен А. И.* Концы и начала // Герцен А. И. Сочинения: В 2 тт. Т. 2. М. : Мысль, 1986. С. 347–407.
- Из книг мудрецов. Проза Древнего Китая. М. : Художественная литература, 1987.
- Линь Ю.* Китайцы: моя страна и мой народ. М. : Восточная литература, 2010.
- Мережковский Д. С.* Грядущий Хам // Мережковский Д. С. В тихом омуте. М. : Сов. Писатель, 1991. С. 350–377.

Мережковский Д. С. Желтолицые позитивисты // Мережковский Д. С. Вечные спутники. Портреты из всемирной литературы. СПб : Наука, 2007. С. 584–599.

Милль Дж. К. О свободе. Лейпциг : Вольфганг Гергард, 1861.

Соловьев В. С. Китай и Европа // Соловьев В. С. Избранные произведения. Ростов-на-Дону : Феникс, 1998. С. 332–407.

Chavannes M. E. Role social de la literature chinoise // Revue politique et littéraire. 1893. # 52. P. 774–782.

УДК: 81'23

Палкин А. Д.

доктор филологических наук

Московский государственный лингвистический университет

(Москва, Россия)

p-alexis@yandex.ru

ВОЗМОЖНОСТИ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ ЯЗЫКОВОГО СОЗНАНИЯ

Ассоциативный эксперимент является продуктивным и достаточно популярным способом исследования языкового сознания. О языковом сознании принято говорить по той причине, что человеческое сознание опосредовано языком и немислимо без него. Возможно описание языкового сознания той или иной культуры за счет анализа определенных компонентов ассоциативно-вербальной сети. В статье на материале проведенных автором ассоциативных экспериментов рассказывается об особенностях этических картин мира, а также о гендерной специфике языкового сознания, то есть о философском осмыслении языкового сознания.

Ключевые слова: ассоциативный эксперимент; языковое сознание; лингвокультура; русский; японский

Palkin A. D.

Doctor of Philology (Dr. habil)

Moscow State Linguistic University

(Moscow, Russia)

p-alexis@yandex.ru

ASSOCIATION EXPERIMENT POTENTIAL IN THE CONTEXT OF LANGUAGE CONSCIOUSNESS HILOSOPHICAL CONCEPTUALISATION

An association experiment is a prolific and reasonably popular method of language consciousness research. It is common to use the term “language consciousness” for the reason that human psyche is language-mediated. It is possible to delineate the language consciousness of a certain culture by analysing the components of associative-verbal network. Based on the data of association experiments run by the author, the article dwells on the peculiarities of ethical pictures of the world and the gender specificity of language consciousness, that is, on the philosophical conceptualisation of language consciousness.

Keywords: association experiment; language consciousness; linguo-culture; Russian, Japanese

В то время как лингвистика XX века преимущественно занималась описанием статичных текстов, в XXI веке, как это хорошо известно, произошло смещение научных интересов в сторону человека говорящего (*homo loquens*). Если совсем точно, смена парадигмы началась во второй половине XX века, когда всё большее число лингвистов стало обращаться к вопросам восприятия мира, стоящего за текстом, однако окончательное понимание необходимости изучать высказывания (как устные, так и письменные) без отрыва от породившего их автора пришло именно на рубеже XX–XXI веков. На это время приходится яркий расцвет междисциплинарности и резкий рост популярности таких дисциплин, как социолингвистика, психолингвистика, лингвокультурология, когнитивная лингвистика и т. п. Все эти дисциплины сосредоточены на исследовании языкового сознания.

Мы говорим о языковом сознании постольку, поскольку человеческое сознание опосредовано языком. Невозможно представить современное человечество, исключив факт существования языка как средства монокультурного и межкультурного общения. Хотя большинство ученых признают наличие внеязыковых форм сознания, неоспоримым является решающее значение языковой системы для полноценного функционирования мыслительных процессов человека. Так как лингвисты получают доступ к мыслительному процессу посредством анализа языковых проявлений, для обозначения наблюдаемых таким образом фактов используется термин «языковое сознание».

Мы говорим о необходимости философского осмысления языкового сознания, так как именно такой подход способен максимально полно осветить основные аспекты, связанные с мировидением человека, при этом, как правило, исследования языкового сознания являются массовыми, то есть нацелены на особенности языкового сознания носителей некоторой культуры либо субкультуры. Одним из наиболее эффективных средств анализа языкового сознания считается ассоциативный эксперимент. Здесь хочется солидаризироваться с Н. И. Кургановой в том, что «порождение вербальных реакций в условиях ассоциативного эксперимента протекает по законам речемыслительной и когнитивно-дискурсивной деятельности в соответствии с правилами и нормами определенной культуры» [Курганова, 2019, с. 27].

Ассоциативный эксперимент, помимо всего прочего, – крайне популярный метод исследования во многих гуманитарных отраслях междисциплинарного характера. Зародившись в недрах психологии как метод анализа индивидуального сознания, ассоциативный эксперимент со временем завоевал популярность как метод исследования массового сознания.

Существуют три основных вида ассоциативных экспериментов: свободный, направленный и цепочечный. Выбор конкретного вида определяется исследователем в зависимости от его практических целей. В любом случае экспериментальное задание подразумевает необходимость предложить некую вербальную реакцию на заданный словесный стимул. Наиболее популярным является свободный ассоциативный эксперимент, в ходе которого испытуемым предлагается зафиксировать первое пришедшее в голову слово (либо фразу) по прочтении некоторого слова-стимула. В ходе свободного ассоциативного эксперимента испытуемые никак не ограничиваются в выборе слов-реакций. Ограничения предусмотрены направленным ассоциативным экспериментом, когда испытуемых просят использовать в качестве реакций только слова, относящиеся к определенной части речи, либо к некоторому семантическому классу, либо к некоторой теме и т. п. В ходе цепочечного ассоциативного эксперимента испытуемые инструктируются отвечать на одно слово-стимул несколькими реакциями. Могут быть предусмотрены и ограничения по времени (например, возможна инструкция «запишите 10 реакций на стимул в течение 60 секунд»).

В результате масштабного анализа подобных реакций формируется ассоциативное поле, на основе которого ученый получает широкие возможности по выводам касательно устройства и структуры ассоциативно-вербальной сети в сознании носителей того языка, на котором осуществлялся эксперимент. Таким образом устанавливается доступ к языковому сознанию представителей некоторой лингвокультуры, если выборка является культурно однородной. Из этого вытекает то, что объектами исследования становятся «фрагменты картины мира, особенности менталитета и национального характера носителей языков, запечатленные в ассоциативно-вербальных сетях, которые

отражают предречевую готовность носителя, его текстовый потенциал» [Караулов, 2000, с. 191].

Ассоциативный эксперимент является качественно-количественным методом исследования. Как известно, количественные методы исследования опираются на точные математические расчеты, тогда как в основе качественных методов лежит наблюдение, во многом зависящее от субъективных факторов. Когда речь идет о массовом анкетировании, анализ ассоциативных полей предполагает применение математических вычислений с целью построения иерархии смысловых связей, выделения ядра и периферии ассоциативного поля. Это типичный признак количественного исследования. С другой стороны, методология, которую применяет экспериментатор, проводящий ассоциативное исследование, не удовлетворяет требованиям, принятым в современной статистике по части достоверности выборки. Например, если мы беремся делать выводы о языковом сознании, присущем русской лингвокультуре, то, чтобы удовлетворить требования строгой статистики, нам необходимо опросить более 1 % испытуемых. По самым грубым подсчетам для населения России это составит несколько более одного миллиона человек. Провести анкетирование такого количества испытуемых с последующим анализом полученных данных – задача невыполнимая не только для отдельно взятого исследователя, но и для целого научно-исследовательского института. Этот факт всякий раз вынуждает ученых, проводящих исследования на некоторой количественно ограниченной выборке, экстраполировать свои данные на более широкий контингент, внося элементы интроспекции и субъективности. Это характерная черта качественных методов исследования. Таким образом, ассоциативный эксперимент в силу наличия физической возможности опросить порядка нескольких сотен информантов, но не более, сочетает в себе черты количественных и качественных методов исследований, по каковой причине требования математической статистики, предъявляемые к достоверности проводимых экспериментов, не применимы к ассоциативным экспериментам.

Итак, признав существование возможных погрешностей и некоторой субъективности в ходе интерпретации данных ассоциативных

экспериментов, мы, однако, имеем все основания судить о языковой картине мира, присущей исследуемой лингвокультуре, при условии соблюдения ряда требований к проведению такого рода экспериментов. К основным требованиям относятся анонимность выдаваемых анкет, примерно одинаковое количество мужчин и женщин, участвующих в опросе, и достаточная репрезентативность выборки. В Московской психолингвистической школе достаточно репрезентативной считается выборка, превышающая сто респондентов.

После того как мы вкратце рассмотрели основные особенности проведения ассоциативных экспериментов, обратимся к конкретным результатам, которые можно получить с их помощью. Здесь будет уместно обратиться к личному опыту.

Во-первых, на протяжении многих лет мы проводим сопоставительное исследование образов языкового сознания, бытующих в русской и японской лингвокультурах. Кросс-культурные исследования – весьма популярная область применения ассоциативного эксперимента. Анкеты, содержащие идентичные (в соответствующем переводе) слова-стимулы, предлагаются носителям разных языков, в результате чего становится возможно проследить сходства и различия в языковой картине мира носителей соответствующих лингвокультур.

В зависимости от своих исследовательских задач ученый может подобрать слова-стимулы так, чтобы пролить свет на некоторый аспект мировидения, интересующий его в особенной степени. Для нас этим аспектом стала этическая картина мира. И здесь мы подходим к проблеме философского осмысления языкового сознания. В 2000-х годах нами была проведена серия свободных ассоциативных экспериментов в России (город Москва и Московская область) и Японии (город Осака) среди носителей русского и японского языков соответственно. Анализ речевых реакций на предложенные стимулы позволил сделать далеко идущие выводы касательно такой важной философской категории, как этика, причем удалось сопоставить этические взгляды представителей двух достаточно разнородных лингвокультур (русской и японской).

Не вдаваясь в подробности, отметим, что в результате проведенного исследования этических картин мира русских и японцев были сделаны следующие выводы:

- а) доминирование индивидуализма в русской культуре, коллективизма – в японской;
- б) большая степень коррумпированности российского общества по сравнению с японским;
- в) склонность русских к идеализации реальности в противовес прагматизму японцев;
- г) противоречивость стремлений, свойственная русской культуре, и упорядоченность отношений, присущая японской;
- д) существенное влияние православия на русскую этику и синтоизма и буддизма – на японскую, несмотря на преимущественно светский характер обеих культур;
- е) природа выступает заметно большей ценностью в японской культуре по сравнению с русской;
- ж) низкая степень зависимости от общественного мнения в русской культуре и высокая – в японской;
- з) этические ограничения в японской культуре сильнее, чем в русской;
- и) признание важности семьи на фоне сложностей по ее созданию в обеих культурах;
- к) влияние глобализации, прежде всего, укоренение идеалов западного мира на почве как русской, так и японской культур [Палкин, 2010, с. 398].

Отдельно отметим первый вывод – о доминировании индивидуализма в современной русской лингвокультуре. Вывод кажется спорным в силу того, что традиционно русскую лингвокультуру рассматривают как коллективистскую. Таковой она и являлась до последнего времени. Великие русские писатели и философы XIX–XX веков неоднократно подчеркивали коллективность и соборность русского национального характера. Эти коллективность и соборность постепенно ослабевали на протяжении веков, и процесс этот резко ускорился в XX веке в результате проводимой в советские годы политики, когда люди были вынуждены сосредотачиваться в первую очередь на вопросах собственного выживания, а не на помощи ближнему, свидетельством чему служат миллионы доносов в самые разные пе-

риоды существования советского строя. Вместе с тем коллективистская составляющая в русской лингвокультуре была достаточно крепка. Окончательный переход к индивидуализму следует отнести к началу 1990-х годов, когда крах империи привел к сильнейшему культурному шоку у представителей русской лингвокультуры, с одной стороны, и к активному проникновению в нее западных ценностей (не всегда положительного свойства) – с другой. Именно в начале 1990-х годов социологи зафиксировали смещение базовых ценностей в пользу индивидуалистских [Лапин, 1996].

Ровно такие же данные были получены в ходе осуществленного нами анализа ассоциативных полей, имеющихся у нас на основе реакций русских респондентов начала 1990-х годов и середины 2000-х годов соответственно. Сразу оговоримся, что, не смотря на то, что маятник и качнулся в сторону индивидуализма, доминирование его над коллективизмом в современной русской лингвокультуре следует признать незначительным: коллективистские ценности по-прежнему сильны, хотя и отходят постепенно на второй план. Русский индивидуализм выражен далеко не так ярко, как, например, американский. Тем не менее заявления многочисленных ученых о преобладании коллективизма в языковом сознании современных русских являются данью традиции, но противоречат объективной реальности на текущий момент (на период первой половины XXI века). Таким образом, современная русская лингвокультура, как было установлено в ходе проведенного нами исследования, в большей степени индивидуалистская, что в условиях глобализации следует рассматривать как недостаток. Японская лингвокультура ярко выраженно коллективистская, о чем убедительно свидетельствуют данные такого же анализа ассоциативных полей.

Другим важным результатом анализа полученных данных стало заключение о том, что в современной русской лингвокультуре мужчина считается слабым звеном, а между мужчинами и женщинами в ее рамках присутствуют серьезные расхождения мировоззренческого плана. Русские женщины обладают большей жизнерадостностью и оптимизмом по сравнению с русскими мужчинами, которые в свою

очередь демонстрируют заметно более выраженную эмоциональную напряженность [Палкин, 2013]. Вместе с тем анализ ассоциативных полей, полученных на материале японского языка, свидетельствует об отсутствии ярко выраженного слабого звена в японской лингвокультуре: этические и поведенческие установки японских мужчин и женщин можно рассматривать как взаимодополняющие. Хотя у японских мужчин в несколько большей степени, чем у японских женщин, прослеживается эмоциональная напряженность, данный фактор не носит решающего характера и нивелируется гармоничностью взаимных ожиданий мужчин и женщин в рамках японской лингвокультуры [Палкин, 2015].

Полученные результаты позволяют составить феноменологическое описание современного состояния языкового сознания в соответствующей лингвокультуре.

Возможности ассоциативного эксперимента не ограничиваются вышеприведенными. Например, при помощи этого исследовательского метода возможно осуществить комплексное моделирование языкового сознания, а также проследить тенденции его изменения в диахронии. Кроме того, ассоциативный эксперимент позволяет изучать человеческую когницию, механизмы порождения и восприятия речи. Он даже используется в полевой лингвистике для фиксации фактов об исчезающих/редких языках мира. В данной статье мы сосредоточились на широких возможностях ассоциативного эксперимента как исследовательского метода в целом и на полученных при его помощи результатах, проливающих свет на такие философские аспекты, как этическая картина мира и гендерные особенности.

В рамках отдельно взятой статьи невозможно отобразить всю палитру возможностей, которые предоставляет ассоциативный эксперимент как исследовательский метод. Полагаем, однако, что нам удалось показать, насколько эффективным он может быть при условии грамотного планирования целей и методологии исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Караулов Ю. Н.* Показатели национального менталитета в ассоциативно-вербальной сети // Языковое сознание и образ мира. М. : ИЯ РАН, 2000. С. 191–206.
- Курганова Н. И.* Ассоциативный эксперимент как метод исследования значения живого слова // Вопросы психолингвистики. № 3 (41), 2019. С. 24–37.
- Латин Н. И.* Модернизация базовых ценностей россиян // Социологические исследования. 1996. № 5. С. 3–23.
- Палкин А. Д.* Россия и Япония: динамика нравов. М. : Наталис, 2010.
- Палкин А. Д.* Ассоциативный эксперимент: возможности исследования гендерных особенностей // Proceedings of the X International Congress of the International Society of Applied Psycholinguistics Moscow : РУДН; НОУ ВПО МИЛ; ИЯ РАН. 2013. С. 430–431.
- Палкин А. Д.* Японская лингвокультура: гендерный аспект // Материалы конференции «Жизнь языка в культуре и социуме-5» / отв. ред. Е. Ф. Тарасов. М. : Издательство «Канцлер», 2015. С. 143–145.

УДК 008+94(47)

Перова Е. Ю.

кандидат культурологии, доцент

Московский государственный лингвистический университет

(Москва, Россия)

eperova71@list.ru

МИР РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ СКВОЗЬ ПРИЗМУ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА КОНЦА XX–XXI ВВ.

Актуальная в настоящее время проблема сохранения культурного наследия в первую очередь связана с восприятием культурных традиций и осознанным отношением личности к ним как определению собственной идентичности. Анализ знаний и восприятия отечественной культуры обучающимися на современном этапе дает возможность выявить на конкретных примерах понимание самоидентичности в среде молодого поколения.

Ключевые слова: русская культура; образовательный процесс; идентичность; традиция; духовность

Perova E. Yu.

PhD (Culture Studies), Associate Professor

Moscow State Linguistic University

(Moscow, Russia)

eperova71@list.ru

RUSSIAN CULTURE THROUGH THE PRISM OF THE EDUCATION SYSTEM THROUGHOUT XX–XXI CENTURY

The important question of preserving cultural heritage is first and foremost connected to the public's perception of said heritage and the intentional use of that heritage by a person for the purposes of self identification. While students analyze contemporary Russian culture, it's knowledge base and it's perceptions of the world they gain the opportunity to understand the phenomenon of self identification and what it means to identify among the modern day's youth.

Keywords: Russian culture; educational process; Russian national identity; tradition; spirituality

На протяжении всей истории русская культура принимала элементы культур Запада и Востока; этот синтез культурно-исторических типов присутствовал и в византийской картине мира, с которой связано «осевое время» (К. Ясперс) русской культуры. Также отдельные элементы русской культуры адаптировались в других традициях. В связи с этим представители и других культурных традиций с легкостью воспринимают многое в истории русской культуры. Поэтому трудности освоения данной дисциплины в современной поликультурной аудитории связаны не с названными положениями, а во многом с разрушенной преемственностью духовной традиции в контексте глобализационных процессов в целом. Таким образом, с одной стороны, современная обучающаяся в вузе молодежь отчасти оторвана от традиционных нравственных ориентиров, а с другой стороны, виртуальная реальность имитацией собственных ценностей замещает настоящее время, отрывает человека от внимания к конкретным историческим событиям, личностям, памятникам. Поэтому большую актуальность в настоящее время приобретают различные методики и подходы к преподаванию истории русской культуры.

Среди них можно выделить внеаудиторную работу (например, тематические экскурсионные маршруты, в том числе выстроенные студентами в качестве групповой работы над проектом и осуществленные на местности). В целом в настоящее время в образовательном процессе чрезвычайно востребованы элементы краеведческих исследований, сфера музееведения. В ходе аудиторных занятий, раскрывая особенности развития русской истории и культуры, акцент может быть сделан на лучших примерах личностного поведения во многих сферах – от государственной деятельности до культуртрегерства на различных уровнях.

Русский культурно-исторический тип характеризуется следующими факторами: территориальными масштабами, географическим разнообразием, многонациональностью и т. п. Это определяет и открытость картины мира, которую Ф. М. Достоевский в речи, посвященной памяти А. С. Пушкина, назвал «всемирной отзывчивостью».

Следует отметить, что Россия всегда была центром притяжения для других культур, дружественных и враждебных, являясь много-

национальной страной. На территории России и сегодня проживает более двухсот народностей, она имеет богатейшую историю, а ее духовный компонент, отразившийся и в поведенческих моделях, и в памятниках культуры, в течение всей истории привлекал как нечто, кажущееся уникальным. Этим духовным компонентом является православие, которое всегда было культуuroобразующим стержнем.

Среди задач преподавания курса истории русской культуры на первый план, наряду с выделением узловых событий и их причинно-следственных связей, выходит необходимость акцентирования внимания на патриотическом воспитании молодежи. Воспитанию с опорой на традиционные ценности и нравственные ориентиры посредством расширения кругозора в области отечественной культуры в различных ее проявлениях, в том числе культуре повседневности, семейных ценностях и других актуальных аспектах в их историко-культурной ретроспективе.

Здесь уместно отметить и критерии, характеризующие личность педагога, которые были сформулированы еще на заре появления образовательных учреждений (в том числе женских) в Российской империи. Так, в «Уставе народным училищам Российской империи» (1786) и «Руководстве учителям младших классов народных училищ» «было сформулировано представление об “идеальном педагоге”, который должен был сочетать в себе “профессиональные добродетели”: христианское благочестие, любовь (“<...> соединенную всегда с постоянным и важным видом”), бодрость, терпение, довольствие, прилежание, беспристрастие и снисходительность. Причем учитель, в соответствии с этим каноном – не просто преподаватель, “но, прежде и главным образом, воспитатель”» [Пономарева, 2018, с. 23].

Вместе с тем в социокультурном и мировоззренческом контекстах, рассматривая реформы системы образования в России, исследователи констатируют следующие негативные стороны современной ситуации: попытка ликвидации «научно-педагогической интеллигенции как государствообразующего слоя», денационализированный характер реформ, дефундаментализация и дегуманитаризация образования и другие серьезные проблемы, с которыми столкнулось общество в конце XX–XXI веков (https://www.altspu.ru/Journal/pedagog/pedagog_10/maro.htm).

В последнее время много говорится о «новой системе образования», ее потенциальных основаниях, привлекающих воспитательные методики [Лихачева, 2021].

В контексте изучения традиций русского народа актуализируются и воспитательные методики; известно, что знание прошлого – залог будущего развития. Проблемы самоидентификации в настоящее время исследователи связывают с «формированием образа позитивного будущего России» [Каширина, 2021, с. 139]. Эта ответственность за будущее определяется «по мере формирования культуры самосознания, координирующей культуру поведения и деятельности», при этом особую значимость получает «формирование гражданского и ноосферного патриотизма» [там же]. Добавим, что в данном случае приоритет имеют локально-цивилизационные смыслы.

При дифференциации глобального и локального может быть рассмотрена русская духовная культура, а в качестве материала исследован концепт «Русская идея», осмысление которого продолжается на протяжении нескольких десятилетий и актуальность которого особенно возрастает в России в кризисные периоды. Понимание философами концепта «Русская идея» может создать в представлении обучающихся ценностное ядро и визуальные образы характеристик отечественной культуры. По мнению И. А. Ильина, «субстанцией или “эссенцией” духовной жизни» является Предметность; Предмет включает в себя понятия разных уровней, в том числе «Предмет как ценность и как Дело отдельного россиянина. Этот предмет истинен настолько, насколько человек включен в служение России, в ее бытие и через него – в единый и великий Предмет истории» [Афанасьева, 2015, с. 109]. Эти теоретические положения в наше время могут иметь прикладное направление.

Акцентирование внимания на локальных сферах важно еще и потому, что «основные маркеры этнической самоидентификации переходят из сферы традиционных культурных практик в сферу социально-психологическую, “воображаемую”, виртуальную» [Копцева, 2021, с. 176]. Своего рода противодействием подобным тенденциям может оказаться изучение в контексте названной дисциплины семейных традиций, отражающих элементы социального, этнического и культурного разнообразия «Русского мира».

Традиции воспитания и просвещения в русской культуре, как и многие другие сферы жизнедеятельности человека, связаны с представлениями о семейном укладе, знание которого в исторической ретроспективе и понимание его ценностных основ в современном мире помогает осмыслить и картину русского мира в целом, и исторические традиции культуры повседневности в частности; «в определенной внутренней культурной среде заложен путь от формирования фамилий до фамильных черт, образующих идентичность конкретной династии в контексте развития русской цивилизации» [Романова, 2021, с. 98]. Через изучение рода и семьи (как своей, так и на примерах из русской истории и культуры) человек начинает понимать «сферу бытования социокультурных ценностей. Этот аспект важен для развития культурологических аспектов генеалогии и приобщения современного поколения к историческим традициям культуры повседневности» [там же]. При подобном подходе раскрываются особенности бытования не только разных народов, представляющих отечественную культуру, но и охват всей социокультурной ситуации каждой эпохи на примерах всесловного служения Отечеству.

Формирование самоидентичности молодежи в контексте изучения русской культуры остается актуальным и даже обостряется в современном образовательном пространстве, в связи с проблемами сохранения традиции, воспитания и образования в контексте современных стратегий государственной национальной политики в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афанасьева О. М.* Концепт «Русская идея» в публицистике И. А. Ильина (на материале бюллетеней «Наши задачи») // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2015. № 4. С. 108–116.
- Каширина О. В.* Культурно-временной подход к изучению личности как субъекта цивилизации в эпоху глобальных перемен // Культурное наследие. 2021. С. 138–139.
- Копцева Н. П.* Этнокультурная динамика коренных народов Севера и Сибири: концептуальные подходы к исследованию // Культурное наследие – от прошлого к будущему. 2021. С. 176–177.

Лихачева О. Н. Особенности воспитательной деятельности в процессе формирования гражданской идентичности у студентов в образовательном процессе вузов // Современное образование и воспитание подрастающего поколения: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей Международной научно-практической конференции. Пенза, 2021. С. 73–75.

Пономарева В. В. Первые учителя Смольного института (1764–1797) // Социально-гуманитарный вестник. Всероссийский сборник научных трудов. Главный редактор Н. П. Курусканова. Краснодар, 2018. С. 19–23.

Романова Д. Я. Семейное наследие как неотъемлемая часть нематериального культурного наследия России // Культурное наследие – от прошлого к будущему. 2021. С. 96–98.

УДК 159.9

Подпругина В. В.

кандидат психологических наук, доцент

Московский государственный лингвистический университет

Москва (Россия)

viktoriyavp@mail.ru

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ИХ ИССЛЕДОВАНИЯ

Дается теоретический анализ с точки зрения психологии таким категориям, как «диалог», «защитные механизмы», «барьеры коммуникации» и их роль в межличностном общении. Поднимаются вопросы значимости диалога с самим собой, другим «Я» и способность к рефлексии переживаемых эмоций и эмоциональных состояний, как важное умение, предотвращающее эмоциональное выгорание в профессиональной деятельности педагога, рассматриваются стили педагогического общения; анализируются особенности взаимодействия детей дошкольного возраста в разноязыковой среде.

Ключевые слова: диалог; защитные механизмы; рефлексия; эмоциональные состояния; личностный профиль

Podprugina V. V.

PhD (Psychology), Associate Professor

Moscow State Linguistic University

Moscow (Russia)

viktoriyavp@mail.ru

PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF INTERACTION AND THEIR RESEARCH

A theoretical analysis is given from the point of view of psychology to such categories as “dialogue”, “defense mechanisms”, “communication barriers” and their role in interpersonal communication. The questions of the importance of dialogue with oneself, the other “I” and the ability to reflect on the emotions and emotional states experienced as an important skill that prevents emotional burnout in the professional activity of a teacher are raised, styles of pedagogical communication are considered; the features of interaction of preschool children in a multilingual environment are analyzed.

Keywords: dialogue; defense mechanisms; reflection; emotional states; personal profile

Диалог как феномен научного и практического знания по-прежнему активно привлекает заинтересованных ученых, которые выдвигают новые предметы исследования в диалогическом поле. Разрабатывая диалогический метод, Сократ, возможно, и не подозревал, какую роль в современной культуре будет иметь диалог. В философском словаре «диалог – беседа, разговор; посредством беседы изложение философских проблем делается наглядным и оживляется» [Губский и др., 1997, с. 135]. В толковом словаре С. И. Ожегова: «диалог (*сценический*) – разговор между двумя лицами, обмен репликами; (*политический*) контакты между двумя странами, сторонами» [Ожегов, Шведова, 1997, с. 166]. Ведение политического диалога подразумевает специальную подготовку, определенный социальный статус, профессиональную, личную ответственность, а результат этой деятельности может явиться судьбоносным не только для конкретной личности, вступившей в диалог, но и для всей страны, интересы которой она представляет.

До определенного периода развития общества мы могли узнать о результатах переговоров в проверенных информационных источниках. Однако с развитием новейших технологий появилась возможность вступать в диалог со знакомым и незнакомым человеком, разделяющим или имеющим противоположные твоим взгляды и отношения к тем или иным событиям, независимо от уровня социальной включенности на уровне микро-, мезо-, экзо- или макросистемы. Можно открыто выражать свое мнение, реализуя свою личностную позицию, демонстрируя определенную социальную роль в широких социальных сетях, не задумываясь об ответственности и последствиях. Подобный обмен информацией, как правило, ведет к искажению фактов действительности и способствует формированию порой ложного, неадекватного представления, определенного отношения, мнения или убеждения относительно социального мира, своеобразной установки личности. Подобный обмен информацией можно охарактеризовать как свободу, а можно и как безответственность, так как «свобода – отсутствие каких-либо ограничений, стеснений в чем-нибудь» [там же, с. 728]. Несмотря на то, что софистов критиковали еще в V веке до н. э., так как они использовали различные уловки, чтобы победить в споре

и доказать нужное положение, сбить с толку оппонента, и даже слово «софист» приобрело негативный характер. Тем не менее в настоящее время технологии манипулирования сознанием активно используются. Так, Е. Е. Пронина отмечает, что потрясающие технические достижения и ошеломляющие социальные пертурбации современности вызывают тектонические процессы в психике человека, но не получают необходимого мировоззренческого осмысления на уровне социума [Пронина, 2003, с. 225].

В энциклопедическом словаре «диалог – это форма устной речи; это основной способ изображения характеров и развития действия в драме» [Прохоров, 1981, с. 393]. Если представить, что жизнь по каким-то объективным и субъективным причинам для кого-то стала драмой, насколько другой человек по отношению к нему может открыто демонстрировать в трудной жизненной ситуации черты характера и свойства личности, такие как макиавеллизм, способность к манипуляции, внушение – способ влияния, который рассматривается как некритическое восприятие человеком поступающей информации. И в этом случае встают вопросы этики, морали, гражданской позиции и ответственности, знания границ своей компетентности. Несомненно, если одна сторона нарушает границы личности в диалоге, то другая может прибегать к защите. «Защитные механизмы – это психологические стратегии, с помощью которых люди избегают или снижают интенсивность таких негативных состояний, как конфликт, фрустрация, тревога и стресс» [Корсини, Ауэрбах, 2006, с. 215]. Еще З. Фрейд раскрыл и описал психологические защитные механизмы, которые позволяют личности нивелировать негативные эмоциональные состояния. Среди них:

- 1) вытеснение – избирательное забывание материала, связанное с конфликтом и напряжением. З. Фрейд выделил два типа вытеснения: первичное вытеснение обеспечивает отказ в доступе в сознание угрожающего материала; второй тип – собственно вытеснение или вторичное выталкивание;
- 2) подавление (избегающее мышление или отвлечение внимания) – игнорирование вызывающих эмоциональное напряжение мыслей. Эта мысль доступна, но блокируется другой;

- 3) отрицание (переопределение, переоценка) – человек не реагирует на провоцирующие угрозу аспекты ситуации, избирательно воспринимает и по-другому интерпретирует переживаемое. Люди спонтанно используют эту защиту, она эффективна в снижении как субъективного, так и физиологического возбуждения перед лицом угрозы;
- 4) проекция – приписывание личностных характеристик или мотивов другим людям в зависимости от собственных личностных характеристик и мотиваций человека. Выделяют: атрибутивную проекцию (человек осознает у себя наличие определенной черты и только затем приписывает ее другому); комплементарную проекцию (осознает свое чувство и видит причину этого в другом человеке); проекцию сходства или классическую проекцию (человек не осознает у себя определенной черты, проецирует ее на других);
- 5) смещение – выделяют два типа: смещение объекта и смещение влечения. При первом типе человек проявляет к одному лицу или объекту чувство, которое в действительности испытывает к другому лицу; при втором он перемещает энергию, связанную с одним чувством, на другое;
- 6) регрессия (регрессия объекта, лица и регрессия влечения) – при столкновении с конфликтом, напряжением, фрустрацией человек может вернуться к более ранней стадии жизни;
- 7) идентификация – человек принимает личностные характеристики (особенности поведения, аттитюды и т. п.) другого лица;
- 8) компенсация – если человек чувствует себя неполноценным и пытается преодолеть тревогу, то он прилагает дополнительные усилия чтобы достичь успеха;
- 9) реактивное образование – человек ведет себя диаметрально противоположно содержанию вытесненного материала: щедрость может интерпретироваться как защита от скупости, чистоплотность – от неряшливости;

- 10) рационализация – человек может дать рациональное объяснение своему поведению и скрыть менее приемлемую ситуацию;
- 11) сублимация – перевод энергии, связанной с неприемлемым импульсом или побуждением, в социально приемлемую деятельность;
- 12) изоляция – отделение эмоции от присущего ей содержания и безразличное обращение с темами, которые могли бы быть угрожающими; один из приемов называется интеллектуализацией – это сосредоточение внимания на технических, логических аспектах угрожающей ситуации, а не на ее эмоциональных компонентах.

В зависимости от ситуации и жизненного опыта личность склонна использовать в своем поведении определенные наиболее характерные для нее стратегии защиты, которые могут быть конструктивными и деструктивными. Во втором случае необходимо осознать защитный механизм и выработать наиболее подходящий для конструктивного взаимодействия. З. Фрейд к конструктивным защитным механизмам относил только сублимацию.

А. В. Мудрик выделил типы диалога, причем каждый может быть направлен как вовне (внешний), так и внутрь (дискуссия с самим собой, другим Я):

- 1) фатический диалог: обмен речевыми высказываниями происходит лишь для поддержания контакта и благополучного самоощущения человека в отношениях с окружающими; особенно важен для подростков;
- 2) информационный диалог: обмен информацией самого различного свойства;
- 3) дискуссионный диалог: возникает при столкновении различных точек зрения;
- 4) исповедный диалог происходит в доверительном общении с друзьями, близкими, когда человек старается быть предельно откровенным, разделить с собеседником свои чувства, переживания [Мудрик, 2015, с. 62].

Автор отмечает, что на разных этапах социализации человек участвует во всех типах диалога и каждый последующий тип отмечается более эмоциональным и глубоким по содержанию общением. И если диалог как процесс, деятельность, взаимодействие изучается в возрастной группе взрослых людей, то исследований того, как выстраивается диалог у детей, недостаточно.

Особая роль принадлежит внутреннему диалогу, позволяющему понять себя, определить отношение к происходящему, которое окрашивается эмоционально; мысленно сосредоточиться и аргументировано доказать желаемое, определить и конструктивно отстоять свою позицию, найти аргументы и убедить другого в нужном решении. Данные стратегии ведения диалога, даже с самим собой, требуют от личности определенных характеристик, способностей:

- ◆ можно выделить склонность личности к интроверсии как направленность на познание своего внутреннего мира в большей степени, чем внешнего, окружающего (экстраверсия). Черта личности, о которой заявил К. Юнг;
- ◆ обозначить способность к рефлексии как метод познания психического, который активно формируется в подростковом возрасте, позволяя подросткам анализировать собственные мысли и развивать ментальные способности.

Несомненно, профессионалов и специалистов разных областей волнует вопрос: как личность будет проявлять себя в той или иной ситуации в ходе диалогической деятельности. И психологи, с одной стороны, пытаются выявить значимые характеристики личности, востребованные в диалоге, построить личностный профиль с помощью определенного диагностического инструментария; с другой – разработать различные техники, методы, способствующие продуктивному процессу диалогического взаимодействия. Умение анализировать происходящее, выделять и сосредотачиваться на проблеме – аспект мыслительной деятельности. Для выявления этой способности существует множество различных тестов, но наиболее известны следующие: прогрессивные матрицы Дж. Равена, так как они позволяют нивелировать культурные различия; тест Д. Векслера, Г. Айзенка и др.

В ходе диалога активизируется мыслительная деятельность – именно это подчеркивал Сократ в разработанном им методе. Сегодня доказано, что ведение диалога требует и других особенностей личности, определенных способностей, что подтверждает сложность, многоуровневость, многогранность процесса диалогического общения. Можно рассмотреть такие важные качества личности для успешного ведения диалога, как: полизависимость / полинезависимость; внешний и внутренний локус контроля; стратегия поведения в конфликтной ситуации; способность находить аргументы и убеждать другого (макиавеллизм); независимость в диалоге и способность отстаивать свою позицию и др. И это лишь небольшой перечень характерных проявлений личности в способности к успешному ведению диалога, который можно определить в ходе психодиагностики с помощью специализированных методик: построить личностный профиль и предположить поведение личности в данной деятельности. Однако огромное внимание уделяют не только личностным особенностям, но и психологическим барьерам, возникающим в ходе общения. Выделяют барьеры:

- ◆ коммуникации, связанные с обменом информацией между собеседниками в ходе общения (семантический, логический, фонетический, личностный);
- ◆ взаимодействия, происходящие из-за недовольства поведением партнера по общению, когда в позициях собеседников есть существенные различия (мотивационный барьер, барьер некомпетентности, этический);
- ◆ барьеры понимания и восприятия, связанные с восприятием и познанием друг друга, а также с установлением взаимопонимания на этой основе (эстетический, социальный, отрицательных эмоций, установки, двойника).

Следовательно, ведение диалога – это искусство, которое требует от личности определенных способностей, знаний и умений, а для успешности в некоторых профессиях – и определенных компетенций. Так, общение педагога является профессиональной составляющей и выполняет такие функции, как: информационная, воспитательная, социально-перцептивная, самопрезентативная, интерактивная, аффек-

тивная. Выделяют различные стили педагогического общения: либеральный (попустительский), авторитарный, демократический. Другая классификация стилей общения предложена на основании эмоциональной включенности и использовании методических приемов педагогом: эмоционально-методический, рассуждающее-импровизационный, рассуждающее-методический, эмоционально-импровизационный стили.

За последний период времени исследователей всё чаще привлекает феномен «эмоциональное выгорание» в педагогической деятельности – это отсутствие способности к продуктивному эмоционально насыщенному общению. Было показано, что способность понимать свои эмоции, эмоциональные состояния посредством рефлексии является значимой в преодолении эмоционального выгорания в деятельности педагогов. Со временем появился термин «эмоциональный интеллект», означающий способность распознавать свои и чужие эмоции. Это когнитивная составляющая, которая позволяет ориентироваться в мире эмоций: знать, понимать и распознавать свои эмоции и эмоции другого, а также согласно ментальному опыту выстраивать свое эмоциональное поведение, в том числе и в диалогическом общении при взаимодействии с другими [Подпругина, 2017].

Действительно, сегодня мы понимаем, какие личностные особенности востребованы для успешной диалогической деятельности. Определены и выделены стили общения, руководства, разрабатываются техники ведения продуктивного диалога; представлены исследования, направленные на изучение того, какую роль играет невербальное поведение, мимические выражения, топономика передвижения субъекта в пространстве. Полученные данные позволяют целостно проанализировать ситуацию взаимодействия и поведение каждого участника диалогического общения. Однако ряд вопросов остается открытым. Мы предприняли попытку выяснить, как выстраивается диалог в группе детей, владеющих разными языками.

Исходя из цели, мы проанализировали взаимодействие детей дошкольного возраста между собой в разной языковой среде: в группе детей дипломатов из разных стран, выполняющих свою профессиональную деятельность в России. Качественно-количественный анализ состава группы представлен в таблице 1.

Таблица 1

Разноязыковая среда и ее особенности

Языки	Русский язык	Иврит	Англ. язык	Японск. язык	Хинди	Другие языки
Количество детей (%)	61,54	30,77	15,38	11,54	7,69	11,54

Необходимо отметить, что группа детей разновозрастная: от трех до семи лет (средний возраст – четыре года). Всего 26 детей. В группе десять детей, которые владели несколькими языками и были билингвами (40 % от всей группы), и 16 детей, которые использовали в своей речи иноязычные слова, предложения, являясь при этом монолингвами (60 % от всей группы). Дошкольный возраст характеризуется эгоцентризмом, а языковой барьер становится препятствием к общению. Но в ходе наблюдения было выявлено, что, попадая в разноязыковую среду, ребенок, не владеющий ни русским, ни английским языками, в первую очередь осваивает слова русского языка. Эти слова помогают ребенку и необходимы ему при взаимодействии: *да, нет, я, это, хочу, не хочу, дай, где, мое, больно, большой, маленький, еще*. Во вторую очередь осваиваются слова и фразы английского языка. Дети очень органично вплетают все знакомые языки в свою речь, причем не наблюдается никаких барьеров и таких личностных проявлений, как застенчивость, тревожность. Можно констатировать, что в процессе взаимодействия детей дошкольного возраста в разноязыковой среде образуются универсальные речевые конструкты, которые могут включать слова из разных языковых культур, независимо от уровня владения языком, что способствует более глубокому пониманию и взаимодействию в разноязыковой среде, установлению социальных, лично-значимых контактов.

Таким образом, несмотря на возникновение различных психологических барьеров в общении, защитных механизмов личности, наличия или отсутствия личностных особенностей для конструктивного ведения диалога с другими, каждая личность стремится выстроить диалогическое общение, быть включенной во взаимодей-

стве не только с окружающими, но и с собой, своим внутренним «Я». И этот процесс необходим для отражения себя, самосовершенствования, развития личностного потенциала, стремления к самоактуализации независимо от возраста и языка общения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Губский Е. Ф.* [и др.] *Философский энциклопедический словарь.* М. : ИНФРА-М, 1998.
- Корсини Р., Ауэрбах А.* *Психологическая энциклопедия.* СПб.: Питер, 2006.
- Мудрик А. В.* *Диалог // Психология общения.* М. : Когито-Центр, 2015. С. 62–63.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* *Толковый словарь русского языка.* / Российская АН. Ин-т рус.яз.; Российский фонд культуры. М. : Азъ Ltd, 1992.
- Подругина В. В.* *Особенности взаимодействия преподавателей со студентами с ОВЗ в высшей школе // Образование, инновации, исследования как ресурс развития сообщества: сборник материалов Международной научно-практической конференции.* 2017. С. 406–411.
- Пронина Е. Е.* *Психология журналистского творчества.* М. : Изд-во Моск. Ун-та, 2003.
- Прохоров А. М.* *Советский энциклопедический словарь.* М. : Советская Звезда, 1981.

УДК 008

Полетаева М. А.

кандидат культурологии

доцент

Московский государственный лингвистический университет

(Москва, Россия)

m.poletaeva@mail.ru

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ МИГРАЦИЯ КАК СПОСОБ ФОРМИРОВАНИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ ЛИЧНОСТИ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с феноменом образовательной миграции в условиях глобализации.

Ключевые слова: культура; мультикультурализм; интеркультурализм; межкультурная компетентность; этнокультурная идентичность; молодежь; образовательная миграция

Poletaeva M. A.

PhD (Culture Studies)

Ass. professor

Moscow State Linguistic University

(Moscow, Russia)

m.poletaeva@mail.ru

EDUCATIONAL MIGRATION AS A WAY OF FORMING AN INDIVIDUAL'S INTERCULTURAL COMPETENCE

The article discusses issues related to the phenomenon of educational migration in the context of globalization.

Keywords: culture; multiculturalism; interculturalism; cross-cultural competence; ethnocultural identity; young people; migration for education

Глобализация и миграция являются значимыми тенденциями социокультурного развития человечества в XXI веке: с одной стороны, мы видим унификацию социальных параметров жизнедеятельности людей даже в глокальных процессах, а с другой – рост культурного многообразия. В таком сложном социокультурном контексте важнейшей характеристикой личности студента-мигранта становится уровень межкультурной компетентности, который формируется как на уровне повседневности в реальном диалоге культур, так и в процессе получения образования.

Современный студент, специализирующийся на гуманитарной области знания (и не только на ней), априори является участником диалогового взаимодействия культур, поскольку его деятельность напрямую сопряжена с международным сотрудничеством в различных сферах – от участия в международных конференциях до стажировок и публикаций в зарубежных журналах.

По словам британского политолога Б. Парека, значение взаимодействия культур на современном этапе в рамках интеркультурализма состоит как в том, что, сталкиваясь с новыми культурными образцами, молодые люди начинают переосмысливать собственные установки, а также модели поведения и развиваться за пределами зоны комфорта, так и в том, что различные культуры нуждаются во взаимном дополнении, поскольку ни одна из них не синтезирует все ценности человеческой жизни и не дает возможности развить весь человеческий потенциал. Таким образом, речь идет о возможностях наиболее полного развития культур и сообществ в ситуации интеркультурализма.

В 2009 году Европейский совет принял директиву о введении Blue Card (синяя карта), которую согласились внедрить все страны-члены ЕС кроме Соединенного Королевства, Дании и Ирландии. В Великобритании для контроля иммиграции из стран, не входящих в ЕЭС, используется система баллов (points-based immigration system), сходная с канадской и австралийской. Эта схема поэтапно вводилась в 2008–2010 годах и относится к юрисдикции Агентства пограничного контроля.

Рассмотрим, как нововведение вошло в систему миграционной политики ФРГ. Blue Card дает право на проживание в стране в течение

максимум четырех лет: через 33 месяца высококвалифицированный иммигрант может получить вид на жительство; знание немецкого на уровне не ниже B1 сокращает этот срок до 21 месяца. Обладатель Blue Card может привести в Германию свою семью, члены которой также получают разрешение на работу и вид на жительство. Необходимыми условиями являются:

- ◆ профессиональная квалификация,
- ◆ контракт с европейской компанией,
- ◆ годовой доход не менее трех минимальных размеров оплаты труда.

Поскольку с точки зрения рынка наиболее удачным методом долгосрочной миграционной политики является образование квалифицированных студентов, которые бы трудоустроивались в Германии, иностранные выпускники немецких вузов получили право в течение 18 месяцев находиться на территории страны и искать работу.

Таким образом миграционное законодательство стремится привлечь на долгосрочное или постоянное пребывание высококвалифицированных трудовых мигрантов. Шенгенская система облегчает внутриевропейскую миграцию, в то время как Blue Card упрощает миграцию неевропейских специалистов. При этом открытость границ и благоприятность внутренних условий различается между странами ЕС. Исходя из данных Евростата, для структурной интеграции образовательных мигрантов, особенно молодежи, наиболее благоприятные условия созданы в Великобритании, Ирландии и Нидерландах, в то время как внутренние системы Германии и Австрии остаются относительно закрытыми для иностранцев. Неравномерность распределения капитала внутри ЕС породило феномен *welfare tourism*, формирующий стереотип об иммигрантах как об иждивенцах. По основным показателям уровня жизни и экономической успешности только образовательные мигранты не проигрывают местным жителям. Знание языка, наличие опыта работы и высшее образование повышают, но не гарантируют возможность мигранта успешно интегрироваться в принимающее сообщество.

Вместе с тем и этнокультурная идентичность личности молодежи в контексте образовательной миграции сегодня формируется в диалоге

(в частности межкультурном) и не может быть обусловлена только универсалистскими факторами права, гражданства и национальности. Результатом такого диалога становится межкультурная компетентность его участников, являющаяся одной из черт их этнокультурной идентичности. В межкультурной компетентности принято выделять три основных группы компетенций: аффективные, когнитивные и процессуальные. Для современного студента-мигранта важно как эффективное овладение ими, так и постоянное совершенствование уровня межкультурной компетенции путем развития способности рефлексировать над особенностями собственной и чужих культур, постоянно пополнять знания о них. В качестве эффективной стратегии достижения межкультурной компетентности возможно предложить стратегию сохранения собственной культурной идентичности при овладении достижениями культуры других народов.

УДК: 372.881.111.1

378.147

Путиловская Т. С.

кандидат психологических наук, доцент
Государственный университет управления
(Москва, Россия)
tputil@yandex.ru

ИЗУЧЕНИЕ ИНОСТРАННОГО ЯЗЫКА В МУЛЬТИКУЛЬТУРНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

В статье рассматриваются вопросы, связанные с организацией образовательного процесса при изучении иностранного языка в мультикультурной аудитории с целью создания обучающей среды, комфортной для студентов и преподавателей. Задача автора заключается в том, чтобы выявить лингводидактические зоны, выступающие в качестве опоры при изучении языка в условиях многоязычности обучающихся, а также сформулировать некоторые методические рекомендации, направленные на облегчение процесса овладения языком в высшем учебном заведении.

Ключевые слова: мультикультурный класс; овладение иностранным языком; высшее учебное заведение; социо- и межкультурная компетентность; иностранный язык для профессиональных и научных целей

Putilovskaya T. S.

PhD (Psychology), Associate Professor
State University of Management
(Moscow, Russia)
tputil@yandex.ru

LEARNING A FOREIGN LANGUAGE IN A MULTICULTURAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT

The article deals with the discussion of certain aspects related to teaching foreign languages in a multicultural classroom and is aimed at creating the educational environment comfortable for students and professors. The author's task is to reveal linguistic and didactic areas to be used as a basis for foreign language acquisition in a multicultural classroom and to work out didactic recommendations for facilitating the process of language acquisition in higher educational institutions.

Keywords: multicultural classroom; foreign language acquisition; higher educational institution; social and cross-cultural competency; foreign language for professional and scientific purposes

Современный мир, характеризующийся высокой мобильностью населения, усиленно развивающимися миграционными процессами, связанными с экономическими, политическими и социальными трансформациями в обществе, предъявляет совершенно новые требования к организации системы образования. Мультикультурная образовательная среда стала уже достаточно привычным явлением для всех типов учебных заведений. Однако учителя и преподаватели постоянно сталкиваются с трудностями, вызванными тем, что в одной аудитории находятся люди разных национальностей, религиозных убеждений, социокультурных норм и правил поведения, обладающие при этом компетенциями различного уровня.

Специфическое звучание проблема мультикультурной образовательной среды приобретает в условиях изучения иностранного языка, когда процесс получения знаний и формирования навыков опосредован использованием двух или трех языков и появлением двойных ассоциативных связей с языком, на котором ведется преподавание дисциплины, а также с иностранным языком. В данной статье мы рассмотрим вопросы организации образовательного процесса при изучении иностранного языка в мультикультурной аудитории с целью создания комфортной обучающей среды и минимизации рисков ошибочных действий преподавателей и студентов. Задача автора заключается в том, чтобы выявить лингводидактические зоны, которые могут выступать в качестве опоры при изучении языка в условиях многоязычности обучающихся, а также сформулировать некоторые методические рекомендации, направленные на облегчение процесса овладения языком в высшем учебном заведении.

Отметим прежде всего, что теория мультикультурализма является одной из самых разработанных современных концепций, находящихся на стыке культурологии, теории межкультурной коммуникации, лингвopsихологии и лингводидактики. Еще совсем недавно проблема мультикультурности волновала в основном страны западного мира, который долгое время выполнял функцию «плавильного котла» из-за традиционно высокого уровня иммигрантов [Headley, 2012]. Сегодня проблема стала актуальной и для России, находящейся под влиянием всплеска миграционных процессов на постсоветском пространстве.

С усилением академической мобильности возрос приток иностранных студентов в высшие учебные заведения. Все эти факторы должны учитываться при организации современного образовательного процесса во всех типах учебных заведений.

Необходимо отметить существенный научный прогресс в изучении мультикультурализма в сфере лингводидактики, которая представляет для нас особый интерес. Так, в рамках лингводидактики разработаны теории и технологии мультикультурного образования, а также сформулированы принципы педагогической поддержки личности, основанные на философии гуманизма [Закирова, Камалова, 2016]. Ученые постоянно разрабатывают меры по поддержке мигрантов в сфере получения образования и толерантного отношения к ним [Jefferson, 2002], основанные на принципах гуманизма и личностно-ориентированного образования [Бондаревская, Гукаленко, 2000]. Кроме того, разработаны наиболее существенные признаки и модели мультикультурной образовательной среды, обеспечивающие взаимообогащение всех участников образовательного процесса [Nieto, 1996].

При этом исследователи в большей степени сосредоточены на изучении общих проблем облегчения адаптации мигрантов к школьному обучению, в частности к усвоению содержания учебных дисциплин, процессу передачи и аккумуляции знаний, развитию педагогики равенства и формированию культуры учебных заведений [Banks, 1994] и т. д. К сожалению, значительно меньше внимания уделяется изучению мультикультурной аудитории при овладении иностранным языком, хотя проблемы, которые возникают в этой связи, требуют особого внимания. Об этом нельзя забывать, поскольку студенческая академическая мобильность может поддерживаться на высоком уровне только в том случае, когда система высшего образования активно этому способствует.

Изучение иностранного языка в рамках вузовской программы само по себе неоднородно, и каждый преподаваемый языковой курс имеет свою очевидную специфику, способствующую формированию социо- и межкультурной компетентности студентов. Общеязыковой курс, традиционно называемый General English, предполагает усиленное изучение страноведческой тематики, а следовательно и освоение норм

и правил вербального и невербального поведения и речевых формул общения, принятых в данной культуре. Само предметное содержание курса способствует успешному взаимодействию в мультикультурном классе. Студенты, как правило, активно и с интересом включаются в обсуждение страноведческих тем, приводят примеры из своего опыта общения, участвуют в дискуссиях о нормах поведения и правилах использования языковых структур. При этом объектом сравнения выступают сразу три аспекта: собственная культура, культура страны изучаемого языка и культура страны пребывания.

При овладении языком делового общения (Business English) большое внимание уделяется нормам и правилам, которые во многом определяются традициями англосаксонской культуры в силу доминирования английского языка в сфере предпринимательства и бизнеса. Деловое общение вместе с тем обязательно учитывает национальные особенности вербального и невербального поведения представителей различных культур, тем более если речь идет об установлении долгосрочных деловых партнерских отношений и связей. Сам изучаемый курс социокультурно ориентирован, что уже на уровне предмета изучения способствует формированию мультикультурализма и обсуждению вопросов культурной идентичности, ее проявлений и учета в процессе общения.

Обязательным элементом академического курса иностранного языка является изучение языка профессионального и научного общения, который используется в основном при подготовке магистров и аспирантов. Эта сфера общения наиболее нейтральна и основана на соблюдении универсальных норм и правил. Она характеризуется преимущественным использованием английского языка, который особенно доминирует в сфере науки и выступает в роли инвариантной нормы профессионально-научного общения. Однако любые личные научные и профессиональные контакты между людьми предполагают знание и учет культурологических особенностей представителей разных стран. При этом долгосрочность личных контактов во многом обусловлена знанием и бережным отношением партнеров к культуре, обычаям и науке другой страны, которое должно быть обоюдным.

Наш опыт педагогической деятельности показывает, что в условиях подготовки аспирантов мы чаще всего сталкиваемся с проблемами мультикультурной образовательной среды, так как в одной аудитории могут находиться представители нескольких государств. Аспиранты, приезжающие на обучение в Россию, зачастую плохо владеют не только русским языком, т. е. языком обучения, но и английским, причем даже на уровне повседневно-бытового общения. Для них освоение английского языка для научных целей представляет большую сложность. Это особенно проявляется при выполнении заданий на развитие навыков академического чтения, реферирования и аннотирования научного текста по выбранной специальности и академического письма. Особую сложность для преподавателя представляет чтение лекций на иностранном языке, в процессе которого необходимо учитывать присутствие обучающихся из различных иностранных государств, время от времени обращаться к ним с теми или иными вопросами, помогающими оценить правильность и глубину понимания, пользоваться переводом на русский язык, несколько раз объяснять наиболее значимый материал.

Примеров трудностей, которые испытывает преподаватель в мультикультурной образовательной среде, достаточно много. В силу этого представляется целесообразным предложить пакет наиболее существенных рекомендаций для обучения студентов и аспирантов в ситуации мультикультурной аудитории.

1. Проверять при поступлении уровень владения языком. Обучающимся, знающим язык на уровне ниже B2, очень трудно освоить программу подготовки по иностранному языку. Поэтому для них целесообразно разработать специальные программы дополнительного профессионального образования (ДПО).
2. При проведении занятий максимально использовать обратную связь в любой доступной форме, включая онлайн-формат, чтобы понимать, что все студенты включены в работу.
3. Регулярно проводить на занятиях дискуссии, направленные на обсуждение различных аспектов межкультурной коммуникации, норм и правил вербального и невербального поведения представителей различных культур, чтобы сделать эти аспекты предметом внимания, изучения и осознания.

4. Уделять больше внимания особенностям вербального поведения представителей разных культур и социальных групп, стилистическим особенностям их речи в меняющихся условиях общения, средствам и способам выражения в речи различных социокультурных поведенческих проявлений.
5. Более внимательно относиться к объяснению материала, поскольку на этом этапе возникают большие сложности, связанные с недостаточно полным и адекватным пониманием предметной информации, инструкций и даже учебных заданий. Необходимо использовать при этом любые виды опоры на русский язык: наглядность, примеры и иллюстрации, облегчающие понимание, и т. д.
7. При проведении занятия опираться на использование цифровых образовательных технологий: презентаций, файлов с текстовыми материалами, учебных заданий, которые выводятся на экран. Например, осуществлять все текстовые манипуляции, связанные с логико-смысловым анализом текста, на экране в режиме совместной работы, а затем приглашать обучающихся делать то же самое самостоятельно – сначала под контролем преподавателя, а затем уже в режиме полностью самостоятельной работы.
8. Давать небольшие самостоятельные задания и регулярно проверять их, чтобы минимизировать количество ошибок. Для этого очень удобно использовать функцию рассылки заданий и выполненных работ через личный кабинет вуза.
9. Разрабатывать пошаговые инструкции по овладению каждым отдельным навыком на иностранном и русском языках. Делать заблаговременную рассылку инструкций в личные кабинеты студентов для изучения. Проверять адекватность понимания этих инструкций и следование им в процессе выполнения различных заданий.
10. Для полноценного межкультурного взаимодействия поощрять выполнение групповых заданий, проведение дискуссий и круглых столов, использовать элементы командной проектной работы, вовлекая студентов из различных стран в совместную учебную деятельность.

11. Разработать систему методических рекомендаций по обучению студентов в мультикультурной образовательной среде для каждой преподаваемой дисциплины в рамках изучения иностранного языка.

Предлагаемые рекомендации, основанные прежде всего на личном опыте осуществления педагогической деятельности на программах магистратуры и аспирантуры, могут быть использованы преподавателями иностранных языков, работающими в условиях мультикультурной аудитории. Они помогут, с одной стороны, использовать иностранный язык как учебный предмет, способствующий формированию социо- и межкультурной компетентности обучающихся, а с другой – избежать возможных дидактических ошибок в аудитории взрослых и достаточно требовательных людей, целью которых является овладение иностранным языком для профессиональных и научных целей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бондаревская Е. В., Гукаленко О. В.* Подготовка учащихся к осуществлению педагогической поддержки детям мигрантам в поликультурном социуме. Р-н-Д. : РГПУ, 2000.
- Закирова В. Г., Камалова Л. А.* Теории и технологии мультикультурного образования: монография. В 2 ч. Казань : Отечество, 2016. Часть 1.
- Banks J. A.* An Introduction to Multicultural Education. Boston : Allyn & Bacon, 1994.
- Headley J. M.* The problem with multiculturalism: The uniqueness and universality of Western civilization. New Brunswick: Transaction Publishers, 2012.
- Jefferson N.* Migrant Report Office – Multicultural Education, US Dpt of Education, 2002. P. 16–24.
- Nieto S.* Affirming Diversity. White Plains. NY : Longman Publishers, 1996.

УДК: 338.48

Ромашкина О. П.

Московский государственный лингвистический университет,
(Москва, Россия)
romash98@mail.ru

Красноженова Г. Ф.

доктор социологических наук, профессор
Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Россия)
turizm@linguanet.ru

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ГОСТИНИЧНОГО БИЗНЕСА РФ В УСЛОВИЯХ КРИЗИСА, ВЫЗВАННОГО АНТИРОССИЙСКИМИ ЭКОНОМИЧЕСКИМИ САНКЦИЯМИ

Статья посвящена проблемам и вызовам, стоящим перед гостиничным бизнесом России в условиях экономических санкций, а также путям решения этих проблем. Выделяются переменные для метода сценариев. Рассматриваются различные сценарии оптимизации туристских потоков и развития внутреннего туризма, изменений в управлении гостиничными предприятиями в период ухода с рынка или приостановления деятельности международных гостиничных брендов. Делаются выводы о перспективах развития гостиничного бизнеса по предложенным сценариям.

Ключевые слова: гостиничный бизнес; внутренний туризм; экономические санкции; туристские потоки; управляющие компании; государственная поддержка туризма

Romashkina O. P.

Moscow state linguistic university,
(Moscow, Russia)
romash98@mail.ru

Krasnozhenova G. F.

Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor
Moscow State Linguistic University
(Moscow, Russia)
turizm@linguanet.ru

PERSPECTIVES OF THE RUSSIAN HOTEL INDUSTRY DEVELOPMENT DURING THE CRISIS CAUSED BY THE ANTI-RUSSIAN ECONOMIC SANCTIONS

This article is dedicated to the challenges and issues that hotel industry faced due to economic sanctions and potential solutions. Variables for scenarios are being marked, some tourist flow optimization, internal

tourism development opportunities and hotel management method changes while international brand are leaving the market or freezing their operations are being analyzed. Human capital and logistics are being evaluated. Each scenario's perspectives are being rated.

Keywords: hotel industry; internal tourism; economic sanctions; tourist flows; management companies; state support for tourism

Уже третий год гостиничный бизнес в России, как и туризм в целом, терпит проблемы и убытки. Трудности, связанные с ковидом, стали еще серьезнее в условиях экономических санкций. Снова закрываются границы для въезда и выезда туристов, падает курс национальной валюты, а с ним – и доходы населения, мировые гостиничные бренды приостанавливают свою деятельность в стране, давно нарушена логистика туристских потоков, авиакомпании испытывают существенные трудности с парком машин. И это далеко не полный перечень проблем, которых становится все больше. В этих условиях на первый план выступает вопрос: будет ли в дальнейшем развиваться гостиничная отрасль, и если будет, то каковы возможные направления ее развития. Для поиска ответа на этот вопрос используем метод сценариев.

В качестве переменных для метода сценариев выберем следующие факторы, напрямую влияющие на стратегическое развитие национальной гостиничной отрасли:

- 1) изменение структуры туристских потоков;
- 2) приостановка деятельности мировых гостиничных брендов в России;
- 3) стабилизация пассажирских авиаперевозок.

По каждой из этих переменных определим:

- *что было* – ситуацию, сложившуюся в докризисный период;
- *что есть* – сущность произошедших изменений, вызванных кризисом;
- *что будет* – аргументы пессимистического и оптимистического сценариев развития ситуации.

Изменение структуры туристских потоков

Что было. Заполнение гостиниц, а значит и успех гостиничной отрасли, напрямую зависит от туристских потоков. В успешном для туристской индустрии «доковидном» 2019 году выездной поток из нашей страны составил 48 млн человек, а въездной – всего 32 млн, включая граждан ближнего зарубежья (рис. 1).

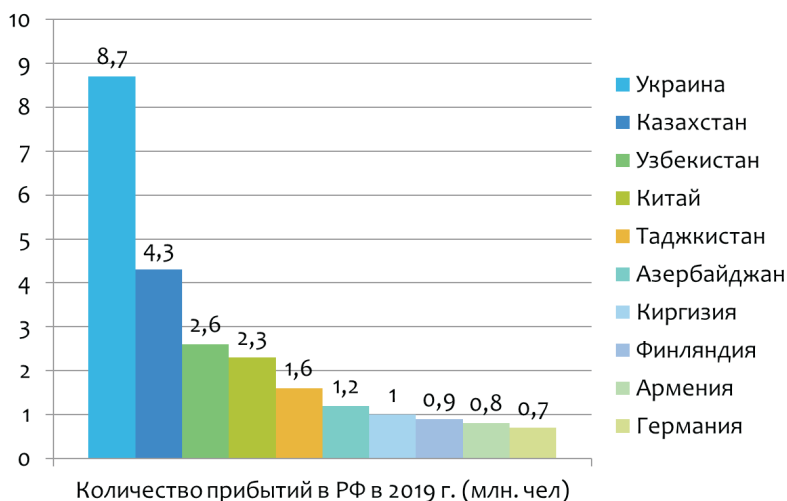

Рисунок 1. Структура въездного туристского потока в РФ в 2019 году.

Абсолютное большинство приведенных на рисунке стран не являются поставщиками классических туристов в Россию. Иностранцы из стран топ-10 приезжают к нам зачастую не тратить, а зарабатывать, а также с целью личного бизнеса, шопинга, посещения родственников и т. д. Их нельзя назвать целевой аудиторией гостиничных предприятий РФ.

Крупными поставщиками туристов из десятки частично являются только Китай и Германия. При этом из 2,3 млн только 1,5 млн китайцев указали туризм целью своего визита в Россию. Всего с целью туризма иностранцами было совершено 5 млн поездок (рис. 2).

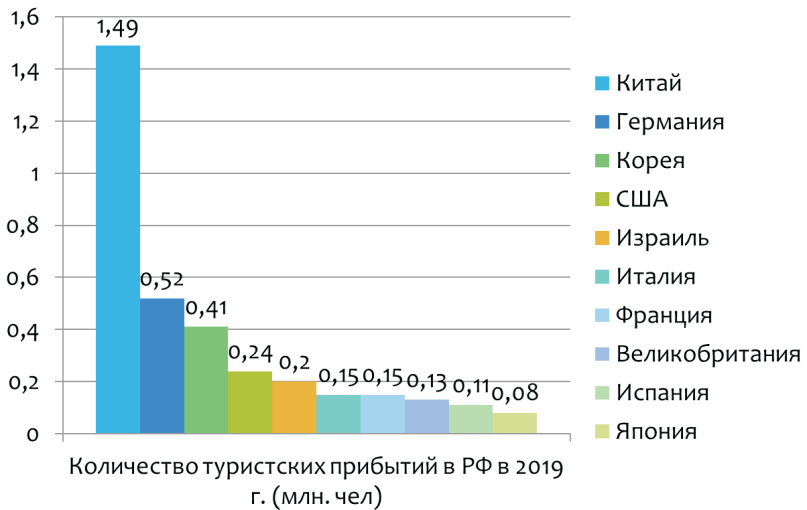

Рисунок 2. Рейтинг крупнейших туристических рынков России по объему прибытий с целью туризма (кол-во поездок в 2019 году)

Что касается выездных потоков, то, вопреки устойчивому медиамифу, внутри России всегда отдыхало больше туристов, чем за рубежом: более 50 млн туристических поездок в год. Только в Крыму в 2019 году отдохнуло более 6 млн туристов, что сравнимо с годовым потоком в Турцию, а в Краснодарском крае – около 16 млн человек, что больше, чем выезд за год по 15 ведущим массовым зарубежным направлениям. К 2019 году гостиничная индустрия в России развивалась как никогда быстро. Основная причина тому – падение спроса на внешний туризм у россиян из-за террористических актов в ряде популярных курортов мира, снижения курса национальной валюты, удержания стоимости железнодорожных переездов на фоне общего роста цен, запретов на выезд для некоторых категорий граждан и пр. За 2018–2019 годы (до тотального закрытия границ) показатели выездного туризма сократились более чем в два раза (<https://inn35.ru/razvitie-gostinichnogo-biznesa-v-rossii>).

Что есть. Большинство европейских и не только стран прекратили выдачу виз или «закрыли небо» для российских граждан. Россия в свою очередь ограничила въезд на свою территорию граждан «недружественных» стран. Хотя в отношении россиян власти не планируют вводить полный запрет на выезд из страны, определенные законодательством ограничения всё-таки существуют. Всё это привело к резкому падению показателей въездного и выездного международного туризма.

Сегодня в РФ туристов готовы принимать 17 648 классифицированных гостиниц.

Что будет. *Аргументы пессимистического сценария:*

- ◆ РФ потеряет большую часть доходов от въездного туризма, резко снизится процент загрузки отелей, к чему приведет сокращение потока иностранных туристов, вызванное санкциями и контрсанкциями.
- ◆ Рост цен, нарушение логистики поставок и туристских потоков, падение курса национальной валюты, экономический кризис в целом приведут к резкому уменьшению доходов населения и, как следствие, к снижению показателей не только внешнего, но и внутреннего туризма.
- ◆ Даже в случае роста темпов внутреннего туризма, российская туристская инфраструктура (и прежде всего гостиничное хозяйство) не сможет обеспечить требуемого объема и качества услуги размещения.

Что будет. *Аргументы оптимистического сценария:*

- ◆ Туристское сальдо в российском бюджете всегда было отрицательным. То есть мы каждый год, отдыхая, вывозили из России больше денег, чем к нам привозили иностранцы. Российские туристы вывезли из России за последние 20 лет порядка 300 млрд долларов, на которые туристская инфраструктура развивалась в других странах по всем популярным направлениям.
- ◆ По некоторым оценкам мировая туриндустрия потеряет 7 млрд долларов в 2022 году из-за отсутствия российских туристов. Можно и нужно сделать так, чтобы эти 7 млрд, а возможно и гораздо больше, получила российская сфера гостеприимства.

- ◆ Правительство приняло около двухсот различных мер стабилизации и поддержки нашей экономики, часть из которых напрямую относится к гостеприимству. Создан и успешно претворяется в жизнь национальный проект в области туризма. Правительственной программой туристического кэшбэка в рамках этапа, стартовавшего 14 марта 2022 года, уже к началу апреля воспользовалось более полумиллиона российских граждан. Сокращение доходов граждан само по себе становится аргументом против выездного туризма и в пользу внутреннего.
- ◆ По прогнозам Ростуризма, исходя из текущего спроса, внутренний турпоток в летнем сезоне 2022 года по отношению к прошлому году может вырасти на 4–30 % в зависимости от региона и суммарно превысит 31 млн человек. Самый большой рост будет на Черноморском побережье, он составит порядка 30 % к уровню прошлого года. А за пять теплых месяцев количество туристов может достигнуть 8 млн, и это только размещение в отелях, без учета гостевых домов и другого туристического жилья.
- ◆ За последний год мы видим взрывной рост туристической инфраструктуры. Начинается невиданный для России бум гостиничного строительства. Запущено более 90 проектов в почти 30 субъектах федерации с общим объемом 34 тыс. номеров. Уже в этом году откроются новые гостиницы во Владимирской области, Владивостоке, Омске, Железноводске. Хороший задел, но недостаточный в масштабах нашей страны. С целью сохранения условий – чтобы строительство инфраструктуры продолжилось в ускоренном темпе – правительство гарантирует льготную процентную ставку до 5 % гостиничным инвесторам. В ближайшее время прогнозируется значительное превышение спроса на отдых в России над предложением, поэтому необходимо поддержать гостинично-туристическую отрасль и создать условия для ее ускоренного развития.

Итак, сегодня Россия делает ставку на развитие внутреннего туризма. Если подавляющее большинство наших граждан будет отдыхать внутри страны – это может стать мощным стимулом развития гостиничного бизнеса.

Приостановка деятельности мировых гостиничных брендов в России

Что было. По состоянию на февраль 2021 года в России представлены 20 международных гостиничных операторов, которые управляют 210 гостиницами (43 845 номеров) в 41 городе. Более половины существующего номерного фонда приходится на гостиницы Москвы и Санкт-Петербурга (52 %), за ними следуют Сочи (9 %), Московская область (6 %), Краснодар (3 %) и другие города (<https://www.forbes.ru/biznes-photogallery/371501-krupneyshie-otelnye-seti-rossii-reyting-forbes>). Самая большая доля рынка (82 %) распределена между пятью компаниями: Accor Hotels, Hilton Worldwide, Marriott International, Radisson Hotel Group, InterContinental Hotels Group (таблица 1).

Таблица 1

Ведущие гостиничные сети в РФ

№	Гостиничная сеть	Кол-во гостиниц	Кол-во номеров	Кол-во регионов России	Бренды
1	<i>Accor Hotels</i>	47	8273	21	Novotel и Ibis
2	<i>Radisson Hotel Group</i>	36	9882	17	Radisson Blu и Park Inn
3	<i>Marriott International</i>	29	6543	13	Marriott, Ritz-Carlton, St. Regis, Bulgari Hotels & Resorts, Sheraton, Autograh и др.
4	<i>IHG Hotels & Resorts</i>	29	5272	20	Hilton Hotels & Resorts, LXR Hotels & Resorts и др.
5	<i>Azimut Hotels</i>	27	6031	21	
6	<i>InterContinental Hotels Group</i>	21	5482	6	Holiday Inn; Intercontinental
7	<i>Hyatt Hotels Corporation</i>	4	997	4	Hyatt
8	<i>Lotte Hotels & Resorts</i>	4	800	4	Lotte Hotels & Resorts
9	<i>Kempinski Hotels</i>	3	806	3	Kempinski
10	<i>Four Seasons Hotels and Resorts</i>	2	363	2	Four Seasons Hotels and Resorts

Что есть. Гостиничные сети Accor, IHG и Hyatt отказались открывать в России новые отели и приостанавливают все партнерские отношения с российскими компаниями. Однако они продолжают управлять уже имеющимися гостиницами (<http://www.pitert.ru/news/world-hotel-brands-in-russia-2022>). У Accor в России более 50 отелей, из них 20 – в Москве. Компания планировала в 2022 году открыть пять новых гостиниц. У компании IHG Hotels & Resorts 29 объектов в 20 регионах России. Оператор не будет инвестировать в наш рынок, все новые открытия отелей отложены. В частности, под вопросом Hilton на 162 номера во Владимирской области, который должны были ввести в эксплуатацию в третьем квартале 2023 года. Отели Hyatt сейчас есть в Москве, Сочи, Ростове-на-Дону и Екатеринбурге. Планировались также в Калининграде и Омске – скорее всего, они начнут работать уже без вывески. За компаниями IHG и Hyatt последовала сеть Marriott, которая имеет с ними общий корпоративный офис в Москве. Под этим брендом в России работают 17 отелей под управлением или по франшизе. Как сказано в заявлении компании, это мизерная часть всего портфеля Marriott. Об уходе с российского рынка сообщили отели Sokos – их три в Санкт-Петербурге.

Что будет. Аргументы пессимистического сценария:

- ◆ Крупнейшие гостиничные бренды не будут открывать в России новые отели и приостанавливают все партнерские отношения с российскими компаниями. До 2029 года в России планировалось открыть 81 гостиницу под международным управлением. Непонятно, что будет с новыми проектами – заморозят их или откажутся от них (но это нарушение условий договора, за что последуют штрафные санкции).
- ◆ Уходящие бренды управляют отелями, соответствующими самым высоким стандартам качества обслуживания и менеджмента, что ставит под удар только недавно сформировавшуюся в определенных сегментах российских отелей культуру сервиса и управления.
- ◆ Появляются проблемы у российских отелей-франчайзинг международных брендов: они готовы платить за франшизу, но не могут перевести деньги из-за блокировки банков, из-за чего им грозят штрафы.

- ◆ Серьезнейшая проблема гостиничного бизнеса – отключение от глобальных систем бронирования, лишение интеграции с автоматизированными системами управления отелями (PMS). Российские аналоги существенно уступают международным, и на их внедрение понадобятся значительные время и средства.

Что будет. *Аргументы оптимистического сценария:*

- ◆ Доля отелей ушедших брендов может составлять примерно 20 % от всего сетевого качественного гостиничного фонда России. При этом они продолжают управлять уже имеющимися гостиницами. Не было сообщений о приостановке деятельности от Four Seasons Hotels, Best Western, Starwood Hotels & Resorts, Corinthia Hotels, Rocco Forte, Rixos Hotels. Компания Radisson Hotel Group определила Россию в качестве приоритетного направления своего развития до 2020 года и планирует начать бизнес в Самаре, Краснодаре, Уфе, Тюмени и Владивостоке. Кроме того, основное расширение качественного гостиничного фонда в стране шло не за счет строительства собственных отелей международных брендов, а по франшизе.
- ◆ Уход из страны международных брендов не изменит ситуацию существенно, ведь отели интернациональных гостиничных сетей в России – собственность российских граждан. В отличие от других брендовых компаний, покинувших российский рынок, их национализировать не придется. Международное участие выражается только франчайзингом и управляющими компаниями, осуществляющими менеджмент отелей известных марок. Даже полный уход условных «Хилтонов» и «Марриоттов» потребовал бы изменения вывески отеля, но зато освободил бы от уплаты огромных роялти иностранным франчайзерам. Однако действующие гостиницы работу не останавливают: все отели ушедших зарубежных брендов продолжают работать и под управлением, и по франшизе – заморожены лишь инвестиции в будущие проекты.
- ◆ В международных управляющих компаниях в России работают высококвалифицированные российские кадры. В стране за последние годы сформировались культура и система управления отелями. 20 лет назад управляющими и директорами брендовых

отелей были исключительно экспаты, сейчас на руководящих позициях, как правило, россияне, и только за редким исключением – иностранцы.

- ◆ Гостиничный бизнес получил долгожданную государственную поддержку. В частности, правительство России поддержало обнуление ставки НДС для организаций гостинично-туристической сферы. Эта льгота распространяется также на инфраструктуру, которая сейчас строится, и будет действовать в течение пяти лет с момента ввода в эксплуатацию (<https://www.rbc.ru/economics/09/03/2022/6223a2039a79472f1858352a>).

Таким образом, фактических сложностей уход брендов не создаст. Прежде всего, собственникам, то есть российским юридическим лицам, надо будет оперативно поменять управляющую компанию. К тому же сейчас максимально льготный период для строительства, и инвесторам будет очень трудно отказываться от таких предложений.

Ситуация с авиатранспортом

Что было. На такой огромной территории, как РФ, заполнение гостиничного фонда даже в рамках развития внутреннего туризма напрямую зависит от авиационных сообщений. У нас в стране зарегистрировано 114 авиакомпаний, располагающих 1367 самолетами, из которых зарегистрированы как российские 193 самолета (148 Superjet 100, один Ту-204 и 44 импортных Airbus и Boeing).

Что есть. Небо над Европой и некоторыми другими странами закрыто для перелетов российских авиакомпаний. На текущий момент мы потеряли 78 машин – они были арестованы при полетах в том числе в дружественные страны: Турцию, Азербайджан и Армению. Теперь за рубеж можно летать только на машинах, которые являются российскими. Российские туроператоры остановили продажу туров по большинству массовых направлений до нормализации ситуации с авиарейсами. Даже зарубежные компании, не попавшие под санкции, отменяют рейсы в Россию из-за отказа партнеров страховать перелеты. Речь идет об ограничениях на международные финансовые и страховые лимиты, которые напрямую влияют на полеты авиакомпании в Россию.

Что будет. *Аргументы пессимистического сценария:*

- ◆ Почти 86 % самолетного парка российских авиакомпаний находится в лизинге как собственность западных предприятий. Попытки договориться о выкупе самолетов не приводят к успеху, а это значит, что летать будет просто не на чем. Западные лизингодатели потребовали вернуть им более 500 самолетов, объем выкупа – 20 млрд долларов.
- ◆ При эксплуатации самолетов нам потребуются запасные части, которых нас лишили. Самолеты не будут приниматься на техническое обслуживание в инжиниринговых центрах, а у наших пилотов не будет возможности проходить обучение на современных тренажерах.
- ◆ В условиях недостатка собственных бортов может возникнуть необходимость свободного допуска иностранных авиакомпаний на внутрироссийские каботажные перевозки – в этом случае авиацию России больше не поднять.

Что будет. *Аргументы оптимистического сценария:*

- ◆ Предпосылок для остановки авиасообщения нет: внутренние рейсы регулярные, многие страны довольно нейтрально ведут себя в конфликте России и Украины. Есть прямые рейсы зарубежных перевозчиков по некоторым направлениям (ОАЭ, Турция, Египет, Армения, Средняя Азия, Венесуэла и другие).
- ◆ Россия начала переводить авиапарк в российский реестр. Такие самолеты страхуют в российских перестраховочных компаниях при Центробанке.
- ◆ Правительство выделит авиакомпаниям около 100 млрд рублей на субсидирование внутренних перевозок в самый активный период – с апреля по октябрь 2022 года. Запускается масштабная программа по компенсации части стоимости авиабилетов на внутренних рейсах, прогнозируется рост объемов внутренних перевозок по сравнению с 2021, количество перевезенных пассажиров должно составить не менее 100 млн человек. Компенсируются расходы российских аэропортов, временно закрытых из-за ситуации на Украине, для сохранения коллективов (Ростов-на-Дону,

Воронеж, Брянск, Симферополь, Анапа, Белгород, Геленджик, Краснодар, Курск, Липецк и Элиста).

- ◆ К июню 2022 года будет утверждена стратегия развития авиатранспорта до 2030 года с опорой на собственные ресурсы и с учетом новых условий, где есть пространство возможностей для российских производителей воздушных судов, конструкторских бюро, поставщиков материалов, агрегатов и комплектующих. В горизонте текущего десятилетия доля отечественных самолетов в парке российских авиакомпаний должна существенно вырасти.

Выводы

Переориентация вектора российского туризма на внутренние путешествия положительно скажется на туристском сальдо в бюджете России и даст дополнительные возможности капитализации отелей. Приостановка деятельности в РФ ряда международных гостиничных брендов не приведет напрямую к закрытию отелей, так как они являются российскими предприятиями. Правительство РФ принимает беспрецедентные и действенные меры по спасению рынка пассажирских авиационных перевозок.

Таким образом, в большинстве случаев аргументы пессимистических сценариев находят оптимистические контраргументы.

УДК:7.03

Руцинская И. И.

доктор культурологии, профессор
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
irinaru2110@gmail.com

ПРЕОДОЛЕВАЯ ЭКЗОТИКУ: ОБРАЗ КИТАЯ В СОВЕТСКОЙ ГРАФИКЕ 1950-х гг.

В докладе исследуются материалы командировок советских художников: эскизы, рисунки, наброски, выполненные ими во время пребывания в Китае. Данные работы позволяют изучить изменения в характере репрезентации страны и ее жителей в советской графике на протяжении десяти лет. Среди них особенно очевидны уход от прямолинейной пропаганды, клишированных сюжетов и композиционных решений, нарастание интереса к показу современных жизненных ритмов. В то же время на протяжении всех этих лет оставался неизменным отказ от наделения визуального образа Китая экзотичными, причудливыми чертами, столь свойственными русскому и европейскому искусству всех предшествовавших эпох.

Ключевые слова: графика; творческая командировка; Китай; экзотика; советский художник

Rutsinskaya I. I.

Doctor of Culturology (Dr. habil), Professor
Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia)
irinaru2110@gmail.com

OVERCOMING THE EXOTICS: THE IMAGE OF CHINA IN THE SOVIET GRAPHICS OF THE 1950S

The report examines the materials of Soviet artists' business trips: sketches, drawings, sketches made by them during their stay in China. These works made it possible to study the changes in the nature of the representation of the country and its inhabitants in the Soviet graphics over a period of ten years. These changes include the escape from straightforward propaganda, clichéd plots and compositional solutions, and the growing interest in showing modern rhythms of life. At the same time, throughout all 1950s the Soviet artists did not endow China with exotic and bizarre features like Russian and European artist of all previous eras.

Keywords: graphics, creative trip, China, exotic, Soviet artist

История китайско-советских отношений подобна «американским горкам»: периоды теплых дружеских контактов сменялись периодами враждебного противостояния, либо переходили в фазы настороженного дистанцирования. В этом контексте 1950-е годы стали уникальным десятилетием. С момента провозглашения в 1949 году Китайской Народной Республики между двумя странами были налажены теснейшие контакты во всех сферах жизни: от экономики до культуры.

Разносторонние взаимодействия вскрыли глубокие лакуны в знаниях и представлениях советских людей о далекой стране. Нельзя сказать, что до начала 1950-х годов в СССР не поступала информация о Китае. Поступала, но она была избирательной, обрывочной, находилась на периферии государственного и общественного интересов. Поэтому формирование «правильных» представлений о «новом Китае» стало задачей государственной важности. Ее выполнение не ограничивалось тиражированием политических тезисов, оно дополнялось распространением обширной вербальной и, что не менее важно, визуальной информации.

К формированию визуального образа Китая были привлечены не только кинорежиссеры и фотографы, но и художники. Десятки советских авторов получили возможность пересечь границу СССР и побывать в зарубежной творческой командировке. Такие поездки рассматривались как привилегия, своеобразная награда.

Существовало три основных вида командировок в КНР:

- ◆ краткосрочные поездки на открытие советских выставок;
- ◆ продолжительные командировки для обучения китайских художников технике масляной живописи, которая была чрезвычайно востребована в этом десятилетии;
- ◆ творческие командировки, организованные специально с целью знакомства художников со страной.

Именно графические работы, созданные в ходе этих командировок, представляют для нас особый интерес. Поскольку главная их цель – познакомиться, всматриваться, фиксировать, отображать китайские реалии. Подобные поездки вошли в практику советских художников начиная с 1920-х годов, когда каждый ездил по СССР, запечатлевая бурные преобразования в промышленности, в сельском хозяйстве и т. д.

По сути, хорошо зарекомендовавшие себя советские практики были просто перенесены в новые условия, на новые территории.

План командировки был заранее согласован: он включал в себя впечатляющие маршруты поездок по стране. Практически обязательными для посещения были города Пекин, Нанкин, Шанхай, Ханчжоу, Кантон (нынешний Гуанчжоу). Программы поражали насыщенностью: встречи с художниками, с рабочими коллективами, крестьянами, с творческими и общественными организациями, посещение достопримечательностей и т. д. Китайская сторона строго следила за тем, чтобы все пункты намеченной программы выполнялись неукоснительно.

Но главная цель – это, конечно, работа. Каждый художник должен был привести как можно больше зарисовок, этюдов, набросков или даже завершенных графических или живописных работ. Работали много, часто в текстах путевых дневников встречаются сетования: «мало сделали за неделю пребывания в Китае. У меня все почеркушки... Хочется найти более серьезные темы» [Богаткин, 1959, с. 21].

Источниками анализа для нас являются три книги с авторскими текстами и репродукциями авторских работ, изданные на протяжении 1950-х годов: К. И. Финогенов «В новом Китае. Записки и рисунки художника»; В. В. Богаткин «Поездка в Китай. Дневник художника» – она появилась в печати в начале 1959 года, но художник ездил в КНР в 1956 году; сборник «Советские художники о Китае». Таким образом, книги отмечали начальную, срединную и конечную точки десятилетия, вошедшего в историю как годы самых тесных и дружеских отношений между двумя странами.

Несмотря на постепенные, но очевидные трансформации визуального рассказа (отказ от исторических сюжетов, от изображений вождей и массовых официальных мероприятий, от сцен труда на поле или в шахте, переход от патетики к беспарфосной интонации и т. д.), можно выделить общую черту, объединяющую все эти работы: отсутствие взгляда на Китай и его жителей через призму поверхностной экзотики.

Казалось бы, ситуация подталкивала к этнографизму, к фиксации всего необычного, причудливого в жизни, быте, искусстве китайского народа. Ведь речь шла о художниках – людях чутких и отзывчивых к проявлениям «другого», да еще о советских художниках, значительная

часть которых впервые выехала из страны, отделенной от всего мира «железным занавесом». Китай же всегда был страной, провоцировавшей и европейцев, и русских на восприятие через призму поверхностных стереотипов и ярких визуальных клише.

Конечно, художники запечатлевали только то, что им показывали. Но из их дневников, эссе и записок мы знаем, что показывали не только заводы, стройки и колхозы. Круг увиденных достопримечательностей поражает. Помимо осмотра многочисленных монастырей, дворцов, парков, мавзолеев, музеев, было предусмотрено посещение спектаклей национальной оперы, катание на лодках, посещение маленьких аутентичных городков и деревень. Китайцы не стыдились, а, напротив, гордились своим искусством (в СССР в разные годы привозили огромные ретроспективные художественные выставки). Однако для советских художников все эти объекты неизменно оказывались даже не на втором, а на заднем плане.

В центре внимания стояла современная жизнь: ее ускоренные ритмы, городские зарисовки, стройки, индустриальные пейзажи.

В начале 1950-х годов К. Финогенов изображал лишь отдельные фрагменты дворца, избегая законченности композиции и четкой прорисовки деталей. Видно, как художник и редактор издания проявляли неустанную заботу о том, чтобы на страницах книги эти величественные постройки не заслоняли образы революции.

В работах конца 1950-х годов дворцы и исторические достопримечательности появлялись также нечасто, поскольку, как мы указывали, все художественные интересы авторов были обращены к сегодняшнему дню. Памятники прошлых эпох интересовали художников не своей восточной красотой, декоративностью, а их местом в современном пространстве. Причудливость, экзотичность, необычность не подчеркивались, авторы даже не приближались к объектам, смотрели на них издали, фиксировали только общие абрисы.

А если сопоставить количество зарисовок, отображающих жизнь современного китайского города, и памятники старины, становится особенно наглядной сосредоточенность не на необычном и уникальном, а на обыденном, повседневном. Дети, прохожие, велорикши, монахи; узкие улочки, суда на реке, портреты новых знакомых – вот основные темы повествования.

Именно за подобный «анти-экзотичный» подход ратовал известный советский синолог В. М. Алексеев: «Науку о Китае можно определить как ликвидацию экзотики: из причудливого, смешного, непонятного – в обычные ряды фактов и наблюдений. Отойдя от экзотики, т. е. от кажущейся внешней оригинальности явления, через суровую школу изучения этого явления, мы приходим к пониманию истинно нового в призме всего человечества» [Алексеев, 1982, с. 330]. Однако эти слова, исполненные негатива в отношении понятия «экзотика», были адресованы ученым, филологам. Любому художнику, казалось бы, должно быть ближе рассуждение Й. Хейзинги о том, что «нынешняя тяга к экзотике <...> в целом гораздо глубже, нежели бытовавшая в XVIII веке, с его модой на китайцев, индейцев и турок» [Хейзинга, 1997, с. 43]. Экзотическое, согласно концепции Хейзенги, становится проводником, ведущим к непосредственному эстетическому переживанию.

Возможно ли было экзотическое восприятие Китая в пространстве официального искусства? Советская идеология изначально была направлена на акцентирование не частного, а общего в процессе конструирования образа любой из стран, вставших на путь «построения социализма». Этот принцип выступал препятствием на пути к эстетическому переживанию, вызванному восприятием необычного, причудливого, чужого, далекого. Предполагалось, что эстетические переживания должны вызываться не формой произведений, созданных пролетарскими художниками, а содержанием. Поскольку советское искусство идентифицировало себя как искусство «национальное по форме и социалистическое по содержанию», необычная национальная форма оказывалась заведомо вторичной – ее нельзя было усилить, педалировать, раскрашивать, эстетизировать.

Казалось бы, в эпоху «оттепели» данный постулат перестал выполняться жестко и последовательно. Тем не менее некоторое «освобождение» формы не привело к этнографизму, подчеркиванию национального колорита. На наш взгляд, здесь вступал в действие другой важный фактор. «Оттепель», согласно классификации В. Паперного, принадлежит к так называемой «культуре 1», важнейшими характеристиками которой являются «устремленность в будущее и разрыв

с прошлым» [Паперный, 1996, с. 53]. Любые формы прошлого, в том числе облаченные в яркие, традиционные национальные «одежды», ее не интересуют. Всё редкое, причудливое, необычное она находит в современных реалиях. Крестьянские образы в работах К. Финогенова к концу десятилетия у советских художников сменяются образами урбанистическими, индустриальными. Вместо статики его выверенных композиций приходит динамика, порой нарочитая незавершенность рисунков. Современные жизненные темпоритмы пронизывают большинство создаваемых композиций. В этой парадигме экзотическая составляющая была максимально минимизирована.

Экзотика пробивала себе путь на обывательском уровне: фарфор, зонтики, веера, сумочки, постеры заполняли интерьеры советских людей, демонстрируя неутраченную тягу ко всему яркому, сказочному, необычному, подчеркнуто национальному.

В итоге на протяжении 1950-х годов образ Китая в восприятии советского человека обретал мозаичность: идеологические прописи в виде плакатов, афиш, карикатур соседствовали с динамичными, современными картинами «нового Китая», а за ними (и, быть может, намного ближе их) стояли артефакты массового производства и потребления, которые удовлетворяли неизбежную тягу человека к «другому», к экзотичному.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алексеев В. М.* Наука о Востоке. Статьи и документы. М. : ГРВЛ, 1982.
- Богаткин В. В.* Поездка в Китай. Дневник художника. М. : Советский художник, 1959.
- Паперный В.* Культура «два». М. : Новое литературное обозрение, 1996.
- Хейзинга Й.* Homo Ludens [Человек играющий]. Статьи по истории культуры. М. : Прогресс – Традиция. 1997.

УДК: 316.776

Рысакова П. И.

кандидат социологических наук

Санкт-Петербургский государственный университет

(Санкт-Петербург, Россия)

p.rysakova@spbu.ru

МУРМАНСК – НЕЗАМЕРЗАЮЩИЙ ПОРТ ЛЮБВИ: ОБРАЗЫ ТУРИСТИЧЕСКИХ ДЕСТИНАЦИЙ В ЭПОХУ МЕДИАТИЗАЦИИ

Сегодня цифровые социальные платформы играют значимую роль в популяризации туристических дестинаций. Однако среда социальных медиа выстраивается принципиально на основе активного поведения пользователей, которые задают собственные значения и интерпретации медиакommunikаций. В качестве иллюстрации мы проанализировали опыт посещения китайскими туристами российского северного порта Мурманска. Изучение отзывов путешественников позволяют заключить, позиционирование этой дестинации во многом задается теми интерпретациями Мурманска, которые получили широкое распространение в китайской сетевой культуре.

Ключевые слова: медиатизация; туризм; Китай; Россия; Мурманск; социальные сети

Rysakova P. I.

PhD (Sociology)

Saint-Petersburg State University

(Saint-Petersburg, Russia)

p.rysakova@spbu.ru

RUSSIA'S MURMANSK AS THE ICE-FREE LOVE PORT: IMAGES OF TOURIST DESTINATIONS IN THE AGE OF MEDIATIZATION

With social platforms beginning to play a significant role in communicating tourist experience the offline reality of touristic spots undergo certain changes, as their media presentations serve to convey user's images in digital reality. As an illustration, we drew the experiences of Chinese tourists visiting the Russian northern port of Murmansk. The study of travelers' reviews has revealed that this destination is positioned in accordance with its image upheld by Chinese online culture and has little in common with local perceptions of the place.

Keywords: mediatization; tourism; China; Russia; Murmansk; social media

Туристическую поездку трудно представить без фотографий и видеороликов, сделанных на память. Сегодня подобные визуальные «воспоминания» чаще всего появляются в аккаунтах социальных сетей, оказываясь доступными достаточно широкому кругу пользователей. Физическое путешествие офлайн становится поводом для множества онлайн-коммуникаций в цифровой реальности. Пользователи обсуждают фотографии туристических достопримечательностей, а также самого путешественника: его выбор дестинации, стоимость поездки, места посещений и форму отдыха. В то же время и сам пользователь активно использует путешествие как форму заявления о себе в социальных сетях. Такое глубокое взаимопроникновение цифровой и офлайн-реальностей, когда физическое путешествие по сути переплетается с его медиапрезентацией, в значительной степени проблематизирует привычное представление о туристических практиках и ставит вопрос о специфике туристического опыта в условиях цифровой медиареальности и доминирования социальных сетей. Изменения, которые влечет за собой утверждение цифровой медиареальности, затрагивают не только собственно опыт путешествия, но и особенности презентации туристических дестинаций, образы которых активно используются пользователями социальных сетей в онлайн-коммуникациях.

Цифровая реальность проникает в ткань социальной жизни различных обществ весьма неравномерно. На сегодняшний день ярким примером высокой степени цифровизации социальной и экономической жизни выступает Китай. Повседневное взаимодействие, шопинг, обучение и многое другое уже сложно представить без мобильных гаджетов и социальных медиа. Цифровые платформы и медиаселебрити породили особый сегмент цифровой экономики, известный как ванхун экономика (wanghong economy) [Craig et al, 2021]. Тенденции медиа-цифровизации глубоко проникли и в сферу туризма. Китайские туристы активно используют социальные платформы уже не только для таких привычных действий, как бронирование билетов или оплата покупок. Социальные медиа наполняют поездку новым содержанием – посетить медийно популярное место, отметить посещение в профиле социальных сетей (check in 打卡), сделать пост с селфи и отметить путешествующих вместе друзей.

Постепенное взаимопроникновение медиакоммуникаций и туристических практик стало предметом особого изучения. За несколько лет исследования медиатизации туризма прошли длинный путь. Стартовав с относительно привычного вопроса о влиянии медиаконтента на формирование туристического спроса, в дальнейшем они обратились уже к проблеме собственно изменений туристических практик в условиях цифровой среды. Эти изменения могут быть обозначены как нарастающая де-дифференция туризма, охватывающая две тенденции. Первая из них – это размывание отличий между реально путешествующими и оставшимися дома, поскольку и те, и другие оказываются вовлеченными в наблюдение и обсуждение туризма в пространстве цифровых коммуникаций. Другая – это сближение туризма с рутинной повседневности. Современные цифровые средства коммуникации позволяют оставаться «на связи» с привычным окружением даже в условиях физического отсутствия, а путешествие выступает рамкой содержательной тематизации цифровых коммуникаций.

В последнее время ученые фиксируют, как в условиях цифровой медиасреды практики офлайн-путешествия и его медиапрезентации всё больше сближаются, взаимно переплетаясь. Путешествие развивается одновременно и в реальном пространстве перемещений, и в цифровой среде онлайн-коммуникаций. И взаимодействие с онлайн-аудиторией пользователей может оказаться более значимым, чем погружение в аутентичность реальной дестинации [Magasic, 2021].

Медиатизация туризма, актуализация онлайн-презентаций туристических впечатлений пользователей позволяют заново поставить вопрос о специфике брендинга территорий в условиях цифровой реальности новых медиа. Влияние социальных сетей на практику туризма очень глубоко, вплоть до того, что создание медиаконтента может оказаться поводом для реальной поездки. Продвижение в социальных сетях давно уже стало одной из важных составляющих рекламных кампаний туристических направлений. К участию в них активно привлекаются как медиа-инфлюенсеры, так и рядовые пользователи. Созданный инфлюенсерами медиапродукт зачастую предварительно режиссируется. Однако пользовательский контент менее подвержен внешнему контролю и не может быть в полном объеме отрегулирован.

В гораздо большей степени он определяется внутренней логикой функционирования социальной сети, ее негласными эстетическими правилами. И это как раз позволяет говорить о росте популярности медиа-привлекательных туристических дестинаций и так называемом «инстаграм-туризме». В то же время такой контент зависит и от стратегий самопрезентации пользователя в цифровом пространстве, в частности от ожиданий ответной реакции подписчиков [Cassinger, Thelander, 2020]. И в этом случае возникает вопрос, каким именно образом пользовательский контент не только поддерживает заданный имидж дестинации, но и трансформирует его, наполняя новым содержанием и интерпретациями.

Ответ на этот вопрос может быть получен при анализе конкретных кейсов. Нами был избран такой – образ российского города Мурманска в отзывах китайских туристов в китайских социальных сетях (Douyin, Weibo, Mafengwo). Данный кейс любопытен по нескольким причинам. Прежде всего следует отметить, что Мурманск, российский северный порт, обрел значительную востребованность среди китайских туристов лишь с середины 2010-х годов, за несколько лет перед закрытием мирового туризма в 2020 году. К тому времени традиционные места притяжения китайских туристов – российский Дальний Восток, озеро Байкал, Москва и Санкт-Петербург – уже были насыщены, и китайский бизнес стремился к диверсификации туристических маршрутов. Причем продвижением и популяризацией этой дестинации среди китайских потребителей занимались преимущественно сами китайские туроператоры, без прямого содействия со стороны российских официальных властей. В силу этого содержательное позиционирование Мурманска для потребителей из Китая весьма отличается от утвердившегося в России образа этого северного города. Кроме того, рекламное продвижение Мурманска, начавшееся лишь в середине 2010-х годов, изначально осуществлялось исключительно в цифровой реальности новых медиа, что неизбежным образом отразилось в содержательных и эстетических компонентах образа в китайских социальных сетях.

В качестве туристической дестинации Мурманск обрел стремительную популярность среди китайских туристов. Начиная примерно

с 2015–2016 годов китайские туркомпании начали включать Мурманск в программы множественных туров, предполагавших как внутрироссийские маршруты, так и объединенные с посещением Северной Европы. За несколько лет численность китайских туристов возросла многократно. Так, в 2013 году северный порт посетило лишь 167 китайских туристов, тогда как в 2019 году – уже 16 тысяч человек. Всего за несколько лет Мурманск из практически неизвестного северного города превратился в одну из наиболее востребованных среди китайских туристов зимнюю дестинацию.

Прежде чем обратиться к причинам такой популярности Мурманска, следует кратко охарактеризовать специфику восприятия этого города в самой России. Мурманск в первую очередь известен как северный форпост страны, сыгравший значительную роль в продвижении России в северном направлении. Привычный образ Мурманска преимущественно связан с военным прошлым и историческими победами России. В определенном смысле такой образ отвечает распространенному в современном Китае восприятию России прежде всего как военной державы, готовой к решительным действиям для охраны своих территориальных владений. Образ России как страны с легендарным прошлым созвучен и официальному нарративу китайского въездного туризма в нашу страну – следованию по красному маршруту, то есть местам советского коммунистического наследия.

Между тем образ Мурманска, который можно воссоздать при анализе отзывов китайских туристов в социальных сетях, не имеет ничего общего с официальным нарративом советского прошлого. Интерес к северному порту был во многом связан с внутренними трендами на туристическом рынке Китая, а именно начавшимся бумом полярного туризма и модой на поездки в Северную Европу и Канаду [Bennett, Iaquinto, 2021]. Весьма примечательно, что основной целью подобных туристических поездок в северные регионы было вовсе не любование видами снежной зимы или знакомство с жизнью и бытом северных народов, а попытка застать воочию северное сияние, что китайцы называют «следовать за сиянием» (追极光).

Популяризация северных направлений на китайском туристическом рынке подкреплялась активно распространяемой мифологизацией

северного сияния. Содержательно она включала два компонента: удачное зачатие сына и обретение большой удачи. В стратегиях популяризации северных направлений среди азиатских туристов смысловой акцент был сделан не на перспективе знакомства с необычным инокультурным окружением, а на возможности удовлетворения собственных потребностей туристов – благих изменений в их жизни через совершение знакового путешествия.

Образ северного сияния активно используется для продвижения многих северных туристических дестинаций, включающих не только российский Мурманск, но и север Европы или Америки. И в этом отношении позиционирование Мурманска в стратегиях китайских туристических компаний сближает его с подобными городами, лишая определенного своеобразия. На этом фоне пользователи китайских социальных сетей рисуют весьма отличный и специфический образ Мурманска.

Ведущей ассоциацией, связанной с Мурманском, стала тема романтической любви. В ее основу было положено творческое переосмысление особенностей географического положения Мурманска как морского порта, вблизи которого проходит теплое течение Гольфстрим. Благодаря этому Мурманск, несмотря на свое расположение за полярным кругом, служит незамерзающим портом. Именно эта отличительная особенность Мурманска и получила отражение в китайской сетевой культуре. Наиболее ярким примером тут могут послужить фразы так называемой «географической лирики» (地理情话). «Географическая лирика» – это один из примеров сетевого творчества, в котором сведения из разных областей знания, например географии, используются как метафоры для выражения чувств.

Мурманск как незамерзающий порт стал метафорой всепобеждающей любви. Самая известная фраза гласит: «Ты – теплое течение Атлантики, а я – порт Мурманска. И лишь с твоим приходом мой мир превратился в незамерзающий порт» (你是北大西洋暖流，我是摩尔曼斯克港，因为你的到来，我的世界成了不冻港»). Поисквик Baidu предоставляет более ста тысяч ссылок при запросе этой фразы. В социальной сети Douyin она употребляется наряду с хэштэгом «Мурманск». Согласно данным аналитики Trendinsight компании ByteDance

в период за 2019 год частота употребления хэштега «Мурманск» встречалась именно в контексте этой фразы.

Краткий анализ основных хэштэгов, употребляемых в китайском цифровом пространстве в сочетании с топонимом Мурманска, позволяет выделить две ведущие темы в медийном образе российского города: северное сияние как метафора удачи и незамерзающий порт как метафора любви. Обе они обыгрывают особенности географического положения Мурманска и одновременно отсылают к основным ценностям современной культуры.

Образ северного сияния, обеспечивающего исполнение потаенных мечтаний и желаний, а также берег незамерзающего Баренцева моря стали ключевыми в позиционировании Мурманска как дестинации для китайских туристов. Холод, пустынные заснеженные пространства, замерзшие корабли в порту – вот основные сюжеты, которые привлекают путешественников, помимо зеленых всполохов на темном небе. Именно такие пейзажи запечатлены на большинстве фотографий, сделанных китайскими туристами. Характерно, что во многих отзывах китайских путешественников берег Баренцева моря поэтично обозначается как «край света» (世界的尽头). Пребывание здесь вызывает чувство одиночества, но одновременно дает возможность побыть наедине с собой и величественной природой. Созерцание заброшенного порта и замерзших остовов кораблей наводит на размышления о преходящих славе и процветании на фоне вечности истории. В то же время туристов привлекает подлинность этих мест, которые сохранили свой изначальный облик и не провели масштабную реконструкцию для увеличения турпотока.

На фоне такой приоритетной сосредоточенности на образах природы может показаться удивительным тот факт, что в фокус внимания китайских туристов попадают еще локации, историко-культурная ценность которых для понимания специфики региона может показаться весьма спорной. Одним из значимых мест для посещения выступает ресторан Макдональдс, отмеченный как самый северный ресторан фастфуда в мире. Также популярен отель вблизи Териберки, номера которого представляют собой стеклянные куполы под открытым небом. Однако такой, казалось бы, неоднозначный набор значимых

с точки зрения туристов локаций может быть интерпретирован, если принять во внимание специфическую эстетику китайского медиатизированного туризма сегодня.

Ее ключевая составляющая – визуальная привлекательность, которая может быть отражена в медийных образах. В развитие логики внешней привлекательности такая эстетика активно обращается к непривычным сочетаниям и контрастам – полуразрушенные постройки прежних эпох на фоне сияющих футуристических небоскребов, поезда, пронзающие здания насквозь. Стремление к необычности укрепляет характерную для этой эстетики тягу к фантазийности и «путешествиям во времени и пространстве», разрыве связей с окружающей реальностью [Wang, Feng, 2021]. Отчасти такой поиск необычного и неповторяющегося выступает реакцией на всё более унифицирующуюся городскую среду в самом Китае, города которого становятся мало различимы между собой.

Принимая во внимание логику китайского медиатизированного туризма, можно приблизиться к пониманию образов медиа-путешествия в Мурманск. В поездке пользователь попадает в принципиально иную среду, которая резко контрастирует с привычным ему окружением, где остались другие медиасвидетели его путешествия. Именно по этой причине большинство фотографий изображает одинокий силуэт туриста на фоне пустынных пространств снежной тундры или замерзшего моря. Эта иная среда насыщена полуразрушенными постройками, заброшенными домами, ржавыми остовами кораблей.

Именно аутентичность и непохожесть оказываются важными для китайских туристов, которые отмечают всё большую внешнюю унификацию туристических мест в самом Китае. Однако этот эффект аутентичности и атмосферы запустения прибрежного поселка должен быть усилен контрастом сопоставления с актуальным и современным. Именно этим и можно объяснить интерес к ресторану фастфуда или футуристического вида отелю, которые позволяют смешать воедино следы прошлых достижений другой страны и элементы привычной глобальной реальности, заново соединить глобальное и локальное.

В итоге визуализация образа Мурманска в фотографиях китайских туристов выстраивается в соответствии с эстетическими принципами

китайской медиасреды: контрастные сочетания, медийная привлекательность, тематизация «путешествия во времени и пространстве». Китайские путешественники, по сути, воспроизводят в своей поездке укоренившиеся в современной медиакультуре образы дестинации, а затем рекурсивно создают их вновь в собственных стратегиях самопрезентации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Bennett M. M., Iaquinto B. L.* (2021), The geopolitics of China's Arctic tourism resources. Territory, Politics, Governance, 2021.
- Cassinger C. Thelander A.* Co-creation constrained. Exploring gazes of the destination on Instagram // The Routledge Companion to Media and Tourism. Routledge, Abingdon, 2020. P. 165–175.
- Craig et al.* Wanghong as Social Media. Entertainment in China. Palgrave Studies in Globalization, Culture and Society, Palgrave MacMillan, 2021.
- Magasic M.* Touristic Consumption as “Sitesharing”: Unpacking the Smart Tourism Paradigm from an Internet Studies Perspective // Information and Communication Technologies in Tourism. Springer, 2021. P. 403–412.
- Wang Y., Feng D.* History, modernity, and city branding in China: a multimodal critical discourse analysis of Xi'an's promotional videos on social media, Social Semiotics, 2021.

УДК 81'42

Соловьева Ю. О.

кандидат филологических наук, доцент
Московский государственный университет
имени М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
solovieva-julia2009@yandex.ru

ПОПУЛЯРИЗАЦИЯ ПРАВОВЫХ ЗНАНИЙ В РФ ПОСРЕДСТВОМ ВОЗМОЖНОСТЕЙ СОВРЕМЕННЫХ МЕДИАПЛАТФОРМ

Статья посвящена рассмотрению жанрово-стилистических особенностей и функциональных характеристик текстов русскоязычного популярно-юридического дискурса, интегрированных в цифровое пространство современной медиаплатформы. Анализируются новые возможности популяризации и новые способы эффективной передачи правовых знаний посредством интерактивного взаимодействия с адресатом. Определяются доминантные коммуникативные стратегии и функции популярно-юридических текстов жанров «пост-статья» и «интернет-лекция».

Ключевые слова: популяризация правовых знаний; популярно-юридический дискурс; медиаплатформа; популяризатор; жанр; коммуникативная стратегия; функциональные характеристики

Solovyova Yu .O.

PhD (Philology), Associate Professor
Lomonosov Moscow State University
(Moscow, Russia)
solovieva-julia2009@yandex.ru

CONTEMPORARY MEDIA PLATFORMS AS A MEANS OF POPULARIZATION OF LEGAL KNOWLEDGE IN RUSSIA

The article deals with genre and stylistic features and functional characteristics of the texts of Russian popular legal discourse, integrated in the digital space of a contemporary media platform. New forms of popularization and interaction with the target recipient of popular legal discourse are analyzed. Dominant communicative strategies used by the agents and functions of relevant popular legal text genres are determined.

Keywords: popularization of legal knowledge; popular legal discourse; media platform; popularizer; genre; communicative strategies; functional characteristics

Правовое просвещение в нашей стране становится особенно актуальным в последние годы, так как государством осознается необходимость воспитания и формирования социально развитой личности российского гражданина, который, зная свои права и обязанности, умеет защищать себя законными средствами и уважает интересы других членов общества [Атагимова, Макаренко, 2014]. Подобная политика государства, закрепленная Приказом № 1168 Президента Российской Федерации от 28.04.2011, предполагает не только создание единой системы качественного правового просвещения и юридического образования, но и наращивание усилий по дальнейшей популяризации правовых знаний в обществе.

В данном контексте считаем целесообразным пояснить, что именно мы понимаем под «правовым просвещением» и «популяризацией правовых знаний». На наш взгляд, популяризация правовых знаний является необходимым компонентом правового просвещения, которое включает в себя как распространение специальных знаний, служащих ориентирами поведения для граждан в той ли иной юридической ситуации, так и формирование устойчивого интереса к праву в принципе. Для достижения последней цели научные знания облекаются в доступную для понимания адресата форму.

Необходимо отметить, что популяризация науки становится все более сложной задачей, так как современный адресат ожидает, что специальная информация будет изложена не только в доступной для его восприятия форме, но и репрезентирована увлекательно, т. е. просвещение должно сочетаться с развлечением. Возможности современных медиаплатформ, о которых пойдет речь в данной статье, позволяют эффективно решать данные задачи.

Цель настоящей статьи – рассмотреть жанрово-стилистические и функциональные особенности текстов популярно-юридического дискурса, находящихся в цифровом коммуникативном пространстве современной медиаплатформы. В качестве материала исследования послужили статьи, посты, блоги, влоги и интернет-лекции, размещенные на медийной платформе *zakon.ru*.

Как отмечает О. В. Красноярова, с появлением современных медиаплатформ «интернет-пользователь перестал быть пассивным

потребителем хранилищ различного рода информации» [Красноярова, 2016, с. 50]. Современная медиаплатформа представляет собой сервис, позволяющий адресату/пользователю осуществлять просмотр, прочтение, прослушивание и комментирование печатного и/или аудиовизуального контента, т. е. быть активным деятельностным участником информационно-коммуникационных процессов. Основными компонентами современной медиаплатформы являются: печатный носитель, его электронная версия, представленная посредством интернет-ресурса, а также опционально радио или телеканал.

В отличие от традиционных СМИ, медиаплатформы ведут свою деятельность в круглосуточном режиме, непрерывно обновляя контент, характеризуются мультимедийностью и интерактивностью, позволяющей устанавливать обратную связь с адресатом в форме диалога или взаимодействия разных социальных групп в открытом коммуникативном пространстве. Широкие возможности медиаплатформы приводят к трансформации традиционных медийных жанров и образованию новых форм, таких как блог – пост, пост-статья, видео-комментарий, видео-лекция, интернет-лекция, слайд-шоу, мультфильм на актуальную тему, инфографика и др.

Исходя из субъектно-медийного подхода, О. В. Красноярова выделяет следующие виды медиаплатформ:

- 1) интернет-версии традиционных СМИ;
- 2) электронные СМИ без традиционного аналога;
- 3) электронные новостные, информационные веб-сайты, не зарегистрированные как СМИ;
- 4) информационные интернет-агрегаторы, не производящие собственный контент, но аккумулирующие контент, опубликованный разными СМИ [Красноярова, 2016, с. 49].

Согласно этой классификации, вышеупомянутая медийная платформа *zakon.ru* принадлежит к третьему типу, однако функции анализируемых текстов популярно-юридического дискурса совпадают с основными функциями СМИ: информационной, образовательно-просветительской, идеологической и развлекательной.

Медийная платформа *zakon.ru* представляет собой первую социальную сеть для юристов. Инициатором создания ресурса выступила

издательская группа «ЗАКОН» – крупнейший в России издатель профессиональных юридических журналов с огромным авторским пулом. На вебсайте *zakon.ru* можно найти электронные версии всех журналов, выпускаемых издательством, информацию о предстоящих профессиональных и просветительских мероприятиях, блоги практикующих юристов, судей, законодателей, общественных деятелей, а также обсуждения актуальных юридических вопросов и комментарии к ним. Примечательно, что сайт насчитывает 67 598 подписчиков, из которых только 15 000 являются непосредственно юристами. Остальную аудиторию составляют неспециалисты, интересующиеся вопросами права.

Как справедливо замечает О. В. Краснаярова, благодаря техническому прогрессу теперь необязательно знать основы программирования чтобы вести свой блог [Краснаярова, 2016, с. 50]. Возможности современной медийной платформы позволяют каждому желающему выкладывать разнообразный контент, добавлять комментарии к авторским текстам, создавать форумы для обсуждения. Блоги, размещенные на платформе *zakon.ru.*, в основном ориентированы на профессиональных представителей юридической профессии и, соответственно, содержат тексты юридического дискурса (как правило, вторичные). Однако встречаются и тексты, которые мы по ряду признаков (агенты, цели, коммуникативные стратегии) можем отнести к текстам популярно-юридического дискурса, т. е. дискурса, используемого популяризаторами для распространения правовых знаний среди широкой аудитории неспециалистов.

В качестве примера рассмотрим блог Артема Русаковича, в котором он размещает популярно-юридические тексты жанров «пост-статья» и «интернет-лекция». Автор блога получил журналистское и юридическое образование, имеет опыт преподавания, что, на наш взгляд, делает его идеальным популяризатором. Будучи компетентным в правовых вопросах и имея в своем распоряжении широкий арсенал средств, известных ему как представителю профессионального сообщества коммуникаторов, автор блога создает тексты, привлекающие внимание и удерживающие интерес адресата. В своем блоге А. Русакович приглашает всех коллег-юристов внести свой вклад

в написание научно-популярных книг о праве. В уже изданной им на основе заметок книге «Правоведение для всех» А. Русакович, по его словам, «перевел на человеческий язык основные положения теории государства и права, судоустройства и ряда юридических дисциплин» (https://zakon.ru/blog/2017/12/05/vesyolye_roliki_ob_osnovah_prava_obschestvoznanie_bez_cenzury). Автор отмечает, что рассказывает об основных юридических терминах, принципах устройства судебной системы, работе правоохранительных органов простым и доступным языком с использованием ярких и наглядных примеров из российской действительности.

Проанализируем пример объяснения автором блога термина «каучуковая норма» в статье из рубрики под шутливым названием «Правоведение для чайников». Под «каучуковыми» нормами/законами юристы подразумевают нормы неопределенного, эластичного содержания (отсюда название «каучуковые»), включающие в себя формулировки, смысл которых может меняться в зависимости от интерпретации. Содержание «каучуковой» нормы определяется судом в каждом конкретном случае в зависимости от обстоятельств дела и поведения сторон. Вот как А. Русакович объясняет данное понятие адресату-неспециалисту:

«В идеале норма права должна быть понятной и конкретной. То есть при чтении закона должно быть ясно, кому и что запрещено, кто и что должен делать, у кого какие права и обязанности <...> Но часто бывает, что судебная практика не дает даже примерного ответа. Происходит это потому, что законодатели оставили в законе уж очень расплывчатую формулировку, а суды толком не объяснили, как именно ее применять в реальной жизни» (https://zakon.ru/blog/2016/7/13/pravovedenie_dlya_chajnikov_12_kauchukovye_normy).

Как мы видим, автор употребляет в объяснении не какие-либо узкоспециальные юридические термины, а только общую юридическую лексику: «норма права», «закон», «права и обязанности», «судебная практика», «законодатели», «суд». Данная лексика позволяет адресату однозначно интерпретировать коммуникативную ситуацию как связанную с юриспруденцией, при этом значения всех слов либо

известны адресату, либо легко выводятся из контекста. Для установления контакта с адресатом популяризатор прибегает к стратегии сокращения дистанции, которая реализуется посредством включения элементов разговорного стиля: устойчивого сочетания «в идеале», усилительной разговорной частицы «уж», разговорного наречия «толком». Таким образом, на фоне нейтральной литературной нормы языка автором используются разностилевые элементы: как термины, так и лексические единицы разговорного стиля.

Статья, посвященная «каучуковым» нормам, содержит многочисленные отсылки к релевантным законам и статьям Конституции РФ, которые можно отнести к пресуппозициям интертекстуального характера. Как отмечает С. В. Первухина, в любой сфере специальных знаний информация накапливается постепенно. В тексте-источнике просматриваются тематические связи с другими текстами данной сферы, актуализируемые посредством цитат, ссылок, и референций [Первухина, 2013]. Эти ссылки очевидны для специалиста в данной области, но для неспециалиста их необходимо эксплицитировать в адаптированном тексте, что и делает А. Русакович в тексте статьи:

«Скажем, ст. 31 Конституции РФ провозглашает: «Граждане РФ имеют право собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование». А закон «О собраниях, митингах, демонстрациях...» выдвигает ряд ограничений. Например, городские власти, к которым обращаются организаторы митинга, могут запретить митинговать на центральной площади и направить их вместо этого в какой-нибудь отдалённый спальный район (ч. 1 ст. 12 ФЗ «О собраниях...»). Таким образом, мэр может разрешить нужные ему митинги прямо в центре города, а неприятные митинги (например, те, что протестуют против него самого) отправлять куда-нибудь подальше, а в ряде случаев и вовсе запрещать» (https://zakon.ru/blog/2016/7/13/pravovedenie_dlya_chajnikov_12_kauchukovye_normy).

Автор раскрывает содержание статьи 31 Конституции РФ и положения ч. 1 ст. 12 ФЗ, в которых, на его взгляд, содержатся противоречия. Свою мысль он подкрепляет наглядным примером из реальной жизни: *«Например, городские власти, к которым обращаются орга-*

низаторы митинга, могут запретить митинговать на центральной площади и направить их вместо этого в какой-нибудь отдалённый спальный район». В приведенном фрагменте используется определено-личное предложение со сказуемым, выраженным глаголом первого лица множественного числа «скажем», а также формальные средства когезии «например» и «таким образом», характерные для оформления мысли и структурирования текста в научном дискурсе. В тексте нами отмечены также примеры иронического словоупотребления: «провозглашает» (о Конституции РФ), «нужные ему митинги», «неприятные митинги», «отправить куда подальше», которые указывают на критическое отношение блогера к комментируемым законодательным актам, и, как следствие, на недовольство действиями правительства и представителей местной администрации, принявших и имплементирующих эти несовершенные нормы. Таким образом, налицо реализация идеологической функции рассматриваемого текста популярно-юридического дискурса, осуществляемой одновременно с образовательной и просветительской.

Примечательно, что в своем блоге А. Русакович не только пишет статьи на правовые темы, но и выкладывает лекции об основах государства и права. Так, серия мини-лекций «Веселые ролики об основах права» в видеохостинге YouTube ориентирована в основном на молодое поколение российских граждан и (как очевидно из названий) охватывает основные юридические темы из школьного курса обществознания: «Что такое право?», «Правоотношения», «Источники права», «Система права».

По наблюдению В. А. Лущикова и М. В. Терских, в последнее время телевидение стало стремительно терять молодую аудиторию. Исследователи отмечают, что для поиска необходимой информации в доступной форме молодежь всё чаще обращается к Интернету и ютуб-платформе [Лущиков, Терских, 2018]. Основываясь на гедонистической функции медиа и апеллируя к эмоциям адресата, последние позволяют передавать необходимую информацию, в том числе научную, в сочетании с развлечением (инфотейментизация), что приводит к появлению принципиально новых механизмов и способов познания окружающего мира: эдьютейнмент (образование +

развлечение) [Кобзева, 2012], политеймент (политика + информация), бизнестеймент (бизнес + развлечение) [Лушиков, Терских, 2018].

В вышеупомянутом курсе мини-лекций об основах права популяризатор сопровождает объяснения ключевых терминов и концептов юридического дискурса многочисленными видеоаллюзиями к продуктам массовой культуры: популярным художественным фильмам, сериалам, телешоу и др., т. е. активно использует технологию эдьютеймента. Создаваемая посредством эдьютеймента образовательно-развлекательная среда способствует лучшему усвоению сложной информации, в особенности если речь идет о молодежной аудитории [там же].

Тематика видеофрагментов в лекциях также определена актуальностью для молодого адресата: проблема взаимоотношений представителей разных поколений, законный возраст употребления алкоголя, сексуальные отношения, защита от мошенников. Рассмотрим пример объяснения блогером-популяризатором понятия «правоотношения» посредством пародийного эпизода в исполнении других российских видеоблогеров – Руслана Усачева и Кати Клэп. Молодые люди обсуждают заключаемый друг с другом контракт о личных отношениях, используя аллюзию на популярный американский кинофильм «Пятьдесят оттенков серого» (Fifty Shades of Grey), снятого по одноименному эротическому роману британской писательницы Э. Л. Джеймс:

Молодой человек: А у меня вот сразу вопрос. Почему здесь стороны указаны как «Доминант» и «Сабмиссив»?

Девушка: Извини, это от предыдущих отношений. Я попрошу юристов исправить. Будет просто «Девушка» и «Сабмиссив» (https://zakon.ru/blog/2016/7/13/pravovedenie_dlya_chajnikov_12_kauchukovye_normy).

Комментируя данный фрагмент, А. Русакович отмечает, что становится модным пародировать юридическую терминологию и рассказывать про договоры об отношениях в современных художественных фильмах и сериалах. Блогер поясняет несведущему в вопросах права адресату, что подобные договоры не приводят к возникновению собственно правоотношений, так как права и обязанности сторон в таких

квазидоговорах определены крайне размыто и невозможно определить убытки от возможного его нарушения. В подобном случае суд не может заставить человека исполнять договор или взыскать с него убытки в отличие от «реальных» договоров, имеющих юридическую силу. А. Русакович указывает еще одну причину, по которой подобный договор может быть не признан российскими судами, ссылаясь на ст. 169 ГК РФ «Недействительность сделки, совершенной с целью, противной основам правопорядка или нравственности». Блогер не упускает возможности в очередной раз продемонстрировать свое критическое отношение к российской правовой (в частности – судебной) системе, завершая комментарий фрагмента фразой: «Поскольку российские судьи – люди в большинстве своем старомодные и без чувства юмора, такой договор они, скорее всего, признают безнравственным» (https://zakon.ru/blog/2016/7/13/pravovedenie_dlya_chajnikov_12_kauchukove_normy). В связи с последним замечанием становится очевидным, что, наряду с популяризацией правовых знаний, А. Русакович занимается и идеологическим воспитанием своей виртуальной аудитории, зачастую способствуя формированию негативного отношения к современному правовому устройству нашей страны у молодых и не всегда способных к критическому осмыслению предлагаемого контента пользователей.

Таким образом, анализ текстов русскоязычного популярно-юридического дискурса, функционирующих в коммуникативном пространстве современной медиаплатформы, позволяет сделать выводы об их жанровом разнообразии и о частом использовании технологии «эдьютейнмент» агентами популярно-юридического дискурса. Доминантными стратегиями в рассмотренных текстах выступают адаптация специальной информации и сокращение дистанции в общении с адресатом. Рассмотренные тексты характеризуются интертекстуальностью и поликодовостью, содержат не только отсылки к релевантным законодательным текстам и юридическим документам, но и аллюзии к продуктам массовой культуры. Помимо собственно правового просвещения, популяризаторы активно реализуют идеологическую и воспитательную функции популярно-юридического дискурса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Атагимова Э. И., Макаренко Г. И.* Правовое просвещение: проблемы и пути решения // Мониторинг правоприменения. 2014. № 4 (13). С. 64–68.
- Кобзева Н. А.* Edutainment как современная технология обучения // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 4. С. 192–195.
- Красноярова О. В.* Новые медиаплатформы: принципы функционирования и классификация видов // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. Т. 5. № 1. С. 45–57.
- Лущиков В. А., Терских М. В.* Жанрово-тематические и языковые особенности видеоблогов // Вестник Тамбовского университета. Серия: Общественные науки. 2018. Т. 4. № 14. С. 57–75.
- Первухина С. В.* Виды пресуппозиций в адаптированном тексте // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 6 (24). Ч. 1. С. 165–168.

УДК:81-139

Таймур М. П.

кандидат филологических наук

Московский государственный лингвистический университет

(Москва, Россия)

mariataymour@gmail.com

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ЛИНГВОКРЕАТИВНОСТИ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ВИРТУАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Данная статья посвящена исследованию основных антропологических признаков и характеристик проявлений лингвистической креативности в мотивационных и демотивационных интернет-мемах в современном политическом интернет-дискурсе. В работе представлены результаты всестороннего анализа креативного потенциала мультимодальных мемов; изучаются потенциальные причины возникновения когнитивного диссонанса, а также процессы функционирования когнитивных механизмов компрессии информации, перепрофилирования и дефокусирования внимания реципиента.

Ключевые слова: лингвокреативность; интернет-мем; антропоцентризм; виртуальный дискурс; когнитивный механизм; мультимодальная метафора

Taymour M. P.

PhD (Linguistics)

Moscow State Linguistic University

(Moscow, Russia)

mariataymour@gmail.com

ANTHROPOCENTRIC SIGNS OF LINGUOCREATIVITY IN POLITICAL VIRTUAL DISCOURSE

This article is devoted to the study of the main anthropological signs and characteristics of the manifestations of linguistic creativity in motivational and demotivational Internet memes in modern political Internet discourse. The paper presents the results of a comprehensive analysis of the creative potential of multimodal memes. Potential causes of cognitive dissonance are studied, as well as the processes of functioning of cognitive mechanisms of information compression, reprofiling and defocusing of the recipient's attention.

Keywords: linguistic creativity; Internet meme; anthropocentrism; virtual discourse; cognitive mechanism; multimodal metaphor

In modern domestic and foreign linguistics, special attention is paid to various virtual discourses and conceptual worlds that simulate social reality on the Internet. There the forms of socio-cultural and interpersonal interaction in all spheres of human life have recently reached a qualitatively and quantitatively different level. Anthropocentrism remains the leading area of contemporary research, the main object of which is the communication triangle “author – text – addressee”. The linguistic personality, its self-representation, methods of interaction and means of communication in the Internet environment, as well as the phenomenon of human creativity, the complication of its forms due to the creation of various multimodal texts with different ways of transferring content (verbal, auditory, visual, etc.) are subjected to scientific analysis and rethinking. Cognitive research over the past decade shows that the most creative potential in virtual reality could be attributed to internet memes.

One of the main tasks of political network discourse is the formation of an ideologically biased system of ideas about the political structure of the world and the rules of its functioning in the mass addressee, equipped with clear axiological guidelines [Ches, 2020, p. 510]. The political life of any country periodically evokes a violent emotional reaction of society, immediately reflected in the unofficial media discourse and taking various, including multimodal, forms, using various channels of perception of the target audience. Linguistic creativity is a priority aspect when constructing a coordinate system of this type of media discourse. One of the important tools is a multimodal metaphor. The political discourse of the Internet “responds faster than others to the challenges of reality, acting as a mirror of public sentiments and trends” [Blinova, 2019, p. 80] and has the following distinctive features:

- ◆ availability of an evaluative interpretation of the described realities;
- ◆ a high level of informality, interactivity, spontaneity and polyphony;
- ◆ quick response to events taking place in the political life of the country and the world, reflecting the mood of society;
- ◆ implementation (mainly) in social networks and blogs;
- ◆ use of verbal, non-verbal and multimodal communication elements;
- ◆ the presence of metonymy based on the images of world-famous politicians;

- ◆ interdiscursive features as a form of interaction of discourses that are different in their semiotic nature, leading to the creation of synthetic texts and being a mechanism for their reception [Melnikova, 2004], which presupposes the fusion of artistic and non-artistic texts: a transfer into the text of different areas of knowledge, principles of thinking such as artistic and non-artistic [Silantyev, 2006, p. 1];
- ◆ the presence of the action of the cognitive mechanism of information compression, realized through the use of an abbreviated communication code, which determines the relevance of “a diverse evaluative-modal emotional qualification of what is happening” [Karasik, 2002, p. 215].

The main function of this type of virtual discourse can be defined as “evaluative interpretation of a socio-political phenomenon, events and its participants, exchange of views and participation in solving significant problems of society and the state, influence on the ideas or stereotypes of communicants and the formation or clarification of their picture of the world” [Krasilnikova, 2012, p. 131]. The main multimodal discursive elements of virtual political discourse are posters, cartoons, Internet memes, etc., among which the most popular in the modern world are the latter, usually subdivided into motivators and demotivators or anti. They arise as a reaction of society to certain political events having a high manipulative potential and a level of information compression. As a rule, they perform ideological, emotional-expressive, agitational and cognitive functions, characterized by elements of both political and artistic discourse.

One of the striking examples of political Internet memes as a manifestation of linguistic creativity can be considered a series dedicated to the internationally covered issue of Scottish independence. To understand all the memes of this subgroup, which arose in 2014–2016, it is necessary to have a sufficient amount of knowledge on this situation. Such memes owe their appearance to the tense political situation in Great Britain, when Scotland tried to achieve independence from the United Kingdom and Northern Ireland. A referendum was held in 2014, in which sovereignty was rejected with a minimal majority of votes of opponents of independence. Later, in 2016, the Scots, unlike the British, did not support the

idea of “Brexit” to leave the UK from the European Union, which led to a powerful political confrontation between nations. The unquenchable desire of Scotland to gain independence led to a new referendum and, accordingly, a large number of Internet memes reflecting the situation were created by active caring British Internet users. The analysis of existing memes shows that they can be subdivided into those created before and after the referendum (see Fig. 1, 2).

Fig. 1. A meme “Vote for Scottish Independence”

Fig. 2. Memes “Referendum in Scotland Lost by Supporters of Independence”

The visual and linguistic components of the memes of both groups are complementary and activate the cognitive focusing mechanism, drawing the recipient’s attention to the idea of voting for the country’s independence, motivating and in some way manipulating the opinion of the target audience. The visual basis of the majority of the memes that

belong to the second group (after the referendum) is the footage of the 1995 film “Braveheart”, starring Mel Gibson. As a rule, the memes depict his face painted under the Scottish flag during the events of 1280. Here, in order to infer the meaning of memes, in addition to the aforementioned background knowledge, the possession of the information of at least the approximate content of the film is required. Scotsman William Wallace loses his father who was killed by the British, but thanks to his uncle he receives an excellent education in Europe and returns to his homeland as an adult. However, his dreams of a peaceful life and serving his family were not destined to come true. His wife dies at the hands of the British, and Gibson’s hero begins to fight for freedom. The trait that unites Internet memes in this category is sarcasm / irony / derision. This effect is achieved by creating a contrast between visual and verbal components: while the first element is sublime, emotional and even in some way pathos, the second one, as a rule, is an informal or at times even abusive expression that follows the line of the hero in the film. It’s located at the top of the meme and related to the background. In the first meme in Fig. 2 the verbal component is divided into two parts: *You mean to tell me ...* corresponding to the extremely surprised expression on the face of the protagonist, and *... Scotland voted against its own freedom?* The latter, given the context of the film, sounds like a harsh accusation from the lips of a Scottish national hero and freedom fighter. In the second meme a phrase *They will never take our freedom!!!* is characterized by extreme emotionality due to the presence of three exclamation marks and the lexeme “freedom” located on a separate line. The lower component of the verbal component (*... cause we’ll formally decline the offer in a democratic election ...*) differs in restraint of expression and absurdity of content: the author assumes that no sane society can voluntarily refuse the proposed freedom. The second element thus comes into obvious conflict with both the top part of the verbal and the background visual components.

In more modern online political discourse, Internet memes are gaining popularity and have millions of subscribers. Their primary purpose is usually to influence the addressee’s opinion. The effectiveness of achieving a desired pragmatic result depends on the number of associative links or frame structures involved in the recipient’s mind, while certain frames

are formed on the basis of existing associations and stamps. For example, in Fig. 3 ex-president of the United States of America Donald Trump is portrayed as a circus clown, and the meme is accompanied by the words “Choose a clown, expect a circus”.

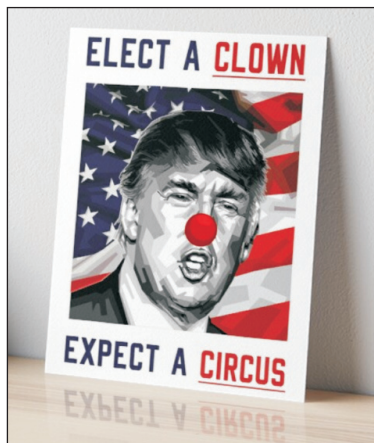

Fig. 3. A meme “Choose a clown, expect a circus”

This polymodal metaphor is a depiction of an eccentric politician, where his caricature is the target domain and the verbal component of the meme is the source domain. In this Internet meme, Donald Trump is purposefully portrayed as an extravagant personality, and his actions in the context of the “clown” frame express the attitude of many people to his often unpredictable, confused and incomprehensible performance in America over the four years of his presidency. The meme is obviously aimed at an international target audience, although certain background knowledge is still required to infer its meaning. A potential recipient is ought to be aware of the fact that Donald Trump was president of the United States from 2017 to 2021, and that the vast majority of Americans and representatives of other countries did not like his policies. In such Internet memes, the effect of the cognitive mechanism of information compression is also observed, i.e. the mental process of packing capacious content with different imagery into a compressed, limited structure.

Another bright example of “political” anti-memetics is shown in Fig. 4

Fig. 4. A meme “They were right...”

In this case, the main lexicographic meaning of the word “house” as “dwelling” is replaced by the peripheral meaning “The White House” as the residency of a president. This happens due to the presence of the iconic component of the meme, the image of Hillary Clinton in the White House in Washington. Here, the features of the source domain (house) are transferred into the target domain (The White House). That leads to the emergence of the corresponding associations, which form the core of the anti-meme: a woman’s place is not at home in the kitchen near pots, but in serious politics. All linguistic expressions have a “profile” and “active zone”, where the active zone, changing depending on the context, activates different semantic aspects [Langacker, 2002]. At the same time, the profile and the active zone are characterized by the activation of certain frames, which are understood as “means of organizing experience and tools of cognition, description and explanation, and ultimately as alternative ways of seeing things” [Fillmore, 1998, p. 67].

When cognitively incongruous frames collide (e.g., in the case of the presence of a malaphor in the verbal part of a meme), an addressee, as a rule, develops cognitive tension, or cognitive dissonance as a result of the effect of broken expectations [Golubkova, Taymour, 2019; Taymour, 2019]. This leads to reframing, i.e. switching the attention of

the recipient by shifting emphasis, which allows the recipient to decode a polymodal element of discourse in an alternative way. This process occurs during the inference of the anti-meme meaning in Fig. 4, where metaphorical projection, due to the presence of background knowledge in the recipient, has a deliberately selective “profiled” character. Other meanings of the word “house”, such as “building, construction, dynasty, burrow, shell, university college, monastery” are defocused. Such a change in the core and certain profiling of the concepts involved in the creation of the Internet meme leads to a change in the domain representing the emergence of a new concept.

The analysis performed allows us to establish several basic cognitive functions and features of political Internet memes:

- 1) they are often created for campaigning and influencing public opinion;
- 2) they express a sarcastic and ironic attitude of the nation to the political situations taking place in the country and the decisions taken by the authorities;
- 3) they display criticism of the decisions taken by the opposition;
- 4) they represent a way of preserving ideas at a certain historical moment in the life of society.

If the Internet meme is successful, all the embedded information is successfully restored by the addressee in the process of cognitive processing of such polymodal unit [Taymour, 2021]. It is important to note that both verbal and non-verbal components play a decisive role in the process of inference of the meaning of Internet memes, since it is the interaction of verbal and visual components that generates a complex polymodal image. The lack of such successful interaction is one of the main factors in the failure of Internet memes, which, by analogy with unsuccessful malaphors, can be called “mental hiccups”. It can be argued that while some Internet memes express the generally accepted moral attitudes of society, teach people to be better and stronger, reminding everyone of eternal truths, the modern young generation is under the influence of new anti-memes aka demotivators, which to some extent deform cultural and linguistic picture of the world of youth. This leads to a change not only in the style of communication of people in the Internet space, but, ultimately, to a change in the picture of the world of every modern person.

REFERENCES

- Blinova O. A.* Multimodality in networked political discourse: Internet memes about Scottish independence // *Scientific Dialogue*. 2019. # 10. P. 79–93.
- Ches N. A.* Manipulative potential of complex metaphorical concepts in political media discourse // *Cognitive studies of language*. 2020. # 3 (42). P. 510–514.
- Fauconnier G.* *Mental spaces Text*. Great Britain: Cambridge, Mass.: MIT Press, 1985. 258 p.
- Fillmore Ch.* Frames and semantics of understanding // *New in foreign linguistics. Cognitive aspects of language*. 1998. # 23. P. 52–93.
- Golubkova E. E., Taymour M. P.* Factors of overcoming cognitive dissonance in mixed metaphors (based on the material of the English language) // *Cognitive studies of language*. 2019. # 36. P. 147–153.
- Karasik V. I.* *Language circle: personality, concepts, discourse*. Volgograd : Peremena, 2002.
- Krasilnikova N. A.* Society and non-institutional political discourse on the web // *Political Linguistics*. 2012. # 4 (42). P. 130–138.
- Langaker R. U.* *Concept, image and symbol: the cognitive basis of grammar*. Berlin/New York : Mouton de Gruyter, 2002.
- Melnikova O. A.* *Interdiscursivity as a communicative phenomenon : diss ...* Candidate of Philological Sciences. Tver, 2004.
- Silantyev I. V.* *Newspaper and novel: rhetoric of discursive mixes*. Moscow, 2006.
- Taymour M. P.* Cognitive dissonance in mixed metaphors in English // *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Humanities*. 2019. # 829. P. 84–95.
- Taymour M. P.* *Mixed metaphor as a linguocognitive phenomenon (based on the material of the English language) // dis. ...* Candidate of Philological Sciences. MSLU. Moscow, 2021.

УДК: 81'25

Таунзенд К. И.

доктор филологических наук, доцент

Московский государственный лингвистический университет

(Москва, Россия)

townsendX@yandex.ru

НЕРОМАНТИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД НА ИСТОРИЮ ПЕРЕВОДА

Изучение историко-культурного наследия в филологических науках должно непременно начинаться с определения концептуальных оснований мировоззрения исследуемой эпохи, чтобы ученые могли взглянуть на исторически удаленные тексты, их авторов и получателей исходя из культурной парадигмы, понятий и категорий того времени, а не современности. Анахронизмом в диахронических исследованиях переводов следует считать распространение взглядов и эстетики романтизма на описание переводческой деятельности в Древней Руси и XVIII в.

Ключевые слова: история перевода; романтизм; художественный перевод; специальный перевод; древнерусская переводная литература, переводы XVIII в.

Taunzend K. I.

Doctor of Philology (Dr. habil), Associate Professor

Moscow State Linguistic University

(Moscow, Russia)

townsendX@yandex.ru

AN UNROMANTIC VIEW ON TRANSLATION HISTORY

The philological studies of the historical heritage should start with the defining the conceptual base and the outlook of the time, so that the scholars might study such texts, their authors and readers within the cultural paradigm, concepts and categories of their epoch, not in the framework of today's approach. When the principles and the esthetics of Romanticism are projected on the study of ancient Russian texts or 18th century translations, it is nothing but anachronism.

Keywords: translation history; Romanticism; literary translation; specialized texts translation; ancient Russian literary translations; 18th century translations

Диалог культур и цивилизаций, как и любой диалог, может строиться только на желании и умении услышать другого, независимо от характера и глубины различий между собеседниками. Обращение к диалогическим исследованиям в филологических науках предполагает диалог разных эпох и, как следствие, разных языков культуры и установок мировоззрения. Для того чтобы он не превратился в монолог, необходима тщательная «проверка слуха» современных исследователей и развитие его настолько, чтобы сквозь молчаливые листы рукописей и страницы печатных текстов они могли расслышать тихий голос собеседника из другой эпохи и цивилизации, кардинально отличной от современности. Такой «проверкой слуха» мы называем детальную ревизию концептуальных оснований, понятий, категорий и мировоззренческих установок, с которыми ученые-филологи XX–XXI веков подходят к изучению письменного наследия прошедших столетий.

Основные положения нашего доклада напрямую связаны с различными толкованиями значения слова «неромантический», которое может, во-первых, означать «не принадлежащий к художественно-эстетическому направлению романтизма в искусстве» и, во-вторых, пониматься как «лишенный иллюзий, идеалистических представлений и мечтаний; приземленный». Первое толкование обращает нас к концептуальным основаниям и терминологическому инструментарию изучения истории перевода, второе – к прикладным аспектам историографии переводческой деятельности прошлых веков. Теперь рассмотрим подробнее каждый ракурс в отдельности.

Подход к переводным текстам Древней Руси, а также XVII–XVIII веков в парадигме романтической эстетики, сложившейся значительно позже, а именно в XIX веке, препятствует объективному анализу переводов в истории, так как не соответствует мировоззрению и культуре тех столетий. Одним из проявлений такого несоответствия может служить, к примеру, романтический культ индивидуального в творчестве, который, распространяясь на средневековую культуру, навязывает ей несвойственное ее мировоззрению выделение индивидуальной творческой личности.

Другим проявлением чужеродного подхода являются те критерии, с которыми в парадигме романтического восприятия рассматриваются

способы перевода в истории. «Романтическая эстетика, поднявшая на щит творческую личность, всячески противопоставляла переосмысляющие образец свободные переводы подстрочникам, покорно следующим за оригиналом. Переводчик как соперник автора – устойчивый образ в трудах теоретиков романтизма. <...> В своей совокупности факты противоречат и утверждению об эволюции переводов в сторону большей вольности, и предположению об обратном процессе» [Буланнин, 1995, с. 23]. Дословное, или даже пословное, воспроизведение оригинала в переводах других эпох расценивается как примитивная переводческая процедура в романтическом взгляде на перевод, при этом условия культурно-исторической среды, породившие и требующие ее, игнорируются.

Очевидно, что романтическое восприятие задает определенную прескриптивную позицию, где категории свободного/вольного и подстрочного/буквального перевода приобретают аксиологические характеристики. В то время как изучение истории перевода, на наш взгляд, требует в первую очередь объективной дескрипции, где понятия «вольности/буквальности» переводов будут рассматриваться через призму «прагматической ценности» (В. Н. Комиссаров) таких текстов. Так, в науке о переводе уже отмечалось, что «стремление “обогатить” переводной язык путем буквальной передачи иноязычных оригиналов, особенно созданных на “престижных” идиомах, можно считать характерным для тех эпох, когда происходит либо формирование, либо существенное изменение того литературного языка, на который перевод осуществляется. Показателен в этом отношении, в частности, русский восемнадцатый век» [Хухуни и др., 2018, с. 24].

Что касается понятия «вольный перевод», то здесь мы разделяем позицию Е. А. Княжевой, интерпретировавшей его в категориях первичного и вторичного текстов. «В результате изменений (подчас значительных), которые претерпевает исходный материал при вольном переводе, размывается граница между первичным и вторичным текстом. Данный феномен часто является поводом для вечной дискуссии о границах перевода и о степени допустимости переводческих преобразований, что, в свою очередь, непосредственно связано с пониманием предназначения и функции перевода в обществе и вопросами

переводческой этики» [Княжева, 2018, с. 77]. Последнее уточнение о предназначении перевода коррелирует с понятием его прагматической ценности и позволяет расширить такую трактовку «вольности» перевода в диахроническое измерение, где отсутствие границы между первичным и вторичным текстом вело к «обогащению» принимающей культуры в не меньшей степени, чем буквальные переводы способствовали развитию языка перевода, как было сказано выше. Это подводит нас к мысли о функциональной тождественности буквализма и вольности перевода в диахронии, и, возможно, чем дальше мы будем удаляться вглубь веков, тем меньше мы обнаружим различий между ними. Важным условием при этом является отказ от романтического восприятия истории.

Таким образом, концептуальные основания романтизма как влиятельного художественно-эстетического направления, подчас невольно применяемые при изучении истории переводческой деятельности, создают когнитивные преграды, обусловленные несопоставимостью ситуаций и широкого контекста осуществления перевода тогда и сейчас, что отражается в некоторой условности применения понятийного аппарата и терминологии современной науки о переводе в диахронических исследованиях.

Этот вопрос уже поднимался разными учеными при обращении к истории перевода. Д. М. Буланин начинает обзор переводных памятников Древней Руси с указания на несоответствие каждого элемента обозначения «древнерусская переводная литература» той исторической реальности, к которой оно относится [Буланин, 1995, с. 17–22]. Русскую средневековую книжность нельзя назвать «литературой» в современном значении «художественной литературы, беллетристики», так как сознание средневековых людей не знало вымысла как формы эстетического наслаждения и искало прикладной характер в любом тексте, т. е. то, насколько он был душеполезным, раскрывал Божественную Мудрость и Промысел Божий. Отсюда жанровая принадлежность определялась назначением текста, а вместо стилистического единства выступала его каноничность. Отношение к вымыслу всех участников средневековой коммуникации было скорее отрицательным, и книги создавались молитвенным, а не поэтическим

вдохновением. По этой причине на Руси вплоть до XVII века не встречаются в чистом виде лирика и драма, а значит, понятие «литература» не соответствует природе древнерусских текстов, для которых слависты используют обозначение «письменность».

Однако это не означает, что можно, заменив обозначения, говорить о древнерусской переводной письменности, так как ее нельзя в современном смысле назвать переводной, поскольку, по выражению Д. С. Лихачева, это «модернизирует средневековую литературу» [цит. по: Буланин, 1995, с. 18]. Мировоззрение Древней Руси не выделяло отдельно роли писателя, писца, переводчика, редактора, но на месте всех них видело лишь медиатора, поэтому оригинальность сочинения не ставилась в заслугу, а подражание не считалось вторичным или чем-то подчиненным, так как всякое творение априори подчинено Творцу. На этом основании привычное для нас разделение текстов на оригинальные и переводные при обращении к средневековым русским текстам неоправданно.

«Как выясняется, древнерусская литература – не совсем литература, а древнерусские переводы – не совсем переводы. Переводную литературу Древней Руси нельзя безоговорочно назвать и древнерусской» [там же, с. 19]. Ученый говорит здесь об эфемерности этнических и государственных границ в аспекте средневековой культуры, где гораздо большее значение имели вероисповедные различия. По такому критерию ряд зарубежных и отечественных исследователей выделяет особую славянскую цивилизацию *Slavia orthodoxa*, отличную по своему мировоззрению от более древних – греческой и латинской цивилизаций – и объединяющую культуру Болгарии, Сербии, Московской и Юго-Западной Руси. Д. М. Буланин считает возможность создания самостоятельной истории перевода Древней Руси «антинаучной фикцией» и призывает изучать общую историю славянского перевода, где одни и те же тексты свободно перемещались внутри религиозных и общекультурных границ [там же, с. 21–22].

Мы уделили столь пристальное внимание условности всех составляющих понятия «древнерусская переводная литература» с целью показать, насколько термины и обозначения, привычные для современности, могут оказаться несостоятельными применительно к объекту

исследования, формально похожому на существующий сегодня, но основанному на иной культуре и мировоззрении. По этой причине похожие трудности, связанные с понятийно-категориальным аппаратом, распространяются и на более позднюю (по сравнению с Древней Русью) эпоху – XVIII век.

Тем не менее в настоящий момент мы имеем описание русской переводной художественной литературы XVIII века, представленное согласно периодизации, принятой в истории литературы:

- 1725 – начало 1760-х годов: Классицизм;
- начало 1760 – середина 1780-х годов: Просветительство;
- середина 1780-х годов – 1800: Сентиментализм.

В свете всего изложенного о понятии «древнерусская переводная литература» закономерно возникает вопрос, насколько перечисленные понятия литературоведения (классицизм, просветительство, сентиментализм) могут быть применимы к литературе, которая в указанные временные промежутки только начинала складываться по ранее неизвестным ей образцам. Да, эти образцы/источники могли представлять указанные художественно-эстетические направления в иноязычных культурах. Да, характерные для этих течений мотивы, темы и сюжеты могли быть заимствованы принимающей культурой. Но означает ли это, что получившийся русский перевод XVIII века есть настолько эквивалентный оригиналу, что оба текста можно поставить в один ряд характерных представителей определенного эстетического течения в литературе? Этот вопрос звучит риторически, если при этом вспомнить, что русский язык первой четверти века, по выражению выдающегося ученого-русиста А. В. Исаченко, представлял собой «беспорядочное смешение славенщины с жаргоном фельдфебеля, унаследованных украинизмов и полонизмов с западноевропейской лексикой» [цит. по: Николаев, 1995, с. 92].

Такое состояние национального языка простиралось и за пределы петровского времени, на основании чего А. В. Исаченко считал невозможным использование термина «литературный язык» применительно к языковым системам как Древней Руси, так и эпохи Петра I, называя всю первую половину XVIII века периодом «безъязычия» или «литературной и языковой пустыней» [прив. по: Круглов, 2004, с. 7].

Состояние социально-речевого брожения в русском языке начала и середины XVIII века отмечает академик В. В. Виноградов, указывая, что во второй половине столетия оно переходит в смешение языков: церковнославянского с приказным, русско-французского жаргона щеголей и щеголих с провинциально-поместным просторечием, как это красочно изображено в комедии Д. И. Фонвизина «Бригадир» [Виноградов, 1982, с. 164–166]. Однако при этом в литературоведческой концепции истории перевода переводные тексты второй и третьей четвертей XVIII века рассматриваются в категориях классицизма и просветительства. Состояние национального языка, его возможности, по-видимому, не учитываются. Здесь становится вполне очевидным, что представления о русских текстах XVIII века в разных направлениях филологической науки значительно расходятся: там, где русисты видят бессистемность, брожение и смешение, литературоведы усматривают принадлежность к художественно-эстетическим течениям европейской литературы. Подобное несоответствие еще раз подчеркивает нечеткость понятийно-категориального аппарата литературоведения, с помощью которого осуществляется описание и изучение переводов XVIII века.

Это подводит нас к прикладным аспектам историографии перевода в России и побуждает обратиться к общеупотребительному значению выражения «неромантический взгляд», т. е. лишенный иллюзорных, мечтательных представлений. Опираясь на это толкование, мы хотим подчеркнуть однобокость современного отбора переводных текстов для диахронического анализа, который обычно бывает продиктован идеалистическим критерием высоты и значимости изучаемого образца. Речь здесь снова идет об обращенности диахронических исследований переводов почти исключительно к художественной литературе, притом лучших ее проявлений и представителей. Подобный подход создает, по нашему мнению, иллюзию вместо реальной картины того, что и как переводили в России в XVIII–XIX веках.

В качестве подтверждения приведем пример наиболее полного на настоящий момент обзорного труда по истории перевода «История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век», вышедшего под редакцией Ю. Д. Левина в двух томах:

первый том посвящен прозаическим жанрам, второй – поэзии и драматургии. Этот обзор русских художественных переводов XVIII века выполнен в русле сравнительного литературоведения, где авторы концентрировали свое внимание на «переводах вершинных произведений мировой литературы» и на деятельности известных переводчиков, не рассматривая так называемые литературные «однодневки» или «случайных людей» на ниве художественного перевода в России [История русской переводной художественной литературы, т. 1, с. 15–16]. Из сказанного следует, что специальные переводы по математике, астрономии, географии, архитектуре, кораблестроению, военному делу и т. п. остались за рамками изучения, хотя ввиду неустойчивости системы стилей в тот период исключение сделано для исторических, публицистических и философско-моралистических сочинений французских просветителей. Это означает избирательный подход к отбору материала для обзора по критериям стилистической отнесенности и литературной значимости.

Результатом такого подхода является то, что научное описание переводных специальных текстов, появившихся во множестве в России XVIII века, значительно уступает в количественном отношении изучению художественных переводов. Помимо очевидной необходимости сократить этот разрыв в целях полноты историографии перевода, хотелось бы также подчеркнуть неплодотворность разделения объектов исследования в контексте языковой и культурной ситуации восемнадцатого столетия в России. В условиях формирующегося национального языка, отсутствия четкой жанрово-стилистической дифференциации, остро назревшей необходимости развивать как отечественную науку, так и словесность русские переводчики изучаемой эпохи стремились перенести на родную почву всё достойное и полезное, что им было доступно на европейских языках. Об этом красноречиво свидетельствуют исторические и библиографические данные. С такой точки зрения разделение объектов исследования на художественные и специальные переводы в диахронической перспективе не соответствует контексту эпохи, вырывая переводной текст из его исторической среды и перемещая его в условия иного этапа развития этой среды, когда разграничение стилей национального языка и задач перевода получило окончательное завершение.

Дискурсивный подход к изучению истории перевода показывает, что в XVIII веке просветительскую функцию выполняли все переводы: художественные и специальные, о чем писали сами русские переводчики в предисловиях, заявляя о своем труде как о службе Отечеству, выполненной для пользы и просвещения сограждан. Сходным образом проблемы выработки и отбора средств родного языка для выражения нового, незнакомого содержания живо волновали переводчиков и научных, и художественных текстов, поскольку разные стили подвергались значительному иноязычному и инокультурному влиянию посредством перевода. Так, в деятельности «Собрания, старающегося о переводе иностранных книг» (1768–1783) можно выделить четыре группы переводов:

- произведения писателей Нового времени, в особенности современных;
- творения древних авторов;
- книги по истории и географии;
- физико-математические и естественнонаучные сочинения.

Приведенные факты показывают просветительскую функцию, объединявшую художественные и нехудожественные переводы в России XVIII века, что, в свою очередь, подтверждает необоснованность выделения какого-то одного вида как отдельного объекта исследования.

Мы говорим это с намерением проиллюстрировать, какая научная позиция могла бы снять односторонность подхода, закрыть разрыв в изучении разных групп исторически удаленных текстов, объединив объекты исследования в истории перевода. Это отнюдь не означает отсутствие или игнорирование отличий между художественными и специальными переводами, а просто напоминает о том, что привычное для современности разделение могло не проявляться так отчетливо в диахроническом измерении, как не обозначалось разделение функций и ролей автора, писца, переводчика и редактора в письменности Древней Руси. Учет мировоззрения эпохи в научном подходе может способствовать плодотворному исследованию переводных текстов, отстоящих от современности на несколько веков.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Буланин Д. М.* Древняя Русь // История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Т. I. Проза. СПб. : Дмитрий Буланин, 1995. С. 17–73.
- Виноградов В. В.* Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX веков. М. : Высшая школа, 1982.
- История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век: в 2-х т. / отв. ред. Ю. Д. Левин. СПб. : Дмитрий Буланин, 1995–1996. Т. 1.
- Княжева Е. А.* Оценка качества перевода: история, теория, практика. М. : Флинта, 2018.
- Круглов В. М.* Русский язык в начале XVIII века: узус петровских переводчиков. СПб. : Наука, 2004.
- Николаев С. И.* Первая четверть XVIII века: эпоха Петра I // История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. Т. I. Проза. СПб. : Дмитрий Буланин, 1995. С. 74–93.
- Хухуни Г. Т.* [и др.] Перевод и переводы: история и современность. М. : Флинта, 2018.

УДК:008

Тёмкин В. А.

кандидат исторических наук, доцент

Московский государственный лингвистический университет

(Москва, Россия)

vitem222@mail.ru

МАРКЕРЫ ИДЕНТИЧНОСТИ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПАЛОМНИКА И ИХ ОТРАЖЕНИЕ В ИСКУССТВЕ

В статье рассматривается важный компонент культуры западно-европейского Средневековья – христианское паломничество. Особое внимание уделяется паломничеству в Сантьяго де Компостела, получившему широкое распространение, начиная с XI века. Идентичность паломника выражалась в специфике одяния. В изобразительном искусстве отразился образ покровителя паломников, апостола Иакова Старшего, представленный в разных ипостасях – христианского просветителя, паломника, мученика и воина.

Ключевые слова: христианское паломничество; маркеры идентичности; средневековое искусство; образ апостола Иакова Старшего; образ паломников в искусстве

Tyomkin V. A.

PhD (Philology), Associate Professor

Moscow State Linguistic University

(Moscow, Russia)

vitem222@mail.ru

MARKERS OF THE IDENTITY OF THE MEDIEVAL PILGRIM AND THEIR REFLECTION IN ART

The article examines an important component of the culture of the Western European Middle Ages – Christian pilgrimage. Special attention is paid to the pilgrimage to Santiago de Compostela, which has become widespread since the XI century. The identity of the pilgrim was expressed in the specifics of the attire. The image of the patron saint of pilgrims, the Apostle James the Elder, is reflected in the visual arts, presented in different guises – a Christian educator, pilgrim, martyr and warrior.

Keywords: Christian pilgrimage; medieval art; markers of the identity; image of the Apostle James the Elder; image of pilgrims in art

Христианскому паломничеству принадлежит немаловажное место в западноевропейской культуре Средних веков. Как хорошо известно, эта эпоха проходит под знаком господства христианской религии и обусловленного ей мировоззрения. В соответствии с ним, главной целью жизни всякого христианина объявлялось спасение души на Страшном суде. Причем достичь этой цели можно было разными способами: в первую очередь посредством исполнения заповедей, а также молитвами и постом. Дополнением к нему как раз выступало паломничество к наиболее почитаемым христианским святыням. Не забудем, что частным случаем паломничества в его наиболее агрессивном варианте традиционная историография квалифицирует и Крестовые походы.

В Западной Европе с наступлением периода зрелого Средневековья паломничество становится весьма существенным религиозно-культурным феноменом. В это время его характеризует быстрое распространение и участие в нем десятков тысяч людей, благодаря чему оно приобретает массовый характер и особое общественное значение. При этом социальное происхождение паломника большой роли не играло: в этот процесс вовлекались и представители низших слоев общества, и вполне обеспеченные христиане. «Не только никакой материальный интерес не удерживает большинство из них дома, но самый дух христианской религии выталкивает на дороги», – отмечает классик медиевистики Жак Ле Гофф [Ле Гофф, 1992, с. 127]. Ибо сам акт паломничества означал для его участников поиск священных христианских ценностей в профанном земном мире.

Как же идентифицировались паломники, которых, согласно церковному законодательству, надлежало принимать, обустривать и защищать, нападение на которых считалось тяжким преступлением? Внешний вид христианского странника подвергался строгой регламентации. Как пишет современный исследователь, «одежда пилигрима выражала в своей сути представление, что, если обычный человек становится на стезю паломника, он должен и внешне выглядеть особым образом, отличным от повседневной жизни» [Шупляк, 2013, с. 160]. Средневековый семиозис в целом предполагал идентификацию по внешнему виду и вещевому комплексу: человек не должен был затрудняться с узнаванием случайного встречного. Поэтому в конце

XI века пилигримы носили длинную рубаху или тунику, плащ с капюшоном-шапероном, в руках у них был посох, за плечами – дорожный мешок. Иногда снаряжение паломника могла дополнять привязанная к поясу тыквенная фляга. Также нужно отметить, что в эпоху Крестовых походов западноевропейские рыцари присвоили некоторые атрибуты паломнического одевания: например, плащ или, в иных случаях, накидку-котту, и нередко выглядели такими же паломниками, только вооруженными.

К какому бы социальному слою пилигрим ни принадлежал, его туника выделялась из простого и грубого материала. Это было знаком того, что он отрешается от земных благ. Посох паломника вовсе не был чистым аксессуаром. Он служил реальной опорой, поэтому изготавливали его из крепкого дерева и с нижней стороны подковывали металлом. Традиционная дорожная сума с ремнем через плечо делалась из кожи и была небольшого размера. Ее использовали преимущественно для хранения еды, а свои деньги пилигримы обычно носили на теле, с внутренней стороны одежды. Постепенно «посох и сума» стали главным признаком паломника и, шире, любого странника, который презрел материальные блага и пытался обрести высокую истину посредством реального человеческого шага.

На голове паломники носили широкополую шляпу, которую сегодня считают непременной составляющей паломнического костюма. Хотя на самом деле она появилась отнюдь не сразу, а только к середине XIII века. До этого пилигримы предпочитали высокую и узкую шляпу-колпачок. А в широкополой шляпе переднюю часть поля было принято отгибать кверху: лицо паломника должно было оставаться открытым. К тому же времени к костюму пилигримов добавился широкий шарф. Таким образом, можно говорить об одежде как о важнейшем элементе идентичности паломников.

Как отмечалось выше, особенно широкое распространение паломничество приобрело после 1000 года, когда Западная Европа вступила в фазу зрелого Средневековья. По словам выдающегося исследователя этой эпохи Жоржа Дюби, «в XI веке все ревностные христиане, искавшие путем паломничества обеспечить себе милосердие господне, мечтали помолиться однажды перед тремя гробницами, св. Петра,

св. Иакова и Христа» [Duby, 1984, с. 94]. При этом пути в Иерусалим к Храму Гроба Господня и в Рим к усыпальнице св. Петра, основателя христианской церкви, существовали уже со времен Раннего Средневековья, тогда как маршрут к мощам апостола Иакова Старшего в Сантьяго де Компостела обозначился только в XI веке. Становление культа апостола, чья могила по легенде была обнаружена в Галисии в VIII веке, как показал историк искусства Марсель Дюрлиа, было тесно связано с политикой королей католического севера Испании. Властители Леона и Кастилии стремились к интеграции этого крайнего региона в западноевропейский христианский мир [Durliat, 2007]. Данной цели служило и объявление реконквисты крестовым походом против мусульман, благодаря чему в Испанию вскоре хлынул поток христианского, в первую очередь французского, рыцарства. По призыву кастильских королей, как пишет Ж. Дюби, «все рыцари Бургундии и Шампани, завсегдагаи пути в Сантьяго, объединились с христианами Испании, чтобы отбросить неверных, отодвинули к югу границы Кастилии и создали королевство в Португалии» [Duby, 1984, с. 123]. Определенную роль сыграло и то, что путь в Иерусалим был затруднен нашествием турок-сельджуков на Палестину, и взоры многих паломников обратились в сторону Сантьяго. В 1175 году папа Александр III подтверждает статус Сантьяго как святого города и благословляет на создание военного ордена Сантьяго, чьей главной задачей становится охрана паломнических путей.

В знак того, что паломник побывал в том или ином святом месте, он получал право носить особую эмблему. Это можно считать еще одним маркером идентичности во внешнем виде пилигримов. Так, изображение пальмовой ветви означало, что человек был в Палестине. После начала Крестовых походов, которые, не будем забывать, значительно моложе самого феномена паломничества, те, кто достиг Иерусалима, обретали возможность носить изображение Креста Господня. Что касается посещения гробницы святого Иакова в Сантьяго де Компостела, то его эмблемой служила морская раковина-«гребешок». Этот знак был связан с легендой о том, что во время сражения с арабами один из рыцарей был вынужден спастись вплавь и едва не утонул, но, спасенный св. Иаковом, вышел из воды, покрытый ракушками.

Со временем, после XI века, к ней прибавились также фибулы с изображением святого. Похожая фибула с эмблемой, изображавшей святого Томаса Беккета на коне, стала знаком паломничества в Кентерберийское аббатство.

Феномен паломничества в Сантьяго оказал влияние на некоторые формы средневекового искусства. В архитектуре, пожалуй, самым ярким свидетельством может служить утверждение типа паломнического храма на основных путях в Сантьяго. Его главной особенностью стало наличие обхода вокруг хора, или деамбулатория, позволявшего паломникам поклоняться местным святыням даже во время богослужения.

По направлению к Сантьяго сложились четыре основных паломнических пути, которые, естественно, проходили по территории Франции. Они соединялись в один, который называли «*camino francés*» («французская дорога»), уже за Пиренеями, в Наварре, чтобы в результате привести к цели – святилищу в Сантьяго де Компостела. Так, самая южная из них, Тулузская дорога (*Via Tolosana*), вела из Арля. По ней шли паломники с Востока и из Италии, а также жители Прованса и немцы из Южной Германии. На юге Оверни, в Ле-Пюи, начиналась Поденская дорога (*Via Podensis*), которой пользовались те, кто шел из Лиона, бургундского Клюни и Северной Оверни со столицей в Клермон Ферране. Лиможская дорога (*Via Limocensis*) пролегла через Лимож, центр провинции Лимузен; она выходила из Везле с его знаменитым храмом св. Магдалины, где в XII веке были провозглашены Второй и Третий крестовые походы. По ней шли жители Шампани и Бургундии, а также паломники с востока и северо-востока Европы. Последняя дорога, Турская (*Via Toronensis*), вела через Париж и Тур и была удобна для жителей Северной Франции и Нидерландов. Как уже было сказано, все четыре дороги сходились в Пуэнте ла Рейна, на севере Испании. И благодаря паломничеству большинство из церквей, в изобилии появившихся на путях в Сантьяго, были выстроены с обходом вокруг хора, ставшим главным признаком храма паломнического типа.

Маркеры идентичности паломников можно найти в средневековом изобразительном искусстве. Сама тема паломничества начинает отражаться в памятниках скульптуры уже с конца XI века.

Интересно отметить, что первым носителем этой темы в романской скульптуре выступает сам Христос. На рубеже XI и XII веков на севере Испании, в клуатре монастыря Санто Доминго де Силос, была исполнена серия рельефов, ставшая одним из первых образцов стиля зрелой романики. Показательно, что в сцене Явления ученикам в Эммаусе на плаще Иисуса изваяна раковина, символ паломников, идущих в Сантьяго де Компостела [Гиз, 2001]. Характерно, кроме того, что все персонажи сцены представлены в процессе стремительного движения, Христос лишь слегка оборачивается к апостолам, при этом только его голова и торс приобретают традиционный фронтальный разворот.

Однако особенно широко представлена иконография апостола Иакова Старшего, который выступает в четырех основных ипостасях – христианского просветителя, покровителя паломников, мученика и, позднее, воина-«мавроубийцы» (испанское *matamoros*). Причем иногда эти образы могут сочетаться в одном произведении.

Первые изображения апостола относятся к периоду расцвета скульптурной школы на юго-западе Франции, относящемуся к концу XI – началу XII веков. Самое раннее из них находится на столбе монастырского клуатра в Муассаке, чье убранство было закончено к 1100 году. На столбе клуатра апостол изображен в низком рельефе; он представлен в ризе священника с развернутым свитком Писания в правой руке. Такой свиток соответствует иконографии христианского просветителя.

Чуть позже, в 1110-х годах, изображение апостола появляется на портале Мьежвиль главного храма *Via Tolosana*, базилики Сен-Сернен в Тулузе. Св. Иаков изображен здесь в торжественной позе над тимпаном и, хотя в правой руке он держит Евангелие, здесь его скорее воспринимают как покровителя паломников. Мощное дерево у левой руки апостола напоминает посох, но еще важнее то обстоятельство, что с другой стороны от тимпана ему вторит изображение св. Петра, патрона паломников, направлявшихся в Рим.

Увенчанием пути паломников был собор в Сантьяго де Компостела, где изображения св. Иакова Старшего занимают центральное место в скульптурном цикле. Особую известность получили его статуи

в Портике Славы, изваянном мастером Матео во второй половине XII века. По выражению В. Н. Тяжелова, этот портал являет собой «вершину романской пластики Испании» [Тяжелов, 1981, с. 172] и по многим чертам уже предвещает переход к готике. Св. Иаков представлен здесь дважды. На опорном столбе портала мы видим апостола, сидящего с посохом паломника и с развернутым свитком в руке, на котором начертано: «Господь послал меня». Экстатическое выражение лица и взгляд, направленный вдаль, напоминают иконографический тип Христа во славе.

Справа от портала св. Иаков изображен в группе апостолов вместе со святыми Петром, Павлом и Иоанном. В данном случае он показан в резком развороте в сторону св. Иоанна, и снова сочетает образы просветителя и паломника: в правой руке держит Евангелие, а левой опирается на посох.

В более поздней скульптуре сочетание указанных маркеров становится практически общим местом. Один из примеров дает нам фронталь (антепендиум) из музея Собора в Леоне, созданный уже в XIII веке. На клеймах излагается легенда, по которой тело апостола в лодочке прибило к берегам Галисии. В фигуре апостола в центре опять объединены образы просветителя и паломника: в левой руке у него Евангелие, а в правой – посох.

Св. Иаков Старший весьма обильно представлен в искусстве готического стиля. Однако характер его изображений в ряде случаев меняется. Так, в отмеченном классическим духом скульптурном ансамбле Шартрского собора единственным атрибутом апостола выступает меч – орудие его мученичества. Таким образом, перед нами одно из первых воплощений образа св. Иакова-мученика.

Иконография мученика активно развивается в искусстве XIII века. На центральном портале Амьенского собора у апостола снова меч в руке. Правда, в другой он держит традиционный посох пилигрима. Еще одно сочетание демонстрирует изображение святого на «Райском портале» собора в Орнсе, созданном в подражание Портнику Славы мастера Матео. Здесь у апостола в одной руке меч мученика, а в другой – Евангелие.

И, наконец, в позднеготический период появляется последний иконографический тип – св. Иаков-мавроубийца. Хотя его атрибутом

также является меч, в данном случае он носит совершенно иной характер. Одним из ранних примеров стала миниатюра путеводителя по путям паломничества в Сантьяго «Codex Calixtinus». Список, хранящийся в библиотеке университета в Саламанке, создан около 1325 года. Апостол с высоко занесенным в руке мечом выезжает на красное поле, обозначающее его победу над маврами. Само поле при этом испещрено раковинами-гребешками, ставшими, как уже известно, эмблемой св. Иакова Старшего.

В середине XVI века в алтаре собора в Касересе скульпторы Роке Бальдуке и Гильермо Ферран создали весьма экспрессивные изображения апостола Иакова Старшего. Здесь сталкиваются два совершенно разных образа. Слева мы видим знакомое сочетание паломника и мученика: в плаще паломника апостол с флягой на боку держит в руках предмет, который слишком короток для посоха и больше напоминает меч, которым ему отрубили голову. А справа по соседству Иаков-воин уже возглавляет христианское воинство и крушит врагов, гибнущих под копытами его коня, в экспрессивном образе *Matamoros*.

Там же, в Касересе, в алтаре церкви св. Иакова (*Santiago*), содержится еще более темпераментное изображение Иакова-мавроубийцы. Оно принадлежит самому известному испанскому скульптору XVI века, Алонсо Берругете. Сцена располагается в центре алтаря-ретабло, посвященного житию Богородицы и других христианских святых, и является смысловым ядром всего ансамбля. Полный динамизма Иаков-воин воздевает меч, тогда как ангелы вокруг него расстреливают врагов из луков.

В средневековом искусстве можно найти и изображения рядовых паломников, хотя они встречаются гораздо реже. Приведем лишь отдельные примеры. Образы паломников в искусстве Средневековья также отличаются выразительностью. Одно из ранних изображений можно видеть на тимпане Страшного Суда работы мастера Жизлеберта (портал собора Сен-Лазар в Отене, XII век). Фигуры паломников следуют вереницей, они несут к Спасителю свои грехи и каются в них, о чем красноречиво говорят выражения на их лицах. Головы покрыты обтягивающими шапочками-колпачками, на боку – сума,

у одного из паломников с изображением раковины, у другого – креста. При этом в длинную тунику одета только третья фигура, первый и второй паломники – в коротких туниках, обнажающих ноги.

В клуатре собора Сен-Трофим в Арле тоже есть скульптуры паломников. Это еще одна версия сюжета явления Христа в Эммаусе: пилигримы изваяны по бокам от статуи Иисуса. У одного из них слегка согорбленная фигура, он одет в потрепанную накидку, в руках у него длинный посох, на голове – шапочка-колпачок с изображением раковины-гребешка, символа паломничества в Сантьяго.

К более позднему времени, XIII веку, относится витраж из цикла Кентерберийского собора. Мы находим здесь своеобразную трактовку сюжета: пешие паломники идут вслед за конным. Можно предположить, что это рыцарь, который охраняет странников: точнее сказать трудно, так как всадник повернут к нам в профиль. В 1300 году была выполнена миниатюра «Мировой летописи», приписываемая Рудольфу фон Эмсу. На ней мы видим паломников в головных уборах, похожих на чепцы, с сумами и посохами, которые общаются с персонажем с короной на голове, в торжественном одеянии, вполне вероятно, королем или императором. Еще один интересный пример дает нам другая книжная миниатюра, на этот раз из манускрипта «Паломничество человеческой жизни» 1375–1399 годов, хранящегося в Библиотеке святой Женевиевы в Париже. Здесь паломник в богатой и четко выписанной художником одежде шествует впереди, тогда как позади него слуга несет его пожитки, среди которых можно отметить фрагменты рыцарского доспеха – щит и латную перчатку.

На позднеготическом рельефе из Сан Хуан де Ортега, относящемся к XV веку, представлена сцена приема паломников: в середине некто, напоминающий церковнослужителя, справа пекарь с хлебами. Идентичность паломников легко устанавливается по привычным маркерам – потертым плащам, посохам, широкополым шляпам.

В конце того же XV века была выполнена картина Страсбургского мастера «Трое паломников на пути в Сантьяго де Компостела». Здесь одновременно запечатлены два последовательных эпизода: в левой части картины персонажи в характерных для паломников плащах и с посохами в руках входят в дом, а в центре композиции они уже

сидят за столом и угощаются. На первом плане изображен хозяин дома с кувшином и стаканом: он лично прислуживает паломникам. В группе пилигримов можно отметить присутствие женщины в козынке, надетой под шляпу, и в черном платье.

Выше уже упоминалось о том, что частным видом паломничества историки считают Крестовые походы. Среди посвященных им изображений преобладают книжные миниатюры, однако хотелось бы привлечь внимание к уникальной скульптурной группе из собрания Музея истории Лотарингии в Нанси. Она называется «Возвращение крестоносца» и посвящена графу де Водемону, вернувшемуся из Второго крестового похода в конце 1140-х годов. Это редкий памятник романской скульптуры, на котором мы, помимо статуи главного героя, видим изображение женщины. Она держится позади мужа, выглядывая из-за его плеча и слегка обнимая левой рукой. Графиня в данной группе выступает символом супружеской верности. Одежда графа ничем не напоминает доспехи победителя, а в руках у него посох паломника. Выражение лица говорит о перенесенных испытаниях и полно смирения. Сцена совершенно лишена пафоса. «Редкий для Средних веков реалистический образ близости», – отмечает по поводу этого шедевра Жак Ле Гофф [Le Goff, 2019, с. 84].

Приведенные примеры показывают, что феномен средневекового христианского паломничества выработал своеобразные маркеры идентичности, нашедшие отражение в западноевропейском искусстве. В скульптуре и живописи пилигримы легко опознаются по грубым плащам, шляпе, суме, посоху в руках и эмблеме паломника, – в случае посещения Сантьяго де Компостела это ставшая традиционной раковина-гребешок. Образ св. Иакова Старшего во всех его иконографических типах – христианского просветителя, паломника, мученика и воителя мавров – стал символом и олицетворением данного культурного феномена и сыграл существенную роль в становлении новых форм религиозного искусства. Изображения рядовых паломников также подчиняются общей системе репрезентации паломничества в искусстве и обогащают наши представления о картине мира европейского Средневековья, эпохи, чьи достижения до сих пор составляют золотой фонд мировой культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гиз У.* Романская скульптура // Романское искусство: Архитектура. Скульптура. Живопись. Под ред. Р. Томана. Пер. с нем. Köln : Köpennann, 2001. С. 256–323.
- Ле Гофф Ж.* Цивилизация средневекового Запада / пер с фр. М. : Прогресс-Академия, 1992.
- Тяжелов В. Н.* Искусство Средних веков в Западной и Центральной Европе. М. : Искусство, 1981.
- Шупляк С. П.* Статус паломника в средневековом социуме Западной Европы // Праць гістарычнага факультэта БДУ: навук. зб. Вып. 8. 2013. С. 155–165.
- Duby G.* L'Europe au Moyen âge. P. : Flammarion, 1984.
- Durliat M.* La sculpture romane de la route de Saint-Jacques: De Conques à Compostelle. Dax : СЕНАГ, 2007.
- Le Goff J.* Un Moyen Age en images. P. : Editions Hazan, 2019.

УДК: 159.9

Троицкая Е. А.

кандидат психологических наук, доцент

Московский государственный лингвистический университет

(Москва, Россия)

ea.troitskaya@mail.ru

ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РОДИТЕЛЯХ У ДЕВОЧЕК-ПОДРОСТКОВ И ДЕВУШЕК С РАЗНЫМИ ЛИЧНОСТНЫМИ ОСОБЕННОСТЯМИ

Статья посвящена описанию исследования, направленного на выявление взаимосвязи между личностными особенностями девочек подросткового и юношеского возраста и их представлениями о родителях. В исследовании приняли участие 74 девочки 14–18 лет, разделенные на две группы по возрасту. Для исследования личностных особенностей использовалась методика «Личностный дифференциал», для выявления представлений о родителях применялась методика «Подростки о родителях».

Ключевые слова: представления о родителях; подростки; девушки; личностные особенности; образ матери; образ отца

Troitskaya E. A.

PhD (Psychology), Associate Professor

Moscow State Linguistic University

(Moscow, Russia)

ea.troitskaya@mail.ru

REPRESENTATION OF PARENTS IN ADOLESCENT GIRLS WITH DIFFERENT PERSONALITY TRAITS

The article describes the research aimed at identifying the relationship between the personality traits of adolescent girls and their representations of parents. The research involved 74 girls aged 14–18, divided into two age groups. To study personality traits, the Personal Differential method was used, to identify representations of parents, the Adolescents about parents questionnaire was used.

Keywords: representation of parents; adolescents; girls; personality traits; mother's image; father's image

Актуальность исследования представлений о родителях у девочек-подростков и девушек с разными личностными особенностями определяется тем, что в современном мире детско-родительские взаимоотношения меняются, поскольку быстрые темпы развития информационных технологий приводит к тому, что дети в более раннем возрасте начинают понимать, что их родители могут в чем-то разбираться даже хуже своих детей, а следовательно, непререкаемый авторитет родителей начинает снижаться, и зачастую они перестают быть образцом для подражания для своих подрастающих детей.

В ряде исследований было показано, что особенности образа родителей оказывают влияние на развитие личности ребенка [Латышева, 2018; Лузина, 2016]. Однако, как показывают другие исследования, личностные особенности как родителей, так и детей вносят вклад в качество их взаимоотношений [Denissen, Aken, Dubas, 2009]. С другой стороны, опираясь на идеи когнитивной психологии, можно предположить, что на детей влияет не только само поведение родителей, но и оценка детьми этого поведения и личностных особенностей своих родителей в целом.

Целью нашего исследования стало выявление взаимосвязи между личностными особенностями девочек подросткового и юношеского возраста и их представлениями о родителях.

В исследовании приняли участие 74 девочки 14–18 лет ($M = 16,11$, $SD = 1,27$), обучающиеся в школах Москвы. Выборка была разделена на две подвыборки по возрасту: 1) 24 девочки подросткового возраста 14–15 лет ($M = 14,58$, $SD = 0,5$), 2) 50 девушек юношеского возраста 16–18 лет ($M = 16,84$, $SD = 0,77$). В выборку испытуемых были включены только представители женского пола, потому что результаты одной из использованных методик (опросник «Подростки о родителях») должны интерпретироваться строго в зависимости от пола испытуемых.

Для исследования личностных особенностей использовалась методика «Личностный дифференциал» [Фетискин, Мануйлов, 2002, с. 20–21], которая представляет собой семантический дифференциал, включающий 3 шкалы: оценка, сила, активность. Для исследования представлений о родителях применялась методика «Подростки

о родителях» [Вассерман, Горьковая, Ромицына, 2001], позволяющая диагностировать отдельно представления о матери и об отце по следующим шкалам: позитивный интерес, директивность, враждебность, автономность, непоследовательность.

Эмпирические данные были собраны учащимися 11 класса Пред-университария ФГБОУ ВО МГЛУ Седовой Серафимой, Биккиным Дмитрием и Щелкалиной Екатериной в рамках работы над учебно-исследовательским проектом по психологии.

Статистическая обработка данных проводилась в программе JASP (Version 0.16.1) с применением критерия Шапиро-Уилка для проверки нормальности распределения, критерия Манна-Уитни для сравнения несвязанных выборок, коэффициента корреляции Кендалла (τ -b) для определения линейной связи между переменными, Т-критерий Уилкоксона для сравнения связанных выборок.

Анализ собранных данных с помощью статистических критериев позволил выявить значимые различия между выборкой девочек-подростков и девушек по критерию Манна-Уитни как по личностным свойствам, так и по представлениям о родителях. Девушки 16–18 лет отличаются более высокими значениями по шкале «оценка» Личностного дифференциала ($p = 0,008$) и по шкале «активность» ($p = 0,001$), что свидетельствует о том, что у них более высокий уровень самоуважения и экстравертированности, энергичности, по сравнению с девочками-подростками. При этом девушки 16–18 лет представляют своих матерей менее директивными ($p = 0,026$), а отцов более последовательными ($p = 0,024$).

При анализе данных девочек-подростков 14–15 лет были выявлены статически значимые корреляции по коэффициенту корреляции Кендалла (τ -b) только для шкалы «оценка» Личностного дифференциала, в то время как для шкал «сила» и «активность» статически значимых корреляций обнаружено не было на уровне значимости $p = 0,05$. Значения по шкале «оценка» Личностного дифференциала статически значимо коррелируют с показателем позитивного интереса отца ($T_b = 0,419$, $p = 0,045$), враждебности матери ($T_b = -0,552$, $p = 0,008$) и враждебности отца ($T_b = -0,644$, $p = 0,002$), автономности матери ($T_b = 0,46$, $p = 0,027$). Таким образом, девочки-подростки с более высоким самоуважением представляют своих отцов как

проявляющих больше позитивного интереса и менее враждебных, а матерей – как более автономных и менее враждебных.

При анализе данных девушек 16–18 лет были выявлены статистически значимые корреляции по коэффициенту корреляции Кендалла (τ_b) со всеми тремя шкалами Личностного дифференциала. Значения по шкале «оценка» Личностного дифференциала статистически значимо коррелируют с показателями позитивного интереса отца ($T_b = -0,286$, $p = 0,042$) и позитивного интереса матери ($T_b = 0,3$, $p = 0,033$), с показателем враждебности матери ($T_b = -0,336$, $p = 0,019$). Девушки с более высоким самоуважением представляют своих матерей как проявляющих больше позитивного интереса и менее враждебных, а отцов – как проявляющих меньше позитивного интереса. Значения по шкале «сила» Личностного дифференциала статистически значимо коррелируют с показателями автономности отца ($T_b = -0,319$, $p = 0,023$) и непоследовательности отца ($T_b = -0,366$, $p = 0,01$): более сильные и независимые девушки представляют своих отцов как менее автономных и более последовательных. Значения по шкале «сила» Личностного дифференциала статистически значимо коррелируют с показателем директивности матери ($T_b = -0,296$, $p = 0,036$): более экстравертированные и энергичные девушки представляют своих матерей как менее директивных.

Для более детального анализа представлений испытуемых об их родителях по Т-критерию Уилкоксона мы сравнили значения показателей для матерей и отцов. Оказалось, что девочки-подростки 14–15 лет считают, что их матери более директивны по сравнению с отцами ($p = 0,043$), а девушки 15–18 лет считают, что их матери более враждебны ($p = 0,024$) и более непоследовательны ($p = 0,019$) по сравнению с отцами. Можно предположить, что матери ежедневно более строго следят за воспитанием дочерей, вследствие чего они оцениваются по ряду характеристик более негативно, чем отцы. При этом, как указано выше, мы установили, что, по сравнению с девочками-подростками, девушки 16–18 лет представляют своих матерей менее директивными, а отцов – более последовательными.

В заключение можно сказать, что в результате проведенного исследования были выявлены особенности представлений о родителях у девочек-подростков и девушек с разными личностными особенностями.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вассерман Л. И., Горьковая И. А., Ромицына Е. Е.* Психологическая методика «Подростки о родителях» и ее практическое применение. СПб. : ФАРМиндекс, 2001.
- Латышева М. А.* Особенности образа родителей у девушек, воспитанных в неполной семье (психосемантическое исследование) // Проблемы современного педагогического образования. 2018. № 61-2. С. 307–310.
- Лузина Е. Ю.* Особенности образа родителя и его роль в развитии личности ребенка // Новая наука: современное состояние и пути развития. 2016. № 1-2. С. 89–93.
- Фетискин Н. П., Козлов В. В., Мануйлов Г. М.* Социально-психологическая диагностика развития личности и малых групп: учеб. пособие. М. : Издательство Института Психотерапии, 2002.
- Denissen J. J. A., Aken van M. A. G., Dubas J. S.* It takes two to tango: How parents' and adolescents' personalities link to the quality of their mutual relationship // *Developmental psychology*. 2009. Vol. 45. No. 4. P. 928–941.

УДК: 371

Тулубеева Е. В.

кандидат филологических наук,
Московской государственной лингвистической
университет
(Москва, Россия)
evtulubeeva@mail.ru

**ОСОБЕННОСТИ РАБОЧИХ ПРОГРАММ ПО ИНОСТРАННОМУ
ЯЗЫКУ ДЛЯ БАКАЛАВРОВ НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ
«ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ»
В СООТВЕТСТВИИ С ФГОС ВО 3 ++**

В статье анализируются особенности содержания рабочих программ дисциплин по иностранному языку для бакалавров направления подготовки «Психолого-педагогическое образование», выстроенных на основе онтологий предметной области, компетенций и образовательной деятельности, которая обеспечивает связь программ с профессиональным стандартом в соответствии с требованиями ФГОС третьего поколения.

Ключевые слова: ФГОС ВО третьего поколения; профессиональный стандарт; рабочая программа; иностранный язык; онтологическая модель; универсальная компетенция; дескрипторы; деловая коммуникация

Tulubeeva E. V.

PhD (Philology), Associate Professor of the Department of Linguistics and Professional Communication in the Sphere of Humanities and Applied Sciences, the Institute of Humanities and Applied sciences, Moscow State Linguistic University
evtulubeeva@mail.ru

**FEATURES OF ACADEMIC COURSE WORKING PROGRAMMES
OF SECOND FOREIGN LANGUAGE FOR BACHELORS
IN THE DIRECTION OF TRAINING «PSYCHOLOGICAL AND PE-
DAGOGICAL EDUCATION» IN ACCORDANCE
WITH THE FSES HE 3++**

The article analyses the features of the content of academic course working programmes of a foreign language for bachelors in the direction of training «Psychological and pedagogical education» which are based on subject domain ontologies, competencies and educational activity which provides a link between programmes and the professional standard in accordance with the requirements of the FSES of the third generation.

Keywords: FSES HE of the third generation; professional standard; foreign language; universal competency; descriptors of competencies; academic course working programme; ontological model; business communication

Подразделения российских высших учебных заведений, осуществляющие подготовку студентов по определенной специализации, ежегодно выполняют задачу по разработке или актуализации рабочих программ дисциплин (РПД), реализуемых в рамках основных образовательных программ высшего образования (ООП ВО). В настоящее время нормативно-рекомендательной базой этого процесса служит утвержденная вузом Основная профессиональная образовательная программа (*далее* – ОПОП), созданная в соответствии Федеральным государственным стандартом высшего образования третьего поколения (ФГОС ВО 3++).

Цель настоящей статьи заключается в определении особенностей рабочих программ по иностранному языку по направлению подготовки «Психолого-педагогическое образование», реализуемому в Институте гуманитарных и прикладных наук ФГБОУ ВО МГЛУ в соответствии с ФГОС ВО 3++, и определении принципов их составления, которые необходимо учитывать сотрудникам кафедры лингвистики и профессиональной коммуникации в области гуманитарных и прикладных наук при их разработке и актуализации.

Федеральный государственный стандарт третьего поколения был обоснован и сформирован в ходе процесса профессиональной стандартизации, суть которого определяется взаимодействием рынка труда и системы высшего образования и проявляется в разработке профессиональных стандартов. ФГОС ВО 3++ по направлению подготовки 44.03.02 «Психолого-педагогическое образование» был утвержден Приказом Министерства образования и науки РФ от 22 февраля 2018 года № 122 «Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования – бакалавриат по направлению подготовки 44.03.02 Психолого-педагогическое образование». Последние изменения отражены в редакции приказа № 1456 от 26.11.2020 (https://fgosvo.ru/uploadfiles/FGOS%20VO%203++/Bak/440302_B_3_15062021.pdf).

Вследствие того, что действующий ФГОС – это стандарт прикладного бакалавриата, составители образовательных программ по иностранному языку должны учитывать такие ключевые понятия, как «профессиональный стандарт», «обобщенная трудовая функция», «компетенции».

Согласно ОПОП по направлению подготовки 44.03.02 «Психолого-педагогическое образование», реализуемой в Институте гуманитарных и прикладных наук МГЛУ, рабочие программы дисциплин, находящихся в фокусе нашего внимания – «Иностранный язык» и «Практический курс иностранного языка» – входят в обязательную часть программы бакалавриата и разрабатываются на основе одного профессионального стандарта *01.003 Педагог дополнительного образования детей и взрослых* (<https://linguanet.ru/upload/medialibrary/239/hbzmhghfn3xte7lehalb52c8xoryecoi.pdf>).

Все профессиональные стандарты описывают вид и цель профессиональной деятельности, включают ряд обобщенных трудовых функций, характеризующих профессию определенными трудовыми действиями – то есть умениями и знаниями, которые формируются в процессе обучения по основным образовательным программам и дополняются практическим опытом работы [Одарич, 2019, с. 176]. Анализируемые программы готовят будущих бакалавров к профессиональной деятельности в области *«Образование и наука (в сфере дошкольного, начального общего, основного общего, среднего общего образования, профессионального обучения, профессионального образования, дополнительного образования)»* и к решению задач педагогической и методической деятельности. Наряду с этим, освоение будет способствовать выполнению обобщенной трудовой функции *«организационно-методическое обеспечение реализации дополнительных общеобразовательных программ»* и позволит осуществлять такое трудовое действие, как *«посещение и анализ занятий и досуговых мероприятий, проводимых педагогическими работниками»*.

В соответствии с ОПОП рабочие программы по иностранному языку обеспечивают формирование универсальной компетенции УК-4 с наименованием «Коммуникация» и расширенной формулировкой *«способен осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на государственном языке Российской Федерации и иностранном(ых) языке(ах)»* (<https://linguanet.ru/upload/medialibrary/239/hbzmhghfn3xte7lehalb52c8xoryecoi.pdf>).

Особого внимания составителей программ дисциплин требуют индикаторы достижения компетенции и их дескрипторы – обобщенные

характеристики, уточняющие и раскрывающие формулировку компетенции в виде конкретных действий, которые устанавливаются выпускающей кафедрой. Приведем пример из программ по второму иностранному языку (французскому), послуживших материалом для нашего анализа:

- ✓ УК-4.3. Способен осуществлять деловую коммуникацию в устной и письменной формах на втором иностранном языке.
 - ◆ УК-4.3.1. Знает принципы и нормы деловой коммуникации в устной и письменной формах;
 - ◆ УК-4.3.2. Владеет вторым иностранным языком на уровне, достаточном для осуществления деловой коммуникации
 - ◆ УК-4.3.3. Способен осуществлять деловую коммуникацию на втором иностранном языке;
- ✓ УК-4.4. Способен переводить необходимый для деловой коммуникации текст.
 - ◆ УК-4.4.1. Знает необходимую лексику, основные правила грамматики;
 - ◆ УК-4.4.2. Умеет переводить тексты на профессиональные темы.

При разработке и актуализации содержательной части рабочих программ дисциплин мы выстроили ее на трех онтологиях: предметной области, компетенций и образовательной деятельности, основываясь на работах, посвященных регламентации и проектированию образовательной деятельности в соответствии с ФГОС ВО третьего поколения [Штолер, Япринцева, 2017].

Онтология предметной области определила необходимость учитывать области и сферы, типы задач профессиональной деятельности, в которой будет работать будущий бакалавр. Ключевыми понятиями для содержания наших программ стали понятия *дошкольное, начальное, среднее, дополнительное образование, задачи педагогической и методической деятельности, занятия, мероприятия.*

Таким образом, при разработке содержания программ дисциплин были введены некоторые виды и типы работ психолога-педагога со всеми возрастными группами (от воспитанников детского сада до студентов), обозначены некоторые объекты и территории профессиональной сферы (детский сад, начальная, средняя, старшая и высшая школы, развивающие центры, центры культуры и досуга). Наряду с этим, в тематическое содержание были внесены основные темы занятий и мероприятий, которые должны проводить педагогически работники, например, отношения между родителями и детьми, межличностное общение различных возрастных групп, правильное питание, психология труда, свободного времени, денег; влияние на детей музыки, чтения, кинематографа и т. п., виды психологической зависимостей. Например, важное место в программе «Практический курс второго иностранного языка» отведено таким темам, как воспитание патриотизма, формирование культурной идентичности школьников, ценности детей, подростков и молодежи в России и во Франции и т. д.

Онтология компетенций обязала нас при заполнении таблиц, содержащих так называемую расшифровку содержания дисциплины, структурированного по темам, а также раздела о тематическом содержании дисциплины, использовать принцип употребления элементов индикаторов и дескрипторов компетенций. Это позволило наиболее полно обеспечить связь с профессиональным стандартом. Ядром тематического содержания стали следующие ключевые понятия: *нормы деловой коммуникации, устная и письменная форма, перевод*. Каждый раздел содержит отсылку к различным языковым нормам: орфоэпическим, грамматическим или лексическим. Подчеркнем необходимость внесения в содержание рабочих программ таких видов аудиторной и самостоятельной работы, как составление письменной типовой деловой документации психолога-педагога (письма, мейлы, опросники, характеристики, письменные комментарии в профессиональное интернет-сообщество, сценарии бесед с детьми и подростками, программы мероприятий дополнительного образования и т. д.), а также организация ситуаций устного делового общения (программы круглых столов, дискуссии, проекты и кейс-стади).

Онтология образовательной деятельности включает такие понятия, как «знает», «умеет», «владеет», содержащиеся в дескрипторах индикаторов универсальной компетенции УК-4, которые определили принцип составления измерительных материалов (оценочных средств) с целью объективировать уровень сформированности каждого из дескрипторов. Приведем несколько примеров, иллюстрирующих связь «дескриптор компетенции – критерии оценки планируемых результатов – оценочное средство».

Дескриптор: умеет переводить тексты на профессиональные темы.

Оценочное средство – устный или письменный текст для перевода.

Критерии оценки (планируемых результатов) письменного и устного перевода: письменный или устный перевод, выполненный студентом, должен соответствовать следующим критериям:

- точно передавать смысл текста оригинала;
- отвечать критериям лингвистической правильности;
- показывать сформированные навыки употребления пройденного грамматического, лексического материала, владение пройденной тематической лексикой;
- устный перевод должен соответствовать орфоэпической норме деловой культуры и общей культуры общения;
- показывать умение обучающегося переводить тексты на профессиональные темы.

Дескриптор: знает принципы и нормы деловой коммуникации в письменной форме.

Оценочное средство – документ деловой коммуникации психолога-педагога (например, опросник или сценарий беседы).

Критерии оценки (планируемых результатов) составления документов письменной деловой коммуникации: документ, составленный обучающимся, должен отвечать следующим критериям:

- быть лингвистически правильным;
- показывать сформированные навыки употребления пройденного грамматического, лексического материала, владение пройденной тематической лексикой;
- соответствовать лексической, грамматической нормам письменной деловой коммуникации;

- показывать способность студента составлять типовые тексты деловой коммуникации на иностранном языке.

В заключение отметим, что принцип сочетания трех онтологий (предметной, компетентностной и образовательной), принятый за основу составления рабочих программ по иностранному языку третьего поколения, обеспечивает их связь с профессиональным стандартом в соответствии с требованиями ФГОС ВО третьего поколения и способствует подготовке специалистов, востребованных на отечественном рынке труда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Одарич И. Н.* Принципы актуализации основных образовательных программ с учетом требований ФГОС 3++ // *Азимут научных исследований: педагогика и психология.* 2019. Т. 8. № 2 (27). С. 176–179.
- Штолер Н. Н., Япринцева К. Л.* Учебная программа дисциплины: от регламентации к проектированию образовательной деятельности // *Высшее образование в России.* 2017. № 2. С. 78–85.

УДК 94

Уварова М. А.

кандидат исторических наук

Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Россия)

uvarovamaria82@gmail.com

ВТОРАЯ ИМПЕРИЯ И ЛИБЕРАЛЬНЫЕ РЕФОРМЫ ВО ФРАНЦИИ В 1860-е ГОДЫ

В статье рассматривается период проведения либеральных преобразований во Франции в эпоху Второй империи. Этот период интересен для исследователя тем, что, вопреки устойчивым представлениям об авторитарности режима Наполеона III, империя прошла через серию либеральных реформ в конце 1860-х годов. Хотя реформы проводились в интересах скорее власти, чем общества, они смогли открыть дорогу для дальнейших, более глубоких демократических преобразований в стране.

Ключевые слова: Вторая империя; бонапартизм; Наполеон III; либеральная империя; плебисцитарная демократия

Uvarova M. A.

PhD (History),

Moscow State Linguistic University
(Moscow, Russia)

uvarovamaria82@gmail.com

THE SECOND EMPIRE AND LIBERAL REFORMS IN FRANCE IN 1860S

The article examines the period of liberal reforms in France in the era of the Second Empire. Contrary to the stable ideas about the authoritarianism of the regime of Napoleon III, the empire went through a series of liberal reforms in the late 1860s. Although the reforms had been carried out in the interests of the authorities rather than the society, they opened the way for further, deeper democratic transformations in the country.

Keywords: The Second French Empire; bonapartism; Napoleon III; liberal empire; plebiscitary democracy

Вторая империя вошла в историю Франции как эпоха авторитарного режима Наполеона III. Однако в последние несколько лет своего существования эта политическая система претерпела серьезные изменения, заключавшиеся в либерализации отношений между государством и обществом. Этот период среди современников получил название «либеральная империя».

В течение 1850-х – первой половины 1860-х годов авторитарной власти удалось достичь значимых успехов в укреплении экономического, социального и внешнеполитического положения Франции. Однако всё это было достигнуто путем жесткого ограничения гражданских свобод, которых французы добились в ходе революции 1848 года. Целью авторитарного режима было создание системы социального компромисса и контролируемой демократии с ослаблением представительного органа, так называемой плебисцитарной демократии, при которой граждане могли выражать свое мнение преимущественно через назначаемый императором референдум. Такая система способствовала выходу страны из постреволюционного кризиса, но ко второй половине 1860-х годов она стала демонстрировать свою неэффективность и вызывать общественный протест. В этот же период всё громче стали звучать голоса оппозиционных партий – либералов и республиканцев.

В историографии, как отечественной, так и зарубежной, эпоха либеральных реформ долгое время не получала широкого освещения и глубокого анализа. Только в недавнее время во Франции стала формироваться историографическая школа, возрождающая интерес исследователей к этому периоду и нацеленная на изучение его на основе широкого круга архивных документов (см. Anceau E. “Napoléon III, un Saint-Simon à cheval”; Anceau E. “Ils ont fait et défont le Second empire”; Milza P. “Napoleon III”; Price R. “People and politics in France (1848–1870)”; Tulard J. “Pourquoi réhabiliter le Second Empire?”). Следовательно, перед современной российской историографией появляется задача вслед за зарубежными коллегами начать разностороннее изучение этого периода, который, как показывают документы, имел ключевое значение для социально-политической истории Франции XIX века.

Еще в конце 1850-х годов начали оформляться идеи либеральной оппозиции, во главе которой встал молодой депутат парламента Эмиль Оливье. Впоследствии ему предстоит возглавить процесс проведения реформ. Требования оппозиции включали в себя возвращение свободы прессы и собраний, проведение свободных выборов без административного давления, возвращение парламенту права законодательной инициативы, решение ряда социальных проблем, в том числе и вопроса о трудовых правах рабочего класса. Либеральная программа не была востребована в период стабильности положения империи, однако к середине 1860-х годов, когда страну начали преследовать неудачи во внешней политике и внутренние социально-экономические неурядицы, общество обратило внимание на либералов. Одновременно сам император, озабоченный сохранением своего авторитета, стал задумываться о либерализации созданного им режима. В итоге в январе 1867 года император в своей ежегодной тронной речи объявил о начале реформ, призванных «укрепить стабильность свободой» [Ollivier, 1912, т. 16, с. 432].

Одной из первоочередных задач, поставленных программой либералов, была перестройка системы государственного аппарата. Наибольшее недовольство оппозиции вызывало отсутствие принципа ответственности министров перед Законодательным корпусом. В 1867–1869 годах была принята серия законов, обязывающих министров отчитываться перед парламентом, отвечать на депутатские запросы и участвовать в парламентских дебатах. Ярким свидетельством победы оппозиции стало то, что в 1870 году император распустил действующее правительство и назначил премьер-министром Оливье, который сформировал министерство из числа своих сторонников – либералов и сочувствовавших реформам бонапартистов (L'Opinion nationale. 02.01.1870).

Другой серьезной проблемой оставалось положение Законодательного корпуса. Недовольство либеральной оппозиции вызывало то обстоятельство, что согласно конституции 1852 года он был лишен законотворческой инициативы и имел только совещательное право. В самом начале эры реформ, 19 января 1867 года, император подписал новый закон, по которому депутаты могли подавать запрос правитель-

ству в случае отклонения их предложений или по поводу нуждающегося в рассмотрении вопроса; также отменялась статья закона 1860 года, предписывающая парламенту лишь голосовать за или против адреса правительству. Осенью 1869 года в Конституцию была внесена поправка, согласно которой любая новая поправка к основному закону должна была обсуждаться сначала в парламенте, затем передавалась в правительство, после – в Государственный совет. Если он отвергал предложение правительства, то проект возвращался в Законодательный корпус, определяющий его судьбу.

Одним из самых болезненных вопросов эпохи Второй империи была свобода прессы – точнее, ее отсутствие по причине цензуры. Существовала отдельная статья по «преступлениям прессы», в ней говорилось, что закрытию подлежал любой журнал, критиковавший особу императора или действия правительства. Оливье полагал, что с прессы нужно снять уголовную ответственность и рассматривать «преступления» наравне с обычными гражданскими делами; также либералы добивались права для любого гражданина свободно публиковать периодическое издание без предварительного денежного взноса. Однако императору этот проект показался чересчур либеральным, и в итоге парламент принял предложенный им более умеренный проект – всего-навсего отменялась предварительная цензура прессы, но сохранялась цензура после выхода издания. Такие изменения в законодательстве позволяли выйти в свет немалому количеству новых журналов различной направленности, но не снимали с их издателей угрозы штрафа или тюремного заключения.

Еще одна свобода, которой Франция была фактически лишена в годы Второй империи и которая беспокоила либералов, – это свобода собраний, в том числе и предвыборной агитации. Оливье полагал, что ее отсутствие противоречит закрепленному в Конституции принципу всеобщего избирательного права – получалось, что оно, по сути, функционировало только в период референдумов. Согласно новому закону собрания отныне могли проводиться без предварительного уведомления полиции, хотя присутствие на них полицейских наблюдателей сохранялось. Эта поправка к законодательству имела решающее значение – во Франции периода 1869–1870 годов широко развернулась

свобода дебатов и уличной агитации, что также позволило оппозиционным партиям донести свои программы до широких масс [Ollivier, 1912, т. 6, с. 447; Gambetta, 1880, т. 1, с. 1].

Отличительной чертой Второй империи была широкая социальная программа. Наполеон III, следуя своей концепции социального примирения и объединения интересов всех слоев общества, считал необходимым уделить внимание рабочему вопросу. Такая политика была продиктована реальным положением дел: после революции 1848 года произошли серьезные изменения в самосознании и требованиях рабочих. Они оформились как самостоятельная социальная группа, достаточно многочисленная и организованная для борьбы за свои права. Изменения в рабочем законодательстве были сделаны еще до начала либеральных реформ. В 1864 году указом императора был отменен восстановленный после революции 1848 года и вызывавший наибольшую ненависть рабочих и социалистов закон Ле Шапелье (1791), запрещавший создание объединений рабочих на предприятиях. Отныне рабочие получали право организовывать коалиции для переговоров с работодателем и собственные собрания для обсуждения различных острых вопросов. Это привело к росту социальной активности рабочих [Price, 2004, с. 430]. Документы того времени свидетельствуют, что эти собрания были многочисленными, мирными и редко разгонялись полицией, то есть получили легальный статус (*L'Avenir national*, 25.05.1869).

У Франции появилась возможность высказать свое отношение к либеральным реформам во время парламентских выборов весной 1869 года и народного референдума весной 1870. Эти события подвели итоги реформ и выявили изменения в общественных настроениях, произошедшие за последние несколько лет империи. Оба голосования показали, что, начиная с 1867 года, во всех регионах страны начала расти популярность оппозиционных кандидатов – либералов и республиканцев, получивших свободу агитации благодаря новым законам. География политических предпочтений французов выглядела предсказуемо: оппозиция была наиболее популярна в Париже и крупных промышленных городах, в то время как аграрные районы оставались верны императору – крестьянство по-прежнему считало его единственным

гарантом порядка и процветания. В ходе парламентских выборов впервые в истории империи депутатами Законодательного копуса стали представители республиканцев (*L'Opinion nationale*, 25.05.1869). Убедительную победу одержали либералы – благодаря союзу с императором они утратили свой статус оппозиции и воспринимались обществом как руководители предложенной императором программы реформ, как умеренная сила, компромисс между свободой и порядком [Girard, 1960, с. 32]. Таким образом, по итогам выборов страна раскололась на два течения – либерально-реформистское (поддерживавшее империю) и республиканское (радикальное, стремившееся к ее ликвидации).

Аналогичными оказались процесс и результат плебисцита 8–9 мая 1870 года. Наполеон III предложил провести его с целью узнать мнение Франции о реформах. Для императора плебисцит как прямое обращение к народу имел первостепенное значение: ведь некогда голос всей нации одобрил его режим и стал его опорой.

На грядущем плебисците предполагалось поставить вопрос: одобряет ли нация политику императора и новую Конституцию? Новая Конституция была разработана с учетом новых поправок к законам при участии Оливье и его соратников-либералов. Относительно характера власти и политической системы Конституция, с одной стороны, признавала своей основой принципы Декларации прав человека и гражданина 1789 года, с другой – всё же не вводила четкого разделения властей: законодательная власть распределялась между монархом и парламентом. При этом основой легитимности власти по-прежнему признавались всеобщее избирательное право и народный референдум (*Journal officiel*, 20.04.1870).

По поводу плебисцита в обществе развернулись широкие дебаты. Умеренная оппозиция, либералы, призывала одобрить Конституцию: по их мнению, она защищала страну от революции. Республиканцы предлагали ее бойкотировать, ибо для них она лишь укрепляла авторитарную власть императора [Girard, 1985, с. 81; Zeldin, 1958, с. 146].

По итогам плебисцита 8–9 мая 1870 около 82 % населения проголосовало в поддержку реформ и поправок к Конституции. Результат в плане географии был достаточно предсказуем – «против» высказались

Париж и крупные города, где было сильно влияние республиканцев. Сельская Франция осталась верна империи. Многие из тех, кто одобрил конституцию, голосовали не в поддержку империи, а против революции, за социальный порядок, в надежде на постепенные перемены [Price, 2004; Tulard, 1995].

Реформы 1860-х годов были проведены в русле либеральной идеологии, но их результаты, как ни парадоксально, ослабили либеральное течение. Прежде всего, либералы, сумев получить поддержку императора, утратили статус оппозиции и по сути своей перестали быть таковой. Франция сделала выбор не столько в пользу реформизма, сколько в поддержку сохранения империи, для большинства населения воплощавшей порядок и благополучие. Изначальной целью этих реформ было сохранение и упрочение Наполеоном III собственной власти и авторитета, поэтому либеральные идеи всего лишь послужили средством реализации проекта императора. Именно поэтому либеральное движение, само того не желая, стало на некоторое время новой государственной идеологией. Тем не менее выборы и плебисцит были проведены в обстановке свободной агитации, поскольку новые законы позволили снять административное давление с оппозиционных партий. Это, в свою очередь, поспособствовало укреплению республиканского движения, впоследствии возглавившего свержение Второй империи.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Gambetta L.* Discours et plaidoyers politiques. Paris : Ed. G. Charpentier, 1880. V. 1.
- Girard L.* Les élections de 1869. M. Rivière et Cie La Roche-sur-Yon, Impr. Centrale de l'Ouest, 1960.
- Girard L.* Les libéraux français. 1814-1875. Paris : Aubier, 1985.
- Ollivier E.* L'Empire libéral: 18 vol. Paris : Hachette, 1912. Vol. 16. Le Suicide. Premier acte: Woerth. Forbach. Renversement du ministère.
- Price R.* People and politics in France (1848–1870). Cambridge : Cambridge University Press, 2004.
- Tulard J.* Pourquoi réhabiliter le Second Empire? Colloque présidé par Jean Tulard. Palais de Congrès de Paris, 1995.
- Zeldin T.* The political system of Napoleon III. Macmillan & Co, 1958.

УДК 81'25

Феоктистова А. В.

Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Россия)
anna.v.fe@mail.ru

РОЛЬ ПЕРЕВОДА В ФОРМИРОВАНИИ МИНЕРАЛОГИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ В XVIII ВЕКЕ

В статье рассматривается роль перевода как фактора развития минералогической терминологии в русском языке в XVIII веке. Анализируются различные переводы с немецкого языка, так как это были самые влиятельные работы в данной области в рассматриваемый исторический период. Также в статье исследуется специфика научного перевода в области минералогии XVIII века, переводческие приемы и тактики на лексическом, синтаксическом и структурном уровнях.

Ключевые слова: история перевода; минералогия; горное дело; Санкт-Петербургское горное училище; калькирование; адаптация

Feoktistova A.V.

Moscow State Linguistic University,
(Moscow, Russia)
anna.v.fe@mail.ru

THE ROLE OF TRANSLATION IN SHAPING MINERALOGICAL TERMINOLOGY IN RUSSIAN IN THE XVIII CENTURY

The article deals with translation as a factor of terminology development in the field of mineralogy in Russia in the XVIII c. Special attention is given to the historical background of the science in Russia and Germany, because it was mostly the works in the German language that made a huge contribution to the development of both scientific and practical mineralogy in Russia. The specifics of scientific translation in the field of mineralogy in the XVIII c. as well as the translators' tactics and techniques are studied.

Keywords: translation history; mineralogy; mining; Saint Petersburg Mining College; loan translation; adaptation

Становление терминологического аппарата любой науки неразрывно связано с развитием самой науки. Горнорудное дело в России получило активное распространение при Петре I, в 1700 году был основан Приказ рудокопных дел для организации поисков и добычи полезных ископаемых, началась активная добыча металлов, руд и полезных ископаемых на Алтае, в Приволжье, Приуралье, Сибири и Карелии. Так как это являлось относительно новой отраслью в России, возникла необходимость создания понятийно-терминологического аппарата для описания минералов, процесса их добычи и иных понятий, связанных с горным делом. На формирование терминологии в области минералогии и горного дела большое влияние оказали переводы с немецкого (работ И. Г. Лемана, Ф. Л. Канкрина, А. Ф. Кронштедта, А. М. Цеплихаля, Ф. Я. Шурера, И. Т. Эллера, И. Ф. Генкеля и др.), с латинского (Дж. А. Скополи) и французского языков.

В 1773 году по распоряжению императрицы Екатерины II в Санкт-Петербурге было основано Горное училище, где, помимо изучения общеобразовательных и специальных предметов, предусматривалась также самостоятельная работа студентов. В свободное от занятий время студенты Горного училища должны были «с ревностью трудиться в переводах иностранных книг, касающихся до производства горных и заводских работ и составления разного рода потребных к тому машин, пользуясь, с одной стороны, сами почерпаемым из оных знанием, а с другой, делая тем самым услугу, как отечеству, так и всем заводчикам, которые, не имея искусных к тому руководству людей и не получая от правительств горных надлежащих наставлений, не пользуются отнюдь еще прямо тем, что чрез искусство и прилежность с потребною переменою плавильных работ получать должны» [Устав Горного Училища ... 1774, с. 8]. Из этой выдержки из Устава училища видно, что переводу отводилась ключевая роль в приобретении знаний как для образования будущих специалистов горного дела, так и для развития горной промышленности. И именно недостатком переводных сочинений и заимствованного через них знания объясняется отставание производства.

При Горном училище в Санкт-Петербурге в 1775 году была основана типография, целью которой, по замыслу инициатора М. Ф. Соймонова,

было улучшение системы управления горным делом с помощью печатных документов, которые облегчили бы труд служителей на местах. В стенах типографии увидел свет ряд переводов по минералогии и горному делу. Все выполненные переводы были сначала заслушаны и одобрены «Собранием к сочинению Российского словаря и к слушанию переводимых книг». В основном, как мы упоминали ранее, переводили книги с немецкого языка. Среди переводов, вышедших в типографии, были «Кобальтословие или описание красильного кобальта по званию, породам и месторождению оногo» И. Г. Лемана в переводе переводчика Берг-коллегии И. И. Хемницера (1778) (нем. Cadmiologia oder Geschichte des Farben-Kobolds nach seinen Nahmen, Arten, Lagerstaedten darbei brechenden Metallen, Mineralien, Erzten und Steinen); «Рассуждение о фосфорах, их разном приготовлении; пользе и других встречающихся при том примечаниях» И. Г. Лемана в переводе студента училища П. Бабошина (1780) (нем. Abhandlung von Phosphoris, deren verschiedener Bereitung, Nutzen und andern dabei vorkommenden Anmerkungen); «О роговой руде, как новом виде серебряной руды» Х. И. Ломера в переводе студента Н. Иконникова (1780) (нем. Abhandlung vom Hornerze als einer neuen Gattung Silbererz) и др.

Помимо Горного училища, большой вклад в перевод литературы, связанной с минералогией и горным делом, внесли члены Вольного экономического общества. Одним из егосоздателей был немецкий минералог и горный инженер Иоганн Готлоб Леман, который оказал значительное влияние на развитие минералогии и горнорудного дела как у себя на родине, так и в России. Будучи директором Императорского кабинета природных материалов, И. Г. Леман сделал несколько открытий: в частности, обнаружил на Урале оранжево-красный минерал хромат свинца, который он назвал красной свинцовой рудой. Выше упомянуты некоторые его работы, а также их переводы. Сюда можно добавить перевод «Минералогии» членом Берг-коллегии монетного департамента и членом Вольного экономического общества А. А. Нартовым (нем. Entwurf einer Mineralogie); однако многие из работ И. Г. Лемана остались за рамками перевода на русский язык.

В своей работе переводчики использовали **калькирование** (под данным термином мы, вслед за К. И. Таунзенд, понимаем «поэлементное воспроизведение оригинала на разных уровнях текста: лексическом, синтаксическом, структурном» [Таунзенд, 2021, с. 196]. На лексическом уровне примерами могут служить нем. *Mondmilch* и *Tropfstein* [Lehman, 1761, с. 2], которые в переводе И. И. Хемницера предстают перед читателем как «*лунное молоко*» и «*каплющий камень*» соответственно [Хемницер, 1778, с. 2]; нем. *Farben* и нем. *Kobold* – в переводе того же И. И. Хемницера – *красильный кобальт*, где *красильный* – русский аналог немецкого *Farben*, и *кобальт* – заимствование. Приведем пример калькирования на синтаксическом уровне: *Es ist noch nicht so fern lange, daß man angefangen hat, auch diesen Theil der Natur-geschichte in eine systematische Ordnung zu bringen.* [Нартов, 1772]. *He весьма давно, как начали и сию часть данной истории в систематический порядок приводить* [Lehman, 1769, с. 1].

Наряду с калькированием, при переводе активно используется **адаптация**. Под термином «адаптация» мы понимаем противоположный калькированию метод, означающий переработку или переложение оригинала, т. е. свободное обращение со всеми структурными элементами исходного текста, включающее добавления, опущения, компрессию, пересказ [Таунзенд, 2021, с. 196]. Например, для перевода нем. *Phosphoren* у И. Г. Лемана студент Горного училища П. Бабошин предлагает два варианта наименования: первый вариант путем использования готового соответствия – *фосфоры*, (тем более, что слово уже достаточно закрепилось в русском языке к тому времени), а второй вариант – путем создания неологизма **светоносцы**. Причем переводчик явно отдает предпочтение именно этому варианту. В предисловии к работе автор немецкого текста описывает этимологию слова *phosphoren* (греч. *фос*, обозначающее свет, и *феро* – несу. Таким образом, получается несущий свет или «*светоносная вещь*»). Именно это описание в оригинале позволяет переводчику предложить вариант **светоносцы**. В названии работы, однако, переводчик сохраняет «Разсуждение о *фосфорахъ*, их разном приготовлении, пользе и других встречающихся при том примечаниях», и дальше в работе время от времени использует слово *фосфоры* как синоним. По аналогии

со **светоносцами** переводчик, описывая «противное действие, именно делается темно, и для того называет он сие **темноносцем**» [Бабошин, 1780, с. 27]. В скобках приводится заимствование из оригинала (*скотофором*, нем. *Scotophorum*).

Еще одним примером адаптации у того же автора может служить добавление к оригиналу *Johannis würmer* – *Ивановы* или *светящиеся червячки*, к чему П. Бабошин добавляет синоним «от себя» – *божьи коровки*.

На синтаксическом уровне вариантом адаптации при помощи сокращения оригинала может служить следующий пример:

Abhandlung von Phosphoris...	Рассуждение о фосфорах...
<p>«Hier aber handeln wir von diesem leßtern gar nicht, sondern wir sind bloß willens bei denenjenigen Körpern stehen zu bleiben, welche entweder von sich selbst, oder durch die Kunft bereitet, leuchten, und zum Theil brennen, ohne daß man ein würchliches oder so genanntes grobes Küchen Feuer an ihnen erblicken kan. <i>Hierzu gehöret nun, daß wir uns vor allen Dingen eine rechte Eintheilung davon machen. Es liegt solche auch bereits in meiner glich vorher gegebenen Beschreibung. Hemlich man kan solche zugleich in Natürliche und gefünstelte eintheilen.</i> Wir wollen jede Art besonders vornehmen, und so viel als uns deren beifallen warden, kürzlich nebst ihrer Bereitung anführen» [Lehman, 1750, с. 6].</p>	<p>«Слово мое ни мало не касается до утренней сей звезды, но намерен я предложить токмо о тех телах, кои или сами собою, или искусством преуготовленныя, светят и отчасти жгут, хотя действительного, или так называемого грубого огня на них не усматривается. <i>Светоносцы сии, по данному выше описанию, удобно можно разделить на естественныя и искусственныя.</i> О каждом из сих виде представлю я в особливости, сколько мне оных на мысль придет, и кратко покажу их приуготовление» [Бабошин, 1780, с. 1].</p>

В данном примере переводчик сокращает три высказывания оригинала до одного, делая необходимые изменения в своем переводе для сохранения смысла повествования. На наш взгляд, в данном случае

это сделано переводчиком для удобства восприятия читателем путем устранения элементов, не несущих релевантную информацию, но отражающих стилистическую традицию оригинала.

На структурном уровне элементы адаптации можно проследить в начале перевода, где переводчик, как правило, добавляет небольшое введение от себя, кратко описывая свои цели, стремления, и всегда посвящает свой перевод в традиции эпохи какому-либо высокопоставленному лицу. Так, переводчик «Минералогии» Лемана посвятил свой труд князю А. А. Вяземскому, а если говорить о переводах, выполненных в стенах Горного училища, то предисловие переводчика обращено к инициатору и директору Училища на момент публикации перевода Михаилу Федоровичу Соймонову. Подобное посвящение своего труда автором или, в нашем случае, переводчиком не является, конечно, признаком исключительно научных текстов. Оно характерно для всей литературы XVIII века. В остальном переводчики следовали структуре оригинала, полностью соблюдая логику повествования исходного текста.

В ходе анализа выбранных нами работ И. Г. Лемана и их переводов обнаружилось интересное примечание на последней странице перевода студента П. Бабошина. Там указаны две «погрешности», одна из которых касается, по-видимому, типографической ошибки (вместо *алудем* предлагается вариант *алуделем*, а другая представляет для нас интерес: вместо «с виноградною и дрожжевою водкою» в «погрешностях» указано читать как «с французскою водкою».

Abhandlung von Phosphoris...	Рассуждение о фосфорах...
«Das übrigens die Praparata von phosphoris anlangt, als phosphorascherender Spiritus Vini, da man ein wenig Phosphorum mit Nelkenöhl anreibt, und mit <i>Wein</i> – <i>Hefen-Brandtwein</i> vermengt,...» [Lehman, 1750, с. 21].	В прочем что касается до других светоносных приготовлений, как то светоносящего винного спирта, который составляют, растирая не много фосфора с гвоздичным маслом, и смешивая сие с <i>виноградною и дрожжевою водкою</i> » [Бабошин, 1780, с. 28].

Таким образом, при анализе переводов работ, посвященных минералогии и горному делу, выявляется переводческая тенденция использовать **калькирование** и **адаптацию**, причем во многих случаях эти два взаимоисключающих приема используются одновременно, как в случае с *Ивановыми червячками (божьи коровками)*, где *Ивановы червячки* – калька с немецкого, а *божьи коровки* – добавление, т. е. элемент адаптации. Такая переводческая тактика использования двух противоположных друг другу приемов, или «антиномия калькирование – адаптация» [Таунсенд, 2021, с. 196] характерна для всей переводной литературы рассматриваемого исторического периода.

Таким образом, к концу XVIII столетия в российской минералогической науке существовал целый ряд переведенных документов. Иногда это были переводы одного и того же автора, выполненные разными переводчиками (как в случае с И. Г. Леманом, Ф. Л. Канкриным), и в таких случаях наблюдались некоторые несовпадения переводов одного и того же немецкого термина в разных переводах. Так, например, немецкое *das Mineral* у Лемана в переводе Хемницера в подавляющем большинстве получало вариант *ископаемое* (либо *ископаемое тело*), однако иногда переводчиком допускался вариант *минерал*, из чего мы делаем вывод, что Хемницер рассматривал данные единицы как синонимы, но отдавая предпочтение варианту *ископаемое*. Другие переводчики выбирали заимствованный вариант *минералы* и придерживались его на протяжении всей работы.

Cadmilogia oder...	Кобальтословие или...
<p>«Kobold, Kobald hat seinen Nahmen ohnsehbar von denen Alten daher erhalten, weil sie <i>dieses Mineral</i> und dessen Nutzen nicht gekennet, sondern es vor eine eben so schädliche und gefährliche Bergart gehalten, als der Bergeist ihnen zu sein geschienen...» [Lehman, 1761, с. 3].</p>	<p>Кобольт, кобальт получил наименование сие безсомненно от древних, по тому что <i>ископаемое</i> сие тело и польза онаго безызвестны им были; а считалось за столь же вредительный и опасный горный род, сколько им горный дух быть казался...» [Хемницер, 1778, с. 2].</p>

Mineralogie	Минералогия
«Die Mineralogie ist diejenige Wissenschaft, welche uns die <i>Mineralen</i> nach ihrer Gestalt, äuserlichen Beschaffenheit Verhältniß gegen andere Körper, Nutzen und Gebrauch...» [Lehman, 1769, с. 1].	«Минералогия есть такая наука, которая учит нас познавать <i>минералы</i> по их виду, наружному состоянию, содержанию противу других тел, по пользе и употреблению...» [Нартов, 1772, с. 1].

Подобного рода несоответствия могли привести к путанице в практическом использовании переводных документов, и стала очевидна, необходимость систематизации накопленных знаний. В 1790 году члены Вольного экономического общества издали минералогический словарь на немецком, латинском (так как основные работы на данную тему были написаны именно на этих языках) и русском языках, приняв «труд собрать из лучших систематических авторов слова трех царств природы, как то ископаемых веществ, растений и животных» [Словарь минералогический ... 1790, с. 2]. Целью данного труда являлось, с одной стороны, облегчить работу переводчиков, а с другой – понимание для читателей, не сведущих в рудословии. Предисловие к словарю написано на русском и немецком языках, что подтверждает влияние немецкой научной школы минералогии на становление и развитие данной науки в Российской империи.

Чуть позже, в 1807 году, академиком, статским советником В. Севергиным был составлен подробный минералогический словарь, «содержащий в себе подробное изъяснение всех в минералогии употребительных слов и названий, также все в науке сей учиненныя новейшие открытия». Помимо минералогического словаря, в 1798 году Севергин написал «Первыя основания минералогии или естественной истории ископаемых тел».

Таким образом, можно утверждать, что переводы в области минералогии в России XVIII веке предшествовали появлению специальных словарей, представляющих номенклатуру данной отрасли науки, и оригинальных научных сочинений, описывающих систему понятий и категорий горного дела. Мы говорим о предшествовании, безусловно,

не в чисто хронологическом смысле, а, скорее, в когнитивном отношении, когда перевод являлся неотъемлемым этапом приобретения/заимствования знания в предметной области. Уже по одной этой причине специальный перевод заслуживает изучения как фактор развития национальной науки на определенном историческом этапе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабошин П.* Рассуждение о фосфорах, их разном приготовлении; пользе и других встречающихся при том примечаниях. СПб., 1780.
- Нартов А. А.* Иоганна Готлоба Лемана, королевского прусского горного советника, Императорской Академии наук химии профессора и члена; Минералогия. СПб., 1772.
- Словарь минералогический, Старанием Вольного Экономического Общества изданный 1790 года. СПб: При Имп. Акад. наук, 1790.
- Таунсенд К. И.* Перевод как фактор развития национального языка и культуры России XVIII в.: дис. ... доктора филол. наук. М., 2021.
- Устав Горного Училища, основанного по имянному указу Ея Императорского Величества всемилостивейшия государыни Екатерины Вторья в 28 день июня 1774 года. СПб., 1774.
- Хемницер И. И.* Кобальтословие или описание красильного кобальта по званию, породам и месторождению оногo. СПб., 1778.
- Lehmann J.* Abhandlung von Phosphoris, deren verschiedener Bereitung, Nutzen und andern dabei vorkommenden Anmerkungen. Dresden, Leipzig, 1750.
- Lehmann J.* Cadmiologia oder Geschichte des Farben-Kobolds nach seinen Nahmen, Arten, Lagerstaedten darbey brechenden Metallen, Mineralien, Erzten und Steinen. Königsberg, 1761.
- Lehmann J.* Entwurf einer Mineralogie. Frankfurt und Leipzig, 1769.

УДК:070

Ханова А. Г.

кандидат филологических наук

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
(Москва, Россия)

ag.khanova@igsu.ru

ПЕРИОДИКА РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ В ЭПОХУ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В статье представлены российские и зарубежные электронные каталоги, цифровые архивы периодики русского зарубежья, позволяющие получить доступ к наследию русской эмиграции не только исследователей, но и самой широкой аудитории.

Ключевые слова: русское зарубежье; газеты и журналы русской эмиграции

Khanova A. G.

PhD (Philology)

Russian Academy of National Economy and Public Administration
(Moscow, Russia)

ag.khanova@igsu.ru

THE PERIODICALS OF THE RUSSIAN DIASPORA IN THE AGE OF DIGITALISATION

The article presents Russian and foreign electronic catalogs, digital archives of periodicals of the Russian diaspora, allowing access to the heritage of the Russian emigration not only by researchers, but also by the widest audience.

Keywords: Russian diaspora; newspapers and magazines of the Russian emigration

Помимо значительного объема оригинальных экземпляров газет и журналов русской эмиграции XX века, собранных в библиотечных фондах России и зарубежных стран, для исследователей русского зарубежья сегодня доступны электронные каталоги и архивы с полнотекстовой версией печатных изданий. Список онлайн-ресурсов постоянно пополняется новыми изданиями. Рассмотрим некоторые из них.

В России наследие издательского дела русского зарубежья представлено в ведущих библиотеках страны, в том числе в электронном формате. На сайте Российской государственной библиотеки (Москва) нет единого каталога русскоязычных зарубежных изданий, однако в электронном каталоге РГБ можно найти газеты и журналы всех волн эмиграции, представленные в Фонде отдела русского зарубежья.

В электронной библиотеке Государственной публичной исторической библиотеки России представлены цифровые копии коллекции газет русского зарубежья ГПИБ из 167 источников – преимущественно 20–30-х годов издания. Среди газет – как самые популярные и влиятельные источники в среде русских эмигрантов первой волны («Дни» и «Руль» (Берлин), «Заря» (Харбин), «Последние новости» (Париж), «Сегодня» (Рига) и др.), так и менее заметные («Голос Руси» (Нью-Йорк), «Казачьи думы» (София), «Наша газета» (София), «Новая Россия» (Вена) и др.). В электронном каталоге можно получить информацию по следующим параметрам: тип издания, библиографическое описание, заглавие, параллельное заглавие, сведения, относящиеся к заглавию, сведения об ответственности, место издания, время выхода (для периодики), периодичность, имеющиеся экземпляры, коллекции, комментарии. В комментариях, в частности, отмечается, насколько хорошо сохранился тот или иной экземпляр, есть ли следы реставрации и потертости на сгибах. Вся эта информация позволяет исследователям получить представление о том, какой именно источниковый материал, в каком объеме и состоянии представлен в хранилищах библиотеки.

Российская национальная библиотека (Санкт-Петербург) также предлагает своим читателям ознакомиться с периодикой русского зарубежья в электронном каталоге библиотеки на сайте. Здесь можно получить сведения о наличии тех или иных изданий русской эмиграции в электронных библиотеках и цифровых коллекциях газет и журналов как в зарубежных, так и в российских библиотеках. К каждой записи прилагается аннотация, которая содержит информацию обо всех цифровых архивах, имеющих электронные копии конкретного документа (в том числе в самой РНБ), доступе к ним (платно/бесплатно),

формате документа (сканы, микрофильмы, PDF и др.). В своем электронном каталоге РНБ при поиске периодики русского зарубежья преимущественно отсылает к зарубежным цифровым архивам. Всего в электронном каталоге библиотеки представлено 6 120 наименований, ссылок на цифровые копии – 1 943.

Наследие русского зарубежья собрано в уникальном проекте «Эмигрантика. Сводный каталог периодических изданий русского зарубежья», основанного в 2009 году старшим научным сотрудником отдела русской литературы конца XIX – начала XX века ИМЛИ РАН Олегом Коростылевым (в настоящее время проект курирует библиотека Дома русского зарубежья). На сайте «Эмигрантики» представлены: сводный каталог периодики русского зарубежья, литературные журналы русского Парижа, а также список всех российских и зарубежных архивов, в которых хранится уникальное наследие русской эмиграции. Источники собраны как в алфавитном порядке, так и по отдельным странам. По наиболее заметным изданиям русского зарубежья можно найти целый ряд сведений по следующим категориям: издатель, главные редакторы, ответственные редакторы, основные сотрудники, библиография, электронные версии. По менее значимым изданиям представлена информация о месте и датах выхода, а также месте хранения печатных оригиналов.

О масштабах проекта можно судить по ареалу охвата представленного материала. «На данный момент учтены основные эмигрантские издания, а также русскоязычная периодика, выходившая в странах-лимитрофах, на оккупированных территориях, в лагерях военнопленных и ди-пи, советские пропагандистские издания, основанные за границей и предназначенные для распространения за пределами СССР, и другие издания, не учитываемые обычно в советских каталогах (лишь в редких случаях включались в список армейские, дивизионные и др. газеты, выпускавшиеся в период дислокации подразделений советской армии за рубежом, издания постпредств, торгпредств и других советских организаций, предназначенные для внутреннего пользования, однако включались издания союзов возвращения на родину и других подобных организаций, предназначенные для пропаганды в эмигрантской среде и таким образом являвшиеся составной частью

постоянного чтения русского зарубежья)» (<http://arseniever.ru/project/about/>). На сегодняшний день это самый полный сводный каталог изданий русского зарубежья в электронном формате.

Помимо поддержки «Эмигрантики», библиотека Дома русского зарубежья в свою очередь предлагает ознакомиться с собственным фондом периодики всех волн эмиграции (число наименований – более 900). В электронном каталоге библиотеки доступен поиск по названию изданий, представлена информация о типе издания, месте издания, его периодичности, главных редакторах, доступных для ознакомления номерах. Знакомство с представленными в каталоге газетами и журналами русской эмиграции выявляет существенные лакуны в комплектах изданий. Однако существующие фонды постоянно пополняются электронными копиями, ведется активная работа по оцифровке изданий 1920–1940-х годов с целью уменьшения нагрузки на оригинальные экземпляры. Цифрового архива периодики на сайте библиотеки нет.

Небольшой по охвату, но значимый для исследователей русского зарубежья проект появился и вне традиционных библиотечных фондов. На сайте музея истории Дальнего Востока имени В. К. Арсеньева (Владивосток) представлены русскоязычные зарубежные газеты преимущественно второй и третьей волн эмиграции по географическому признаку (по странам издания). О каждом из изданий здесь можно получить следующие сведения: заглавие, параллельное заглавие, подзаголовки, издатели, редакторы, авторы, периодичность издания, страна и город издания, начало издания, окончание издания, типографии, в каких странах издание распространялось, информация о наличии экземпляров издания в коллекции музея им. В. К. Арсеньева. Отличает электронный каталог Музея от других ресурсов то, что в нем также представлена историческая справка по каждому из изданий.

Создатели проекта ставят перед собой амбициозные задачи: «максимально полно описать и структурировать широкий пласт сведений, содержащихся в фонде Русской Зарубежной прессы, а также обобщить накопленную информацию по истории эмигрантской периодики». Фонды, собранные в рамках проекта, формировались в разные годы и из разных источников, однако «большую часть коллекции составили

русскоязычные периодические издания, увидевшие свет в США, Канаде, странах Южной Америки, Западной и Восточной Европы, а также в Китае в 1920-х – середине 1990-х гг., переданные в дар музею из частных собраний русских эмигрантов Н. Н. Протопопова и Н. А. Шереметова, проживавших в США с 1950–1960-х гг.» (<http://emigrantika.imli.ru/cat2010>). На сегодняшний день на сайте представлены 49 изданий из девяти стран мира.

Газеты и журналы русского зарубежья представлены также во многочисленных зарубежных электронных каталогах и архивах. Наиболее полные комплекты некоторых изданий с небольшими лакунами можно найти на сайтах различных образовательных и культурных учреждений за рубежом. Так, в библиотеке Университета Северной Каролины (США) хранятся цифровые копии периодики и книг русской эмиграции XIX–XX веков (1863–1983 годы), собранные французским букинистом, потомком русских эмигрантов Андреем Савиным. 1 070 источников доступны сегодня для чтения в разных форматах. А в библиотеке Принстонского университета (США) представлен цифровой архив одного из самых влиятельных русскоязычных изданий за рубежом – парижской газеты «Возрождение» (1925–1939). Не хватает в комплекте лишь нескольких последних номеров. Периодика русского зарубежья 20–40-х годов, местом издания которой является еще один центр русской эмиграции – Берлин, представлена на цифровых носителях на сайте Берлинской национальной библиотеки. Там можно найти крупнейшие русскоязычные газеты того времени – «Время», «Накануне», «Новое слово», «Руль». Латвийская национальная библиотека оцифровала самое заметное издание первой волны эмиграции из выходящих в Риге – газету «Сегодня».

Одним из самых заметных частных проектов, созданных на общественных началах, стал «Libragium» дизайнера и иллюстратора Федора Сумкина. Появившись во Франции в 2012 году, проект постепенно расширил охват представленных источников. В настоящее время на сайте выложены полнотекстовые версии отдельных номеров трех газет и 23 журналов. По каждому изданию доступна короткая справка о месте издания, издателе, годах публикации, количестве вышедших номеров, а также месте хранения печатных оригиналов. В том числе

проект предлагает ознакомиться с одним из самых полных комплектов известного в среде эмигрантов первой волны литературно-художественного журнала «Иллюстрированная Россия» (Париж, 1924–1939) в цифровом формате.

Среди заметных событий последнего времени для исследователей русского зарубежья стала публикация в цифровой коллекции библиотеки Колумбийского университета (США) 69 воспоминаний (в аудиоформате) представителей первой волны эмиграции о февральской и октябрьской революциях 1917 года и последовавшей за этими событиями гражданской войне. Своими воспоминаниями делились поэт Георгий Адамович, искусствовед Владимир Вейдле, писатели Роман Гуль, Борис Зайцев, Марк Слоним, поэтесса Ирина Одоевцева, художник Юрий Анненков, сын министра-председателя Временного правительства (1917) Александра Керенского Олег Керенский, дочь Льва Толстого Александра Толстая, вдова философа Семена Франка Татьяна Франк и многие другие.

Интервью с русскими эмигрантами были записаны в 1960-х годах по инициативе «Радио Свобода». Благодаря оцифровке записей уникальный исторический материал стал доступен широкой аудитории во всем мире.

УДК: 316.7

Хисматуллин С. А.

аспирант

Башкирский государственный университет

(Уфа, Россия)

sergei.hismatull@mail.ru

ЗДОРОВЬЕ МОЛОДЕЖИ КАК СОЦИАЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Пандемия, охватившая всё человечество, продемонстрировала, что здоровье является главной ценностью. Ранее считалось, что на здоровье влияют только объективные факторы, такие как развитие системы здравоохранения, оказания медицинской помощи. Автором же рассматривается мысль о том, что в данном вопросе важную роль играют социокультурные факторы. Также при изучении проблемы здоровья как социальной ценности автором делается основной упор на молодое поколение как основополагающую движущую силу общества.

Ключевые слова: социальное здоровье; социокультурная среда; общество; молодежь; социальная ценность

Khismatullin S.A.

PhD Student

Bashkir State University

(Ufa, Russia)

sergei.hismatull@mail.ru

YOUTH HEALTH AS A SOCIAL VALUE IN MODERN RUSSIAN SOCIETY

The pandemic that has engulfed all of humanity has demonstrated that health is the main value. Previously, it was believed that only objective factors, such as the development of the healthcare system, the provision of medical care, affect health. The author considers the idea that sociocultural factors play an important role in this issue. Also, when studying the problem of health as a social value, the author focuses on the younger generation as the fundamental driving force of society.

Keywords: social health; sociocultural environment; society; youth; social value

Здоровье в социально-философском аспекте предстает как благоприятное условие для существования человека. В указанном контексте необходимо изучение факторов культурного и социального воздействия, которые влияют на физическое состояние индивида, что в свою очередь является условием для общественного здоровья.

Здоровье как социальный феномен одним из первых изучал А. Годьяна в книге «Социальная патология», в которой приводится взаимосвязь экономической динамики и общественного здоровья населения. Особенно активно данное направление начало развиваться после Первой мировой войны. В России изучение данной темы связывают с развитием психиатрии [Шишкин, 1998, с. 95], но на первоначальных этапах упор делался не на социально-философские, а на химико-биологические процессы.

Молодежь играет значимую роль в структуре общества любого государства, поскольку эта группа представляет собой трудовой и популяционный ресурс. Именно поэтому очень важно формировать у молодого поколения понимание ценности здоровья как социально-психологического процесса. Ценность здоровья может выступать как фундаментом, так и инструментом для достижения иных жизненных целей. В случае же, когда человек болен, здоровье становится фундаментальной ценностью, поэтому при первичной социализации необходимо закладывать важность данного аспекта.

Отношение к здоровью у каждого индивида обуславливается системой социальных норм, действующих в обществе. Социальные нормы – это правила, оказывающие влияние на поведение человека, социальных групп и даже всего общества. Благодаря им формируются границы дозволенного поведения и его оценка обществом. При этом социальные нормы появились не сами собой, а представляют собой аккумуляцию традиций и обычаев, действовавших в обществе ранее. Если в прошлом здоровье рассматривалось только как физическое состояние, и воздействовать на него было возможно только при помощи медицины [Корниенко, 1998, с. 257], то сейчас активно используется термин «социальное здоровье», охватывающий культурное и социальное воздействие на индивида и общество в целом [Решетников, 2019, с. 87]. На социальное здоровье влияют различные

факторы: природные (географическое положение, климатические условия, ресурсы) и социальные (экономическое развитие, система здравоохранения, образования и др.). Также можно выделить внешние факторы и внутренние, или субъективные, когда человек сам оценивает и ощущает условия жизнедеятельности, свое мировоззрение, самочувствие [Щепин, Таранов, 2018, с. 5].

Следовательно, социокультурная среда оказывает едва ли не равное с медициной воздействие, поэтому должна быть взята во внимание цель формирования социального здоровья, в особенности у молодого поколения. При положительном воздействии на молодежь оказывается благоприятный эффект и на следующие поколения, так как именно молодое поколение будет вкладывать свои ценности при воспитании последующего.

Более того, ценности, заложенные при первичной социализации, с большей вероятностью останутся фундаментальными, нежели при ценностной ориентации уже во взрослом состоянии. Если ранее парадигма была направлена на объектность, т. е. непосредственно на индивида не возлагалась полная ответственность за свое здоровье, а лишь государство отвечало за систему здравоохранения, медицинское оснащение и др., то сейчас становится важным создание такой социальной среды, при которой человек сам выбирает поведение, чтобы сберечь свое здоровье. Для достижения данной цели необходимо признание в качестве ведущей ценности заботу о здоровье, создание инфраструктуры, обеспечивающей данную цель, к которой относится и законодательная база, а также усиленное внимание к политике здравоохранения.

Таким образом, в современном обществе здоровье выступает не только как физическое состояние, которое обеспечивается только объективными факторами, такими как развитие медицины или климат, но и социокультурная среда, в которой каждый индивид признает первой ценностью сохранение своего здоровья. Особенно важно формировать такую среду при первичной социализации у молодого поколения, поскольку так будут обеспечены наиболее эффективные результаты.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Корниенко Н. А.* Личность и индивидуальные различия типологии личности и ее варианты развития / под ред. Е. Н. Богданова, В. Я. Синенко. Новосибирск : Изд-во НГПУ, 1998.
- Решетников А. В.* Методология исследований в социологии медицины. М. : ММА им. И. М. Сеченова, 2019.
- Шишкин С.* Дилеммы реформ здравоохранения // Вопросы экономики. 1998. № 3. С. 90–104.
- Щепин О. П., Таранов А. М.* Социально-экономические аспекты здравоохранения и обязательного медицинского страхования // Вестник ОМС. 2018. № 2. С. 3–7.

УДК 004.5

Черненькая С. В.

кандидат философских наук, доцент
Московский городской педагогический университет
(Москва, Россия)
ChernenkayaSV@mgpu.ru

ЭТИКА МЕЖКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В ЦИФРОВОМ ОБЩЕСТВЕ

В статье рассматривается этика межкультурного взаимодействия в цифровом обществе как междисциплинарная область, отражающая происходящую в локальных культурах трансформацию общества посредством компьютерных технологий. Достижение культурами определенной зрелости с равной вероятностью может служить как налаживанию между ними диалога и взаимодействия, так и появлению предпосылок конфликта.

Ключевые слова: медиатизация; цифровые технологии; цифровое общество; виртуализация повседневных практик; этика межкультурного взаимодействия

Chernenkaya S. V.

PhD (Philosophy), Associate Professor
Moscow City Pedagogical University
(Moscow, Russia)
ChernenkayaSV@mgpu.ru

ETHICS OF INTERCULTURAL INTERACTION IN A DIGITAL SOCIETY

The article considers the ethics of intercultural interaction in digital society as an interdisciplinary field reflecting the transformation of society taking place in local cultures through computer technologies. The achievement of a certain maturity by cultures is equally likely to serve as the establishment of dialogue and interaction between them, as well as the emergence of prerequisites for conflict.

Keywords: mediatization; digital technologies; digital society; virtualization of everyday practices; ethics of intercultural interaction

Закономерность появления и необходимость разработки информационной этики предвидел уже в середине XX века Н. Винер, полагавший, что информационные технологии будут способствовать решению социальных и этических проблем. Позднее появится сам термин «информационная этика», или «цифровая этика», и первые концепции цифровой, или информационной этики [Маклюэн, 2004, Капурро, 2010]. Рассмотрим, как виртуализация повседневных практик сказывается на межкультурном взаимодействии.

Цифровые технологии с равной вероятностью могут служить как налаживанию диалога и взаимодействия между культурами, так и появлению предпосылок конфликта [Buralkin, Chernenkaya, 2019]. Р. Капурро, исследуя условия и возможности понимания в цифровой среде, предлагает разрабатывать цифровую этику, или этику цифрового общества, исходя из принципов культурного многообразия и единства прав и свобод человека, взаимозависимости традиции и современности, различия в понимании ценности как этической категории в восточной и западной культурах.

Отрицая, как и многие другие исследователи, нейтральность цифровых технологий, он подчеркивает их культурную и социальную детерминированность. Поэтому цифровая этика рассматривается им как междисциплинарная область, отражающая происходящую в локальных культурах трансформацию общества посредством компьютерных технологий.

Особое внимание Р. Капурро уделяет соотношению универсальных принципов и ценностей и национально-культурных начал и требований в рамках цифровой этики. Проблемы, поднимаемые в рамках цифровой этики, можно решить, соотнося требование соблюдения всеобщих прав и принципов с имеющимися межкультурными различиями. Данную область исследований в компьютерной этике Р. Капурро определит как «межкультурную информационную этику» (МИЭ).

Пути развития цифрового общества невозможно точно спрогнозировать, но можно предугадать основные тенденции. Опираясь на опыт сравнительных исследований, Капурро отмечает, что в рамках МИЭ изучаются воздействие цифровых технологий на различные

культуры и специфика их восприятия с точки зрения различных культурных традиций.

В качестве примера расхождений в восприятии этических вопросов в культурах Р. Капурро приводит проблему конфиденциальности. Если неприкосновенность частной жизни – один из основных принципов в западноевропейской культуре, то, как показали современные исследования, в Китае обеспечение неприкосновенности частной жизни, согласно массовым опросам, оценивается как второстепенное по сравнению с обеспечением общественного порядка. Тайские коллеги Капурро, на исследования которых он ссылается, отмечают, что право на неприкосновенность частной жизни в тайской культуре, в языке которой нет даже слова, обозначающего частную жизнь, гарантируется традиционной иерархической структурой общества. Невмешательство в личное пространство, отказ от конфронтации и т. д. способствуют «сохранению лица» (куу-на) – одному из традиционных принципов тайской культуры. Если в рамках буддийских ценностей проблема «самоотрицания» выступает одной из важнейших, то для западного человека неприкосновенность частной жизни выводится как раз из ценности «Я» [Капурро, 2010].

Сравнительные исследования могут позволить решать проблемы межкультурного взаимодействия как в описательном, так и нормативном плане. Следовательно, такие традиционные для информационной этики темы, как интеллектуальная собственность, неприкосновенность личных данных, доступ к достоверной информации и перегруженность информацией, цифровой разрыв и др., должны быть исследованы с точки зрения исторически сложившихся различий между культурами.

Пространство интернета способствует расширению межкультурного взаимодействия, но может быть использовано также в целях манипулирования. Одним из наиболее динамичных, но вместе с тем и одним из самых опасных современных процессов, является политизация культур. Опасность в том, что культуры как бы сосредотачиваются на собственной цельности, в то же время опираясь не на самоидентификацию человека, а на его изначальную причисленность к той

или иной группе. Право различных культур на развитие и сохранение культурной идентичности в глобальном цифровом пространстве не должно подменяться их политическими притязаниями на культурную особенность [Бенхабиб, 2003]. Не отрицая необходимость учитывать исторически сложившиеся различия между культурами, подчеркнем, что этос межкультурного взаимодействия в цифровой среде должен быть задан исходя из системы общекультурных ценностей. Как отмечает С. Бенхабиб, недопустимо пренебрежение всеобщими правами и свободами демократического общества в угоду требованиям специфических религиозных, этнических и культурных сообществ. Другими словами, «право народа на самоутверждение должно рассматриваться и оцениваться в свете его приверженности всеобщим правам человека» [там же, с. 184]. А такие принципы, как свобода доступа к информации, право на обмен информацией и др., необходимо выделить аналогично принципам свободы слова и свободы печати.

Появление единого виртуального пространства, которым в принципе может поделиться любой, в любом месте и в любое время создает возможность формирования глобального этоса, не отрицающего национально-культурные ценности, а формирующегося поверх данных ценностей. Но универсальные ценности, как и национально-культурные, реализуются в конкретных формах. В реальном опыте межкультурного взаимодействия происходит постепенное усвоение некоторых стандартов и восточной, и западной культур как всеобщих принципов. Такие стандарты не отменяют национальную идентичность и ценности конкретной культуры, а, как писал Л. Флориди, предлагают минимально общие принципы поведения [Floridi, 2010].

С одной стороны, появление синхронизированных моделей поведения в межкультурном пространстве в современном социуме происходит или может происходить стихийно, естественно. С другой стороны, сознательная ориентация на «минимально общие принципы поведения» и практическое их воплощение способствуют, на наш взгляд, становлению единого этоса межкультурного взаимодействия в современном обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бенхабиб С.* Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру. М. : Логос, 2003.
- Катулло Р.* Информационная этика // «Информационное общество», 2010. № 5. С. 6–15.
- Маклюэн М.* Рождение сети // Информационное общество: сборник. 2004. С. 341–349.
- Buralkin M. Yu., Chernenkaya S. V.* The problem of the scientific status theory of mediatization // 11th International Scientific and Theoretical Conference “Communicative Strategies of Information Society”. 2019. P. 272–280.
- Floridi L.* The Cambridge Handbook of Information and Computer Ethics. Cambridge : Cambridge University Press, 2010.

УДК: 304.4

Черников И. А.

кандидат педагогических наук

Военно-воздушная академия

имени профессора Н. Е. Жуковского и Ю. А. Гагарина

Министерства обороны Российской Федерации

(Воронеж, Россия)

tchernikowivan@gmail.com

КРЕАТИВНЫЕ ИНДУСТРИИ В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКОЙ МОДЕРНИЗАЦИИ

Креативные индустрии представлены как сегмент экономики, интегрирующей творчество, массовое производство и массовое потребление в сфере культуры. Становление креативных индустрий – это один из результатов модернизационных процессов в российской культуре. Поставлена задача изучения совместимости креативных индустрий с российским типом культурной идентичности и его ценностно-смысловым содержанием. Автором предложен альтернативный вывод о том, что креативные индустрии нельзя представлять частью культурного миссионерства западной цивилизации и «заимствованного» формата модернизации.

Ключевые слова: культурная традиция; культурная динамика; культурное развитие; культурное заимствование; «европеизм»; культурные индустрии; креативные индустрии; социокультурная модернизация

Chernikov I. A.

PhD (Pedagogy)

The Air Force Academy

named after Professor N. E. Zhukovsky and Yu. A. Gagarin

Ministry of defense of the Russian Federation

(Voronezh, Russia)

tchernikowivan@gmail.com

CREATIVE INDUSTRIES IN THE CONTEXT OF RUSSIAN MODERNIZATION

Creative industries are presented as a segment of the economy integrating creativity, mass production and mass consumption in the field of culture. The formation of creative industries is one of the results of modernization processes in Russian culture. The task of studying the compatibility of creative industries with the Russian type of cultural

identity and its value-semantic content is set. The author suggests an alternative conclusion that creative industries cannot be represented as part of the cultural missionary work of Western civilization and the “borrowed” format of modernization.

Keywords: cultural tradition; cultural dynamics; cultural development; cultural borrowing; “Europeanism”; cultural industries; creative industries; socio-cultural modernization

В современной культуре России креативные индустрии развиваются как несколько взаимосвязанных секторов – культурной и творческой деятельности, – развивающихся по уникальному сценарию, соответствующему культурной специфике страны на основе интеграции творчества, массового производства и потребления, что, с одной стороны, приводит к коммерциализации культурного производства [Хезмондалш, 2014] и его стандартизации в глобальном и в конкретно-культурном, национальном поле, а с другой – позволяет расширять пространство массовой культуры, обеспечивать тиражирование культурных ценностей и практик.

Поэтому закономерно, что творческие индустрии вошли в число наиболее актуальных направлений государственной культурной политики в Российской Федерации, что стало стимулом для интенсивного развития креативных индустрий и включения их в программы государственной поддержки на федеральном и региональном уровнях.

Поскольку становление креативных индустрий – это один из результатов модернизационных процессов в российской культуре, на наш взгляд, необходимо обращать внимание не только на изменения в культурном производстве и потреблении [Черников, 2020, с. 59–68], но и на сдвиги на уровне ценностно-смысловых параметров культурных систем, возникающих и трансформирующихся в процессе индустриализации культуры, что отражается на уровне социокультурной организации сообществ и социального взаимодействия.

Этот аспект связан с традицией философско-культурологической рефлексии формирования современных смыслов и форматов культурных

практик в контексте индустриализации культуры, заложенной А. Адорно и М. Хоркхаймером, а также с изучением культуры постиндустриального общества (Д. Белл, Ж. Бодрийяр и др.) и культурных индустрий (Д. Хезмондалш и др.). Ценностно-смысловой аспект культурных индустрий в контексте отечественной философско-культурологической традиции, представлен в работах О. Н. Астафьевой, Е. А. Зверевой, А. В. Костиной, И. В. Малыгиной, А. А. Пелипенко, А. Я. Флиера и др.

При этом развитие креативных индустрий в отечественном контексте требует выделения еще одного аспекта – *оценки их совместимости с российским типом культуры и его ценностно-смысловым содержанием*. И этот аспект приводит к необходимости определиться в оценке роли модернизации в истории российской культуры и наметить самые общие параметры современной российской имплементации креативных индустрий, поскольку еще не вполне ясно, чего можно ожидать от их модернизационного воздействия.

В литературе этот аспект специально не затрагивался, что определяет новизну ракурса рассмотрения креативных индустрий, представленного в данной статье.

В одной из недавних публикаций профессор Высшей школы экономики Р. З. Хестанов, обращаясь к креативным индустриям, указывает на «архаичность» тех форм знания о культуре, сформировавшихся «в условиях, когда центральную роль играли национальные государства: государственная статистика оказывается неуместной и неадекватной в условиях, когда корпоративный сектор полностью определяет культурное производство» [Хестанов, 2018, с. 173].

В связи с этим Р. З. Хестанов поставил вопрос, «нуждается ли государство в целостном представлении о культуре и в осуществлении функций контроля в данном секторе производства» [там же, с. 173]. В перспективе данного вопроса рассматривается проблема целесообразности политики креативных индустрий в Российской Федерации. Вопрос этот не праздный и требует однозначного ответа.

Отвечая на него, полагаем, что институционализация отечественного сектора креативной экономики, встроенная в общий процесс модернизации, происходит на ценностно-смысловых основаниях, не раз-

рушающих преемственную связь российской культуры с традицией. И это актуализирует значение креативных индустрий как инструмента государственной культурной политики, призванной укрепить российскую идентичность, сохранить специфику российского культурного пространства.

Именно поэтому при рассмотрении *российского сегмента креативной индустрии нельзя отказываться от анализа историко-культурной специфики его развития* в пользу признания стандартизованности творческих индустрий и их результатов в любых государствах и культурах глобального мира.

В России сегодня остро ощущается потребность в специальной разработанной государственной программе поддержки креативных индустрий, которую, как верно подметила Е. В. Зеленцова, необходимо разрабатывать специально и применительно к отечественным условиям, «с опорой на своеобразие российской культурной и творческой жизни и с учетом существующей системы полномочий органов исполнительной власти, бюджетного, налогового законодательства и других основополагающих нормативно-правовых документов» [Зеленцова, 2017, с. 75].

Таким образом, закономерным и актуальным является анализ вхождения креативных индустрий в отечественную культуру, выяснение их специфики как фактора модернизации.

Действительно, креативные индустрии в России развиваются стремительно, во все сферы культурного производства внедряются передовые технологические разработки, включается большое число творческих работников, формирующих так называемый «креативный класс» (Р. Флорида). Отдельные исследователи уже пытаются указать на различие российской и европейской модели креативных индустрий.

Например, А. В. Бокова выделяет в формировании креативных индустрий два сценария – западный и российский. «Если западный сценарий представляет собой последовательное развитие от постиндустриального общества к обществу знаний и далее к креативной экономике, – пишет она, – то российский сценарий уникален тем,

что представляет собой не планомерный последовательный переход от одного этапа социально-экономического развития к другому, а, по сути, является альтернативным вариантом “сырьевой” экономики, способом перехода к инновационной экономике» [Бокова, 2016, с. 8–9]. В процитированном фрагменте наглядно показано, что в российской модели креативной индустрии прослеживается некий «сбой» культурной динамики, непоследовательность этапов, нарушение их преемственности, и, очевидно, отставание от западноевропейской модели. Но так ли это?

Полагаем, что оснований для такой категоричной оценки нет, и обоснование альтернативной точки зрения, которой мы придерживаемся, требует пояснения с позиции философии культуры и культурологии. Ведь естественное вхождение креативных индустрий в пространство российской культуры хорошо объясняется наличием в ней европейского корня, устойчивой связи с западноевропейской культурой. Попробуем объяснить эту мысль.

«Россия в плане культуры – не просто одна из многих западноевропейских стран, а страна, равновеликая Западной Европе. Она – тоже Европа, пусть и Восточная, – отмечал В. М. Межуев. – Она – часть большой Европы, которая состоит из двух половин – западной и восточной, одна из которых тяготеет к рационально-правовой организации общества, а другая, не отрицая первое, – к его духовно-нравственной организации. Каждая из них по-своему необходима. Откажись от одной из них, и вся Европа рано или поздно окажется в тупике» [цит. по: Клямкин и др., 2011, с. 33].

Поэтому не следует воспринимать культурные индустрии как часть культурного миссионерства западной цивилизации, скорее речь идет *о выработке российской культурой нового формата модернизации.*

Мы разделяем точку зрения исследователей, которые полагают, что в современной России складывается особый, новый тип модернизации. Этот тип характеризуется как культура «модерна альтернативного» (Н. Е. Тихонова и др.). Его специфика состоит в особом сущностном сочетании модернизационной идеи и самой традиции.

Институционализация отечественного варианта креативного сектора экономики, встроенная в общий процесс модернизации, происходит на ценностно-смысловых основаниях, не разрушающих преемственную связь российской культуры с традицией. Это, на наш взгляд, актуализирует значение креативных индустрий как инструмента государственной культурной политики, призванной укрепить российскую идентичность, сохранить специфику российского культурного пространства.

Таким образом, культурные и креативные индустрии – это не просто некая заимствованная новация в российской культуре, но шире – это реальный модернизационный вызов, который приводит в движение все компоненты российской культурной системы (ценностно-смысловые, поведенческие, институциональные и др.), дает импульс широкой социокультурной модернизации, не разрушающей преемственную связь с традицией.

Процесс становления креативных индустрий в пространстве российской культуры может быть охарактеризован *естественным вхождением креативных индустрий*, при котором не происходит кардинальный «слом» традиционных для российского менталитета форм культурных практик. Не наблюдается также и отторжение креативного сегмента экономики впечатлений. Наоборот, отмечается возрастающая потребность граждан в новых впечатлениях, в открытых креативных пространствах, в разнообразии форм творческой деятельности и т. д. И это явление объясняется не только глобальной цифровой трансформацией, повсеместным развитием технологий, ростом благосостояния. Очевидно, что речь должна идти о факторах культурного, а точнее – социокультурного развития.

Рассматривая становление в России креативных индустрий в отнесении к процессам модернизации и культурного заимствования, мы стремились показать, что верно понятые общие закономерности культурного развития способны объяснять и частные стороны культурных явлений, раскрывая их взаимообусловленность, а также связь с общим контекстом культурной динамики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бокова А. В.* Культурные, креативные, творческие индустрии как явление современной культуры : опыт концептуализации : автореф. дис. ... канд. философ. наук. Томск, 2016.
- Зеленцова Е. В.* Государственная поддержка креативных индустрий // Международный журнал исследований культуры. 2017. № 1 (26). С. 73–80.
- Клямкин И. М.* [и др.] Куда ведет кризис культуры? Опыт междисциплинарных диалогов. М. : Новое издательство, 2011.
- Хезмондали Д.* Культурные индустрии / пер. с англ. И. Кушнаревой; под науч. ред. А. Михалевой. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2014.
- Хестанов Р. З.* Креативные индустрии – модели развития // Социологическое обозрение. 2018. Т. 17. № 3 С. 173–196.
- Черников И. А.* Экономика впечатлений в динамике современной культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2020. № 4 (96). С. 59–68.

УДК 791.43

Щербак М. Б.

Московский государственный лингвистический университет

Институт этнологии и антропологии РАН

(Москва, Россия)

mariam.net@mail.ru

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОБРАЗОВ НЕПРИКАСАЕМЫХ В КИНЕМАТОГРАФЕ ИНДИИ

В статье проводится анализ способов репрезентации образов представителей неприкасаемых сообществ в индийском кинематографе XX – XXI веков и смена парадигмы от эскапизма до реализма. Также в работе рассматриваются последние тенденции, такие как возникновение феномена «dalit cinema», участие авторских фильмов на острые социальные темы в международных кинофестивалях, борьба неприкасаемых слоев за возможность занять свое законное место в индийской киноиндустрии и т. д.

Ключевые слова: индийский кинематограф; неприкасаемые; авторское кино; dalit cinema

Shcherbak M. B.

Moscow State Linguistic University

Institut of Ethnology and Anthropology RAS

mariam.net@mail.ru

REPRESENTATION OF IMAGES OF THE UNTOUCHABLES IN INDIAN CINEMATOGRAPHY

The article analyzes the ways of representing the images of representatives of untouchable communities in Indian cinema of the 20th – 21st centuries and a paradigm shift from escapism to realism. The paper will also consider recent trends, such as the emergence of the “dalit cinema” phenomenon, the participation of copyright films on acute social issues in international film festivals, the struggle of untouchable layers for the opportunity to take their rightful place in the Indian film industry, etc.

Keywords: India cinematography; untouchables; parallel cinema; dalit cinema

Придя в Индию еще в период британского колониального правления, кинематограф прочно утвердился как один из самых распространенных типов искусства. Если ранние картины представляли собой перенос на пленку древних мифических сказаний, то кинематограф Индии в период освободительной борьбы и особенно после обретения Индией независимости в 1947 году сделался своеобразным рупором эпохи. Киноленты были призваны освещать и пропагандировать новую общественную мысль: так, ленты 1950-х годов посвящены теме деревни и политике модернизации, которая, кроме индустриальных благ, таит в себе массу опасностей для простого человека. Однако индийский кинематограф, как и любой национальный, специфически окрашен. Одним из столпов индийской культуры и социальной жизни является кастовая система, которая, безусловно, не могла остаться вне ракурса кинокамеры индийских режиссеров. Особый интерес представляет для нас тема слоев, находящихся вне кастовой системы – неприкасаемых, – и их репрезентация в кинематографе Индии разных лет.

Следует отметить, что фильмов, центральным сюжетом которых были бы кастовые противоречия, не так уж и много. В основном, кастовый вопрос завуалирован более глобальными характеристиками героев, такими как «простой человек» или «бедняк». Несмотря на эту общую эскапистскую тенденцию, в истории индийского кинематографа встречаются фильмы, где вопрос касты становится центральным.

Первые фильмы, посвященные социальному расслоению, появляются в 1930-е годы на фоне общеиндийской борьбы за независимость от колониального гнета Великобритании [Рагхавендра, 2020]. Одним из ярких примеров работ той эпохи можно считать фильм «Неприкосновенная дева» («Achhut Kanyu») 1936 года. В фильме речь идет о дружбе детей брахмана и неприкасаемого, спасшего его от укуса ядовитой змеи. Дружба сына брахмана Пратапа и дочери неприкасаемого Кастури показана очень наивно и поэтично на фоне деревенских пейзажей. Казалось бы, ничто не может омрачить светлые детские чувства, вопрос социальных различий встает всего лишь раз, когда

взрослые понимают, что детская дружба переросла в юношескую любовь. Именно в этот момент в фильме впервые артикулируется кастовый вопрос. Чтобы избежать проблем, семьи спешно женят юношу и девушку на партнерах из подходящих им социальных слоев. Несмотря на брак по договоренности, нежные чувства между Пратаном и Кастури не угасают, что приводит к трагическому финалу: Ману, муж Кастури, пытается избавиться от соперника, столкнув его под поезд, Кастури бежит наперерез несущемуся локомотиву с красным флажком, спасает обоих мужчин, но сама погибает, чем заслуживает почет и уважение среди жителей деревни, которые воздвигают небольшое святилище в ее честь. В другом фильме также, казалось бы, непосредственно связанном с темой низкастового происхождения – «Неприкасаемая» («Sujata») 1959 года со звездами эпохи Нутан и Суниллом Даттом в главных ролях, упоминается тема кастовых противоречий, однако они умело маскируются за счастливым финалом. Неприкасаемая девочка Суджата воспитывается в семье брахмана-модерниста широких взглядов. Несмотря на внешнюю открытость политике модернизации, не все члены семьи готовы полностью принять девочку и смириться с ее неприкасаемым статусом. Первое время от Суджаты скрывают ее происхождение, когда же девушка о нем узнает, она сама начинает испытывать стыд и неловкость. Однако фильм «Неприкасаемая», как и другие фильмы о социальном неравенстве этой эпохи, имеет счастливый финал. Приемной матери Суджаты, ставшей жертвой несчастного случая, срочно требуется переливание редкой группы крови. По случайному совпадению такую же группу имеет и Суджата, которая тут же соглашается помочь своей строгой матери. Узнав о том, кто пожертвовал ей свою кровь, мать, наконец, принимает неприкасаемую дочь.

Стоит, однако, отметить, что тема неприкасаемости, как и другие острые социальные темы, разрабатывается в основном не в массовом кинематографе Индии, а в так называемом «параллельном» авторском кино, расцвет которого приходится на 70–80-е годы XX века. В отличие от мейнстримного кинематографа, который подменяет образы неприкасаемых на образы «простого человека» или «бедняка», парал-

лельный кинематограф не приукрашивает суровую реальность и создает образы дискриминированных, отверженных, эксплуатируемых людей, с одной стороны, и высокомерных, предвзятых угнетателей – с другой. В параллельном кинематографе также глубокую проработку получает тема насилия [Vidushi, 2018].

Яркими примерами кинематографа этого периода являются фильмы «Росток» («Ankur») 1979 года и «Избавление» («Sadgati») 1981 года. В фильме «Избавление» режиссера Сатьяджита Рая, отца-основателя индийского авторского кино, разворачивается история эксплуатации брахманом неприкасаемого Дукхи. Неприкасаемый житель деревни берет у брахмана деньги на приданое для дочери, обещая отработать долг. Тяжелая физическая работа доводит героя до крайнего истощения, в итоге он погибает. Ночью брахман тайком, обвязав тело Дукхи веревкой, уносит его за пределы деревни и окропляет землю, где лежал труп, водой в знак очищения от скверны. Примечательно, что имя протагониста – Дукхи – переводится как «страдание». Ярко показано равнодушие окружающих к страданиям угнетаемого неприкасаемого, тяжелый изнуряющий физический труд рассматривается как должное и само собой разумеющееся занятие для человека его касты. Более того, после смерти тело Дукхи так и остается лежать на дороге, словно труп животного, до которого никому нет дела. Таким образом, в фильме С. Рая неприкасаемый предстает существом, обреченным на постоянные страдания, от которых есть одно избавление – смерть.

В фильме «Росток» режиссера Шьяма Бенгала поднимается тема эксплуатации представителей низкой касты богатым землевладельцем. Супружеская пара Киштайя и Лакшми из касты горшечников живут в убогой хижине на краю поля землевладельца. Когда молодой сын землевладельца Сурья приезжает и поселяется в доме, чтобы присматривать за семейным наделом, Лакшми нанимается к нему прислугой. С самого своего приезда Сурья всячески демонстрирует Лакшми, что отвергает кастовые предрассудки, в частности, женщину поражает тот факт, что Сурья безбоязненно принимает пищу и чай из ее рук. Родители Сурьи заключили брак сына с невестой-девочкой,

но, пока она не достигла совершеннолетия, Сурья вынужден жить отдельно. В один прекрасный день муж Лакшми подвергается жестокому и унижительному наказанию за воровство и сбегает из деревни. Воспользовавшись его отсутствием и на правах хозяина, Сурья склоняет Лакшми к сожительству. Однако оба понимают, что патриархальное ортодоксальное сообщество не примет их, поэтому хранят свою связь в тайне. История любви представителей двух социальных слоев заканчивается, когда приезжает жена Сурьи: она сперва запрещает Лакшми заниматься чем-либо, кроме грязной работы, а затем и вовсе ее прогоняет. Вскоре выясняется, что Лакшми ждет ребенка, это полностью меняет отношение Сурьи к ней: он уговаривает женщину избавиться от бремени, когда же она отказывается, начинает унижать и притеснять ее. Вскоре в деревню возвращается муж Лакшми; оказывается, он не сбежал, а уходил на заработки. Новость о скором пополнении семейства он встречает с радостью. Окрыленный новостью, он идет в дом землевладельца, чтобы попросить о найме на работу. Сурья думает, что Киштайя собирается мстить за бесчестие жены, и в панике, что его постыдный поступок откроется, он приказывает схватить горшечника и жестоко избивает его. Кульминацией картины становится сцена, где Лакшми, защищая избитого мужа, в порыве ярости кричит Сурье, что они ему не рабы. В финальных кадрах деревенский мальчик разбивает камнем окно землевладельца. Название картины – «Росток» – является метафорой как новой жизни, которую героиня носит под сердцем, так и растущего народного недовольства и подъема крестьянских протестов против эксплуатации землевладельцами. Стоит отметить, что выход фильма совпал с реальными крестьянскими протестами, развернувшимися в штате Андхра-Прадеш в конце 70-х годов XX века.

Кинематограф 90-х годов XX – начала XXI века знаменуется фильмами, без прикрас демонстрирующими жизнь и проблемы неприкасаемых сообществ. Центральное место в кинематографе этого времени занимает тема насилия над представителями низких каст, в том числе насилия над женщинами [Atwal, 2018]. Ярким примером фильмов такого рода может служить картина «Королева бандитов»

(«Bandit Queen») 1994 года, снятая по биографии Пхулан Деви, родившейся в Северной Индии в касте лодочников, выданной замуж в 11 лет, пережившей многократное физическое и сексуальное насилие со стороны представителей власти и выходцев из высших каст, вступившей в банду и обвиненной в 1984 году в убийстве 20 человек. Фильм изобилует многократными, жестокими сценами насилия над главной героиней, что должно пробудить симпатию и сострадание зрителей к Пхулан Деви и помочь понять мотивацию ее дальнейших жестоких поступков в отношении своих обидчиков. В финале фильма Пхулан Деви предстает не как малограмотная разбойница, а как персонифицированный голос всех неприкасаемых женщин Индии, требующих справедливости. Выход фильма «Королева бандитов» был приурочен к освобождению Пхулан Деви из тюрьмы после отбывания десятилетнего заключения. История Пхулан Деви создала в Индии прецедент, когда женщина из низкой касты набрала столь высокую народную популярность, что в 1996 году была избрана членом Парламента и находилась на этой должности вплоть до 2001 года, когда была застрелена индуистским фанатиком. Похожую тему разрабатывает и фильм «Статья 15» («Article 15») 2019 года. Название фильма отсылает к содержанию пятнадцатой статьи индийской Конституции, запрещающей любую дискриминацию, в том числе и по кастовой принадлежности. Фильм является неким собирательным образом участившихся в последние годы случаев сексуального насилия над несовершеннолетними представительницами низших каст, которые так и не закончились реальными уголовными разбирательствами из-за коррумпированности и кастовой нетерпимости в правоохранительных органах страны.

Одной из интересных тенденций индийского кинематографа последних лет является сближение массового и параллельного кино. Многие темы, считавшиеся раньше не уместными в массовом кино (домашнее насилие, эмансипация женщин, проблемы кастового неравенства), стали находить отражение не только в работах режиссеров-авангардистов, но и в лентах Болливуда. В частности, фильм «Улетай один» («Masaan») 2015 года, рассказывающий две параллельные истории неприкасаемости. Одна – вполне «классическая история»

любви молодого человека из неприкасаемой касты и девушки из высокой касты, вторая – история «приобретенной неприкасаемости» дочерью пандита, чья внебрачная сексуальная связь была обнаружена и предана огласке. Обе истории оканчиваются трагично, что подчеркивает социальную неприемлемость обеих ситуаций: любовь представителей разных каст заканчивается смертью девушки, ставшей жертвой несчастного случая; добрачный секс и свободный выбор сексуального партнера разбивается о стену предубеждений патриархального общества. Однако открытый финал, где двое героев из параллельных историй, сбжав из родного города, где с ними произошло столько несчастий, в новую жизнь, случайно встречаются на берегу реки и заговаривают друг с другом. Фильм имел большой успех у международного сообщества кинокритиков и удостоился многочисленных наград, в том числе приза ФИПРЕССИ в программе «Особый взгляд» Каннского кинофестиваля и номинации на премию «Золотая камера».

Отдельного внимания заслуживает феномен «dalit cinema», или «кино неприкасаемых». Термин «dalit cinema» описывает тенденцию, наметившуюся в последние годы в кинематографе не только на языке хинди, но и на других индийских языках: она состоит в том, что тему неприкасаемости начинают разрабатывать режиссеры – выходцы из низших каст, с привлечением актеров из низких каст. Ни для кого не секрет, что индийская киноиндустрия построена по семейно-кастовому принципу и до недавнего времени не терпела «людей с улицы», а уж тем более из низких каст. Подобное положение вещей в последние годы было подвергнуто жесткой критике со стороны представителей неприкасаемых. Критики отметили, что фильмов о проблемах неприкасаемых производится крайне мало, в лучшем случае проблемы социального расслоения сводятся к оппозиции «богатые – бедные», что, безусловно, не отражает полноты всей сложной структуры современного индийского социума. Во-вторых, даже в фильмах, где героями являются неприкасаемые, их играют высококастовые актеры или неиндийские актеры (Саиф Али Хан, Насируддин Шах, Шабана Азми и т. д.). В-третьих, идеологи движения «dalit cinema» неодно-

кратно указывали на апроприацию культуры неприкасаемых (песен, танцев и т. д.) в массовом кинематографе Индии [Yengde, 2018]. Движение оказалось настолько масштабным, что был учрежден фестиваль Dalit Film and Cultural Festival (DALIFF), впервые прошедший в 2019 году в Нью-Йорке и целиком посвященный фильмам неприкасаемых режиссеров.

Одним из наиболее удачливых режиссеров, работающих в жанре «dalit cinema», может считаться Наградж Манджуле, чьи фильмы «Свинья» («Fandry») и «Дикий» («Sairat») о повседневной жизни индийской деревни были сняты на языке маратхи с привлечением низкокастовых актеров. Оба фильма повествуют о трудной судьбе молодых представителей низких каст. В фильме «Свинья» мальчик Джабья влюбляется в девочку из высокой касты. Семья Джабьи занимается отловом диких свиней, традиционно считающихся нечистыми животными, за что подвергается насмешкам и унижениям со стороны остального населения деревни. Фильм заканчивается яростным восстанием Джабьи против обидчиков. Фильм «Дикий» повествует о любви двух студентов колледжа – молодого человека из низкой касты и девушки из касты местных землевладельцев. Несмотря на все препятствия, влюбленные сбегают и тайком женятся, однако их счастье оказывается недолгим: родственники девушки находят пару и убивают. Фильм, среди прочих актуальных вопросов, поднимает проблему так называемых убийств чести, участившихся в последние годы в сельской Индии.

Еще одной отличительной чертой фильмов о неприкасаемых последних лет можно назвать скрытую политизацию борьбы неприкасаемых за свои права [Patel, 2018]. Открыто политическая принадлежность героев не раскрывается, но многочисленные детали намекают на протестный характер современного антикастового движения в Индии. Так, во всех фильмах герои так или иначе оказываются на фоне портретов или скульптурных изображений Бхимрао Рамджи Амбедкара – идеолога неприкасаемых времен борьбы Индии за независимость, автора Конституции Индии, в том числе и пресловутой Статьи 15, предложившего вместо термина «untouchable», принятого

в британской Индии, термин «dalit» («угнетенный»). В 2021 году на экраны вышел фильм на тамильском языке «Да воссияет свет» («Jai Bhim»), посвященный проблемам поиска судебной справедливости для представителей низких каст. Оригинальное название фильма «Jai Bhim» («Да здравствует Бхим») отсылает к приветствию, которым пользуются последователи Амбедкара и которое они выкрикивают в ходе антикастовых демонстраций. Фильм быстро занял первые строчки индийских кинорейтингов и побил кассовые сборы таких голливудских хитов, как «Крестный отец» и «Побег из Шоушенка».

Подводя итог, следует отметить, что индийский кинематограф, разрабатывающий тему неприкасаемости, прошел долгий эволюционный путь от эскапизма и обеления ситуации до реалистичных фильмов с глубокой проработкой темы угнетения и насилия. Тенденции последних лет отмечают приход режиссеров и актеров из среды неприкасаемых в индийскую киноиндустрию. В последние годы наблюдается тенденция к сближению индийского массового и параллельного кино в части разработки тем социального неравенства и дискриминации. Однако необходимо признать, что тема проблем представителей неприкасаемых каст значительно лучше разработана в кинематографе на индийских языках, а не в кинематографе на хинди. Этот факт объясняется тем, что кинематограф на хинди всё еще остается закрытой структурой, придерживающейся скорее идеологии высших каст. Кинематографы на других индоарийских языках и, в особенности, дравидоязычный южно-индийский кинематограф более свободны от давления центра, с большей охотой посвящают фильмы проблемам социального неравенства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Рагхавендра М. К.* Кино Индии вчера и сегодня. М. : Новое литературное обозрение, 2020.
- Vidushi Cinematic Narrative: The Construction of Dalit Identity in Bollywood // Media, Margins and Popular Culture. 2015. P. 123–135.

Atwal J. Embodiment of Untouchability: Cinematic Representations of “Low” Caste Women in India // *Open Cultural Studies*. 2018. Vol. 2. # 1. P. 735–745.

Yengde S. Dalit Cinema, South Asia // *Journal of South Asian Studies*. Vol. 41/3, 2018. P. 503–518.

Patel R. Unconventional Bollywood: Constructing Cinema of Caste Pride // *South Asia Journal*. 2018. Vol. 14. P. 3–5.

A decorative border with a double-line outline and stylized, interlocking geometric corner ornaments in each of the four corners.

**ДОКЛАДЫ
ОБУЧАЮЩИХСЯ**

УДК: 930.2

Артёмов Н. С.

студент I курса (бакалавриат)
Вологодской духовной семинарии
(Вологда, Российская Федерация)
NikArtLerm@yandex.ru

Научный руководитель:

иеромонах Ферапонт (Широков)

кандидат богословия, секретарь Ученого совета
Вологодской духовной семинарии
(Вологда, Российская Федерация)

ОБЗОР ИНФОРМАЦИОННЫХ РЕСУРСОВ ВОЛОГДСКОЙ ОБЛАСТИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

В работе автор исследует феномен современных информационных ресурсов и приводит их классификацию. Для анализа были отобраны действующие интернет-ресурсы Вологодской области, которые предоставляют возможность ознакомиться с обширным списком документов и сведений по истории Русской православной церкви в рамках жизни Вологодской епархии. Автор приходит к заключению, что современные информационные ресурсы являются перспективным источником сведений для исследования выбранной темы (изучение истории отдельных митрополий и епархий) и для иных научных изысканий в разнообразных сферах.

Ключевые слова: современные информационные ресурсы; интернет-ресурсы; история Русской Православной Церкви; история Вологодской митрополии

Artemov N. S.

1st Year Student (Bachelor's Program)
of the Vologda Theological Seminary
(Vologda, Russian Federation)
NikArtLerm@yandex.ru

Academic Advisor:

hieromonk Ferapont (Shirokov)

PhD (Theology), Secretary of the Academic Council
at the Vologda Theological Seminary
(Vologda, Russian Federation)

OVERVIEW OF THE VOLOGDA REGION INFORMATION RESOURCES ON THE HISTORY OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH

In this work the author explores the phenomenon of modern information resources and classifies them. The existing Internet resources of the Vologda Region which provide an opportunity to get acquainted

with an extensive list of documents on the history of the Russian Orthodox Church in the framework of the Vologda Diocese life were selected for the analysis. The author comes to the conclusion that modern information resources are a promising source of information for studying the chosen topic (studying the history of different dioceses and metropolias) and for other types of scientific research in various fields.

Keywords: modern information resources; Internet resources; history of the Russian Orthodox Church; history of the Vologda Metropolia

Под современными источниками информации в первую очередь принято понимать разнообразные интернет-ресурсы. Как представляется, в постиндустриальном обществе, для которого характерна острая потребность отдельных лиц в быстром доступе к фонду исторических документов (то есть непосредственно к информации) с целью исследования, такие информационные ресурсы являются крайне перспективной альтернативой привычному посещению архивов [Ловцов, 2018, с. 62]. Также они способны представить полный реестр памятников культурно-исторического наследия региона, что необходимо для всестороннего и глубокого изучения предмета научных трудов. Темы и цели исследований, конечно, совершенно разнообразны: исторические, историко-краеведческие, филологические, в конце концов, справочные изыскания. Одной из, несомненно, важных сфер научных поисков отечественных историков и по сей день остается история Русской православной церкви, особенное внимание в которой в настоящее время уделяется рассмотрению вопросов жизни Церкви на местах, то есть в митрополиях и епархиях, и, если обратиться к более низкому уровню, в отдельных приходах.

В данной работе представлены действующие интернет-ресурсы, позволяющие комплексно ознакомиться с обширным культурно-историческим наследием по истории Русской православной церкви в свете жизни Вологодской митрополии.

В первую очередь необходимо представить классификацию современных информационных источников. В исследовательской литературе по этому вопросу встречается систематизация по следующим группам:

- 1) источники, предоставляющие доступ к целым массивам исторических документов и публикаций (электронные архивы, электронные библиотеки, электронные исторические журналы, сайты исторических периодических изданий);
- 2) историко-ориентированные интернет-порталы (краеведческие и общеисторические сайты);
- 3) узкоспециализированные сайты научно-образовательных учреждений и учреждений хранения документов (сайты архивов, библиотек и музеев) [Корниенко, Власова, Гагарина, 2012, с. 18].

Приведенные в работе ресурсы полностью соответствуют данной классификации. К информационным системам первой из перечисленных групп относятся: «Интернет портал архивной службы Вологодской области», информационные ресурсы Вологодской областной универсальной научной библиотеки им. И. В. Бабушкина. Ко второй группе – Государственный реестр уникальных документов архивного фонда Вологодской области и интернет-портал «Моё наследие». К третьей – сайты учреждений Государственного архива Вологодской области, Вологодского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника, Великоустюгского государственного историко-архитектурного и художественного музея-заповедника и др.

Первый ресурс, к которому обратимся, – «Интернет-портал архивной службы Вологодской области». В нем представлены все фонды архивов области (трех государственных и 30 муниципальных), среди которых, например, находятся фонды Вологодской духовной семинарии, духовного училища, Вологодской духовной консистории и Коллекция столбцов XV–XVII веков.

Согласно информации на ресурсе в фонде консистории документы по истории епархии представлены крайними датами от 1654 до 1932 года (<https://gosarchive.gov35.ru/archive1/funds/50418>). Их количество и разнообразие действительно велико. Для исследователей открыты: метрические книги церквей, исповедальные ведомости, сведения о состоянии того или иного прихода в определенный период

времени, сведения о монастырях, о распределении земель, указы Синода, дела, относящиеся к деятельности Вологодского архиерейского дома и т. д.

Документы позволяют проводить исследования по следующим историческим темам: жизнь епархиальных архиереев и их попечение о вверенной пастве, внутренний литургический распорядок того или иного прихода, перераспределение церковных монастырских земельных владений.

Фонд семинарии находится на переработке, а фонд училища может предоставить следующие документы: журналы заседаний, книги для внесения отметок учащихся, журналы по нравственно-воспитательной части, книги для записи проступков учащихся, журналы для переписи книг ученической библиотеки и т. д. Для интересующихся это бесценные сведения о духовно-нравственном облике учащихся духовных заведений, о методе преподавания дисциплин, о самих дисциплинах и преподавательском составе.

Наибольшую ценность, несомненно, представляет Коллекция столбцов XV–XVII веков. Впрочем, точные крайние даты документов, согласно информации ресурса, несколько отличаются: от 1500 до 1852 года. Среди имеющихся источников представлены грамоты, памяти, отписки, отписи, челобитные, обыскные и допросные речи, заемные письма, купчие, судные дела, сведения о церквях и монастырях, учете хлеба и скота.

Деятельность по переводу архивных фондов в электронный общедоступный формат продолжается. Список документов, с которыми можно ознакомиться прямо в виртуальном пространстве, к сожалению, неполный: в настоящее время на ресурсе имеются сведения о 3,6 млн дел, и только около 30 тыс. из них оцифрованы и доступны для просмотра на портале.

Из электронных ресурсов Вологодской областной универсальной научной библиотеки наибольший интерес по теме изучения истории Русской православной церкви представляет подраздел «Церковная история Вологодского края» раздела «Жемчужины Вологодской библиотеки» электронной библиотеки (<https://www.booksite.ru/civ/>

index.html), в котором можно ознакомиться с собранием журнала «Вологодские епархиальные ведомости» за 1864 – 1917 годы, коллекцией фотодокументов по истории Церкви, в том числе фотографиями духовенства и не сохранившихся до наших дней храмов Вологодской губернии.

Следующий ресурс – «Государственный реестр уникальных документов Архивного фонда Вологодской области». Как следует из названия, этот интернет-портал позволяет ознакомиться с действительно уникальными и значимыми архивными документами, общее число которых составляет 676, из них 599 непосредственно сопряжены с жизнью Вологодской епархии (<https://uniqdoc.gov35.ru/docs/>). Классифицировать их можно следующим образом. Прежде всего, это документы, связанные со Спасо-Прилуцким монастырем. Всего установлено 42 документа. Среди них можно выделить три жалованные грамоты великого князя и государя, впоследствии царя всея Руси Ивана IV и три отписки игумену Спасо-Прилуцкого монастыря, каждая из которых доставлена из Тотьмы и повествует о последствиях польско-литовского разбоя в период Смутного времени на просторах Вологодской волости. Остальная часть документов представляет собой разного рода договоры и удостоверения товарно-денежного характера: купчие, заемные кабалы, отписки, памяти о займе, порядные записи и т. д.

Следующая категория уникальных документов реестра – это наиболее ранние метрические книги церквей. Метрические книги начали вестись при Петре I, и их первые экземпляры по Вологодской губернии не дошли до наших дней, поэтому редкие экземпляры метрических книг середины XVIII века отнесены к разряду уникальных документов Архивного фонда Вологодской области. Они состоят из хронологических записей актов совершения церковных обрядов и таинств и представляют большинство от общего списка реестра.

К последней категории можно отнести абсолютно уникальные документы, которые относятся к переписке (письма, прошения иерархов и различные грамоты князей и монархов к монастырям). К такому можно отнести, например, автограф прошения святителя Игнатия

(Брянчанинова), епископа Черноморского и Кавказского от 17 февраля 1831 года и «Рескрипт императрицы Екатерины II епископу Вологодскому и Белозерскому Иринею об оказании содействия генерал-губернатору А. П. Мельгунову в открытии Вологодского наместничества».

Все вышеперечисленные документы имеют огромную историческую ценность и позволяют на наглядных примерах взглянуть на экономическое и социальное взаимодействие Церкви с государством и простым населением и в целом на жизнь Вологодской епархии в период с XVI по XIX века.

Интернет-портал «Моё наследие» является проектом Комитета по охране объектов культурного наследия Вологодской области (уполномоченного в сфере культурного наследия органа государственной исполнительной власти Вологодской области). Ресурс представляет собой полный и общедоступный реестр памятников культурно-исторического наследия Вологодской области (<https://my-heritage35.ru/obekty-kulturnogo-naslediya/>). 32 объекта из списка относятся непосредственно к церковной культуре: три ансамбля монастырей (Спасо-Прилуцкого, Кирилло-Белозерского и Ферапонтова) и 29 храмов отдельных приходов. Каждое наименование имеет историческую справку, в которой отмечена дата основания, знаменательные события из жизни объекта, сведения об архитектурных особенностях и реставрационных работах. Также сайт дополняет страницу каждого памятника историческими фотографиями, позволяющими ознакомиться с революционным видом сооружения, с его состоянием в советский период и в настоящее время.

Сайты Государственного архива Вологодской области (<http://arhivvologda.ru/Vystavki>) и музеев региона позволяют знакомиться с электронными выставками (публикациями документов) и виртуальными турами, которые благодаря богатой церковной традиции Вологодчины часто бывают связаны с историей Русской православной церкви и знакомят исследователей с памятниками церковной живописи и архитектуры (<https://vologdamuseum.ru/content?id=340>; <https://ustyugmuseum.ru/objekts/uspensky.html>).

За последние годы уровень вовлеченности архивов, библиотек и музеев регионов Российской Федерации в деятельность по переводу своих фондов в виртуальную среду возрос. Создаются всё новые и новые интернет-ресурсы, открывающие доступ к огромному культурно-историческому пласту как для соотечественников, так и для интересующихся лиц за рубежом. Однако всё еще имеет место проблема касательно темпов оцифровки документов и памятников культуры. По объективным причинам ускорить данный процесс крайне трудно: недостаток штата сотрудников, низкий уровень материальной обеспеченности, из чего вытекает несовершенство с технической стороны, – подобные факторы замедляют работу архивов. Описанная проблема не является частным случаем: она свойственна многим вовлеченным структурам разных регионов Российской Федерации [Пономарев, 2009, с. 113]. И тем не менее можно констатировать факт действительно высокого потенциала подобных современных информационных источников для развития научно-исторической деятельности в совершенно разных сферах, одной из которых является изучение истории Русской православной церкви.

Оценивая приведенные интернет-ресурсы, можно прийти к следующим выводам о перспективе их использования. Все они отличаются удобством в работе (особенно публикации архивных документов): разнообразные фильтры позволяют среди большого числа документов в мгновение отыскать необходимый. Присутствующие сведения из исторической справки помогают в оценке ценности источников, их назначения, свойств, в установлении точных датировок и связи с теми или иными организациями и историческими личностями. И, конечно, нельзя не отметить факт общедоступности, поскольку благодаря деятельности ресурсов исследователи совершенно различных направленностей (будь то историк-краевед или филолог, изучающий, например, манеру письма в период Древней Руси) способны работать буквально напрямую с источниками, но дистанционно, без каких-либо трудностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Корниенко С. И., Власова О. В., Гагарина Д. А.* Исторические информационные ресурсы: понятие, описание и классификация // Информационные ресурсы России. 2012. С. 16–19.
- Ловцов А. С.* Внедрение информационной системы «Электронного архива» в архивных учреждениях субъектов Российской Федерации // Вестник ВНИИДАД. 2018. № 1. С. 61–69.
- Пономарев С. А.* Создание баз данных на основе архивных документов – одно из приоритетных направлений деятельности современного архива // Историко-культурное наследие и информационно-коммуникационные технологии: сохранение и исследование. 2009. С. 112–116.

УДК: 232

Балык Х.

студент II курса (магистратура)

Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Россия)

h_balik@outlook.com

Научный руководитель:

Васильева Е. Н.

кандидат философских наук

Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Россия)

falsafa@list.ru

ФИГУРА ИИСУСА НАЗАРЕТЯНИНА В ХРИСТИАНСКОМ И ИСЛАМСКОМ ВЕРОУЧЕНИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В этой статье автор сравнивает понимание Иисуса из Назарета в исламском и христианском вероучении. Личность Иисуса – это точка соприкосновения между исламом и христианством, а также причина религиозных дискуссий. Автор показывает основные сходства и различия в исламе и христианстве касаясь описания жизни Иисуса и понимания его миссии на земле.

Ключевые слова: Иисус; Иса; ислам; христианство; авраамические религии

Balyk H.

IInd Year Student (master's program)

Moscow State Linguistic University
(Moscow, Russia)

h_balik@outlook.com

Academic Advisor:

Vasilyeva E. N.

PhD (Philosophy)

Moscow State Linguistic University
(Moscow, Russia)

falsafa@list.ru

THE FIGURE OF JESUS OF NAZARETH IN CHRISTIAN AND ISLAMIC DOCTRINE: A COMPARATIVE ANALYSIS

In this article, the author compares the understanding of Jesus of Nazareth in Islamic and Christian doctrines. The person of Jesus is the point of contact between Islam and Christianity, as well as the cause of religious debate. The author shows the main similarities and differences in Islam and Christianity in the description of the Jesus life and in the understanding of his mission on earth.

Keywords: Jesus; Isa; Islam; Christianity; Abrahamic religions

Данная статья посвящена сравнению ислама и христианства – двух мировых религий, оказавших большое влияние на ход мировой истории и умы людей. С точки зрения науки это религии одного типа, несмотря на всё множество различий между ними. Их называют «авраамическими», поскольку они почитают Авраама (Ибрахима) как важного религиозного деятеля древности. Ислам и христианство отрицают многобожие (ширк), поэтому их называют «монотеистическими» религиями. Бога они понимают как самое совершенное существо. Эти религиозные традиции учат о творении мира всемогущим Богом, о том, что весь мир зависит от божественной воли.

В исламе и христианстве содержится идея Священного Писания, в котором открывается учение о Боге и его воля о мире и человеке. С точки зрения обеих религий вся полнота истины была дана человечеству через особую личность в уникальный момент истории. Эта истина не может быть дополнена или исправлена кем-либо впоследствии. В исламе и христианстве обязательным для человека считается поклонение Творцу, жизнь в соответствии с божественным законом. Смерть понимается как отделение души от тела, причем душа считается бессмертной. Эти религии сходятся в понимании эсхатологии – того, что мировая история идет к своему неизбежному концу, предопределенному Богом. В конце человечество ожидают бедствия, но в итоге добро победит зло при помощи божественного вмешательства, затем будет всеобщее воскресение, страшный суд и вечная жизнь в Раю или в Аду.

Также ислам и христианство содержат в себе веру в пророков, которые существовали до прихода самой главной личности. Через эту личность человечество узнало всю истину. Мусульмане, как и христиане, признают существование Иисуса и его важную религиозную роль. Это важная точка соприкосновения двух религий и в то же время причина религиозных дискуссий. На нее стоит обратить особое внимание. Отношение мусульман и христиан к Иисусу раскрывает существенные стороны этих двух религиозных традиций. В данной статье мы сопоставим христианское и мусульманское понимание Иисуса из Назарета, а также определим значение этой личности в богословии христианства и ислама. Стоит сказать, что, в отличие от

ислама и христианства, иудаизм считает, что Иисус был лжецом. Так же, как и мусульмане, иудеи считают Иисуса человеком, а не Богом (<https://derstarikh.com/isa/>).

Итак, христиане и мусульмане признают историчность Иисуса, а также важность его религиозного служения. Помимо этого, в библейской истории об Иисусе и в исламской вере есть более детальные точки соприкосновения. Начнем с анализа детства Иисуса. В христианском повествовании о рождении Иисуса есть интересная особенность: «Он родился в Вифлееме, в Иудее, во времена царя Ирода. Некоторое время спустя с востока в Иерусалим пришли мудрецы» (Мф. 2: 1). Несмотря на то, что родиной Иисуса был Назарет (Мф. 13: 54, 57; Мк. 6: 1, 4; Лк. 4: 16, 24; Ин. 1: 45), те, кто говорит, что он родился в Вифлееме, а не в Назарете, утверждают, что слово «родина» не обязательно означает место рождения. Однако Матфей отмечает, что Иисус родился в Иудейском Вифлееме (Мф. 2: 1), и Лука говорит, что Иисус родился в Иудее в Вифлееме (Лк. 2: 4), городе Давида. Также нет точной информации о месяце и дне рождения Иисуса (<https://islamansiklopedisi.org.tr/isa#1>).

Перед рождением Иисуса дева Мария получила от архангела Гавриила благую весть о том, что она родит посредством Святого Духа и силы Всевышнего сына, который будет вечно «царствовать над домом Иакова» (Лк. 1: 30–35). С точки зрения христианства Мария зачала Иисуса сверхъестественным образом – без участия мужчины. Коран также говорит о чудесном рождении Исы по воле Аллаха без отца: «Помяни в Писании Марьям (Марию). Вот она ушла от своей семьи на восток и укрылась от них за завесой. Мы же послали к ней Нашего Духа (Джибриля), и он предстал перед ней в облике прекрасно сложенного человека. Она сказала: “Я прибегаю к Милостивому, чтобы Он защитил меня от тебя, если только ты богобоязнен”. Он сказал: “Воистину, я послан твоим Господом, чтобы даровать тебе чистого мальчика”. Она сказала: “Как у меня может быть мальчик, если меня не касался мужчина, и я не была блудницей?” Он сказал: “Вот так! Господь твой сказал: “Это для Меня легко. Мы сделаем его знамением для людей и милостью от Нас. Это дело уже решено!” Она понесла его (забеременела) и отправилась с ним в отдаленное

место» (19: 16–22). Здесь нужно сказать также и о том, что мать Иисуса особенно почитается и в исламе, и в христианстве.

Детство Иисуса, согласно Библии, сопровождалось пророчествами и чудесами. Чудесным образом младенец Иисус был спасен от рук царя Ирода, который хотел умертвить его. Праведный человек по имени Симеон взял маленького Иисуса в храме и произнес речь: «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром, ибо видели очи мои спасение Твое, которое Ты уготовал пред лицом всех народов, свет к просвещению язычников и славу народа Твоего Израиля» (Лк. 2: 29–32). Согласно Корану с Иисусом также произошло чудо уже в младенчестве: «Она пришла к своим родным, неся его. Они сказали: “О Марьям (Мария)! Ты совершила тяжкий проступок. О сестра Харуна (Аарона)! Твой отец не был скверным человеком, и мать твоя не была блудницей”. Она показала на него, и они сказали: “Как мы можем говорить с младенцем в колыбели?” Он сказал: “Воистину, я – раб Аллаха. Он даровал мне Писание и сделал меня пророком. Он сделал меня благословенным, где бы я ни был, и заповедал мне совершать намаз и раздавать закят, пока я буду жив. Он сделал меня почтительным к моей матери и не сделал меня надменным и несчастным. Мир мне в тот день, когда я родился, в тот день, когда я скончаюсь, и в тот день, когда я буду воскрешен к жизни”» (19: 27–33).

Евангелие от Луки рассказывает о том, как Иисус в двенадцать лет посетил храм в Иерусалиме со своими родителями – Иосифом и Марией. Там Иисус проявил себя особым образом: «Когда же, по окончании дней праздника, возвращались, остался Отрок Иисус в Иерусалиме; и не заметили того Иосиф и Матерь Его, но думали, что Он идет с другими. Пройдя же дневной путь, стали искать Его между родственниками и знакомыми и, не найдя Его, возвратились в Иерусалим, ища Его. Через три дня нашли Его в храме, сидящего посреди учителей, слушающего их и спрашивающего их; все слушавшие Его дивились разуму и ответам Его» (Лк. 2: 43–46). Повзрослевший Иисус будет указывать на недостатки храмового культа, например, когда будет изгонять торгующих из храма: «И вошёл Иисус в храм Божий и выгнал всех продающих и покупающих в храме,

и опрокинул столы меновщиков и скамьи продающих голубей, и говорил им: написано, – дом Мой домом молитвы наречётся; а вы сделали его вертепом разбойников» (Мф. 21: 12–13).

Теперь нужно сказать о том, что ислам и христианство существенно отличаются друг от друга касательно понимания Иисуса: для ислама Иса – человек и пророк, тогда как для христианства – это вочеловечившийся Бог: «Будучи совершенным Богом, Христос Спаситель есть вместе совершенный человек, и единосущный Отцу по Божеству, единосущен нам по человечеству как Сын Пресвятой Девы Марии» [Булгаков, 1883, т. 2, с. 56.]. В то же время с точки зрения христианства пророческое служение Иисуса – одна из важных граней его жизни. В Евангелии от Луки говорится о том, как после своего воскресения Иисус встречается с двумя путниками, и один из них говорит Иисусу: «Неужели Ты один из пришедших в Иерусалим не знаешь о происшедшем в нем в эти дни? И сказал им: о чем? Они сказали Ему: что было с Иисусом Назарянином, Который был пророк, сильный в деле и слове пред Богом и всем народом» (Лк. 24: 18–19). Христианские богословы подчеркивают важность пророческого служения Иисуса: «В прохождении Иисусом Христом должности учителя людей и открытии им сокровенной воли Божией об их спасении и состоит сущность Его пророческого служения, непосредственно Им совершенного. В этом отношении служение Его является подобным служению ветхозаветных пророков, ибо и служение пророков – “истолкователей воли Божией” (таково значение еврейского слова “navi” – “пророк”) – состояло в том, что они по вдохновению Божию возвещали людям волю Божию и учили благочестию» [Малиновский, 1910, т. 3, с. 194]. Мусульмане говорят почти о том же: «Порочить или отрицать пророчество Исы, мир ему, или любого другого Пророка является богохульством для мусульман точно так же, как изображать Пророка Мухаммада (мир ему и благословение) любым другим способом, противоречащим его благородному характеру» (<https://azan.ru/maqalat/read/isa-iisus-mir-emu-i-ego-missiya-v-svete-svyaschennogo-Korana-11179>).

После детского и подросткового периода Иисус продолжал участвовать в религиозной жизни. В Евангелии говорится о том, что он

уходил для молитвенного уединения. Иисус вышел на свое общественное служение в возрасте тридцати лет, приняв крещение от Иоанна: «И когда выходил из воды, тотчас увидел Иоанн разверзающиеся небеса и Духа, как голубя, сходящего на Него. И глас был с небес: Ты Сын Мой возлюбленный, в Котором Мое благоволение» (Мк. 1: 10–11). Иоанн Креститель увидел в Иисусе обещанного в иудейских писаниях пророка. Примечательно, что в исламе есть представление об Яхья ибн Захарийя – исламском пророке, который был послан еврейскому народу для подтверждения пророческого служения Исы. Отметим интересное сходство между исламом и христианством: и в Мухаммеде, и в Иисусе их двоюродные братья признали пророков. Иисус был отвергнут в родном городе, а также и в других городах, несмотря на сотворенные им чудеса: «Учение Иисуса оскорбляло чувства религиозных лидеров Иудеи, точно также как и учение Мухаммеда задевало идолопоклонников в Мекке» [Гэбриел, 2006, с. 62]. Еще один важный момент: христиане не считают, что Иисус был женат, тогда как согласно нескольким хадисам Пророка Мухаммада Иса после своего второго пришествия женится, и у него будут дети (<https://azan.ru/maqalat/read/isa-iisus-mir-emu-i-ego-missiya-v-svetesvyaschennogo-Korana-11179>).

Иисус исцелял больных, воскрешал мертвых, изгонял демонов, чудесным образом умножал пищу, повелевал стихиями. В Коране также есть сведения о том, что Иса совершал чудеса: дул на слепленых из глины птиц, и они по соизволению Всевышнего оживали, исцелял слепого и прокаженного, возвращал к жизни покойников (5: 110). В той же суре говорится о чудесном ниспослании трапезы с неба (5: 114). Исламские богословы подчеркивают, что Иисус совершал разные чудеса.

Ислам и христианство совпадают в том, что Иисус действовал при поддержке божественного Духа: «И Мы даровали Исе, сыну Марйам, ясные знамения и подкрепили его духом святым» (2: 254). Однако для христиан святой Дух – это ипостась в триединого Бога, тогда как мусульманские богословы понимают под «духом святым» либо ангела Гавриила, либо верховное имя Аллаха (<https://azbyka.ru/lichnost-krista-v-evangelii-i-v-korane>). Также ислам и христианство сближаются

в том, что Иисус оставил писание – Евангелие (Инджил). Однако мусульмане считают, что подлинный текст Евангелия был испорчен и до нас не дошел. Интересно, что ученые проводят параллели между одной коранической проповедью Иисуса Христа (43: 63–64) и евангельской проповедью (Ин. 14; 1–6) [Эйвазов, 2020, с. 152].

Иисус в последний период своей жизни возвращается в Иерусалим, будучи на вершине известности. Согласно Евангелию он предупредил своих учеников, что будет убит и воскреснет в третий день (Мф. 16: 21). И, как верят христиане, Иисус был распят на кресте, а затем воскрес. Однако мусульмане, вообще, отрицают смерть Иисуса на кресте. По Корану распяли другого человека, похожего на Ису, более того, утверждается, что сами христиане спорили об этом (4: 157). Укажем на еще одно место, в котором говорится о смерти Иисуса: «Вот сказал Аллах: “О Иса (Иисус)! Я упокою тебя и вознесу тебя к Себе. Я очищу тебя от тех, кто не уверовал, а тех, которые последовали за тобой, возвышу до самого Дня воскресения над теми, которые не уверовали. Затем вам предстоит вернуться ко Мне, и Я рассужу между вами в том, в чем вы разошлись во мнениях”» (3: 55). Мусульмане считают, что Иисус умер в более поздний период. Бог взял с собой его душу (<https://islamansiklopedisi.org.tr/isa#1>).

Такое положение веры противоречит христианскому учению, придающему жертве Иисуса на кресте огромное значение. Воскресение Иисуса – краеугольный камень христианской веры: «Если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера ваша» (1 Кор. 15:14). С христианской точки зрения Иисус был распят за все человечество для искупления первородного греха, который наследуют все люди от первого человека – Адама. Иисуса называют «Агнцем Божиим», то есть сравнивают с ягненком, которого приносят в жертву Богу. Иисус так же был принесен в жертву, только эта жертва самая главная из жертв, так как она предназначена для спасения всех людей без исключения. В Ветхом Завете описывается, как Авраам приносит в жертву Исаака – своего сына (Быт. 22: 1–24). Это указывает на то, что произойдет в будущем – Бог отдаст своего сына ради спасения людей.

Первородный грех проявляется в том, что каждый потомок Адама и Евы из-за их ослушания Божьей воли в Раю находится во власти демонических сил, что человеку приятнее грешить, а не становиться святым, что человек оторван от Бога, страдает физически и душевно, имеет расстройство душевных сил, стареет и умирает. Нужно было исцелить человека изнутри, а не просто исправить внешними средствами (наказаниями, потопом, законом, пророками и т. д.). И только Бог может спасти человека от сильной испорченности: «Для того чтобы <...> потребить грех во всем существе человека, просветить его разум, исправить волю, восстановить в нем образ Божий, – требовалось не менее, как воссоздать человека: ибо грех не есть в нас что-либо внешнее, напротив, он проник всю нашу природу, заразил своим ядом все наши силы, низвернул способности; он повреждает каждого из нас в самом семени и корени, – потому что во грехе мы все зачинаемся, во грехе и рождаемся» [Булгаков, 1883, с. 12].

После своей крестной смерти Иисус воскрес и явился ученикам в новом преображенном теле. Этим он показал, что смерть и страдания будут побеждены после всеобщего воскресения, когда праведные люди унаследуют новые тела для вечной блаженной жизни. После своего воскресения и явления ученикам Иисус, согласно христианскому учению, вознесся на небеса к Богу Отцу, оставаясь и Богом-Сыном, и в то же время человеком. Этим было показано, какое высокое положение занимает человек.

Последний пункт сопоставления – роль Иисуса в эсхатологии ислама и христианства. Пришествие Исы в исламе – это одно из знамений скорого наступления Судного Дня. Христиане также ожидают Второго пришествия Иисуса. Согласно исламскому вероучению Иса сразится с лжепророком ад-Даджджелем и убьет его. Но есть ученые, которые утверждают обратное (<http://kurandaceliskiyoktur.com/hurafelet/hz-isanin-olumu/>). Также Иисус будет склонять евреев и христиан к принятию ислама. Царствование Исы будет длиться сорок лет, на Земле в этот период воцарится полный мир и справедливость. В Новом Завете Иисус неоднократно говорил о своем Втором пришествии (Мф. 16: 27; 24: 27; 25: 31; Мк. 8: 38; Лк. 12: 40), о том же говорили и апостолы в своих посланиях (1 Ин. 2: 28; 1 Кор. 4: 5; 1 Фес. 5: 2–6).

Ожидается, что во второй раз Христос придет во славе, тогда как в первое свое пришествие он был уничтожен. После пришествия в конце времен Иисус будет совершать суд над всеми людьми.

Итак, понимание жизни Иисуса и его роли в христианстве и исламе имеют определенные сходства: рождение Иисуса признается чудесным – без участия мужчины; особое почитание полагается его матери; с ним случались чудеса еще в младенчестве; перед его приходом был послан провозвестник; Иисус творил чудеса и призывал народ к единобожию; он исполнял пророческую миссию, возвещая волю Бога; он действовал при помощи святого духа; он оставил писание – Инджиль (Евангелие); человечество ожидает второго пришествия Иисуса.

В то же время имеются и серьезные отличия. Во-первых, Иисус понимается в традиционном христианстве как Бог во плоти (<https://islamansiklopedisi.org.tr/hiristiyalik>). Мусульмане считают, что Иса был только человеком, рабом Аллаха, исполнявшим волю Аллаха и пророческую миссию (98: 30). Для христиан такое понимание является ересью. В христианстве говорится о том, что пророческое служение – всего лишь одна из граней служения Иисуса на земле. Во-вторых, ислам и христианство по-разному понимают смерть Иисуса и значение этого действия для человечества. В христианстве распятие и воскресение Иисуса – возможность спасения всех людей. Ислам не придает смерти Иисуса такого значения. Главное в его жизни – это исполнение воли Аллаха и призыв к единобожию. В-третьих, ислам и христианство по-разному понимают роль второго пришествия Иисуса. Если в исламе Иса приходит для того, чтобы победить лжепророка и установить мир на земле, только в христианстве Иисус приходит для того, что судить мир как воплощенный Бог. Итак, самым серьезным отличием исламского понимания Иисуса от христианского является то, что для мусульман Иисус – всего лишь человек, а для христиан – Бог. Если в христианстве слово Бога стало плотью (Ин. 1: 14), то в исламе божественное слово стало книгой – Кораном. Самым главным сходством является то, что и мусульмане, и христиане признают пророческую миссию Иисуса, которая направляла людей к единобожию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гэбриэл М. А.* Иисус и Мухаммед. Поразительные совпадения и явные различия. Кавказ, 2006.
- Булгаков М.* Православно-догматическое богословие: в 2-х т. СПб. : Типография Р. Голике, 1883. Т. 2.
- Малиновский Н.* Православное догматическое богословие: в 5 т. Сергиев Посад : Тип. Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1910. Т. 3.
- Эйвазов Н.* Учение об Иисусе Христе в Коране: богословский анализ в перспективе диалога между православными и мусульманами: дис. ... канд. наук. Сергиев Посад, 2020.

УДК: 008+316.776.2

Барсемова Р. Е.

студент II курса (специалитет)
Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Россия)
reginabars01@mail.ru

Научный руководитель:

Грузинов И. И.

Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Россия)
gruvan@yandex.ru

АМЕРИКАНИЗАЦИЯ КАК ЯВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННОЙ КУЛЬТУРЫ

В данной статье рассматривается американизация массовой культуры. Исследуются положительные и отрицательные стороны влияния американской культуры на мировое сообщество. Поднимается проблема развития национальной культуры. Большое значение уделяется сохранению национальной идентичности в связи с массовой информатизацией общества.

Ключевые слова: американизация; массовая культура; мировое общество; ценность; патриотизм; национальная культура

Barsemova R.E.

IInd Year Student (specialist's program)
Moscow State Linguistic University
(Moscow, Russia)
reginabars01@mail.ru

Scientific supervisor:

Gruzinov I.I.

Moscow State Linguistic University
(Moscow, Russia)
gruvan@yandex.ru

AMERICANIZATION AS A PHENOMENON OF MODERN CULTURE

This article discusses the Americanization of popular culture. The positive and negative aspects of the influence of American culture on the world community are investigated. The problem of the development of national culture is raised. Great importance is attached to the preservation of national identity in connection with the mass informatization of society.

Keywords: americanization; mass culture; world society; value; patriotism; national culture

Наиболее характерной чертой современного мира становится всё более усиливающееся взаимопроникновение ценностей различных стран. Однако взаимодействие мировой и национальных культур не всегда происходит безболезненно для последних. Безусловно, вклад отдельных национальных культур в общемировое наследие не одинаков, что приводит к доминированию одной из главенствующих культур.

В первой половине XX века определяющей из всех культур была американская, и уже после Второй мировой войны власть США в культурном мире усиливается настолько, что становится доминирующей. Это происходит из-за того, что развитие науки и техники привело к качественным изменениям в различных сферах жизни, и количество каналов для проникновения иностранной культуры увеличивается. Культурный подъем также связан с тем, что Америка не столкнулась с трудностями послевоенного восстановления мирного уклада жизни и экономики, поэтому европейцам приходилось довольствоваться продукцией американской массовой культуры [Сковородин, 2000, с. 190]. Началось активное распространение по всему миру «американской идеи» с целью создания глобальной культурной империи под ее руководством. С этого момента был запущен процесс американизации мировой и национальных культур.

Термин «американизация» возник еще в 1907 году, и первоначально это понятие относилось к росту популярности американского образа жизни в Канаде [Киселева, Текушева, 2020, с. 413]. В самих Штатах это термин имеет позитивное значение – под ним подразумевается – процесс ассимиляции иммигрантов. За пределами США понятие зачастую носит негативный характер, так как означает процесс усвоения индивидом или социальной общностью американского образа жизни и поведения.

Вследствие политической и экономической деятельности США американская культура агрессивно внедряется во все сферы жизни мирового общества и приобретает глобальные масштабы. В силу своей распространенности в современном мире американская культура определяет содержание и характер мировой культуры, что

негативно сказывается на самобытности других национальных культур. Подражание американской культуре приводит к трансформации этнического самосознания, языка и традиций, потери связи с собственной культурой. Это может привести к потере единства в обществе и практически полной утрате национальной культуры.

Впрочем, существуют и альтернативные подходы к указанной проблеме. Такие ученые, как В. И. Добренков и А. И. Кравченко, считают, что «американизация – это культурная экспансия со стороны США по отношению к другим странам» [цит. по: Киселева, Текушева, 2020, с. 410]. Однако не все ученые высказываются так категорично относительно этого вопроса. Многие считают, что основная часть массовой американской культуры не оказывает большого влияния на национальную культуру, то есть не способна изменить ее в значительной степени.

Склонность к «американизации» находит свое отражение в разных языках, что проявляется в повседневном использовании большего числа заимствований из американского английского. Английский язык, несомненно, занимает лидирующие позиции и претендует на статус глобального языка в современном мире, ведь он является самым изучаемым и широко используется в международной коммуникации.

Парадоксально, что французы, которые исторически являлись приверженцами пуризма – преувеличенного стремления к чистоте литературного языка и изгнанию из него всяких посторонних элементов – также подверглись американизации. Французский исследователь международной истории Л. Турне в своей работе «Американизация французской культуры» приводит несколько аспектов французской культуры, наиболее подвергшихся американизации в период после Второй мировой войны. По его мнению, это музыка, оказавшаяся под влиянием джаза; литература, изменившаяся с появлением американского детективного романа, научной фантастики, нуара и карманной книги, и живопись, где популярность Парижской школы сменилась популярностью школы Нью-Йорка с ее абстрактным экспрессионизмом [Константинова, 2016, с. 204].

Американизация затронула и Россию. Активная фаза американизации русской культуры началась в 1990-е годы, после открытия «железного занавеса» [Киселева, Текушева, 2020, с. 410]. Благодаря телевидению и кино русский человек познакомился с американской культурой и усвоил иную систему ценностей. Стереотипы американского кино выступают как орудие пропаганды национальных ценностных ориентиров и воздействуют на сознание человека. В современной России большую часть фильмов, выходящих в кинопрокат, составляют картины иностранного производства. Американские фильмы популярны во всем мире, двадцать самых кассовых фильмов в истории человечества сняты в США ([https:// scienceforum.ru/2012/article/2012000384?](https://scienceforum.ru/2012/article/2012000384?)).

Следует отметить, что американская музыка – рэп, хип-хоп, кантри, джаз – также покорила иностранных граждан. Такие исполнители, как Элвис Пресли и Майкл Джексон, признаны во всем мире, и произведения этих музыкантов даже после их смерти продаются огромными тиражами ([https:// scienceforum.ru/2012/article/2012000384?](https://scienceforum.ru/2012/article/2012000384?)). Популярная американская музыка прочно закрепляется в большинстве стран мира. Русский музыкальный фольклор практически не присутствует в сознании молодого поколения, что говорит о том, что музыка оказывает большое влияние на общество и стирает из памяти традиции, народные песни и культурные особенности.

Влияние США становится всё более очевидным. Продукты, техника, электроника импортируются из этой страны, так что процесс мировой американизации уже не остановить. Таких позиций придерживается Мария Шукшина, которая выступила с пламенной речью на церемонии вручения государственных наград. Она высказала свои опасения о вирусе «бескультурья», который более опасен, чем коронавирус, и подметила, что современные войны ведутся не на поле битвы, а в науке, культуре и образовании ([https:// ria.ru/20210831/kultura-1748055634.html?](https://ria.ru/20210831/kultura-1748055634.html?)).

Однако существует ряд стран, которые принимают законы, затрудняющие проникновение американской культуры и защищающие национальную культуру. Ярким примером такой страны является Китай.

Китайцы используют одну из самых совершенных систем по ограничению интернет-контента, которая называется «Золотой щит». Эта система блокирует доступ всех популярных западных социальных сетей и ресурсов, которые в определенной мере выполняют функции СМИ. В Китае были созданы национальные версии глобальных интернет-сервисов, которые со временем превратились из копий американских аналогов в уникальные интернет-площадки (<https://clck.ru/emTFR>). Можно отметить, что Китай является одной из немногих стран, которая в открытую выступает против американизации без нанесения ущерба национальной культуре.

Подводя итог, можно сказать, что США целенаправленно использует культуру для осуществления контроля над обществами зарубежных стран в целях утверждения в них американских ценностей. Американизация влияет на все сферы жизни общества, но особенно на нравственность и психику человека. Австрийский психолог З. Фрейд считал, что при потреблении массовой культуры действует механизм внушения и заражения. Человек как бы перестает быть самим собой и становится частью массы, сливаясь с ней.

Несмотря на отрицательные аспекты американского воздействия на общество какой-либо страны, не стоит забывать и о положительных сторонах. Американской культуре присущ ряд таких ценностей, как активное отношение к жизни, индивидуализм, личная свобода, равноправие, прямолинейность и нацеленность на будущее.

Тем не менее в настоящее время большинство стран не может остановить процесс влияния американской культуры, так как элементы иностранной культуры обеспечивают развитие собственной. Однако в случае, если отдельные страны планируют сохранить культурную самостоятельность, им следует снижать влияние американской культуры и повышать уровень национальной культуры, развивая нравственность и патриотизм у подрастающего поколения. В связи с этим главной задачей государства становится создание условий для формирования чувства уважения молодежи по отношению к собственной стране и культуре.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Сковородин В. М. Культурология: Учебное пособие. М. : МГИУ, 2000.

Киселева А. Ю, Текушева Л. А. Американизация массовой культуры в современной России // Евразийское научное объединение. 2020. № 5-5 (63). С. 410–413.

Константинова М. В. Американизация европейских языков как угроза утраты идентичности (на примере современного русского и французского языков) // Вестник Костромского государственного университета. 2016. Т. 22. № 2. С. 202–206.

УДК: 338.48

Вашурина К. С.

студент I курса (магистратура)

Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Россия)

Vashurinaks@gmail.com

Научный руководитель:

Г. Ф. Красноженова

доктор социологических наук, профессор

Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Россия)

turizm@linguanet.ru

ИНДИВИДУАЛЬНЫЕ КАЧЕСТВА ПЕРСОНАЛА ГОСТИНИЦЫ КАК ВАЖНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЕЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматривается влияние индивидуальных качеств персонала гостиницы на главный продукт ее деятельности – гостиничные услуги. Также даны краткие ответы на вопросы, почему к работникам предъявляются не только квалификационные, но и психофизиологические требования.

Ключевые слова: персонал; управление персоналом; гостиничные услуги

Vashurina K. S.

Ist year student (master's program)

Moscow State Linguistic University
(Moscow, Russia)

Vashurinaks@gmail.com

Academic Advisor:

G. F. Krasnozhenova

Doctor of Sociology (Dr. habil), Professor

Moscow State Linguistic University
(Moscow, Russia)

turizm@linguanet.ru

INDIVIDUAL QUALITIES OF HOTEL STAFF AS AN IMPORTANT COMPONENT OF HOTEL'S ACTIVITIES

The article discusses the influence of personal qualities of hotel staff on hotel services they provide. The aim of the article is to demonstrate why there are psychophysiological requirements for employees in the industry in addition to qualification requirements, and why they must be observed when you are hiring and selecting personnel.

Keywords: personnel; personnel management; hotel product

Широко известно, что целью гостиничного предприятия, как и любого другого, является постоянный рост прибыли. Этот показатель напрямую связан со степенью удовлетворенности клиента качеством оказываемых услуг. По А. Фейнгенбауму, качество услуг понимается как совокупность положительных и отсутствие отрицательных свойств и особенностей услуги, которые вызывают удовлетворение потребителя и препятствуют возникновению у него недовольства [Кусков, 2009]. Этот параметр, в свою очередь, зависит от организации обслуживания, знаний и умений персонала, характера работы с клиентами. С этой точки зрения трудно не согласиться со следующими утверждениями: во-первых, «персонал гостиницы – это неотъемлемая часть гостиничного продукта» [Слепцова, 2017, с. 64], во-вторых, правильно подобранный персонал – залог успеха предприятия.

Однако прежде чем обратиться непосредственно к вопросу о том, каким должен быть персонал гостиницы, следует начать с того, что процесс оказания гостиничных услуг имеет свою определенную специфику:

- 1) гостиничные услуги нематериальны и неосвязаемы (в приоритет ставится процесс оказания услуги, а не конечный результат);
- 2) они не могут быть оценены с объективной точки зрения;
- 3) уровень качества обслуживания напрямую зависит от человека, предоставляющего услугу (процесс предоставления одной и той же услуги всегда различается ввиду человеческого фактора).

Поручая предоставление услуг тем или иным сотрудникам, гостиница всегда берет на себя определенный риск, поскольку у клиента всегда складывается общее впечатление о работе гостиницы, включающее в себя множество составляющих. Бывают ситуации, когда впечатление от взаимодействия с сотрудником портит оценку всего заведения в целом. Поэтому признаки и качества сотрудника (уровень его профессионализма, компетентности, соответствия занимаемой должности, характера и эмоционального состояния) имеют большое значение.

Так на какие качества соискателей должна обращать внимание кадровая служба, чтобы руководство организации впоследствии не пожалело о принятом решении? Каким именно должен быть сотрудник, чтобы способствовать повышению числа положительных отзывов и впечатлений о качестве обслуживания?

Отбор персонала всегда должен руководствоваться методами, которые будут способствовать достижению целей, таких как «предоставление гостиничных услуг в соответствии с мировыми стандартами при общем уменьшении финансовых вложений и оптимизации персонала; увеличение продуктивности и результативности труда работников гостиницы; формирование плодотворной атмосферы и условий для образования единого коллектива с общностью взглядов на решение задач в сфере гостеприимства [Агаева, Веретенников, 2017, с. 14].

Традиционно подбор кадров для гостиницы происходит по нескольким каналам: благодаря личным связям (набор по знакомству), объявлениям (вариант с улицы); кадровым агентствам; переманиванию сотрудников других организаций [Чудновский, 2000].

Для подбора сотрудников на конкретную должность кадровая служба проводит анализ способностей кандидатов, специфики работы и требований к ее выполнению. Это своего рода детализация требуемых параметров, например, внешних данных, темперамента, мобильности, квалификации, опыта выполнения аналогичных работ и др. В результате этого анализа выделяются ключевые показатели, играющие решающую роль на рабочем месте и тем самым облегчающие процесс принятия решений.

Именно поэтому в гостиничном бизнесе важно разрабатывать специальные документы, регламентирующие профессиональный портрет сотрудника. Такие документы называются профессиограммами. Профессиограммы описывают, во-первых, содержание работы по определенной профессии, во-вторых, требования к сотруднику, выполняющему эту работу. Помимо общих сведений, описания трудового процесса, требования к подготовке и повышению квалификации кадров, этот документ содержит еще и психофизиологические требования к работнику, касающиеся его темперамента, характера, склада ума, способности к концентрации.

Устанавливая перечень профессионально важных социально-психологических характеристик, профессиограмма способствует эффективному поиску новых кадров. Следуя требованиям, установленным в документе, кадровая служба повышает свой шанс найти сотрудника, который максимально подходил бы для той или иной должности. В качестве примера можно привести требования к должности сотрудника службы приема и размещения. Очевидно, что среди личных качеств, которыми должен обладать данный работник, на первом месте будут стоять доброжелательность, коммуникабельность, стрессоустойчивость и ответственность. В перечень профессиональных качеств будет отнесено владение разговорным иностранным языком, уверенное владение автоматизированной системой управления, знание этикетных норм.

В случае соответствия работников установленным требованиям, мы можем видеть очевидную корреляцию. Гостиница, нанимая подходящего сотрудника, автоматически повышает общий уровень оказываемых услуг и увеличивает прибыль, а сотрудник, занимая должность, которая предполагает эффективное использование его индивидуальных особенностей, легче справляется с обязанностями и тем самым получает мотивацию к дальнейшей работе [Шапири, 2012]. И, наоборот, сотрудник, который занимает неподходящую ему должность, будет разочарован и демотивирован своими неудачами, а организация рискует потерять возможную прибыль, клиентов и испортить репутацию.

В своем исследовании Е. В. Слепцова и К. Г. Семенихина приводят описание ряда проблем, связанных с качеством персонала в гостиницах. Среди них, помимо очевидного недостатка квалифицированных сотрудников, имеющих профильное образование, они выделяют отсутствие необходимых профессиональных и личных качеств, низкую приспособляемость сотрудников, неумение работать в команде, что приводит к высокой текучести кадров и совершению большого числа ошибок, что негативно сказывается на работе всей системы [Слепцова, Семенихина, 2017, с. 66]. Поэтому подбор персонала должен проходить с большой тщательностью и вниманием, а последующие меры по профессиональной и социально-психологической адаптации

должны способствовать ускоренному включению в рабочий процесс, ознакомлению с правилами, требованиями и обязанностями, освоению основных коммуникационных функций, пониманию роли и статуса занимаемой должности в структуре организации, приспособлению к нормам поведения и взаимоотношений в коллективе.

Исходя из всего вышесказанного, мы можем сделать вывод, что индивидуальные характеристики персонала гостиницы имеют большое влияние на качество предоставляемых услуг. Ведь персонал гостиницы напрямую взаимодействует с клиентом, малейшие недостатки в работе одного конкретного человека могут испортить впечатление от всей организации в целом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Агаева Н. Ю., Веретенников А. Н.* Механизмы повышения эффективности и качества подбора персонала в индустрии гостеприимства // АНИ: экономика и управление. 2017. № 4 (21). С. 13–16.
- Кусков А. С.* Гостиничное дело. М. : Дашков и Ко, 2009.
- Слетцова Е. В., Семенихина К. Г.* Персонал как одна из составляющих гостиничного продукта // Экономика и бизнес: теория и практика. 2017. № 7. С. 64–68.
- Чудновский А. Д.* Туризм и гостиничное хозяйство. М.: Экмо, 2000.
- Шатило С. А.* Мотивация и стимулирование персонала. М. : ГроссМедиа, 2012.

УДК 658.5

Вишнякова Д. А.

студент II курса (бакалавриат)
Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Россия)
dary.vishnyakova@mail.ru

Научный руководитель:

Малькова Ю. В.

кандидат экономических наук, доцент
Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Россия)

АНАЛИЗ ВЛИЯНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ТУРИСТСКИХ ПОТОКОВ НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ГОСТИНИЧНОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

В статье рассматривается тот факт, что в условиях глобализации для создания комфортного пребывания в гостинице всё большую значимость приобретает учет кросс-культурных особенностей гостей из разных стран. Это диалог культур, и залогом успешной межнациональной коммуникации является способность представителей одной нации оказать радушный прием представителям другой нации на территории своей страны.

Ключевые слова: гостиничная индустрия; конфессиональные туристы; кросс-культурная коммуникация; этнокультурные потребности

Vishnyakova D. A.

IInd Year Student (Bachelor's Program)
Moscow State Linguistic University
(Moscow, Russia)
dary.vishnyakova@mail.ru

Academic Advisor:

Malkova Y. V.

PhD (Economy)
Moscow State Linguistic University
(Moscow, Russia)

ANALYSIS OF THE IMPACT OF CULTURAL FEATURES OF TOURIST FLOWS ON THE ACTIVITIES OF THE HOTEL ENTERPRISE

The article considers the fact that in the context of globalization, consideration of cross-cultural characteristics of guests from different countries is becoming increasingly important to create a comfortable stay. This is a dialogue of cultures, and the key to successful cross-cultural communication is the ability of representatives of one nation to give a warm welcome to representatives of another nation.

Keywords: hotel industry; confessional tourists; cross-cultural communication; ethno-cultural needs

На данный момент российская экономика находится в сложных условиях геополитических противоречий и санкционных ограничений. Среди внешнеполитических факторов, оказавших отрицательное влияние на экономику России за последние годы, можно назвать нагнетание политического противостояния на межгосударственном уровне и снижение интереса к бизнес-сотрудничеству со стороны европейских и других стран, поддержавших санкции против России. Такое положение сказалось и на сфере гостиничной индустрии. Нестабильность и неоднозначность отношений России со странами Европы и Америки отрицательно отразились на притоке в РФ иностранных гостей из этих стран.

С другой стороны, уже давно наблюдается значительный интерес граждан восточных стран к российскому туризму. Как показывает статистика, согласно данным АТОР (ассоциация туроператоров России) только за первые 6 месяцев 2021 года турпоток из Объединенных Арабских Эмиратов составил 8,8 тыс. человек (<https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/58171.html>) – почти в три раза больше, чем в аналогичный период 2019 года (2,9 тыс. человек). Это единственное направление, которое в условиях пандемии Covid-19 показало рост по въездному туризму по сравнению с 2019 годом. И сейчас именно путешественники из ОАЭ оказывают влияние на сегмент въездного туризма – операторы работают в основном на Ближний Восток.

Арабские туристы выбирают стандартные маршруты – Москва и Санкт-Петербург, но их средний чек поездки гораздо выше: иностранные гости предпочитают премиальный сервис [Четверякова, 2021]. Таким образом, РФ выгодно принимать арабских гостей и предоставлять им сервис на высшем уровне.

К такому вниманию со стороны туристов из арабских стран гостиничная индустрия России, ориентированная на европейский уровень предоставления сервиса, не всегда готова, поскольку культурная идентичность арабов накладывает определенные требования на предоставление гостиничных услуг.

Чтобы удержать клиентов ближневосточных стран, необходимо подробно изучить их культуру, религию, кухню и адаптировать гостиницы под их базовые потребности.

Официальной религией Объединенных Арабских Эмиратов является ислам, и около 75 % населения страны – мусульмане, поэтому рост туристического потока гостей из этих стран требует обратить внимание гостиниц на специфику мусульманства, изучить уникальность восточной кухни, узнать особенности делового этикета, а также успешно внедрить это в функционирование гостиничных комплексов для создания наиболее комфортной среды пребывания клиентов.

В первую очередь, об особенностях обслуживания гостей из арабских стран должны быть проинформированы работники, имеющие с ними непосредственный контакт. Необходимо организовать несколько кросс-культурных тренингов, где персонал познакомится с особенностями религии ислам, праздниками и традициями, освоит национальные арабские блюда и выучит необходимые разговорные фразы на языке гостя для коммуникации.

Так, например, сотрудники службы приема и размещения должны иметь представление об образе жизни мусульман и при назначении номера предоставить тот, где гость будет чувствовать себя комфортно как дома. Такие клиенты желают, чтобы окна их номеров выходили на восток, поскольку ежедневную молитву (пять раз в день) мусульмане произносят лицом на восток, сторону Мекки. Также необходимо чтобы в команде были работники, в совершенстве знающие арабский язык для решения любых вопросов, которые могут возникнуть у гостя за время пребывания [Аигина, 2016, с. 139].

На ресепшене необходимо наличие стойки с информацией об услугах отеля и достопримечательностях города, прессой, путеводителями и картами на арабском языке, чтобы у гостя всегда была под рукой полезная информация.

Большое внимание необходимо уделить комплектации номеров. В номере не должно быть алкогольных напитков, особенно это требование касается мини-бара, а также нельзя, чтобы там находились изображения, статуи, символы живых существ. Обязательно необходимо обеспечить в номере свободное пространство для молитвы, молитвенный коврик и указатель Кибла (направление молитвы в сторону Каабы в Мекке), а в санузеле – средства для совершения спе-

циального омовения: гигиенический душ, биде, при их отсутствии – кумган (кувшин или лейка) [Духовная, 2017, с. 43].

Много требований также к ресторанным аутлетам отелей. Поскольку Коран указывает на запрет употребления свинины и некоторых морепродуктов, рестораны должны адаптировать свои кухни под особенности приготовления арабской национальной еды. Кроме того, пищевая продукция, используемая для оказания услуг питания таким гостям, должна находиться в специальных маркированных местах хранения, а оборудование и инвентарь, используемые для приготовления еды, должны эксплуатироваться исключительно для арабских блюд. Использование инвентаря для приготовления другой продукции запрещено [Пичкова, 2018, с. 5].

Также в отелях необходимо соблюдение особых требований в период Рамадана (священный месяц поста, в течение которого мусульмане питаются только ночью). В это время для гостей должны быть открыты рестораны в ночное время или предлагаться услуги круглосуточной работы рум-сервис с адаптированным меню.

Спа-зоны и бассейны тоже должны быть оборудованы по требованиям мусульманства.

Чтобы создать наиболее комфортную среду пребывания для конфессиональных туристов, в сентябре 2015 года компанией ООО «Спутник» была разработана программа гостеприимства Halalfriendly. Это система добровольной сертификации предприятия туристической индустрии на соответствие потребностям туристов, проповедующих ислам (<https://halalcenter.ru/c>). Для получения сертификации существует система оценки – от одной до пяти лун. Максимальное количество лун получает отель, который полностью соответствует всем нормам ислама и адаптирован под комфортное проживание мусульман.

Таким образом, возникает немало требований для удовлетворения базовых потребностей иностранных гостей. По данным HalalBooking, сайта, где можно забронировать отель, получивший сертификацию Halalfriendly, в России 1 172 отеля, предоставляющих услуги Halal,

из них большая часть (595 отелей) находится в Москве. Весь комплекс услуг Halal (предоставление еды, отсутствие алкоголя, наличие раздельной спа-зоны или бассейна), соответствующих требованиям сертификации, могут предоставить лишь 85 отелей России. А это примерно лишь 7 % от общей части отелей, предоставляющих Halal-услуги. Большая часть может гарантировать гостю лишь отсутствие алкоголя в номере или предоставление еды Halal по запросу (<https://ru.halalbooking.com/>).

Конечно, на данном этапе гостиничный рынок России не может предоставить весь спектр услуг, необходимых для комфортного пребывания конфессиональных туристов. Однако за несколько лет существования сертификации рынок халяльного туризма существенно вырос и продолжает непрерывно расти, что только подтверждает актуальность данной программы. Сертификация Halalfriendly – это выгодное вложение средств, которое при правильном продвижении принесет отелю существенный доход и откроет огромные перспективы для развития. Также разработка и внедрение в индустрию гостеприимства программ по предоставлению сертифицированных услуг и продукции способствуют развитию национального туризма.

Можно сделать вывод, что гостиничная индустрия Российской Федерации, столкнувшись с нелегким вызовом, связанным с изменением структуры гостевых потоков, гибко адаптируется под спрос ближневосточных туристов, удовлетворяя их этнокультурные потребности. Однако пока это происходит не в полном объеме, поскольку при увеличении количества религиозных туристов арабских стран гостиничная система не сможет разместить всех желающих получить полноценный высококлассный сервис. Для эффективной работы по предоставлению специфичных гостиничных услуг российской индустрии гостеприимства следует больше сосредоточиться на этом направлении и выделить дополнительные средства на его реализацию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аигина Е. В.* Учет национальных и религиозных особенностей туристов при организации путешествий // Вестник КазНУ. Серия географическая, № 1/2 (42). 2016. С. 136–142.
- Духовная Л. Л.* Сертификация объектов туристской индустрии по программе «Halal Friendly». Современный аспект // Сервис в России и за рубежом. 2017. № 6 (76). С. 41–53.
- Пичкова А. Э.* Актуальность и проблемы внедрения программы «Halal Friendly» // Стратегическое управление и перспективы его внедрения на предприятиях индустрии туризма и гостеприимства: материалы международной научно-практической конференции. 2018. С. 77–84
- Четверякова Е.* «Были в Лондоне и Париже, здесь намного лучше». За что арабские туристы полюбили Россию // Газета.ru. 22 августа 2021/
URL: https://www.gazeta.ru/lifestyle/style/2021/08/a_13896356.shtml

УДК: 331.1

Вовк Ю. В.

студент III курса (бакалавриат)

Научный руководитель:

Гайденко П. И.

доктор исторических наук, профессор

Московский государственный лингвистический университет

(Москва, Россия)

juliavovk02@yandex.ru

ОПЛАТА НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОГО ТРУДА ПЕДАГОГИЧЕСКОГО РАБОТНИКА

Статья раскрывает содержание понятия научно-методической работы и рассматривает проблему материального стимулирования сотрудников, ее выполняющих. Особое внимание уделено важности данного типа труда педагогических работников, причинам возникновения проблемы, связанной с его оплатой, и анализу возможных вариантов ее решения.

Ключевые слова: научно-методический труд; труд педагогического работника; стимулирование труда; материальное поощрение

Vovk J. V.

IIIrd Year Student (Bachelor's Program)

Academic Advisor:

Gaidenko P. I.

Doctor of History (Dr. habil), Professor

Moscow State Linguistic University

(Moscow, Russia)

juliavovk02@yandex.ru

THE PAY SCALE FOR SCIENTIFIC AND METHODOICAL WORK OF TEACHING STAFF

The article reveals the content of the concept of scientific and methodical work and considers the problem of financial incentives for employees performing it. Special attention is paid to the importance of this type of work of teaching staff, the causes of the problem associated with its payment and the analysis of possible solutions.

Keywords: scientific and methodical work; the work of teaching staff; labor incentives; financial incentives

Должностные обязанности работников образовательной сферы крайне обширны. С развитием технологий трудность выполнения некоторых из них снижается, появляются всевозможные вспомогательные средства. Однако вне внимания исследователей остается работа, прделываемая учителями и преподавателями школ, колледжей, вузов и иных образовательных организаций за пределами рабочих мест. В своей работе мы рассматриваем проблему организации и оплаты труда педагогических работников в научно-методической сфере.

Обычно под научно-методической работой понимается научное исследование, целью которого является получение своих собственных, то есть авторских выводов и результатов (теоретического и практического характера) в области преподавания конкретной дисциплины и в рамках избранной темы (http://pages.marsu.ru/iac/ес1саУпаика/_private/metod2.html). Наравне с преподаванием, научная и методическая работа, представляющая собой написание статей, диссертаций, проведение исследований, входит в должностные обязанности преподавателя. Для написания сложного научного труда необходима литература, доступ к которой в целом сложно получить. Нередко работа с ней, как правило, связана с конкретной библиотекой или архивом. В рабочее время сотрудник должен находиться на своем рабочем месте, а работа в библиотеке в свободное время оплачиваться не может.

Хотелось бы также добавить, что методическая работа позволяет совершенствоваться в преподаваемой дисциплине. Изучение новых материалов, методов работы, разработок коллег способствует развитию преподавателя. Новые подходы часто могут больше заинтересовать учеников, а ведь именно заинтересованность делает возможным легкое усвоение материала. Стоит ли говорить о том, что в соответствии со статьей 48 Федерального закона от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 02.07.2021) «Об образовании в Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2021) педагогический работник обязан как формировать инициативу у учеников, так и самостоятельно профессионально совершенствоваться¹.

¹ Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 № 273-ФЗ (последняя редакция) // Собрание законодательства Российской Федерации. 30.12.2012. № 53. Ст. 7598.

Именно на методическую и научную работу преподавателя обращают свое внимание коллеги и различные проверяющие. Это огромный пласт работы, требующий больших затрат как времени педагогического работника, так и его средств. Необходимо заметить, что на практике вся научная и методическая работа осуществляется преподавателями за счет личных средств. В своей статье «Методическая работа и методическая деятельность преподавателя вуза» С. В. Логинова предлагает в качестве решения проблемы введение в штат вуза специальных работников, обладающих знаниями и умениями конкретно в сфере методической работы [Логинова, 2015]. Расширение штата сотрудников организации всегда имеет следствием перераспределение ресурсов. Материальная мотивация работников хотя и не считается основной, однако имеет принципиальное значение как для работника, так и для результатов его труда. Каждый работодатель при приеме на работу желает, чтобы целью кандидата было повышение эффективности и продуктивности организации. Однако при всех трудностях работы педагога сокращение финансового поощрения всё же вряд ли вдохновит его с усердием взяться за работу. В результате, если такие материальные поощрения и имеют место, то в своем большинстве они не столько мотивируют к качественной работе, сколько компенсируют существенные расходы самих работников на проведение своих исследований и создание методических материалов.

В работе «Нормирование труда педагогов как основа эффективной работы образовательного учреждения» Т. Н. Опарина предлагает создать технологические карты операций сотрудника, включающие критерии длительности, периодичности и результата выполненных работ [Опарина, 2018]. В контексте работы преподавателя по научно-методическому направлению подобного вида технологическая карта может включать в себя критерии, касающиеся непосредственно написанных трудов, например, объем, срок написания, публикации, оценки рецензентов. Между тем выработка подобных критериев сталкивается с существенными проблемами. Должностные лица, которым поручается подобная работа, как правило, имеют крайне поверхностные и преимущественно теоретические представления о сути и трудностях научной работы.

Развивая тему материального поощрения педагогических работников, стоит обратить внимание на различные существующие системы стимулирования труда учителей и преподавателей. Согласно исследованиям, проведенным в Тольятти в 2010, 2012 и 2018 годах, количество преподавателей, осведомленных о системе стимулирующих выплат уменьшается [Цветкова, 2020]. Такое положение дел чаще всего объясняется непрозрачностью и волонтаризмом распределения внутренних финансовых потоков в образовательных организациях. Из этого следует, что руководителям образовательных учреждений необходимо делать процесс управления денежными потоками организаций более открытым посредством информирования работников о действующих системах стимулирующих выплат, а также делать эти системы наиболее понятными. По примеру московских школ, где стимулирующие выплаты распределяются регулярно, рассчитываются индивидуально с учетом как рейтинга школы, так и личного вклада педагога в достижение этого уровня рейтинга. Похожая система стимулирования по итогам работы в виде ежемесячной надбавки реализуется в Уральском Федеральном Университете [Боровская и др., 2013].

К сожалению, и данные системы несовершенны и не достигают максимально возможной результативности на уровне реализации, чем существенно нарушаются трудовые права работников и подрывается привлекательность исследовательского и преподавательского труда. Например, педагог не знает заранее, за какую деятельность его награждают стимулирующими выплатами, а какой вид выполняемых работ включают в его функциональные обязанности, так как решается это на уровне администрации и по итогу учебного года. Следовательно, регламент начисления стимулирующих надбавок должен быть более прозрачным, своевременным и доступным для педагогов разных направлений.

Таким образом, наиболее успешной системой стимулирования можно считать систему, внедренную Департаментом образования и науки города Москвы в отношении школ. Поскольку выплаты начисляются по суммарным результатам прошедшего учебного года и учитывают наиболее значимые достижения педагога в различных

видах деятельности, в том числе научно-методической. Однако критерии оценки научных трудов, в зависимости от которых педагог получит большее или меньшее количество так называемых стимулирующих баллов, представляющих собой коэффициент доплаты к основной заработной плате, либо отсутствуют, либо не доводятся руководством до сведения работников. Одним из решений сложившейся проблемы является повышение статуса научной деятельности педагога посредством введения четких и понятных критериев оценки, например, учет объема работы, времени, затраченного на ее выполнение, индекс научного цитирования, оценки рецензентов и тому подобных в списке начисления стимулирующих баллов.

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод о том, что для эффективного решения вопроса оплаты труда по научно-методическому направлению необходимо сочетание мероприятий по реализации систем стимулирующих надбавок максимально открытым образом, совершенствуя их и внедряя опыт передовых учреждений, например – комбинирование системы стимулирующих баллов с технологическими картами операций работника, а также исключая ошибки, влекущие невыполнение принципа равенства оплаты труда.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Боровская М. А.* [и др.] Система стимулирования как инструмент повышения результативности научно-образовательной деятельности: опыт федеральных университетов // Университетское управление, практика и анализ. 2013. № 4 (86). С. 79–85.
- Логинова С. В.* Методическая работа и методическая деятельность преподавателя вуза // Вестник Московского Государственного Областного Университета. Серия: Педагогика. 2015. № 2. С. 146–152.
- Опарина Т. Ю.* Нормирование труда педагогов как основа эффективной работы образовательного учреждения // Слагаемые педагогической практики. Материалы IV Международной научно-практической конференции. 2018. С. 266–270.
- Цветкова И. Р.* Информированность преподавателей о системе стимулирования труда // Карельский научный журнал. 2020. № 3 (32). С. 110–113.

УДК 327

Волков Д. А.

студент IV курса (бакалавриат)

Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Россия)

dvolkov1999@yandex.ru

Научный руководитель:

Кожухова К. Е.

Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Россия)

СОХРАНЕНИЕ ИДЕНТИЧНОСТИ МАРОККАНСКОЙ ЭТНИЧЕСКОЙ ГРУППЫ В НИДЕРЛАНДАХ

В статье рассматривается политика мультикультурализма в Нидерландах. Именно она поспособствовала консолидации многих этнических групп в общинах, в частности марокканской. Вследствие политики пилларизации, нидерландское общество было сегрегировано, и стало возможным формирование общин, не взаимодействующих с нидерландским обществом. Марокканские мигранты составляют 9 % от числа всех иммигрантов и являются второй по численности самой большой этнической группой среди всех иммигрантов.

Ключевые слова: Нидерланды; мультикультурализм; идентичность; Марокко; миграционная политика

Volkov D. A.

IVth Year Student (Bachelor's Program)

Moscow State Linguistic University

(Moscow, Russia)

dvolkov1999@yandex.ru

Academic Advisor:

Kozhuhova K. E.

Moscow State Linguistic University

(Moscow, Russia)

PRESERVING THE IDENTITY OF THE MOROCCAN ETHNIC GROUP IN THE NETHERLANDS

The article considers the policy of multiculturalism in the Netherlands. It has contributed to the consolidation of many ethnic groups in communities, in particular the Moroccan one. As a result of the pillarization policy, Dutch society was segregated and the formation of communities that do not interact with Dutch society became possible. Moroccan migrants make up 9 % of all immigrants and are the second largest ethnic group among all immigrants.

Keywords: Netherlands; multiculturalism; identity; Morocco; migration policy

Введение

Результатом политики мультикультурализма в Нидерландах стало наращение конфликтогенности к началу XXI века, вследствие обособленности иммигрантов, формирования этническими группами общин, не желающих интегрироваться в общество, и обострения культурных противоречий, что было вызвано непосредственно государственной политикой, подготовившей почву для обособленности иммигрантов с культурой, ценностями, отличными от европейских, из-за политики пилларизации [Фукуяма, 2019]. Известный социолог и политик Пим Фортёйн в 1990-х заявлял, что в Нидерландах сформировалась пятая колонна – мусульманская, поскольку было заметно обособление культуры этнических меньшинств, и консолидация которой сформировала собственный «столп» в нидерландском обществе (<https://www.youtube.com/watch?v=WHUAEwmr97g>).

В целом по Нидерландам на 1 февраля 2022 года 25,3 % населения (4 451 518) имели «миграционный фон», но в крупных городах эта доля была выше (<https://www.cbs.nl/nl-nl/dossier/dossier-asiel-migratie-en-integratie/hoeveel-mensen-met-een-migratieachtergrond-wonen-in-nederland->). В Амстердаме, Роттердаме и Гааге чуть более половины жителей имеют миграционное происхождение; в Утрехте – одна треть. В Алмере, Амстелвене, Димене, Схидаме, Ваалсе доля жителей с «миграционным фоном» выше, чем в Утрехте. В Роттердаме самая большая доля жителей незападного происхождения – 38 %, в Амстердаме и Гааге – 35 %. В последних двух городах проживает также относительно большое количество людей с западным миграционным прошлым (<https://www.cbs.nl/nl-nl/achtergrond/2018/47/bevolking>). Из всех лиц суринамского или марокканского происхождения чуть менее половины живет в одном из четырех крупных городов. Марокканские мигранты являются второй самой большой этнической группой среди всех иммигрантов.

Миграция из Марокко

Первыми иммигрантами, официально прибывшими в Нидерланды из Марокко в 1961 году, были именно трудовые мигранты. Их образовательный уровень был довольно низким – около 70 % не имели

никакого начального образования. Неграмотные мигранты были приняты на работу, поскольку у них было бы меньше шансов вступить в профсоюзы в Нидерландах. После того как первые мигранты прибыли в Нидерланды, начался процесс цепной миграции. Помимо мигрантов из Рифа, также прибыли мигранты из таких городов, как Касабланка, Рабат, Фес и Мекнес. Эти мигранты отличались от мигрантов из Рифа тем, что говорили по-арабски. Мотивы их миграции также были связаны с трудовой деятельностью (https://www.researchgate.net/publication/259331055_Destination_Netherlands_History_of_immigration_and_immigration_policy_in_the_Netherlands; <https://allecijfers.nl/migratienationaliteiten-geboortelanden/marokko/>).

Первые марокканские трудовые мигранты, прибывшие в Нидерланды в 1961 году, приехали в Нидерланды не напрямую, а через другие европейские страны. В 1969 году Марокко и Нидерланды подписали договор, регулирующий набор трудовых мигрантов. Для управления трудовой миграцией были созданы специальные агентства. В настоящее время очевидно, что большая часть трудовой миграции происходила не по официальным каналам. В основном им помогали члены семей, уже живущие в Нидерландах. Эти работники были так называемыми «гастарбайтерами», потому что считалось, что после работы в Нидерландах в течение определенного времени они вернуться в свою родную страну. Многие «гастарбайтеры» остались в Нидерландах и заложили основы для большой марокканской общины. До 1973 года число марокканских трудовых мигрантов в Нидерландах росло, но нефтяной кризис изменил ситуацию. Запрет, вступивший в силу в 1974 году и призванный остановить миграционные процессы, не помог добиться поставленной цели, поскольку началось развитие семейной миграции. Если раньше она была связана с трудовой деятельностью, то теперь – с семьей. Средняя марокканская семья состоит из 5–6 человек, что превышает размеры обычной нидерландской семьи. К концу 1970-х и началу 1980-х годов многие трудовые мигранты решили перевезти своих родных в Нидерланды. Со второй половины 1980-х годов процесс создания семьи медленно вытеснил процесс воссоединения семей. В связи с этим марокканская

община в Нидерландах росла главным образом за счет рождаемости (https://www.researchgate.net/publication/259331055_Destination_Netherlands_History_of_immigration_and_immigration_policy_in_the_Netherlands).

Марокканская община в Нидерландах

На данный момент в Нидерландах живут 414 186 марокканцев (<https://www.cbs.nl/nl-nl/achtergrond/2018/47/bevolking>). Большинство марокканских мигрантов в Нидерландах родом из гор Риф на севере страны. Нидерландские агентства по найму были ориентированы на этот регион, где плотность населения была высокой по сравнению с имеющимися сельскохозяйственными ресурсами. Кроме того, этот регион также был известен своими политическими потрясениями, поэтому эмиграция из этого региона была выгодна марокканскому правительству. 70 % нидерландских марокканцев происходят именно из этого региона. 55 % марокканцев первого поколения, проживающих в настоящее время в Нидерландах, родились в провинциях Эль-Хосейма, Таурит и Надор. Помимо гор Риф, нидерландские марокканцы также происходят, хотя и в меньшей степени, из долины Сусс на юге. Также есть группа мигрантов из крупных городов центрального Марокко, таких как Касабланка, Рабат, Фес и Мекнес. Они относительно высокообразованны и составляют меньшинство среди марокканцев в Нидерландах. Они поселились относительно рано после начала миграции из Марокко в Нидерланды. Они говорят по-арабски (https://www.researchgate.net/publication/259331055_Destination_Netherlands_History_of_immigration_and_immigration_policy_in_the_Netherlands; <https://allecijfers.nl/migratie-nationaliteiten-geboortelanden/marokko/>). Марокканцы в Нидерландах разбросаны по всей стране. Их можно найти почти в каждом муниципалитете, а самые крупные «общины» проживают в четырех крупных городах: Амстердаме, Роттердаме, Утрехте и Гааге. На 2021 год в Амстердаме зарегистрировано 77 498 марокканцев, в Роттердаме – 45 901, Гааге – 32 513 и Утрехте – 31 575 (<https://allecijfers.nl/migratie-nationaliteiten-geboortelanden/marokko/>).

В работе «Пункт назначения Нидерланды. История иммиграции и иммиграционной политики в Нидерландах» исследователи определили, что основные миграционные потоки марокканцев направлены из определенных регионов или городов Марокко в конкретные регионы и города Нидерландов. Так, один из опрошенных упомянул, что все мигрировавшие марокканцы из его деревни (Тазурахт) в настоящее время проживают в Розендале, Берген-оп-Зуме, на севере Роттердама и в Ауденбосе. В Ауденбосе живет от 20 до 25 семей из Тазурахта. Помимо этого конкретного примера, исследователи определили более общие миграционные потоки. На севере Марокко есть три провинции, из которых родом большинство марокканцев в Нидерландах. 55 % всех марокканцев первого поколения родились в Надоре, Эль-Хосейме или Тетуане. Тем не менее большинство марокканцев, мигрирующих в Нидерланды, приезжают из этих провинций. Таза и Уарзат – другие провинции, которые отправляют много мигрантов. В Утрехте 50 % всех марокканцев первого поколения происходят из Надора. Люди из Аль-Хосеймы, как правило, мигрируют в Гаагу, где 23 % марокканского населения имеют корни в Аль-Хосейме. Из людей, мигрирующих из Тетуана и Уарзата, 40 % и 47,7 % соответственно переехали в Амстердам. В 2009 году 15,5 % марокканцев Амстердама были выходцами из Тетуана и 8 % – из Уарзата. В небольших городах и деревнях это явление проявляется еще более отчетливо. Марокканцы, как правило, предпочитают жить среди своих соотечественников (https://www.researchgate.net/publication/259331055_Destination_Netherlands_History_of_immigration_and_immigration_policy_in_the_Netherlands; <https://allecijfers.nl/migratienationaliteit-en-geboortelanden/marokko/>).

Многие муниципалитеты Нидерландов ведут статистику распределения жителей по их происхождению в районах городов (рис. 1). При проведении анализа расселения марокканских мигрантов в Гааге на данный момент можно отметить неравномерное, даже несколько хаотичное расселение. Однако согласно карте заметно групповое расселение мигрантов из Марокко. Так, мигранты организовали общины в районах: Схилдерсбююрт Западный (Schildersbuurt-West), Схилдерсбююрт Северный (Schildersbuurt-Noord), Схилдерсбююрт Восточный

(Schildersbuurt-Oost), Нордполдербююрт (Noordpolderbuurt), Хёйхен-парк (Huysenspark), Лаакхафен Западный (Laakhaven-West), Мурвяйк Западный (Moerwijk-West), Морхенстнод Южный (Morgenstond-Zuid), Фенен/Оорде/Раден (Venen/Oorden/Raden), Морхенстнод Западный (Morgenstond-West), Зайден/Стеден/Зихтен (Zijden/Steden/Zichten), Дрейфен и Хаарден (Dreven en Gaarden), Хохе Фелд (Hoge Veld). На карте, приложенной ниже, данные районы обозначены красным цветом (https://denhaag.incijfers.nl/Jive?cat_open_code=c460).

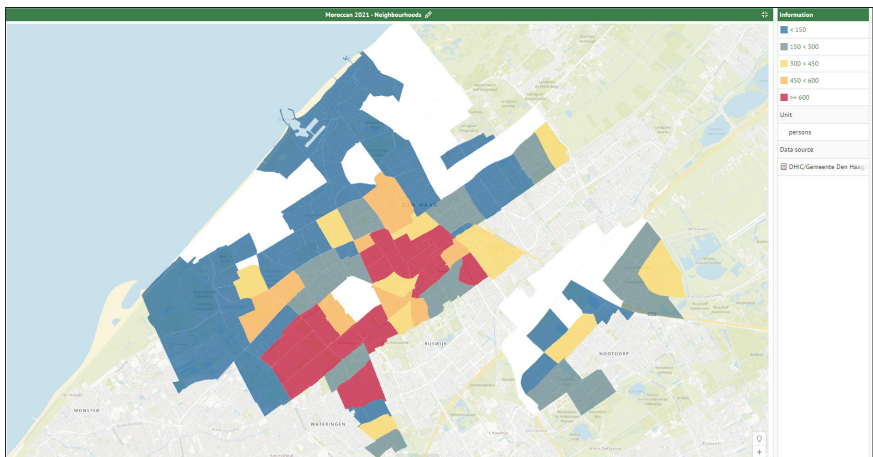

Рис. 1. Расселение мигрантов из Марокко

По просьбе Министерства социальных дел и занятости Центральное бюро статистики (CBS; Centraal Bureau voor de Statistiek) ежегодно составляет различные ключевые показатели политики интеграции. Цель основных показателей состоит в том, чтобы дать краткий обзор состояния интеграции в Нидерландах. В таблицах, представленных Центральным бюро, основное внимание уделяется рынку труда, преступности, здравоохранению, браку, доходам и социальной сплоченности.

Согласно статистике на 2020 год 58,3 % марокканцев трудоустроены, но статистика также учитывает мигрантов первого и второго поколений, в сравнении с данными 2019 года – 56,5 %. Таким образом,

на рынке труда заняты 50,1 % марокканцев первого поколения и 67,8 % марокканцев второго поколения. Можно отметить большую заинтересованность в трудоустройстве марокканцев второго поколения. Однако согласно статистике количество марокканцев второго поколения, осужденных за преступления, больше марокканцев первого поколения: 54 осужденных на 1 000 человек (второе поколение) против 16 осужденных на 1 000 человек (первое поколение). Еще один важный фактор – это образование. Общее количество обучающихся марокканского происхождения составляет 37 %. Можно сделать вывод, что интеграционная политика в отношении марокканских мигрантов, несмотря на нежелание самой консолидированной части марокканских иммигрантов стать частью нидерландского общества, способствует улучшению параметров, касающихся интеграции марокканцев в нидерландскую среду (<https://www.cbs.nl/nl-nl/maatwerk/2021/25/kernindicatoren-integratie-2021>).

Интеграционная политика Нидерландов

Хан Энтцихер, рассматривая роль государственных органов в выстраивании гармоничных межэтнических отношений в Амстердаме и Роттердаме, утверждает, что основной целью интеграционной политики городов являлось активное вовлечение мигрантов как групп или отдельных лиц в местное общество. Однако при единой сформированной государством интеграционной политике в городах ее реализация различается. В Роттердаме поддерживается более жесткая интеграционная политика, в которой безопасность и правопорядок играют важную роль, и правительство имеет большой вес в формулировании интеграционной политики. Амстердам, с другой стороны, склоняется к более мягкой «мультикультурной» модели, характеризующейся желанием бывшего мэра Йоба Коэна «держат вещи вместе» (<https://www.researchgate.net/publication/>).

Хотя городской совет Роттердама иногда может использовать жесткие формулировки, когда речь заходит об интеграции, в то же время он много лет вовлекает крупнейшие исламские организации города в разработку интеграционной политики. Амстердамские политики, которых часто считают «мягкими», предпринимали решительные

действия против криминальной деятельности. Юстус Ойтермарк в своей диссертации «Динамика власти в голландской интеграционной политике» отметил, что интеграционная политика Роттердама была очень последовательной в течение тридцати лет, и во многом ее можно назвать независимой от политического состава действующего городского совета [Uitermark, 2010].

При изучении реализации политики интеграции мигрантов в принимающее общество безусловно необходимо изучение криминогенной ситуации и влияния «новых членов общества» на криминогенность, на что и обращают внимание Хан Энтцихер и Пол Схеффер. Нельзя отрицать воздействие иммигрантов на формирование внутренней политики для обеспечения безопасности граждан и всего государства. Число преступлений, зарегистрированных в Амстердаме в 2005 году, составило 142 случая на тысячу жителей, а в Роттердаме – 138 случаев на тысячу жителей. В 2009 году уровень преступности составлял 127 и 125 случаев на тысячу жителей соответственно. Оценка на 2010 год показывает резкое сокращение преступности в Роттердаме до 110. Таким образом, уровень Амстердама несколько выше. Одно из возможных объяснений кроется в масштабах туризма в Амстердаме, который привлекает преступность из-за пределов города. Чаще всего в Амстердаме и Роттердаме представлены одни и те же группы в качестве подозреваемых в совершении преступления: антильская, марокканская, суринамская и турецкая общины. В Роттердаме численность членов этих общин (при анализе рассматриваются члены общины от 12 лет), в качестве подозреваемых соответственно в семь, четыре, три и более чем в два раза больше, чем численность коренных жителей в статистике преступлений (таблица 1). В Амстердаме чуть менее чем в шесть раз (подозреваемые с антильских островов), более чем в четыре раза (подозреваемые из Марокко и Суринама) и более чем в два раза (подозреваемые из Турции) больше подозреваемых из числа коренных народов (таблица 2). Кроме того, число подозреваемых, которые уже вступили в контакт с полицией в обоих городах, очень велико; для марокканской молодежи – около 70 % (<https://www.researchgate.net/publication/>).

Таблица 1

**Подозреваемые по национальностям в Роттердаме;
от 12 лет и старше; 2009 год**

Роттердам	Сури- намцы	Антиль- цы	Марок- канцы	Турки	Миг- ранты с Ближ- него Вос- тока	Миг- ранты из Афри- ки	Нидер- ландцы	Итог
Подозре- ваемые	1 927	1 429	1 434	81	147	835	3 615	12 062
Население	44 880	16 127	27 664	36 965	5 094	22 209	281 057	508 653
Процентное соотношение подозре- ваемых	4,3	8,9	5,2	3,2	2,9	3,8	1,3	2,4

Таблица 2

**Подозреваемые по национальностям в Амстердаме;
от 12 лет и старше; 2009 год**

Амстердам	Сури- намцы	Антиль- цы	Марок- канцы	Турки	Миг- ранты с Ближ- него Вос- тока	Миг- ранты из Афри- ки	Нидер- ландцы	Итог
Подозре- ваемые	3 075	678	2 734	873	261	802	4 189	14 686
Население	59 285	9 919	51 087	31 724	8 836	22 500	334 906	657 038
Процентное соотношение подозре- ваемых	5,2	6,8	5,4	2,8	3,0	3,6	1,2	2,2

Вывод

Представители марокканских общин в Нидерландах, несмотря на обособленность этнической группы, постепенно вливаются в нидерландское общество. Особенно данный процесс охватывает марокканцев второго поколения. Марокканская молодежь наиболее «подвижна»

социально и ее интегрированность в принимающее общество выше в сравнении с первым поколением иммигрантов. Но несмотря на заинтересованность молодых марокканцев стать частью нидерландского общества, показатели криминогенности среди них еще высоки.

Политика мультикультурализма, проводимая правительством Нидерландов, позволила иммигрантам из Марокко консолидировать свои традиции и культуру в общине, не соприкасаясь с нидерландской идентичностью и основными нидерландскими культурными и духовными ценностями. Но непосредственное взаимодействие муниципалитетов с представителями этнических меньшинств способствует интеграции иммигрантов в нидерландское общество.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Фукуяма Ф.* Идентичность: Стремление к признанию и политика неприятия. М. : Альпина Паблишер, 2019.
241853987_De_staat_van_integratie_Amsterdam_en_Rotterdam_vergeleken
(Дата обращения: 14.12.2021)
- Uitermark J.* Dynamics of Power in Dutch Integration Policies: diss. Universiteit van Amsterdam, 2010.

УДК:93/94

Гасанли Д. Э.

студент IV курса (бакалавриат)

Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Россия)

chesenli21@mail.ru

Научный руководитель:

Бобылев В. Ю.

кандидат исторических наук, доцент

Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Россия)

tihon1999@gmail.com

ПОЛИТЭКОНОМИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РОССИИ И СРЕДНЕЙ АЗИИ В XX ВЕКЕ

В статье рассматриваются вопросы межэтнического взаимодействия, усилий Центра СССР по развитию среднеазиатских окраин. Делается акцент на административно-территориальном оформлении среднеазиатских республик в составе СССР, подъеме их экономического развития. Российский Центр стремился изменить образ жизни в регионе, провести реформы, поднять уровень жизни населения. Это отвечало политическим интересам руководства страны. Главными целями, согласно Ленинскому плану построения социализма, были индустриализация, коллективизация и культурная революция.

Ключевые слова: Средняя Азия; политика; экономика; СССР; коллективизация; культурная революция; индустриализация

Gasanlı D. E.

IVth Year Student (Bachelor's Program)

Moscow State Linguistic University
(Moscow, Russia)

chesenli21@mail.ru

Academic Advisor:

Bobylev V. Yu.

PhD (History), Associate Professor

Moscow State Linguistic University
(Moscow, Russia)

tihon1999@gmail.com

POLITICAL AND ECONOMIC ANALYSIS OF THE INTERACTION BETWEEN RUSSIA AND CENTRAL ASIA IN THE XX CENTURY

The article deals with the issues of interethnic interaction, the efforts of the Center of the USSR for the development of the Central Asian outskirts. Emphasis is placed on the administrative-territorial registration of the Central Asian republics within the USSR, the rise of their economic

development. The Russian Center sought to change the way of life in the region, to carry out reforms, to raise the standard of living of the population. This was in the political interests of the country's leadership. The main goals, according to the Lenin plan for building socialism, were industrialization, collectivization and cultural revolution.

Keywords: Central Asia; politics; economy; USSR; collectivization; cultural revolution; industrialization

Политика и экономика всегда тесно взаимосвязаны. Региональная политэкономия – это выстраивание отношений между Центром и окраинами с учетом приоритетов контроля над ключевыми сферами экономической деятельности. Охватывание данного пласта позволяет контролировать протекающие политические процессы.

Центр участвует в регулировании экономики и социально-политических отношений на основе стратегических и геополитических интересов присутствия в регионах, управления этно-национальными процессами в них. Это требуется для упреждения региональных конфликтов, возникающих на основе этнической, территориальной или религиозной нетерпимости.

Система политэкономических связей России и народов Среднеазиатского региона выстраивалась несколько столетий, имела глубокие корни. Можно констатировать наличие комплекса политэкономических контактов, то есть оформившуюся политэкономическую базу взаимоотношений, которая определила не только существо двусторонних и межгосударственных контактов, но и основы развития всего региона Средней Азии.

Геополитическое присутствие в регионах Средней Азии всегда имело политическую окраску. После победы Октябрьской революции форсированное развитие экономики здесь стало приоритетным. Главной целью Центра явилось выравнивание экономических отношений, создание условий для построения социализма.

Процесс административно-территориального оформления республик Средней Азии в составе СССР способствовал их планомерному развитию в рамках пятилетних народно-хозяйственных планов, принимаемых на съездах КПСС, что позволяло решать весь комплекс

задач социально-экономического и гуманитарного характера. Территориальное размежевание было долгим и болезненным ввиду отсутствия традиций государственного строительства в регионе и существования большого количества территорий со смешанным населением. Национальное размежевание стало частью более широкого процесса формирования нового административно-территориального устройства страны, в ходе которого учитывались политические и экономические интересы. Это происходило на основе ленинского плана построения социализма, согласно которому каждый народ имеет право на самоопределение, свой язык, территорию и наличие общеэкономических связей.

Окончательное формирование административно-территориального устройства региона приходится на 1936 год. В связи с принятием Конституции СССР часть ранее существовавших единиц была ликвидирована, созданы новые. Согласно статье 13 второй главы Конституции Советский Союз провозглашался союзным государством, образованным на основе добровольного объединения равноправных Советских Социалистических Республик, в число которых входили Узбекская, Казахская, Киргизская, Таджикская и Туркменская Советские Социалистические Республики [Конституция СССР 1936 года, 1987].

Национальное размежевание дало возможность казахам, киргизам, таджикам, туркменам и узбекам развиваться как национально-государственным этносам, на основе чего на политической карте мира после распада Советского Союза и появились независимые среднеазиатские республики. Однако ошибки, допущенные в процессе размежевания, привели к закладке бомб замедленного действия, что спровоцировало ряд этнических конфликтов в советские годы и в начале независимого существования. Ошибки были допущены ввиду того, что размежевание проходило в интересах политики КПСС, социально-экономические и этнические факторы учитывались недостаточно. Кроме того, у большинства народов Средней Азии до создания СССР не было своих национальных территорий и традиций государственности. Фактически, создание национальных государств было не их решением, поэтому конфликтов в будущем нельзя было

избежать. Если этнический конфликт в Ферганской долине можно было толерировать в советскую эпоху, так как видимые физические и фактические границы отсутствовали, то в эпоху независимости среднеазиатских республик это привело к проблемам, которые не решены и по сей день.

Говоря о коренном переустройстве общества, требуется начать с индустриализации. Индустриализация, которая проводилась вплоть до Великой Отечественной войны, имела огромное значение, так как решала ряд важнейших вопросов: рост количества городов, городского населения, распространения городского образа жизни, укрепления обороноспособности страны, ее экономической независимости. Промышленность в Средней Азии практически отсутствовала. Были лишь единоличники, которые занимались кустарным производством, а сельскохозяйственная деятельность проводилась с помощью отсталых технологий, всё было завязано под ручной труд. Очевидно, такой способ ведения хозяйства был неэффективным и не мог отвечать потребностям города и советской промышленности, которая находилась в процессе формирования [Сельскохозяйственная энциклопедия, 1937].

Одним из крупнейших проектов стал план ГОЭЛРО, который был принят в декабре 1920 года. План охватывал все восемь экономических районов страны, в том числе и Туркестанский экономический район, куда входили среднеазиатские республики. В первую очередь было намечено использовать гидроэнергетический потенциал рек Средней Азии. В 1926 году была построена первая ГЭС Узбекистана – Бозсуйская ГЭС, которая эксплуатируется до сих пор, а в 1933 году была пущена Кадырьинская ГЭС, кроме того, были построены электростанции в Фергане, завершили строительства Бухарской и Чирчикской электростанций. В итоге план был перевыполнен. СССР вошел в тройку самых крупных производителей электричества в мире, заняв третье место после США и Германии [Базеев, 2012].

Что важно, в Киргизии и Таджикистане до сих пор более 90 % электроэнергии добывается с помощью ГЭС. Без выполнения плана по электрификации ГОЭЛРО об индустриализации страны и региона не могло идти и речи. Учитывая роль, которую играл хлопок в народном

хозяйстве среднеазиатских республик, Центр стремился удовлетворить потребности данной сферы. Одним из первых был построен крупный завод сельскохозяйственного машиностроения в Ташкенте. Также на базе хлопководства были созданы крупные предприятия хлопчатобумажной промышленности в Фергане и Ашхабаде. В Ташкенте был воздвигнут хлопчатобумажный комбинат. В Ашхабаде, Оше, Самарканде, Худжанде, Бухаре и Фергане начали действовать шелкомотальные фабрики. Кроме того, по поручению Центра из высокообразованных регионов Союза в окраины направлялись не только высококвалифицированные специалисты, но и передовое оборудование, которое впоследствии было использовано при создании крупных предприятий пищевой и других отраслей легкой промышленности.

Стоит отдельно отметить, что советская власть вела активную геологоразведочную деятельность. В регионе были найдены залежи нефти и газа, ряда цветных металлов и других полезных ископаемых. Среднеазиатские предприятия по добыче нефти, газа, золота и серы имели общесоюзное значение.

Таким образом, в национальных республиках на окраинах СССР был создан очаг промышленности. Основной упор делался на развитие легкой промышленности, но это компенсировалось вопросами общесоюзного разделения труда.

Одним из важнейших событий процесса политического взаимодействия Центра и национальных республик Средней Азии в советское время явился XV съезд ВКП(б). На нем были приняты Директивы пятилетнего плана развития народного хозяйства, коллективизации сельского хозяйства СССР. Это было отражено в Резолюции «О работе в деревне» [КПСС в резолюциях и решениях съездов ... 1984]. Согласно документу мелкие индивидуальные крестьянские хозяйства характеризовались пережитками капиталистического строя. Поэтому они должны были быть объединены в крупные коллективные хозяйства. Данное решение стало приоритетом партии в деревне, аулах и коснулось почти всего местного населения [История Всесоюзной коммунистической партии ... 1997].

Коллективизация в Средней Азии, как указывают исследования историков, проходила не гладко, местное население оказывало сопро-

тивление. Последствием стало возрождение национально-освободительного движения, которое в советской научной литературе именовалось басмачеством. Лидерами данного движения являлись представители мусульманского духовенства и местных феодалов: Ибрагим-бек, Усман Ходжаев, Мадамин-бек. По данным ЦК компартии, на территории Узбекистана действовали около 350 банд. На территорию Таджикистана периодически проникали повстанцы из соседнего Афганистана, чье количество достигало 500 человек, и, что примечательно, по мере движения вглубь СССР их количество разрасталось местным населением. А в Туркменистане, где декларировалось о полной ликвидации басмачества еще в 1926 году, по данным компартии сложилась непростая политическая ситуация. Туркменское басмачество перестало угрожать целостности СССР лишь в 1938 году, после смерти Джунаид-хана [Козловский, 1928].

Коллективизация сопровождалась политикой раскулачивания. В период коллективизации в советской Средней Азии раскулачивание коснулось около полумиллиона человек [Трагедия советской деревни, 2006, т. 5, кн. 2]. Темпы коллективизации выросли после публикации 7 ноября 1929 года в газете «Правда» № 259 статьи И. В. Сталина «Год Великого перелома» и после XVI съезда ВКП(б), который проходил с 26 июня по 13 июля 1930 года, когда было принято решение о возврате к сплошной коллективизации [Зеленин, 2006]. На XVI съезде ВКП(б) было предложено выполнить пятилетку в четыре года, а, учитывая факт, что пятилетний план по коллективизации был перевыполнен, съезд пересмотрел план по развитию сельского хозяйства. Сельскохозяйственные артели охватили практически всю страну. Советский Союз превратился из аграрного государства в индустриально-колхозную социалистическую державу. Реализация пятилетнего плана привела к тому, что на XVII съезде партии И. В. Сталин объявил: «СССР окончательно превратился в индустриальную державу» [КПСС в резолюциях и решениях съездов ... 1984].

С политэкономической точки зрения индустриализация и коллективизация в Средней Азии имели огромное значение для Центра. Во-первых, были заложены основы народного хозяйства среднеазиатских республик. Сложились крупные хозяйства, произошла механи-

зация и индустриализация, были созданы первые машинно-тракторные станции, количество которых ежегодно увеличивалось. В деревне были проведены работы по орошению и мелиорации, вследствие чего количество выпускаемой сельскохозяйственной продукции увеличилось в разы. Это было очень важно, так как именно на данной базе началось развитие видов промышленности. Кроме того, рост выпуска продукции в Средней Азии позитивно влиял и на развитие всего народно-хозяйственного комплекса СССР, поскольку регион являлся частью межреспубликанской цепочки разделения труда.

Совершенствование сферы промышленности способствовало созданию большого количества новых рабочих мест, что не позволяло расти миграции из национальных окраин. Происходило переселение русского населения из Европейской части СССР в среднеазиатские республики. Оно было задействовано в создании пластов интеллигенции и квалифицированных кадров на местах. Русское население обучало местных, помогало распространению образования, созданию местных кадров, то есть так называемому процессу «коренизации». Несмотря на то, что специалисты из центральной части страны поднимали окраины в ущерб развитию европейских регионов, наличие русских кадров во главе национальных республик нередко вызывало споры среди местного населения.

Советская власть уделяла большое внимание росту уровня грамотности, открывались школы, техникумы, университеты. Например, в Узбекистане был открыт первый советский вуз в Средней Азии – Туркестанский государственный университет (ныне Национальный университет Узбекистана имени Мирзо Улугбека). Уровень грамотности в Узбекистане к 1939 году достиг 79,8 %. Позитивная тенденция наблюдалась и в других республиках [Узбекская Советская Социалистическая Республика, 1981]. Появлялись театры и дома культуры. Среднеазиатские республики СССР обзавелись своей научной и творческой интеллигенцией.

В целом, проводимые советскими властями социально-экономические реформы полностью соответствовали политическим интересам руководства. Взамен аграрного архаичного конгломерата пришел регион с развивающейся промышленностью, научно-техническим, сель-

скохозяйственным и индустриальным потенциалом. На качественно новый уровень был поднят весь комплекс народного хозяйства. Социально-экономическое благополучие формировало контроль властей над деятельностью в регионе и обеспечивало политическую стабильность. Это было доказано в поздний период существования СССР, когда на фоне нерешенных экономических проблем возросло национальное самосознание жителей окраин, возникло этническое напряжение в спорных территориях, что, по сути, являлось одной из многочисленных причин распада Советского Союза.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Базеев Е. Т.* Энергетика. История, настоящее и будущее. Киев. : Booklavka, 2012.
- Зеленин И. Е.* Сталинская «революция сверху» после «великого перелома», 1930–1939: политика, осуществление, результаты. М. : Наука, 2006.
- История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс / под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). Одобрен ЦК ВКП(б). М. : Писатель, 1997.
- Козловский Е.* Красная Армия в Средней Азии. М. : Политуправление, 1982.
- Конституция СССР 1936 года. М. : Политиздат, 1987.
- КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М. : 1984.
- Поляков Ю. А.* Население России в XX веке: Исторические очерки. В 3-х томах. М. : РОССПЭН 2000. Том 1. 1900 – 1939. Том 2. 1940 – 1959.
- Сельскохозяйственная энциклопедия: 2 изд. М. : СЕЛЬХОЗГИЗ, 1937.
- Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. Документы и материалы. В 5 т. М. : РОССПЭН, 2006. Т. 5. 1937–1939. Кн. 2. 1938–1939.
- Узбекская Советская Социалистическая Республика: энциклопедия в одном томе / гл. ред. акад. АН УзССР К. А. Зуфаров. Ташкент : Главная редакция УзСЭ, 1981.

УДК: 338.48

Девидовская П. А.

студент II курса (бакалавриат)

Московский государственный лингвистический университет

(Москва, Россия)

Devidovskaya02@mail.ru

Научный руководитель:

Ромашкина О. П.

Московский государственный лингвистический университет

(Москва, Россия)

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ПЕРСОНАЛА И ГОСТЕЙ ОТЕЛЯ В РАМКАХ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена рассмотрению проблемы межкультурной коммуникации на гостиничных предприятиях при взаимодействии сотрудников и гостей отличной друг от друга национальной культуры. В исследовании обосновывается необходимость наличия многообразия культур, описывается важность учета кросс-культурных особенностей клиентов в процессе обслуживания на предприятиях сферы гостеприимства, а также указываются последствия пренебрежения данными показателями.

Ключевые слова: кросс-культурное взаимодействие; индустрия гостеприимства; качество обслуживания; коммуникация персонала и гостей; особенности национальных культур

Devidovskaya P. A.

IInd Year Student (Bachelor's Program)

Moscow State Linguistic University

(Moscow, Russia)

Devidovskaya02@mail.ru

Academic Advisor:

Romashkina O. P.

Moscow State Linguistic University

(Moscow, Russia)

romash98@mail.ru

INTERACTION BETWEEN HOTEL STAFF AND GUESTS IN THE FRAMEWORK OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

The article is devoted to the consideration of the problem of intercultural communication in the interaction of employees and guests of different national cultures in hotel enterprises. The study substantiates

the need for a diversity of cultures, describes the importance of taking into account cross-cultural characteristics of customers in the service process at hospitality enterprises, and also indicates the consequences of neglecting these indicators.

Keywords: cross-cultural interaction; hospitality industry; service quality; communication between staff and guests; features of national cultures

Глобализация как одна из важнейших современных тенденций оказывает большое влияние на индустрию гостеприимства. Люди с разным опытом всё чаще начинают работать вместе. Особенностью современных процессов глобализации является доминирование национальных и этнических факторов в межкультурной коммуникации. В корпоративном мире это является конкурентным преимуществом, позволяющим выделяться на фоне других предприятий отрасли. Однако различия в культурных традициях могут привести к конфликтам. Индустрия гостеприимства тесно связана с многообразием культур, поэтому грамотное управление рабочей силой отличной друг от друга национальности может рассматриваться как успешный инструмент для достижения корпоративных целей предприятия.

Современная среда туризма и гостеприимства подвергается всё большей интернационализации и глобализации. За последнее время данная индустрия находилась под влиянием передовых технологий, систем связи и транспорта. Люди стали чаще путешествовать, а страны – интегрироваться в глобальные рынки. Образование мультикультурного туризма требует предельного внимания к особенностям каждой национальной культуры для обеспечения комфорта работников данной сферы, а также благоприятного пребывания туристов. Именно в связи с разнообразием клиентов появляются и ожидания разной степени относительно уровня обслуживания. Поэтому для гостиничного бизнеса важно понимание основных культурных особенностей, чтобы вести свое дело эффективно.

Итак, культура – это широкое явление, охватывающее различные убеждения, ценности, взгляды, мнения, а также манеру поведения людей. Эффективное управление межкультурным составом организации

говорит о грамотном преодолении различий между национальностями, религиями, личными границами. Поэтому важной социокультурной задачей современности является налаживание межкультурных взаимоотношений.

Важность культурного разнообразия

Многообразие культур жизненно необходимо для компаний в долгосрочной перспективе. Для организаций индустрии гостеприимства оно имеет особенное значение при выходе на международный уровень. Международный туризм заслуженно признан мировым сообществом действенным инструментом взаимного влияния различных культур, который вносит огромный вклад в обеспечение мира, безопасности и укрепления дружбы и взаимопонимания между народами планеты [Ромашкина, 2018].

Без вариаций культур на предприятии гостиничные корпорации рискуют стать монокультурными организациями, которые склонны смотреть на вещи с очень ограниченной стороны. Симбиоз продуктивного общения работников и приятной атмосферы в компании приводит к повышению удовлетворенности работой, сокращению текучести кадров и созданию лояльных сотрудников.

Кроме того, не меньшую важность представляют:

- 1) преодоление языкового барьера;
- 2) понимание национальных привычек. Например, известен факт, что при заселении японцы и китайцы чаще всего просят номера рядом. Американцы же, напротив, стараются разместиться в разных концах коридора или на разных этажах [Тимохина, 2004];
- 3) особенности невербальной коммуникации. Основными невербальными формами общения являются жесты, мимика, позы. В некоторых странах невербальные формы не имеют большого влияния (например, Германия). Зато у испанцев, итальянцев, бразильцев мимика, жесты и позы имеют большое смысловое и эмоциональное значение. Некорректно прочитанный жест может осложнить контакт, поэтому для успеха в межкультурном диалоге необходимо знать и понимать язык мимики, поз, телодвижений, взглядов [Таратухина, 2013];

- 4) поведение иностранного гостя в быту. Так, к примеру, при назначении номера необходимо учитывать образ жизни гостей. Если ваш гость – мусульманин, желательно, чтобы его номер выходил окнами на восток, так как мусульмане пять раз в день произносят каждодневную молитву, обращаясь лицом в данном направлении, в сторону Мекки. Во многих гостиницах номера таких гостей снабжаются ковриками для молитв и Кораном.

Эта компетенция профессионально необходима сотрудникам контактной зоны для оптимального взаимодействия с гостями во избежание ошибок при коммуникации.

Особенности мировоззрения, характера, этические нормы, предрасудки и стереотипы характеризуют и объясняют поведение представителей различных культур. Так, для создания комфортной атмосферы для гостя необходимо учитывать и такие особенности, как:

- 1) отношение к числам – многие люди не захотят поселиться в комнате под номером «13», в Японии числа «4» и «9» также считаются неудачными для нумерации комнат и этажей, поскольку японское слово, означающее «четыре», созвучно со словом «смерть», а слово «девять» – со словом «боль»;
- 2) национальные привычки – номера снабжаются чайными аксессуарами, если ожидается прибытие японцев. Кроме того, представители этой нации отдают предпочтение ванной чаще чем душевой кабине. Японские супружеские пары, за исключением молодоженов, не спят вместе, поэтому им необходимо предоставлять номера с двумя отдельными кроватями, в отличие от латиноамериканцев, которые будут недовольны отсутствием двуспального ложа в номере [Тимохина, 2004].

В настоящее время существует тенденция стандартизации обслуживания. Однако для создания положительного отношения гостя к отелю и дальнейшей рекомендации необходимо прибегать к индивидуальному подходу к гостям. Это помогает отелям максимально повысить удовлетворенность и лояльность клиентов. Именно поэтому в современных условиях особое значение придается учету кросс-культурных особенностей посетителей разных национальностей.

В добавление к вышеперечисленному можно отметить еще один аспект важности культурного разнообразия: именно его переживание, прочувствование считается одной из основных мотиваций путешественников для получения бесценного опыта [Steiner, Reisinger, 2004].

Преимущества культурного разнообразия

Успех и конкурентоспособность организации зависят от ее способности грамотно располагать культурным многообразием и реализовывать его преимущества. Фактически, разнообразие национальностей и их особенности создают культурную компетенцию организации.

Кроме того, культурное разнообразие является социокультурным аспектом. Прежде всего оно позволяет сотрудникам быть в большей степени осведомленными об особенностях других работников и клиентов организации. Это помогает решать возникающие проблемы, оценивая их с разных сторон, используя отличные от других точки зрения и уникальный опыт [Devine et al., 2007].

Иным преимуществом является комфорт клиентов, который объясняется чувством идентичности при взаимодействии с сотрудниками организации. Сотрудники, представляющие разные культуры, могут предоставить больше информации, новых подходов и более широкий взгляд на решение организационных и клиентских проблем. Это помогает адаптироваться к колебаниям рынка и требованиям гостей.

Различия между людьми понимаются, признаются и принимаются. Это обеспечивает равные возможности, справедливость, а также устраняет организационные барьеры. В результате люди более воодушевлены и замотивированы работать вместе, так как симбиоз разнообразного опыта и навыков сотрудников (например, понимание языка) дает преимущество организациям, которые глобализовали клиентский сервис.

Так, культурное разнообразие способствует постоянному совершенствованию, что приводит к увеличению прибыли, повышению производительности и окупаемости инвестиций.

Проблемы культурного разнообразия

Несмотря на преимущества культурного разнообразия, существуют и некоторые трудности. Кросс-культурные проблемы возникают из-за культурного разрыва. В связи с расширением и развитием отрасли учащаются и случаи неправильного толкования и недопонимания на рабочем месте [Rosinski, 2003]. Для того чтобы исключить подобную напряженность и успешно взаимодействовать с межнациональными сотрудниками, люди, работающие в индустрии гостеприимства, должны распознавать и понимать важность культурных особенностей в удовлетворении разнообразных потребностей сотрудников и туристов. Прежде всего, общение представляет собой огромную проблему для межнациональных организаций из-за культурных и языковых барьеров. Очень вероятно, что между различными членами организации возникнет недопонимание. Даже если все люди за столом говорят по-английски, культурные различия могут создавать сильные барьеры для взаимного доверия. Важную роль играет понимание культуры языка. Так, у каждого народа существует своеобразная форма приветствий и комплиментов. Например, в Индии, желая сказать комплимент женщине, ее сравнивают с коровой, а ее походку – с походкой слона; в Японии женщину сравнивают со змеей, в Татарии и Башкирии – с пиявкой; в России – с козочкой.

Далее, приверженность и лояльность могут стать проблемой для организации. Первая составляющая обычно связана с группой культурного происхождения; сотрудники чувствуют лояльность к определенной «своей» по происхождению группе людей, а не ко всей организации, которая состоит из разных культур. Перед руководством стоит сложная задача по устранению этих ограничений. Сотрудники, отвергающие культурное разнообразие и избегающие его, ограничивают своими установками появление новых идей и замедляют прогресс компании.

Кроме того, культурное разнообразие также усложняет процесс принятия решений, поскольку нелегко приходиться к компромиссам в сложных этических дилеммах [Powell, 2006]. Изменения определенных

ценностей влияют на мысли и действия людей, что может привести к конфликтам. Люди, не разделяющие культурные ценности друг друга, сталкиваются с трудностями при взаимодействии, что увеличивает вероятность конфликтов [Steiner, Reisinger, 2004].

Грамотное управление человеческими ресурсами является ключом к эффективности компании и конкурентному преимуществу, в то время как коммуникативные недоразумения выливаются в неэффективные методы управления персоналом, а также неверные способы мотивации и поощрения сотрудников. Следствием этого станет неудовлетворенность работой и фрустрация работников. Таким образом, растет текучесть кадров, ухудшается качество продукции и услуг [Lee, Chon, 2000].

Практические способы преодоления пропасти во время культурного взаимодействия

Как известно, одним из способов преодоления культурного барьера является просвещение людей. Например, сотрудники компании могут собираться вместе и рассказывать друг другу о своей культуре: об истории возникновения, особенностях, привычках и традициях. Так люди смогут прочувствовать атмосферу и иметь больше возможностей понимать те или иные мотивы поведения коллег, отличающихся от их собственных. Например, в один из таких дней можно узнать о языке цвета. На Западе белый цвет – символ чистоты и нежности, а на Востоке – смерти [Таратухина, 2011].

Другим способом может быть организация культурных мероприятий. В некоторых компаниях каждый квартал устраивают день определенной культуры. Во время этого праздника слушают национальную музыку, пробуют национальную кухню. Здесь можно ознакомиться и с особым отношением ко времени. Существуют монохронные и полихронные культуры. Так, в первых время распределяется таким образом, что в один и тот же отрезок времени возможен только один вид деятельности. Данный способ восприятия времени характерен для Северной Америки, Германии, Швейцарии, Японии. В полихронных культурах использование времени происходит таким

образом, что в один промежуток времени возможно выполнение сразу нескольких видов деятельности. В культурах этого типа большую роль играют межличностные, отношения, и общение с человеком считается важнее, чем запланированный порядок деятельности. Для данного типа восприятия времени совершенно нехарактерны четкое соблюдение временных норм и рамок, пунктуальность. Особенно это заметно у представителей арабских культур и латиноамериканцев. Также очень важно учитывать личное пространство гостей. Это зависит от степени близости с теми или иными людьми, от принятых в данной культуре форм общения, от вида деятельности и так далее.

Личному пространству придается большое значение, поскольку вторжение в него обычно рассматривается как покушение на внутренний мир человека. Говоря о большом личном пространстве, можно упомянуть представителей арабской культуры, где оно очень высоко ценится и не должно затрагиваться работниками гостиницы.

Кроме того, для более эффективной работы и сплочения коллектива можно объединять сотрудников из разных отделов, которые обычно не работают совместно. Подобный мозговой штурм позволит генерировать оригинальные идеи и оптимизировать работу разных отделов.

Таким образом, цель этой работы состояла в том, чтобы проиллюстрировать влияние культурного разнообразия на управление гостиничным бизнесом и повысить осведомленность о его важности в современной глобализирующейся индустрии. В результате исследования было выяснено, что проведение мероприятий, освещающих различные культуры, является эффективным способом по созданию согласованной эффективной работы и дружеской атмосферы.

Культурное разнообразие продолжит свое развитие и в будущем, поскольку глобальный рынок становится всё более разнообразным, а культуры проникают через границы и барьеры. В связи с этим существует потребность в должном просвещении сотрудников, проведении различных тренингов. Введение кросс-культурной составляющей в стандарты гостиницы может дать возможность организациям сферы гостеприимства дифференцировать свои услуги.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Ромашкина О. П.* Признаки устойчивого развития международного туризма как социально-экономической системы. Евразийское Научное Объединение. 2018. № 3-3 (37). С. 173–176.
- Таратухина Ю. В.* Коммуникативные и образовательные технологии в контексте кросс-культурного взаимодействия : уч. пособие. Минск : Экоперспектива, 2011.
- Таратухина Ю. В.* Особенности и проблемы образовательной коммуникации в поликультурном пространстве: на пути к кросс-культурной мультимедийной дидактике : монография. М. : Букатон, 2013.
- Тимохина Т. Л.* Организация приема и обслуживания туристов: учебное пособие. М. : Книгодел: МАТГР, 2004.
- Devine F. et al.* Managing cultural diversity: opportunities and challenges for Northern Ireland hoteliers // *International Journal of Contemporary Hospitality Management*. 2007. Vol. 19 No 2, P. 120–132.
- Lee Ch., Chon K.-S.* An investigation of multicultural training practices in the restaurant industry: the training cycle approach // *International Journal of Contemporary Hospitality Management*. 2000. # 12 (2). P. 126–134.
- Powell S.* Geert Hofstede: challenges of cultural diversity. *Human Resource Management International Digest*. 2006. Vol. 14 No 3, P. 12–15.
- Rosinski P.* Coaching across cultures: new tools for leveraging national, corporate, and professional differences. London : Nicholas Brealey Publishing, 2003.
- Steiner C. J., Reisinger Y.* Enriching the Tourist and Host Intercultural Experience by Reconceptualising Communication // *Journal of Tourism & Cultural Change*. 2004. # 2 (2). P. 118–137.

УДК:2 (470.57)

Исмагилов Д. А.

Башкирский государственный университет

(Уфа, Россия)

ismagilove99@gmail.com

Научный руководитель:

Даутова Т. А.

кандидат социологических наук

Башкирский государственный университет

(Уфа, Россия)

МЕХАНИЗМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ МЕЖКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ОТНОШЕНИЙ НА ТЕРРИТОРИИ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН

В статье рассматриваются механизмы регулирования межконфессиональных отношений. Целью исследования является разработка способов и методов улучшения межконфессиональных отношений в Республике Башкортостан. Приведены принципы вовлечения молодежи в эффективный межконфессиональный диалог. Разработаны предложения и рекомендации по улучшению межконфессионального и межэтнического диалога в Республике Башкортостан.

Ключевые слова: межконфессиональные отношения; межконфессиональный диалог; религиозные организации и объединения; молодежная среда; совершенствование; рекомендации

Ismagilov D. A.

Bashkir State University

(Ufa, Russia)

ismagilove99@gmail.com

Academic Advisor:

Dautova T. A.

PhD (Sociology), Associate Professor

Bashkir State University

(Ufa, Russia)

MECHANISMS OF REGULATION OF INTER-CONFESSIONAL RELATIONS ON THE TERRITORY OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN

The article discusses the mechanisms of regulation of interfaith relations. The purpose of the study is to develop ways and methods to improve interfaith relations in the Republic of Bashkortostan. The principles of involving young people in an effective interfaith

dialogue are given. Proposals and recommendations have been developed to improve interfaith and interethnic dialogue in the Republic of Bashkortostan.

Keywords: interfaith relations; interfaith dialogue; religious organizations and associations; youth environment; improvement; recommendations

На сегодняшний день взаимоотношения государственной власти с религиозными организациями достаточно стабильны. В России Республика Башкортостан остается примером поликонфессионального региона, где многие нации и конфессии не только мирно сосуществуют и уживаются на одной территории, но и образуют некое пространство для взаимодействия и диалога между собой.

Проблемы, связанные с существованием религиозных систем, испытывающих взаимное влияние, имеют долгую историю. Это соседство характеризуется самым широким спектром взаимодействий – от гармоничного сосуществования до скрытого либо открытого конфликта в различной степени разрешения.

Проблема религиозной принадлежности является актуальной в современном мире. Потому как многие государства имеют общие национальности, по мнению Джозефа Ротшильда, самый сильный тип международной солидарности сегодня основан на этнической и религиозной основе [Rothschild, 1981].

Российская Федерация обладает уникальным опытом совместного проживания представителей разных народов, наций, культур и религий. В России проживают представители более 190 национальностей, используется 277 языков и диалектов, в государственной системе образования – 105 языков, из них 24 – в качестве языка обучения, 81 – учебного предмета [Богданов, 2020]. На сегодняшний день государство заинтересовано в создании благоприятного социально-политического климата в стране, формировании гражданского общества без конфликтов на национально-религиозной почве и других деструктивных проявлений.

Межконфессиональные отношения являются не только нормативным регулятором социальной жизнедеятельности представителей

разных наций и конфессий, но и социокультурным феноменом. Анализ таких взаимоотношений представляет не только исторический, общетеоретический, но и практический интерес. В результате совершенствования процесса межконфессионального диалога мы получаем улучшение взаимопонимания между представителями конфессий, а также снижаем вероятность конфликтов, проявлений деструктивных идеологий в интересах национальной безопасности.

Согласно статье 14 Конституции Российской Федерации религиозные организации и объединения отделены от государства, однако не отделены от общества. Религиозные организации остаются важным социальным институтом, который продолжает регулировать общественные отношения и обладает важными функциями работы с населением.

Межконфессиональные отношения – это отношения различных организованных вероисповедальных сообществ, объединяющих религиозные группы и организации как одной религии, так и межрелигиозного характера.

Для того чтобы сохранять межконфессиональный мир и солидарность, нужно прилагать значительные усилия не только государственным и правоохранительным органам, но зачастую и лидерам конфессий, а также самим верующим. На данный момент именно эта цель стоит и перед религиозными организациями, и перед государством. Если мы говорим о национальном и религиозном самочувствии России в современном мире, то на основании проводимых мониторингов Федеральным агентством по делам национальностей можно констатировать, что в большинстве регионов межрелигиозная напряженность незначительна.

Мир и согласие между представителями разных конфессий во многом зависит от государственной власти и проводимой ею политики. Успешная внутренняя политика предполагает запрет на использование конфессионального и национального факторов [Карамышев, Бакаев, 2015].

Одним из приоритетных направлений национальной политики является гармонизация межнациональных (межэтнических) и межконфессиональных отношений, профилактика экстремизма и преду-

преждевание конфликтов на национальной и религиозной почве. Мониторинг состояния межнациональных и межконфессиональных отношений является ключевым механизмом работы на упреждение конфликтных ситуаций в этом направлении. На данный момент функционирует Государственная система мониторинга межнациональных и межконфессиональных отношений, утвержденная Постановлением Правительства от 28.10.2017 №1312, головным руководителем которой является Федеральное агентство по делам национальностей (ФАДН России) и к которой подключены субъекты Российской Федерации.

Как и во многих субъектах в Республике Башкортостан действует Совет по государственно-конфессиональным отношениям, который оперативно регулирует вопросы взаимодействия с религиозными объединениями, органами местного самоуправления, силовыми структурами, министерствами и ведомствами по вопросам государственной конфессиональной политики. В целях повышения эффективности профилактики деструктивных идеологий в духовных управлениях республики введена практика проведения аттестации среди священнослужителей. При этом особое внимание уделяется аттестации лиц, прошедших обучение за рубежом. Аналогичные консультативно-совещательные органы функционируют и во всех муниципальных образованиях республики, которые представляют оперативную информацию в сфере национальной, конфессиональной и миграционной политики.

Свои механизмы регулирования имеет и миграционная политика. Ярким примером действующих регуляторов на региональном уровне России являются нормативно-правовые акты, например: «Об установлении запрета на привлечение хозяйствующими субъектами иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов по отдельным видам экономической деятельности». Подобные решения приняты в 13 субъектах Российской Федерации, в семи субъектах находятся на стадии согласования в вышестоящих органах власти. Данные проекты направлены на приоритетное трудоустройство местного населения, снижение конкуренции, обеспечение национальной безопасности и профилактическое противодействие

идеологии терроризма и экстремизма. В Республике Башкортостан аналогичная практика не применяется.

Большинство прибывающих в Республику Башкортостан – иностранные граждане стран Центрально-Азиатского региона с безвизовым режимом. На данный момент в Республике нет сведений ни об одном культовом религиозном сооружении, которое посещают исключительно иностранные граждане или лица некоренного происхождения одной этнической группы, что является показателем эффективности конфессиональной политики и деятельности лидеров религиозных организаций. Вопросы социальной и культурной адаптации иностранных граждан и лиц, уже получивших гражданство России, находятся в ведении нескольких федеральных и региональных министерств. Профилактические мероприятия с вышеупомянутыми лицами проводятся на постоянной основе в целях недопущения распространения идеологии терроризма и экстремизма.

Таким образом, изучение межконфессионального взаимодействия и опыта регулирования межконфессиональных отношений в Республике позволяет сформулировать ряд предложений по поддержанию и усилению межконфессионального и межэтнического диалога. Они имеют следующую направленность:

1. Привлечение большей части молодежи к межконфессиональному диалогу посредством:
 - этнокультурных мероприятий;
 - спортивных мероприятий и ЗОЖ;
 - интеллектуальных соревнований, олимпиад;
 - участия в диалоге с лидерами общественного мнения;
 - добровольческой, волонтерской деятельности.
2. Экскурсии в церкви, храмы, мечети и другие религиозно-культовые здания. При организации республиканских или межрегиональных конференций необходимо уделять внимание этикету общения, сотрудничеству между конфессиями и разрушению стереотипов о конфликте конфессий, а также проводить встречи не только религиозных лидеров, но и рядовых верующих.

3. При изучении дисциплин «Основы духовно-нравственной культуры народов России» и «Основы религиозных культур и светской этики» закреплять в умах уже со школьного возраста идеи о межнациональной и межконфессиональной дружбе народов России. Воспитывать не просто веротерпимость, а дружбу и хорошие взаимоотношения между народами и конфессиями. Работая и развивая в такой атмосфере детей уже с младших классов, в будущем мы получим ответственных граждан, которые понимают, что какой бы ни был человек по национальности и вероисповеданию – это не является причиной негативного отношения к нему. Также следует уделять особое внимание и пресекать конфликты на национальной или религиозной почве. В случае возникновения таковых проводить профилактические беседы как с самим учеником, так и с родителями (опекунами), чтобы избежать общественного резонанса.
4. В религиозных образовательных учреждениях следует проводить профилактические беседы со студентами, в качестве факультатива знакомить с культурой и вероучением других религий России. Проводить лекции и семинары о законах, касающихся деятельности религиозных организаций, и ответственности за организацию и содействие деятельности экстремистских и других деструктивных сообществ.
5. Повышение уровня критического восприятия действительности. На сегодняшний день для распространения ложной информации, экстремистских и деструктивных идеологий активно используется интернет-пространство, которым пользуется целевая аудитория, а именно молодежь. Поэтому необходимо вести мониторинг интернет-сообществ, веб-сайтов, а также закрытых групп в социальных сетях, где основной тематикой является религия. Потому как в социальных сетях верующие более открыто конфликтуют и говорят о проблемах как самой религии, так и ее организаций, с которыми им приходится сталкиваться.

6. В целях сохранения стабильности межнациональных и межконфессиональных отношений необходимо совместно с территориальным управлением МВД России и органом исполнительной власти, уполномоченным в реализации национальной политики, проводить индивидуальные и групповые профилактические беседы по отношению к иностранным гражданам.

В завершении стоит отметить, что говорить о межконфессиональной конфликтности в современных условиях не приходится благодаря слаженному межведомственному взаимодействию органов государственной и муниципальной власти, религиозных организаций и объединений. Важно еще раз подчеркнуть, что основными конфессиями в Республике Башкортостан являются православие и ислам – именно их взаимодействие и диалог в большинстве своём обеспечивают стабильность в Башкирии. На нашей территории существуют все комфортные условия для верующих этих основных конфессий. Одновременно учитываются потребности и других религиозных организаций и объединений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Богданов С. В.* Реализация государственной национальной политики в субъектах Российской Федерации / сборник справочно-методических материалов / под редакцией А. Ю. Полунова, В. А. Сажинной. М. : Дубровин С. В., 2020.
- Карамышев Р. Д., Бакаев Р. С.* Государственно-конфессиональные отношения в РБ: учебное пособие. Уфа : Изд-во БГПУ, 2015.
- Rothschild J.* Ethnopolitics: A Conceptual Framework. New York : Columbia University Press, 1981.

УДК:81:39

Косолапова М. А.

студент II курса (бакалавриат)

Московский государственный лингвистический университет

(Москва, Россия)

kosolapova_mary@mail.ru

Научный руководитель:

Барина И. В.

кандидат филологических наук, доцент

Московский государственный лингвистический университет

(Москва, Россия)

ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО ЭТНИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

Язык является одним из важных факторов, формирующих этническую и культурную идентичность личности. Происходящие в мире социокультурные изменения оказывают существенное влияние на увеличение заимствованных слов в различных языках. Сохранение этнической идентичности нации является важнейшей задачей языка.

Ключевые слова: язык; заимствование; этнос; этнопсихология; менталитет

Kosolapova M. A.

IInd Year Student (Bachelor's Program)

Moscow State Linguistic University

(Moscow, Russia)

kosolapova_mary@mail.ru

Academic Advisor:

Barinova I. V.

PhD (Philology), Associate Professor

Moscow State Linguistic University

(Moscow, Russia)

LANGUAGE AS A MEANS OF ETHIC AND CULTURAL IDENTITY OF A PERSON

Language is one of the main factors that form ethnic and cultural identity of a person. Sociocultural changes in the world have a great influence on increasing amounts of borrowings in various languages. Preservation of the ethnic identity of a nation is one of the major duties of any language.

Keywords: language; borrowing; ethnos; ethnopsychology; mentality

Введение

На современном этапе развития мира происходит усиление и углубление взаимосвязей и взаимоотношений разных стран, их народов и культур. Данный процесс в современной науке назван процессом глобализации. Растет интенсивность практически всех видов отношений: экономических, политических, научно-технических и коммуникативных. Благодаря последним возможно взаимодействие различных обществ в мире.

На протяжении всего XX века происходило усиление глобализации. Одним из этапов этого процесса стала экспансия культуры западно-европейской и американской цивилизаций. Одновременно с этим шло преобразование культур разных стран. Это явление находит выражение как в виде взаимопроникновения, так и в виде взаимоотталкивания культур. Здесь можно говорить о таких сферах, как образование, наука, культура, а также язык.

Сегодняшняя действительность определяет необходимость для человека понимать глобальные изменения и, соответственно, искать пути успешной социализации. В основе этого лежат вопросы межкультурной коммуникации.

При таком взаимодействии государств и общностей, их экономик происходит интеграция культурных, а также языковых ценностей. Язык, как и культура, является одним из основных факторов идентификации личности. В новой реальности в условиях глобализации родной язык, отношение к нему со стороны носителей могут претерпевать определённые изменения, что так или иначе сказывается на менталитете не только нации, но и каждого человека в отдельности.

Одной из важных психологических причин сильной любви к иноязычному слову выступает ослабление этнической идентичности. «Этническая идентичность – это не только осознание своей тождественности с этнической общностью, но и ее оценка, значимость членства в ней, разделяемые этнические чувства» [Стефаненко, 2009, с. 3]

Этнос рассматривается как психологическая общность, которая устанавливает общие для всех жизненные ценности, особое жизненное пространство, позволяет человеку не чувствовать себя изолировано.

Понятие этнической психологии и подходы в исследованиях

Этнопсихология является наукой о становлении и проявлении национальных и психологических особенностей людей как представителей определённых этносов, отличающих их друг от друга.

Предметом изучения этнопсихологии являются особенности проявления и работы психики представителей различных этносов.

Её цель состоит в выявлении социально-психологических механизмов взаимодействия и взаимопроникновения различных этнических групп в поликультурном мире, складывания позитивной идентичности, как этнической, так и культурной, этнической терпимости на групповом и личностном уровнях.

В структуре идентичности этноса обычно рассматривается несколько компонентов:

- ◆ *Когнитивный компонент* – осведомленность в форме объективных знаний и субъективных представлений об этнических группах, своей и чужой, их культуре, а также их различиях и этническое самоопределение человека.
- ◆ *Эмоционально-оценочный компонент* – оценка качеств своей группы, отношение к членству в ней, значимость этого для человека.
- ◆ *Поведенческий компонент* – не только осознание, но и проявление себя активным членом определенного этноса, участие в его жизни.

Язык как этнодифференцирующий признак

Сегодняшняя действительность определяет необходимость для человека понимать глобальные изменения. Для успешного взаимодействия с различными людьми и культурами в современном пространстве необходимо владение иностранным языком. Язык может быть интегрирующим звеном в цепочке взаимодействия народов, но влияние иностранного языка не всегда положительно сказывается на отношении к родному языку со стороны носителей.

Язык в большинстве случаев выступает наиболее актуальным и надёжным этнодифференцирующим признаком. Но если его красота, удобство и значимость начинают подвергаться сомнению со стороны носителей, то тогда можно говорить о кризисном состоянии языка. Ведь культурное наследие, новые знания, отношение к окружающей нас действительности передаются в основном именно языком, речью.

Исследователи утверждают, что «в некоторых исторических ситуациях этническая идентичность связана не столько с реальным использованием родного языка всеми членами этноса, сколько с его символической ролью в процессах формирования чувства родственности с общностью и межгрупповой дифференциации» [Стефаненко, 2009, с. 214].

При обособлении от собственной этнической группы ослабевает и привязанность к этническому языку.

В настоящее время, когда большое количество иностранных слов начинает сосуществовать с родными, а зачастую и соперничать с исконными языковыми единицами, можно говорить о проявлении некоего кризисного состояния языковой системы языка-реципиента. Появление большого объема и частое употребление иноязычных слов в устной и письменной речи негативно влияют на этническую идентичность общества и являются проявлением происходящего негативного процесса.

Опасность возникает, если происходит отчуждение от исторической этнической группы и теряется привязанность к этническому языку. Это зачастую приводит к языковой переориентации. В этот период начинает преобладать идеализация нового, пришедшего извне, и происходит постепенное расставание с прошлым народа, этноса. Высшей точкой отчуждения является желание покинуть страну, порвать с прежней культурной и языковой средой. При этом внутриличностный конфликт остается неразрешенным.

Одной из важных причин активизации использования в языке иностранных слов в настоящее время является повышение статуса человека, их произносящего. Например, В. Г. Костомаров отмечает: «Запад в сознании россиян все более укореняется как центр, излучающий если не законодательно, то привлекательно технические новшества,

образцы общественного порядка и экономического процветания, стандарты жизненного уровня, эстетические представления, эталоны культуры, вкусы, манеры поведения и общения. Употребление иноязычных слов – это один из способов показать свою приобщенность к этому миру» [Костомаров, 1999, с. 17].

Аспекты этнической идентичности

Понижение этносоциального статуса нации в новой политической или социальной реальности может порождать негативные эмоции, такие как стыд, униженность, обида, разочарование, депрессия. При падении уровня привлекательности собственной этнической группы человек ищет другие веские основания идентичности и обращается к опыту других этносов, которые он считает более успешными и привлекательными.

Здесь мы говорим про этнос, который как психологическая общность, во-первых, дает возможность успешного приспособления к окружающему миру, успешной ориентации в нем, во-вторых, имеет защитное свойство, так как индивидууму важно иметь принадлежность к сильной социальной группе, в-третьих, устанавливает общие жизненные ценности.

Важно отметить, что осознание этнической принадлежности строится на основе характеристик, которые «ментально» согласованы представителями определённого народа. Этнодифференцирующие характеристики, такие как религия, язык, нормы и ценности, историческая память, национальный характер, мифы о предках, народное искусство, отличают данный этнос от других.

Менталитет

Менталитет встраивается в структуру индивидуальной психики человека в процессе его приобщения к определённой культуре. Каждый ребенок усваивает менталитет своего народа, овладевая национальным языком, слушая сказки, узнавая историю, привыкая к бытовым условиям жизни.

Передача знаний – одно из самых очевидных и важных применений языка. Безусловно, возможности языка намного превосходят

эту задачу. Но формирование менталитета происходит именно таким способом. Передавая знания с помощью языка, человек формирует сознание обучаемого, его знание, объясняет мир так, как когда-то объяснили ему. Но при этом формируемый при помощи языка мир обучаемого является его собственным миром, а не копией мира обучающего. Таким образом происходит развитие человека, этноса при сохранении базовых понятий, традиций и устоев.

Слова для человека значительно больше, чем просто звуки. Люди, слушая речь, реагируют не столько на издаваемые при произнесении звуковые сигналы, сколько на то, что слово обозначает или символизирует. Но это происходит постепенно: спектр понимания языка из первоначальной реакции на слова как на шум только через ряд стадий переходит в постепенное понимание значения слова как символа конкретных вещей, предметов или конкретных действий. После этого возникает стадия, на которой слова начинают символизировать классы предметов.

Когда человек встречается с иностранным языком, то прежде всего он оказывается на начальной стадии: восприятие языка и речи как шума. Затем слово начинает обозначать единичный объект, и только потом происходит отнесение его к классу. Преимущественно изучение иностранного языка начинается в довольно раннем возрасте (не говорим здесь о семейном билингвизме), но даже в это время продолжается формирование первичного менталитета.

Система символов, возникающая в конкретном языке, – это также элемент менталитета человека и общности. Когда в речи звучат слова, то они произносятся легко вместе с другими словами. Когда стоящие рядом слова обозначают два понятия, то они не являются просто двумя наборами звуков. Это противоположно тому, что два любых звука, не обозначающие понятия, так и воспринимаются как два звука.

Для языка важно, что два слова-понятия могут поспособствовать появлению третьего. Например, слово серый и слово заяц вместе дают понятие и образ – серый заяц, хотя звучание самих слов не меняется. Поэтому при изучении иностранного языка у человека со сформированным менталитетом и возникает необходимость освоения сочетаемости слов в новом языке; при этом сочетаемость и несочетаемость не понимаются «автоматически», как в родном языке.

Важным аспектом языка является то, что звуки обозначают понятия в силу социальной договоренности, исторического опыта. Общество вырабатывает и закрепляет систему, которая позволяет отличать случайное сочетание звуков от слов. Для языка также важно и формирование правил, определяющих порядок слов в предложении, их грамматическое употребление. Данное положение также является элементом формирования менталитета: речь строится у этноса по одному и тому же принципу. В развитие этого можно говорить и о таком феномене как «поэтический образ» – это как фактическое звучание речи, так и язык поэзии. Ежедневно применяемые обороты речи показывают языковую общность. В каждом языке есть устоявшиеся конструкции, например, типа «если..., то...», «если не..., то не...». Существование такого рода и назначения конструкций полностью зависит от языка.

Ментальные установки чаще всего воспринимаются человеком как что-то естественное, возникшее одновременно с ним и окружающее его.

Осознание менталитета обычно происходит при изменении привычной культурной и жизненной среды. Этот процесс является непростым для человека с психологической точки зрения.

«Интересным является психологический факт принятия новых слов и терминов при изучении человеком иностранных языков. С психологической точки зрения иностранный язык воспринимается как целостная субстанция, которая не вступает в конфликтные отношения с родным языком. Поэтому использование иностранного языка в речи, чтение научной литературы на иностранном языке не являются событиями, к которым можно иметь внутреннее сопротивление» [Косолапова, 2022, с. 201].

Но сейчас мы становимся свидетелями формирования полиили даже наднациональной идентичности. Формируется определённый слой людей, получивших образование и подолгу проживающих за рубежом. Многие из них на хорошем уровне владеют несколькими языками, знакомы с зарубежной культурой и бытом. Такие люди получают двойную идентичность – этническую и цивилизационную.

Сохранение и восстановление этнической идентичности

Стремление человека восстановить или сохранить положительную этническую идентичность является психологически оправданным. Для этого, как отмечают многие психологи, используется стратегия социального творчества. Она может выражаться в разных формах:

- ◆ «В поиске других оснований для сравнения (например, не по оси свое-чужое, а по оси свое сегодня-вчера-завтра). Эта стратегия может быть представлена прямым обращением к ресурсам национального языка, поиском истоков, например, этимологическим интересом. Негативное отношение к иноязычию можно отождествить с сопротивлением другому <...>, с отказом играть второстепенную роль» [Клюканов, 2000, с. 73].
- ◆ В увлечении архаическими элементами своей собственной культуры, например, использовании забытых топонимов, старорусской графики. Это подчеркивание национально-культурной идентичности и собственной культуры.

Два данных способа возрождения и сохранения языка позволяют подчеркнуть национально-культурную идентичность этноса, увидеть язык как один из самых важных факторов формирования жизненного пространства человека. Установка на возрождение национальных духовных традиций и ценностей приводит к извлечению из пассивного словаря языка архаической, исторической, фольклорной лексики, активному ее применению, например в рекламе, которая охватывает большое количество слушающих и смотрящих.

Благодаря языку люди обозначают вещи, удаленные во времени. Таким образом происходит освоение идей предшествующих поколений, нахождение в них определенной опоры. Также благодаря языку люди «заглядывают» в будущее. Поэтому без языка ни прошлое, ни будущее невозможно. Для формирования менталитета важно, но одновременно сложно понимание того, что наряду с периодом сегодняшним существуют период прошлый и период будущий.

Выводы

В настоящее время в условиях глобализации язык претерпевает значительные изменения, сообразные социальной, политической и экономической ситуациям как в мире, так и в отдельно взятой стране. Понимание роли языка в жизни нации, в ее формировании является важнейшим фактором сохранения не только её этнической идентичности в целом, но и комфортного жизненного пространства каждого человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Клюканов И. Э.* Семиотический фетишизм в межкультурном общении // Политический дискурс в России-4: материалы рабочего совещания. М., 2000.
- Косолапова М. А.* Психологические факторы заимствований иностранной лексики // Интеграция психологической науки и практики: основные проблемы и новые перспективы развития: сборник трудов Международной научно-практической конференции. 2022. С. 201–205.
- Костомаров В. Г.* Без русского языка у нас нет будущего // Русская речь. 1999, № 4. С. 3–10.
- Стефаненко Т. Г.* Этнопсихология: учебник для вузов. 4-е изд., испр. и доп. М. : Аспект Пресс, 2009.

УДК 322

Мартиросян Д. В.

студент IV курса (бакалавриат)
Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Россия)
dianamartirosyan15@list.ru

Научный руководитель:

Бобылёв В. Ю.

кандидат исторических наук, доцент
Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Россия)

РОЛЬ ООН В УРЕГУЛИРОВАНИИ РЕЛИГИОЗНЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ НА ПРИМЕРЕ АРАБО-ИЗРАИЛЬСКОГО КОНФЛИКТА

В статье рассматривается роль ООН в урегулировании арабо-израильского конфликта. На данный момент ООН занимается разрешением множества конфликтов, в том числе и на Ближнем Востоке. Конфликты в этом регионе, как правило, сильно обостряются по причине религиозных противоречий. Известно, что арабо-израильский конфликт является самым длительным неразрешимым конфликтом в истории. Он сопровождался кровопролитными войнами и столкновениями. Помимо территориального вопроса, этот конфликт имеет этнические и религиозные противостояния.

Ключевые слова: ООН; арабо-израильский конфликт; Святые места; религиозные противоречия

Martirosyan D. V.

IVth Year Student (Bachelor's Program)
Moscow State Linguistic University
(Moscow, Russia)
dianamartirosyan15@list.ru

Academic Advisor:

Bobylev V. Yu.

PhD (History), Associate Professor
Moscow State Linguistic University
(Moscow, Russia)

THE UN'S ROLE IN RESOLVING RELIGIOUS DISPUTES IN THE MIDDLE EAST: THE CASE OF THE ARAB-ISRAELI CONFLICT

The article considers the UN's role in resolving of Arab-Israeli conflict. At the moment, the UN is engaged in resolving many conflicts, including those in the Middle East. As a rule, conflicts in the region are escalated

due to religious disputes. The Arab-Israeli conflict is known to be the longest intractable conflict in history. It has been accompanied by bloody wars and clashes. Apart from the territorial issue, this conflict has ethnic and religious confrontations.

Keywords: UN; Arab-Israeli conflict; holy sites; religious controversy

Как известно, арабо-израильский конфликт является одним из самых затяжных и трудноразрешимых в современной истории. ООН, как межправительственный инструмент по урегулированию конфликтов и обеспечению мира и безопасности, уделяет этому противостоянию большое внимание. Территориальные и этноконфессиональные конфликты являются самыми сложными для разрешения. Арабо-израильский является сочетанием и территориального, и этноконфессионального. Два народа исповедуют совершенно разные религии: ислам и иудаизм. Это религиозное противоречие сильно обостряет течение конфликта и усложняет поиск решения. В прямом смысле слова камнем преткновения для двух народов стал «Ас-Сахра» – как называют его арабы – или «Эвген-га-Штия» на иврите, но переводится с двух языков одинаково – «краеугольный камень основания». Этот камень находится на оспариваемой территории – Храмовой горе. Согласно обеим религиям как раз с этого камня Бог начал сотворение мира. В X веке до нашей эры библейский царь Давид расположил на данном камне ковчег со скрижалями Завета. Впоследствии его сын Соломон построил вокруг ковчега Храм. Даже сама земля, где располагается данный камень, – Храмовая гора – представляет особую значимость для евреев и мусульман. На сегодняшний день Храмовая гора является самой спорной религиозной святыней на Ближнем Востоке. Для иудаизма Храмовая гора в Иерусалиме – самое сакральное место в мире. Считается, что Храмовая гора избрана Богом и именно там проявляется Его присутствие.

В Танахе, еврейской Библии, приводятся следующие слова, сказанные Богом: «И избрал Я себе место это домом жертвоприношения... Ныне очи Мои будут открыты и уши Мои внимательны к молитве на месте этом. И ныне избрал Я и посвятил Я этот дом, дабы имя Мое было там навеки; и будут очи Мои и сердце Мое там все дни»

(Диврей аЯмим, II, 7). Исполнение большинства заповедей, предписанных евреям Торой, возможно только в Храме, расположенном на этом месте.

Иудеи веруют, что на Храмовой горе произошли следующие события (Берешит Раба, 55, 7):

- ◆ Бог создал первого человека-Адама;
- ◆ Адам совершил жертвоприношение Богу;
- ◆ Каин и Авель, первые два сына Адама и Евы, соорудили жертвенник и принесли жертвы;
- ◆ Ной совершил жертвоприношение после того как сошёл с ковчега;
- ◆ здесь царем Соломоном был возведён Первый храм, простоявший 410 лет. А спустя 70 лет после разрушения Первого храма был построен Второй, который простоял ещё целых 420 лет.

Иерусалимский Храм фактически являлся единственным местом, в котором можно было осуществлять жертвоприношения Богу. Три раза в год в период основных еврейских праздников (Песах, Шавуот, Суккот) к этому месту стекались паломники чтобы почтить свою главную религиозную святыню. Так происходило до тех пор, пока во время Иудейской войны римские войска не превратили храм в руины.

Храм не раз упоминается в Библии и его святость признают последователи всех «религий Писания» – иудаизма, ислама и христианства.

Многие евреи верят, что когда-нибудь будет возведен Третий храм, который сможет объединить всё человечество и станет его истинным духовным центром.

Для мусульман Иерусалимская Храмовая гора – это третье по святости место после Мекки и Медины. Там расположены священные мусульманские мечети Аль-Акса и Купол скалы – вместе они образуют мусульманский религиозный комплекс.

Храмовая гора является одним из самых ранних мест поклонения Богу для мусульман. Во времена зарождения ислама пророк Мухаммад учил своих последователей стоять лицом к этой горе во время совершения молитвы.

Арабо-израильский конфликт имеет глубокую историю противостояния. Долгие десятилетия мусульмане и сионисты находились в противостоянии друг с другом. Конфликт был усугублён провозглашением независимости государства Израиль 14 мая 1948 года на основании резолюции Генеральной Ассамблеи ООН №181, принятой 29 ноября 1947 года¹. С этого момента было шесть арабо-израильских войн и две интифады. Во время третьей войны 1967 года (её часто называют шестидневной войной) Совет Безопасности Организации Объединённых Наций призвал стороны прекратить вооружённое противостояние, однако, после того как призыв был принят, войска Израиля оккупировали египетский полуостров Синай, сектор Газа и Западный берег, включая Восточный Иерусалим, а также часть сирийских Голанских высот². Совет Безопасности принял резолюцию 237, в которой он призывал правительство Израиля обеспечить стабильность и безопасность жителям районов, в том числе обеспечить сохранность Иерусалимским Святыням. СБ ООН помимо этой резолюции выпустил 22 ноября 1967 еще резолюцию 242, которая была принята единогласно [Perry, 1977, с. 17]. СБ ООН призвал Израиль вывести его вооружённые силы с оккупированных им в ходе конфликта территорий и в незамедлительном порядке прекратить всяческое состояние войны, признать суверенитет, целостность территории и политическую независимость каждого государства региона Ближний Восток, а также признать нейтральный статус Храмовой Горы. Помимо этого, в 1969 году Совет Безопасности принимает резолюцию 252, в которой сообщается о том, что все законодательные и административные действия, предпринятые с израильской стороны, в том числе экспроприация земли и имущества, являются недействительными и не влекут за собой изменение правового статуса. В том же году посол США в ООН Чарльз Вудрафф Йост сообщает Совету Безопасности, что Иерусалим занимает уникальное международное

¹ Резолюция № 181 Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций. URL: undocs.org/ru/A/RES/181%28II%29

² 1 عظوف حم ةخسن. 2012. سرام 20، تاس اردلل ينيطسل فللا زكرملا، 1967، برح نيشم URL: www.palestineremembered.com/GeoPoints/Jiljilyya_1226/Article_11595.html

положение и что там следует избегать действий, которые бы не учитывали полностью особой истории Иерусалима и его особого места в мировом сообществе.

Следующее не менее значимое событие относительно спора вокруг статуса Храмовой горы произошло совсем недавно. В декабре 2021 года Генеральная Ассамблея Организации Объединенных Наций приняла резолюцию 129-11. Эта резолюция не признает связь евреев с Храмовой горой, называя ее исключительно мусульманским именем аль-Харам аш-Шариф. Текст под названием «Иерусалимская резолюция» является результатом немалых усилий Палестинской администрации и Лиги арабских государств, реализующих в рамках системы ООН проект по изменению названия святыни иудаизма на исключительно исламское. Эта резолюция вызвала волну негодования со стороны Израиля и США. По этой причине Израиль объявил о том, что он принял решение прекратить своё членство в ЮНЕСКО.

Арабо-израильские противоречия имеют глубокие исторические корни и тесно связаны с религией. До тех пор, пока этот конфликт не будет решен общими усилиями и мирными средствами, о стабильности и мирном сосуществовании говорить очень сложно. Немалую роль в этом играет ООН, хотя усилия пока и не являются глобальными, но мы наблюдаем некий позитивный сдвиг в сторону мирного урегулирования и решения столь сложного вопроса, затрагивающего сердца верующих не только Израиля и арабских стран, но и верующих людей всего мира, – вопроса о статусе Храмовой горы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Perry G. Security Council Resolution 242: The Withdrawal Clause // *Middle East Journal*. 1977. Vol 31. # 4. P. 413–433.

УДК: 908

Придеин В. В.

студент II курса (бакалавриат)
Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Россия)
vasiliypridein.25@mail.ru

Научный руководитель:

Гайденок П. И.

доктор исторических наук, профессор
Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Россия)

КУЛЬТОВЫЕ МЕСТА ОТДЫХА ПЕТЕРБУРЖЦЕВ И ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Автор статьи рассматривает культовые места отдыха петербуржцев и интеллигенции в Ленинградской области. Ленинградская область является важнейшим регионом России, который, благодаря своему экономическому и культурному потенциалу, давно привлекает к себе внимание граждан России и мира. С начала XX в. наиболее популярными местами отдыха для творческой интеллигенции стали живописные места Карельского перешейка – Репино и Комарово. Здесь жили такие выдающиеся литераторы, как Чуковский, Зощенко, Короленко, Блок и другие. В рамках представленного доклада принята попытка систематического анализа, устанавливающего причины привлекательности уголков современной Ленинградской области у туристов и у петербургской интеллигенции.

Ключевые слова: интеллигенция; Ленинградская область; отдых; деятели культуры; природные объекты; места активного отдыха; культурная идентичность

Pridein V. V.

2nd year student (bachelor's program)
Moscow State Linguistic University
(Moscow, Russia)
vasiliypridein.25@mail.ru

Academic Advisor:

Gaidenko P. I.

Doctor of History (Dr. habil), Professor
Moscow State Linguistic University
(Moscow, Russia)

PLACES OF WORSHIP OF ST. PETERSBURG RESIDENTS AND INTELLECTUALS IN THE LENINGRAD REGION

The author of the article considers places of worship of St. Petersburg residents and intellectuals in the Leningrad Region. The Leningrad Region is the most important region of Russia, which, thanks to its economic and

cultural potential, has long attracted the attention of citizens of Russia and the world. Since the beginning of the XX century, the most popular places of recreation for the creative intelligentsia have been the picturesque places of the Karelian neck – Repino and Komarovo. Such outstanding writers as Chukovsky, Zoshchenko, Korolenko, Blok and others lived here. Within the framework of the presented report, an attempt has been made to systematically analyze the reasons for the attractiveness of the corners of the modern Leningrad region among tourists and the St. Petersburg intellectuals.

Keywords: intelligentsia; Leningrad region; recreation; cultural figures; natural objects; places of active recreation; cultural identity

История Российского государства начиналась на территории, которая сегодня располагается в пределах Ленинградской области, в Старой Ладогe. Именно здесь в 862 году произошло призвание варягов, а князь Рюрик начал свое правление. Археологические свидетельства того времени обнаруживаются в следах древних поселений и в захоронениях, найденных учеными на территории этого города. Данное обстоятельство привлекает сюда тех, кто интересуется историей Древней Руси [Кирпичников, 2011]. Например, в 2003–2004 годах здесь, в «первой столице Руси», побывал Президент РФ В. В. Путин. Особенно Владимира Владимировича заинтересовали археологические находки, добытые Староладожской археологической экспедицией Института истории материальной культуры РАН. Взявшись за так называемую Олегову могилу, Президент воскликнул: «Да! Это свидание с небом!». Эта поездка в Старую Ладогу стала памятной не только для Владимира Владимировича, но и для иных участников тех знаменательных мероприятий пятого сентября 2012 года [Дрозденко, 2018, с. 7–15]. Президенту было представлено письмо руководителя Администрации Президента РФ С. Б. Иванова. В письме отмечалось, что на базе Старой Ладогы может быть разработан общенациональный проект, объединяющий туристические и историко-культурные центры российского Северо-Запада. Реализация инициативы сопровождалась притоком инвестиций (в том числе и зарубежных).

Здесь необходимо отметить, что история области напоминает историю самой России. Население региона до сих пор представлено разнообразными автохтонными народами: финнами-ингерманландцами, древним народом вепсами или чудьями, ижорами, водями, карелами. Эта мультикультурность привела к тому, что следы древнерусских поселений перемежаются со следами других, в том числе скандинавских. Это сосуществование культур наглядно просматривается в истории местных городов Ивангорода или Нарвы. Здесь проходит граница между Российской Федерацией и Эстонией. Одна часть строений хорошо ассоциируется с русскими домами, а другая – с европейскими. Те, кто хочет проникнуться скандинавской архитектурой, могут поехать в Выборг. Со своими средневековыми улицами этот город не похож ни на одно другое русское поселение.

В XIII–XIV веках земли современной Ленинградской области стали ареной борьбы Новгорода и Пскова с агрессией Ливонских рыцарей и шведских феодалов, из-за чего до сих пор эти места остаются излюбленными для семейного отдыха. Чаще всего выбор туристов и отдыхающих падает на крепости Копорье, Ям, Орешек.

Большой вклад в развитие рассматриваемых земель внес Петр I, начавший их освоение. Тогда же началось массовое заселение этого сурового края не только крестьянами, но и элитами. Появление новой столицы обязывало знать и интеллектуалов быть ближе к императору. Тогда же здесь начала формироваться русская интеллигенция. С самого начала своего существования она стала оплотом культуры, а Санкт-Петербург – ее колыбелью и домом. Тогда область называлась Ингерманландской губернией. По мере развития столицы, особенно со второй половины XIX века, начали развиваться и окрестности Северной Пальмиры.

Так называемый курортный район сейчас славится своей дорогой недвижимостью и нахождением знаменитого штаба Газпрома – Лахты, центра с соседствующими с ним многочисленными дачами чиновников и функционеров. Подобная тенденция имеет свою историю. Дачная экспансия в XIX веке достигла такого размаха, что местное население оказалось на правах национального меньшинства.

В итоге этот уголок столичного пригорода стал главным петербургским курортом.

Наиболее популярным местом отдыха интеллигенции стало Репино. Свое название оно приобрело благодаря русскому художнику И. Репину. Он как раз был одним из владельцев дачи в этом примечательном предместье. В советское же время в Репино строились дома отдыха для работников интеллектуального труда, искусства и культуры, так что этот район можно назвать местом жизни интеллигенции. В поселке родились такие известные личности, как шахматист Ботвинник и писатель Корней Чуковский.

Не менее памятна песня о Комарово. Этот район, подобно Репино, притягивал к себе творческую общественность Ленинграда. В Комарово в советское время существовал популярнейший дом отдыха, куда писателей отправляли по путевкам. Поэтому неудивительно, например, что конец своей жизни Анна Ахматова провела как раз-таки в этом знаменитом посёлке Комарово в крошечной, полученной от Литфонда, даче-«будке», как называла свое жилище сама поэтесса. Что интересно, рядом находятся дачи критиков поэтессы, в свое время разбогатевших на травле Анны Андреевны. В Комарово Ахматову навещали Лидия Гинзбург, Фаина Раневская, Лидия Чуковская (<https://paperpaper.ru/kak-zhili-dachniki-komarova-i-repina-do-r/>).

Еще одним центром культуры Ленинградской области считается Павловск. Данный город – один из самых развитых культурных центров области и России. Он находится вблизи любимой резиденции императора Павла I, где построен его замок. Туристов он притягивает во многом из-за своих потайных ходов, какие не увидишь в Зимнем или других дворцах в центре Петербурга. Данное место известно также благодаря литературе. В романе «Идиот» Ф. М. Достоевского дача Епанчиных находится именно в Павловске, и большая часть романа происходит там. Павловский «вокзал» превратился в ресторан, в котором обедали под музыку. Именно благодаря популярности Павловского «воксала» и другие станции железной дороги стали называть «воксалами» [Васильев, 2015, с. 6–13]. Администрация железной дороги с мая по сентябрь устраивала в помещении вокзала бесплатные

симфонические концерты. Оркестр под управлением Иоганна Штрауса в Павловском «воксале» в 1860-е слушал сам Ф. М. Достоевский. На подобном мероприятии в романе «Идиот» произошел скандал с участием князя Мышкина, вступившегося за Настасью Филипповну. Сцену публичного оскорбления дамы офицером в Павловском «воксале» Достоевский взял из жизни. Прототипом оскорбленной женщины стала супруга писателя Николая Чернышевского Ольга Софратовна, которую приняли за легкомысленную особу. Действительно, из-за дворцово-паркового ансамбля это удивительное место и сейчас пользуется большой популярностью у ценителей семейного отдыха [Морозова, 2018].

Можно выделить несколько типов курортов в области: это исторические и природные места, а также места для активного отдыха. Конечно, исторические места связаны, в первую очередь, с местами военных действий. Они охватывают крепости и музеи, связанные с блокадой Ленинграда. Музей прорыва блокады Ленинграда стал самым посещаемым за 2021 год. Его посетило 238 тыс. 173 человека. Особое место в истории Санкт-Петербурга и области занимает Александр Невский. С его именем связано множество памятных мест. Так, на месте Невской битвы (1240 год) существует знаменитый музей, а в самой области в честь благоверного князя воздвигнуто три церкви [Седенков, 2018].

Слово «дача» в значении летнего загородного жилища вошло в обиходную речь именно в Петербурге. Москва же усвоила его от Северной столицы лишь в недавнее время. Что касается советской партийной элиты, то она имела дачи далеко от города. Например, первый секретарь Ленинградского обкома КПСС Романов жил на Кургальском полуострове, на берегу Липовского озера. Это неудивительно, потому что названное озеро считается одним из природных чудес. Здесь искрится на солнце гладь настоящего «маленького моря» – единственного в регионе по-настоящему соленого озера. Его наполняют лечебные воды, а под толщей воды живут уникальные морские рыбы, в том числе камбала и минога. Дача защищена со всех сторон лесом. Именно благодаря этому жизнь счастливых обитателей знаменитой дачи сокрыта от посторонних глаз.

Для интеллигенции Ленинграда, а сегодня Санкт-Петербурга, характерно безразличие к южным курортам России. Отмеченная особенность объясняется тем, что в Ленинградской области есть свой курорт – карельский перешеек, протянувшийся от Санкт-Петербурга до Выборга и от Финского залива до Ладожского озера. Здесь нет ни одного большого города, а природа почти нетронута человеческой деятельностью. Одним из первых заметил и по достоинству оценил красоты прибрежной местности житель Санкт-Петербурга, статский советник Рафаэль фон Гартман, который построил в Териоках (ныне Зеленогорск) свою роскошную дачу – виллу Алиса.

Особенной изысканностью отличались великолепные русские дачи. Примеры этого – «Замок Арфа» Г. В. Барановского в Келломяки (ныне Комарово), дача Сахарова в Териоках, усадьба Орлова в Тюрисевя (ныне Ушково). Весьма скромными жилищами казались в сравнении с ними дома местных карельских крестьян, ютившиеся неподалеку [Окладникова, Марова, 2014]. Постепенно приграничные земли Финляндии настолько русифицировались, что финны, приезжавшие сюда из центральных районов страны, часто не могли понять своих сородичей без дополнительных разъяснений. Столь существенные перемены объяснялись тем, что приезжие усваивали много новых русских слов. В результате здесь возник свой особый диалект.

Природа, характерная для Северно-Западного округа – огромные валуны (иногда не поймешь, или это валуны, или укрепления времен войны с Финляндией 1939–1949), пески и дюны, многочисленные озера и реки, сосновые и еловые леса, заросли можжевельника и вереск. Здесь даже есть водопады. Их насчитывается около десяти.

Сейчас самый посещаемый регион – Рускеала. Первого июня 2019 года со станции Сортавала до горного парка Рускеала был запущен туристический ретропоезд на паровой тяге, интерьер которого выполнен в стиле «Николаевского экспресса». Парк в 2021 году побил рекорд посещаемости. С января по сентябрь его посетило 470 тыс. туристов. Увеличение турпотока здесь наблюдается с 2014 года [Артемьев, Юшко, 2012, с. 263–265].

Еще Петр I оценил по достоинству прекрасный чистый воздух и мягкий морской климат южной части Карельского перешейка, здешние прекрасные густые хвойные леса и прибрежные дюны. Побывав в 1714 году в районе реки Сестры, Петр приказал возвести на берегу Финского залива летний дворец. Это решение привело в итоге к строительству города Сестрорецк. Всё вышесказанное позволяет сказать, что Ленинградская область, при том, что она является одной из самых северных областей России, обладает огромным потенциалом в области организации отдыха людей, прежде всего, интеллигенции. Кроме того, здесь сформировалась своя инфраструктура и свои предпочтения, которые оказались сопоставимыми с инфраструктурой южных курортов СССР, а сегодня – России. Данный потенциал открывается в колоссальной исторической памяти, в обилии памятников истории, культуры и архитектуры, в связи этих мест с множеством знаменательных личностей, снискавших славу в истории нашей страны и мировой культуры. Особым шармом мест отдыха ленинградской интеллигенции оказались местные променады. В итоге ленинградские дачи стали рассматриваться в качестве культурных образцов, к достижению которых должна была стремиться публика провинции.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Артемьев А. Б., Юшко А. А.* Комплексное развитие горного парка «Рускеала» // Спелеология и спелестология: сборник материалов конференции. 2012. № 3. С. 263–265.
- Васильев К. Б.* Вокзал как гульбище и как железнодорожная станция // История в подробностях. 2015. № 8 (62). С. 6–13.
- Дрозденко А. Ю.* О культурном наследии и культуре в Ленинградской области // Культурное наследие Российского государства. Ученые, политики, журналисты, деятели культуры и искусства, писатели, аспиранты вузов, коллекционеры, ветераны минувшей войны об историческом и культурном достоянии. Санкт-Петербург, 2018. С. 7–15.
- Кирпичников А. Н.* Старая Ладога – колыбель Российской государственности // Вестник Российского гуманитарного научного фонда. 2011. № 1 (62). С. 144–154.

- Морозова О. Н.* Ладожские каналы как объекты туристского показа // Сервису и туризму – инновационное развитие: материалы X международной научно-практической конференции. 2018. С. 130–136.
- Окладникова Е. А., Марова А. О.* Метапространство дачных ландшафтов северных окрестностей Петербурга конца XIX – начала XX веков // Научный результат. Серия: Социальные и гуманитарные исследования. 2014. Т. 1. № 2 (2). С. 52–62.
- Седенков С. Е.* Военно-патриотический туризм и перспективы его развития в Ленинградской области // Развитие туризма в контексте инновационных процессов современной экономики: сборник материалов международной научно-практической конференции. СПб., 2018. С. 323–331.

УДК: 93

Рябцев Д. В.

студент III курса (бакалавриат)
Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины
(Гомель, Республика Беларусь)
leninoktoubert17@gmail.com

Научный руководитель

Веремеев С. Ф.

кандидат исторических наук, доцент
Гомельский государственный университет
имени Франциска Скорины
(Гомель, Республика Беларусь)

АЛЕКСАНДР ИЛЬИЧ ЛИЗЮКОВ В ИСТОРИИ БИТВЫ ПОД МОСКВОЙ

Статья посвящена деятельности участника Великой Отечественной войны, в том числе и Московской битвы, Героя Советского Союза – Александра Ильича Лизюкова. Рассматривается деятельность Александра Лизюкова в начале Великой Отечественной войны – в боях под Борисовом, на участке Соловьево-Ратчино, в ходе Сумско-Харьковской оборонительной операции, показаны его действия в деле защиты Москвы в трудные дни обороны в октябре-ноябре 1941 года, освещается его вклад в победу в битве под Москвой в результате советского контрнаступления в декабре 1941 года.

Ключевые слова: Александр Лизюков; Андрей Власов; Москва; Наро-Фоминск; Красная Поляна; Солнечногорск; Волоколамск

Ryabtsev D. V.

IIIrd Year Student (Bachelor's Program)
Gomel State University named after Francysk Skaryna
(Gomel, the Republic of Belarus)
leninoktoubert17@gmail.com

Academic Advisor:

Veremeev S. F.

PhD (History), Associate Professor
Gomel State University named after Francysk Skaryna
(Gomel, the Republic of Belarus)

ALEXANDER ILYICH LIZYUKOV IN THE HISTORY OF THE BATTLE OF MOSCOW

The article is devoted to the activities of the participant of the Great Patriotic War, including the Battle of Moscow, Hero of the Soviet Union Alexander Ilyich Lizyukov. It examines the activities of Alexander Lizyukov at the beginning of the Great Patriotic War – in the battles near

Borisov, on the Solovyovo-Ratchino section, during the Sumy-Kharkiv defensive operation, shows his actions in the defense of Moscow during the difficult days of defense in October-November 1941, highlights his contribution to the victory in the Battle of Moscow as a result of the Soviet counter-offensives in December 1941.

Keywords: Alexander Lizyukov; Andrey Vlasov; Moscow; Naro-Fominsk; Krasnaya Polyana; Solnechnogorsk; Volokolamsk

24 июня 1941 года полковник Александр Лизюков был назначен заместителем командира 17-го мехкорпуса и вместе со своим сыном Юрием выехал из Москвы в расположение корпуса в Барановичи. Однако туда он так и не смог добраться. 26 июня, будучи в Борисове, Александр Ильич поступил в распоряжение начальника гарнизона И. З. Сусайкова и возглавил штаб обороны города. Свой первый бой с противником он принял под Борисовом, где сформированная им боеспособная часть почти две недели удерживала переправу до выхода основных сил из окружения. За умелое руководство боевыми действиями в районе Борисова, а также за личный героизм Александр Лизюков был представлен к ордену Красного Знамени. 5 августа 1941 года отдельным Указом Президиума Верховного Совета ему присвоили звание Героя Советского Союза. Боевой путь Александра Лизюкова пролегал через Соловьёвскую переправу близ Смоленска. Под непрерывным артиллерийским и авиационным огнем противника Александр Ильич удерживал участок фронта Соловьёво-Ратчино, тем самым отражая попытки гитлеровцев сомкнуть кольцо окружения войск, сражавшихся под Смоленском. С конца августа по конец ноября 1941 года Александру Ильичу Лизюкову передано командование 1-й Московской мотострелковой дивизией. Данное соединение держало оборону на р. Вопь. В сентябре 1941 года дивизия сумела отеснить немцев с восточного берега реки, форсировать водную преграду и закрепиться на плацдарме, который удерживала почти целый месяц. За этот подвиг дивизия была преобразована Ставкой в 1-ю гвардейскую. В ходе Сумско-Харьковской оборонительной операции в сентябре–октябре 1941 года 1-я гвардейская дивизия прибыла из резерва Ставки в состав 40-й армии Юго-Западного фронта. Уже 30 сентября 1941 года

дивизия Александра Ильича Лизюкова отличилась в бою с 25-й немецкой дивизией в Штеповке, части которой были контратакованы и вскоре разбиты. Развивая успех, дивизия выбила немцев из Аполонки. Затем было участие в обороне Сум и передислокация под Москву. Как известно, 30 сентября 1941 года началась Московская битва [Коноваленко, 2015, с. 161–164].

Прорывы немцев к Орлу и новые угрозы на московском направлении вынудили советское командование в октябре 1941 года перебросить дивизию Александра Лизюкова к Москве, под Наро-Фоминск. Дивизия получила поспешный приказ о наступлении, в целом бои за Наро-Фоминск в октябре-ноябре 1941 года были невероятно тяжелыми и кровопролитными. В ходе многодневных боев Наро-Фоминск не раз занимали то немецкие, то советские войска, но от первых он всё-таки очищен не был, однако сложившаяся линия обороны стала непреодолимой для немцев. Так, продвинуться на наро-фоминском направлении к столице они не смогли.

Между тем с севера враг все ближе подходил к Москве. В ноябре 1941 года А. И. Лизюков был отозван из дивизии и возглавил Северную группу войск обороны столицы. Спустя пару дней группу Александра Лизюкова преобразовали в 20-ю армию 2-го формирования. Командующим армией назначили генерал-майора Андрея Андреевича Власова, который пользовался особым расположением военного начальства. Для Власова было сделано странное исключение. Он, находясь на лечении в госпитале, получил под свое начало армию, выдвинутую в расположение Западного фронта из Московской зоны обороны, чтобы закрыть северное направление на подступах к столице. Полковника Александра Ильича Лизюкова назначили заместителем командарма 20-й армии, и фактически именно он руководил боевыми действиями войск. Тем временем противник всеми силами стремился удержать за собой Красную Поляну в 30 километрах от Кремля. Александр Ильич в те дни останавливал немцев и не искал убежища вдалеке от линии фронта, а вместе с солдатами сражался за каждый сантиметр советской земли, освобождая ее от немецких захватчиков [Афанасьев, 2018, с. 34–38]. По свидетельствам Г. К. Жукова: «...первая постановка задач 30 ноября предусматривала очень короткие

задачи контрударного порядка... Почему была введена в дело 20-я армия? Красная Поляна – это 22 километра от Москвы. У нас на этом участке получилась “дырка”. И только группа Лизюкова была оперативно выведена, заткнули эту “дырку”. Туда же по приказу Сталина выехал Булганин» [Жуков, 1988, с. 93–94]. И Александр Ильич выполнил приказ, он лично возглавил наступление 1106-го полка 331-й стрелковой дивизии, в результате которого 8 декабря 1941 года была освобождена Красная Поляна, что обезопасило столицу. Однако Александр Лизюков, не задержавшись в Красной Поляне, пошел дальше, преследуя немцев. С Красной Поляны все дивизии свернули в колонну, части вышли на Ленинградское шоссе и наступали до самого Солнечногорска, где армия повернула на юго-запад в направлении на Волоколамское шоссе.

Разновременные удары, начатые А. Лизюковым, сомкнулись после Красной Поляны, после чего переросли в широкое контрнаступление. 12 декабря 1941 года под командованием Александра Лизюкова был освобожден Солнечногорск, 20 декабря под его же руководством был освобожден Волоколамск [Афанасьев, 2018, с. 39–41]. Об этом свидетельствует корреспонденция военкором «Известий» Е. Кригера и Е. Петрова «Конец Волоколамского направления» от 21 декабря 1941 года. Они беседовали именно с полковником Александром Лизюковым, руководившим операцией, а не с Власовым (Кригер Е., Петров Е. «Конец Волоколамского направления». Известия, 1941. 21 декабря). Но именно тогда, 21 декабря 1941 года, Власов появился на командном пункте собственной армии под Волоколамском. Александр Лизюков же был вызван к И. Сталину, который объявил о назначении его командующим вторым гвардейским стрелковым корпусом. В последующем 2-й гвардейский стрелковый корпус А. И. Лизюкова в составе Северо-Западного фронта принимал участие в окружении вражеской группировки под Демянском. 10 января 1942 года Александру Лизюкову присвоили звание генерал-майора, однако его наградной лист до Сталина не дошел. Военный совет Западного фронта не поддержал ходатайство, зато А. Власова представил к ордену Красного Знамени. Андрей Власов же, не причастный к этим заслугам, охотно присвоил плоды чужих побед. В феврале 1942 года в печать

вышла статья А. Власова «Борьба за солнечногорский плацдарм», в которой автор поведал о боях за Красную Поляну и деревни Катюшки и Горки, об обходном маневре, замкнувшем кольцо вокруг Солнечногорска, о «днях большого перелома» [Афанасьев, 2018, с. 43–46]. Не было сказано ни единого слова о А. И. Лизюкове. При этом А. А. Власов получил эти лавры незаслуженно, так как он «не участвовал в развёртывании армии, не подписывал оперативных документов, и, несмотря на это, основная слава победителя тогда досталась не Сандалову – начальнику штаба 20-й армии, а Власову. Александру Лизюкову тогда не досталось вообще ничего». Но, несмотря на все это, действия Александра Ильича, его вклад в дело спасения Москвы были очевидны (Пальчиков П. А. «Два лика генерала Власова», Москва. 2007. № 7).

Таким образом, успех в битве за Москву во многом был обеспечен благодаря деятельности Александра Лизюкова, который внёс большой вклад в дело Московской победы. Победы, приведшей к коренному перелому во Второй мировой войне, перелому в настроении граждан Советского Союза, укрепив их моральный дух и веру в победу над немецко-фашистскими захватчиками. Уже в наше время, 15 февраля 2018 года, Президент Российской Федерации В. В. Путин подписал Указ № 72 «О награждении орденом Жукова Лизюкова А. И.». Так Александр Ильич был удостоен столь высокой полководческой награды современной России, что явилось восстановлением исторической справедливости в его отношении и полным признанием существенного вклада в организацию стратегических операций Великой Отечественной войны в 1941–1942 годах, в победу в битве под Москвой.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Афанасьев И. Н.* Судьба командарма Лизюкова: версии, мифы и правда. М. : Вече, 2018.
- Жуков Г. К.* Из неопубликованных воспоминаний. Коммунист, 1988. № 14. С. 87–101.
- Коноваленко А. В.* Герои Победы. Гомель : Вечерний Гомель-Медиа, 2015.

УДК: 338.48

Седнева А. В.

студент II курса (бакалавриат)

Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Россия)

alina2002butterfly@gmail.com

Научный руководитель:

Ромашкина О. П.

Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Россия)

РАЗВИТИЕ ТУРИЗМА И ГОСТИНИЧНОГО БИЗНЕСА РОССИИ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОГО РЕЖИМА

В статье рассматривается влияние санкционного режима на развитие туризма и гостиничного бизнеса России. В этом году Россия переживает тяжелое время, страна столкнулась с множеством санкций, гостиничный бизнес вновь потерял большое количество туристов. Туризм нуждается в государственной поддержке. В сегодняшних условиях ему не стоит замирать в ожидании прояснения ситуации, нужно шаг за шагом осуществлять запланированные мероприятия, адаптироваться к новой среде. Только так у сферы гостеприимства есть шанс стать сильной частью экономики, а не слабым звеном.

Ключевые слова: туризм; гостиничный бизнес; турпоток; развитие; санкции; статистика

Sedneva A. V.

IInd Year Student (Bachelor's Program)

Moscow State Linguistic University
(Moscow, Russia)

alina2002butterfly@gmail.com

Academic Advisor:

Romashkina O. P.

Moscow State Linguistic University
(Moscow, Russia)

DEVELOPMENT OF THE TOURIST AND HOTEL INDUSTRY DURING SANCTIONS REGIME

The article examines the impact of the sanctions regime on the development of tourism and hotel business in Russia. This year Russia is going through a difficult time, the country has faced a lot of sanctions, the hotel business has again lost a large number of tourists. Tourism needs government support. In today's conditions, he should not freeze

in anticipation of clarification of the situation, it is necessary to carry out planned activities step by step, adapt to the new environment. This is the only way the hospitality industry has a chance to become a strong part of the economy, not a weak link.

Keywords: tourism; hotel business; tourist flow; development; sanctions; statistics

В этом году наша страна снова переживает довольно тяжелое время. Просуществовав два года в ограничениях коронавируса, гостиничный бизнес адаптировался к новой среде, и казалось, что самое страшное позади. Экономика и статистика сферы стали понемногу возрождаться. К сожалению, 2022 год показал, что это не так. Теперь Россия столкнулась с множеством санкций против нее, что осложнило многие сферы нашей жизни. Гостиничный бизнес вновь потерял большое количество туристов, забронировавших поездки на близкую и долгосрочную перспективы. Если раньше все переживали за свое здоровье, то теперь на первом месте вопрос бюджета: он просто исчезает на глазах. То, что люди недавно считали хорошими сбережениями, превращается в небольшую их часть. Поездки и особенно вылеты за границу сейчас не могут быть осуществлены, из-за чего многие потеряли деньги. Гостиничной сфере в очередной раз необходимо собрать все силы и извлечь максимум пользы из ситуации. Далее представлена информация, прогнозы и статистические данные туристического потока, ситуации в гостиничном бизнесе на первый квартал 2022 года.

Стоит начать с туристов – силы, движущей или тормозящей развитие гостиничной сферы. Туристам Ростуризм рекомендует воздержаться от поездок в страны, которые ввели против России санкции. Обусловлено это отказом международных авиалиний сотрудничать с Россией, что в разы увеличит стоимость поездки. Кроме того, стоит помнить и об отношении многих иностранцев к российским гражданам из-за ситуации на Украине.

Для туристов, оставшихся за рубежом на момент отмены авиаперелетов, государство активно ведет переговоры с министерствами

иностранных государств и ищет доступные по цене и комфортности пути выезда. Организованные туристы покидают страны на чартерных перелетах, вопросы самостоятельных путешественников решаются в индивидуальном порядке МИДом и Ростуризмом. В условиях восстановления экономики после экономического кризиса на одно из самых важных мест выходят проблемы, связанные с оптимизацией логистики транспортных перевозок в туризме [Ромашкина, 2018].

В 2022 году, по последним данным, еще большее количество туристов стало относиться к путешествиям с опаской. Если при коронавирусе в 2021 году не планировали отправиться в путешествие только 16 % опрошенных, то в 2022 году это уже 32 %, т. е. в два раза больше людей. Основная причина отказа – нехватка денег. Еще 30 % опрошенных также заявили об «общей политической напряженности в мире» – такого показателя раньше просто не было. 13 % волнует закрытие аэропортов и отмена рейсов. Скорее всего обозначенная динамика будет только возрастать, особенно в условиях продолжающегося конфликта и экономической нестабильности, вызванной санкциями.

Несмотря на то, что планирование путешествий за границу резко снизилось, исследователи также не заметили роста интереса к поездкам по России. Здесь тоже скорее стоит ожидать снижения спроса. Если в 2021 году в путешествие по России хотели отправиться 69 % опрошенных, то в этом – уже 58 %.

Если брать статистику по видам путешествий, то видно, что снизился запрос на пляжный отдых (58 % респондентов в этом году против 70 % в прошлом). Однако пляжный туризм по-прежнему остается самым востребованным у наших туристов, только выбор морей в условиях закрытия границ сильно сократился. Отправиться в экскурсионные туры также готова достаточно большая доля опрошенных: 46 %.

Все же это выглядит очень неплохо по сравнению с событийным туризмом – здесь падение в три раза. Поездки на фестивали, национальные праздники и спортивные мероприятия для многих людей стали казаться откровенно ненужными тратами.

В дополнение наблюдается существенное падение интереса к горнолыжному и медицинскому туризму, экстремальным видам отдыха, совмещению отдыха с удаленной работой и поездкам с целью обучения.

Несмотря на то, что внешнеполитическая ситуация по масштабу распространения практически полностью заменила собой ковид, не все туристы чувствуют себя в безопасности в плане здоровья и защиты от вируса. 28 % опрошенных по-прежнему готовы отказаться от поездки из-за страха заболеть в путешествии (но в прошлом году их было 42 %), а 11 % не готовы проходить карантин или получать соответствующие документы (в прошлом году таких было 29 %).

С другой стороны, количество тех, кто считает, что все ограничения для путешествий нужно снять, выросло, – теперь их 33 % против 26 % в прошлом году (<https://www.atorus.ru/news/press-centre/new/59207.html>).

Кроме того, на количество турпотока негативно повлияют цены на проживание и туры, повышение которых прогнозируется на 10–30 %. Отели предполагают повышение цен на услуги из-за роста стоимости продовольствия и материалов для содержания отелей в рабочем состоянии (<https://tourism.interfax.ru/ru/news/articles/86083/>). Также немаловажный фактор – спрос, чем больше он будет расти вместе с инфляцией, тем выше поднимутся цены, поэтому большой поток туристов сейчас тоже вреден для отрасли. Таким образом, отсутствие туристов отнимет у отелей большую часть прибыли, но хорошая новость в том, что и принимать их всех сейчас гостиничной сфере невыгодно.

В этих условиях гостиничная сфера как никогда раньше нуждается в государственной поддержке, чтобы поднять туристический дух на путешествия, привлечь гостей интересными и по стоимости, и по программе поездками. Стоит отметить, что Ростуризм действительно стремится создать благоприятные условия развития гостиничной сферы, а правительство активно поддерживает многие предложения по улучшению туризма. Таким, образом, были внедрены внеочередные программы, а также запланированные проекты не были приостановлены, но, наоборот, активно продвигаются.

Среди произведенных мер можно представить следующее: хотя прошлый этап туристического кэшбека был завершен досрочно в связи с преждевременным израсходованием средств из бюджета, в нынешних условиях внедрен дополнительный внеочередной период для всех туристов по прежним выгодным условиям. Продажа туристических путевок по России с кэшбеком началась 15 марта и продлится до 1 мая. В поездку можно отправиться со старта продаж и до 1 июля 2022 года.

Купить путевку можно в любые регионы России. Время путешествия должно быть две или более ночей. Оплата производится картами платежной системы «Мир», а объем кэшбека составляет 20 % от стоимости поездки, но не может превышать 20 000 рублей. Число путевок на одного человека в рамках программы не ограничено.

Также заместитель Председателя Правительства Дмитрий Чернышенко 9 марта сообщил, что правительство поддержало введение нулевой ставки НДС для владельцев туристических объектов. При этом владельцы действующих гостиниц смогут пользоваться ей пять лет, до 30 июня 2027 года, а для гостиниц, находящихся в процессе стройки или реконструкции, ставка будет действовать пять лет с момента ввода гостиничного объекта в эксплуатацию. Эта мера будет стоить государству 16–19 миллиардов долларов, но это решение, наряду с мерами нацпроекта по туризму, позволит сделать отрасль более конкурентоспособной, привлечь новых инвесторов и решить одну из ключевых проблем российского туризма – острый дефицит современных качественных отелей.

Как уже упоминалось, продолжается проведение запланированных ранее и не только проектов развития внутреннего туризма, например:

1. Второй этап программы кэшбека для детского туризма. Родители смогут отправить своих детей в лагеря, а позже вернуть до 50 % средств кэшбеком, но не более 20 000 рублей. Прошлая пилотная программа пришлась людям по душе: 420 тысяч детей отдохнули в лагерях по этой программе;

2. Постановлением от 30 декабря 2021 года №2577 запущена программа повышения популяризации и доступности туризма среди школьников (18 регионам выделены субсидии для путешествий школьников по родному краю, организации интересных экскурсий и проживания в комфортных условиях) (<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202201030002>);
3. Постановлением от 30 декабря 2021 года №2581 наиболее качественные и привлекательные проекты историко-культурных экскурсий по городу, предоставившему проект, получают субсидии для его реализации (от 250 тысяч рублей). Планируется осуществление таких проектов в 52 городах (<http://government.ru/news/44306/>);
4. С 24 декабря 2021 постановлением №2439 утверждена государственная программа «Развитие туризма», действующая на основе нацпроекта «Туризм и индустрия гостеприимства». В рамках этой программы инвесторы получают льготы на строительство отелей и смогут заручиться поддержкой при строительстве от Министерства строительства России и корпорации «Туризм.РФ». Программа проводится до 2030 года и в общем количестве на нее выделено 724 млрд рублей (<http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112310040>).

В заключение необходимо отметить, что Российский туризм и гостиничный бизнес еще со времен пандемии взяли курс на повышение качества и увеличение привлекательности внутреннего туризма для россиян, и даже сейчас они продолжают двигаться в этом направлении, хотя перспективы для туризма не многообещающие. С первого же дня военных операций были закрыты 11 аэропортов на Юге страны. Сначала до 2 марта, затем – до 8 марта. Теперь есть те, что закрыты до апреля и мая. С логистическими сложностями столкнулись огромные курортные регионы – Краснодарский край, Крым – и десятки тысяч туристов. Бронирование пакетных туров по России сразу упало в два раза – сообщила в конце февраля Ассоциация туроператоров России (АТОР). Основное падение пришлось на мартовские и апрельские туры, но летние месяцы также затронуты.

Главное, что можно сейчас сделать, не паниковать ни в жизни, ни в труде, выполнять начатое по проработанному плану и делать необходимые поправки в пути. То, что произошло, изменить никто не в силах, поэтому нужно активно искать возможности преодоления проблем и не стоять на месте. В этом заключается наше спасение и успех.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Ромашкина О. П. Признаки устойчивого развития международного туризма как социально-экономической системы. Евразийское Научное Объединение. 2018. № 3-3 (37). С. 173–176.

УДК: 94:69.05:621.311.254:621.039.586(476.2)

Солодкин А. О.

студент (бакалавриат)

Гомельский государственный университет

имени Франциска Скорины

(Гомель, Республика Беларусь)

lesh711@mail.ru

Научный руководитель:

Веремеев С. Ф.

кандидат исторических наук, доцент

Гомельский государственный университет

имени Франциска Скорины

(Гомель, Республика Беларусь)

ЧАЭС: ШТРИХИ СТРОИТЕЛЬСТВА

26 апреля – трагический день в истории мирного атома. В этот день произошло событие на Чернобыльской АЭС им. В. И. Ленина, которое изменило судьбы многих людей. Важной составляющей при изучении событий, которые связаны с катастрофой на ЧАЭС в 1986 году, является рассмотрение аспекта строительства, штрихи которого автор и характеризует в настоящей статье.

Ключевые слова: строительство; докладная записка; реактор; ошибки; требования безопасности

Solodkin A. O.

Student (Bachelor's Program)

Francisk Skorina Gomel State University

(Gomel, the Republic of Belarus)

lesh711@mail.ru

Academic Advisor:

Veremeev S. F.

PhD (History), Associate professor

Francisk Skorina Gomel State University

(Gomel, the Republic of Belarus)

CHERNOBYL NUCLEAR POWER PLANT: CONSTRUCTION TOUCHES

April 26 is a tragic day in the history of the peaceful atom. On this day, an event occurred at the Chernobyl Nuclear power plant named after V. I. Lenin, which changed the fate of many people. An important

component in the study of events related to the Chernobyl disaster in 1986 is the consideration of the construction aspect, the strokes of which the author characterizes in the article.

Keywords: construction; memorandum; reactor; errors; safety requirements

26 апреля – трагический день в истории мирного атома. В этот день произошло событие на Чернобыльской АЭС им. В. И. Ленина, которое изменило судьбы многих людей.

По нашему мнению, необходимо понимать, что АЭС – сложное техническое сооружение, где нет места просчётам, пренебрежению проектными документами. Изучая разнообразные источники, можно заметить, что при строительстве ЧАЭС им. В. И. Ленина как раз таки и допускалось множество разного рода нарушений, а также наблюдалось полное пренебрежение качеством выполняемых работ. Это подтверждает достаточное количество документов. Например, в письме на имя первого секретаря Киевского обкома коммунистической партии Украинской ССР В. М. Цыбулько от 2 апреля 1973 года говорится об отступлении от утверждённых норм при сооружении ЧАЭС: «В начале 1973 года при производстве арматурных работ в приемке дренажных вод № 4 (главный корпус АЭС) было допущено расхождение между установленной арматурой и проектируемой, что влечёт за собой уменьшения прочности конструкции. При этом на исполнительной схеме были внесены изменения, отражающие ложное положение выпусков арматуры» (<https://vdocuments.site/-588648611a28ab32768b5b29.html>). Таким образом, можно уверенно констатировать, что происходило не только отступление от проектной документации, но и, к сожалению, подтасовка её под нужные рамки строительства. В иной докладной записке от 19 декабря 1978 года начальнику управления Комитета государственной безопасности Украинской ССР по городу Киеву и Киевской области товарищу генерал-майору Н. К. Вакуленко сообщалось следующее: «Имеют место факты, когда отдельные руководители сознательно идут на грубейшие нарушения технологических норм ведения строительства, думая только о том, как быстрее сдать

объекты, не заботясь о его будущем и возможных трагических последствиях» (<https://fishki.net/2024088-rassekrechennye-dokumenty-kgb-po-chernobylyu.html/gallery3606251/>).

Подтверждений халатного отношения к строительству такого сложного объекта, к сожалению, множество. Так или иначе, к концу 1983 года было завершено строительство четырёх энергоблоков. В таком случае нужно обратиться к имеющимся источникам, которые характеризовали бы процесс эксплуатации ЧАЭС до непосредственной трагедии. К счастью, такие источники также имеются. Например, докладная записка на имя начальника Управления Комитета государственной безопасности Украинской ССР по городу Киеву и Киевской области товарищу генерал-майору М. З. Бандуристу от 1 марта 1984 года гласит: «... стало известно о том, что на отметках по высоте 35.5, 39.0, 43.0 метра 3-го энергоблока Чернобыльской АЭС происходит разрушение несущих и ограждающих конструкций (стеновых панелей) помещений реакторного отделения, а именно трещины в плитах перекрытий, смещение ригелей и плит перекрытий, смещение навесных железобетонных и керамзитовых панелей... Для сведения сообщаем, что аналогичная ситуация складывается и на 4-ом энергоблоке ЧАЭС» (<https://fishki.net/2024088-rassekrechennye-dokumenty-kgb-po-chernobylyu.html/gallery-3606258/>).

Довольно своеобразная ситуация складывалась и вокруг реактора типа РБМК-1000, который, к слову, был установлен на ЧАЭС. Пока одни заявляли на публику о его полной безопасности (например, Н. М. Синев), другие во всю трубили о его ненадёжности, что, конечно, тщательно засекречивалось. Можно ли найти соответствующие источники, подтверждающие данное утверждение? Да, безусловно. Например, докладная записка начальнику Припятского ГО УКГБ Украинской ССР по городу Киеву и Киевской области подполковнику Ю. В. Николаеву от 14.08.1984, где сообщалось о неполноценной выносливости реакторов типа РБМК-1000, используемых на ЧАЭС: «По данным УКГБ СССР по городу Москве и Московской области, в процессе оперативного обслуживания организаций и учреждений, связанных с разработкой и эксплуатацией атомных электростанций в нашей стране, получена информация о недостаточной надёжности

применяемых на Чернобыльской АЭС реакторов типа РБМК-1000» (<https://fishki.net/2024088-rassekrechennye-dokumenty-kgb-po-chernobylyu.html/gallery-3606260/>). Впоследствии после трагической аварии заместитель первого инженера ЧАЭС А. С. Дятлов всячески подчёркивал и указывал на то, что виноват не эксплуатационный персонал станции, а непосредственно реактор, который не отвечал требованиям безопасности. Эти требования были нарушены как во время строительства, так и в самом конструкторском бюро, где проектировался и разрабатывался РБМК-1000. Анатолий Степанович отмечал то, что, независимо от действий персонала, «Катастрофа была бы неизбежна!» [Дятлов, 2003, с. 37].

Да, быть может, Дятлов всячески пытался оправдать себя и работающий персонал ЧАЭС в ту злополучную ночь, но как быть с тем множеством источников, которые дают четкое понимание как о конструктивных недостатках самого реактора, так и об ошибках, которые допускались при строительстве ЧАЭС? К сожалению, все эти стечения неблагоприятных обстоятельств явились предпосылками той катастрофы, которая произошла 26 апреля.

Ещё один вопрос: может, имея достаточно информации, бросающей тень на ЧАЭС, стоило отказаться от злополучного эксперимента, который всё-таки решено было провести в ночь с двадцать пятого на двадцать шестое апреля 1986 года? При этом нужно отчётливо понимать такой факт, что советской научной общественности, которая была так или иначе связана с реакторными установками РБМК-1000 до аварии на Чернобыльской АЭС, было известно о целом ряде конструктивных недостатков этого типа реактора. Например, проектировщики этой реакторной установки, к сожалению, абсолютно не предусмотрели создание таких систем безопасности, которые бы полностью блокировали возможность неконтролируемого роста потока нейтронов [Возняк, 1989, с. 14]. В общем, как видим, проблемные точки данного типа реактора очевидны. Отметим, что проведение подобного рода экспериментов предлагалось многим АЭС СССР, но из-за небезопасности все отказывались его проводить, однако Руководство ЧАЭС имени В. И. Ленина почему-то согласилось [Медведев, 2020, с. 47–48]. Возникает закономерный вопрос, почему? Жажда стреми-

тельного карьерного роста? Боязнь наказания в случае отказа? К сожалению, с позиций сегодняшнего дня ответить однозначно не представляется возможности.

Таким образом, проанализировав некоторые аспекты строительства, можно сделать вывод о том, что ЧАЭС строилась с многочисленными ошибками, пренебрежением, что, конечно, могло явиться одной из предпосылок крупнейшей техногенной катастрофы XX века. Жаль, но после аварии продолжали нестись на публику хвалебные оды в честь атомной энергетики и тому, как всё устроено на высоком уровне. Например, 7 мая 1986 году газета с громким названием «Правда» поместила отчёт с пресс-конференции, которая состоялась в МИД СССР. Выступая там, один из заместителей Председателя Совета Министров Советского Союза, а также Председатель Правительственной комиссии по ликвидации аварии на Чернобыльской АЭС товарищ Б. Е. Щербина отмечал прописные истины, распространяющиеся в СССР: «Научно-технический уровень работ, связанных с атомной энергетикой в Советском Союзе, проекты атомных электростанций, ядерных реакторов находятся на очень хорошем техническом уровне» [Возняк 1989, с. 14].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Возняк В. Я.* Чернобыль: события и уроки. Вопросы и ответы. М. : Политиздат, 1989.
- Дятлов А. С.* Чернобыль. Как это было. М. : Научтехлитиздат, 2003..
- Медведев Г. У.* Чернобыльская тетрадь. Документальное расследование. СПб. : Питер, 2020.

УДК: 29

Тихонова Е. С.

студент IV курса (бакалавриат)

Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Россия)

estihonova06@gmail.com

Научный руководитель:

Сидорова Г. М.

доктор политических наук, кандидат исторических наук, доцент

Московский государственный лингвистический университет
(Москва, Россия)

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ИДЕИ МУСУЛЬМАНСКОЙ РЕЛИГИОЗНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НА ПРИМЕРЕ «ИСЛАМСКОГО ГОСУДАРСТВА»¹

В статье рассматривается возрождение и становление такой террористической организации, как «Исламское Государство», а также осознание его религиозной принадлежности. «Исламское Государство» стремилось изменить роль общественной религии в современном светском пространстве, провозгласив оспаривание всех форм отступничества и пересмотр концептуальных формулировок веры и неверия в исламе.

Ключевые слова: Исламское Государство Ирака и Леванта (ИГИЛ); радикализация ислама; салафизм; суннизм; религиозная идентичность; джихадисты

Tihonova E. S.

IVth Year Student (Bachelor's Program)

Moscow State Linguistic University
(Moscow, Russia)

estihonova06@gmail.com

Academic Advisor:

Sidorova G. M.

Doctor of Political Sciences (Dr. habil), PhD (History), Associate Professor

Moscow State Linguistic University
(Moscow, Russia)

USING THE IDEA OF MUSLIM RELIGIOUS IDENTITY ON THE EXAMPLE OF THE ISLAMIC STATE

The article deals with the revival and formation of such a terrorist organization as the Islamic State, as well as the awareness of its religious

¹ Исламское Государство – запрещенная в России международная исламистская террористическая организация.

affiliation. The Islamic State sought to reshape the role of public religion in the modern secular space by proclaiming a challenge to all forms of apostasy and a rethinking of the conceptual formulations of belief and disbelief in Islam.

Keywords: Islamic State of Iraq and the Levant (ISIS); radicalization of Islam; Salafism; Sunnism; religious identity; jihadists

Перенос западных ценностей и образа жизни на страны исламского мира как следствие глобализации приводит к возникновению защитных движений, целью которых является сохранение традиционного общества. Так, в течение нескольких лет в странах мусульманского мира бурно развивается процесс политизации ислама. По сути своей это является инструментом осуществления политических целей и задач при помощи религии, то есть происходит процесс интеграции религии в политическую сферу.

Ислам больше других мировых религий подвержен политизации, так как данное явление носит исторический характер. Для мусульман их религия с самого начала была универсальной и всеобъемлющей системой, которая охватывает каждый аспект общественной жизни: от нравственного и правового до экономического и политического. То есть в исламе всё мирское и священное существует в неразрывном единстве, а любая угроза привычному образу жизни мусульманских народов или ущемление национальности воспринимается как покушение на их веру [Кирина, 2011].

Однако негативным вытекающим из данного феномена политизации является его крайняя форма – радикализация ислама, или по-другому – исламизм. Исламизм оказывает серьезное влияние на межэтнические, политические, экономические и социальные процессы в странах. Таким образом религиозный фактор превращается в реальную силу, которая может использоваться в качестве политического инструмента для решения конкретных проблем. А исламизм со временем может породить такое явление, как терроризм [Димаева, 2003].

Так, во время «арабской весны» 2010–2011 годов в результате серии вооруженных митингов и демонстраций многие политические режимы пали, а остальные значительно ослабли. Следствием данных событий стал рост численности религиозных организаций, вступающих в политическую конфронтацию. Салафитские организации, которые являются одними из самых радикальных в исламе, активно боролись за власть в этот период. Стоит отметить, что салафиты – экстремистская часть суннитского ислама [Бобохонов, 2017].

В результате этих событий в 2013 году на территории Сирии и Ирака зарождается Исламское государство Ирака и Леванта. 29 июня 2014 года ИГИЛ объявил себя «всемирным халифатом» со столицей в сирийском городе Ракка. С начала создания данная организация контролировала северо-восточные территории Сирии, а также участвовала в боевых действиях в Пакистане, Ливии, Афганистане, Египте, Йемене и некоторых других странах.

Корни ИГИЛ уходят в 2004 год, в то время, когда была образована другая террористическая организация, известная как Аль-Каида в Ираке, или «Джамаат ат-Таухид валь- Джихад». Начавшееся в 2003 году американское вторжение в Ирак с целью свержения диктатуры Саддама Хусейна побудило радикальных исламистов создать организацию, целью которой являлось устранение западной оккупации и в последующем установление суннитского исламистского режима. Таким образом к 2013 году образовалось Исламское Государство Ирака и Леванта, впоследствии переименованное в «Исламское Государство».

«Исламское Государство» представляет собой квазигосударство, которое занимает определенную территорию, имеет свои законы, собирает налоги, а также обладает армией. Главной целью его действий считается устранение границ, сформированных вследствие раздела Османской Империи в 1918–1922 годах, и построение суннитского исламского государства (Новый Халифат) для начала на территории Ирака и Леванта (Левант – страны восточной части Средиземного моря, включающие в себя Сирию, Израиль, Палестину, Турцию, Кипр, Ливан, Иорданию и часть Египта на Синайском полуострове), а затем на территории всего мусульманского мира.

В соответствии с законами ИГ, все мусульмане должны безоговорочно блюсти нормы шариата, а в случае непослушания неверные (в их число входят также мусульмане-шииты) подвергаются рабству или жестокому убийству. Кража или грабёж, например, карается ампутацией конечностей. Но самые строгие законы касаются женщин: всё их тело и лицо должно быть покрыто специальной мусульманской одеждой, а без сопровождения мужчины выходить из дома им запрещено.

Кроме того, важно рассмотреть источники финансирования ИГ. Организация получает доходы от грабежей, им платят налог (как правило, налог – это плата за отказ принять ислам суннитского толка), но самым главным источником доходов является продажа нефти и нефтепродуктов. Также боевиков ИГ финансируют некоторые Ближневосточные страны, спонсоры появляются из Саудовской Аравии, Катара и Кувейта, где поддерживают борьбу против режима Асада. Соответственно, «Исламское Государство» имеет вполне достаточно ресурсов для поддержания своего военного и политического потенциала.

ИГ считается одним из самых хорошо организованных международных джихадистских движений в плане административной эффективности. Его структура складывалась под воздействием законов шариата и современных потребностей, продиктованных временем. Что касается управления повседневной деятельностью, то организация заявляет о себе как о полномочном государстве.

На самом вершине власти находится халиф. Как представитель пророка Мухаммеда, он имеет абсолютную власть. Халиф является единственным лицом в ИГ, отвечающим за принятия решений, которые не подлежат пересмотру, в том числе в шариатском суде. У халифа есть заместители, они входят в «Совет шуры», курирующий все основные государственные вопросы, а также являющийся традиционной составляющей организационной структуры, унаследованной от прежних времен. Обычно Совет созывается для обсуждения текущих дел, принятия важных решений и выработки политики по вопросам повседневной жизни. Он даёт советы халифу по вопросам войны и мира, но они носят рекомендательный и консультативный характер.

«Духовный совет» обладает особым статусом в Совете шуры, учитывая теологические основы ИГ. Возглавляет его халиф, а состоит

он из шести членов. Одна из его основных функций – контроль за другими советами (чтобы они придерживались законов шариата), а другая – представление кандидатов на пост нового халифа в случае смерти нынешнего.

Совет «Ахль аль-Халль валь Акд» отражает концепцию исламской политической юриспруденции и идею современного парламента. В Совет может входить большое количество самых разных членов и сторонников из числа видных деятелей, таких как эмиры, руководители, политики и члены шуры. Они назначаются халифом и клянутся ему в верности. Является законотворческим органом ИГ.

«Шариатский совет» – одно из самых важных подразделений «Исламского государства». Этот орган выпускает руководства и послания, готовит выступления и заявления для халифа, предоставляет комментарии. В его состав входят два подразделения. Одно выступает в качестве судебной системы, осуществляя руководство шариатскими судами и контроль шариатской полиции, рассматривает тяжбы, выступает посредником в спорах и выносит наказания. На другое – Исламское управление общественной информации – возложена задача ведения проповеднической деятельности (дава) в районах, находящихся под контролем ИГ и за его пределами, пропаганды, контрпропаганды и работы с молодежью, вербовки, распространения и мониторинга СМИ. Его персонал состоит главным образом из граждан государств Залива и других стран.

«Военный совет» занимается всеми военными аспектами, включая стратегическое планирование, боевое управление, планирование атак, надзор и коррекцию операций военного командования, а также военно-техническое снабжение. В структуру Совета входят Генеральный штаб, руководство сил тылового снабжения, специальных командос, смертников, снайперов.

«Бейт аль-Маль» («Департамент финансов») функционирует как казначейство, аккумулирует средства из многочисленных и разнообразных источников финансирования, которые включают сети активистов, собирающих средства с индивидуальных предпринимателей и в мечетях, особенно в богатых странах Персидского залива и Европы, а также доходы от управления завоеванными землями и различных

взимаемых налогов. ИГ является самой богатой в истории джихадистских движений группировкой, превосходя даже «Аль-Каиду» и ее региональные филиалы.

Таким образом, система управления ИГ сформирована так, чтобы обеспечить взаимный контроль основных властных органов и сохранить баланс, при котором ни одна из структур не сможет приобрести слишком большое влияние и выйти из-под контроля «халифа» и его ближайшего окружения.

Появление «Исламского Государства» связано с естественным процессом распада привычных границ, конфессиональными конфликтами, вакуумом власти, возникшим после разрушения в результате американской оккупации Ирака, гражданской войны и иностранной интервенции в Сирии, а также изменениями, вызванными процессами так называемой «арабской весны», в частности – суннитского и шиитского «пробуждения», а также резким падением социально-экономического положения населения в связи с этим.

Важно понимать, что религиозный национализм возникает тогда, когда «религиозная и политическая идеологии переплетаются». Идеология, стоящая за «Исламским Государством», соответствует описанию религиозного национализма, поскольку религия служит основным мотиватором и объединителем националистической идентичности ИГ.

Религия часто становится существенным элементом во многих этнических или культурных националистических движениях, но в случае «Исламского Государства» религия служит трансцендентным и неотъемлемым компонентом социальной идентичности, которую разделяют его члены. Общая религия может сформировать связь между сообществом так же, как этническая принадлежность, культура или язык, но отличительной природой религии является идеологический элемент, который может служить основным мотиватором политических действий и активности [Kumar, 2018].

Там, где национализм обеспечивает общинную привязанность, религия обеспечивает идеологию, вокруг которой сообщество может сплотиться и объединиться на еще более глубоком уровне. «Исламское Государство» обеспечивает своим членам сильную религиозную

идентичность, которая напрямую связана с провозглашенными им националистическими целями создания халифата.

В эту религиозную национальную идентичность включена четкая роль в мире и, что более важно, роль в защите ислама и уничтожении его врагов. Именно этот фактор укрепляет убеждения последователей ИГ и в конечном итоге их общую идентичность.

Действия «Исламского Государства» представляли собой экзистенциальную угрозу для различных социальных и религиозных групп, населявших территории, которые принадлежали самопровозглашенному халифату. Однако его действия не являются бессмысленным насилием, иррациональностью или жестокостью. Всё это отражает часть салафитской концепции, указывающей на то, что ислам находится в экзистенциальной опасности, поэтому насилие в отношении меньшинств считается необходимым для защиты единобожия (таухид), борьбы с многобожием (ширк) и неверными (кафирами) [Mikami, 2017].

Таким образом, мы приходим к тому, что поиск принадлежности, значения и идентичности, по-видимому, имеет решающее значение и служит мотивацией для многих мусульман, разделяющих идеологию «Исламского Государства».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бобохонов Р. С.* Ислам и Запад: антизападные тенденции в развитии исламской цивилизации. М. : Научные технологии, 2017.
- Димаева Ф. В.* Ислам в современной Чечне: воздействие на социально-культурные и политические процессы: дис. ... канд. наук. М., 2003.
- Кирина Ю.* К разграничению понятий «Фундаментализм» и «Политический ислам» // Россия и мусульманский мир. 2011. № 7. С. 183–190.
- Kumar HM S.* Islam and the Question of Confessional Religious Identity: The Islamic State, Apostasy, and the Making of a Theology of Violence // Contemporary Review of the Middle East. 2018. Vol. 5. # 4. P. 327–348.
- Mikami N C.* ISIS and Religious Nationalism: Religious Nationalist Identity among Non-State Actors. Western Political Science Association, 2017.

РЕЗОЛЮЦИЯ III МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ»

14–16 апреля 2022 году в Московском государственном лингвистическом университете состоялась III Международная научно-практическая конференция «Диалог культур и цивилизаций». Организаторами конференции стали Институт гуманитарных и прикладных наук, Ассоциация образовательных организаций «Научно-образовательная теологическая ассоциация» (НОТА) и Институт всеобщей истории Российской Академии наук. Конференция объединила специалистов гуманитарной сферы и позволила обсудить широкий круг вопросов, связанных с проблемами развития современного общества и межкультурной коммуникацией.

В материалах участников Конференции были отражены исследования по следующим тематическим направлениям:

- ✓ Философский поиск оснований языка, культуры и социума;
- ✓ Культурная идентичность в современном мире: аналитические модели, способы конструирования и формы репрезентации;
- ✓ Психология и педагогика: методология, история, теория, практика;
- ✓ Историко-культурное наследие и современные документальные источники информации в России и зарубежных странах;
- ✓ Иностранный язык в сфере профессиональной коммуникации;
- ✓ Управление интеллектуальным потенциалом в организационных структурах цифровой экономики;
- ✓ Религиозная идентичность и теологический дискурс в контексте современности;
- ✓ Физическая безопасность и национальное здоровье.

В работе Конференции приняли участие:

- Кравченко Денис Борисович, депутат Государственной думы РФ, заместитель председателя комитета Государственной думы РФ по

экономической политике, руководитель российской национальной части Молодежного совета Шанхайской организации сотрудничества, член Экспертного совета при Правительстве РФ, член правления Общественного отраслевого объединения работодателей «Союз машиностроителей России»;

- Астафьева Ольга Николаевна, доктор философских наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, Лауреат премии Правительства РФ в области культуры, директор Научно-образовательного центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации;
- Садыхбеков Джамиль Рафикович, председатель Комиссии по информационной политике Совета по делам национальностей при Правительстве Москвы; проректор по международному сотрудничеству Международного Славянского института;
- Нерсисян Дмитрий Сергеевич, руководитель Комитета по международному образованию и партнерству Ассамблеи народов Евразии;
- Пшихачев Шафиг Ауесович, председатель Централизованной религиозной организации «Международная Исламская Миссия», Генеральный представитель Координационного Центра Мусульман Северного Кавказа в Москве, председатель Совета Фонда поддержки исламской культуры, науки и образования и другие видные общественные деятели, а также известные ученые.

Участники Конференции были едины во мнении о важности, своевременности и значимости обсуждаемых проблем: проблем межкультурного диалога, национальной идентичности, воспитания толерантности, образования, психологической неустойчивости и зависимости сознания современного человека, которые проявляются при использовании цифровых коммуникативных технологий и т. п.

Многими участниками Конференции был сделан акцент на ценностных ориентирах и перспективах совместного взаимодействия, которые должны быть сформированы и внедрены в повседневную жизнь в условиях пандемии. Актуальность данных позиций подчеркивается максимальным приоритетом решаемых задач для всего мирового сообщества.

В общей сложности в Конференции приняли участие ученые и исследователи из Москвы, Санкт-Петербурга, восьми регионов России, в частности из городов Ярославль, Астрахань, Казань (республика Татарстан), Курск, Тверь, Уфа (республика Башкортостан), Вологда, Сыктывкар (республика Коми), и из четырех стран Ближнего и Дальнего зарубежья (Франция, Китай, Турция, Белоруссия), выступили более 200 человек, в том числе более 45 обучающихся.

Основываясь на итогах научной дискуссии, участники конференции считают, что разработанная проблемно-ориентированная тематика Конференции позволила консолидировать усилия научного, образовательного сообщества, органов законодательной и исполнительной власти, национальных и международных организаций и привнести вклад в реализацию политики международного диалога и культурного сотрудничества.

Вместе с тем следует продолжить активизацию научной и методической работы по совершенствованию профессионально ориентированного лингвистического образования при подготовке специалистов в области реализации международных культурных проектов и программ, психологии обучения иностранным языкам, государственного и конфессионального регулирования межнациональных отношений.

Оргкомитет Конференции
16 апреля 2022 года, ФГБОУ ВО МГЛУ

Научное электронное издание

ДИАЛОГ КУЛЬТУР И ЦИВИЛИЗАЦИЙ

**III Международная научно-практическая
конференция**

14–16 апреля 2022 г.

Редактор В. А. Кострюкова

Компьютерная верстка: *М. А. Моисеева*

Дизайн обложки: *А. Г. Проскуряков*

Подписано в печать 12.12.2022
Усл. печ. л. 41,4. Формат 60×90 1/16.
Заказ 74/22

ФГБОУ ВО МГЛУ

Адрес редакции:
Москва, Остоженка, 38, стр. 1
Тел./факс (495) 245-33-23
E-mail: ipk-mglu@rambler.ru